

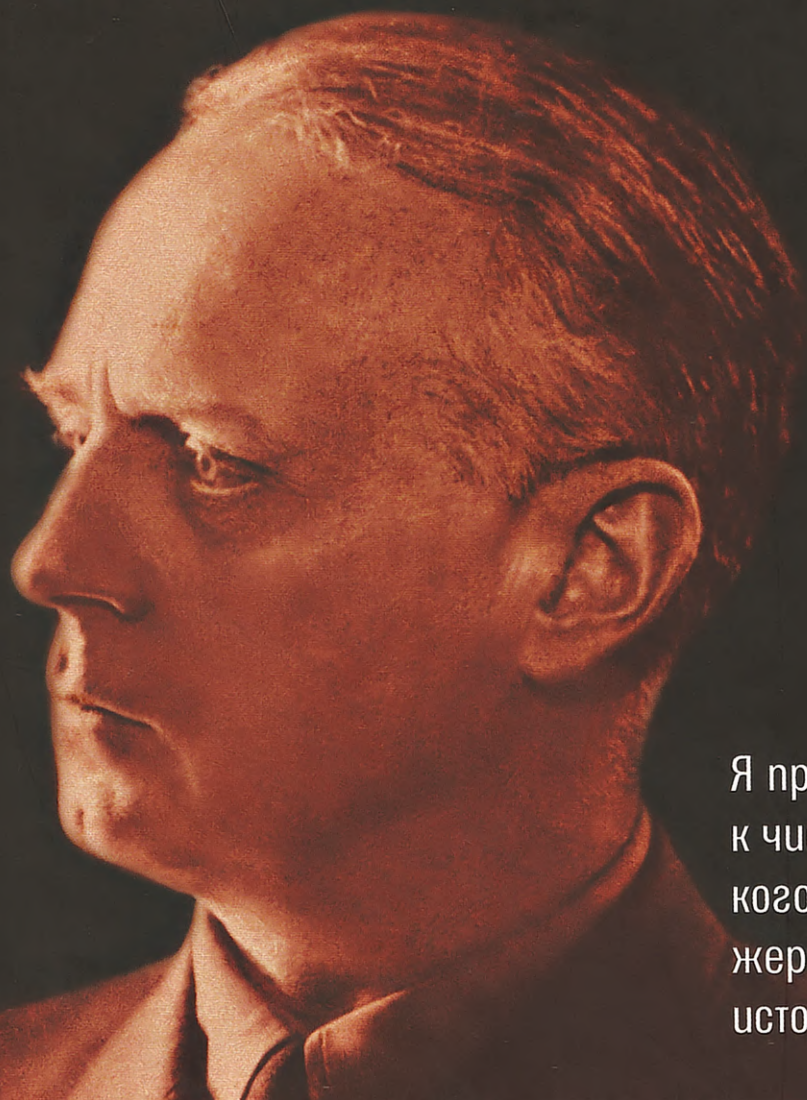

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

Василий Молодяков

РИББЕНТРОП

Упрямый советник фюрера

Я принадлежу
к числу тех,
кого размолоти
жернова
истории...

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

РИББЕНТРОП

Упрямый советник фюрера

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

З А Г А Д К И И С Т О Р И И

Василий Молодяков

РИББЕНТРОП

Упрямый советник фюрера

Молодяков В. Э.

Риббентроп. Упрямый советник фюрера.

Министр иностранных дел Третьего рейха Иоахим фон Риббентроп (1893--1946) оставил трагический след в мировой истории XX века. Его имя известно каждому, кто слышал о «пакте Молотова — Риббентропа» или Нюрнбергском процессе, но подлинной биографии этой яркой и неоднозначной личности нет до сих пор ни в одной стране мира. Этот пробел восполняет книга известного историка Василия Молодякова, за которой стоят многие годы напряженной работы. Энергичный и амбициозный юноша, отправившийся набираться жизненного опыта за океан, храбрый офицер, удачливый коммерсант, любящий муж и отец — и он же ближайший внешнеполитический советник нацистского фюрера, имевший собственное мнение и готовый отстаивать его; геополитик и сторонник евразийского «континентального блока», пытавшийся примирить Гитлера и Сталина в интересах обеих держав. Этот Риббентроп бесконечно далек от трафаретных и карикатурных образов, тиражируемых и поныне.

Об авторе

Василий Элинархович Молодяков (1968) — историк, политолог, литературовед. Доктор политических наук (МГУ), доктор философии (Токийский университет), кандидат исторических наук (МГУ). Работает в университете Такусёку (Токио). Автор шестнадцати монографий, составитель десяти книг. Опубликовал более двухсот статей в России, Японии, США и Германии. Член Международного совета Ассоциации исследователей российского общества. Член редколлегии поэтического альманаха «Встречи» (Филадельфия) и интернет-журнала «Japon.ru». Участвует в работе многих научных обществ России и Японии.

Пролог

Пребратности сурббы

Среди видных деятелей Третьего рейха рейхсминистру иностранных дел Иоахиму фон Риббентропу в памяти потомков не повезло, пожалуй, больше всех. Демонический, а точнее, демонизированный облик Адольфа Гитлера до сих пор будоражит воображение, вызывая к жизни самые экзотические теории и делая фюрера предметом маргинального, но живучего культа «эзотерического гитлеризма». Импозантный и светский рейхсмаршал Герман Геринг — боевой летчик, трогательно преданный памяти покойной жены Карин и к тому же известный англофильскими симпатиями (или умело симулировавший их?) — мог казаться «человеческим лицом» нацизма и даже привлекательной альтернативой «бесноватому фюреру». Скромный и бесцветный трудяга Рудольф Гесс прославился на весь мир донкихотским «прыжком» в Англию в разгар войны и вызывал сочувствие безнадежным, более чем полувековым сидением в берлинской тюрьме Шпандау, тем более что леденящих душу преступлений за ним не числилось. Любимый архитектор Гитлера и министр вооружений Альберт Шпеер создал миф о себе как о «хорошем нацисте», изрядно запутав историков. Об Альфреде Розенберге пишут как о философе, хотя Шпенглера из него никак не получается. Даже Йозеф Геббельс и Генрих Гиммлер продолжают заворачивать умы в качестве злодеев мирового масштаба — злые, но все

же «гении» пиара и репрессий. Им посвящаются книги, написанные историками и журналистами — и разоблачителями, и неонацистами. Они появляются в фильмах, документальных и художественных, серьезных и не очень. В общих чертах их жизнь известна широкому читателю (даже на уровне «глянцевых» журналов), хотя нередко в весьма искаженном виде.

Риббентропу ничего из этого не досталось. Бывшие подчиненные, начиная со статс-секретаря (заместителя министра) Эрнста фон Вайцзеккера, ставили бывшему шефу каждое лыко в строку уже во время Нюрнбергского процесса, на что тот горько жаловался в предсмертных записях:

«Если сегодня эти господа подвизаются в качестве «свидетелей» против меня, то с человеческой точки зрения это печально. Годами сотрудничая со мной, они показывали совершенно иное лицо. Но в обстановке сегодняшнего психоза возможна ведь любая смена взглядов, и при бесхарактерности многих, слишком многих людей меня это уже не удивляет. Уверен, что Обвинение при некотором нажиме сможет получить почти от каждого сотрудника министерства иностранных дел любые показания против меня, какие только оно захочет. Констатация печальная, но верная» (С. 209)*.

«Многие, слишком многие» не любили рейхсминистра и тогда, когда тот был в зените славы. В министерстве иностранных дел на Вильгельмштрассе, которое даже при нацистах сохраняло чопорно-аристократический характер, его считали плебеем и выскочкой. Деятельность «бюро Риббентропа» вызывала раздражение у кадровых дипломатов, недовольных влиянием, оказывавшимся на фюрера конкурентами, не очень-то считавшимися с устоявшимися обычаями и традициями. «Партийные товарищи», ветераны кулачных боев с коммунистами в мюнхенских пивных, видели в Риббентропе, во-первых, «буржуя», во-вторых, «примазавшегося» (он вступил в партию только в 1932 году). К тому же «специалистов» по внешней политике среди нацистских бонз хватало и без него: на эту роль претендовали «светский лев» Геринг, «пиарщик» Геббельс, глава внешнеполитического отдела НСДАП Розенберг, шеф зарубежных

---

* Здесь и далее мемуары Риббентропа цитируются по изданию: *Риббентроп И. фон*. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М.: Мысль, 1996 — с указанием страницы в тексте.

организаций партии Вильгельм Боле и даже глава Трудового фронта («упорядоченных» профсоюзов рейха) Роберт Лей.

Со страниц послевоенных мемуаров большинства германских и иностранных дипломатов Риббентроп предстает человеком несумным, малообразованным, самодовольным, напыщенным, порой грубым и совсем не разбиравшимся в мировой политике. На него возлагается вся ответственность за подчинение МИД нацистскому диктату и, разумеется, за все ошибки дипломатии рейха. Совсем как в записках большинства германских генералов: все победы — благодаря нашим талантам, все поражения — из-за «идиота Гитлера». Риббентропа стало принято изображать в комических тонах.

Как не поверить единодушию мемуаристов из бывших подчиненных? Кому, как не им, знать правду? Однако чем больше вчитываешься в их послевоенные сочинения, тем больше возникает вопросов. Где же вы сами были? Почему не возражали? Почему не пытались переубедить шефа, который имел склонность поддаваться чужому влиянию? Почему продолжали служить и не только не отказывались от карьеры и причитавшихся благ, но изощренно интриговали ради новых постов и наград? Понятно, что вопросы эти — риторические. Дипломаты предпочитали брюзжать в имениях и аристократических клубах, плести заговоры вместе с недовольными из армейских кругов и даже вступать в контакты с иностранными разведками. В одном можно согласиться и с Риббентропом, и с его обличителями — подбирать по-настоящему надежных сотрудников он так и не научился. Вовсе пренебрегать их свидетельствами нельзя (обвинят в предвзятости!), но и доверять им особенно не стоит. Поэтому в нашем исследовании чаще будут приводиться не мемуары, а документы*, хотя и последние, по меткому замечанию Ю. Н. Тынянова, «порой врут, как люди».

Возможно, в жизни рейхсминистр был не слишком приятным человеком — капризным, надменным, любившим театральные эффекты,

---

* В цитатах сохранены орфография и пунктуация источника, поэтому одни и те же слова могут писаться в них по-разному: «имперское правительство» и «Имперское Правительство». Пояснения автора книги заключены в скобки с пометой «В. М.», пояснения редакторов других изданий — в скобки без помет; купюры, сделанные автором, обозначены простым отточием. Все подстрочные примечания, в том числе к цитатам из документов, принадлежат автору.

почет и лесть. Но нас интересует другое — его внешнеполитические идеи и действия, а также их эффективность. По замечанию выдающегося историка Марка Раева, случай Риббентропа «поднимает очень интересный вопрос о взаимоотношении идей и действий при тоталитарной системе. Взаимодействие в этой области не всегда однозначное. Но тоталитаризм вводит новый фактор — а именно то, что сама система основана на Идее (вернее, конечно, на нескольких идеях, связанных между собой общей целью). Борьба между идеями (то есть между их носителями) куда сложнее борьбы между личностями или интересами. Для победы нужен „носитель“ большой воли и настойчивости, человек, умеющий доказать (или показать) превосходство своей идеи для торжества той основной идеи, на которой построен тоталитарный режим. Мне представляется, что геополитический концепт оси Токио — Москва — Берлин такого статуса в рамках нацистской идеологии не мог иметь, а Риббентроп не имел того масштаба для его пробивки. У Молотова этой проблемы не было, так как он в сути дела всегда спевался с основной идеей системы. Само собой разумеется, что играла большую роль и разность индивидуальности самих высших вождей»*.

Действительно, немногие исследователи воспринимают Риббентропа как самостоятельно мыслящего и действующего дипломата и политика, а тем более геополитика. Только в 1980–1990-х годах работы В. Михалки, Миякэ Масаки** и Г. Городецкого показали, что пропагандировавшаяся им идея союза с Японией и СССР для создания евразийского «континентального блока» не только была вполне оригинальной (хотя предшественники, конечно, имелись), но и открыто противоречила антирусской и, до известной степени, пробританской, атлантической ориентации Гитлера. Признавая изначальную слабость позиции Риббентропа — даже с учетом ее поддержки в военных и финансовых кругах Германии — в противостоянии с фюрером, о котором «сверхдипломат» вспоминал накануне казни, эти ученые рассматри-

* Из письма к автору от 2 мая 2007 г.

** Все японские имена собственные в книге (в том числе в цитируемых документах) не склоняются и приводятся в соответствии с принятым в Японии порядком: сначала фамилия, потом имя — а также, за единичными исключениями, в соответствии с принятой в России «поливановской» транскрипцией (названа в честь выдающегося лингвиста Е. Д. Поливанова).

вают его концепции как полноценную «евразийскую» альтернативу курсу Гитлера. Полностью присоединяюсь к ним.

Примечательно, что работы Михалки и Миякэ, в которых высказаны еретические с точки зрения «политкорректности» мысли, не переведены на английский язык — «латынь» современной науки. Не то что сочинения А. Хильгрубера или К. Хильдебранда — «столпов» официальной историографии ФРГ... Всего на английском языке существуют четыре книги о Риббентропе (на немецком — одна, на русском — ни одной!). Две из них вышли еще в годы войны. Одна написана британским журналистом Дугласом Гленом, другая — бывшим консулом в Нью-Йорке Паулем Шварцем, уволенным из МИД в 1933 году за еврейское происхождение. Пояснять, с какой целью они появились, не надо — достаточно вспомнить карикатуры Кукрыниксов и Бориса Ефимова тех же лет. Шварц ссылаясь на свое знакомство с Риббентропом, но главная ценность его книги в подробной информации о предках рейхсминистра. Опус Глена (возможно, это псевдоним) любопытен лишь тем, что показывает беспредельность человеческой фантазии в погоне то ли за славой, то ли за гонорами. Следующие две появились только в начале 1990-х годов. Первый биограф — Джон Вейтц — известен как... дизайнер мужского нижнего белья, а реклама его книги была построена на том, что родители автора, берлинские евреи, принадлежали к тому же социальному слою, что и Риббентроп в бытность «торговцем шампанским». Заглядывать в дипломатические документы Вейтц счел излишним. Второй — британский журналист Майкл Блок — с документами ознакомился, но умудрился перевернуть немало источников даже на родном ему английском языке.

Существует еще одна книжка о Риббентропе, о которой сегодня уже никто не помнит. Написал ее в 1938 году некто Герхард фон Гюнтер для биографической серии «How They Do It» («Как они этого добились») лондонского издательства «Pallas». Судя по рекламе, помещенной на обложке, соседи у нашего героя впечатляющие, хотя и разномастные — Гитлер и Ганди, испанский диктатор Франко и ирландский премьер де Валера, Невилл Чемберлен и боксер Джо Луис. Международная компьютерная сеть www.abebooks.com содержит информацию о ста миллионах книг от тринадцати с половиной тысяч продавцов по всему миру, но экземпляр этой книжки был в ней всего один, причем из Австралии. От бойкого рассказа о невероятных приключениях

офицера, джентльмена и секретного агента по имени Иоахим фон Риббентроп в годы Первой мировой войны и сразу после нее трудно оторваться, беда лишь в том, что с подлинными событиями он не имеет почти ничего общего. Интересно, читал ли потешную книжку сам рейхсминистр? И если да, то какова была реакция этого не в меру серьезного человека?

Уверен, главная причина устойчивой нелюбви атлантистов к Риббентропу — геополитическая ориентация. В послевоенном мире некому было сказать о нем доброе слово. Для неонацистов он — не ставший культовой фигурой истории НСДАП, ветераном СС или героем войны — интереса не представлял. Для атлантистов же был откровенным врагом: не потому ли прошел мимо его личности лучший историк Третьего рейха и честный британский патриот Дэвид Ирвинг? Для Советского Союза, отношения с которым Риббентроп искренне стремился улучшить, — одним из «нацистских преступников», достойным, помимо ритуального осуждения, разве что иронических ремарок в псевдоисторических романах или политически ангажированных мемуарах.

С Риббентропом в восприятии большинства современников, особенно иностранцев, произошло примерно то же самое, что и с Гитлером, — обоих меряли привычной меркой, не разглядев в них политиков принципиально нового типа, которых распознали в Сталине и Молотове, но на несколько судьбоносных лет позже. Большая часть германских дипломатов эпохи Риббентропа принадлежала к старой школе или вышла из нее, с ними можно было работать по старинке. С Риббентропом — нет. Он руководствовался принципами, которых не понимали ни иностранные послы, ни свои министерские директоры и тайные советники, даже записавшиеся в нацистскую партию. В этом смысле рискну сравнить его с... Сергеем Витте*, ворвавшимся

---

* Витте Сергей Юльевич (1849–1915) — российский государственный деятель. Министр путей сообщения (1892), министр финансов (1892–1903), председатель Комитета министров (1903–1905), Совета министров (1905–1906), член Государственного совета (с 1906). Инициатор введения винной монополии (1894), проведения денежной реформы (1897), строительства Сибирской и Китайской Восточной железных дорог. Экспансионистский курс Витте стал одной из главных причин Русско-японской войны 1904–1905 гг. Подписал Портсмутский мирный договор с Японией (1905), за что был возведен в графское достоинство. Инициатор царского Манифеста 17 октября 1905 г. о даровании ограниченных политических свобод. Автор известных, но не во всем достоверных «Воспоминаний».

в хорошо организованный, формалистический мир чиновного Петербурга с принципиально чуждыми тому представлениями. Да и результаты деятельности обоих оказались, мягко говоря, неоднозначными.

Не замахиваясь на создание полной хроники жизни Риббентропа (таковой до сих пор нет даже на его родине), я решил уделить основное внимание генезису и эволюции политических идей этой интересной личности, а также связанным с ней событиям, которые имели глобальный характер и последствия. Поэтому за пределами книги остались, например, отношения Третьего рейха с европейскими сателлитами, полностью утратившими самостоятельность*, или с Соединенными Штатами Америки, важность которых рейхсминистр близоуко игнорировал.

Биография Риббентропа входит в цикл моих исследований по истории международных отношений первой половины XX века. В этой работе, занявшей полтора десятка лет, мне помогли многие люди из разных стран. Хочу особо поблагодарить Ольгу Андрееву, Георгия Брылевского, Марка Расва и Миякэ Масаки, без помощи и поддержки которых эта книга не была бы написана.

12 сентября 2007

Токио

---

* В отечественной литературе эта тема раскрыта в богатой фактами, но не отличающейся объективностью книге В. Л. Израэляна и Л. Н. Кутакова «Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха» (М., 1967) и в других работах.

Глава первая

«Торговец шампанским» (1893–1933)

12

Глава первая. «Торговец шампанским»

Ульрих Фридрих Вильгельм Иоахим Риббентроп, известный под последним из перечисленных имен, родился 30 апреля 1893 года под знаком Тельца. Местом его появления на свет стал Везель — городок на Рейне, в гарнизоне которого служил его отец Рихард Риббентроп, тридцатитрехлетний обер-лейтенант 1-го Вестфальского полка полевой артиллерии. Мать Иоахима София Гертвиг была дочерью богатого саксонского землевладельца¹.

Аристократическую приставку «фон» будущий рейхсминистр получил много позже, однако действительно происходил из старинной дворянской семьи. Корни ее уходят в маленькое княжество Липпе-Детмольд, между Вестфалией и Ганновером, а первым общим предком Риббентропов, о котором сохранились достоверные сведения, оказался Генрих Мейер цу Риббентруп, скончавшийся в 1547 году: «Мейер» было родовой фамилией, «цу Риббентруп» означало «из Риббентрупа» — так называлась принадлежавшая ему ферма, история которой прослеживается с XII века. Его потомок по имени Бартольд в 1648-м представлял графство Липпе при подписании Вестфальского мира, завершившего Тридцатилетнюю войну. Современная форма фамилии встречается с первой трети XVIII века — ее носил мировой судья Фридрих Кристиан Риббентроп, умерший в 1735 году.

Риббентропы были военными и юристами. 6 февраля 1823 года первым в роду титул получил Фридрих фон Риббентроп, генерал-квартирмейстер прусской армии, участвовавшей в разгроме Наполеона. Три года спустя титула удостоился его брат Георг, военный губернатор Люксембурга. Иоахим гордился ими, хотя и не являлся их прямым потомком: портрет Фридриха фон Риббентропа в парадной форме висел в его посольском кабинете в Лондоне, несмотря на то что тот был видным масоном, а масонов в рейхе не жаловали. Германский консул в столице туманного Альбиона (по совместительству агент английской разведки) Вольфганг цу Путлиц купил расположение шефа, поднеся ему медаль с портретом «предка» и с надписью «Pro Meritis de Ribbentrop» — «за заслуги Риббентропа»*. Растроганный начальник отказывался верить любой информации, компрометирующей подчиненного, пока тот под угрозой разоблачения не бежал в Англию из Голландии в середине сентября 1939 года². Другая титулованная ветвь рода ведет начало от генерал-лейтенанта Карла Бартольда Сигизмунда фон Риббентропа, от дочери которого Гертруды Шарлотты наш герой и получил приставку «фон».

Учитывая особые — психоаналитики назвали бы их «амбивалентными» — отношения Иоахима фон Риббентропа с Англией, следует упомянуть о еще двух его однофамильцах (или очень дальних родственниках). Религиозный писатель и философ Фридрих Кристиан Генрих Риббентроп обосновался в Лондоне после поражения германской революции 1848 года, уехав оттуда в Южную Африку, а затем в Индию, где стал известным проповедником. Бертольд Риббентроп с 1867 года служил в Британской Индии по лесному ведомству и дослужился до генерального инспектора, а выйдя в отставку, выпустил в 1900-м стандартный справочник по своей специальности. Несколько Риббентропов, включая одного титулованного, добрались до Нового Света, где трудились по инженерной части или занимались бизнесом. Однако никто из них не был ни виноторговцем, ни дипломатом.

Пять поколений прямых предков Иоахима служили в артиллерии герцогства Брауншвейгского. Прадед участвовал в подавлении революции 1848 года. Дед, Фердинанд Риббентроп, командовал батареей во время битвы при Марс-ля-Тур во время Франко-прусской войны

* Он получил эту медаль от своего друга — бизнесмена и политика Ханса фон Раумера, племянник которого был одним из ближайших сотрудников Риббентропа.

1870 года, заслужив Железный крест первой степени. Подобно многим выходцам из небольших, но древних княжеств или графств, он не любил пруссаков, династию Гогенцоллернов и объединителя Германии Бисмарка (этим отличалась и принцесса Алиса Гессенская, ставшая впоследствии русской императрицей Александрой Федоровной), противопоставляя им себя как «ганноверца». Несмотря на завет «не иметь с пруссаками дела», его сын Рихард боготворил и Бисмарка, и его империю. Он родился в Брауншвейге в 1859 году, в 1879-м поступил в артиллерию, а 19 мая 1891 года женился, получив хорошее приданое (в то время разрешение на брак давалось офицеру только в том случае, если он сам или его будущая жена располагали суммой не менее чем в 90 000 золотых марок). В 1892 году у них родился первый сын Лотар, в 1893-м — Иоахим, а в 1896-м — дочь Ингеборг.

Везеля на Рейне будущий министр не помнил, потому что вскоре после его рождения отец, уже в чине капитана, был переведен в Вильгельмское под Касселем на должность командира батареи.

«Вильгельмское — это знаменитый кайзеровский дворец, в котором в 1870 году, после капитуляции французской армии у Седана, содержался в качестве пленника Наполеон III. Времена и нравы с тех пор изменились — сегодня победители сажают побежденные суверенные правительства не в королевский замок, а в каторжную тюрьму» (С. 17), — записывал наш герой в нюрнбергской камере.

Историки и писатели на исторические темы склонны пренебрежительно отзываться о воспоминаниях Риббентропа, хотя главной мотивировкой этого является отрицательное отношение к их автору. Да, не обо всем он успел написать и не все в мемуарах подтверждается фактами, но о многом, особенно о его детстве и юности, прочитайте больше нигде. Поэтому я буду цитировать их на протяжении всей книги: рассказывая историю жизни Иоахима фон Риббентропа, нельзя лишить слова его самого.

Итак, Вильгельмское — место, в котором прошло детство.

«Дворец был виден издали благодаря статус Геркулеса и своим всемирно известным каскадам, вода которых с большой высоты низвергалась в парковое озеро, обретая форму гигантского водопада. То было чудо природы и искусства. Впервые я увидел его во время одного визита кайзера Вильгельма II; он приезжал сюда почти каждой весной. Мои родители жили в так называемой кайзеровской гауптвахте — красном здании у въезда в замок. В дни приезда императора

помещение внизу бывало занято охраной. Именно с этим и связано мое первое воспоминание. Когда караул выстраивался под ружье для почетной встречи кайзера, мы, мальчуганы — мой брат Лотар и я, присоединялись к гренадерам и браво салютовали ему своими деревянными сабелями. Однажды, следуя мимо, император заметил нас и громко рассмеялся. С нашими мужественно-серьезными лицами мы и впрямь выглядели очень забавно. Но дежурный лейтенант воспринял это по-своему и устроил разнос своим солдатам. Не успел кайзер удалиться, как лейтенант с саблей оказался за нашей спиной, и мы едва успели спастись от его гнева поспешным бегством в густые заросли сада» (С. 17).

Несмотря на вполне невинный и даже верноподданический характер забавы офицерских детей, Риббентроп-старший рассердился и наказал сыновей.

«Мой отец, к которому я всю жизнь питал большое почтение, был для нас тогда строгим ментором, и мы скорее боялись, нежели любили его. В воспоминаниях же о матери любовь сочетается с горечью и печалью. Она уже тогда носила в себе зародыш той болезни, от которой через несколько лет скончалась (туберкулез. — В. М.). Мы очень любили мать. Она, как и отец, была весьма музыкальна и великолепно играла на фортепьяно. Могла часами играть для меня, а я, как зачарованный, с наслаждением слушал... В последние годы ее жизни мы, дети, знали мать только больной и видели редко, так как она боялась нас заразить» (С. 18).

Тем не менее болезнь передалась сыновьям — Лотар Риббентроп умер в 1918 году в возрасте двадцати шести лет, а Иоахим тяжело заболел в 1912-м. Впоследствии ему пришлось удалить одну из почек.

София Риббентроп скончалась 28 февраля 1902 года вскоре после переезда семьи в Мец, куда Рихард был переведен в чине майора. Мец был не только одним из крупнейших гарнизонов страны, но и центром земли Эльзас-Лотарингия, присоединенной к Германской империи в результате победы над Францией в 1870-м. Несмотря на повышение, «отец вдруг почувствовал себя потерявшим самостоятельное положение командира батареи и брошенным в огромный плавильный тигель военной машины со всеми его преимуществами и теневыми сторонами, с его хитросплетениями и интригами... Тогда повсюду говорилось, что штаб-офицер в Меце быстро получит либо чин генерала, либо „голубой конверт“, то есть отставку...

Моему отцу, как штаб-офицеру, прочили большое будущее. При своей весьма высокой профессиональной квалификации он был яркой личностью с прямым, открытым характером. Временами он бывал резким, но сердце у него было золотое. Умный, весьма начитанный, проявлявший большой интерес к политике, искусству, он был неподкупен и обладал ярко выраженным здравым смыслом... Он был до самой смерти верен своим друзьям, а врагам без обиняков высказывал все, что о них думал» (С. 18–19).

В 1905 году сорокашестилетний Рихард Риббентроп женился вторично — на двадцатидвухлетней Ольге Маргарете фон Приттвиц унд Гаффрон, представительнице младшей ветви знатного и богатого прусского рода, из которого вышло немало генералов и послов. В мемуарах пасынок назвал ее «моей дорогой и заботливой мачехой», отметив ее «большой такт» (С. 21), но более на эту тему не распространялся (во время работы над воспоминаниями она была еще жива), что позволяло биографам строить догадки об их прохладных отношениях.

Честолюбие было присуще Иоахиму с детства. Он хотел быть первым, но получалось это далеко не всегда. Спорт, особенно теннис, давался ему легко, но по успеваемости в лицее он оказался лишь тридцать вторым из пятидесяти учеников (Лотар учился лучше).

«Еще круче была реакция дома: я получил хорошую порцию розог... Розги — еще далеко не самое худшее. За несколько недель до сочельника я просто изнемогал от нетерпения: из намеков я понял, что мне собираются подарить скрипку. Но получить мне ее не пришлось. Отец захотел меня как следует проучить... На Пасху я все же оказался среди лучших в классе и наконец-то получил обещанную скрипку» (С. 20).

Возможно, Риббентроп вспомнил эту историю из-за того, что в Нюрнберге его одолевали американские психоаналитики, искавшие причины и мотивы политики Третьего рейха в комплексах и «детских травмах» его лидеров.

В 1908 году Рихард Риббентроп неожиданно вышел в отставку — по собственной инициативе и не подав обычного прошения о разрешении носить мундир своего полка. Позже сын объяснял это «критическим отношением» отца к политике Вильгельма II: «Порой отрицательные высказывания отца доходили до ушей берлинских властей, и для него возникла трудная ситуация» (С. 21).

М. Блок предполагает, что речь едва ли идет о «большой политике»: возможно, майор Риббентроп позволил себе сказать лишнее о ком-то из приближенных кайзера, замешанных в громкий гомосексуальный скандал вокруг князя Эйленбурга⁴. Семья покинула Мец и перебралась в городок Арозе, расположенный в Швейцарских Альпах.

Законченного образования Иоахим так и не получил, ограничившись школой второй ступени (*Obersekunda*). Отец хотел видеть своих сыновей военными, но оба категорически отказались (у Лотара обнаружилось проблемы со здоровьем), заявив о желании жить за границей, путешествовать, а потом устроиться на службу в какую-нибудь из африканских колоний. Тягу подростков к экзотике подпитывали популярные романы Карла Мая «про индейцев», которыми в отрочестве зачитывались и Риббентропы, и Гитлер. Кроме лица в Меце, братья успели поучиться в коммерческой школе в Гренобле. К хорошему знанию французского языка следовало прибавить хороший английский; спорт был отличным поводом для завязывания знакомств — и вот осенью 1909-го Иоахим и Лотар оказались в Лондоне, где прожили почти год в семье врача-хирурга Уильяма Грендейджа в Южном Кенсингтоне.

«Первое мое впечатление от Лондона было грандиозно: вот каков он, город великого Шекспира, город Диккенса и Шерлока Холмса (классический набор для подростка. — *В. М.*)... Уже в первый день своего пребывания в английской столице я вместе с братом часами ездил на крышах лондонских omnibuses из одного конца города в другой. Мы никак не могли наглядеться на снующий повсюду транспорт, на деловую жизнь этого мирового города... Здесь мы в буквальном смысле слова ощутили биение сердца всего мира. Какой опыт, какое влияние, какой огромный капитал, какое охватывающее весь мир трудолюбие требовались для того, чтобы поддерживать такую жизнь в беспрестанном движении!» (С. 22–23).

В этих словах — учитывая время и место их написания — можно увидеть мудрость «задним числом». Однако я верю в то, что Риббентроп думал так не только в 1945–1946 годах, но и в 1909–1910-м. Англичане смотрели на «пруссак» хотя и с опаской, но при этом и с чувством нескрываемого превосходства. Молодая Германская империя видела в Британской империи не только главного конкурента в торговле и промышленности, но и возможного противника на поле боя. Между тем немцы сознавали, что им есть чему поучиться у англичан,

которых они могли не любить, но уважали. Молодой Риббентроп, решивший стать «джентльменом» и «гражданином мира», выбрал правильную «школу жизни».

Осенью 1910-го неугомонные братья отправились в Канаду, в Монреаль, навестить семью Гамильтон-Эвинг, с которой познакомились в Швейцарии: Иоахим ухаживал за их дочерью Кэтрин и даже подумывал жениться, но ее родители были против этого брака. Страна кленового листа понравилась им настолько, что планы относительно Африки были забыты⁵. Однако надо было зарабатывать на жизнь, так как причитавшуюся часть капитала матери братья могли получить только по достижении двадцатилетнего возраста. По протекции Гамильтон-Эвингов Иоахим больше года проработал клерком в банке «Мольсон».

«Мне сказали, что банковское дело — это фундамент канадского бизнеса, а именно этому я и хотел научиться. Так я провел в Монреале две зимы и одно лето и познакомился со всеми сторонами жизни этого крупнейшего канадского города: его серьезной деловитостью, развлечениями, зачастую отчаянным покером, спортом, теннисом, регби, а особенно со знаменитым канадским хоккеем» (С. 25).

Молодой человек не гнушался и физическим трудом, хотя жизнь в Канаде в то время была дешевой, а золотая германская марка стоила дорого. Он работал на восстановлении рухнувшего в начале 1910 года Квебекского моста через реку Святого Лаврентия, а затем — на строительстве Национальной трансконтинентальной железной дороги между Монктоном и Виннипегом, испытав на себе «суровые условия жизни канадских первопроходцев» и увидев «во всем величии и во всей красе девственный канадский лес» (С. 25).

Нелегкую, но насыщенную и интересную жизнь в Канаде прервал недуг, вынудивший Иоахима уехать в Германию на лечение (именно тогда ему и удалили почку). Оправившись от болезни, он вернулся, заехав по дороге в Нью-Йорк. Там, по его словам, он работал хроникером в газете, но проверить это утверждение не удалось никому из биографов.

«Эта, пожалуй, самая беспокойная на свете профессия позволила мне больше, чем все остальное, понять психологию американцев, их вечное стремление к действию, жажду новостей и сенсаций» (С. 25).

Увы, этим его знакомство с Соединенными Штатами и ограничилось...

По возвращении Риббентропу уже не пришлось работать на строительстве — приобретенные связи и материнское наследство позволили попробовать себя в торговле немецкими вишами. Приятная внешность, хорошие манеры, свободное владение несколькими языками, музыкальные и спортивные таланты (в феврале 1914-го Иоахим участвовал в конькобежных соревнованиях в США в составе национальной сборной Канады) открывали двери в лучшие дома Оттавы, включая резиденцию генерал-губернатора. Этот пост в то время занимал герцог Артур Коннотский, третий сын королевы Виктории и брат покойного Эдуарда VII, которого юные Риббентропы видели в Вильгельмское вместе с его племянником — Вильгельмом II. Принадлежавший к ганноверской династии Виндзоров, герцог говорил по-английски с немецким акцентом, а его жена принцесса Луиза-Маргарита Прусская и вообще предпочитала родной язык, которым владел весь ее оттавский «двор». Обходительный юноша легко нашел с ними общий язык во всех смыслах слова и, наверно, не упустил случая упомянуть о собственных ганноверских предках. Званные вечера, концерты, любительские спектакли, маскарады, вист...

«Мне было в этой стране безгранично хорошо», — напишет Риббентроп через тридцать с лишним лет (С. 27).

Идиллию оборвало начало войны в Европе.

«Меня словно магнитом тянуло на родину... Друзья убеждали, что „калеку“ с одной почкой на военную службу все равно не возьмут. Но у меня было такое чувство, что предстоящая война будет тяжелой и моей стране потребуется каждый мужчина» (С. 27).

Лотар был настолько серьезно болен, что уехать не смог; его интернировали, но вскоре поместили в туберкулезный госпиталь, а затем разрешили покинуть страну. Иоахим, бросив все, поспешил выехать из Канады и 15 августа 1914 года сел в Нью-Йорке на голландский пароход «Потсдам», следовавший в Роттердам. Соединенные Штаты объявили о строгом нейтралитете, но не протестовали против британской блокады, нарушавшей международное право. «Владычица морей» объявила, что ее флот будет останавливать следующие в Европу суда нейтральных стран, осматривать их и интернировать всех граждан центральных держав. Через эту блокаду Риббентропу предстояло прорваться.

«Настроение на пароходе было веселым и патриотическим. Поступали (по радио. — В. М.) победные известия. Один офицер Генерального

штаба регулярно делал доклады о положении на фронтах. Пели песни, строили планы — словом, вели себя так, как будто мы уже дома. Правда, я этого оптимизма не разделял и считал, что англичане не пропустят запросто целый корабль с немецкими резервистами. Я обнаружил, что один мой друг, лейтенант-артиллерист из Меца, имевший швейцарский паспорт, служил на этом пароходе кочегаром, и с его помощью на всякий случай нашел для себя укромное место в угольном бункере.

По приближении к английскому побережью на корабле стало потише. Вскоре показался английский торпедный катер, и на борт поднялись матросы с примкнутыми к винтовкам штыками. Мы в каютах с напряжением ожидали, что же произойдет дальше, но пароход продолжал двигаться. Когда же мы заметили, что он изменил свой курс и направляется к английскому берегу, веселое настроение как рукой сняло... На следующий день на борт взошел офицер британского „Интеллидженс дипартмент“ и через капитана-голландца объявил, что все немцы будут высажены на берег и интернированы.

Теперь каждый должен был выкручиваться в одиночку. Я прежде всего вышел на рекогносцировку на палубу и, как нарочно, наткнулся на этого офицера. У нас завязался разговор. Тогда я еще говорил по-английски довольно правильно (похвальная скромность: Риббентроп всегда хорошо владел этим языком. — *В. М.*), а он принадлежал к числу тех многочисленных англичан, которые испытывали определенную симпатию к иностранцу, говорящему на их языке. Слово за слово, и, когда я сказал, что еду из Канады, выяснилось, что кэптэн прежде был адъютантом генерал-губернатора герцога Коннотского и у него есть в Оттаве много знакомых, именно тех, с которыми я недавно расстался. Теперь мне было легче признаться: да, я немец, визы у меня нет, но мне надо во что бы то ни стало вернуться в Германию. О том, что я, несмотря на свою негодность к военной службе, хочу стать солдатом, я благоразумно умолчал, иначе он бы не решился помочь мне. А так мы договорились, что я могу остаться на борту; и он поставил в моих бумагах штамп „Passed by Military Authorities“ («Пропущен военными властями». — *В. М.*).

Но самое тяжелое испытание еще предстояло. Когда все мои немецкие друзья покинули пароход*, было объявлено, что на берег следует

---

* В принципе этого было достаточно для того, чтобы заподозрить в следовавшем из Канады Риббентропе английского агента, однако никто не заподозрил.

высадить и всех остальных пассажиров — врачей и граждан нейтральных стран. Мне стало ясно: лишь только я окажусь в Фалмуте, оттуда по телеграфу запросят Канаду, где я известен как немец, и меня задержат... Если я хотел плыть на „Потсдаме“ дальше, надо было действовать немедленно. Всех нас, оставшихся пассажиров, собрали в кают-компанию под охраной известного своим дружественным отношением к немцам стюарда. Я сунул ему в руку несколько золотых монет, попросив разрешения отправиться в угольный бункер к моему другу. Стюард выбрал подходящий момент и доставил меня вниз, где мне удалось спрятаться в довольно малопривлекательном месте за горой угля. Здесь я и оставался, пока „Потсдам“ не вошел в устье Шельды; я пробрался в свою каюту, чтобы быстренько умыться. Неожиданно для себя я нашел там свои вещи совершенно нетронутыми. Узнал я и о том, что в поисках меня, исчезнувшего пассажира, пароход был подвергнут обыску. Когда потом мы ехали поездом через всю Голландию, мне пришлось пережить еще одну, последнюю неожиданность в этом богатом необычайными событиями возвращении на родину: появившийся в моей каюте стюард, тот самый, который отправил меня в угольный бункер, оказался немецким офицером и вернул мне мои золотые монеты» (С. 28–29).

Эту драматическую историю Риббентроп записал только в Нюрнберге, но, видимо, рассказывал ее и раньше. Еще до Второй мировой войны она проникла в печать, пережив невероятные превращения, как будто правда была недостаточно увлекательной. Под пером Ганса фон Гюнтера, автора первой из фантастических (или «альтернативных»?) биографий нашего героя, она превратилась в историю голландского грузового судна «Эмилия», на борту которого не было никаких пассажиров и где только в открытом море пред изумленными глазами капитана предстал двадцатилетний немец, спрятавшийся в одной из спасательных шлюпок. Тот признался, что едет защищать родину, что он сын полковника, внук и правнук генерала. Капитан позволил ему остаться и спрятаться в угольном трюме при приближении к берегам Британии. «Эмилия» прибыла в Роттердам 14 августа 1914 года — обратим внимание на дату⁶. Сказка на этом не заканчивается, но обо всем в свой черед...

Начало войны позволило под знамем и старшего Риббентропа, который вернулся на действительную службу, в 1915-м заслужил Железный крест первой степени в бою под Бржесанами в австрийской части

Польши и вышел в отставку, на сей раз уже окончательно, в чине подполковника. А Иоахим, избежав медицинского обследования, поступил добровольцем в 12-й Торгауский гусарский полк (Torgauer Husarenregiment Nr. 12), в составе которого его дед по материнской линии воевал с французами в 1870 году.

«В первый же день моего рекрутского бытия я совершил непростительную ошибку: на вопрос моего строгого вахмистра, умею ли я ездить верхом, я, само собой разумеется, ответил утвердительно, ведь с юношеских лет я все-таки на лошади иногда сидел (автор снова скромничает, ибо в тех же мемуарах пишет: «очень рано пробудилась в нас и любовь к лошадям, унаследованная от отца, который был большим лошадиником». — В. М.). Мое опрометчивое утверждение обернулось сущим позором: вахмистр тут же приказал мне показать свое умение на норовистом коне. Я падал с него так часто, что под конец и сам уверовал, что никогда в жизни не сидел в седле. Эти старые кавалерийские вахмистры хорошо знают, как обращаться с желторотыми юнцами-рекрутами, когда дело касается святой военной службы! Но потом я с этим грозным унтером хорошо поладил» (С. 29–30).

Через четыре недели Риббентропа отправили на фронт. О пережитом во время войны он не успел написать ничего, кроме двух фраз:

«В этом самом полку я провсвал на востоке, а потом на западе с перерывами, вызванными несколькими ранениями и тяжелым заболеванием, до весны 1918 года. После моего последнего ранения летом 1917 года я получил Железный крест первой степени» (С. 30).

Недостаток достоверной информации породил множество слухов и легенд. Наиболее безобидным можно считать утверждение, что на самом деле он получил Железный крест второй степени и позже, служа в министерстве, добился его замены. Куда романтичнее звучит история, повданная Гюнтером и пересказанная — без ссылок на автора — Дугласом Гленом (если это вообще не одно и то же лицо).

Оказывается, уже на германской границе возвращавшийся из Америки Риббентроп был с пристрастием допрошен офицером, которому сообщил, что владеет, помимо английского и французского, испанским и русским* языками. Выслушав его рассказ и просмотрев бумаги, офицер объявил юноше, что тот будет... отправлен за границу с се-

---

* Риббентроп пытался учить русский язык, находясь в действующей армии на Восточном фронте, но не слишком преуспел в этом.

кретной миссией. «Нет, нет, — закричал Риббентроп. — Я хочу быть настоящим солдатом, как мой отец и все мои предки. Я не для того пробираюсь на родину, чтобы стать шпионом!» Офицер наставительно сказал: «Долг каждого настоящего немца защищать Отечество. Любое средство для достижения этой цели хорошо», — и отпустил его с миром. Риббентроп прибыл в 12-й гусарский полк... Здесь история обрывается и возобновляется только в декабре 1915 года, когда лейтенант фон (!) Риббентроп, тайно прибывший в США на подводной лодке, представляется германскому послу графу Иоганну фон Бернсторфу и военному атташе калитану Францу фон Папену. Пален, которого выследили и вот-вот должны были выслать из Америки, поручил лейтенанту руководить сетью тайных агентов и диверсантов, призванных мешать Соединенным Штатам помогать странам Антанты. Его ближайшим помощником стал крещеный еврей из Венгрии Требич-Линкольн, успевший побывать депутатом британского парламента. После вступления США в войну против Германии в апреле 1917-го Риббентроп вернулся на родину путем, «достойным приключенческого романа»⁷.

Разумеется, все это вымысел от начала до конца. Бернсторф и Папен оставили подробные мемуары, в которых о Риббентропе — применительно к описываемым событиям — нет ни слова; то же относится и к биографии Требич-Линкольна. Посол признал, что субсидии на пропагандистскую деятельность шли через него, что он помогал немцам призывного возраста и резервистам вернуться на родину, но категорически отрицал свою вовлеченность в саботаж, хотя «горячие головы» обращались к нему с подобными предложениями. Папен занимался сбором информации, возможно переходя границы закона, но тоже не связывался с непрошеными «диверсантами». Его причастность к актам саботажа не была доказана, хотя бумаги военного атташе не вполне честным путем попали в руки «нейтральных» американцев и воюющих англичан⁸.

Я не останавливался бы на этой нелепой истории, если бы не ее показательность. Риббентроп вспоминал: «В Нью-Йорке (при отплытии в Европу. — В. М.) я слышал, что жадные до сенсаций канадские газеты, поддавшись психозу первых дней войны, стали распускать интригующие слухи о „бегстве шпиона Риббентропа“» (С. 29).

Биографы таких статей не обнаружили. Думаю, что его подвела память и он имел в виду рассказы Гюнтера и Глена, которые даже Пауль

Шварц в 1943 году назвал «чистой выдумкой»*. Но выдумка оказалась живучей, проникнув в некролог, который посвятила казненному Риббентропу лондонская «Таймс».

В жизни все складывалось намного прозаичнее. В апреле 1918-го Риббентропа признали негодным к службе на передовой и в чине обер-лейтенанта отправили в Константинополь адъютантом уполномоченного военного министерства при армии Турции — все еще «союзной», но норовящей отделиться от центральных держав. Именно там он познакомился с начальником штаба 4-й турецкой армии подполковником фон Папсеном и молодыми дипломатами Гансом Дикхофом и Вильгельмом Фабрициусом, которые едва ли могли предположить, что через двадцать лет станут служить под его началом. Со временем знакомство укрепилось благодаря семейным узам: Дикхоф и Фабрициус были женаты на сестрах Йенке, а их брат Альберт Йенке в 1922 году женился на Ингеборг, младшей сестре нашего героя (в 1939-м Риббентроп назначит его советником посольства в Турции при поселе Папене).

Под пером «фантастов» Папсен превратился в главу германской шпионско-диверсионной сети на Ближнем Востоке, а «лейтенант Риббентроп, еще не остывший от актов саботажа в Америке, для этих целей был идеальным орудием». Особенно забавно звучит рассказ о том, как Папен бежал из Иерусалима в одной пижаме, разбуженный Риббентропом за несколько минут до того, как англичане захватили его дом. Офицерам удалось скрыться, но бумаги Папена оказались в руках противника⁹. Истине здесь соответствует только последнее утверждение: бумаги действительно попали к англичанам.

Подлинная биография Риббентропа несколько не похожа на фильмы про Джеймса Бонда. Летом 1918-го, когда положение Турции из критического превратилось в катастрофическое, его вызвали в Берлин для доклада.

«Один из господ в центральном отделе военного министерства, к которому я явился, счел мое сообщение столь важным, что уже через несколько часов мне пришлось лично докладывать самому военному министру фон Штайну — бывшему начальнику и хорошему знакомому

---

* Он цитировал сообщение некоей «канадской леди»: «Все, кто знал Риббентропа во время его пребывания в Оттаве и симпатизировал ему, ныне сходятся в том, что его истинной целью был шпионаж», — но заявлял о своем несогласии с этим утверждением.

моего отца. Но он принял меня крайне немилостиво. Признать перед молодым лейтенантом ненадежность турецкого союзника военному министру никак не улыбалось; он прервал мой доклад и стал расспрашивать меня... о немецких школах в Турции! А потом довольно холодно — но с приветами отцу — позволил удалиться» (С. 30).

Не эта ли поездка породила легенду о предании Риббентропа суду за дезертирство, когда за него заступился Папен? «Фантасты» пишут об обвинении в «самовольном оставлении части» и объясняют его шпионскими подвигами в Америке, о которых даже командиру полка знать не полагалось. Папен, посвященный в тайну, не мог ее раскрыть, но поручился за товарища словом офицера¹⁰.

По воспоминаниям Риббентропа, он узнал об отречении кайзера и окончании войны от своего непосредственного начальника, майора Майера, так что происходило это, видимо, в Константинополе или поблизости от него. К тому времени большую часть немцев, включая посольство, уже эвакуировали через Одессу и Севастополь — единственный путь к отступлению до тех пор, пока у Германии сохранялись дипломатические отношения с большевиками, но вскоре и он был отрезан¹¹. Не приводя дат, наш герой прочертил такой пунктир: «После интернирования в азиатской части Турции, ночной переправы через Босфор, чтобы не дать документам военного министерства попасть в руки врага... после попытки пробраться в Германию через Россию, после уличных боев в Одессе и обратного пути в Константинополь мне, наконец, посчастливилось вернуться на родину через Италию» (С. 31).

Произошло это в начале 1919 года: одни источники называют январь, другие — март.

Явившись в военное министерство, обер-лейтенант Риббентроп получил приказ принять участие в подготовке мирной конференции. В официальных изданиях нацистского периода он фигурирует как ее участник, хотя до Парижа так и не добрался. Германское правительство отказалось подписывать предложенный ему кабальный договор. Ужесточение блокады вынудило Берлин принять «диктат», хотя Матиас Эрцбергер, поставивший свою подпись под договором, поплатился за это жизнью (Риббентроп послал его вдове телеграмму соболезнования).

Сделав окончательный выбор в пользу гражданской жизни, Иоахим вышел в отставку и поступил на службу в «берлинский филиал одной старой бременской фирмы, занимавшейся импортом хлопка...

После того как мне удалось осуществить несколько удачных сделок, я приобрел еще большее доверие хозяев, которые относились ко мне с поистине ганзейской купеческой широтой» (С. 32).

Первые заработки пошли на поправку семейных дел, включая выплату долгов за лечение брата Лотара, которое так и не спасло его от ранней смерти в декабре 1918-го. Но главным бизнесом отставного гусара стал не хлопок, а спиртные напитки.

Недоброжелатели не упускали случая обозвать Риббентропа «торговцем шампанским». Сам он предпочитал уклончиво говорить об «экспортно-импортной фирме». Несмотря на послевоенную разруху, «спекулянты процветали, а молодежь стремилась в вихре удовольствий позабыть о своей четырехлетней героической, но, по всей видимости, бесцельной борьбе во имя Германии» (С. 31).

Денег у «героев тыла» было предостаточно, и они охотно тратили их на предметы роскоши, включая французское шампанское. Риббентрон уже в 1919-м наладил его контрабандные поставки, поскольку официальный запрет на ввоз импортного алкоголя был снят лишь 1 января 1924 года. Прекрасно одетый, элегантный и учтивый молодой человек, к тому же отличный танцор, органично вписался в среду пуворишей, которым «по случаю» предлагал настоящее «Pommery» и «Veuve Clicquot». Шампанское стало для него «знаком судьбы»: в том же 1919-м на курорте Бад-Хомбург, на теннисном корте он познакомился с Аннелиз Хенкель, дочерью «шампанского короля» Отто Хенкеля (фирма «Henkell», основанная в 1832 году, существует и в наши дни). Знакомству способствовал бизнесмен Оттмар Штраус, покровительствовавший нашему герою.

Аннелиз было двадцать четыре года — на три года меньше, чем Иохиму. Согласно расхожему мнению, она не блистала красотой, не могла похвастаться и крепким здоровьем (страдала мигренями и считалась раздражительной), но отличалась умом, честолюбием и сильной волей, не стесняясь перечить родителям и настаивать на своем. Их любовь была быстрой, яркой и взаимной — уже 5 июля 1920 года они поженились. Родители невесты были не в восторге от зятя: приятная внешность, хорошие манеры и знание иностранных языков (в его немецком замечали даже легкий английский акцент) едва ли могли компенсировать отсутствие образования, профессии и состояния, а опыт военной службы ценился в «демократической» веймарской Германии совсем не так, как в «реакционной» кайзеровской.

Мемуаристы приводят немало нелюбезных выражений, в разные годы высказанных родственниками в его адрес, включая «коронную» фразу фрау Хенкель, никогда не называвшей Риббентропа иначе, как по фамилии: «Из всех моих зятьев больше всего преуспел самый глупый»¹².

Аннелиз же придерживалась совершенно иного мнения. Все исследователи сходятся в признании ее исключительной роли в жизни и карьере мужа, подчас сравнивая ее с леди Макбет. Риббентроп посвятил предсмертные записки «моей превыше всего любимой отважной жене» и написал о ней коротко, но выразительно: «Она подарила мне больше двадцати пяти лет безмерного счастья и нашу „пятерку“ — троих сыновей и двух дочерей*. Суждено ли кому-нибудь пережить столько любви, радости и глубокой преданности друг другу, даже и в горе, чем довелось нам вдвоем? Разве может смертный требовать от судьбы большего блага, чем это?» (С. 33.)

Они действительно были хорошей парой, потому что не только любили, но и удачно дополняли друг друга. Волевая Аннелиз подталкивала слабохарактерного Иоахима к решительным действиям, к «деланию карьеры», едва ли предполагая, чем все это может закончиться...

Отто Хенкель мог недолюбливать своего зятя и не одобрять его методы ведения бизнеса (клиентам приходилось выбирать: либо приобрести весь предложенный ассортимент, либо не получить ничего), но был вынужден признать в нем хорошего коммерсанта. Не допустив Иоахима до партнерства, он сделал фирму «Шёнеберг и Риббентроп» своим главным торговым агентом (с 1931 года Иоахим владел фирмой единолично, переименовав ее в «Impergroma», и только после назначения послом в Лондон передал управление родственникам жены). Ко всеобщему изумлению, он сумел прорваться не только на британский, но и на французский рынок шампанского, играя на соотношении цены и качества. Другим его успехом стало приобретение исключительных прав на продажу в Германии виски «Johnny Walker», причем при занятных обстоятельствах: узнав по прибытии в Лондон о том, что конкуренты выехали в Шотландию на поезде, он арендовал небольшой самолет и приземлился прямо в поместье сэра Александра Уокера, не только опередив соперников, но и произведя впечатление

---

* Рудольф (10.05.1921, Висбаден), Беттина (20.07.1922, Берлин), Урсула (19.12.1932, Берлин), Адольф (2.09.1935, Берлин), Бартольд (27.12.1940, Берлин).

на хозяина, который отдал контракт предприимчивому немцу. Если полеты в Москву в 1939 году стали сенсацией мирового значения, то можно представить, как это воспринималось пятнадцатью годами ранее!

Риббентроп умел мыслить стратегически — пусть пока в пределах своего бизнеса. Пауль Шварц, с которым он познакомился в Берлине в 1919-м и который позже написал о нем «разоблачительную» книгу, вспоминал, что, отправляясь в 1926 году генеральным консулом в Коломбо (Цейлон), поручил Риббентропу организовать перевозку своего винного погреба к новому месту службы, климат которого весьма отличался от берлинского. Тот не только доставил все в целости и сохранности, но приложил образцы вин и коньяков, которыми торговала его фирма. Инвестиции дали дивиденды — через несколько лет «Шёнеберг и Риббентроп» прибавили к своим рынкам Цейлон и Южную Индию¹³. Их бизнес пережил крах германской марки в 1923 году и начавшуюся в 1929-м Великую депрессию, так что наш герой имел все основания говорить: «В середине 20-х годов моя импортно-экспортная фирма стала одной из крупнейших в своей области» (С. 33).

Риббентропы обосновались в Далеме, аристократическом районе Берлина, выстроив стильную виллу на Ленце-аллее, 7-9, с садом, бассейном, теннисным кортом, вышkolенный прислужгой, безукоризненной кухней и превосходным винным погребом.

В дополнение к материальному благополучию и обширным светским знакомствам Иоахим решил обзавестись аристократической приставкой «фон», найдя для этого законный, хоть и небесспорный способ. В 1925 году его усыновила очень дальняя родственница Гертруда фон Риббентроп, которую он называл «тетей» (их общий предок жил примерно за два столетия до описываемых событий). И она, и ее единственный брат Карл Фридрих были бездетны, поэтому формальным мотивом усыновления стало «сохранение линии». По дореволюционным меркам это не делало нашего героя титулованной особой. Республиканские законы лишили аристократию привилегий, но разрешали использовать титулы и приставки «фон» и «цу» как часть фамилии, что повлекло за собой волну усыновлений. В знак благодарности Иоахим ежемесячно выплачивал «тетушке» по 450 рейхсмарок до конца ее жизни¹⁴.

Рихард Риббентроп, гордившийся своими предками, дистанцировался от претензий сына. Хенкели начали злословить по поводу «на-

шего титулованного родственничка». Обладатели настоящих титулов отказались признать новоиспеченного «фона»: его не включили в «Готский альманах» — авторитетнейшее генеалогическое издание Германии и «прокатали» на выборах в аристократический «Union Club», куда тот мечтал попасть. Мемуаристы и биографы не пришли к единому мнению о том, приняли Иоахима туда в конце концов или нет, но известно, что за него хлопотали фон Папен и сослуживец по Первой мировой войне граф Вольф Генрих фон Гельдорф¹⁵. Аннелиз отказывалась принимать Гельдорфа — гуляку, бабника и картежника, вечно сидевшего без денег, хотя Папен числил его в друзьях. Но дело было не только в образе жизни Гельдорфа: именно он впутал своего приятеля в политику.

В двадцатых годах наш герой интересовался политикой ровно настолько, насколько это было принято в его среде, и никак не участвовал в «политическом процессе», а попытки проникнуть в узкий круг лиц, приглашаемых на приемы в иностранные посольства (самым демократичным было американское, самым снобистским — голландское) свидетельствовали лишь о социальных амбициях. Это «фантасты» превратили его в участника реакционного «капповского путча» 1920 года в Берлине вместе с Требиш-Линкольном, действительно имевшим к нему отношение¹⁶. Риббентроп слыл монархистом, консерватором и антикоммунистом, но не был замечен ни в антиреспубликанских акциях, ни в антисемитских настроениях (среди его деловых партнеров и гостей далемской виллы было много евреев). Гельдорф же сразу после войны служил в добровольческих формированиях «фрайкор» и участвовал в «капповском путче», после поражения которого скрывался в Италии. Вернувшись в Германию в 1926-м, он вступил в НСДАП.

Ранние контакты Риббентропа с нацистами окутаны мраком. Когда они были у власти, он гордился, что поддерживал их с 1930 года. На суде и в мемуарах он утверждал, что впервые встретился с Гитлером в августе 1932-го (С. 36). «Фантасты» сообщают, что лейтенанты Риббентроп и Розенберг* познакомились с ефрейтором Гитлером еще в конце войны, поручив ему наблюдение за собраниями коммунистов; их вторая встреча якобы произошла в Берлине в дни «капповского

* Уроженец Ревеля (ныне — Таллин, Эстония), получивший в Москве диплом архитектора, Альфред Розенберг ни в одной регулярной армии не служил.

путча», куда Гитлер прибыл вместе со своим другом Дитрихом Эккартом (это, возможно, соответствует действительности) и откуда Риббентроп после краха всей авантюры помог им бежать в фургоне, перевозившем шампанское «Хенкель». Гюнтер пишет, что сближению Гитлера и Риббентропа способствовал Рудольф Гесс — фронтовой товарищ и друг Иоахима. Это совершенная нелепица — Риббентроп и Гесс познакомились не ранее 1932 года, впрочем, и в ней можно отыскать рациональное зерно: если вместо Розенберга, Гесса (Глен называет столь же невероятного Рёма) и «ефрейтора Гитлера» подставить фамилию Гельдорфа, сказанное будет похоже на правду¹⁷. Некий звон «фантасты» все-таки слышали...

Попробуем подытожить то, о чем мы знаем наверняка.

23 июля 1928 года гауляйтер Берлина Йозеф Геббельс провел вечер в Висбадене вместе с Риббентропами, которые навещали родственников Аннелиз. «Милая пара. Нашлось много о чем поговорить», — гласит краткая запись в его дневнике¹⁸.

Геббельс был скандально известен на всю Германию — в том числе нападка на главу берлинской полиции еврея Бернхарда Вейсса, так что в столице респектабельные Риббентропы едва ли стали бы с ним встречаться. В 1934-м, не найдя своей фамилии в только что изданной книге Геббельса о приходе нацистов к власти «От „Кайзерхофа“ до Имперской канцелярии», наш герой зло заметил: «Говорят, что фальсификация истории начинается через пятьдесят лет. Неверно — она уже началась»¹⁹.

Риббентроп продолжал общаться с Гельдорфом, но лишь как со старым знакомым, а не нацистским функционером (с 1931 года тот возглавлял берлинских штурмовиков, а в 1932-м был выбран от НСДАП в прусский ландтаг). В Нюрнберге Вилло фон Бюлов-Шванте, бывший офицер и дипломат, знавший и Риббентропа, и Гельдорфа, утверждал, что в 1930 году при его посредничестве Гитлер и Риббентроп встретились на обеде у князя Виктора Вильгельма цу Вида; будущий рейхсминистр так пленился филиппикой будущего фюрера против коммунистов, что тут же вручил ему чек на шесть тысяч марок²⁰. Более достоверным представляется рассказ Бюлова-Шванте об обеде в Далеме весной 1932 года, где между Гитлером и хозяйевыми состоялась беседа на внешнеполитические темы. Фюрер очаровал Иоахима и Аннелиз — он был не таким, как все. Симпатия оказалась обоюдной.

«Еще при первой встрече с Адольфом Гитлером его личность произвела на меня сильное впечатление... Он никоим образом не был человеком компромиссов... Вместе с тем мог быть подкупающе любезен, сердечен и открыт... Когда он хотел привлечь кого-нибудь на свою сторону или добиться чего-нибудь от собеседника, он делал это с непревзойденным шармом и искусством убеждать... Он обладал нестигаемой волей и немыслимой энергией в достижении своих целей. Его интеллект был огромен, а способность схватывать все на лету — ошеломляющая. Мир его представлений и фантазий всегда характеризовался крупными историческими перспективами и параллелями».

И рядом с восторгами — признание: «За все годы этого сотрудничества я в человеческом плане не сблизился с ним в большей мере, чем в первый день нашего знакомства, хотя мной пережито вместе с ним так много. Во всем его существо было что-то такое, что невольно отстраняло от личного сближения с ним» (С. 43–47).

1 мая 1932 года Иоахим фон Риббентроп вступил в НСДАП и получил партийный билет № 1199927, хотя сам позднее уверял, что это произошло в августе того же года. Видимо, в августе в партию вступила Аннелиз — ее билет имел № 1411594. Правда, «прикрепились» оба к парторганизации не в Далеме, а в Баварии — чтобы не повредить деловой репутации.

Осенью 1932-го и в начале 1933 года Риббентроп участвовал в переговорах между нацистами и националистами о возможном формировании коалиционного правительства. Папен, занимавший пост канцлера с 1 июня по 3 декабря 1932 года, пользовался поддержкой президента Гинденбурга, но был на ножах с рейхстагом, в котором самой динамичной и влиятельной фракцией стали нацисты, поскольку остальные (кроме коммунистов) демонстрировали полную беспомощность и разобщенность. Консерваторы и военные, включая преемника Папена на посту канцлера «политического генерала» Курта фон Шлейхера, решили «приручить» Гитлера, предложив ему пост вице-канцлера при канцлере Папене и несколько второстепенных должностей для его «партайгепоссе». В 1921–1922 годах такой же трюк пытались проделать с Муссолини, но тот решительно отказался, соглашаясь лишь на пост премьера, пусть в коалиционном кабинете при меньшинстве своей партии. Гитлер учел опыт старшего товарища и в итоге получил то, к чему стремился.

Переговоры, предшествовавшие его назначению рейхсканцлером, не раз описаны в литературе, равно как и неудачные попытки Шлейхера расколоть НСДАП, перетянув на свою сторону ее радикальное крыло во главе с Грегором Штрассером, которого тоже соблазняли вице-канцлерством. Нас интересует роль Риббентропа, относительно которой полной ясности нет. Официальные нацистские издания уверяли, что кабинет Гитлера был сформирован «при его посредничестве», а «фантасты» объявили Папена и Риббентропа главными виновниками прихода фюрера к власти, правда, безбожно перевирая факты²¹. Однако имени нашего героя в этой связи не упоминают ни Папен, ни глава канцелярии рейхспрезидента Отто Мейснер, представлявший на переговорах Гинденбурга, ни Геббельс — а это люди знающие. Свидетельства самого Риббентропа тоже двойственны. С одной стороны: «Когда я в 1931–1932 гг. увидел, что Германия приближается к пропасти, то приложил все свои усилия, дабы помочь образованию национальной коалиции буржуазных партий и национал-социалистов» (С. 35). С другой: «Я предоставил свой дом в Далеме для нескольких встреч Гитлера с Папеном... На переговорах в моем доме я являлся только посредником и сам к ним допущен был не всегда» (С. 37–38).

Наиболее точным представляется именно определение «посредник», особенно в отношении контактов между Гитлером и Папеном. Если бы Риббентропа не было, у нацистов и консерваторов нашлись бы другие общие знакомые, и Гитлер все равно пришел бы к власти. При этом если бы Риббентроп играл самостоятельную политическую роль, он мог бы рассчитывать на хороший пост — либо от нацистов, либо от националистов, составлявших большинство нового кабинета. Но этого не произошло.

Дипломат нового типа (1933–1935)

Насколько Риббентроп считал себя специалистом в области внешней политики, сказать трудно. Знаток его считал Гитлер, собственные познания которого об окружающем мире были весьма скромны. Бесспорно другое: амбиции нашего героя были связаны именно с дипломатией.

Если всречь Папену, вскоре после прихода нацистов к власти Риббентроп обратился к нему с просьбой о содействии в получении поста статс-секретаря МИД. Почему к Папену, а не к Гитлеру? Потому, что их знакомство было более давним и более близким? Думаю, решающую роль сыграло то, что министерство, известное в обиходе как «Вильгельмштрассе» (по названию улицы, на которой оно находилось), возглавлял барон Константин фон Нейрат, приглашенный на этот пост именно Папеном. Одним из условий назначения Гитлера рейхсканцлером было невмешательство нацистов в деятельность МИД, глава которого напрямую подчинялся президенту Гинденбургу. На это пришлось согласиться. Понимая, что Нейрат — консерватор, аристократ и мастер дипломатической рутины — не возьмет к себе в заместители «торговца шампанским», а заставить его не удастся, Папен стал отговаривать Риббентропа, ссылаясь на то, что статс-секретарь — должность сугубо бюрократическая и не престижная.

В интервью, данном незадолго до смерти, экс-канцлер добавил, что, прося о должности, Риббентроп представил записку с соображениями о внешней политике, но Нейрат считал ее «дилетантской» и «безграмотной»¹. Проверить это, к сожалению, невозможно, ибо записка не сохранилась.

Гитлер не любил дипломатов — ни своих, ни чужих — и не верил им. Вместе с тем он нуждался в людях, знавших мир за пределами Германии и способных доходчиво рассказывать о нем. Риббентроп принадлежал к их числу, но у него сразу же нашлись многочисленные соперники.

1 апреля 1933 года был создан внешнеполитический отдел НСДАП во главе с Альфредом Розенбергом, главным партийным философом и теоретиком «новой внешней политики». Авторитет рейхсхляйтера Розенберга, первым привезшего в Германию «Протоколы сионских мудрецов» и видевшего «жидобольшевизм» собственными глазами, был непоколебим до тех пор, пока в начале мая того же года он не возложил к памятнику Неизвестному солдату в Лондоне венок со свастиками на лентах. Ветераны из Британского легиона сочли это оскорблением: венок оказался в Темзе, отчеты о происшествии — в газетах. Перед этим по просьбе германского посольства Розенберга приняли министр иностранных дел сэр Джон Саймон и его постоянный заместитель сэр Роберт Ванситтарт (ярый германофоб*), приняли холодно и равнодушно. Визит окончился очевидным провалом, причиной которого лондонские газеты называли незнание гитлеровским эмиссаром британского менталитета и реалий. Больше Розенберга за границу не посылали².

Сентябрьский выезд министра пропаганды Геббельса на конференцию по разоружению в Женеву (на чем настоял Нейрат, не желавший оправдываться за преследования евреев и костры из книг) оказался удачнее, хотя увязавшийся с ним вечно нетрезвый глава Трудового фронта Лей явно подпортил картину. Однако договориться с великими державами не удалось: 14 октября Гитлер заявил, что Третий рейх покидает и конференцию, и саму Лигу Наций.

Внешнеполитические дебюты Риббентропа относятся к лету — осени 1933 года. Пока ему приходилось довольствоваться прикрытием

---

* «В те годы он, несомненно, был в Англии главным противником всех стремлений германской политики. „Ванситтартизм“ стал для всего мира символом ненависти к Германии» (С. 58).

виноторговой деятельности и полагаться лишь на личные связи: журналист Фернан де Бринон в Париже, бизнесмен Эрнст Теннант в Лондоне.

В сентябре 1932-го маркиз Мельхиор де Полиньяк, производитель шампанского «Romney», которым торговал наш герой, на охоте познакомил его со своим приятелем де Бриноном, потомком старинного, но небогатого рода. Риббентроп запомнился ему как «очень красивый мужчина» и «светский человек, но без большой культуры и большого ума». «Гитлер был его култом, его страстью», — отметил де Бринон, считавшийся знатоком Германии и водивший знакомство с «веймарскими» лидерами — Штресеманом и Брюнингом. «Вы знаете слишком много евреев и слишком мало национал-социалистов», — сказал ему новый знакомый. — Когда вы приедете в Берлин, я устрою вам интересные встречи». Де Бринон не заставил себя ждать и уже 30 января следующего года наблюдал торжества в честь прихода нацистов к власти. Днем позже правительство Франции возглавил Эдуард Даладье, лидер радикал-социалистов и его личный друг³.

Риббентроп сдержал обещание, но в ответ попросил о встрече с премьером, которая состоялась в середине августа 1933-го у де Бринона в Нейи. Эмиссар Берлина склонял Даладье к личному контакту с Гитлером, что на какой-то момент показалось возможным. 30 августа он писал де Бринону:

«Получил Ваше письмо от 27 августа. Я доволен новостями и рад предстоящему приезду Вас и Вашего друга. Если удобно, я встречу Вас с «Северного экспресса», прибывающего на берлинскую станцию Зоо в 8.22 утра в пятницу 8 сентября. Сообщите мне, если это решено... P. S. Позвольте напомнить о важности Ваших инкогнито, прежде всего в отношении Вашего друга, во время путешествия»⁴.

В итоге «друг», то есть Даладье, от поездки отказался, и де Бринон отправился один. 9 сентября он встретился с Гитлером в присутствии военного министра Вернера фон Бломберга и Риббентропа, переводившего беседу. Фюрер заявил, что ищет «честного сотрудничества», и предложил «выйти за рамки дипломатических каналов», лично встретившись с французским премьером. Де Бринон немедленно сообщил Даладье о предложении, сделанном на самом высоком уровне. 13 сентября Риббентроп известил его, что на следующий день сам приедет в Париж, но и на сей раз ожидаемые результаты достигнуты не были. Французский премьер ответил: «На встречу

я пойти не могу, ибо нахожусь в рамках такой системы, которая не позволяет мне действовать столь же свободно, как господин Гитлер» (С. 49).

Встретятся они только через пять лет — на Мюнхенской конференции, когда «бык из Воклюзы», как прозвали Даладьё соотечественники, снова возглавит правительство. В сентябре 1939-го он объявит войну Германии, а после поражения окажется ее пленником.

16 ноября 1933 года Риббентроп устроил де Бринопу интервью с Гитлером, появившееся в газете «Матэн» неделей позже и ставшее сенсацией, а в начале декабря снова поехал в Париж, где за ним уже пристально следила контрразведка. Даладьё, оставивший пост премьера, но ставший военным министром, дважды встречался с ним, но ничем не обнадежил. Однако друзья не упывали. 11 января 1934-го вышла в свет книга де Бринона «Франция — Германия, 1918–1934», «один из лучших и наиболее ясных обзоров франко-германских отношений, появившихся в межвоенный период». Две недели спустя Даладьё опять возглавил кабинет, но был сброшен февральскими народными волнениями⁵.

Более результативными оказались поездки в Англию, о которых Риббентроп докладывал Гитлеру. Эти отчеты, не попадавшие в МИД и мало кому известные, «нашлись» в бумагах американского журналиста Луиса Лохнера в Гуверовской библиотеке, но до сих пор не опубликованы (пользуюсь их изложением в «Войне Гитлера» Д. Ирвинга и книге М. Блока).

«Связной» Риббентропа Эрнст Теннант принадлежал к состоятельной шотландской семье и имел обширные знакомства в деловых и политических кругах. Участие в Первой мировой войне сделало его пацифистом, зрелище послевоенного хаоса и разрухи — антикоммунистом. С 1919 по 1939 год Теннант побывал в Германии сто восемьдесят раз, в том числе с официальными миссиями. Глубоко уважая немцев, он считал еще одну войну с ними величайшим бедствием и для своей страны, и для всей Европы, а потому был противником версальского «диктата». Один из его деловых партнеров Ойген Ленкеринг, член НСДАП, убеждал Теннанта в том, что только Гитлер может спасти Германию от коммунизма, что его поддерживает вся «здоровая» часть народа и что за границей о нем сложилось превратное мнение. В конце января 1932-го Теннант присутствовал на встрече Гитлера с германскими промышленниками, составил

о ней подробный отчет и переслал его в Форин офис, но услышал в ответ, что в его услугах не нуждаются, поскольку достаточно информированы о происходящем. В том же году в Берлине он познакомился с нашим гсром.

«Признаюсь честно, при первой встрече Риббентроп мне понравился... Он прекрасно говорил по-английски и по-французски, любил рыбалку, охоту, живопись — все, что любил и я... На протяжении 1933 года я приезжал в Берлин в среднем раз в месяц... Я обычно встречался с Риббентропом и иногда останавливался у него дома в Далеме. Мы часами беседовали о важности дружбы и взаимопонимания между Британией и Германией и о путях и способах его достижения», — вспоминал Теннант после войны⁶.

В конце октября 1933 года Риббентроп попросил его о встрече с лидером консерваторов Стэнли Болдуином — ключевой фигурой «национального правительства» Рамсея Макдональда и потенциальным преемником стареющего премьера. Не будучи лично знакомым с Болдуином, Теннант обратился к влиятельному консерватору Джону Дэвидсону, проявлявшему интерес к «новой Германии». Встреча была организована втайне от дипломатов обеих стран: 20 ноября Риббентроп, Теннант и Болдуин собрались у Дэвидсона за ланчем.

«Я со всей откровенностью изложил лорду-канцлеру (следует: лорду-председателю совета. — В. М.) мысли Адольфа Гитлера о равенстве в вооружениях и их практическом осуществлении, а также передал ему желание фюрера добиться прочных дружественных отношений с Англией. У меня сложилось впечатление, что моя информация весьма заинтересовала Болдуина. Чисто по-человечески я с первого же момента почувствовал приятный контакт с этим типичным представителем английских консерваторов. Весь его облик и манеры внушали доверие» (С. 51).

По свидетельству Теннанта, Риббентроп произвел хорошее впечатление на Болдуина; по воспоминаниям Дэвидсона, лидер консерваторов не принял гостя всерьез, хоть и был с ним подчеркнуто любезен⁷.

Болдуин сразу же пригласил Риббентропа «на чай» в свою официальную резиденцию и устроил ему встречу с премьером. Выслушав гостя, Макдональд сказал, что тоже выступает за мир, разоружение и сотрудничество (Риббентроп уверял, что таковы цели Гитлера), но заметил, что многих беспокоит существование вооруженных формирований СА и СС, представляющих собой вторую армию.

«Макдональд, любезный, как все англичане, сказал шутя, что он наверняка проголосовал бы за меня, если бы я был выставлен кандидатом в его избирательном округе» (С. 52).

26 ноября Макдональд и Болдуин вновь беседовали с Риббентропом в присутствии министра иностранных дел Саймона. Премьер и лорд-председатель проявили некоторый интерес к контактам с вождями рейха, но педант Саймон заявил, что все должно идти только по дипломатическим каналам (не поэтому ли он показался берлинскому гостю холодным и недоброжелательным?). На прощание Макдональд сказал: «Когда будете докладывать канцлеру, пожалуйста, передайте ему от меня, что мы обязательно найдем общий путь, по которому идти».

Вечером он записал свои впечатления о Риббентропе:

«Приятный собеседник, с ясными серыми глазами, которые могут быть невинными, жесткими или вспыхивать ненавистью, с мягким голосом, располагающим к себе, но не обезоруживающим... Не понимает, почему мы не поступаем так, как предлагает Гитлер, не едем в Берлин ради его удобства... Как бы ни развернулись события, мы должны быть осторожны с новой Германией, которая ведет себя как избалованный ребенок, требующий, чтобы все шло по его желанию»⁸.

Больше Макдональд контактов с рейхом не искал, но французы занервничали, и Саймону пришлось успокаивать их.

В декабре при посредничестве Риббентропа Теннант увиделся с Гитлером. Рейхсканцлер «был очень расстроен тем, что союзные политики ездят по Европе из Парижа в Рим и из Рима в Лондон, обсуждая его, но ни один из них ни разу не заехал к нему и, следовательно, ничего про него не знает» и спросил, не выделит ли Болдуин несколько дней для переговоров где-нибудь на границе или на борту корабля, так как он сам не может покинуть Германию. В случае успеха их сотрудничества «в Европе через полгода не будет ни одного безработного», — заявил фюрер, добавив, что не хочет вести переговоры с Саймоном. В ответ Болдуин заявил, что лично он не против встречи, но это не входит в его компетенцию и для начала необходимо направить в рейх, причем сугубо неофициально, эмиссара вроде Дэвидсона или секретаря Джеффри Ллойда.

20 декабря Теннант отправил это сообщение в Берлин, а через два дня узнал, что Дэвидсон отказался от поездки. Риббентроп попытался добиться хотя бы личного послания Болдуина Гитлеру, но настро-

ение лидера консерваторов переменилось: по настоянию Ванситтарта он заявил, что всем должны заниматься исключительно дипломаты. Ллойд тоже никуда не поехал⁹. Риббентроп пришел в отчаяние. 12 февраля в Лондоне он уговаривал Болдуина изменить решение, но тщетно.

«Между 1933 и 1935 гг. все его усилия были сосредоточены на создании дружбы и взаимопонимания между Британией и Германией, но ему ни разу не дали шанса», — признал после войны Теннант¹⁰.

Иностранные «нотабли» слушали нашего героя как «голос» Гитлера, но не придавали лично ему никакого значения, поскольку у него не было официального статуса. Полученное 30 мая 1933 года звание лйтандартенфюрера СС* едва ли могло исправить положение. 12 ноября Риббентроп был избран депутатом рейхстага от НСДАП. Стремясь стать своим среди «старых партийных товарищей», он часто приглашал в гости главу СА Эрнста Рёма, который пытался наладить контакты с иностранными дипломатами и журналистами (особенно французскими), преследуя собственные, далеко идущие цели.

2 февраля 1934 года Риббентроп беседовал с Нейратом, попросив того о содействии со стороны послов и о допуске к дипломатической переписке. Министр принял гостя холодно, едва скрывая пренебрежение к «высочке» и «нацисту», в котором, однако, не видел серьезного соперника, а потому через три дня предписал послам в Лондоне и Париже Леопольду фон Хёшу и Роланду Кёстеру не отказывать в помощи человеку, «пользующемуся доверием канцлера», с условием, что тот будет извещать их о своих планах и докладывать министру¹¹. Розенберга, Геббельса и Лея на Вильгельмштрассе считали людьми более влиятельными, а потому и более опасными.

Не принимали Риббентропа всерьез и иностранные дипломаты, работавшие в Берлине. 8 февраля британский посол сэр Эрик Фиппс общал Саймону о неожиданном визите нашего героя, который заявил, что разочарован предложениями Лондона по разоружению, и заговорил об англо-германском сотрудничестве в противовес Франции. Фиппс парировал: мир в Европе невозможен без взаимопонимания Лондона, Берлина и Парижа. Посол охарактеризовал визитера как «националиста, решившего покинуть тонущий корабль и присоеди-

* Дальнейшее производство: оберфюрер (20 апреля 1935 г.); бригадефюрер (14 июня 1935 г.); группенфюрер (13 сентября 1936 г.); обергруппенфюрер (20 апреля 1940 г.).

ниться к нацистам до того, как те придут к власти» и как «агента для заграничной пропаганды», который не имеет ни серьезного влияния, ни официальных полномочий¹².

Еще большее разочарование постигло Риббентропа во время визита в Берлин 20–22 февраля парламентского вице-министра иностранных дел Энтони Идена. По инициативе Гитлера он пригласил Идена (с которым только что познакомился в Лондоне) на ужин в Далем, планируя организовать неформальную встречу с канцлером, но гость сообщил через посыльного, что занят. Пришлось довольствоваться ролью «лица без речей» на встрече в рейхсканцелярии 20 февраля. На прием в британское посольство «торговца шампанским» тоже не пригласили¹³.

Дальше так продолжаться не могло. В один из мартовских дней Риббентроп отправился к Гитлеру, для моральной поддержки захватив с собой Теннанта, который больше часа просидел в приемной. Из кабинета доносились отголоски разговора на повышенных тонах. Риббентроп вышел бледный: фюрер отказал ему в должности, не желая лишаться неофициального агента, который может действовать за спиной дипломатов, и считая, что этого положения вполне достаточно¹⁴.

С горя Риббентроп поехал во Францию (по утверждению биографов, в конце 1933 и начале 1934 года он побывал там не менее десяти раз). В воскресенье 4 марта его принял министр иностранных дел Луи Барту — ветеран дипломатических и политических интриг, эстет, гурман и писатель, славившийся блестящим стилем. Другой его известной чертой была германофобия — правда, ограничивавшаяся лишь сферой политики. Встречу, втайне от германского посольства, устроил бывший глава муниципального совета Парижа Жан де Кастеллан. Барту принял гостя дома, подчеркивая неофициальный характер беседы, которую тем не менее подробно записал, а запись отправил в служебный архив и послу в Берлине Андре Франсуа-Понсе¹⁵.

Риббентроп, представившийся депутатом рейхстага и другом фюрера, привычно заговорил о необходимости улучшения двусторонних отношений (недрузи сравнивали его с граммофоном, проигрывающим одну и ту же пластинку), чему мешают неравноправие Германии и предвзятое отношение к ней Франции. Он даже попытался слегка дезавуировать внешнеполитические главы «Майн кампф», в которой

Франция была названа главным врагом*, но Барту заметил, что в новых изданиях эти страницы остаются без изменений (он был одним из немногих французов, читавших «библию нацизма»). Перейдя к текущим проблемам, Риббентроп сказал, что Эльзас и Лотарингия останутся французскими, но Саар** должен быть немецким, однако собеседник «не вступил, точнее, не позволил втянуть себя в дискуссию». Упомянув приезд Идена в Берлин, визитер вернулся к идее прямых контактов, но Барту решительно заявил, что это — дело дипломатов. По воспоминаниям Риббентропа, хозяин «говорил гораздо больше о своей великолепной библиотеке и о Рихарде Вагнере (чем не тема для беседы с Гитлером? — В. М.)... Когда речь зашла о политике, его реплики — правда, всегда любезные — сделались едкими... Рассказывая любовные истории из жизни знаменитых людей (тема, в которой он был большим знатоком), министр ловко обходил рифы на пути к какому-либо решению насчет равноправия Германии в вооружениях» (С. 53). После беседы он прислал гостю свою книгу «Любовная жизнь Рихарда Вагнера» с надписью: «В память о беседе, в которой Вагнер сыграл сближающую роль» (*En mémoire d'une conversation dans laquelle Wagner a joué le rôle de rapprochement*). Интересно, где сейчас этот экземпляр?..

В начале следующей недели Барту поинтересовался у германского посла, кто такой «мсье Риббентроп», что он делает в Париже, кого представляет и как понимать визит, о котором его — главу внешнеполитического ведомства! — не сочли нужным предупредить. 7 марта Кёстер (не ошибемся, предположив, что он был раздражен и обескуражен) написал об этом Нейрату, добавив, что «по понятным мотивам он тоже хочет знать о характере визита Риббентропа и о причинах отказа от обычных каналов связи». Министр составил меморандум о вояжах «старого члена НСДАП (так! — В. М.), пользующегося особым доверием канцлера», отметив, что Барту общался с Риббентропом «в определенно саркастической манере» и отказался от любых

* Нечто подобное попробовал сделать сам Гитлер в беседе с де Бриноном 16 ноября 1933 г.

** По Версальскому договору (статьи 45–50 и приложения к ним), принадлежавший Германии Саар был на пятнадцать лет передан в управление Лиге Наций (а его богатейшие угольные копи — «в качестве компенсации» — в эксплуатацию Франции), после чего его судьбу должен был решить плебисцит. 13 января 1935 г. более 90 % населения Саара проголосовало за воссоединение с Германией.

контактов вне сферы традиционной дипломатии. «Г-н фон Риббентроп, — гласила последняя фраза, — еще не сообщил мне о своем последнем визите в Париж». Записка предназначалась Гинденбургу. Через несколько дней начальник его канцелярии Мейснер известил статс-секретаря МИД Бернхарда фон Бюлова о том, что президент «не считает целесообразным прибегать к помощи подобных посредников». Бюлов немедленно телеграфировал Кёстеру эту, без сомнения, приятную для того новость и постарался довести ее до сведения Гитлера¹⁶. Тем не менее Барту еще раз встретился с Риббентропом в доме владельца газеты «Матэн» Бюно-Варилла, оказавшись на сей раз более разговорчивым, хотя и столь же неговорчивым: «Его неизменный ответ звучал так: прежде чем вести с нами переговоры по вопросу вооружений, он должен сначала упорядочить свои союзы со странами Восточной Европы» (С. 53).

Гитлер наконец-то нашел своему советнику официальную должность. 18 апреля Нейрат известил глав германских дипломатических миссий за рубежом, что «рейхспрезидент, в соответствии с пожеланием рейхсканцлера, назначил г-на Иоахима фон Риббентропа уполномоченным по вопросам вооружения. В этом качестве он подчиняется министру иностранных дел. Цель назначения — предоставить г-ну Риббентропу (без «фон»! — В. М.) возможность в официальном качестве вести переговоры по вопросам разоружения с министрами и официальными представителями других стран. Само собой разумеется, что он будет посещать министров или министерства в стране Вашего пребывания только в сопровождении главы миссии или исполняющего его обязанности и что посольство будет давать ему советы в отношении всех действий, в том числе неофициального характера, которые он может предпринять. Г-н фон Риббентроп, в свою очередь, будет информировать посла или исполняющего его обязанности о всех своих впечатлениях и наблюдениях, а в переговорах будет принимать во внимание советы и информацию, предоставленную нашими миссиями. О всех визитах, которые г-н фон Риббентроп может планировать, будет сообщено заранее»¹⁷. Через пять дней в печати появилось официальное сообщение о его назначении «специальным уполномоченным по вопросам разоружения» (Нейрат неправильно указал должность) с присвоением ранга посла. Первая победа была одержана.

24 апреля Франсуа-Понсэ поинтересовался у военного министра Бломберга, что всё это значит. «Назначение многих интригует, —

ответил тот. — Считается, что оно указывает на новые планы, открывает глубокие намерения и означает начало новой фазы переговоров. На самом деле все гораздо проще. Риббентроп хотел звания, должности, места; или скорее его жена, амбициозная и тщеславная, заставила его потребовать хоть чего-нибудь... Он больше не частное лицо, и это облегчает ему сношения с нашими дипломатическими представителями. Увидите, что назначение Риббентропа не имеет того значения, которое вы ему придаете».

— Доволен ли Риббентроп? — спросил посол.

— Наполовину, — честно ответил генерал. — У него разыгрался аппетит. Он считает это временной должностью и рассчитывает сменить ее на место посла. Но это для него, бесспорно, слишком большой кусок. У него нет никаких шансов его получить!

Начальник западноевропейского департамента МИД Герхард Кёпке, старый друг Нейрата, сообщил Франсуа-Понсэ, что на Вильгельмштрассе назначение восприняли как «профессиональное оскорбление», что Бюлов подбивал министра на протест, однако, поразмыслив, дипломаты успокоились, решив, что теперь «коммивояжер» будет связан служебной ответственностью и «менее опасен, чем раньше»¹⁸.

Специальный уполномоченный получил несколько комнат в здании МИД, но вскоре добился предоставления ему бывшей резиденции министра-президента Пруссии на Вильгельмштрассе, 64, которая стала тесна находившемуся на этой должности Герингу. В отечественной литературе руководимую им структуру принято называть «бюро Риббентропа», хотя первоначальное, скромно звучащее название «Ribbentrop Büro» в 1936-м превратилось в более статусное «Ribbentrop Dienststelle», то есть «организация» или «агентство». К концу 1934 года там было 14 сотрудников (8 экспертов, 2 адъютанта и 4 секретаря), в 1935-м — 33, в 1936-м — 150 при бюджете в 10 миллионов марок из партийной кассы. «Бюро» получило библиотеку и архив «арианизированного» Гамбургского института внешней политики, который возглавлял Мендельсон-Бартольди, и пользовалось услугами Германской высшей школы политики и мюнхенского Института геополитики, созданного Карлом Хаусхофером¹⁹.

Кадровые дипломаты презирали «дилетантскую контору» и не стремились туда. Вокруг Риббентропа собрались случайные, но своеобразные и одаренные люди, которые едва ли могли бы сделать карьеру обычным путем. Папен не без снобизма аттестовал их как «безработных

журналистов, молодых коммивояжеров, не добившихся успеха за границей, и нацистов, искавших кратчайший путь на дипломатическую службу».

«Персонал „бюро“, — вторил ему титулованный дипломат из «старой гвардии», — составляли выходцы из всех слоев общества, но главным образом молодые люди, у которых было больше опыта в карьеристском рвении, нежели квалификации и такта»²⁰.

Думая о будущем, Риббентроп искал таланты повсюду, руководствуясь английским принципом «дайте им шанс». Обладавший широким кругозором, но неглубокими знаниями*, он сделал ставку на энергичных и предприимчивых людей в возрасте от тридцати до сорока лет, нередко с учеными степенями. «Применяя к политической работе коммерческие принципы, Риббентроп оценивал сотрудников по их инициативам и результатам»²¹.

Ключевой фигурой «бюро» стал бывший военный летчик Герман фон Раумер, ровесник шефа, отвечавший за восточное направление. Францию «курировал» будущий посол в Париже Отто Абец — преподаватель рисования, женатый на француженке и занимавшийся организацией встреч молодежи двух стран. Отставной офицер Ганс Георг Штамер взял на себя контакты с организациями ветеранов войны (Риббентроп закрыл глаза на его членство в масонской ложе). Профессор граф Дюркгейм прекрасно ориентировался в политической жизни Англии. Польшей и Россией занимался уроженец Восточной Пруссии доктор Петер Клейст, хорошо владевший обоими языками — его, как и Абеса, Риббентроп взял на работу без лишних формальностей, ознакомившись с их меморандумами. За связь с прессой отвечал Рудольф Ликус — бывший однокашник начальника, отличавшийся талантом к добыванию информации. Можно упомянуть еще и Ленкесринга, познакомившего Теннанта с нацистами.

---

* Из книги в книгу кочует такой пример «безграничного невежества» нашего героя: слушая доклад о событиях на Дальнем Востоке, в котором прозвучало слово «Симоносэки», он спросил: «Кто это такой? Что-то не припомню»; и получил ответ, что это не «кто», а «что» — город, где в 1895 г. был подписан мирный договор между Японией и Китаем. Интересно, кто из министров иностранных дел того времени (кроме японского и китайского) знал, что такое Симоносэки? Нейрат? Литвинов? Хэлл? Иден? Бек? Фланден или Лаваль? Стоит напомнить, что Ллойд Джордж, уже будучи премьером, считал «Харьков» фамилией русского генерала.

Одним из самых ценных приобретений «бюро» стал молодой профессор Альбрехт Хаусхофер, специалист по Дальнему Востоку, имевший обширные личные связи в Англии. Он был другом «наци номер три» Рудольфа Гесса и сыном знаменитого геополитика Карла Хаусхофера, к советам которого Гитлер до поры до времени прислушивался. Однажды Альбрехт спросил отца, почему тот поддерживает нацистов. «Будем учить наших хозяев», — последовал ответ. После войны американские разведчики расспрашивали его об отношениях с Риббентропом. «Я учил его читать карты», — ответил старый геополитик. «Что вы имеете в виду под чтением карт?» Тот ответил коротко и четко: «Я учил его базовым политическим принципам»²².

Чем конкретно занималось «бюро» кроме того, что служило поставленным честолюбивому боссу? Ответить на этот вопрос не так просто из-за отсутствия у него четко определенных задач, недостатка сохранившихся документов и разнобоя в свидетельствах мемуаристов. Порой его называют «параллельным» МИД, что верно лишь отчасти. Абец утверждал, что в нем не было никакой «бюрократии», другие говорят о «хаосе». Риббентроп позиционировал себя как главный советник фюрера по международным вопросам, всегда готовый дать любой совет или справку, поэтому первой его обязанностью были сбор и обработка информации. Помимо газет и дипломатической переписки (Риббентроп получил доступ к ней в августе 1934 года) важнейшим источником стали приезжавшие в рейх иностранцы, которых «бюро» тщательно опекало. Дипломаты сторонились непонятной организации, но с ней охотно контактировали журналисты (большая часть интервью Гитлера была организована именно здесь), литераторы, общественные деятели, спортсмены и просто любопытствующая публика. Конечно, «бюро» не могло конкурировать с ведомством доктора Геббельса, но уделяло пиару все больше внимания, вызывая растущую неприязнь министра пропаганды к «торговцу шампанским» (надо сказать, неприязнь была взаимной). Неконкретные, но многозначительные обвинения «бюро Риббентропа» в «грязной работе», которой якобы чурался МИД, следует признать безосновательными. Оно поддерживало контакты с праворадикальными и пронацистскими организациями за границей, вроде бельгийских «рексистов», но, скажем, судебных немцев опекали партийные круги и Вильгельмштрассе.

Основные географические направления деятельности нашего героя остались прежними. 16 июня Риббентроп снова встретился с Барту, о чем раструбили газеты: германские с восторгом, французские с осуждением. Миштр тут же разъяснил, что беседа носила сугубо частный характер, поскольку собеседник не имел официальных полномочий²³.

9 октября в Марселе Барту и югославский король Александр были убиты хорватскими националистами. 2 декабря Риббентропа принял его преемник Пьер Лаваль, на сей раз по формальной просьбе германского посольства, па чем настоял министр. «Ничего интересного разговор не дал, — информировал Лаваль британского посла. — Французское правительство выслушает любое предложение, но оно должно идти через нормальные (дипломатические. — В. М.) каналы»²⁴. В отчете Гитлеру беседа была представлена в радужном свете, но факт остается фактом: будущего «главного коллаборациониста» дружба с рейхом не волновала.

Неуспех в официальных кругах отчасти компенсировался на общественной ниве. В конце июля 1934 года Гитлер, по инициативе Риббентропа, в очередной раз принял де Бринона, а 2 ноября — Жана Гуа, депутата и лидера влиятельной ветеранской организации l'Union nationale des combattants. Его радикально настроенный коллега Анри Пинно, глава l'Union fédérale des anciens combattants, тоже зачастил в рейх. Депутат от Парижа Жорж Скапини, потерявший на войне зрение, в марте 1935-го был личным гостем фюрера, который, как известно, пережил временную слепоту в результате отравления газом. Немецкие ветераны собрались во Францию с ответным визитом под лозунгом «Вчера — враги, сегодня — товарищи, завтра — друзья», но общие усилия французских и британских дипломатов сорвали поездку²⁵.

Для развития двусторонних отношений усилиями Риббентропа были созданы Германско-французское общество (25 октября 1935 года) во главе с ректором Шарлоттенбургской высшей технической школы Ахимом фон Арнимом и Комитет Франция — Германия (22 ноября 1935-го), который возглавил отставной майор л'Опиталь при фактическом руководстве де Бринона. С германской стороны преобладали нацистские бонзы вроде Риббентропа, министра юстиции Франца Гюртнера и «партийного юриста» Ганса Франка; с французской — интеллектуалы, включая популярных писателей Пьера Дриё ля Рошеля,

Поля Морана и Жюль Ромэна, призывы которого к нормализации отношений в книге «Чета Франция — Германия» банально объясняли «поправением». Заметную роль играли Гуа, Пишо и Скапини, сменивший л'Опиталя, когда тот был изобличен как гомосексуалист. Комитет Франция — Германия пользовался поддержкой всех французских правительств, включая социалистический кабинет Леона Блюма, поэтому правоверные нацисты считали его «органом Кэ д'Орсэ» (МИД Франции)²⁶.

По главные успехи и провалы ждали нашего героя по другую сторону Ла-Манша. В начале мая 1934 года, уже будучи «уполномоченным», он появился в Лондоне, наделав шума заявлением о том, что приехал по делам бизнеса, но будет принят Иденом и Саймоном (Макдональд и Болдуин от встречи отказались). 10 мая гость проиграл им «пластинку» о необходимости равноправия и пользе сотрудничества. Посоветовав не интриговать прессу, хозяева поинтересовались, собирается ли Германия вернуться в Лигу Наций и что конкретно она может предложить. Посол Хёш сообщал в Берлин, что Саймон, «которому вся эта беседа была не по душе», подверг Риббентропа «перекрестному допросу — излюбленный прием для нежеланных гостей». В разговоре с Ваиситтартом Иден назвал эмиссара рейха «нахальным и грубым выскочкой» (эти слова сохранил для истории журналист Вернон Бартлетт), а в мемуарах сухо заметил: «Ему не хватало умственных способностей, чтобы понять другие страны, даже если он мог воспользоваться однажды полученными знаниями. У него не было воображения»^{*27}. Последнее звучит странно, ибо воображения нашему герою как раз хватало.

Следующим пунктом маршрута стал Рим. 18 мая Риббентроп встретился с Муссолини. Дуче, возглавлявший по совместительству внешнеполитическое ведомство, заявил, что «разоружение — мертво», что весь мир вооружается, поэтому ремилитаризация Германии его особо не волнует, предоставив технические детали вице-министру Фульвио Сувичу²⁸. 29 мая Риббентроп докладывал об итогах посздки престарелому Гинденбургу — видимо, это была их единственная официальная встреча.

---

* По поводу мемуаров Идена, озаглавленных «Смотря диктаторам в лицо» (Facing the Dictators), британский историк Алан Тэйлор скаламбурил: «Иден не смотрел диктаторам в лицо. Он корчил им рожи» («Eden did not face the dictators. He pulled faces at them»).

В августе Риббентроп пригласил в свое поместье газетный магнат лорд Ротермир. Как борец с коммунизмом, лорд присматривался к Гитлеру, но главным предметом его внешнеполитических забот была... Венгрия: он призывал державы мирным путем изменить ее послевоенные границы, пока венгры не сделали это силой оружия. Империалист старой школы, Ротермир был активным сторонником вооружения Британии, считая, что она должна заниматься прежде всего своей империей и полагаться только на себя²⁹. Риббентроп ему нравился, и он представил гостя известным, хоть, может, и не слишком влиятельным персонам высшего света. Знакомство с братом королевы графом Этлоном и герцогом Кентским льстило самолюбию недавнего «фона». Экс-министры иностранных дел консерватор сэр Остин Чемберлен и лейборист Артур Гендерсон присматривались к энергичному новичку. Лорд Сесил интересовался, вернется ли Германия в Лигу Наций. Лорд Ллойд хотел знать, насколько серьезно она будет требовать назад свои колонии. Бернард Шоу искал нового слушателя (или объект) для своих острот...

В начале осени Риббентроп и Теннант организовали поездку группы влиятельных бизнесменов в Берлин. 20 сентября 1934 года их принял президент Рейхсбанка Ялмар Шахт, днем позже — Гитлер, который был по обыкновению многословен, но откровенен и доброжелателен. Риббентроп дал в Далеме ужин в честь делегации. По возвращении в Лондон деловые люди хотели рассказать об увиденном и услышанном министру торговли лорду Ренсиму, но тот объявил, что слишком занят, и положил под сукно записку Теннанта³⁰.

За этим последовало трехнедельное пребывание Риббентропа в Лондоне с очередным «частным визитом». Встречи с Иденом и Саймоном 12 и 13 ноября (главными темами были грядущий плебисцит в Сааре и вопросы разоружения) ничего нового не дали, но вызвали запрос в палате общин. Иден ответил: «Ничего выходящего за пределы дружеской беседы не было: ни новых предложений, ни новых фактов», — а в мемуарах и вовсе проигнорировал это событие. Готовясь к выступлению в парламенте 28 ноября, Саймон записал: Риббентроп «заверял нас в мирных намерениях Германии. Никаких намеков, что он может сказать что-то еще. Германия представлена здесь самым компетентным послом — не думаю, что в интересах хороших англо-германских отношений стоило бы вести дела за его спиной»³¹.

К отношениям Леопольда фон Хёша с Риббентропом лучше всего подходит выражение «кость в горле»*. Что это был за человек, имя которого памятно сегодня только специалистам? Колоритный портрет посла оставил его советский коллега Иван Майский: Хёш «принадлежал к числу лучших представителей германской дипломатии догитлеровской эпохи. Буржуазный демократ по своим взглядам, он был хорошо образован, имел прекрасные манеры, в совершенстве владел английским и французским языками и отличался исключительной памятью... У Хёша было много друзей среди виднейших представителей германской интеллигенции, и не меньшее количество друзей он сумел завоевать в кругах английской интеллигенции... Хёш был увлекательный собеседник — живой, остроумный, обаятельный... Мои личные отношения с Хёшем все время были хорошие. Хотя по воспитанию, вкусам, опыту, умунастроению Хёш чувствовал себя ближе к „западному“ направлению германской дипломатии, он ясно сознавал огромную важность для его страны развития добрых отношений с Советским Союзом.

В этом духе он не раз высказывался в наших беседах и одновременно выражал желание работать в Лондоне в контакте со мной... Потом пришел Гитлер, и положение круто изменилось... Но наши личные отношения с Хёшем остались прежними... <Он> всячески старался подчеркнуть, что, несмотря на свою службу Гитлеру, в глубине души он продолжает оставаться самим собой». Майский редко расточал комплименты «буржуазным дипломатам», поэтому здесь напрашивается одно-единственное объяснение: он готовил читателя к «встрече» с Риббентропом, который, разумеется, был изображен одной черной краской.

Майский охарактеризовал положение Хёша как «исключительно трудное»: «Он был назначен в Лондон в октябре 1932 года... и приехал сюда из Парижа, где много лет с большим искусством и достоинством представлял веймарскую систему... Хёш остался германским послом и при Гитлере. Он как-то объяснил мне, что его побудили к этому патриотические соображения: он-де хотел служить интересам своего

---

* Путлиц утверждал, что неприязнь Риббентропа к Хёшу началась в бытность последнего послом в Париже: он не приглашал «торговца шампанским» на приемы в посольство. Аналогичные объяснения давались и нелюбви Риббентропа к Нейрату, когда тот был послом в Лондоне.

отечества независимо от того, каково стоящее в данный момент у власти правительство. Возможно, что эти соображения играли известную роль, но думаю все-таки, что дело было не так просто и благородно. Несомненно, большое значение имели иные расчеты — забота о карьере. Весьма вероятно также, что на первых порах Хёш, как и многие другие в то время, не верил в долговечность Гитлера и рассуждал так: перебыть год-два (тем более за границей. — *В. М.*), а там „наци“ выдохнутся, и все постепенно вернется к старому»³².

Пауль Шварц вспоминал слова Хёша, сказанные ему перед самым приходом Гитлера к власти: «Нам предстоит пройти через горячий, но краткий период чистилища в виде нацистского господства. У них настолько детские представления о внешней политике и международных отношениях, что они скоро свернут себе шею. Есть одно верное правило поведения во время землетрясения — ждать, пока оно закончится»³³. Посол ошибся — видимо, потому что не знал настоящих землетрясений.

«Как бы то ни было, — продолжает Майский, — но Хёш сохранил свой пост, и тут-то началась его трагедия. Хёш никогда не был, да по самому существу своему и не мог быть „наци“, а служить ему приходилось гитлеровскому правительству. „Наци“ Хёшу явно не доверяли, однако до поры до времени они считали неудобным заменить его кем-либо из „своих“, опасаясь враждебной реакции со стороны Англии. Вместо этого „наци“ решили использовать Хёша в своих интересах, использовать его связи, авторитет и влияние в политических кругах Великобритании, которые действительно были велики».

Использовали его и англичане: Саймон и Иден не только отговорили Макдональда от встречи с Риббентропом, но еще и пожаловались на него Хёшу, «дружески» посоветовав добиться прекращения визитов такого рода. 16 ноября посол сообщил об этом Нейрату (чувства обоих нетрудно себе представить), многозначительно добавив, что не видит пользы «от любых попыток прямых контактов через г-на фон Риббентропа». Днем позже министр переслал это письмо Гитлеру, не без некоторого злорадства заметив, что в Англии визит оценен как «полный провал»³⁴.

Фюрер проигнорировал обе жалобы, потому что усилия Риббентропа привели к нему интересных визитеров из туманного Альбиона. 19 декабря его гостями были Ротермир с сыном, Теннант и Джордж Уорд Прайс — европейский корреспондент ротермировского концерна.

Риббентроп, как всегда, выступал посредником между фюрером и гостями³⁵. 25 января 1935 года собеседником диктатора стал лорд Аллен-оф-Хартвуд, пацифист и друг премьера Макдональда. 29 января Гитлер беседовал с влиятельным консервативным политиком лордом Лотианом, в августе — с другим влиятельным тори Леопольдом Эмери. Лотиан считался умеренным германофилом и подробно рассказал о своей поездке на страницах «Таймс», Эмери — умеренным германофобом, но оба, принадлежа к «группе Родса — Милнера», превыше всего ставили интересы Британской империи, а уж потом — европейские дела³⁶.

Гитлер был доволен действиями своего протеже и разрешил ему посылать представителя «бюро» на закрытые совещания МИД. Нейрат не собирался сдаваться без боя и 19 января 1935 года отправил Риббентропу максимально резкое в допустимых официальном делопроизводством пределах письмо:

«Я должен категорически отказать в информировании Вас об инструкциях, которые я или статс-секретарь даю прессе, за исключением, разумеется, вопросов разоружения, материалы по которым регулярно поступают к Вам. Одновременно я считаю нужным отметить, — перешел министр в атаку, — что Вы в последнее время более не считаете нужным информировать меня, как это специально приказал канцлер, о действиях, которые Вы осуществляете по его указанию, в сфере внешней политики... Позвольте просить Вас время от времени возвращаться к обычному порядку»³⁷.

Риббентроп был вынужден проглотить и эту «пилюлю», но ничего не забыл...

1935 год начался если не с землетрясения, то с ощутимых сейсмических толчков. Январский плебисцит в Сааре абсолютным большинством голосов решился в пользу рейха, причем без каких-либо нарушений. На 6 марта был запланирован визит Саймона и Идена в Берлин, однако 4 марта британское правительство выпустило „Белую книгу“ с оправданием модернизации своей армии перевооружением Германии и возрождением там милитаристского духа. Гитлер тут же извещил англичан, что во время поездки по Саару сорвал голос, поэтому визит придется перенести.

«Г-н фон Риббентроп конфиденциально признал, — сообщал Филлипс, — что г-н Гитлер болен наполовину горлом, наполовину „Белой книгой“»³⁸.

6 марта Франция восстановила двухлетний срок военной службы, а днем позже объявила о продлении военной конвенции с Бельгией. 9 марта Геринг официально оповестил мир о существовании люфтваффе — военно-воздушных сил. 16 марта фюрер заявил о восстановлении военной независимости Германии, введении всеобщей воинской повинности и превращении стотысячного рейхсвера (6 дивизий) в вермахт, состоящий из 36 дивизий. Перепуганные французы попытались мобилизовать союзников, но тщетно. Муссолини ограничился формальным протестом. Англичане тоже протестовали, но не отказались от визита: этот факт был для Гитлера важнее любых итогов переговоров. Он показывал, что мирный пересмотр Версальского «диктата» в принципе возможен, даже несмотря на осуждение действий Германии со стороны Лиги Наций³⁹.

Переговоры проходили 25–26 марта с участием семи человек: Саймона, Идена, Фиппса, Гитлера, Нейрата, Риббентропа и главного переводчика МИД Пауля Шмидта, услугами которого рейхсканцлер воспользовался впервые⁴⁰. С германской стороны говорил только фюрер. Риббентроп остался «лицом без речей», Нейрат тоже. Отсутствие Бюлова породило толки, что он — в опале и будет отправлен в отставку, а должность статс-секретаря займет Риббентроп. Бюлов был болен, и наш герой попытался этим воспользоваться, так что некоторые основания у слухов были.

«МИД трепещет от мысли о том, — телеграфировал Фиппс еще 23 февраля, — что г-н фон Риббентроп получит должность, особенно если это будет должность барона фон Нейрата»⁴¹.

Саймон слушал внимательно и доброжелательно, Иден внимательно и настороженно. Гитлер был любезен, но не так предупредителен, как год назад. Главным итогом стало согласие англичан начать переговоры о морских вооружениях после предложения фюрера о том, что тоннаж германского военного флота будет составлять 35 % от британского (включая доминионы). Это означало не только признание лидерства Британии на морях, но и возможность для рейха увеличить общий тоннаж флота в три раза (!), а по кораблям основных классов — более чем в два, вопреки ограничениям Версальского договора (статьи 181–191)⁴². Гитлер еще в январе подкинул эту идею Лотиану, но реакции не последовало. 21 мая он вернулся к ней в рейхстаге, предложив, кроме того, запретить ядовитые газы и зажигательные бомбы.

«Тот, кто зажигает в Европе факел войны, стремится лишь к хаосу», — заключил он⁴³.

Попытки Берлина избавиться от оков «диктата» не могли остаться без ответа. Для обсуждения «германской угрозы» главы правительств и внешнеполитических ведомств Англии (Макдональд и Саймон), Франции (Фланден и Лаваль) и Италии (Муссолини — в единственном лице) собрались 11–14 апреля 1935 года в итальянском городке Стреза. Они заявили о непризнании изменений «мирных» договоров и дали понять Гитлеру, что не допустят воссоединения Австрии с рейхом: именно на это была направлена попытка пронацистского переворота в Вене 25 июля 1934 года, стоившая жизни канцлеру Дольфусу, другу и союзнику дуче. Однако итоговое заявление по настоянию англичан было составлено в обтекаемых выражениях, чтобы не беспокоить ни Гитлера, ни собственный парламент. Муссолини понял, что Англия и Франция не помогут ему против Германии, но и не помешают готовившейся аннексии Абиссинии⁴⁴.

Две недели спустя, 2 мая в Кремле Лаваль подписал советско-французский договор о взаимной помощи. 16 мая аналогичный пакт был заключен между Москвой и Прагой при французском посредничестве, поскольку Францию и Чехословакию еще с 1924 года связывал союзный договор.

Гитлер понял, что время не ждет. 25 мая он оповестил Париж, Лондон, Рим и Брюссель о том, что считает советско-французский договор нарушением заключенных с ними в октябре 1925-го Локарнских соглашений, по которым Германия признала нерушимыми свои западные границы. Первыми — только через месяц! — дали ответ французы (25 июня), затем англичане (5 июля), итальянцы (15 июля) и бельгийцы (19 июля)⁴⁵. О готовности к диалогу это явно не свидетельствовало.

1 июня Риббентроп был назначен главой делегации на переговорах с Англией по морским вооружениям и получил ранг Чрезвычайного и полномочного посла по особым поручениям. На следующий день он прибыл в Лондон и разместился в фешенебельном отеле «Карлтон», над входом в который развевался непривычный для лондонцев флаг со свастикой. Вильгельмштрассе выделило ему в помощь начальника правового департамента Фридриха Гауса и опытных дипломатов Эрнста Вёрмана (знакомого Риббентропа еще с 1920-х годов) и Ганса Фровейна; флот представляли контр-адмирал Карл

Георг Шустер и фрегаттен-капитан (капитан второго ранга) Ханс Кидерлен, которым помогал военно-морской атташе в Англии капитан-цур-зее (капитан первого ранга) Эрвин Васснер. Шмидт переводил: Риббентроп сказал, что мог бы обойтись и без переводчика, но предпочитает концентрироваться на сути дела, а не на тонкостях грамматики.

Между ним и Хёшем установился «нейтралитет»: глава делегации и посол настолько дистанцировались друг от друга, что 3 июня, во время парада в честь дня рождения короля, стояли на противоположных концах посольской террасы в окружении своих приближенных. Ссылаясь на то, что англичане повсюду установили подслушивающие устройства, Риббентроп приказал участникам переговоров хранить их содержание в строжайшей тайне даже от посла. Шепотом передавалась история о том, что военно-морской атташе смог проинформировать его о происходившем, только уединившись с ним то ли в туалетной комнате, то ли в гардеробной во время одного из приемов.

С британской стороны переговоры вели вице-адмирал Литтл, капитан первого ранга Дэнкверт и Роберт Крейги, не имевший ранга посла, но располагавший опытом участия в международных форумах по самым разным проблемам, включая... охрану слонов и носорогов в Африке (конференция по этому вопросу проходила в Лондоне в 1914 году).

Работа началась утром 4 июня⁴⁶. Открывший заседание Саймон заявил, что соотношение 100 : 35 не догма и что его страна будет исходить из своих реальных нужд, а затем предложил перейти к обмену мнениями. Риббентроп ответил, что для Германии приемлемо только такое соотношение как основа «нерушимых и твердо установленных отношений» и что это не предмет торга, а окончательное решение фюрера, который «мыслит длительными историческими периодами». Оторопевший министр заметил, что подобные условия можно выдвигать только в конце переговоров, но не в начале, и покинул совещание для консультации с премьером. Правда, «удивление» Саймона трудно признать искренним: во время приезда Фландена и Лавалья в Лондон в феврале 1935-го для консультаций он сразу же предложил им приступить к обсуждению «окончательного» текста коммюнике. Вот французы — те действительно удивились...

«Риббентроп выразил разочарование тем, что британское правительство не восприняло великое историческое решение рейхсканцлера

как само собой разумеющуюся основу для настоящих переговоров. Германская делегация прибыла в Лондон не для того, чтобы навязывать требование о 35 %; она приехала, руководствуясь не подлежащим изменению решением рейхсканцлера, с искренним желанием заключить долгосрочное и широкомасштабное соглашение, которое сблизит стороны и примет во внимание их жизненные интересы».

По поводу «удивления» собеседников он заявил не менее решительно: «Придется привыкнуть к тому факту, что Германия, как свободная и суверенная великая держава, имеет право требовать то, что положено великой державе... Прежде чем речь может пойти о каком бы то ни было соглашении, Германия создаст основу для участия в будущих международных переговорах на тех же условиях, что и другие страны». Наконец, «если британское правительство примет предложение рейхсканцлера, это не только упростит ограничение вооружений и позволит избежать нового бремени, но и сделает возможным более легкое разрешение остальных военно-морских проблем на основе великодушного предложения Германии».

После обеда работа возобновилась во вполне дружеской обстановке, но Риббентроп предложил впредь ограничиваться одним заседанием в день. Крейги поинтересовался, будет ли Германия придерживаться предложенного соотношения, если третья страна (речь шла прежде всего о Франции) увеличит свой флот, а Британия — нет. Риббентроп ответил, что рейх в принципе готов руководствоваться мощью британского флота и достичь на этой основе соглашения, после которого Франция едва ли сможет оправдать наращивание своих вооружений. Англичане попытались заговорить о необходимости согласовать решения конференции с другими странами, но Риббентроп воспротивился этому.

На следующий день Крейги напомнил содержание имеющихся договоров о морских вооружениях. Риббентроп выслушал «историческую справку», а затем прямо спросил, когда будет дан ответ на вчерашний вопрос, пояснив, что на Троицын день (9 июня) он должен вернуться домой. После обеда Крейги явился к нему в отель уточнить формулировки германских предложений для доклада правительству: делегаты и штаб флота рекомендовали принять предложение Гитлера.

Кабинет Макдональда собрался утром 6 июня в последний раз — согласно заранее достигнутой договоренности, премьер уходил в отставку и передавал дела Болдуину. Прсемянником Саймона был наме-

чен сэр Сэмюэль Хор, занимавший пост министра по делам Индии и входивший, подобно Саймону, во «внешний круг» «группы Родса — Милнера». Министры согласились с мнением делегатов. В пять часов вечера в Адмиралтействе состоялся последний «большой выход» Саймона в качестве главы Форин офис — он сообщил, что правительство Его Величества приняло предложение установить соотношение британского и германского флотов 100 : 35 как «окончательное и постоянное».

Переводчик Шмидт позже признался, что не поверил своим ушам. Поблагодарив британского министра, «Риббентроп повторно выразил надежду, что соглашение, достигнутое благодаря великой дальновидности германского канцлера и ставшее итогом его серьезного и искреннего желания твердо установить дружбу между Великобританией и Германией, покажет себя в будущем как благословение для обоих народов. Он счастлив, что принимал участие в столь историческом решении». Саймон произнес несколько вежливых банальностей и откланялся. Эксперты взялись за подготовку документов, утверждение которых было отложено до 15 июня. Риббентроп счел, что его миссия выполнена — причем блестяще — и в детали уже не вникал, отправившись на доклад к фюреру.

Во время каникул он успел пообщаться с лордами Ротермиром и Лотианом, но главным успехом стало личное знакомство с принцем Уэльским (будущим королем Эдуардом VIII) и его подругой-американкой Уоллис Симпсон.

11 июня 1935 года принц выступил перед членами Британского легиона, собиравшимися в Германию. «По этому случаю он произнес речь, в которой высказал мысль: никто не способен содействовать развитию добрых отношений между Англией и Германией сильнее, чем люди, которые когда-то находились в окопах друг против друга» (С. 83).

13 июня Риббентроп вернулся в Лондон, и на следующий день переговоры возобновились. Акцентируя внимание на привязке германского тоннажа к британскому, он попросил зафиксировать волю Англии продолжать политику «непоощрения», то есть сдерживания других держав в наращивании морских вооружений. Крейги согласился, но 17 июня, когда договоренность о подписании документа была достигнута, возникло новое препятствие: англичане предложили обусловить его вступление в силу согласием других участников Вер-

сальского договора, прежде всего Франции и Италии. «У меня, — вспоминал Риббентроп, — произошла в отеле „Карлтон“ серьезная стычка с сэром Робертом Крейги, и я сказал ему: „Весьма сожалею, но мне придется отправиться домой, сознавая, что по отношению ко мне англичане слова своего не сдержали“» (С. 56), имея в виду официальное заявление Саймона от 6 июня. Это можно называть «упорством», можно «грубым шантажом», кому как нравится. Однако Риббентроп достиг своей цели и на этот раз.

Соглашение было подписано 18 июня — в 120-ю годовщину битвы при Ватерлоо — в здании Форин офис в виде обмена нотами между Хором и Риббентропом, без какой-либо торжественной церемонии (в мемуарах министр объяснил, что сделал это специально, не желая потакать «тщеславию» гостя). Хор подтвердил, что его страна будет прилагать усилия к поддержанию равновесия морских вооружений и что сегодня же о соглашении будут оповещены палата общин (в виде «Белой книги» Cmd. 4930) и страны — участницы Вашингтонского договора (США, Франция, Япония и Италия). Дополнительным — и очень серьезным — успехом Риббентропа стало формальное признание за Германией права на равный с Британией тоннаж подводного флота (которого по Версальскому договору она была лишена полностью!), правда, с оговоркой, что пока он не будет превышать 45 % британского.

23 июня, перед отъездом из Лондона, Риббентроп заявил:

«Я рад, что переговоры по морским вопросам завершились удачно. Англо-германское соглашение стало возможным только благодаря широте взглядов и понимающему отношению обеих сторон — британского правительства и германского канцлера. После годов конференций, переговоров, разъездов министров из столицы в столицу это первое реальное достижение, первый шаг к ограничению вооружений.

Полагаю, что в прошлом Европа совершила ошибку, берясь за все сразу. Были сделаны две конкретные ошибки. Во-первых, люди хотели урегулировать всё за один раз, вместо того чтобы браться за проблемы по очереди, и во-вторых, что хуже, пытались разрешить все проблемы всех стран одновременно и за одним столом. Это называется системой коллективного мира. Но я думаю, что это попытка запрячь телегу впереди лошади.

Германия тоже хочет системы мира, настоящей системы мира, основанной на фактах дружбы, а не на теориях. Это должно лежать в основе

любой Лиги Наций. Но Германия убеждена, что мы можем прийти к этому только постепенно, и верит в разрешение жизненно важных проблем европейских государств действием, даже если это начинается с двусторонних, а не многосторонних переговоров, которые ничего не дают Европе.

Уверен, что морское соглашение — начало практической мирной политики. Оно раз и навсегда разрешает жизненно важную проблему между Германией и Британией. Соперничества на море больше не будет. Радостно думать, что это значит для двух великих стран.

Но я убежден, что это лишь одна сторона дела. Другой основной результат переговоров в том, что мы сломали лед застывшей ситуации в Европе. Атмосфера умиротворения, которая должна логично последовать за этим, откроет путь для решения остальных проблем, и таким образом данное соглашение может стать красугольным камнем подлинного объединения Европы.

Думаю, что в усилие сохранить культуру нашего старого мира Британия, Франция, Германия и другие европейские страны должны объединиться. Мы верим в сильную Европу и в сильную Британскую империю. Скажу больше. Я прочитал в одной из вчерашних газет, что Германия попыталась вбить клин между Францией и Британией. Должен сказать, что мы в Германии отказываемся понимать эти нелепые инсинуации, которые кажутся мне болтовней людей, неспособных освободиться от довоенного, если не допотопного мышления. Полагаю, нам всем следует попытаться быть мудрыми и забыть внутренние раздоры Старого Света. Если мы желаем возрождения Запада, как сказал в своей речи канцлер Гитлер, мы должны учиться мыслить шире и верить в это.

Наконец, вы хотите знать, каков может быть следующий шаг. Позволю себе личное замечание. Некоторые говорят, что я избрал целью жизни содействие тесному сотрудничеству между Англией, Францией и Германией, к которому с радостью присоединятся другие европейские страны. Они правы, и я полагаю, что мы — на верном пути»⁴⁷.

Через десять лет Риббентроп вспоминал: «Результатом моей лондонской миссии я был очень удовлетворен. Адольф Гитлер, которому я сообщил о подписании соглашения по телефону, был удовлетворен не менее — он назвал этот день одним из самых счастливых в своей жизни» (С. 57).

Для закрепления достигнутого успеха Риббентроп решил использовать приезд в Германию делегации Британского легиона в июле того же года, но английские ветераны не спешили принимать участие в пропагандистских акциях хозяев. Осенью 1935-го он принял деятельное участие в создании Англо-германского и Германско-английского обществ. Первое возглавил лорд Маунт-Темпл (Теннант стал секретарем), второе — герцог Саксен-Кобург-Гота, находившийся в родстве с Виндзорами. С английской стороны доминировала титулованная знать: лорды Брокет, Лотиан, Моттистон, Лондондерри, Редсдейл, герцог Веллингтон, адмирал сэр Барри Домвилл. Форин-офис, где господствовала линия Идена — Ванситтarta, постарался дистанцироваться от этих организаций⁴⁸.

Морское соглашение было одобрено большей частью британской прессы и общественного мнения, за исключением германофобов и «алармистов»* вроде Черчилля. Рсакция французов и итальянцев варьировалась от глухого раздражения до откровенного бешенства. Иден отправился в Рим успокаивать Муссолини, но сделал это столь неумело, что окончательно испортил двусторонние отношения. СССР и США настороженно наблюдали за происходившим, имея в виду собственные интересы.

Сегодня соглашение принято считать одной из роковых ошибок британской дипломатии: оно развязало руки Гитлеру, показало слабость и несогласованность политики демократических стран, усугубило недоверие между Парижем и Лондоном. Бесспорно, Риббентроп одержал крупную победу. Тем более крупную, что она была одержана благодаря дипломатии нового типа — точнее, благодаря отказу от прежней дипломатии. Теперь всё решали «быстрота и натиск», способность принимать решения без оглядки на тормозящие факторы. Соглашение не только заставило Европу считаться с Гитлером — оно показало, что отныне и Риббентропа следовало воспринимать всерьез. На склоне лет Иден сделал важное признание: «В Берлине и Риме люди, с которыми я встречался, полностью владели ситуацией в своей области, знали каждую мелочь и были готовы принимать решения. В Париже, как и в других демократиях, министров поглощали парла-

---

* Алармисты (от *фр.* *alarme* — тревога) — так в политическом лексиконе Англии и Франции того времени было принято называть деятелей, распространявших слухи о скорой агрессии против этих стран, главным образом со стороны Германии.

ментские заботы. К тому же они были в летах, не имели специальных знаний и опыта в порученной им области; но главная политическая трудность заключалась в исполнении любого решения, какое они могли принять»⁴⁹.

По справедливости это же самое можно сказать и об Англии, лидеры которой тоже оказались крепки задним умом.

«За это время, — писал после войны Сэмюэль Хор, ставший лордом Темплвудом, — я еще более четко осознал, как нужны были их встречи (Чемберлена и Гитлера. — *В. М.*), чтобы остановить войну. Пробыв пять лет послом в Испании, я вижу, что наиболее действенный способ повлиять на диктатуру — это прямой контакт с диктатором»⁵⁰. Понадобилась война, чтобы в Лондоне и Париже это поняли.

Антикоминтерновский пакт (1934–1937)

После англо-германского соглашения следующим успехом Риббентропа стал Антикоминтерновский пакт, точнее, Соглашение против Коммунистического интернационала, парафированное в Берлине 23 октября 1936 года и официально подписанное там же 25 ноября. И советская пропаганда, и леволиберальные круги Европы и Америки немедленно охарактеризовали его как «адский военный план, состряпанный гитлеровским фашизмом и японской военщиной»¹. С некоторым смягчением выражений такая оценка жива до сих пор, но в свете фактов не выдерживает никакой критики.

Первая достоверно известная попытка японско-германского сближения при нацистском режиме относится к 1934 году.

«7 апреля 1934 года <Рудольф> Гесс в частном порядке встретился с японским военно-морским атташе <контр->адмиралом Эндо <Ёсикадзу> у профессора <Карла> Хаусхофера на Кольбергер-штрассе, 18, <в Мюнхене> и обратился к нему с полуофициальными предложениями, хотя и германская армия, и министерство иностранных дел явно предпочитали Китай Японии. Марта Хаусхофер подавала чай, а профессор переводил. Поначалу оба были сдержанны в своих суждениях, но затем Гесс заявил в открытую: «Ну что ж, я могу сообщить вам — а я говорю от имени фюрера — мы искренне желаем, чтобы

Германия и Япония шли одним курсом. Но я должен заметить, что в этом не может быть ничего такого, что поставило бы под угрозу наши отношения с Великобританией». Эндо расплылся в одобрительной улыбке, которая обнажила его золотые зубы, а Хаусхофер облегченно вздохнул. В своих неопубликованных записях он описал эту встречу как первый шаг на пути к Антикоминтерновскому пакту, который страны заключили в ноябре 1936 года»².

Запомним следующие важные моменты: а) инициатива исходила от Хаусхофера или от японцев, а Гесс откликнулся на нее в силу дружбы с «отцом геополитики»; б) с германской стороны переговоры вел заместитель Гитлера по партии, а не военный или дипломат; в) Гитлер и Гесс ставили отношения с Великобританией выше любых перспектив союза с Японией; г) первые попытки сближения были сделаны еще до контактов Риббентропа с японским военным атташе Осима, сыгравшим решающую роль в подготовке Антикоминтерновского пакта.

Японские дипломаты пристально следили за действиями Гитлера, но явно недооценивали потенциал НСДАП и переоценивали влияние рейхсвера. Возможно, они исходили из характерных для Страны восходящего солнца представлений, что во внутренней политике армия «по определению» играет большую роль, чем политические партии³. В Токио после военного мятежа 15 мая 1932 года закончился недолгий период партийных кабинетов, и к власти пришло «правительство национального единства» во главе с отставным адмиралом Сайто Макото. Генерал Араки Садао, лидер и идеолог наиболее экспансионистских кругов армии, сохранил пост военного министра. В 1933-м Япония вышла из Лиги Наций, не найдя с ней общего языка в урегулировании «маньчжурского инцидента» и не желая поступиться ничем из приобретений на континенте. Парастание националистических настроений и авторитарных тенденций совпало с усилением международной изоляции и в совокупности вынуждало к поиску союзников.

Считается, что подготовка к сближению «изгоев мирового сообщества» началась еще в 1933 году, но с обеих сторон велась неактивно и неофициально. Советское руководство, усмотрев в этом новую попытку «окружения», начало демонстративно бить тревогу уже в конце 1933-го, изображая рутинный обмен дипломатическими любезностями между Берлином и Токио как прелюдию союза, с неслучайными

ссылками на британские и французские газеты⁴. Впрочем, реальных условий для сближения еще не было. 18 апреля 1934 года японский посол сказал Нейрату: «Германия и Япония являются подлинными бастионами против большевизма, и по этой причине основа общих германско-японских интересов уже сформировалась», — но развивать тему не стал, а министр на этом и не настаивал⁵. Весной и летом того же года в Европе побывал принц Кая — кузен императрицы Нагако и майор сухопутных сил. Вернувшись домой, он стал выступать за альянс с рейхом. По Скандинавским странам его сопровождал посланник в Стокгольме Сиратори Тосио, бывший начальник департамента информации МИД, «сосланный» из Токио за независимую позицию и экспансионистские взгляды. Наряду с Осима он станет главной фигурой подготовки Антикоминтерновского пакта с японской стороны, а затем первым в Японии выдвинет идею евразийского «континентального блока».

5 марта 1934 года сорокасмилетний полковник Осима Хироси, сын генерала, занимавшего пост военного министра в годы Первой мировой войны, и германофил во втором поколении, назначастся военным атташе в Берлин⁶. За его плечами был хороший опыт полевой, штабной и военно-дипломатической службы: помощник военного атташе в Германии в 1921–1923 годах, военный атташе в Австрии и по совместительству в Венгрии в 1923–1924 годах. Осима хорошо владел немецким языком (по отзывам современников, лучше других японцев, живших тогда в Берлине), любил страну и восхищался ее армией. В нацистском опыте он видел подходящую модель преобразований, хотя в Токио такие воззрения оставались непопулярными. Кроме того, на протяжении многих лет его преследовал кошмар русско-германского сближения против Японии, подобного секретному соглашению Вильгельма II и Николая II в Бьёрке 24 июля 1905 года, на завершающем этапе Русско-японской войны. Одной из главных целей своей работы Осима считал предотвращение «нового Бьёрке», возможность которого допускал даже с учетом взаимной враждебности двух стран в середине 1930-х годов.

Новый военный атташе прибыл в столицу Третьего рейха в апреле 1934-го. Круг его обязанностей был не так уж широк, учитывая ограниченные масштабы военного сотрудничества сторон. Главная работа шла по линии сбора информации, прежде всего о Советском Союзе, и возможного обмена ею. Он познакомился с Германом Герингом,

будущим начальником Верховного командования вермахта Вильгельмом Кейтелем, главой военной разведки (абвер) Вильгельмом Канарисом и рейхсфюрером СС Генрихом Гиммлером.

Осима полагалось заниматься только военными вопросами, но в их решении он был полностью независим от посла: атташе могли и должны были самостоятельно вести переговоры по военным вопросам, но они же сами решали, что относится к их компетенции, а что нет. Именно это определило характер подготовительного, наиболее важного и интересного этапа переговоров о соглашении против Коминтерна. Первоначально Осима вообще не ставил о них в известность посла Мусьякодзи Кинтомо, а посылал доклады напрямую в военное министерство и Генеральный штаб (ни один из этих документов не сохранился, и о них известно только из послевоенных показаний самого Осима*)⁷. По мере того как военные круги проникались идеей сближения двух стран, они вступали в контакт с министерством иностранных дел, которое давало инструкции послу. Кроме того, по свидетельству спецкора газеты «Асахи» Хамада Цунэдзиро, посол не имел личных связей ни с кем из нацистских лидеров и не пользовался у них авторитетом⁸. Когда в конце 1935 года Мусьякодзи уехал в отпуск, покинув Берлин почти на полгода, активность военного атташе заметно возросла.

«Бюро Риббентропа», ставшее главным партнером Осима, тоже вело переговоры без согласования и контактов с МИД. Отсюда расхожее мнение о том, что на Вильгельмштрассе слышали о готовившемся пакте чуть ли не непосредственно перед его подписанием. Это неверно: о переговорах там знали уже в конце 1935-го, но сознательно дистанцировались от них, полагая, что из контактов с Токио ничего не выйдет⁹. Министерство избегало любых занятий «профессиональным антикоммунизмом», предоставив их ведомствам Гёббельса и Розенберга, чьи внешнеполитические дебюты оказались далеко не блестящими.

Германский посол в Токио Герберт фон Дирксен вспоминал, что, приехав в Берлин в отпуск весной 1936 года, застал министерство

---

* Его показания на следствии перед Токийским процессом, использованные как на суде, так и позднейшими историками, являются ненадежным источником из-за неточностей в английском переводе, которые Осима, по незнанию этого языка, не мог заметить и исправить, но на которые не раз указывали его адвокаты.

якобы в полном изведении о переговорах, а потому «решил прогуляться в логово льва и задать несколько вопросов самому Риббентропу, с которым до сих пор не был даже знаком. Очевидно, озадаченный моей инициативой, Риббентроп поначалу продемонстрировал некоторое недоверие, но в конце концов выдал кое-какую информацию и внимательно выслушал мой отчет о политической ситуации в Японии. Я ушел от него, сказав на прощание, что думаю, он не будет против, если я проинформирую г-на фон Нейрата о нашей беседе. Риббентроп ответил, что нет, он не возражает... Когда я сообщил об этих фактах в МИД, они рассыпались в благодарностях за то, что я добыл столь ценную информацию. Это заставило меня осознать, до какой степени МИД *позволил изолировать себя* (выделено мной. — В. М.) от происходящего в политической жизни страны. Вряд ли необходимо упоминать, что МИД был решительно против пакта с Японией... Я был определенно „за“ в том, что касалось основной политической цели договора, — тесном взаимопонимании с Японией»¹⁰.

Последнее утверждение согласуется с меморандумом Дирксена о «возможностях германско-японского военного и политического сотрудничества», составленным в канун нового 1936 года после получения информации о переговорах из... японского Генерального штаба. Записка была отправлена на Вильгельмштрассе, а не в «бюро Риббентропа», но ее главная мысль поправилась бы и нашему герою: «Пока Германия и Советский Союз противостоят друг другу со всей непреклонностью государств, системы которых противоположны до последней детали и полностью различны по своей сущности, и пока к тому же Советский Союз вовлечен во французскую систему альянсов и в Лигу Наций, германско-японское сотрудничество, какую бы форму оно ни приняло, послужит к облегчению положения Германии и сослужит ей службу, при условии наличия необходимых мер предосторожности. Япония — единственная великая держава, которая противостоит Советскому Союзу и по глубинным идеологическим мотивам, и по многим политическим причинам... и к тому же, похоже, полна решимости разрешить это противостояние силой оружия, как только почувствует достаточную военную мощь... Несомненно, германско-японско-британская комбинация означала бы идеальный политический вариант для Германии (возможно, для двух других стран тоже)»¹¹.

Риббентроп вполне мог читать эту бумагу.

Точной даты и обстоятельств знакомства Осима и Риббентропа мы не знаем, но его можно уверенно отнести ко второй половине 1934 года (на Токийском процессе Осима назвал октябрь 1935-го, что совсем уж фантастично!). Риббентроп приписывал идею сближения Гитлеру: «Еще несколькими годами ранее (1936 года. — В. М.) Адольф Гитлер говорил со мной о том, нельзя ли в какой-либо форме завязать с Японией более тесные отношения. Я отвечал ему, что у меня самого есть кое-какие связи с японцами и что я установлю с ними необходимый контакт. При этом выяснилось, что японское правительство занимает такую же антикоммунистическую позицию, как и германское. Из этих бесед, имевших место в 1934–1935 гг., выкристаллизовалась идея сделать одинаково направленные стремления предметом переговоров» (С. 89).

1 января 1936 года Дирксен в письме к Отто фон Эрдманнсдорфу, курировавшему в МИД дальневосточную политику, утверждал, что инициаторами переговоров выступили Риббентроп и Канарис — так ему сказали в японском Генеральном штабе¹². Версия об инициативе Риббентропа закреплена в вердиктах Нюрнбергского и Токийского трибуналов — не в последнюю очередь со слов Осима — и в некоторых мемуарах. Но слишком доверять им все же не стоит.

В окружении Риббентропа на начальном этапе переговоров важную роль сыграл доктор Фридрих Гак, лоббист той части военно-промышленного комплекса, которая стремилась к расширению торговли с Японией (большинство промышленников ориентировалось на чанкайшистский Китай — исправного покупателя оружия и боеприпасов)¹³. Еще осенью 1914 года Гак был интернирован японцами при захвате германской крепости Циндао в Китае и обзавелся хорошими связями в военных кругах, которыегодились ему после войны, когда он занялся торговлей оружием. Версальский договор запретил Германии разрабатывать и использовать современные военные технологии и полностью лишил ее военной авиации и подводного флота. Дальновидные люди стали искать партнеров для тайного сотрудничества. Для летчиков и танкистов таким партнером стала Советская Россия. Флот же с помощью связей Гака решил попытать счастья в Японии, куда весной 1924-го прибыл одетый в штатское Канарис¹⁴. Результатов вояж не дал, но влиятельные люди оценили имя и связи Гака. Десять лет спустя их использовал Риббентроп — по совету всеведущего шефа абвера.

Изучая в начале 1960-х годов историю Антикоминтерновского пакта, японский историк Т. Охата имел возможность основываться не только на документах, но и на личных свидетельствах участников событий. Сопоставив их, он убедительно доказал, что инициатива исходила от Осима. В этом бывший военный атташе сам признавался на старости лет, опровергая свои показания на Токийском процессе, где он сознательно преуменьшал собственную роль и валил всё на покойного рейхсминистра.

В 1966 году Осима говорил американскому историку Х. Бервальду: «Можно сказать, что Риббентроп и я были очень близкими друзьями. Мы часто встречались по вечерам, славно проводя время за вином и ликерами. Пожалуй, тот первый Антикоминтерновский пакт никогда не был бы заключен, если бы между Риббентропом и мной не существовала близкая дружба»¹⁵.

Японский историк М. Миякэ, хорошо знавший генерала-посла в те же годы, рассказывал мне, что Осима отличался открытостью и откровенностью и если не хотел говорить на какие-то темы, то честно отказывался, не прибегая к отговоркам и не ссылаясь на слабеющую память. И категорически отказался писать мемуары.

Риббентроп с готовностью подхватил инициативу, но переговоры шли полукоинспиративно, не фиксируясь на бумаге. Например, не документировано присутствие на них Сиратори, наезжавшего в Берлин из Швеции, хотя для современников его участие не было тайной¹⁶. Осенью 1935 года Риббентроп представил Осима фюреру, и с этого времени они встречались неоднократно вплоть до конца войны. Осима надеялся на заключение хотя бы ограниченного военного союза против СССР — пусть даже тайного! — но не мог рассчитывать на это, не располагая необходимыми полномочиями. Риббентроп, напротив, хотел сделать пакт гласным и идеологическим, а потому открытым для других держав. В его расширении он видел залог успешного продвижения к вождьленному креслу министра иностранных дел, убеждая Осима, что «только будучи опубликованным, Антикоминтерновский пакт достигнет своей цели и даст нам возможность начать широкое дипломатическое наступление против большевизма и приступить к формированию блока антибольшевистских государств»¹⁷. Так что их подходы к совместно задуманному соглашению изначально различались.

Слухи о переговорах, более того, об их успешном завершении значительно опережали события. Дневник антинацистски настроенного

американского посла в Берлине Уильяма Додда — источник популярный, но ненадежный ввиду обилия сомнительных утверждений и откровенной дезинформации — фиксирует сведения о том, что некий японско-германский пакт уже заключен (!), в записях от 25 марта, 26 мая, 29 мая, 25 июня и 11 июля 1935 года и 29 февраля 1936-го, то есть за много месяцев до его действительного подписания¹⁸.

Среди информаторов, а точнее, дезинформаторов выделялись британский посол Фиппс и его советский коллега Яков Суриц. Не берусь утверждать, была ли дезинформация случайной или намеренной, но и Лондон, и Москва были неплохо осведомлены о переговорах по разведывательным каналам, используя сведения в соответствии с собственными политическими расчетами. В советской разведке эту работу осуществляли Рихард Зорге, получавший информацию от германского военного атташе в Токио Ойгена Отта, и резидент в Нидерландах Вальтер Кривицкий — позднее шеф европейской резидентуры НКВД и один из самых знаменитых перебежчиков. Среди фрондировавших германских дипломатов всегда хватало охотников поговорить по душам с британскими коллегами и поругать «нацистских выскочек». Предупреждения Эрнста Теннанта и советы нормализовать отношения с Берлином, пока не поздно, опять остались без внимания¹⁹.

В итоге подписи под пактом поставили Риббентроп и Мусьякодзи, за спиной которого стоял улыбавшийся Осима. С японской стороны послу был поручен только последний, официальный этап переговоров — во избежание конфликтов как в самом посольстве, так и между МИД и армией.

Теперь обратимся к сущности, целям и характеру Антикоминтерновского пакта. Обычно его называют военным союзом агрессивных держав, обращая особое внимание на прилагавшийся к нему секретный протокол (или соглашение). Если попытаться разобраться в его содержании без предубеждения, нельзя не отметить, во-первых, неконкретность формулировок, во-вторых, ограниченность обязательств сторон. Чтобы не быть голословным, приведу содержательную часть пакта:

«Правительство Великой Японской Империи и правительство Германии, сознавая, что целью коммунистического „интернационала“ (так называемого „Коминтерна“) является подрывная деятельность и насилие всеми имеющимися в его распоряжении средствами

по отношению к ныне существующим государствам, будучи убеждены, что терпимое отношение к вмешательству коммунистического „интернационала“ во внутренние дела наций не только угрожает их спокойствию, общественному благосостоянию и социальному строю, но представляет собой также угрозу миру во всем мире, и выражая свое намерение сотрудничать в деле обороны против коммунистической подрывной деятельности, заключили нижеследующее соглашение.

Статья 1. Высокие договаривающиеся стороны обязуются взаимно информировать друг друга относительно деятельности коммунистического „интернационала“, консультироваться по вопросу о принятии необходимых оборонительных мер и поддерживать тесное сотрудничество в деле осуществления этих мер.

Статья 2. Высокие договаривающиеся стороны обязуются совместно рекомендовать любому третьему государству, внутренней безопасности которого угрожает подрывная работа коммунистического „интернационала“, принять оборонительные меры в духе данного соглашения или присоединиться к нему.

Статья 3. Настоящее соглашение заключено на пять лет и вступает в силу со дня его подписания. Обе договаривающиеся стороны своевременно, до истечения срока действия настоящего соглашения, должны достигнуть взаимопонимания относительно характера их дальнейшего сотрудничества»²⁰.

Составной частью пакта являлся конфиденциальный дополнительный протокол:

«При подписании Соглашения против коммунистического „интернационала“ полномочные представители относительно этого соглашения договорились о нижеследующем:

а) соответствующие власти обеих высоких договаривающихся сторон будут поддерживать тесное сотрудничество в деле обмена информацией о деятельности коммунистического „интернационала“, а также по поводу принятия разъяснительных и оборонительных мер в связи с деятельностью коммунистического „интернационала“;

б) соответствующие власти обеих высоких договаривающихся сторон будут принимать в рамках ныне действующего законодательства строгие меры против лиц, прямо или косвенно внутри страны или за границей состоящих на службе коммунистического „интернационала“ или содействующих его подрывной деятельности;

в) в целях облегчения указанного в пункте „а“ сотрудничества между соответствующими властями обеих высоких договаривающихся сторон будет учреждена постоянная комиссия, в которой будут изучаться и обсуждаться дальнейшие оборонительные меры, необходимые для предотвращения подрывной деятельности коммунистического „интернационала“».

Не будем забывать о времени составления этого документа. Преамбула представляется логичным и естественным ответом на агрессивные заявления и резолюции VII конгресса Коминтерна (август 1935 года), адресно направленные против Германии, Италии и Японии²¹. Первоначальный вариант, предложенный германской стороной, был более риторичным, причем на этом настаивал Риббентроп, доказывая «необходимость и полезность жестких фраз»²². От них пришлось отказаться по настоянию японцев, которые предпочли более конкретные и более привычные для дипломатов формулировки. Предписывая сторонам обмениваться информацией о деятельности Коминтерна, сотрудничать в деле борьбы с ним и консультироваться о принятии мер, пакт, однако, никак не определял конкретных форм и методов этой борьбы. Каждая страна боролась с коммунизмом самостоятельно, и на этом поприще у Риббентропа было много куда более влиятельных конкурентов.

Даже секретное дополнительное соглашение, о котором стало известно сразу же, но которое было опубликовано лишь после Второй мировой войны, не таило в себе ничего неожиданного:

«Правительство Великой Японской Империи и правительство Германии, признавая, что правительство Союза Советских Социалистических Республик стремится к реализации целей коммунистического „интернационала“ и намерено использовать для этого свои вооруженные силы, и будучи убеждены, что это является серьезнейшей угрозой существованию не только государств, но и существованию мира во всем мире, в целях защиты своих общих интересов договариваются о нижеследующем:

Статья 1. В случае если одна из договаривающихся сторон подвергнется неспровоцированному нападению со стороны Союза Советских Социалистических Республик или ей будет угрожать подобное неспровоцированное нападение, другая договаривающаяся сторона обязуется не предпринимать каких-либо мер, которые могли бы способствовать облегчению положения Союза Советских Социалистических Республик.

В случае возникновения указанной выше ситуации договаривающиеся стороны должны немедленно обсудить меры, необходимые для защиты их общих интересов.

Статья 2. Договаривающиеся стороны на период действия настоящего соглашения обязуются без взаимного согласия не заключать с Союзом Советских Социалистических Республик каких-либо политических договоров, которые противоречили бы духу настоящего соглашения.

Статья 3. Настоящее соглашение вступает в силу одновременно с Соглашением против коммунистического „интернационала“ и имеет одипаковый с ним срок действия».

Трактовать соглашение можно по-разному: оно в равной мере позволяло как оказать партнеру широкомасштабную военную помощь, так и уклониться от любой поддержки, кроме моральной. Сиратори, по праву считающийся одним из авторов пакта, сказал, что он составлен нарочито неконкретно и подобен раме, в которую можно вставить любую картину²³. Фраза проникла в газеты, однако, как не без юмора заметил американский историк Дж. Комптон, «партнеры не могли прийти к согласию относительно самой картины: для Японии это был морской тихоокеанский пейзаж, для Гитлера — пейзаж Европейского континента»²⁴.

Обращает на себя внимание отсутствие обязательств о взаимной военной и политической помощи в случае конфликта с третьей страной, что являлось основой двусторонних оборонительных пактов, например советско-французского и советско-чехословацкого договоров 1935 года — главного источника беспокойства Гитлера. Ни один из них не был секретным и трактовался как закономерная превентивная мера против возможной агрессии, а под агрессором вполне открыто подразумевалась Германия.

На Токийском процессе адвокат А. Лазарус резонно заметил: «В то время существовал договор о взаимной помощи между СССР и Францией, который не может быть признан агрессивным. Почему же Антикоминтерновский пакт объявляется таковым?.. Он был разработан исключительно для самообороны и без агрессивных намерений»²⁵.

Агрессивные намерения, точнее, территориальные притязания у Германии и у Японии имелись, но в договоре об этом не сказано, равно как и о конкретном сотрудничестве, кроме создания совместной

консультативной комиссии. Поэтому даже в качестве оборонительного пакта он выглядел «протоколом о намерениях», а не конкретной программой действий.

Об этом же свидетельствуют разъяснения японского премьер-министра Хирота Коки и министра иностранных дел Арита Хатино Тайному совету, который должен был утвердить текст пакта и рекомендовать его к подписанию. Хирота заявил, что применительно к Японии пакт имеет целью предотвратить большевизацию Восточной Азии и усиление военной угрозы со стороны СССР. Одновременно премьер считал нужным «воздержаться от принятия каких-либо позитивных мер, которые могут осложнить отношения с Советским Союзом» и «развивать дружественные отношения между Японией и Британией и Соединенными Штатами, особенно сердечные отношения между Японией и Британией».

Арита показал рост внешнеполитической активности Москвы, сославшись на договоры с Францией и Чехословакией, нерасторжимую связь СССР и Коминтерна и привел конкретные примеры его действий. Министр подчеркнул, что приняты необходимые меры предосторожности: Коминтерн как объект действия соглашения никак официально не идентифицируется с Советским Союзом, а дополнительный протокол предполагается сделать секретным. При этом оба говорили только о политических вопросах, а не об опасности коммунистической идеологии²⁶.

Однако нарком иностранных дел Максим Литвинов, опираясь на информацию разведки, имел все основания говорить об антисоветском характере соглашения, издеваясь над неуклюжими оправданиями германских и японских дипломатов. Выступая на VIII Всесоюзном съезде Советов 28 ноября 1936 года, «сталинский знаменосец мира» обрушил на пакт всю силу своего грубоватого сарказма: «Люди сведущие отказываются верить, что для составления опубликованных двух куцых статей японско-германского соглашения необходимо было вести эти переговоры в течение пятнадцати месяцев, что вести эти переговоры надо было поручить с японской стороны генералу, а с германской — „сверхдипломату“ ... Все это свидетельствует о том, что „антикоминтерновский пакт“ фактически является тайным соглашением, направленным против Советского Союза... Не выиграет также репутация искренности японского правительства, заверившего нас в своем стремлении к установлению мирных отношений с Советским Союзом»²⁷.

Хирота и Арита проиграли не только в репутации: Москва в последнюю минуту отказалась подписывать готовую к заключению рыболовную конвенцию с Японией. Совестник полпредства в Токио Николай Райвид сказал не названному по имени германскому дипломату, что «советское правительство знало текст антикоминтерновского соглашения с самого начала», включая секретное приложение, а также «знало, что германское посольство в Токио не было информировано о переговорах» (что не совсем верно). На протесты немца Райвид выразительно повторил: «У нас есть текст»²⁸.

После войны Риббентропу пришлось признать: «Разумеется, Антикоминтерновский пакт скрывал в себе и политический момент, причем этот момент был антирусским, потому что носителем идеи Коминтерна являлась Москва. Гитлер и я надеялись Антикоминтерновским пактом создать определенный противовес России, ибо между Советским Союзом и Германией имелось тогда и политическое противоречие» (С. 91).

Однако главным врагом он называет Коминтерн как политическую силу, а не СССР-Россию как государство, что соответствует его геополитической ориентации, сформировавшейся под влиянием Хаусхофера.

23 октября, в день парафирования пакта, Риббентроп направил Мусьякодзи ноту, в которой говорилось, что положения существующих советско-германских договоров — Рапалльского 1922 года и Берлинского 1926-го — «не противоречат духу» Антикоминтерновского пакта и содержащимся в нем обязательствам. Иными словами, Германия не отказывалась от них и отделяла их как документы общего характера от нового соглашения. Получив ноту, посол сообщил Арита, что «дух этого пакта является единственной основой будущей германской политики в отношении Советского Союза» и что Риббентроп подтвердил правильность такого понимания²⁹.

Япония ждала конкретных гарантий, опасаясь односторонних действий Берлина по сближению с СССР, что могло казаться невероятным, но как раз и случилось в августе 1939 года. Риббентроп гарантии дал, но оставил Германии «запасной выход», который очень пригодился впоследствии.

Все это произошло во время пребывания в рейхе министра иностранных дел Италии графа Галеаццо Чиано — тридцатитрехлетнего зятя и любимца дуче, из рук которого он несколькими месяцами раньше получил высокий пост. В Берлине Чиано вел переговоры с Нейратом,

но главным событием оказалась поездка в Берхтесгаден к Гитлеру. Результатом визита стали официальное признание Виктора-Эммануила III не только королем Италии, но и императором Абиссинии (Муссолини добился хотя бы относительной легализации ее захвата), решение о совместной поддержке мятежа генерала Франко в Испании (Гитлера убедил Канарис — давний знакомый будущего каудильо — несмотря на опасения Риббентропа*) и договоренность о координации политики в Европе. Особое внимание уделялось идейному единству, прежде всего в борьбе с коммунизмом.

Выступая 1 ноября в Милане, Муссолини произнес фразу, моментально облетевшую весь мир: «Вертикальная линия Берлин — Рим — не линия раздела, но ось, к которой могут присоединиться все европейские страны, движимые волей к сотрудничеству и миру»³⁰.

Однако в частных беседах Чиано высокомерно отзывался о «посредственностях» и «дураках», правящих Германией, не пожалев подобных определений и для Риббентропа, с которым только что познакомился³¹. Для будущего союза это было не лучшим предзнаменованием...

Торжественное подписание пакта 25 ноября 1936 года в Берлине сопровождалось специальными заявлениями сторон. Сначала их сделали лично Риббентроп и Мусьякодзи, затем оба правительства³². Приведу полностью заявление Риббентропа:

«На VII конгрессе Коминтерна большевизм объявил смертельную войну всем чтущим законы государствам, провозгласил своей целью повсеместное осуществление революции и установление большевистской диктатуры во всем мире. Последней жертвой стремления к разрушению, вызванного большевистской заразой, стала Испания. Сегодня эта страна древней европейской цивилизации растерзана гражданской войной; ее города и деревни лежат в руинах и пепле, а народ обречен на страдания и муки — положение, которому нет аналогов в истории. Таковы ужасные результаты действий Коммунистического интернационала во исполнение решений, принятых на VII конгрессе Коминтерна. У Коминтерна нет другой цели, кроме созда-

---

* «Я спонтанно отвистил: для нас было бы лучше не влезать в испанские дела. Там нас не ждут никакие лавры, и, по моему убеждению, Испания для нас — дело весьма опасное. Я боялся новых осложнений с Англией, поскольку там германское вмешательство, без сомнения, будет рассматриваться как очень нежелательное... Все мои повторные возражения Адольф Гитлер отбросил» (С. 73).

ния с помощью пропаганды и силы оружия „Испанской советской республики“, чтобы оттуда вести подкоп под Европу. Кто будет следующей жертвой? Многие государства, например Америка, выступили с энергичным протестом против решений VII конгресса Коминтерна, но они не дали никакого эффекта.

Германия и Япония, не желая более терпеть махинации коммунистических агитаторов, перешли к активным действиям. Заключение Германией и Японией соглашения против Коммунистического интернационала является эпохальным событием. Это поворотный пункт в борьбе всех чужих законов цивилизованных стран против сил разрушения.

С подписанием этого договора наш Фюрер и Его Величество Император Японии совершили исторический акт, значение которого будет оценено только грядущими поколениями. Сегодня два государства, в равной степени решившие пресечь любую попытку вмешательства в их дела со стороны Коммунистического интернационала, создали мощную линию обороны. Япония никогда не допустит распространения большевизма на Дальнем Востоке. Германия создает бастион против этой чумы в Центральной Европе. Наконец, Италия, как Дуче оповестил мир, поднимет знамя антибольшевизма на юге. Я убежден, что страны, до сих пор не осознавшие опасность большевизма, однажды скажут спасибо нашему Фюреру за ясное и своевременное понимание этой исключительной мировой опасности.

Соглашение содержит статью, приглашающую другие государства принять участие в борьбе. Мы надеемся и желаем, чтобы остальные цивилизованные страны поняли необходимость всеобщего сотрудничества против действий Коммунистического интернационала и присоединились к настоящему соглашению. Таким путем мы добьемся успеха в окончательном отражении общего врага, в сохранении мира у себя и за границей и в спасении нашей древней цивилизации».

Пышная риторика контрастировала со скромным содержанием опубликованного текста и наводила на мысль, что за ним скрывается нечто большее. Краткое и более сдержанное заявление Муссолини ограничилось констатацией вмешательства Коминтерна во внутренние дела других стран и его особой враждебности к Германии и Японии. Посол ни словом не упомянул о Советском Союзе, но ничего не сказал и о возможном расширении пакта.

Заявление правительства Третьего рейха имело подчеркнуто общий и дипломатический характер: оно акцентировало внимание на оборонительной сущности соглашения и его направленности против Коминтерна как организации, не упоминая СССР (как известно, советское правительство уверяло весь мир, что Коминтерн совершенно не зависит от него). В заявлении японского правительства, более конкретном и на сей раз более агрессивном, говорилось о VII конгрессе Коминтерна и гражданской войне в Испании, о китайских коммунистических армиях как угрозе Японии и о совместном сопротивлении коммунизму; за этим, однако, следовали разъяснения, что пакт не направлен против какой-либо третьей страны, то есть СССР³³.

Несомненной дипломатической ошибкой было упоминание секретных соглашений, наличие которых в заявлении категорически отрицалось, хотя об их существовании знали заинтересованные лица и не переставала твердить иностранная пресса. Заявления снова показали разность подходов и намерений сторон: Япония подчеркивала политический характер соглашения, Германия – идеологический. «Смыслом и целью пакта были совместные меры по отражению коммунизма» (С. 89), – суммировал позже сам Риббентроп.

Дальнейшие действия Берлина были направлены на расширение пакта за счет привлечения третьих стран, что соответствовало замыслу лидеров рейха, преследовавших не только абстрактные идеологические, но и конкретные политические цели. В тюремной камере Риббентроп писал: «Адольф Гитлер рассматривал противоречие между национал-социализмом и коммунизмом как один из решающих факторов своей политики. Поэтому следовало проверить, каким способом можно найти путь к тому, чтобы привлечь и другие страны к противодействию коммунистическим стремлениям... Пакт возник из сознания, что только созданный на длительный срок общий оборонительный фронт всех здоровых государств мог положить конец угрожающей всему миру опасности. Поэтому я выражал тогда надежду на то, что остальные культурные государства тоже осознают необходимость своего объединения против деятельности Коммунистического интернационала и пожелают присоединиться к данному соглашению» (С. 89–90).

8 и 12 августа 1936 года Риббентроп встретился в Берлине с Яном Шембеком, статс-секретарем МИД Польши, представлявшим ее на Олимпийских играх. Лейтмотивом бесед было совместное противо-

стояние коммунистической угрозе, но на гостя это, похоже, не произвело впечатления. Наш герой не сдавался и в конце августа отправил Раумера в Варшаву для дальнейших зондажей. 1 сентября его принял заведующий Восточным отделом МИД С. Забелло, внимательно выслушал, но ничего определенного не сказал.

9 ноября 1937 года польский министр иностранных дел Юзеф Бек разослал дипломатическим миссиям за границей в качестве руководства к действию следующие разъяснения: «До сих пор Польше не делали никаких предложений о присоединении к итало-германо-японскому протоколу (антикоминтерновскому пакту). Во всяком случае, Польша не может стать участником этого протокола ввиду особенности ее положения как соседа СССР, а также ее принципиальных возражений против формирования любого блока»³⁴.

С осени 1938-го предложения такого рода делались уже официально, но неизменно отвергались Польшей, хотя на VII конгрессе Коминтерна она тоже подверглась осуждению как «агрессивная» и «фашистская» держава. Европейские сателлиты рейха будут присоединяться к пакту один за другим, лишь когда утратят политическую самостоятельность.

Риббентроп всерьез подумывал о привлечении к соглашению Чан Кайши: в ноябре 1935 года он интересовался у Осима возможной реакцией Токио, но отклика и понимания не встретил. Япония окончательно разочаровалась в перспективах сотрудничества с гоминьдановским режимом, видевшим в ней главного врага и готовым принимать помощь против нее из любых рук. Коммунистов — что своих, что чужих — китайский диктатор страшился меньше, чем Японской империи³⁵.

Первого значимого успеха «антикоминтерновские» державы добились в Риме. Вопрос о присоединении Италии к Антикоминтерновскому пакту летом 1937-го поставил перед Чиано отбывавший на родину японский посол Сугимура Ётаро, но его больше волновало то, что итальянские инструкторы обучали гоминьдановских летчиков. 19 июля Чиано в прощальной беседе заверил Сугимура, что «будет иметь в виду крепкие узы дружбы, которые связывают нас с Японией и ее антибольшевистской деятельностью на Дальнем Востоке».

Новый посол Хотта Масааки, настроенный более решительно, чем пожилой либерал Сугимура, перешел с места в карьер. 31 июля, во время первой же встречи с итальянским министром, он предложил

заключить двустороннее соглашение о «техническом сотрудничестве в военной области» и «подчеркнул желательность установления очень тесного сотрудничества в военной области между Италией и Японией». Чиано, неплохо разбиравшийся в авиации, сразу отметил заинтересованность японцев в приобретении итальянской техники и технологий — Риббентропу подобные материи были чужды.

Однако жернова истории мелют медленно, особенно при неторопливой японской бюрократии. Только 20 октября Хотта смог сообщить, что его правительство готово к соглашению с Римом на условиях «максимально благожелательного нейтралитета» одной стороны в случае, если другая окажется втянутой в военный конфликт. Чиано сообщил, что немцы предложили другой вариант — присоединение Италии к существующему Антикоминтерновскому пакту. В тот же день его посетили германский посол Ульрих фон Хассель и правая рука Риббентропа Раумер, которые привезли проекты документов, но от их обсуждения воздержались. Чиано взял на заметку, что Нейрат, Хассель и итальянский посол в Берлине Бернардо Аттолико (бывший масон) выступают против пакта, что побудило его потребовать отставки Хасселя³⁶.

Риббентроп приехал в Рим 22 октября. Чиано передал ему согласие дуче на присоединение к пакту, но попросил рассказать об истинном характере отношений Германии и Японии и о наличии между ними конфиденциальных обязательств. Риббентроп поведал, что соглашение основано на идеологической общности и в целом направлено против СССР, что между двумя странами постепенно разворачивается военное сотрудничество, а также напомнил, что рассчитывает на дальнейшее расширение пакта. Вслед за этим его принял Муссолини. Гость кратко проинформировал диктатора об истории и обстоятельствах заключения соглашения и официально предложил Италии присоединиться к нему. Дуче тут же согласился, и Риббентроп радостно произнес: «В начале переговоров между Германией и Японией мы говорили о постройке временного деревянного мостика, чтобы затем заменить его большим стальным, на века»³⁷.

1 ноября из Токио пришло окончательное подтверждение согласия. Определившись с датой подписания, Чиано задумался о перспективах: «Союз трех военных империй масштаба Италии, Германии и Японии бросает вооруженную силу колоссальной тяжести на весы баланса сил. Англии придется повсеместно пересмотреть свои позиции».

«Речь Идена очень враждебна, — записывал он на следующий день, подготовив официальный ответ на нсс. — Еще лучший ответ будет дан в субботу, когда мы подпишем так называемый антикоммунистический тройственный пакт, который на самом деле является четко антибританским»³⁸.

Муссолини дал понять, что окончательно переходит с английской орбиты на германскую. Дополнительным поводом для недовольства Лондона стали действия Риббентропа, который, будучи с осени 1936 года послом при Сент-Джеймском дворе, явно вышел за рамки дозволенного дипломатическим этикетом (подробнее — в следующей главе).

5 ноября Риббентроп снова приехал в Вечный город. «Хассель был зелен от злости», — ехидно добавил Чиано, поскольку попытки посла саботировать соглашение окончились неудачей. Протокол о присоединении Италии к Антикоминтерновскому пакту был торжественно подписан 6 ноября — «подарок» Сталину к годовщине Великого Октября. Япония заявила, что в случае конфликта в Европе будет держиваться «максимально благоприятного нейтралитета»: связанная разразившимся «китайским инцидентом», она не спешила брать на себя конкретные обязательства, хотя и соглашалась на развитие сотрудничества в военной области. Чиано заверил Хотта, что Италия поддержит действия Японии в Китае. Наиболее интересен тот факт, что Италия присоединилась лишь к «официальной части» пакта, без секретного соглашения, хотя Чиано осознавал, что «сегодня три государства встали на путь, который может привести их к войне». Дуче «редко был так счастлив», как в тот день, — Италия выходила из международной изоляции³⁹.

Гитлер остался недоволен тем, что Риббентроп не только не оповестил Нейрата о своем вояже, но и во всеуслышание заявлял, что министру пора на пенсию, а он будет его преемником. Такие вещи мог решать только сам фюрер, поэтому он пришел в ярость и велел нашему герою подробно проинформировать Вильгельмштрассе, а затем немедленно возвращаться в Лондон, к месту службы. Риббентроп впал в депрессию, «стал исключительно доброжелательным, как всегда в тех случаях, когда дела принимали дурной оборот» и заявил, что ему лучше было бы отправиться добровольцем в Испанию⁴⁰.

Москва была в бешенстве. Это видно даже из сдержанной записи беседы Литвинова с лордом Галифаксом 9 ноября в Брюсселе, где

«мировое сообщество» тщетно пыталось обуздать японскую экспансию в Китае. 8 ноября в разговоре с Чиано полпред Борис Штейн квалифицировал случившееся не только как враждебный акт в отношении СССР, но и как нарушение советско-итальянского пакта 1933 года. Формула «блок трех агрессоров» прочно вошла в лексикон советской пропаганды⁴¹.

Оценивая происшедшее, американский аналитик Вильям Чемберлен, в то время работавший в Токио, озаглавил свой комментарий «Вызов статус-кво». Напомнив, что после аннулирования в 1922 году англо-японского союза Япония не была связана «специальными отношениями» ни с одной державой, он усмотрел в Антикоминтерновском пакте попытку изменить ситуацию. Превращение оси в «треугольник» он расценил как «инструмент пересмотра status quo* в мировой ситуации, который представители Японии, Германии и Италии постоянно называли несправедливым, деспотическим и нетерпимым». Касаясь перспектив нового союза, Чемберлен обронил многозначительную фразу: «В альянсах, как и в границах, нет ничего неподвижного или статичного»⁴².

Наряду с Италией главным объектом антикоминтерновских авансов Риббентропа и Гитлера стала Великобритания. Но тут «сверхдипломата» постигло жестокое разочарование.

---

* Статус-кво — существующее или существовавшее на определенный момент политическое, правовое или иное положение, о сохранении или восстановлении которого идет речь.

Глава четвертая

Провал миссии (1936–1937)

Успех морского соглашения с Англией подвиг Риббентропа к новой попытке занять кресло статс-секретаря МИД. Гитлер поддержал его, но натолкнулся на сопротивление Нейрата, который 25 октября 1935 года направил канцлеру прошение об отставке: «Я не считаю, что г-н фон Риббентроп даже с помощью профессионалов сможет выполнить, как того требуют национальные интересы, данную работу, для которой необходимо правильное представление о международных отношениях, административном аппарате и кадрах... Если мне придется взять на себя все мелкие детали, от кадровых вопросов до ежедневной рутины, которые находятся в ведении статс-секретаря, у меня не станет времени работать министром. Если Вы назначите абсолютного дилетанта, не имеющего представления о том, как функционирует министерство, это будет означать, что я стану статс-секретарем, а Риббентроп министром иностранных дел. Такое условие я принять не могу... Наконец, в силу личных причин, для меня невозможно сколько-нибудь продуктивное сотрудничество с г-ном фон Риббентропом»¹. Это письмо, долгое время остававшееся неопубликованным, корректирует наши представления о личности Нейрата и его отношениях с Риббентропом.

4 ноября Гитлер сообщил министру, что не принимает его отставку, и согласился не требовать назначения для своего любимца, но обру-

шился на персонал Вильгельмштрассе за нежелание сотрудничать с режимом.

Следующее появление Риббентропа персд «бомондом» мировой политики было связано с ремилитаризацией Рейнской области в марте 1936-го. Версальский договор запрещал Германии «содержать или сооружать укрепления как на левом берегу Рейна, так и на правом берегу Рейна к западу от линии, начертанной в 50 километрах восточнее этой реки», а также иметь там какие-либо вооруженные силы. В случае нарушения этих статей Германия «стала бы рассматриваться как совершившая враждебный акт по отношению к державам, подписавшим настоящий договор, и как стремящаяся поколебать всеобщий мир» (статьи 42–44).

Рейнская область была оккупирована Францией (всобщее негодование вызвало использование для этого негритянских частей), которая попыталась превратить ее в вассальную «Рейнскую республику», ибо еще «Завещание Ришелье» (многозначительный апокриф вроде «Завещания Петра Великого», «Протоколов сионских мудрецов» или «Меморандума Танака») называло Рейн «естественной границей» Франции. Дипломатия Штресемана, почти полностью реабилитировавшая Германию, привела к тому, что 30 июня 1930 года последний французский солдат покинул оккупированную территорию. По иронии судьбы приказ об этом отдал премьер-министр Андре Тардье — один из главных авторов Версальского договора². Но положение о демилитаризации оставалось в силе, создавая странное положение: Германия обладала суверенитетом над территорией, но не могла иметь там ни одного солдата — под страхом возможной войны с Англией и Францией³.

Считая полное восстановление суверенитета первоочередной задачей, Гитлер ожидал повода для решительных действий. В конце 1935 года Фиппс предупредил об этом Форин офис, но к сказанному серьезно отнесся лишь Идеп, только что назначенный министром иностранных дел.

В конце января 1936-го в Лондоне Нейрат, представлявший рейх на похоронах Георга V, дал понять, что фюрер намерен придерживаться Локарнских соглашений 1925 года, но оставляет за собой свободу действий в случае вступления в силу советско-французского договора 1935 года⁴. 11 февраля 1936-го договор, наконец, был представлен палате депутатов в Париже. 25 февраля министр иностран-

ных дел Фланден заявил, что он соответствует Локарнским соглашениям, а в случае необходимости вопрос можно передать на рассмотрение Международного суда в Гааге. Два дня спустя договор был ратифицирован 353 голосами против 165. Риббентроп утверждал, что не менее сотни французских депутатов состоит на содержании у Москвы.

Повод для решительных действий представился. Вопрос заключался лишь в том, прибегнут Париж и Лондон к силе или нет. Генералы и дипломаты отговаривали рейхсканцлера от ввода войск, ссылаясь на слабость вермахта, который не сможет отразить возможный удар французской армии, тем более при поддержке Англии, а это приведет к необратимой потере престижа. Но фюрер все-таки рискнул, вопреки мнению всех своих приближенных, кроме одного — Риббентропа, который уверенно заявил, что бояться нечего: дело закончится бурей в стакане воды — хотя не вполне понятно, на чем основывалась его уверенность.

На рассвете 7 марта две дивизии вермахта вступили в Рейнскую область. В тот же день Гитлер экстренно созвал рейхстаг и выступил с программной речью, начав со «злосчастного» Версальского договора и закончив предложением заключить двусторонние пакты о ненападении со всеми соседними государствами и договор об ограничении военно-воздушных сил. Одновременно с этим германские послы в Лондоне, Париже, Риме и Брюсселе вручили соответствующие меморандумы⁵. Эпоха Локарно закончилась. Эпоха «сюрпризов» фюрера только начиналась.

Риббентроп оказался прав. За формальными протестами, обращением Франции и Бельгии в Лигу Наций и агрессивным шумом в прессе не последовало никаких конкретных мер. 8 марта французский премьер Альбер Сарро произнес «решительную» речь по радио, а два дня спустя — в палате депутатов, но этим и ограничился, так как был озабочен предстоявшими выборами.

«Для Франции эти колебания были роковыми, — сделал вывод британский историк В. М. Джордан. — Отсутствие действий с ее стороны могло означать, что это нарушение договора со стороны Германии не было нарушением столь явного характера, чтобы могли вступить в силу обязательства держав-гарантов прийти ей немедленно на помощь. Всякие отсрочки в этом отношении были только на руку Великобритании»⁶.

Здесь решающую роль сыграл Иден, долго и путано оправдывавшийся в мемуарах за свои действия, точнее, за бездействие, хотя он был единственным, кто имел шанс хотя бы попытаться «окоротить» Германию⁷. Муссолини не испытывал ни малейшего желания ввязываться в конфликт на стороне держав, выступивших против его экспансии в Абиссинии. Несмотря на официальное выражение недовольства, многие, особенно в Англии, считали, что Гитлер «взял свое».

Представители локарных держав собрались 10 марта в Лондоне. Хёш и военные атташе запаниковали и, оценив шансы войны как «пятьдесят на пятьдесят», телеграфировали в Берлин свой совет готовиться к выводу войск из Рейнской области. Риббентроп позже сказал, что если бы он был послом, то не допустил бы отправку подобной телеграммы⁸. Подкрепленный его уверениями, Гитлер не дрогнул и 12 марта сделал новое заявление, призвав державы к диалогу, но на своих условиях⁹.

14 марта Совет Лиги Наций решил предоставить Германии слово для оправдания. Фюрер согласился и чуть было сам не отправился в Лондон, но в конце концов послал туда Риббентропа. 18 марта, в день его отлета из Берлина, Фиппс предупредил Идена, что Риббентроп — один из главных сторонников ремилитаризации Рейнской области, что он имеет большое влияние на рейхсканцлера в вопросах внешней политики, хотя говорит ему только то, что тот хочет слышать, и что, наконец, он уверен в прогерманских настроениях британского общества, «за несчастным и редким исключением Форин офис и британского посольства в Берлине»¹⁰.

Риббентропу пришлось действовать в контакте с Вильгельмштрассе, которую представляли директор англо-американского департамента Ганс Дикхоф, шурин нашего героя, и неизменный Вёрман. Посольство постаралось подготовить благоприятную почву для визита, но представитель фюрера не был настроен на уступки. Приехав, он сразу же встретился с Иденом, который призвал Германию «внести реальный вклад в разрешение кризиса». Риббентроп четко обозначил возможный максимум компромисса: до окончания переговоров рейх не будет увеличивать численность войск в Рейнской области и выдвигать их к границам Франции и Бельгии, — добавив, что «реальным вкладом являются великие предложения фюрера от 7 марта»¹¹.

Решение Гитлера, сообщенное в Лондон по телефону, звучало совершенно недвусмысленно: «Г-н фон Риббентроп должен присутствовать на заседании Совета, но поначалу выждать и выяснить, какие вопросы будут представлены на обсуждение и в качестве возможного предмета резолюции. Если документ локарнских держав уже представлен Совету и обсуждается или если на него делаются ссылки в ходе дебатов, г-н фон Риббентроп должен спросить, в какой роли германский представитель будет участвовать в предстоящих заседаниях Совета и особенно будет ли он во время дискуссии и принятия резолюции иметь полное равенство со всеми членами Совета (Германия — уже не член Лиги Наций. — *В. М.*)... Если же Совет примет окончательное решение, что германский представитель не будет участвовать в голосовании или что его голос не будет засчитан, следует формально заявить, что это создает новую и совершенно неожиданную ситуацию для германской делегации, что она должна прежде всего получить новые указания от своего правительства, а до того воздержаться от участия в работе Совета. На этом основании в заседании должен быть сделан перерыв. Если это будет отвергнуто, г-н фон Риббентроп и сопровождающие его лица должны покинуть заседание... Если же Совет решит, что вопрос о праве (Германии. — *В. М.*) на голосование лучше перенести на потом и приступить к обсуждению деталей, следует настоять на немедленном разрешении вопроса»¹².

Первая, «негативная» часть речи Риббентропа на заседании Совета была посвящена изложению официальной позиции Берлина. Собравшихся удивило то, что он произнес ее по-немецки, хотя свободно владел рабочими языками Лиги — английским и французским. «Позитивная» часть напоминала об «исторических и уникальных» предложениях Гитлера от 7 марта¹³. Прений не последовало, так как делегаты выговорились в предшествующие дни: особенно резкой была речь Литвинова, который порывался снова взять слово, но Иден и Фланден уговорили его не осложнять ситуацию. После перерыва состоялось голосование по резолюции, осудившей Германию как нарушителя Локарнских соглашений: 13 делегатов — за, 1 — против (Германия), 1 воздержался (Чили), 1 не голосовал (Эквадор).

Пока шло голосование, Риббентроп «сидел, скрестив руки на груди и уставившись в окно с видом полного безразличия»¹⁴, а затем выступил с кратким заявлением протеста. Ситуация до боли напоминала

сессию Совета Лиги в Женеве тремя годами ранее, когда в аналогичной ситуации очутилась Япония.

Державы не только осудили действия рейха, но и выработали проект соглашения, который Иден и лорд — хранитель печати Галифакс вечером того же дня сообщили германским представителям, давая понять, что дверь не закрыта насовсем¹⁵. Риббентроп заявил, что пункты, не признающие абсолютный суверенитет Германии над Рейнской областью (ввод войск нейтральных держав, как это было во время плебисцита в Сааре, и запрещение возводить укрепления), принципиально неприемлемы для Берлина и что, если они не будут изменены, он немедленно возвращается домой¹⁶. Иден попытался уговорить его не делать поспешных шагов, поскольку ему в тот же день предстояло выступать в палате общин. Речь британского министра была более выдержанной, чем выступления его французского и бельгийского коллег перед своими парламентами¹⁷.

24 марта, выслушав доклад Риббентропа, фюрер официально отверг проект, но, верный своей тактике, намекнул на возможность смягчения позиции после плебисцита по вопросу ремилитаризации Рейнской области, назначенного на конец месяца¹⁸. В тот же день наш герой вернулся в Лондон и вручил «предварительный ответ» Идену, поведав тому о глубоком разочаровании Гитлера и о своих усилиях по спасению переговорного процесса. Судя по записи британского министра, говорил в основном гость, успевший затронуть множество тем, включая свое понимание суверенитета и предстоящие выборы во Франции, в преддверии которых политики способны на любые необдуманные заявления¹⁹.

На следующий день они встретились снова. Иден изложил позицию правительства его величества, не считавшего Локарнские соглашения «мертвыми» и не отказывавшегося от договоренностей с Францией, в том числе военного характера. Наибольшее негодование гостя (составившего о беседе необычно подробный отчет) вызвало известие о предстоящих переговорах представителей британского, французского и бельгийского Генеральных штабов²⁰. Уже после первой беседы он сказал «золотому перу» ротермиверской прессы Уорду Прайсу, что «германский народ больше не потерпит версальского духа», основанного на разделении европейских народов на «завоевателей и завоеванных»²¹. 26 марта Иден произнес речь в палате общин, из которой стало ясно, что уступок не будет²². На следующий

дснь Риббентроп улетел домой на персональном Ju-52 с литерами АМУУ.

29 марта в Германии прошли выборы в «рейхстаг свободы и мира» и плебисцит по вопросу о ремилитаризации Рейнской области, причем 98,8 % избирателей одобрили политику фюрера. 31 марта Гитлер обнародовал окончательный вариант «мирного плана», который 1 апреля Риббентроп передал Идену и Галифаксу²³. Министры ограничились уточняющими вопросами, а на следующий день перешли к оценкам и выводам. Иден назвал документ «чрезвычайно важным и заслуживающим тщательного изучения», заявив, что понимает позицию Берлина и «трудность нынешней политической ситуации». Согласия с предложениями это не означало, но Риббентроп дал понять, что дальнейший торг невозможен и что план Гитлера может быть или полностью принят, или полностью отвергнут. Год назад, при подготовке морского соглашения, игра ва-банк принесла ему успех. Сейчас Иден не ответил ни «да», ни «нет», что было равнозначно отказу. 6 мая Фипс вручил Нейрату «вопросник» с целью конкретизировать «мирный план»²⁴. Гитлер счел его издевательством и велел не отвечать. Эра Локарно кончилась. Для того чтобы подвести итог, Германская академия политических наук и гамбургский Институт международных отношений выпустили увесистый том документов под названием «Локарно» с предисловием нашего героя, датированным 19 мая. Книга была оперативно переиздана в Лондоне.

«С ликвидацией демилитаризованной зоны и устранением одной из несправедливостей Версальского договора последний не мог долго существовать. Было бы лучше без дальнейшей канители реконструировать сго на основе предложений, выдвинутых на этот случай германским канцлером... Захват этой зоны по своим последствиям был самым решающим инцидентом за все годы, прошедшие между двумя войнами», — писал в 1940 году В. М. Джордан²⁵.

Сообщая в Берлин о не слишком утешительных результатах переговоров, Риббентроп добавил, что намерен максимально задействовать своих влиятельных друзей и воздействовать на общественное мнение в благоприятную для Германии сторону.

Не буду утомлять читателя перечнем имен и титулов, ограничившись наиболее ярким примером лорда и леди Лондондерри. О них не вспоминали до тех пор, пока несколько лет назад Я. Кршоу, автор новейшей

политкорректной биографии «бессноватого фюрера», не выпустил книгу «Друживший с Гитлером. Лорд Лондондерри, нацисты и путь к войне», отличающуюся не только знанием архивов, но и откровенно «агитпроповским» тоном, который почти исчез из западной историографии в 1970–1980-х годах²⁶. Знатный и богатый, лорд Лондондерри считал, что власть должна принадлежать ему по праву рождения, и недоумевал, почему другие думают иначе. Несмотря на положение и родственные связи, он только к пятидесяти годам попал в правительство (и то не в ранге министра), а к пятидесяти четырем получил вождясленный пост министра авиации. Четыре года его пребывания в должности современники оценивали отрицательно (историки более снисходительны), поэтому при смене кабинета в июне 1935-го он был перемещен на «церемониальный» пост лорда — хранителя печати, а к концу года потерял и его. Виновником опалы лорд считал Болдуина. Способности Лондондерри расходились с его амбициями, но это не означает, что Британской империей правили одни гении: того же Болдуина лорд Керзон назвал «человеком исключительной незначительности».

Риббентроп познакомился с четой Лондондерри в ноябре 1934 года на одном из пышных балов в их лондонском доме. Там царила леди Лондондерри — не менее амбициозная, чем муж, но, по общему мнению, более умная, волевая и целеустремленная. Ее ценил премьер Макдональд, и назначение мужа министром столичный свет относил, прежде всего, на счет этой дружбы. Налицо сходство с Аннелиз фон Риббентроп, которая, правда, была не столь обаятельна (кстати, у Лондондерри тоже было пятеро детей). Консерватор и антикоммунист, лорд присматривался к Третьему рейху, еще будучи членом правительства, но впервые побывал там только в феврале 1936-го на зимних Олимпийских играх в Гармиш-Партенкирхене. Инициатором визита стало «бюро Риббентропа», но гостя сразу же взял под опеку его «коллега» Геришг. Лондондерри поддерживали дружеские отношения с обоими, но леди предпочитала будущего рейхсмаршала, которого в письмах называла «Зигфридом». 2 февраля Риббентроп дал в Далеке банкет в честь гостя, 4 февраля его приняли Гитлер и Нейрат. Лондондерри уехал из Германии счастливым не только от того, что увидел, но и из-за того, как к нему там отнеслись. 21 февраля он благодарил Риббентропа велеречивым письмом, которое счел нужным предать гласности²⁷. 3 апреля он чествовал нашего героя в Лондоне, однако утверждения о том, что они при этом называли друг друга по

имени, то есть были на «ты», вызывают сомнения. Наконец, вечером 29 мая Риббентроп на личном самолете прилетел в Северную Ирландию, где располагалось поместье Лондондерри...

Но между этими датами произошло несколько важных событий. 9 апреля Риббентроп отправился домой. Хёш, провожавший его в аэропорт, вернувшись в посольство, с облегчением произнес: «Слава богу, болван улетел» и, набросав для Нейрата краткий отчет об их последней беседе, рано лег спать, сославшись на нездоровье. На следующее утро он скоропостижно скончался от сердечного приступа. По Лондону немедленно поползли слухи, что посол то ли покончил с собой, то ли его убили «гестаповцы» с помощью отравленной зубной пасты²⁸. Любители сенсаций вспоминают об этом и сегодня, хотя толки о насильственной смерти Хёша опровергли пресс-секретарь посольства Фриц Гессе (он же — глава лондонского бюро официального информационного агентства DNB), военный атташе Гейр фон Швеппенбург и даже перебсжчик Вольфганг цу Путлиц²⁹. Поверенным в делах стал советник князь Отто фон Бисмарк, внук и тезка «железного канцлера». Возможными преемниками молва называла посланника в Вене Франца фон Папена, посланника в Бухаресте Эберхарда фон Шторера и посланника в Стокгольме князя Виктора Вильгельма цу Вида. Гитлер решил по-другому, хотя и не сразу.

Уик-энд, проведенный Риббентропом в поместье Лондондерри, широко освещался прессой, особенно местной, поэтому с началом войны лорду пришлось оправдываться за свое гостеприимство. Разговоры о политике велись, но их значение оказалось колоссально преувеличенным. Гость пребывал в уверенности, что перед ним — авторитетный действующий политик, способный влиять на принятие решений и выражающий точку зрения правящих кругов. Хозяину льстило, что эмиссар Гитлера отнесся к нему столь серьезно и почтительно. Журналисты при беседах не присутствовали, поэтому в лондонской прессе зазвучали тревожные нотки, а ее враждебность к лорду возрастала по мере ухудшения двусторонних отношений. Так что в исторической перспективе визит сослужил дурную службу обоим, укрепив их иллюзии.

Впрочем, главные заблуждения нашего героя были связаны с Томасом Джонсом — бывшим генеральным секретарем кабинета и другом премьера Болдуина. Они несколько раз встречались в начале апреля того же года, и Риббентроп произвел на Джонса благоприятное

впечатление («уверен, что он не хочет войны на Западе»). Поэтому тот согласился приехать в Германию в качестве частного лица и 16 мая стал гостем на вилле в Далеме, которая поразила его британским стилем и обилием английских книг в кабинете хозяина. Заявив, что будет предельно откровенен, Риббентроп уверил Джонса: внешнюю политику Германии определяет лично Гитлер, руководствуясь его, Риббентропа, советами; дипломаты ничего не решают и ничего не значат, а потому достичь заветной мечты фюрера — союза с Англией — можно только через его личную встречу с Болдуином. На следующий день они отправились на самолете в Мюнхен, где британский гость услышал все это уже от самого фюрера.

«Было бы ошибкой недооценивать влияние фон Риббентропа и списывать его со счетов как глупца, потому что он не придерживается общепринятой процедуры. Как минимум это надежный „телефон“ от Гитлера и, судя по всему, гораздо большее», — суммировал Джонс. Он пересказал услышанное на Даунинг-стрит, 10, но Болдуин интереса не проявил: дескать, он не переносит путешествий ни по морю, ни по воздуху, так почему бы Гитлеру не приехать в Чекерс*.

Пока флегматичный премьер думал, Риббентроп с помощью Джонса успел повидаться со многими видными консерваторами, раздавая приглашения на летнюю Олимпиаду в Берлине. Триумфа не получилось: 18 июня Джонс сообщил о том, что Болдуин, несмотря на уговоры, отказался от встречи с Гитлером, уступив давлению Ванситтарта и Идена³⁰.

«Я слышал позже, — вспоминал Риббентроп, — что Болдуин высказался так: он, мол, не знает, „как говорить с диктаторами“. После многообещающего начала в виде соглашения о флотах отказ Болдуина разочаровывал. Когда я доложил об этом отказе Адольфу Гитлеру (он ожидал меня в саду Имперской канцелярии), его разочарование было, пожалуй, даже еще большим, чем мое. Он довольно долго молчал, а потом серьезно поглядел на меня. Наконец, сказал: многие годы он вновь и вновь выступал за германо-английское взаимопонимание, решил вопрос о флотах в таком благоприятном для Англии духе, готов делать все вместе с нею, но, видимо, его позицию, имеющую столь важное значение для целых поколений, там не понимают. Мне было ясно: важная возможность упущена. В ущерб Германии

---

* Загородная резиденция британских премьер-министров.

и Англии, более того, к невыгоде для Европы и всего мира благоприятный компромисс не достигнут и шанс его так и остался неиспользованным. Представится ли он вновь? Нет, этого не произошло... Я убежден в том, что, если бы встреча с британским премьер-министром состоялась и английская сторона согласилась бы с основными идеями этой внешней политики, мы жили бы сейчас в условиях глубочайшего мира» (С. 60–61).

21 июня 1936 года внезапно умер статс-секретарь МИД фон Бюлов (на «старую школу» Вильгельмштрассе как будто нашел мор!). Дальше начинаются загадки. По воспоминаниям Риббентропа, рейхсканцлер только через месяц, 21 июля в Байрейте, «совершенно неожиданно для меня объявил о моем назначении статс-секретарем министерства иностранных дел и поздравил меня с этим назначением. Он только что говорил с министром иностранных дел фон Нейратом, и тот с этим согласен. Он, фюрер, надеется, что мы хорошо сработаемся... Затем фюрер перевел разговор на тему о вакантности поста нашего посла в Англии ввиду смерти г-на фон Хёша и спросил меня, кого надобно послать в Лондон. В связи с этим возникла продолжительная беседа о германо-английских отношениях... Мне стало ясно, насколько важное значение имеет точное представление фюрера о ситуации в Англии и возможности ее изменения, поскольку он, несмотря на все сомнения, все еще стремился к взаимопониманию с нею. Поэтому я высказал мысль, не будет ли наиболее правильным послать меня в Лондон послом, а не назначать статс-секретарем министерства. Идея эта так понравилась Гитлеру, что он тут же ухватился за нее и сказал, что целиком согласен... Затем фюрер пригласил к себе г-на фон Нейрата и сообщил ему, что желает послать меня в Лондон. Это решение, как фон Нейрат сказал мне, он нашел особенно удачным. Казалось, министр тоже считал весьма важным окончательное выяснение германо-английских отношений» (С. 75–76).

Когда Риббентроп заявил об этом на Нюрнбергском процессе, Нейрат выразил удивление, ибо никогда не соглашался видеть его статс-секретарем. Даже с назначением в Лондон не все оказалось так просто. Нейрат был рад ему, надеясь, что соперник быстро свернет себе шею на поприще традиционной дипломатии³¹. Однако министр пришел в негодование, когда 26 июля Риббентроп показал ему официальное распоряжение о своем назначении, подписанное Гитлером двумя днями ранее:

оно сохраняло за нашим героем все прежние должности с прямым подчинением фюреру и ответственностью перед ним «на всех постах», включая посольский. 27 июля Нейрат подал очередное прошение об отставке, ссылаясь на то, что данные Риббентропу исключительные права «лишают меня какого бы то ни было влияния в одном из важнейших аспектов германской внешней политики», и предложил рейхсканцлеру лично возглавить министерство³². 10 августа между ними состоялся решающий разговор: фюрер не принял отставку министра и заверил его, что Риббентроп будет подчиняться ему точно так же, как и все остальные послы. Статс-секретарем стал Ганс Георг Макензен — зять и крестник Нейрата и сын знаменитого фельд-маршала.

Некоторые авторы утверждают, что Риббентроп был «подавлен» назначением в Лондон. Их любят цитировать, дабы окончательно опровергнуть его мемуары, но источники это ненадежные: Эрих Кордт, выставивший себя главным конфидендом нашего героя, против которого выступил в Нюрнберге*, и экс-адъютант Гитлера Фриц Видеманн, ставший неофициальным «порученцем» Геринга. Д. Ирвинг показал, что они не только тенденциозны в оценках, но и прямо искажают факты³³. Однако и особенного оптимизма Риббентроп не испытывал: «Я со всей откровенностью сказал Адольфу Гитлеру: шансы на союз с Англией невелики; скорее надо рассчитывать на противоположный результат... Итак, я отправляюсь послом в Лондон! Хотя я и был настроен скептически, но поставленная передо мной задача действительно радовала меня: может быть, все-таки еще есть возможность достигнуть этой великой цели» (С. 77).

1 августа в Берлине открылись XI Олимпийские игры — крупнейший пиар-триумф рейха (вспомните фильм Лени Рифеншталь «Олимпия»). В день открытия Риббентропы устроили большой прием в Дале: «Талантом Аннелиз небольшой сад был превращен в праздничный луг. Над газоном и теннисным кортом был натянут тент, и при вечернем освещении все это выглядело весьма эффектно: прекрасная трава, которой мы всегда гордились, усеянный кувшинками плава-

---

* Риббентроп дезавуировал его показания: «Должность Кордта никогда не была столь важна, чтобы я вел с ним политические беседы принципиального характера... И он тоже никогда не давал почувствовать мне какой-либо своей оппозиционности к нашей внешней политике» (С. 209).

тельный бассейн, великоленные рододендроны и празднично накрытые столы. Моя жена превзошла самое себя» (С. 78).

Среди гостей (более шестисот человек) были почти все нацистские лидеры, газетные магнаты Ротермир и Бивербрук и даже главный германофоб Форин офис Ванситтарт, танцевавший до упаду. «В тот вечер я был словно в розовых очках, — признался Риббентроп, — во всяком случае, хотел видеть все в розовом свете. К сожалению, все пошло по-другому» (С. 79). Прием у Геринга, состоявшийся два дня спустя, затмил гарден-парты в Далеме.

Приватный разговор с Ванситтартот за ланчем в отеле «Кайзерхоф» тоже ничего не дал: «У меня с самого начала было такое ощущение, словно передо мной стена. Ванситтарт слушал спокойно, оставаясь наглухо застегнутым на все пуговицы и уклоняясь от любой моей попытки перейти к открытому обмену мнениями. За свою жизнь я вел разговоры на эту тему с сотнями англичан, но никогда ни одна беседа не оказывалась столь бесплодной, не вызывающей никакого резонанса у партнера и характерной отсутствием у него даже малейшего желания подойти к сути дела... Почему он не дал мне, постоянно ратававшему за германо-английскую дружбу и открыто и прямо высказывавшему ему свою позицию, узнать его собственное мнение?.. Одно не вызывало ни малейшего сомнения: с Ванситтартот германо-английского взаимопонимания не достигнуть» (С. 79–81).

В разговоре с Гитлером визитер призвал его не обольщаться насчет прогерманских настроений в Англии, а в мемуарах издевательски сравнил нашего героя с павлином и утверждал, что тот просто не дал ему вставить слово. «Трудно было чего-то ожидать от Риббентропа, поскольку у него никогда не было ни одной оригинальной идеи», — писал он³⁴. Знакомая картина, но оттого не более верная.

Перед отъездом в Лондон Риббентропу все-таки удалось добиться одного несомненного успеха: в начале сентября он привез в Бергхоф к Гитлеру бывшего британского премьера Ллойд Джорджа, поставившего подпись под Версальским договором и сожалевшего об этом. Филиппики против коммунистической угрозы не слишком вдохновили гостя, но с Гитлером он нашел общий язык. 17 сентября Ллойд Джордж напечатал в «Ньюс кроикл» статью о фюрере как «прирожденном лидере», искренне желающем мира и дружбы с Англией. В лицо он вообще назвал его «величайшим немцем эпохи», сказав, что Германия не потерпела бы столь сокрушительное поражение в 1918-м,

если бы ее возглавлял такой вождь. Гитлер умел очаровывать, не пренебрегая даже неумеренной лестью: он приписал победу союзников в войне... гению Ллойд Джорджа. Знаменитых говорунов переводил Шмидт. Риббентропу снова досталась роль «лица без речей», но Гитлер не забыл его, сказав, что посылает в Лондон «лучшего из своих людей». Гость охотно подхватил комплимент³⁵.

Несмотря на все восторги, осторожный Ллойд Джордж отказался ехать на нюрнбергский «партайтаг» — ежегодный съезд НСДАП, куда его пригласил Гитлер. Но британских гостей там оказалось много, включая лордов Маунт-Темпла и Аллен-оф-Хартвуда, которых лично опекал Риббентроп. 25 октября он уезжал в Лондон, парафировав перед отъездом соглашение против Коминтерна. На прощание фюрер сказал: «Риббентроп, привезите мне союз с Англией» (С. 77).

«Светски и политически все двери были широко открыты перед симпатичным и молодым посланцем Гитлера с безукоризненными манерами и обезоруживающей улыбкой»³⁶.

Однако Риббентроп сразу повел себя не по протоколу. Едва выйдя из поезда на вокзале Виктория, он вскинул руку и произнес «Хайль Гитлер!», а затем зачитал журналистам следующее заявление: «Германия хочет быть другом Великобритании, и, я думаю, британский народ тоже желает дружбы Германии. Фюрер убежден, что существует всего одна реальная опасность для Европы и для Британской империи — это дальнейшее распространение коммунизма, самой страшной из всех зараз, поскольку люди осознают ее опасность, когда уже слишком поздно. Более тесное сотрудничество наших двух стран в этом направлении не только важно, но и жизненно необходимо для общей борьбы за сохранение нашей цивилизации и нашей культуры»³⁷.

Фриц Гессе счел новость газетной уткой и был поражен, когда ее подтвердил сам Риббентроп. Он попытался объяснить, что это — большая ошибка, но шеф резко оборвал его. Утром на стол нашего героя легла подборка вырезок из лондонских газет, осудивших бестактный жест посла, которому до вручения верительных грамот следовало воздерживаться от политических заявлений. Риббентроп наивно попросил не сообщать об этом в Берлин, поскольку телеграммы DNB были любимым чтением фюрера. Гессе знал, что Гитлер не только ежедневно читал сотни телеграмм, но и требовал от них полной информации, а потому отказался, понимая, что за сокрытие сведений его могут ожидать куда большие неприятности³⁸.

На следующий день новый посол представился Идену. Хозяину запомнилось, что гость акцентировал внимание на своей близости к фюреру, благодаря которой англичане будут получать информацию из первых рук. Министр напомнил собеседнику, что не менее важная обязанность посла — доносить до Берлина мнение правительства и народа страны пребывания³⁹.

30 октября Риббентроп вручил верительные грамоты королю Эдуарду VIII, который «был исключительно любезен. Он расспрашивал меня о фюрере и в ясной форме повторил свое желание иметь хорошие германо-английские отношения» (С. 83). Риббентроп и Гитлер делали ставку на несомненную популярность короля и его более сомнительные прогерманские настроения, но все расчеты оказались опрокинуты отречением Эдуарда VIII, который предпочел престолу личное счастье с миссис Уоллис Симпсон. Вслед за этим посол посетил вдовствующую королеву, премьер-министра Болдуина и других послов, о чем ехидно поведал Иван Майский: «Столь же нелепо повел он себя, делая после вручения верительных грамот предписанные дипломатическим этикетом визиты вежливости иностранным послам и британским сановникам. Риббентроп везде становился в заученную позу и произносил одну и ту же пространно-яростную речь о необходимости борьбы с коммунизмом, что вызывало иронические пожимания плечами даже у тех, кто симпатизировал гитлеровской Германии. Только присхав с визитом ко мне (избежать этого ему не удалось), он допустил исключение. В течение четверти часа, проведенных в советском посольстве, новый германский посол говорил исключительно на столь „беспартийную“ тему, как лондонские туманы».

Отмеченное Майским однообразие речей Риббентропа — не гипербола: о том же вспоминали Джонс, Шмидт и Гессе. Последний недоумевал, почему посол сразу выкладывает все карты на стол. Риббентроп ответил, что таково указание фюрера, который, четко заявляя свою позицию, хочет немедленно получить столь же четкий ответ.

«Несколько дней спустя я поехал с ответным визитом к Риббентропу, — продолжал Майский. — И вот тут с германской стороны была разыграна следующая нелепая комедия. На крыльце немецкого посольства меня встретил здоровенный плечистый парень с нагло-надменной физиономией. Он был в штатском, но выправка, манеры, ухватки не оставляли сомнения в его гестаповском (очевидно, имелось

в виду «эсэсовском». — В. М.) происхождении. Парень стукнул каблуками, стал во фронт и затем с низким поклоном открыл наружную дверь в посольство. В вестибюле меня встретили еще четыре парня того же гестаповского вида; они тоже стукнули каблуками, тоже стали во фронт и затем помогли мне раздеться. В приемной, где я провел несколько минут, пока Риббентропу докладывали о моем прибытии, меня занимал шестой по счету парень той же категории, но чуть-чуть интеллигентнее*. На лестнице, которая вела на второй этаж, где помещался кабинет посла, стояли еще три бравых гестаповца — внизу, наверху и посередине, и, когда я проходил мимо них, каждый вытягивался и громко стучал каблуками...

Итак, девять архангелов Гимmlера салютовали советскому послу, когда он в порядке дипломатического этикета посетил германского посла! Затем в течение 15 минут Риббентроп горячо доказывал мне, что англичане не умеют управлять своей изумительно богатой империей. А после того как мы распрощались и я проследовал из кабинета германского посла к оставленной у подъезда машине, парад гестаповцев повторился еще раз. Бывший „коммивояжер“ явно хотел произвести на меня впечатление... Вернувшись домой, я пригласил к себе нескольких английских журналистов и подробно описал им ритуал моей встречи в германском посольстве. Журналисты громко хохотали и обещали широко огласить эту „сенсацию“ в политических кругах столицы. Они сдержали свое слово... <Риббентроп> скоро стал посмешищем в британской столице... Те самые люди, которые только что обедали или пили чай в германском посольстве, выйдя на улицу, разражались злыми насмешками по адресу хозяина и рассказывали друг другу анекдоты о его тупости и самонадеянности»⁴⁰.

Преуспевший в «черном пиаре» советский полпред стал главным врагом нашего героя, отлично понимавшего, кто «сливает компромат» газетчикам.

Недоброжелательное внимание прессы причинило Риббентропу еще одну неприятность: в газетах появились фотографии его старшего сына Рудольфа в цилиндре и фраке — форме Вестминстерской школы, которую он посещал. В Берлине публикацию организовал Геббельс, не любивший нашего героя и знавший о стойкой антипатии Гитлера к «буржуазным замашкам»: министр пропаганды сделал все

---

* Секретарь Риббентропа Рейнхард Шпитци.

для того, чтобы компрометирующие снимки попались фюреру на глаза, но ожидаемых результатов интрига не принесла.

В Лондоне информацию журналистам подбросил однокашник Рудольфа — юный Питер Устинов. Что за этим стояло? Будущий исполнитель роли Эркюля Пуаро был сыном барона Ионы фон Устинова, предшественника Фрица Гессе в представительстве DNB. В 1935 году Геббельс уволил Устинова-старшего за недостаточно арийское происхождение, и тот сразу же предложил свои услуги британской разведке. Воспитанный в традициях гитлерюгенда, Рудольф не пользовался популярностью ни у учеников чопорной школы, ни у их родителей. Газеты сделали из безобидного факта сенсацию, и принципал обратился к послу с просьбой забрать сына из школы, поскольку не может гарантировать его безопасность. История, прямо скажем, несимпатичная⁴¹.

Покончив с протокольными визитами, Риббентроп 13 ноября отправился на охоту в имение Лондондерри, где прогостил четыре дня. Вернувшись в столицу, он встретился с Галифаксом, пояснив, что делает это «не в качестве посла, а как частное лицо». Здесь на полях донесения — составленного Вёрманом, ибо посол в тот же день, 20 ноября, отбыл в Берлин на подписание Антикоминтерновского пакта, — Нейрат поставил вопросительный знак⁴². Через неделю он вернулся к месту основной работы, как раз в разгар кризиса с отречением Эдуарда VIII.

История отречения так и не коронованного британского монарха в декабре 1936 года достаточно известна, поэтому остановимся на ней лишь в той степени, в какой она коснулась нашего героя. Скажем прямо, Риббентроп не разобрался в ситуации. Отмахиваясь от утверждений о неизбежности отречения, он заявил Гессе: «Вы разве не знаете, какие надежды возлагает фюрер на поддержку короля в будущих переговорах? Он — наша главная надежда. Не думаете ли вы, что все это — интрига наших врагов, имеющая целью лишить нас последних сильных позиций в этой стране? Вы увидите, — продолжил он уверенно, — что король женится на Уолли и они вдвоем велят Болдуину и всей его банде убираться к черту».

Даже 10 декабря, когда монарх подписал акт отречения и соответствующий закон был внесен в палату общин, Риббентроп уверял Дэвидсона, что это — «конец Болдуина» и что «королевская партия восстанавит Эдуарда VIII на троне».

«Он сказал больше чепухи, — записал Дэвидсон, — чем я когда-либо слышал от человека в ответственном положении посла»⁴³.

«Британская пресса, — вспоминал Гессе, — показала удивительную дисциплинированность в течение всей этой истории. Специальные выпуски были заготовлены уже за три дня до отречения. Как только один из них попал мне в руки, я отправился с этой новостью к Риббентропу. Он немедленно позвонил Гитлеру в Берхтесгаден. На следующее утро я открыл газету, но в ней не было ни слова об отречении. Когда я сообщил Риббентропу, что в газетах ничего нет, он пришел в ярость. Он восклицал, что безнадежно опозорен в глазах фюрера и что я лишил его поста своей бессовестной ложью.

В разгар этой сцены последовал звонок от Гитлера. Гитлер спросил, что происходит и не сошел ли Риббентроп с ума. Какой мерзавец ответственен за все это? Мне пришлось выслушать перебранку, и я впервые понял, каким истеричным может быть Гитлер. Я уговаривал Риббентропа на минуту прервать обмен любезностями и уверить фюрера, что король отречется. „Вы докажете свою правоту, — добавил я, — в течение сорока восьми часов“. Риббентроп все-таки сказал Гитлеру, что отречение всего лишь отложено. Но Гитлер просто оборвал разговор, предоставив адъютанту сообщить Риббентропу, что он, фюрер, больше не желает об этом слышать. Риббентроп чувствовал себя совершенно разбитым. Он ожидал отставки и полного краха своей карьеры.

Когда новости об отречении были обнародованы, я сказал Риббентропу: „Теперь вы можете сообщить фюреру, что вы были правы“. — „Нет, — ответил он. — Сейчас я не буду ему звонить. Отправьте доклад в Берлин. Фюрер может сам позвонить мне, если захочет. Но как мы можем быть уверены, что и эта новость верна?“ Гитлер действительно позвонил Риббентропу и сказал, что безмерно благодарен ему за верную информацию, что он был прав, а все остальные — идиоты»⁴⁴.

В тот же вечер Риббентроп составил донесение в Берлин, в котором был вынужден признать, что позиции Болдуина и его кабинета окрепли, что большинство народа с ними и даже пресса, поддерживавшая короля (включая газеты Роттермира и Бивербрука), перешла на сторону правительства. Закончив излагать факты, посол связал отречение Эдуарда VIII «с его дружественным отношением к Германии, которое, несомненно, создало королю очень влиятельных врагов в этой стране».

На сей раз вопросительный знак на полях поставил начальник политического департамента Эрнст фон Вайцзеккер, не разделявший конспирологического подхода Риббентропа. Отречение было вызвано прежде всего внутривнутриполитическими причинами, но опасения относительно возможных германофильских симпатий короля действительно существовали и позже использовались как нацистской, так и антинацистской пропагандой⁴⁵.

Случившееся нанесло болезненный удар по расчетам Риббентропа, какими бы призрачными они ни были. «С отречением Эдуарда VIII дело германо-английского сближения лишилось одного из шансов на успех. Что касается английской стороны, то здесь оно потеряло один из тех факторов, который в числе других послужил причиной для фюрера послать меня в Лондон» (С. 85).

В январе 1937 года Фиппс, встретив нашего героя в Берлине, нашел его разочарованным и подавленным. Риббентроп претендовал или, по крайней мере, лелеял надежду на какие-то особые отношения с королем. В этой иллюзии его мог укрепить отчет герцога Саксен-Кобург-Гота о поездке на похороны Георга V в январе 1936-го, точнее, та часть отчета, где речь шла о беседе с новым королем и которая была адресована «только фюреру и партайгеноссе Риббентропу»: монарх «отдал должное Риббентропу и похвалил ведение им переговоров по морскому соглашению. Считает его лучшим выбором для ведения неофициальной германско-британской политики... Хочет видеть послом настоящего национал-социалиста... которого можно рассматривать как представителя официальной политики и как доверенное лицо Гитлера»⁴⁶.

Историки относятся к этому документу с оправданным скепсисом. Риббентроп признал, что «никакого особенного контакта с ним (Эдуардом VIII. — В. М.) установить я не мог... Доверительная беседа с королем, которую хотели устроить мои друзья, так и не состоялась» (С. 84).

Положение нашего героя осложнил Антикоминтерновский пакт. Во-первых, в политических кругах и в прессе задавали вопрос, насколько послу при Сент-Джеймском дворе уместно ставить подпись под документом агрессивно-идеологического характера, направленным против страны, с которой Англия поддерживает дипломатические отношения. Во-вторых, учитывая не самые сердечные отношения между Лондоном и Токио, пакт мог быть истолкован как антибритан-

ский (эту интерпретацию позже примет и сам Риббентроп). Присоединение к нему Италии осенью 1937-го было встречено с еще большей враждебностью.

Риббентроп специально пришел к Идену, чтобы поговорить о вреде коммунизма и целесообразности вступления Англии в общий фронт борьбы с ним. «Я хотел доказать ему значение этого идеологического сплочения для всего культурного мира. Когда Иден заявил мне, что в Англии подписание Антикоминтерновского пакта послом в Лондоне воспринято с неудовольствием, я со всей откровенностью растолковал ему смысл и цель пакта и его значение для всего некоммунистического мира... Но я натолкнулся на полное непонимание со стороны Идена» (С. 90–91).

Наконец, отъезд главы дипломатической миссии, едва успевшего вручить верительные грамоты, вызвал недоуменно-иронический вопрос в палате общин: «Разве должность германского посла в Великобритании не является постоянной работой (full-time job)?» Иден, которому вопрос был адресован, многозначительно промолчал⁴⁷.

Тем не менее 19 декабря Риббентроп снова отправился домой, успев наделать много шума выступлением на обеде, данном в его честь Англо-германским обществом: заговорив об «имущих» и «неимущих» странах, он отнес Германию ко вторым как незаконно лишенную колоний. Гитлер, как известно, спекулировал на колониальном вопросе в перспективе «торга» с Англией и в июне 1936 года создал Имперскую колониальную лигу в дополнение к Управлению колониальной политики НСДАП. Обе структуры возглавлял старый нацист генерал фон Эпп, у которого Риббентроп уже пытался перехватить инициативу⁴⁸. Англичане принимали слова фюрера всерьез и не собирались отдавать колонии, поэтому не слишком тактичная речь посла была принята первоначально, несмотря на попытки второго оратора лорда Лондондерри смягчить ситуацию.

Затем Риббентроп встретился с Иденом для очередной дискуссии по проблемам европейской безопасности. Слухи о встрече проникли в польскую прессу, которая с тревогой следила за дипломатическими маневрами рейха. 28 декабря Риббентроп из Берлина направил министру гневное письмо, обвиняя английскую сторону в утечке информации. 5 января Иден категорически отверг обвинения, напомнив, что о беседе знали не только присутствовавшие, но и на Вильгельмштрассе. Риббентроп ответил (только через две недели!), что это исключено⁴⁹.

Проведенное по указанию Идсна негласное расследование установило, что поляки получили информацию из германского посольства — где «своих людей» имели многие разведки.

Как и чем жило посольство при Риббентропе? Шестеро его подчиненных написали мемуары: первый секретарь Кордт, личный секретарь Шпитци, консул Путлиц, военный атташе Гейр фон Швеппенбург, пресс-атташе Гессе и Фитцрандольф. Их показания единодушны — об этом единодушии я уже писал в предисловии. Однако не будем забывать о том, что Путлиц — агент английской разведки, что тайные контакты Кордта с англичанами граничили с государственной изменой, а Гейр и особенно Шпитци после войны любили щегольнуть причастностью к антинацистской оппозиции. Наиболее подробные воспоминания оставил Шпитци, бывший, по его собственным словам, «тенью шефа», но к ним идеально подходит выражение «для камердинера нет великого человека». Даже если нашего героя нельзя назвать «великим»... Со страниц этой книги под броским названием «Как мы промотали рейх» сам автор предстает мелким и двуличным человеком, который не стеснялся пользоваться всеми выгодами собственного положения и при этом направо и налево порочил своего благодетеля. Сейчас он — «основной свидетель» политкорректных биографов вроде Вейтца и Блока. Правда, Шварц, автор не менее политкорректный и не более надежный, рассказывает такую историю: Шпитци, австрийский нацист, укрывшийся от преследований в рейхе, похвалялся перед сослуживцами по посольству, что после аншлюса Австрии повесит на фохаре собственного отца, если тот не примет нацистскую веру...⁵⁰

В изложении «тени» Риббентроп предстает нервным, раздражительным, мнительным, распекающим подчиненных из-за каждого пустяка и по любому поводу впадающим в депрессию. Сколько легенд ходило о его лени и неорганизованности — в основном потому, что он поздно просыпался (то ли дело Нейрат, встававший «с петухами» и отправлявшийся спать в десять вечера!) и начинал давать указания подчиненным, когда брился или принимал ванну.

Риббентроп действительно не отличался пунктуальностью, что не красит его, но в случае необходимости был способен на быстрые и решительные действия. В Лондоне же он постоянно чувствовал себя не в своей тарелке — страдал от больной почки и климата, тяготился протокольными обязанностями, беспокоился по поводу удаленности от фюрера. Мнительный и не обладавший чувством юмора, наш

герой болезненно переживал холодность «света» и умело направляемые насмешки прессы, за которыми ему виделись происки врагов — отсюда помешанность на секретности, доходившая до смешного. Думая, он догадывался и об ироническом отношении подчиненных, которых тиранил почем зря и которые чувствовали себя спокойно лишь в периоды его частых отлучек. Только во время уик-эндов в сельской местности он становился спокойным, приветливым, шутил и воспринимал шутки других. «Ах, не пытайтесь выглядеть государственным мужем, — однажды сказала ему юная непосредственная англичанка, приглашенная на обед в посольство. — Лучше улыбнитесь вашей очаровательной улыбкой». Дипломаты переглянулись, оценив убойную силу реплики, но наш герой воспринял ее буквально — и улыбнулся.

Риббентроп вернулся в Лондон 2 февраля 1937 года (успев получить от Гитлера золотой партийный значок) и уже через два дня вручал верительные грамоты новому королю Георгу VI. Именно тогда случился инцидент с «гитлеровским приветствием» в Букингемском дворце, без которого не обходится ни одна книга о нацистской дипломатии. После вручения грамот и краткой беседы с королем Риббентроп приготовился уходить и вдруг вскинул вверх правую руку, вызвав смущение присутствующих. Посол рассказывал, что не собирался этого делать, но, отступая назад (этикет запрещал поворачиваться к королю спиной), поскользнулся и попытался таким образом удержать равновесие. Король улыбнулся и ничего не сказал, но шеф протокола попросил одного из германских дипломатов впредь предупреждать о подобных «новациях». В газетах появились сообщения, что германский посол приветствовал короля «чем-то вроде гитлеровского салюта».

Игнорировать все это было нельзя, публично же объяснить истинную причину Риббентроп побоялся. 9 февраля, при первом официальном выходе монарха, он встретил его «германским приветствием», правда, в «штатском», а не подчеркнуто «военном» варианте. Подчиненные примеру не последовали, ограничившись традиционным поклоном.

Газетчики ликовали. Знаменитый карикатурист Дэвид Лоу изобразил нашего героя в виде школьника с поднятой рукой, которому учитель говорит: «Да, Риббентроп, ты можешь выйти». Бывший редактор «Таймс» Стив заявил, что королю нанесено оскорбление. Послу пришлось оправдываться, но его доклад в Берлин был составлен только 14 февраля — через десять дней после вручения верительных грамот

и через пять после выхода. Он утверждал, что в обоих случаях действовал сознательно, что король отреагировал дружелюбно, а все толки в прессе — клевета, и пустился в рассуждения об использовании «гитлеровского приветствия» в дипломатическом этикете.

Нейрат исчеркал доклад вопросительными и восклицательными знаками, чиновники Вильгельмштрассе пришли в замешательство, не зная, что делать. Геринг поинтересовался у фюрера о его возможной реакции на то, что советский полпред в рейхсканцелярии поднимет сжатый в «ротфронтовском» приветствии кулак и крикнет: «Да здравствует коммунистическая революция!» В итоге Риббентропу было предписано соблюдать правила и обычаи страны пребывания, поэтому при следующей встрече с монархом на приеме 11 марта он только поклонился⁵¹.

За анекдотами такого рода теряется серьезная сторона деятельности посла. Риббентроп пытался действовать «быстротой и натиском», но безуспешно. Джонс не без иронии записал: «Он не может понять, почему в нашей стране принятие решений занимает так много времени, но постепенно учится этому»⁵².

Встретившись 14 февраля с Галифаксом, наш герой опять сложил все яйца в одну корзину — начал с жалоб на враждебность прессы, затем распространялся о колониях как «деле чести», заявив, что Германия требует их все (выделено в оригинале), о советско-французском договоре и о необходимости улучшить двусторонние отношения. Относительно новой — на официальном уровне — была тема Чехословакии и судетских немцев, к судьбе которых Гитлер проявлял повышенное внимание. В примечаниях к британской записи беседы есть важная деталь: Путлиц предупредил Форин офис о том, что Риббентроп уверил Берлин в поддержке Галифаксом колониальных претензий Германии. Ванситтарт распорядился максимально засекретить источник сведений, чтобы не подставить ценного агента⁵³.

Схожие речи Риббентроп вел за обедом у лорда Дерби, когда неделю спустя гостил в его имении. К докладу посол — надо полагать, не без гордости — приложил две записки лорда, который заверял его в том, что «сделает все возможное для улучшения отношений между двумя нашими странами». Ложкой дегтя стал дружеский совет не придавать значения речам сэра Яна Гамильтона, президента Британского легиона в Шотландии, который, несмотря на преклонный возраст, активно участвовал в англо-германских акциях дружбы и несколько

раз ездил в рейх. Бывший командующий экспедиционными силами в Галлиполийской кампании 1915 года и автор многих популярных книг, генерал Гамильтон считался одним из главных «трофеев» нацистской дипломатии, но Дерби прямо назвал его «комической фигурой»⁵⁴.

С 27 февраля по 10 марта 1937 года Риббентроп опять отсутствовал на рабочем месте, но не давал забыть о себе ни на минуту. 1 марта на Лейпцигской ярмарке он произнес речь о колониальных претензиях Германии⁵⁵. Выдержанная в «лучших традициях» нацистской риторики, речь предназначалась для «внутреннего употребления» и была призвана укрепить позиции Риббентропа в партии, но не могла пройти незамеченной в Англии. Бывший министр колоний Эмери назвал ее «неприятным подобием ультиматума без указанного срока», а в палате общин был задан вопрос, сделает ли правительство протест по поводу действий посла, нарушающих его официальный статус⁵⁶.

За Риббентропом закрепилось каламбурное прозвище «Brickendrop», «роняющий кирпичи» — от идиомы «to drop a brick», означающей не только «уронить кирпич», но и «сморозить глупость». Однако ему удалось частично восстановить свою репутацию за счет грандиозного бала, которым ознаменовалось открытие здания посольства после ремонта.

Произвести эту реконструкцию распорядился лично Гитлер, поручив разработку планов своему придворному архитектору Альберту Шпееру; мебель была изготовлена по эскизам другого любимца фюрера — Пауля Трооста. Городские власти выступили против изменения фасада здания, являвшегося памятником архитектуры. Пришлось ограничиться внутренним убранством, преобразованным в духе любимого нацистами неоклассического стиля, из-за чего остряки сравнивали посольство с нью-йоркским отелем «Уолдорф-Астория». Из германских музеев было доставлено множество картин. Фрау Аннелиз, принимавшая во всем живейшее участие и вывесившая в одном из залов принадлежавшую ей «Мадонну» Фра Беато Анджелико, вспоминала: «Из соображений экономии валюты в связи с начавшимся тогда осуществлением четырехлетнего плана все основные предметы обстановки и оборудования ввозились из Германии. Даже рабочие-специалисты прибывали оттуда. Поэтому мой муж был немало удивлен, когда однажды в период перестройки здания ему позвонил Геринг (уполномоченный по четырехлетнему плану. — В. М.) и попросил не вскрывать, а сразу же сжечь посланное им, Герингом,

с курьером письмо, в котором содержались серьезные упреки насчет якобы непомерного расходования валюты на нее. Тем временем Геринг, оказывается, узнал, что, наоборот, все желаемые меры по экономике валюты приняты и все заказы размещены в Германии» (С. 87).

После войны мемуаристы злословили по поводу неимоверной роскоши (перестройка обошлась то ли в три, то ли в пять миллионов рейхсмарок), включая 82 телефона, якобы установленных для личного пользования посла и его супруги.

«Фантастические рассказы о перестройке лондонского посольства вновь ожили после 1945 года, но правдивее они от этого не стали» (С. 87), — заключила свой рассказ жена нашего героя.

Бал 13 мая был приурочен к торжествам по случаю коронации Георга VI, состоявшейся днем ранее. Говорили, что посол Третьего рейха решил затмить пышностью британский двор. Среди полутора тысяч гостей были герцог и герцогиня Кентские, министры, генералы, лорды, депутаты, множество иностранцев. Особые почести были оказаны военному министру Бломбергу, произведенному в фельдмаршалы и представлявшему Германию на коронации; ходили слухи, что Риббентроп постарался не допустить на нее Нейрата или Геринга. На первом завтраке в честь Бломберга присутствовали Болдуин, Иден, Ванситтарт, Лондондерри (все с женами), а также архиепископ Кентерберийский, лорды Лотинан, Дерби и Ротермир; на втором — Невилл Чемберлен (вскоре назначенный премьером вместо Болдуина), Хор, Галифакс, два ярких германофоба — Черчилль и Дафф Купер (тоже все с женами) и хозяйка модного салона Эмеральд Кунард, любившая терроризировать Риббентропа вопросами об отношении Гитлера к евреям или к христианству. Другая светская львица — леди Астор — публично назвала нашего героя «чертовски плохим послом», ссылаясь на полное отсутствие у него чувства юмора. «Вам надо слышать, как мы с фюрером покатываемся со смеха, когда шутим», — невозмутимо парировал Риббентроп.

Бал удался, несмотря на новую экстравагантную выходку посла: упреки этикету, приглашения были составлены не по-французски, а по-немецки, что вызвало поток ответов на всевозможных языках, включая... идиш (отличился один из англичан). Риббентроп объяснил нарушение протокола, как и в случае с речью в Совете Лиги Наций, стремлением напомнить, что Германия — великая держава. Не вдававшегося в политические дискуссии Бломберга приняли превосходно. Общая атмосфера торжеств настраивала на умиротворенный лад.

Смена кабинета 28 мая могла дать новый импульс двусторонним отношениям, как это было при подготовке морского соглашения. Майские доклады Риббентропа, обещавшего устроить приезд в рейх очередной группы почетных гостей (включая Черчилля и фабриканта виски Уокера), были полны оптимизма⁵⁷. 5–8 и 24–28 июня он провел в Германии, докладывая ситуацию фюреру, а также помешав приезду Нейрата в Лондон, запланированному на последнюю декаду месяца. Формальной причиной переноса визита на неопределенный срок стала атака неизвестной подводной лодки на германский крейсер «Лейпциг» у испанских берегов, но интрига Риббентропа, поднявшего вокруг инцидента большой шум, не была секретом ни для кого⁵⁸. 14 августа посол снова уехал -- на сей раз в отпуск, втайне питая надежду на то, что возвращаться ему уже не придется.

Можно верить или не верить современникам, но, по общему мнению, к осени 1937 года потенциал Риббентропа как посла был исчерпан. В кулуарах «партайтага» (8–13 сентября) обсуждали, кем его назначат — министром колоний или начальником канцелярии рейхспрезидента; возможным пресмником нашего героя называли посла в Риме Ульриха фон Хасселя. Сам Риббентроп метил на должность Нейрата, почувствовав себя обделенным во время пышного визита Муссолини (25–29 сентября), — но какое отношение к приезду итальянского премьера имел посол в Англии?

Почти весь октябрь (4–15 и 17–25) он снова провел в Германии, опекая гостей Гитлера — герцога и герцогиню Виндзорских (бывшего короля Эдуарда VIII и Уоллис Симпсон), а затем заехал в Италию. Тогда же ему пришлось разбираться с неприятной для самолюбия историей: Нейрат, под предлогом соблюдения режима секретности, приказал не посылать в «бюро Риббентропа» секретные телеграммы МИД, и только вмешательство фюрера вернуло все на круги своя⁵⁹. Непродолжительные заезды к месту службы были вызваны церемониальными обязанностями вроде заседаний Комитета по невмешательству в испанские дела (26 и 29 октября)* или открытия сессии парламента (26 октября). Днем позже Риббентроп привычно пожаловался

---

* Риббентроп тяготился рутинными обязанностями представителя Германии в комитете, в результате чего позиции «фашистского блока» приходилось отстаивать итальянскому послу Дино Гранди. Деятельность Комитета подробно, хотя и пристрастно описана в мемуарах Ивана Майского, который представлял в нем СССР.

Идену на прессу, но министр заметил, что английская публика при-
выкла видеть послов, аккредитованных при дворе его величества,
в Лондоне, а не в других столицах. Впрочем, это была лишь заправка:
в качестве главной темы Риббентроп, в преддверии визита в Рим, рас-
писывал собеседнику опасность коммунистической угрозы и свою го-
товность помочь улучшению двусторонних отношений.

«Я воздержался от того, чтобы сообщить его превосходительству
мое мнение о его вкладе в так называемое улучшение», — саркастиче-
ски заключил Иден запись беседы⁶⁰.

Риббентроп не внял предостережению и снова отправился на кон-
тинент. Триумф с присоединением Италии к Антикоминтерновскому
пакту сопровождался нагоняем от Гитлера, о чем уже говорилось.
По возвращении в Лондон наш герой, не зная, что ждет его в будущем,
устроил несколько приемов, произнес несколько «умеренных» речей,
встретился с Иденом, Галифаксом и Чемберленом, чтобы уяснить по-
следние тенденции британской политики⁶¹, и принялся готовить ито-
говый доклад фюреру.

Над ним он трудился около месяца — все, кроме жены, под теми
или иными предложениями отказались помогать ему. На Рождество Риб-
бентроп уединился в своем имении Зонненбург, откуда 27 декабря по-
слал доклад Гитлеру, а затем приехал в Берлин и остановился в отеле
«Кайзерхоф» напротив рейхсканцелярии — в ожидании, что позовут.
Не позвали.

2 января он отправил фюреру исправленный вариант доклада⁶².
Американский историк Д. Хогган оценил его как «блестящий»: «Ни-
кто из германских дипломатов того времени не представил Гитлеру
сопоставимый анализ британской политики и отношения Британии
к Германии», — сравнив его с запиской Кидерлен-Вехтера канцлеру
Беттман-Гольвегу о русско-германских и англо-германских отноше-
ниях 1909 года, которая сделала автора, посланника в Бухаресте, ми-
нистром иностранных дел⁶³. Полный текст читатель найдет в прило-
жении к этой книге и сможет сам сделать вывод.

Несмотря на интервал всего в несколько дней, между документами
есть важное различие: в первом Риббентроп допускал возможность
соглашения, во втором — нет, полагая, что при серьезном нарушении
статус-кво Англия будет сражаться. Возможно, на него повлияло об-
щение с «твердолобыми» вроде Черчилля, который во время их един-
ственной серьезной беседы в 1937-м сказал, что его страна не допустит

гегемонии Германии в Центральной и Восточной Европе. «Тогда война неизбежна», — заявил наш герой. «Говоря о войне, — заметил Черчилль, — вы не должны недооценивать Англию... Если вы втянете нас в новую мировую войну, мы мобилизуем против вас весь мир, как в прошлый раз». — «Англия может быть очень умной, — парировал Риббентроп, — но на этот раз она не повернет весь мир против Германии»⁶⁴. Аннелиз фон Риббентроп нашла в бумагах мужа запись этого разговора, в которой содержится еще одна фраза Черчилля: «О, мы достаточно ловко сумеем в конце концов все-таки перетянуть ваших друзей на нашу сторону» (С. 80).

В тени фюрера (1938–1939)

Лондонская миссия закончилась провалом: Риббентроп не только не привез союз с Англией, но и оставил двусторонние отношения в худшем положении, чем ранее. Насколько оправданно возлагать на него всю вину за случившееся? Так поступали германские дипломаты, спешившие записаться в свидетели обвинения, чтобы не оказаться среди обвиняемых. Так делали «алармисты» во главе с Черчиллем, стремясь затушевать последствия своей политики, нагнетавшей напряженность в Европе. Так поступали «умиротворители», пытавшиеся оправдать неуспех своего курса. Всем было что скрывать и от чего отрекаться.

Риббентроп оказался неподходящей фигурой для этого поста, хотя «посылая одно из своих доверенных лиц, Гитлер стремился реализовать свое желание дружбы с островным королевством»¹. Наш герой вообще не годился в послы, потому что стремился все время быть не просто на виду, но рядом с фюрером, участвовать не только во внешней, но и во внутренней политике, не ограничиваясь страной пребывания. Решительная, идеологизированная дипломатия «бури и натиска» не соответствовала консервативному и традиционно не расположенному к Германии официальному Лондону. Главной причиной неудачи стали не личные качества посла, а стартовые условия.

«Моя миссия в Лондоне не могла привести к успеху, потому что британская политика, как это сегодня (в 1946 году. — В. М.) ясно каждому, была направлена против Германии. Если бы я рекомендовал Адольфу Гитлеру, учитывая интересы Англии, отказаться от усиления Германии, вот тогда бы я был в Лондоне *persona gratissima* (особо желательная персона. — В. М.)... Но я представлял в Лондоне сильную Германию, желающую быть с Англией на равных» (С. 213–214).

Германско-английские отношения 1936–1938 годов не могли быть иными, поскольку им мешало слишком много факторов: геополитически антигерманская и идеологически антинацистская позиция лидеров Франции и США, оказывавших значительное влияние на Лондон; умелые действия Москвы, вносившие раскол в «капиталистический лагерь»; острая внутривластная борьба, поскольку ни в одной из трех партий (консерваторы, либералы и лейбористы) не было ни идейного, ни организационного единства; стремление Черчилля и его окружения вернуться к власти, единственный путь к которой для них лежал через нагнетание «военной тревоги»; влияние сионистского лобби, хотя его главной заботой была не судьба соплеменников в рейхе, а будущее Палестины². Усилия Риббентропа были обречены на провал, даже если бы он вел себя по правилам. Возможно, «либеральный» посол с донацистским прошлым и легким антинацистским флером, вроде Хасселя, мог смягчить или отсрочить некоторые конфликты. Но не за это ли англичане осуждали собственного посла в Берлине Гендерсона?

Что ожидало Риббентропа? На доклад рейхсканцлер не отреагировал.

«30 января 1938 года, когда я находился в Берлине на торжествах по случаю пятой годовщины взятия власти, Адольф Гитлер попросил меня задержаться на несколько дней... 4 февраля фюрер вызвал меня к себе и сообщил, что в рамках новых назначений на различные высокие государственные посты он хочет произвести замену министра иностранных дел... Назначение имперским министром иностранных дел явилось для меня совершенно неожиданным» (С. 100).

В конце января Гитлер начал перестановки в верхнем эшелоне власти. Первыми в отставку были отправлены военный министр фельдмаршал Вернер фон Бломберг и главнокомандующий сухопутными войсками генерал-полковник Вернер фон Фрич, на которых фюрер получил «компромат»: новоиспеченная супруга первого оказалась в прошлом проституткой, второй был ложно обвинен в гомосексуализме.

На место Бломберга метил Геринг, но интрига не дала ожидаемого результата: Гитлер объявил главнокомандующим самого себя, упразднив пост военного министра.

2 февраля Риббентроп присутствовал на банкете в честь шестидесятилетия Нейрата, который почтил вниманием сам фюрер. Явившись на Вильгельмштрассе, тот произнес благодарственную речь в честь именинника и вручил ему подарок — старинную картину (никто не обратил внимания на то, что на ней была изображена... могила Константина Великого, тезки юбиляра). Министр, достигший пенсионного возраста, повторил свою просьбу об отставке. Гитлер ответил отказом и продолжал расточать комплименты виновнику торжества. Начальник Имперской канцелярии Ганс Ламмерс не верил своим ушам, поскольку на его столе лежали уже подписанные указы об отставке министра и назначении его преемника.

4 февраля после полудня Гитлер пригласил Нейрата для дружеской беседы, с которой тот вернулся в прекрасном настроении. Вечером ему позвонил адъютант фюрера и попросил немедленно прибыть в рейхсканцелярию. Министр сказал, что это, видимо, ошибка, поскольку он недавно вернулся оттуда, но ошибки не было. Гитлер объявил, что назначает Риббентропа министром иностранных дел и поручает Нейрату пост председателя только что созданного Тайного правительственного совета*, поскольку нуждается в его опыте и помощи. «Поздравьте — меня уволили», — приветствовал удивленных домашних Нейрат, не ободрявшийся относительно своего назначения. В тот же вечер фюрер вызвал к себе Риббентропа. «Теперь я министр, — объявил счастливцев сопровождавшему его Шпитци, выйдя из зимнего сада рейхсканцелярии, — и мы будем проводить настоящую германскую политику»³.

Назначение Риббентропа никого не удивило, но мало кого порадовало — за исключением Муссолини и Чиано, считавших, что «дело идет к полной нацификации, а это полезно для оси... Ясно, что он против англичан, которые плохо относились к нему. Лондон был для него поражением, Рим успехом»⁴.

---

* В Совет вошли пять министров и командующие тремя видами вооруженных сил; он не собирался ни разу. Указ о его создании предусматривал информирование Нейрата обо всех решениях в области внешней политики, но злопамятный Риббентроп постарался лишить его этого права.

Чемберлен был сдержан: «Он всегда выражал сильнейшее желание прийти к взаимопониманию с нами, но его действия никогда в полной мере не следовали его заявлениям»⁵.

Геринг, апоститы которого не знали границ, нацеливался и на этот пост. Дипломаты поняли, что новый шеф будет не более чем «секретарем фюрера по иностранным делам», подобно тому как начальник созданного тогда же Верховного командования вермахта генерал-лейтенант Кейтель стал «секретарем по военным делам» — и разделил судьбу нашего героя как на Нюрнбергском процессе, так и в мемуарах бывших подчиненных.

«Принимая на себя руководство министерством, я, несомненно, сдсдел ошибку, не потребовав четких полномочий с целью обеспечить приоритет министерства иностранных дел в ведении внешней политики и определить необходимые и неперенные для этого компетенции. Но при стиле работы Адольфа Гитлера я, вероятно, не достиг бы ничего и этим... <Он> решал особенно близкие его сердцу внешнеполитические дела единолично. В первые годы мне часто удавалось добиваться осуществления своей точки зрения, но потом это стало труднее. Отстоять собственное мнение перед такой сильной личностью было нелегко» (С. 105, 100–101).

Что сказал бы Молотов на его месте? Наверное, то же самое: «С самого начала мне было ясно... что я буду работать в тени мощной личности и мне придется во многом ограничивать себя»⁶.

В один день с Нейратом Гитлер отправил в отставку трех послов: Пашена (Австрия), Хасселя (Италия) и Дирксена (Япония), — но причины в каждом случае были разные. Дирксен сам просил об этом, так как плохо переносил токийский климат. На обратном пути он узнал, что назначен послом в Лондон: «Я пришел к очевидному выводу, что он (Риббентроп. — В. М.) смотрит на меня как на ширму, призванную прикрывать его истинные чувства и намерения по отношению к британскому правительству. И все-таки я надеялся, что сотрудничество с ним возможно. В конце концов, он ведь достиг своей цели — стал министром иностранных дел. Как послушный и исполнительный слуга своего хозяина он вынужден будет придерживаться гитлеровского курса, в принципе дружественного Англии»⁷.

«Головы» Хасселя давно требовал Чиано, не скрывавший от посла ни своего недовольства, ни его причин: итальянцы хотели, чтобы нацистский режим был представлен в Риме нацистом. Недовольны были Хас-

селем и в Берлине (Риббентроп не принял его с формальным докладом о завершении миссии), что окончательно толкнуло отставного посла в лагерь оппозиционеров*. Папен не успел пережить изумление внезапной отставкой, как снова был возвращен на свой пост, хотя и временно.

Соблюдая приличия, Нейрат представил преемника на Вильгельмштрассе, заявив, что «искренне рад передать бразды правления более молодому человеку, способности которого доказаны его успехами». Риббентроп заверил: он будет продолжать «традиции Нейрата» и их взгляды на внешнюю политику совпадают, однако 16 февраля устроил полувоенный смотр «личного состава», надев эсэсовскую форму и приветствуя подчиненных не только «буржуазным» рукопожатием, но и «гитлеровским салютом»⁸.

От нового министра ждали «кадровой революции», но ее не случилось — произошло обычное заполнение вакансий, причем за счет карьерных дипломатов. Макензен отправился послом в Рим. Статс-секретарем вместо него стал начальник политического департамента Вайцеккер. Оказавшись на скамье подсудимых, он оправдывался тем, что хотел оказывать «умиротворяющее воздействие» на рейхсминистра, а также заявлял о несогласии с ним. Возможно, он и не был согласен с «генеральной линией», но никак этого не афишировал и в отставку не подавал, по поводу чего бывший шеф заметил: «Как г-н фон Вайцеккер, так и д-р (Эрих. — В. М.) Кордт бесчисленное множество раз, постоянно, вновь и вновь выражали мне свою преданность и удовлетворение происходившими событиями» (С. 208).

Преемником Вайцеккера был назначен Вёрман; остальные шесть директоров департаментов остались на местах. Теодор Кордт стал советником посольства в Лондоне вместо Вёрмана. Эрих Кордт возглавил секретариат министра, куда пристроил и неблагодарного Шпитци. Карьеристы из «бюро» ждали повышения, но Риббентроп взял в штат лишь 28 человек, в основном во внутриполитический отдел и в отдел печати, который решил возвысить в противовес министерству пропаганды.

Начиналась «нацификация» Вильгельмштрассе. Только начиналась, ибо министерство сохраняло донацистский и даже довоенный дух

---

* Следует помнить, что известный дневник Хасселя за 1938—1944 гг. фиксирует не столько факты, сколько слухи и мнения автора и его окружения (в том числе Вайцеккера), отношение которого к Риббентропу было отрицательным.

и личный состав: 1933 год затронул его не больше, чем 1918-й. Непосредственно в результате прихода Гитлера к власти службу оставили два видных дипломата — посол в США Приттвиц унд Гаффрон и консул в Нью-Йорке Шварц (будущий биограф Риббентропа), причем только Шварц сделал из этого публичный акт. Нескольких человек отправили на пенсию по возрасту. В 1935 году руководство министерством оставалось тем же, что и в начале 1933-го, а назначенцы Нейрата сохранили свои должности при Риббентропе. Новый министр озабочен приемом подчиненных в партию (к концу 1937 года в рядах НСДАП состояло лишь 33 из 92 кадровых дипломатов верхнего звена) и выхлопотал внеочередной прием в СС Вайцзеккера и Вёрмана.

Дирксен остроумно охарактеризовал отношение Риббентропа к МИД до и после назначения: «браконьер, назначенный лесничим». Раньше он старался вести собственную игру, максимально свободную от влияния Вильгельмштрассе, теперь — взять всю внешнеполитическую активность рейха под контроль и таким образом поднять престиж своего ведомства как можно выше. Для реализации самого амбициозного проекта — выращивания нового поколения идейных нацистских дипломатов — история не отвела времени.

Назначая нашего героя министром, Гитлер назвал ему четыре «проблемы» — Австрия, Судетская область, Мемель (ныне Клайпеда, Литва) и Данциг (ныне Гданьск, Польша), которые он хотел «вернуть в рейх». Все они были наследием версальской системы, поэтапная мирная ревизия которой являлась целью германской внешней политики и до нацистов. Австрия, ставшая в результате распада Австро-Венгрии государством с компактным немецким населением, уже в декабре 1918-го пожелала воссоединиться с Германией (так решил ее новый, республиканский парламент), но победители воспротивились этому, закрепив свой запрет Версальским (статья 80) и Сен-Жерменским (статья 88) договорами. Судетская область с тремя с половиной миллионами немцев, которые проживали там более тысячи лет, вошла в состав Чехословакии. Сен-Жерменский договор подробно прописал статут национальных меньшинств и механизм их защиты (статьи 62–69), но не распространил их на немецкое население, оказавшееся на территории других стран. Мемель, принадлежавший Пруссии с 1422 года, был отторгнут от Германии Версальским договором (статья 99) и передан под управление Лиги Наций. 13–15 января 1923 года, невзирая на протесты Польши и РСФСР, Литва захватила

Мемель, что через месяц было закреплено решением Конференции посланцев Антанты, хотя германское население города в три раза превышало литовское. Данциг, национальная и государственная принадлежность которого Германии не вызывала сомнений, был объявлен «вольным городом под защитой Лиги Наций», а 327 тысяч его населения (из них 97 % составляли немцы) потеряли германское гражданство. «Вольный город» был включен в пределы экономического пространства Польши, которая получила в свое ведение его внешние сношения (статьи 100–108 Версальского договора). Не ограничиваясь этим, поляки создали по соседству порт Гдыня, который со временем должен был перевести на себя все пассажирские и грузовые потоки и таким образом экономически задушить «не совсем польский» Данциг. Новый город был создан на территории польского коридора — отторгнутого от Германии участка, который соединял исторически населенные поляками земли с морем и одновременно отрезал одну часть германской территории (Восточная Пруссия) от другой (статья 27 Версальского договора). Данциг и коридор станут основной причиной конфликта двух держав и главным поводом войны в Европе.

Такие задачи Гитлер поставил перед новым министром. Риббентроп пересказал их Вайцзеккеру, предлагая тому пост статс-секретаря, и поделился с ним глобальным видением ситуации: прежде всего — не допустить коалиции Англии, Франции и СССР против Германии. Собеседник, если и был против, счел за лучшее оставить возражения при себе⁹.

Аншлюс (воссоединение) Австрии стал дебютом министра, но к его подготовке и осуществлению он не имел никакого отношения, как и Нейрат, поскольку посол Папен сносился напрямую с фюрером. На 12 февраля была назначена встреча рейхсканцлера Гитлера с бундесканцлером Куртом фон Шушшигом, на которой сильнейший из диктаторов готовился окончательно запугать слабейшего. Генералы Кейтель, Рейхенау и свирепого вида Шперрле были вызваны для устрашения низкорослого австрийца. Папен, которого Гитлер попросил остаться послом, и тайно перешедший на сторону нацистов статс-секретарь МИД Австрии Гвидо Шмидт должны были уговорить канцлера согласиться со всеми требованиями по «сближению» двух стран. Риббентроп выступил заодно с ними в роли «хорошего следователя». «Вся атмосфера на переговорах в Бергхофе была весьма доверительной,

а все договоренности с Шушнигом достигались с взаимного согласия и исключали какое бы то ни было давление» (С. 107). После войны Шушниг, конечно, утверждал обратное¹⁰.

Затем состоялись первые встречи с послами. Статс-секретарь Макензен подготовил записку о взаимных претензиях с французами (запрет влиятельной газеты «Тан» в Германии, антинацистская выставка «Пять лет Гитлера» в Париже), но Франсуа-Понсэ начал с протеста по поводу Австрии. «Каждый его визит оказывается своего рода демаршем», — заметил Риббентроп. Министр ответил, что для защиты соотечественников за рубсжом рейх не остановится ни перед чем, включая применение силы. Не привыкший к такому языку, Франсуа-Понсэ посчитал, что собеседник «не готов и не способен» занимать свою должность¹¹. Британский посол демаршей не делал, сказав, что пришел за информацией. Но о сэре Невилле Гендерсоне следует сказать подробнее.

Филлипс, представлявший Великобританию в Берлине с 1933 года, подходил для этой роли не лучше, чем Риббентроп для Лондона. При немалом опыте и остром уме он был франкофилом и германофобом, в полном согласии со своим шурином Ванситтартом. В нацистах его раздражало буквально всё, и он просился в Париж. В январе 1937-го Иден удовлетворил его просьбу и задумался о преемнике. В мемуарах он утверждал, что имел в виду кандидатуры посла в Турции сэра Перси Лоррэна или верховного комиссара в Египте сэра Майлса Лэмпсона и «глубоко сожалел, что не выбрал одного из них, отдав предпочтение дипломату, которого мне порекомендовали». Это был посол в Аргентине Гендерсон (Иден его лично не знал): в Буэнос-Айресе и ранее в Белграде он показал, что умеет ладить с диктаторами и самодержцами. Впоследствии Иден патетически восклицал: «Международным несчастьем стало то, что в Берлине нас представлял человек, постоянно искавший оправданий для нацистов вместо того, чтобы их предостерегать... Не раз я предупреждал его против обыкновения трактовать мои указания в дружественном нацистам духе... Вера Гендерсона в добрую волю нацистов и поддержка их претензий в Австрии и Чехословакии вызвала события, которые он должен был предотвратить»¹².

Это мудрость задним числом, поскольку тогда, в 1937 году, значение опытного, хотя и не слишком известного в мире большой политики дипломата ни у кого возражений не вызвало.

Гендерсон стал главной мишенью германофобов из Форин офис еще во время службы в Берлине, а потому по возвращении принялся за мемуары, стремясь оправдаться перед историей. Пришлось торопиться, поскольку уже в Германию он приехал больной раком. Воспоминания, честно озаглавленные «Провал миссии», вышли в апреле 1940-го, в самом конце «странной войны». Книга получилась искренняя и пристрастная — особенно в отношении Риббентропа, который выведен главным злодеем.

«Я отправился в Берлин, — писал Гендерсон, — преисполненный решимости увидеть как хорошие, так и дурные стороны нацистского режима, несмотря на многие неприемлемые аспекты и собственные сомнения, и по мере сил объяснить его намерения и позицию правительству его величества. Гитлер и нацистская партия правили Германией, и мой долг был работать с ними... Официальный представитель за границей не может успешно служить своей стране, если он известен как враг правительства страны пребывания... Я был убежден, что мир в Европе зависит от достижения взаимопонимания между Британией и Германией. Соответственно я намеревался, во-первых, максимально сблизиться с нацистскими лидерами и, если возможно, завоевать их доверие, а во-вторых, как можно объективнее изучить германскую точку зрения и как можно вернее донести ее до моего правительства... Моя миссия в Германии была трагическим провалом, но как минимум совесть моя чиста»¹³.

После войны на покойного посла списали все промахи британской дипломатии. Мемуары не переиздавались и редко цитировались, его имя сопровождалось уничижительными эпитетами и критическими оценками, даже официальная публикация «Документов британской внешней политики» под редакцией его недруга Рэба Батлера постаралась выставить Гендерсона в неприглядном свете. Не буду утверждать, что посол во всем был прав и всегда действовал в интересах мира и своей страны — одно, как правило, не совпадало с другим, — но он все же заслуживает реабилитации, уже начатой «неполиткорректными» английскими историками¹⁴.

3 марта Гендерсон встретился с Гитлером и Риббентропом, о чем давно просил. Разговор сразу же высветил разницу интересов и подходов сторон: посла интересовала позиция Берлина в отношении колоний, поскольку в Лондоне шла разработка «нового режима колониального управления» в Африке; фюрер хотел довести до сведения англичан, что «в урегулирование своих отношений с родственными

странами или со странами с большим количеством немецкого населения Германия не позволит вмешиваться третьим державам» и что «если немцев в Центральной Европе будут и в дальнейшем угнетать... то Германия должна вмешаться, и она вмешается».

Оба могли остаться довольными. Гитлер признал, что «не считает колониальный вопрос уже созревшим для разрешения... Можно спокойно подождать 4, 6, 8 или 10 лет». Гендерсон подтвердил согласие Галифакса «с тем, что перемены в Европе вполне возможны», что Чемберлен «выказал большое мужество, когда, не обращая внимания ни на что, сорвал маску с таких интернациональных фраз, как коллективная безопасность», что Англия не вмешивается в австрийские дела. Гитлер обозначил готовность отказаться от колониальных претензий в обмен на невмешательство в европейское «урегулирование». Вынужденный молчать, Риббентроп вставил слово лишь по поводу «клеветнической кампании, проводимой агентством Рейтер» и выразил удивление, что «никто из ответственных лиц не был уволен и даже не получил выговора»¹⁵. Понимание отношений между государством и прессой у них явно различалось.

9 марта Риббентроп приехал в Лондон для вручения отзывных грамот. По протоколу без этого можно было обойтись, но наш герой решил покрасоваться там в новом качестве. Увы! Через несколько часов после приезда он услышал по радио, что Шушник назначил на 13 марта плебисцит о независимости Австрии, оставив в бюллетенях только «да» и подняв возрастной ценз до двадцати четырех лет вместо полагавшихся по закону двадцати одного года (мера, направленная против австрийских нацистов, среди которых преобладала молодежь). Автором идеи считали французского посланника в Вене Габриэля Пюю. Гендерсон назвал ее «последней ставкой отчаявшегося игрока», поддержать которую не согласился даже Муссолини, главный союзник Шушника¹⁶. Плебисцит перечеркивал договоренности с рейхом, поэтому Гитлер послал изумленного высоким доверием Шпитци в Лондон с письмом к Риббентропу, поручая тому срочно выяснить возможную реакцию англичан на военную операцию в Австрии. На Вильгельмштрассе временно водворился Нейрат, предложивший вызвать нашего героя из Лондона, но Геринг посоветовал оставить того в покое.

10 марта Риббентроп встретился с Галифаксом, недавно сменившим Идена на посту министра иностранных дел, — сначала тет-а-тет, потом

в присутствии Вёрмана и сэра Александра Кадогана, преемника Ванситарта в качестве постоянного вице-министра. Учитывая важность момента, собеседники составили подробную запись беседы на английском языке и согласовали ее содержание. Гость ругал лондонскую прессу (Гендерсон тоже числил ее среди главных виновников напряженности), похвалил «реалистичную политику» Чемберлена, но разговор быстро перешел на Австрию. Риббентроп назвал плебисцит «попыткой с негодными средствами» и «сплошным надувательством», подтвердив, что «Германия желает добиться права на самоопределение для 10 миллионов немцев, проживающих на ее восточной границе, то есть в Австрии и в Чехословакии... Германия всегда пыталась решать эти проблемы мирным путем, она будет это делать и впредь».

Галифакс, прочитавший рейхсминистру «лекцию, если не проповедь» (выражение Кадогана), заявил: «Британское правительство признает, что Германия, прежде всего, заинтересована в вопросе своих (национальных. — В. М.) меньшинств в Австрии и в Чехословакии. Однако этот вопрос может иметь серьезные последствия для всей Европы, и поэтому британское правительство заинтересовано в нем... Если из-за австрийского или чехословацкого вопросов вспыхнет война, в нее могут быть вовлечены другие страны, и никто не может сказать, какие страны останутся незатронутыми».

Риббентроп сообщил в Берлин не согласованный текст, а собственное изложение: отразив дежурные примирительные фразы Галифакса, он проигнорировал его предупреждение и сделал вывод, что воевать за Австрию Англия не будет¹⁷. Опасаясь, что собеседник может что-то утаить, британский министр послал Гендерсону согласованную запись беседы для возможного информирования Гитлера¹⁸.

10 марта в германском посольстве состоялся грандиозный прощальный банкет. На следующий день Риббентроп вручил отзывные грамоты королю, а перед визитом во дворец завтракал в посольстве со старым знакомым Томасом Джонсом, министром координации обороны сэром Томасом Инскипом и лордом Астором. Рассказу о «дружеской» беседе с Шушнигом гости не поверили (бундесканцлер находился

---

* Еще одним важным источником информации был Георг Франкенштейн, австрийский посланник в Лондоне в 1920—1938 гг. После аншлюса он остался в Англии, получил британское гражданство и был возведен в рыцарское достоинство — видимо, за немалые заслуги перед Британской империей.

в постоянном контакте с английской миссией в Вене*), но сошлись во мнении о нежизнеспособности Австрии в «версальских» границах. Инскип посоветовал не спешить, так как мирное решение проблемы — Риббентроп называл это «в германском духе» — вполне реально и будет одобрено Англией, но угроза и тем более применение силы чреваты войной. Рейхсминистр передал эти слова Гитлеру, заметив, что в целом они совпадают с мнением Галифакса, хотя это явно противоречило его предыдущему докладу¹⁹.

Вечером того же дня Чемберлен дал на Даунинг-стрит, 10, обед в честь нашего героя, где присутствовали Галифакс, Хор, Саймон, Инскип, Лондондерри, Черчилль и Кадоган с женами. Обстановка была напряженной, поэтому премьер сразу заговорил о своем «искреннейшем желании взаимопонимания с Германией». Ближе к концу обеда посыльный из Форин офис вручил Кадогану две телеграммы, которые тот передал Галифаксу и Чемберлену: под давлением нацистов Шушник отменил плебисцит и подал в отставку. Хозяева предложили Риббентропу уединиться в соседней комнате и потребовали объяснений: премьер спокойно, а министр в более резком тоне, назвав угрозу применения силы «нестерпимой». Пребывавший в полном неведении гость мог лишь сказать, что считает отмену плебисцита хорошей новостью, а отставку Шушника — закономерной, так как он нарушил договоренность с Гитлером²⁰.

Англичане задавали себе вопрос: знал ли Риббентроп заранее о планах Гитлера или нет? Хор был убежден в искренности его изумления. Галифакс не мог представить, что мыслимо так притворяться. Гендерсон отказывался верить в то, что честолюбивый Риббентроп мог сознательно пропустить «исторический момент». Черчилль сочинил волнующую историю о коварстве нашего героя, который, зная о готовившемся вторжении, нарочно затягивал обед, дабы оторвать министров от служебных телефонов, а потом изобразил притворное изумление при получении известий о переходе вермахтом границы. «Старый добрый Винни» проврался в главном: германские войска вступили в Австрию не 11, а 12 марта, через сутки после обеда на Даунинг-стрит. И это не единственный пример, когда знаменитые воспоминания лауреата Нобелевской премии по литературе (!) сообщают, мягко говоря, неправду²¹.

Оправившись от шока, рейхсминистр «попросил лорда Галифакса во второй половине дня посетить меня в посольстве. Но и во время

беседы в посольстве во второй половине дня я еще не был в состоянии сообщить ему подробности событий в Австрии, ибо мне не удалось установить связь с Адольфом Гитлером и получить от него информацию» (С. 109).

Во время разговора Вёрман принес известие о назначении нацистского ставленника Артура Зейсс-Инкварта главой австрийского правительства. Галифакс назвал это «демонстрацией грубой силы» и скептически оценил возможность «понимания» действий рейха британским общественным мнением²². «Я разговаривал с ним чрезвычайно резко, — заверял он чехословацкого посланника Яна Масарика днем позже, — я еще никогда так не говорил»²³. Однако главное стало ясным — Англия не выступит, поэтому в телефонном разговоре с Герингом (записанном «слушателями» последнего) наш герой мог сказать: «Мои впечатления от обоих — Галифакса и Чемберлена — превосходны»²⁴. Тем не менее он «был взбешен, потому что его никто не информировал, — вспоминал Гессе. — В ажиотаже о министре иностранных дел просто забыли». «Риббентропу была тяжела мысль, что аншлюс может состояться без него, — вторил Кордт. — Могло показаться, что всего через месяц после вступления в должность он уже отставлен от нее»²⁵.

Он рвался на место действия, но Геринг, оставленный «на хозяйстве» в фатерланде, передал ему распоряжение Гитлера находиться в Лондоне. Только 13 марта Риббентроп прилетел в Германию, чтобы на следующий день быть рядом с фюрером в Вене и принять от Гвидо Шмидта здание и архивы МИД не существующей более страны²⁶. Наградой за его труды стал замок Фушль под Зальцбургом, отобранный у «неарийского» владельца.

По возвращении в Берлин Риббентроп занялся двумя вопросами. Первый — судетский — перед ним поставил Гитлер, и здесь рейхсминистру пришлось положиться на других, так как ситуацию в Чехословакии он знал еще хуже, чем в Австрии. Второй — оформление военнополитического союза с Италией и Японией — был его личным проектом. Осенью 1937 года эмиссар «бюро» Альбрехт Хаусхофер провел два месяца в Токио, выясняя перспективы сотрудничества. С ним охотно делился информацией самый осведомленный германский журналист японской столицы — Рихард Зорге. Нашему герою, переживавшему неудачу лондонской миссии и оставшемуся в стороне от аншлюса, нужен был личный триумф в виде пакта о взаимопомощи, который он видел прямо направленным против СССР, а косвенно — против

Франции и Англии. История переговоров между Германией, Италией и Японией об «укреплении Антикоминтерновского пакта» подробно изложена в моей книге «Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио» и в биографии Сиратори Тосио, одного из главных участников событий; там же указаны все источники. Поэтому здесь ее можно прочесть пунктиром.

План Риббентропа предусматривал: двусторонние консультации в случае дипломатических затруднений с третьей страной; взаимную политическую и дипломатическую помощь в случае угрозы; взаимную военную помощь в случае нападения третьей страны. В начале мая 1938-го он сопровождал Гитлера в Рим и пытался вовлечь итальянцев в дискуссию, от которой те упорно уклонялись. Только 5 мая рейхсминистр смог вручить Чиано проект пакта. Тот известил дуче о своем несогласии и предложил ограничиться протоколом о намерениях, пояснив: «Солидарность, существующая между нашими правительствами, настолько очевидна, что формальный договор о союзе был бы излишним»²⁷. Переводчик Шмидт почувствовал в этих словах неприкрытый сарказм.

Вражда министров стала обоюдной. «Риббентроп многословен и непостоянен. Дуче говорит, что он принадлежит к той категории немцев, которые являются несчастьем для Германии. Он твердит о войне налево и направо, без четкого противника и определенной цели. Порой он хочет уничтожить Россию, в сотрудничестве с Японией. В другой момент он мечет громы и молнии против Франции и Англии. Иногда он угрожает Соединенным Штатам. Это всегда заставляет меня относиться к его проектам с большой осторожностью»²⁸.

Дино Альфиери, итальянский посол в Берлине в 1940–1943 годах, утверждал: «Исключительно плохие отношения существовали между Чиано и Риббентропом... Чиано был умен, весел, сообразителен, хорошо воспитан, совершенно естественен в поведении, переменчив и великодушен. Риббентроп был холоден, формален, исключительно тщеславен, невежествен и подозрителен. Оба были хороши собой и честолюбивы. Чиано, моложе по возрасту, но старше по годам пребывания в должности, находил возрастающее высокомерие своего коллеги все более невыносимым и, педантичный в соблюдении всех формальностей, частным образом отзывался о нем в самых оскорбительных выражениях»²⁹.

Возможно, зная об этом, Риббентроп писал: «Чиано был не только завистлив и тщеславен, но и коварен и ненадежен. С правдой у него были нелады. Это затрудняло не только личное, но и служебное общение с ним. Та манера, с которой он в июле 1943 года предал в фашистском совете своего собственного тестя Муссолини, характеризует его особенно гадко. Дуче говорил мне позже, что никто и никогда (причем много лет) не обманывал его так, как Чиано, и что тот виновен в коррумпировании фашистской партии, а тем самым и в ее расколе» (С. 216).

Игры за спиной дуче привели Чиано к опале, участию в заговоре и, наконец, к стрелковому взводу в Вероне в начале 1944 года. В стремлении оправдаться бывшие сослуживцы пытались представить его «жертвой», если не «борцом с фашизмом», но несостоятельность этих утверждений очевидна. Оба министра пользовались всеми благами режима и были соучастниками деяний диктаторов, хотя позиция Чиано, по наблюдению его румынского коллеги Григоре Гафенку, допускала сомнения и даже возражения, оставлявшие за дуче свободу маневра. Риббентроп производил впечатление «сосредоточенной, фанатичной убежденности» в правоте фюрера, а циник Чиано делал вид, что ничего не принимает всерьез, включая собственные слова. Германский министр был помешан на секретности, итальянский выбалтывал государственные тайны направо и налево, чем пользовался Гитлер, желая конфиденциально сообщить что-то в... Лондон³⁰. Сработаться таким разным людям было непросто.

Тем временем активизировалась подготовка к решению «судетского вопроса». 24 марта 1938 года Гитлер обсуждал дальнейшие шаги с Риббентропом и Геббельсом. 28 марта фюрер в присутствии Риббентропа и Гесса инструктировал главу Судетской германской партии Конрада Генлейна, получавшего деньги и указания из Берлина (МИД и абвер) еще с 1935-го.

29 марта рейхсминистр провел с лидерами судетских немцев Генлейном, Франком, Кюнцлем и Крейслем при участии Макензена (еще одного статс-секретаря), Вайцзеккера, Кордта и посланника в Чехословакии Эйзенлора совещание, на котором были окончательно сформулированы разработанные под руководством Гитлера «требования» к Праге.

24 апреля Генлейн огласил их на партийном съезде в Карловых Варах, поэтому они известны как «карлсбадская программа»:

- 1) полное равноправие немецкого и чешского народов;
- 2) признание судето-немецкой этнической группы юридическим лицом и соблюдение ее соответствующего положения в государстве;
- 3) определение границ и признание области проживания немцев в ЧСР;
- 4) создание судето-немецкого самоуправления во всех областях общественной жизни там, где это отвечает интересам и положению немецкой этнической группы;
- 5) законодательная гарантия защиты прав граждан немецкой национальности, проживающих вне судето-немецкой области;
- 6) устранение несправедливости, допущенной в отношении судетских немцев в 1918 году, и компенсация понесенного ими вследствие этого ущерба;
- 7) признание и претворение в жизнь основополагающего принципа: немецкие чиновники на немецкой территории;
- 8) полная свобода для немецкой культуры и немецкого мировоззрения³¹.

В разговоре с Гендерсоном Риббентроп назвал их «разумными и умеренными» и «говорил о них как об основе для переговоров, не квалифицируя их при этом как минимальные». Британский посол передал это чешскому посланнику Мاستному и посоветовал серьезно отнестись к сказанному, считая, что, сделав уступки, можно обойтись без кровопролития. Франсуа-Понсэ был настроен пессимистически³². Для Праги «карлсбадская программа» была совершенно неприемлемой.

Решению «судетского вопроса», закончившемуся Мюнхенским соглашением 29 сентября 1938 года, посвящена обширная, но неизменно пристрастная, а потому неравноценная, точнее, в основном не имеющая никакой ценности, литература. Тональность ее менялась в зависимости от исторических условий и политической конъюнктуры: Мюнхен рассматривался то как спасение мира, то как предательство и путь к войне. Свою точку зрения я изложил в книге «Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио». Повторю лишь главное: Чехословакия, созданная в Версале за счет победленных, оказалась нежизнеспособным государством, которое разрушили межнациональные противоречия между чехами и словаками*, а также между чехами и национальными меньшинствами, прежде всего немецким и венгер-

---

* Что произошло уже на наших глазах, при мирном распаде страны на Чехию и Словакию.

ским. «Пороховой погреб Европы», как назвал эту страну Ротермир, был обречен взорваться. Кроме того, судьбу Чехословакии решали лидеры тех самых стран, которые создали ее двумя десятилетиями раньше, — Франции, Англии и Италии. «Я тебя породил, я тебя и убью»...

В «эпопее Мюнхена» Риббентроп приписывал номинальное участие, ибо практическое решение с помощью военных и аппарата доктора Геббельса взял на себя Гитлер. Дипломатические тонкости фюрера уже не интересовали. Роль нашего героя ограничилась сердитыми заявлениями, например, во время тревоги 20–21 мая, когда необоснованные слухи о выдвижении вермахта к границе подвигли Прагу и Париж к частичной мобилизации (именно в результате этого Гитлер 28 мая приказал готовить военную операцию против Чехословакии). Мاستный сообщал: «Он не может примириться с тем, что в Праге наше правительство продолжает давать другим государствам ложные сообщения о концентрации войск, и особо подчеркивает, что распространение таких сообщений могло бы привести к их осуществлению и к действительной концентрации войск против ЧСР».

Гендерсон обратился за разъяснениями не в МИД, а к Кейтелю, поэтому с британским послом рейхсминистр был особенно резок, повторяя, что «немецкая кровь проливается в Чехословакии и что семьдесят пять миллионов немцев поднимутся, как один человек, на ее защиту»³³. Их отношения, исходно не отличавшиеся доверием, испортились до предела. 24 мая Гендерсон писал Галифаксу о том, что «если Гитлер прыгает на фут, Риббентроп прыгает на ярд»* и что глава Вильгельмштрассе «тщеславен настолько же, насколько глуп, и глуп настолько же, насколько тщеславен», повторив эту оценку в мемуарах³⁴. Рейхсминистр прочитал «Провал миссии» и считал нужным особо опровергнуть «злостные извращения и лживые утверждения» книги о его «роковых советах» и «дурном влиянии» на Гитлера (С. 213–215).

В «судетском вопросе» Риббентроп стремился лишь к исполнению воли фюрера. Это видно из его июльских и августовских указаний Вайцзеккеру, который, подобно большинству дипломатов, не считал

---

* Еще одна красочная фраза Гендерсона по адресу нашего героя: «Как можно играть в шахматы с человеком, который пытается ходить конем как слоном» (из письма к Галифаксу от 23 августа 1938 г.).

жесткий курс лучшим: правило «в сомнении воздерживайся» статс-секретарь полагал более верным, чем флотский принцип «Лучше действовать неверно, чем никак», хотя сам в прошлом был морским офицером³⁵.

Не прскращалась борьба и внутри нацистской элиты, положение в которой Риббентропа было не слишком прочным. С одной стороны, действия министерства пропаганды вызывали протесты иностранных дипломатов, разбираться с которыми приходилось МИД; конфликт двух ведомств достигнет апогея после «хрустальной ночи» — спровоцированного Геббельсом еврейского погрома 9–10 ноября 1938 года, который нанес огромный ущерб международному престижу рейха. С другой стороны, Геринг, считавший, что вермахт не готов к войне, обвинял Риббентропа в провоцировании конфликта (адресовать этот упрек Гитлеру он не решался!) и пытался за его спиной вести переговоры с англичанами. Наконец, «умеренные» постарались удалить его и от принятия решений, и от переговоров (Гендерсон и Вайцзеккер утверждали, что именно они организовали решающую беседу Гитлера с Чемберленом при участии одного только переводчика Шмидта). На страницах дипломатической переписки этих месяцев имя нашего героя встречается на удивление редко.

Главным достижением Риббентропа стало то, что он снова и вопреки всем оказался прав: Англия и Франция не пошли на войну ради Чехословакии. Оппозиция во главе с генералом Беком и адмиралом Канарисом, собиравшаяся свергать Гитлера, просила Чемберлена проявить твердость, необходимую для создания внутриполитического кризиса в Германии. В заговоре участвовали и дипломаты, включая поверенного в делах в Лондоне Кордта, который всеми силами порочил рейхсминистра. Чемберлен опрокинул их расчеты, привезя с собой из Мюнхена не только соглашение по Судетам, но и англо-германскую декларацию — «мир для нашего поколения», за что его с восторгом приветствовали большинство англичан.

Лорд Лондондерри объявил, что его мечты сбылись, прилетел в Мюнхен повидать Риббентропа (это была их последняя встреча) и приписал восторженный постскриптум к переизданию своей книги «Британия и Германия». Даладье ждал пародного возмущения, но был встречен всеобщим ликованием. Французский парламент, за исключением коммунистов, одобрил соглашения; поддержало их и большинство интеллектуалов, причем не только правых или пронацистски наст-

роенных. К радости Риббентропа, японская дипломатия и пресса единодушно выступили на стороне рейха, о чем посол Отт не замедлил проинформировать его, а премьер Коноэ Фумимаро послал Гитлеру и Муссолини поздравительные телеграммы³⁶.

Мюнхен стал одним из важнейших актов «ревизии» Версальской системы, но не решил всех проблем. Будапешт претендовал на Южную Словакию с многочисленным венгерским населением, включенную в состав Чехословакии по Трианонскому договору (статьи 27, 49), Варшава — на богатый углем Тешинский район, который поляки неудачно пытались захватить в 1918–1919 годах. Правящие круги Венгрии заручились поддержкой Муссолини, нейтралитетом Польши (на взаимовыгодной основе) и рассчитывали на «понимание» Гитлера. Однако у того были другие планы — он не хотел усиления Венгрии и стремился максимально использовать новый, прогерманский режим в Праге, с представителями которого в рейхе, правда, обращались как с вассалами. Фюрер знал о претензиях Будапешта и об их поддержке со стороны Рима, но добился того, что на Мюнхенской конференции они не рассматривались. Венгрия не спешила выступать в поддержку Германии, хотя 23 августа Гитлер выразительно сказал регенту Хорти и его министрам: «Каждый, кто хочет поучаствовать в трапезе, должен сначала помочь на кухне».

Увлеченного глобальными проектами Риббентропа эти проблемы интересовали мало, поэтому он постарался переложить их на подчиненных, а сам подключился к делу лишь на заключительном этапе. Венгры хотели подвинуть свою границу на север как можно дальше, а дальнейшая судьба Чехо-Словакии* их не волновала.

Рейху импонировала идея создания независимой Словакии под своим протекторатом, с минимальным изменением границ, к чему стремилось и большинство словацких националистов. Немецкий вариант границы получил название «линии Риббентропа»: он исключал передачу Венгрии городов Братислава, Нитра, Ужгород и Мукачево, по которым проходила «линия Ротермира», — предложенная лордом еще в 1927 году исправленная граница между двумя странами.

Венгры вариант Риббентропа не приняли и пригрозили оккупировать Закарпатскую Украину, договорившись с Польшей. Рейхсминистр

---

* Так она официально называлась с 6 октября 1938 г., после получения Словакией автономии.

не уступал, заявив, что в противном случае откажется от посредничества. Наконец, 22–23 октября он согласился выступить арбитром спора, предложив Чиано принять в этом участие и выразив желание приехать в Рим. «Я не доверяю инициативам Риббентропа, — записал итальянский министр. — Эти телефонные разговоры восстановили меня против него: <он> все время старается навязать свою точку зрения. Пока лучше терпеть. Но в должное время нам придется положить конец тенденции делать политику по телефону»³⁷. Мечты, мечты...

Во время дискуссий с Муссолини и Чиано 27–28 октября Риббентроп «упорно защищал дело чехов и отказывал венграм в территории с тем же жаром, с каким в Мюнхене требовал ее от Праги». Тем не менее Венгрия с помощью Италии одержала верх. Риббентроп отказался от требований по Закарпаты, но добился сохранения за Чехо-Словакией (то есть фактически за Словакией) Братиславы и Нитры и исключения из арбитража третьих стран³⁸. Последнее было направлено против Польши, которая, воспользовавшись сентябрьским кризисом, оккупировала Тешин и думала о новых приобретениях. Германия была готова гарантировать ей «свободу рук» в Чехо-Словакии в обмен за уступки по Данцигу и коридору, о чем Риббентроп 24 октября и 19 ноября говорил польскому послу Липскому. Варшава категорически отказалась.

Арбитраж состоялся 2–3 ноября в Вене. Склонившись над картой с карандашом в руках, Риббентроп продолжал бороться за словацкую территорию, на что Чиано заметил: «Если вы будете так защищать чешские интересы, то получите награду от Гахи (президент Чехо-Словакии. — В. М.)». Венгры подготовились лучше и оказались упорнее, в результате чего получили 12 400 квадратных километров и почти миллион человек, включая немало чехов, словаков и русинов.

Закончив работу, итальянский министр цинично произнес: «Раньше по своему невежеству я думал, что изменение границ европейского государства — очень серьезное дело, которого нельзя сделать без войны. Теперь я вижу, что можно отрезать куски территории от одной страны и присоединять их к другой, не вынуждая великих держав к действиям и не беспокоя мировое общественное мнение»³⁹.

Пражское правительство осознало свою обреченность. Словаки поняли, что могут надеяться только на Германию. Венгрия торжествовала, разбив оковы «Трианонского диктата», и заявила о намерении оккупировать всё Закарпатье, на что из Берлина последовало требование не

своевольничать, повторенное в середине января 1939-го Гитлером и Риббентропом министру иностранных дел Иштвану Чаки.

Венский арбитраж укрепил ось Берлин — Рим и полностью ввел Будапешт в орбиту политики рейха. 12 января Чаки объявил о присоединении Венгрии к Антикоминтерновскому пакту (официально оформленному 24 февраля). 1 февраля СССР разорвал с ней дипломатические отношения под предлогом того, что «политика венгерского правительства... в значительной степени утратила свою самостоятельность»⁴⁰.

Еще одной темой переговоров стал «союз трех», который Чиано считал главной причиной приезда рейхсминистра. Развивая майские предложения и заручившись принципиальным согласием Токио, Риббентроп от имени фюрера предложил преобразовать Антикоминтерновский пакт в военно-политический альянс, проект которого вручил Чиано еще 30 сентября, при отъезде из Мюнхена. Берлин исходил из высокой вероятности войны между тоталитарными державами и демократиями в ближайшие три-четыре года и предлагал воспользоваться неготовностью Англии и Франции как в военно-политическом, так и в моральном отношении. От возможности союза между Вашингтоном и Лондоном Риббентроп отмахнулся, сославшись на силу изоляционистских настроений за океаном (расхожее заблуждение!). Советский фактор он тоже отказался принимать всерьез. Дуче согласился, но от конкретных обязательств воздержался. Осторожный Чиано не переставал надеяться на общеевропейское урегулирование, поэтому заявления гостя показались ему чрезмерно воинственными⁴¹.

Следующий большой выход Риббентропа состоялся в Париже 6 декабря 1938 года. Его история началась 18 октября, во время прощального визита Франсуа-Понсэ к Гитлеру: посол и рейхсканцлер заговорили о желательности совместной декларации, наподобие англо-германской, привезенной Чемберленом из Мюнхена. Юристы Вильгельмштрассе подготовили проект, который посол рейха граф Иоганн фон Вельчек 5 ноября вручил министру иностранных дел Жоржу Боннэ. 20 ноября Риббентроп принял нового французского посла Робера Кулондра, подтвердив свою готовность содействовать развитию двусторонних отношений, а затем сам изъявил желание приехать в Париж. Визит планировался на вторую половину месяца, но убийство 7 ноября польским евреем Гершелем Гриншпаном секретаря германского посольства в Париже Эрнста фон Рата (по замыслу убийцы жертвой должен был стать посол) и последовавшая за этим

волна погромов в рейхе поставили все предприятие под сомнение. Министры-германофобы Жорж Мандель, Жан Зей и Поль Рейно попытались сорвать визит, Даладье заколебался, но Боннэ смог переломить их сопротивление, и 23 ноября кабинет одобрил декларацию. В последнюю минуту назначенный на 30 ноября визит пришлось отложить еще на неделю из-за организованной французскими коммунистами забастовки железнодорожников, которых правительству пришлось объявить мобилизованными⁴².

В день приезда Риббентроп посетил президента Альбера Лебрена в Елисейском дворце, позавтракал с Даладье и отправился в МИД на Кэ д'Орсэ для беседы с Боннэ, которая началась с монолога любезного, но чопорного гостя⁴³. Хозяин был встревожен враждебной демонстрацией в итальянском парламенте 30 ноября, когда во время речи Чиано о «естественных стремлениях» группа депутатов начала выкрикивать: «Тунис! Корсика! Савойя!» В дневнике министр утверждал, что демонстрация была спонтанной, хотя еще 8 ноября назвал ему направления дальнейшей экспансии: присоединение Корсики и condominium в Тунисе и Джибути (Савойя его не интересовала) — и соответствующая пропагандистская кампания уже началась.

Учитывая «особые отношения» Берлина с Римом, Боннэ начал именно с этого вопроса. Риббентроп ответил, что Германия не была оповещена о готовящемся демарше, в средиземноморских делах прямо не заинтересована, но «ее принципиальная позиция... определяется ее дружбой с Италией. Непокколебимой основой германской внешней политики является ось Берлин — Рим». На вопрос о колониях Боннэ дал понять, что Франция ничего не уступит Италии и «в настоящее время в колониальном вопросе ничего не сможет сделать для Германии».

Риббентроп не настаивал. Его интересовало другое: будет ли Франция мешать «обустройству» Центральной Европы и участвовать в «окружении» рейха?

«Боннэ заверил, что и французское правительство абсолютно против большевизма и что оно также совершенно ничего не имеет против победы Франко» и даже в определенной мере отмежевался от пакта с Москвой, заметив, что он подписан «не теми, кто сейчас входит в правительство». Рейхсминистр пояснил, что он в курсе и это его не беспокоит.

Вопрос о Центральной Европе повис в воздухе. В разгар германско-польского конфликта, когда Париж выступил на стороне Варшавы,

Риббентроп в письме к Боннэ 13 июля 1939 года утверждал, что по обоюдному согласию упомянутые в декларации «особые отношения» для Германии означали только Италию, а для Франции только Англию и что Франция заявила о незаинтересованности в «сфере германских жизненных интересов» на Востоке⁴⁴. Боннэ сразу же отверг такую трактовку. Шмидт, внимательно слушавший беседу (услуги переводчика не понадобились, так как министры говорили по-французски), утверждал, что слова о «незаинтересованности» были произнесены, но Боннэ мог отнести их к прошлому и к Чехословакии, а Риббентроп распространить на будущее и на всю Восточную Европу; однако в сделанной Шмидтом записи их нет⁴⁵.

Кульминацией визита стало подписание совместной декларации. В зале на Кэ д'Орсэ стояла такая тишина, что слышалось шуршание перьев по бумаге. Стороны заявляли, что «мирные и добрососедские отношения между Францией и Германией представляют собой один из существующих элементов упрочения положения в Европе и поддержания всеобщего мира», и «решили, поскольку это не затрагивает их особых отношений с третьими державами, поддерживать контакт друг с другом по всем вопросам, интересующим обе их страны, и взаимно консультироваться в случае, если бы последующее развитие этих вопросов могло бы привести к международным осложнениям».

Боннэ особенно гордился констатацией того факта, что «между странами не имеется более никаких неразрешенных вопросов территориального характера» и что они «торжественно признают в качестве окончательной границу между их странами, как она существует в настоящее время». Официальный отказ Германии от Эльзаса и Лотарингии Риббентроп назвал «самопожертвованием», повторив слова Гитлера, сказанные им Кулондру при вручении верительных грамот⁴⁶.

Министры обменялись речами, причем гость произнес свою сначала по-немецки, а затем и по-французски:

«С заключением сегодняшней декларации Франция и Германия, полагаясь на прочную основу дружбы, которая соединяет их с другими странами, решили положить конец давнему пограничному конфликту и, взаимно признавая территорию друг друга, облегчить путь к обоюдному признанию своих жизненных национальных интересов.

Будучи равноправными партнерами, две великие державы после значительных расхождений в прошлом заявляют о готовности установить

добрососедские отношения на будущее. Они убеждены, что между ними нет никаких важных противоречий, которые могли бы оправдать серьезный конфликт. Экономические интересы сторон дополняют друг друга. Искусство и духовная жизнь Германии черпали вдохновение во Франции и, в свою очередь, зачастую обогащали французское искусство. Мужество, проявленное германским и французским народами в годы мировой войны, в мирное время может в полной мере воплотиться и приумножиться в труде.

Убежден, что сегодняшняя франко-германская декларация послужит изживанию исторических предрассудков и что выраженная в ней разрядка наших отношений найдет одобрение не только у руководителей, но и у народов обеих стран. Чувства германского народа к новому направлению отношений между нашими странами выразились в теплом приеме, который был оказан в Мюнхене председателю Совета министров Франции Эдуарду Даладье. Многочисленные проявления симпатии, свидетелем которых я стал за несколько часов пребывания в Париже, показывают, насколько эти чувства разделяются французским народом. Надеюсь, что сегодняшняя декларация откроет новую эру в отношениях между нами»⁴⁷.

Всцером Боннэ устроил торжественный ужин в честь Риббентропа, который до того успел переговорить с итальянским послом. Левая пресса обратила внимание на отсутствие среди гостей евреев-министров Манделя и Зея. Хозяин объяснил это требованиями протокола: на ужине были семь из двадцати двух министров, так как присутствие всего кабинета предполагается лишь в случае визита главы государства или правительства. Еврейская тема уже звучала в разговоре: Боннэ убеждал собеседника положить конец преследованиям евреев (как будто тот мог что-то сделать!), но Риббентроп ответил, что это — внутреннее дело Германии и он не уполномочен говорить о нем. Согласно сообщению английского посла, Боннэ заявил, что «Франция не может принимать евреев бесконечно», но после войны французский министр публично отказывался от подобных заявлений⁴⁸.

Утром 7 декабря Риббентроп в сопровождении Боннэ возложил венок со свастикой к могиле Неизвестного солдата и отправился на завтрак в Комитет Франция — Германия. Затем он встретился с представителями немецкой колонии, посетил Лувр (в котором полюбовался любимой картиной — «Купанисм Дианы» Франсуа Буше) и снова

беседовал с Боннэ. Вечером состоялся банкет в германском посольстве, куда пришли и «неарийские» члены кабинета.

8 декабря Риббентроп со свитой отбыл в обратный путь. Поезд сделал вынужденную остановку в Крейе, где железнодорожные рабочие устроили гостю овацию. Хотелось надеяться на лучшее, но Боннэ, выступая в парламенте, призвал не расслабляться и продолжать модернизацию армии. По мнению польского посла в Париже Юлиуша Лукасевича, декларация разрядила напряженность в двусторонних отношениях, но не приблизила общеевропейское урегулирование, прежде всего из-за позиции Италии и продолжавшейся там антифранцузской кампании⁴⁹.

1 января 1939 года Муссолини объявил, что принимает предложение Риббентропа о превращении Антикоминтерновского пакта в трехсторонний военный альянс и готов подписать его в конце января. Рейхсминистр был доволен, заверив, что к этому времени будут готовы и немцы, и японцы. 6 января итальянский посол Аттолико прислал из Берлина окончательный текст пакта: цель — борьба с «коммунистической угрозой» (преамбула), консультации об общих мерах в случае «трудностей» (статья 1), экономическая и политическая помощь в случае угрозы (статья 2), помощь и поддержка в случае «неспровоцированной агрессии» с обязательством немедленно конкретизировать меры этой помощи (статья 3), обязательство не заключать сепаратного мира (статья 4), скорейшая ратификация (статья 5). Секретный дополнительный протокол предусматривал создание трехсторонних комиссий для изучения ситуации и обмена информацией. Из проекта исчезло обязательство не заключать соглашения, противоречащие данному, — положение, действующее прежде всего в мирное время⁵⁰.

Пакт выглядел предупреждением западным демократиям и СССР, но оставлял лазейку для заключения какого-либо договора с ними до начала военных действий. Его можно назвать документом предвоенного времени, еще не делающим войну фатально неизбежной.

Договор был готов к подписанию. 8 января дуче одобрил присланные тексты, немного исправив преамбулу*. Теперь дело было за Токио.

---

* В дневниковой записи за этот день Чиано утверждал, что в проекте Риббентропа была фраза об «угрозе большевистской гангрены» как причине пакта и что Муссолини вычеркнул ее, однако ни в одном из известных документов такой фразы нет.

4–5 января принц Коноэ, не справившись с ситуацией в Китае, передал бразды правления опытному бюрократу барону Хиранума, не склонному к поспешным действиям. Министр иностранных дел Арита, сохранивший свой пост в новом кабинете, согласился с включением в число потенциальных противников Великобритании и Франции, но предложил ограничить действия Японии против них политической и экономической, а не военной сферой. 25 января конференция пяти министров* утвердила инструкции по заключению «Договора о консультациях и взаимной помощи» и направила в Европу специальную миссию, которая добралась туда только через месяц. Привезенные ими инструкции и проекты, составленные с целью избежать конкретных обязательств, были отвергнуты Риббентропом и Чиано при поддержке японских послов Осима в Берлине и Сиратори в Риме (оба назначены осенью 1938-го), пошедших на открытый конфликт со своим начальством.

Внимание Гитлера было сосредоточено на другом направлении. 8 марта он оповестил приближенных: «положение в Праге становится нестерпимым» и «отданы приказы о том, чтобы через несколько дней, не позднее 15 марта, Чехословакия была оккупирована войсками»⁵¹. Это был ответ на напоминания Лондона и Парижа о необходимости гарантировать «мюнхенские» границы Чехо-Словакии.

10 марта Сталин выступил на XVIII съезде ВКП(б) с отчетным докладом ЦК, раздел которого о международном положении с выводом «Новая империалистическая война стала фактом» привлек внимание всего мира. 13 марта решение Гитлера относительно Праги стало известно советской разведке от сотрудника Риббентропа Петера Клейста, который понимал, что информация уйдет на сторону, но был уверен, что на Запад. Клейст добавил, что Германия хотела бы сохранить за собой Карпатскую Украину как возможную основу «Великой Украины» (Сталин высмеял этот проект как «присоединение слона к козявке»), но ее придется уступить венграм⁵². Последующие события хорошо известны: введение в Чехо-Словакии воинской повинности — протест словаков, перешедший в волнения, — вооруженное вмешательство Праги и замена прогерманского премьера словацкой автономии Йозефа Тисо на провенгерского Кароля Сидора — экстренные визиты Тисо

---

* Совещания премьер-министра, министров иностранных дел, военного, морского, финансов с 1936 г. фактически руководили выработкой текущей политики Японии.

в Берлин и Риббентропа в Будапешт для согласования действий — провозглашение независимости Словакии — оккупация Карпатской Украины Венгрией с одобрения Германии — экстренный визит президента Гахи и министра иностранных дел Хвалковского в Берлин, закончившийся «просьбой» принять под покровительство рейха то, что осталось от Чехо-Словакии, — появление «протектората Богемия и Моравия» — переход новорожденной Словакии под «защиту» Германии по договору, подписанному Риббентропом 23 марта... Все это отвлекло внимание мира от договора о передаче Германии Мемеля (22 марта), подписи под которым поставили наш герой и вызванный в Берлин литовский министр иностранных дел Юозас Урбшис. Еще один «вопрос» был решен быстро, путем откровенного нажима, но без крови. Польше, давно имевшей на Мемель свои виды, пришлось промолчать⁵³.

Риббентроп подключился к операции на заключительном этапе. В Будапеште он, по указанию Гитлера, настаивал на совместных действиях против Чехо-Словакии, куда могли вторгнуться поляки — потенциальный противник. Венгерские лидеры убедились в том, что Берлин для них — не враг, а союзник. Во время визита Гахи Риббентроп и Хвалковский готовили документы, пока Гитлер, Геринг и Кейтель добивались капитуляции пожилого президента. Затем вместе с фюрером рейхсминистр отправился в Прагу. Там они обсуждали, как реагировать на заявления держав, отказавшихся признать новые изменения на карте Европы. Лаконичного коммюнике от 18 марта о том, что протесты британского и французского послов отклонены, было недостаточно.

Общее настроение точно выразил 16 марта Кулондр в первых строках подробного доклада в Париж: «Спустя шесть месяцев после заключения Мюнхенского соглашения и всего четыре месяца после венского третейского решения Германия, обращаясь со своей собственной подписью и подписями своих партнеров как с чем-то несуществующим, спровоцировала раздел Чехословакии»⁵⁴.

Фюрер продемонстрировал презрение не только к международным договоренностям, но и к своим партнерам, которым по большому счету не было никакого дела до Чехо-Словакии. Муссолини как диктатор диктатора понимал Гитлера, но был взбешен тем, что его не известили заранее: лишь 20 марта Гитлер нашел время принять посла Аттолико, а Риббентроп написал Чиано⁵⁵. Поэтому дуче не стал откладывать

аннксию Албании, осуществив ее 7 апреля без предварительного оповещения союзника.

Боннэ осознал, что действия Берлина перечеркнули не только Мюнхенское соглашение и Венский арбитраж, но и декабрьскую декларацию, которой он так гордился. Даладьс сказал германскому послу: «Гитлер выставил меня на посмешище», — и потребовал у парламента чрезвычайные полномочия по укреплению обороны и безопасности страны, которые немедленно получил. Де Бринон захотел бросить всё и уехать в деревню; Комитет Франция — Германия прекратил свою работу. Пространные доклады Кулондра стали походить на передовицы «Правды»; в том же тоне выдержаны и его послевоенные мемуары, где он называет себя последователем Рейно и Черчилля⁵⁶.

Не менее сильным был шок и по другую сторону Ла-Манша. Веривший Гитлеру Чемберлен оказался еще бóльшим посмешищем, чем Даладьс. Выступление премьера в палате общин 15 марта было невыразительным, но уже 17 марта в Бирмингеме он произнес решительную речь, направленную против рейха, основные положения которой Галифакс через три дня повторил в палате лордов. Кадоган резонно заметил: «Пока Гитлер может изображать, что возвращает немцев в рейх, мы можем делать вид, что он прав. Если он начал прибирать к рукам другие народы, пора сказать „Стоп!“»⁵⁷.

Новой демонстрацией солидарности стал официальный визит в Англию 21–24 марта французского президента Лебрена. Гендерсон и Кулондр были отозваны «для консультаций», которые продолжались больше месяца. 31 марта Чемберлен объявил о гарантиях Польше, поддержанных Францией. 13 апреля гарантии Парижа и Лондона приняли Румыния* и Греция, а СССР и Польше предлагалось войти в число гарантов.

«В первом порыве ярости английское правительство осыпало гарантиями целый ряд государств», — писал Дирксен. Активизация англо-французской дипломатии (как открытой, так и тайной) в отношении «малых стран» была однозначно истолкована Берлином как новос «окружение»⁵⁸. Масла в огонь подлила резкая нота Литвинова

---

* Гарантии были спровоцированы ложной информацией о германском ультиматуме Румынии, которую румынский посланник в Лондоне Виргил Тиля 17 марта сообщил Галифаксу. В этой акции возможно закулисное участие Ванситтарта.

от 18 марта, врученная германскому послу в Москве в ответ на декларацию Гитлер — Гаха и указ о создании протектората⁵⁹.

Все это не прибавляло Риббентропу радости, равно как и затянувшиеся переговоры по «союзу трех», о которых он 26 апреля информировал посла в Японии Отта: «В начале апреля из Токио поступил японский проект, который в основном соответствовал итало-германскому проекту... Однако прежнее пожелание японцев ограничить обязательство по взаимному оказанию помощи исключительно случаем войны с Россией еще сохранялось в смягченной форме; японцы испрашивали наше категорическое согласие на то, чтобы после подписания и опубликования пакта сделать английскому, французскому и американскому послам заявление примерно следующего содержания: пакт возник в развитие антикоминтерновского соглашения; при этом партнеры в качестве своего военного противника имели в виду Россию; Англия, Франция и Америка не должны усматривать в нем угрозу для себя. Кабинет в Токио обосновывал необходимость подобного ограниченного толкования пакта тем, что Япония в данный момент по политическим и особенно по экономическим соображениям еще не в состоянии открыто выступить в качестве противника трех демократий... Как Чиано, так и я не оставили никакого сомнения в том, что нас не устраивает заключение договора с такой интерпретацией, прямо противоречащей его тексту»⁶⁰.

Риббентрон пытался получить от японцев определенный ответ, пусть даже отрицательный, до программной речи Гитлера в рейхстаге, запланированной на 28 апреля. 27 апреля Англия ввела всеобщую воинскую повинность. На следующий день, в пятницу, Гитлер лишил политиков всего мира спокойного уик-энда: оповестив о разрыве англо-германского морского соглашения 1935-го и польско-германского соглашения 1934 года, он заявил о готовности нормализовать отношения с Лондоном и Варшавой на своих условиях и воздержался от выпадов против СССР. Гендерсон, Кулондр и Липский демонстративно отсутствовали в зале.

Военное решение «польского вопроса» становилось делом близкого будущего, поэтому Риббентрон счел нужным узаконить отношения с союзниками. По его поручению начальник правового департамента МИД Гаус составил новый вариант соглашения трех держав с целью привязать Японию к оси через обязательство формально участвовать в войне на стороне Германии и Италии даже без оказания конкретной

военной помощи. Вручая Осима «план Гауса», рейхсминистр сообщил, что отправляется на встречу с Чиано для укрепления оси. 4 мая в Берлин и Рим пришло обтекаемое по форме и бессодержательное по сути послание премьера Хиранума, негативно встреченное обоими министрами и обоими японскими послами⁶¹. В тот же день Максим Литвинов был заменен на посту наркома иностранных дел председателем Совнаркома Вячеславом Молотовым, что было воспринято в Европе как предупреждение Лондону и Парижу и как шаг навстречу Германии: в архив сдавалась дипломатия «коллективной безопасности», банкротство которой продемонстрировало Мюнхенское соглашение.

6 мая в Милане Риббентроп, пройдясь, как обычно, по всем актуальным проблемам, предложил Италии двусторонний военно-политический союз. Чиано «впервые нашел своего германского коллегу в приятно расслабленном состоянии» и согласился с его предложениями, в которых увидел «политику умеренности и взаимопонимания». Подготовку документов дуче и его министр отдали на откуп немцам⁶².

13 мая Риббентроп сказал Осима, что «германское и итальянское правительства намерены без каких-либо изменений продолжать свою прежнюю политическую линию в отношении Японии» и что «трехсторонним переговорам Берлин — Рим — Токио подписание германо-итальянского союзнического пакта не нанесет никакого ущерба», но «ни от германского, ни от итальянского правительства не зависит тот факт, что заключение тройственного пакта так затянулось», а затем подсказал собеседнику выход: «германское и итальянское правительства высказывают настоятельное пожелание, чтобы японское правительство в скором времени приняло свое окончательное решение, с тем чтобы можно было тайно парафировать тройственный пакт одновременно с подписанием германо-итальянского пакта».

15 мая он поручил Отту довести это до сведения заинтересованных лиц в Токио, а Вайцзеккер направил ему окончательный проект договора о совместных консультациях и взаимной помощи.

20 мая военный министр генерал Итагаки Сэйсиро передал германскому послу заявление о желательности «присоединения Японии к военному пакту», но Хиранума и Арита совместными усилиями «утопили» эту инициативу⁶³.

22 мая в Берлине Риббентроп и Чиано подписали договор о дружбе и союзе, получивший торжественное название «Стальной пакт»:

«Статья I. Договаривающиеся Стороны будут находиться в постоянном контакте друг с другом, с тем чтобы согласовывать свои позиции по всем вопросам, касающимся их взаимных интересов или общего положения в Европе.

Статья II. В случае если взаимные интересы Договаривающихся Сторон будут поставлены под угрозу какими-либо международными событиями, они незамедлительно приступят к консультациям о мерах, которые необходимо будет предпринять для соблюдения своих интересов. Если безопасность или другие жизненные интересы одной из Договаривающихся Сторон будут поставлены под угрозу извне, то другая Договаривающаяся Сторона предоставит Стороне, находящейся в опасности, свою полную политическую и дипломатическую поддержку с целью устранения этой угрозы.

Статья III. Если вопреки пожеланиям и надеждам Договаривающихся Сторон дело дойдет до того, что одна из них окажется в военном конфликте с другой державой или с другими державами, то другая Договаривающаяся Сторона немедленно выступит на ее стороне в качестве союзника и поддержит ее всеми своими военными силами на суше, на море и в воздухе.

Статья IV. Чтобы в соответствующем случае обеспечить быструю реализацию принятого в статье III союзнического обязательства, правительства обеих Договаривающихся Сторон будут и впредь углублять свое сотрудничество в военной области и в области военной экономики.

Статья V Договаривающиеся Стороны обязуются уже теперь в случае совместного ведения войны заключить перемирие или мир лишь в полном согласии друг с другом.

Статья VI. Обе Договаривающихся Стороны осознают значение, которое приобретают их совместные отношения к дружественным им державам. Они решили сохранить эти отношения и в будущем и совместно соответствующим образом учитывать интересы, связывающие их с этими державами.

Статья VII. Этот Пакт вступает в силу немедленно после подписания. Обе Договаривающиеся Стороны едины в том, чтобы первый срок его действия составлял десять лет. Своевременно до истечения этого срока они договорятся о продлении действия Пакта»⁶⁴.

«Стальной пакт» стал личным триумфом Риббентропа, получившего высший итальянский орден Благовещения*. Это вызвало приступ зависти у Геринга, с которым не проконсультировались при подготовке договора, подобно тому как полтора месяцами ранее рейхсмаршал не счел нужным информировать МИД о своем визите в Италию⁶⁵. Когда наш герой предложил ему принять участие в церемонии и сфотографироваться вместе со всеми, Геринг буркнул: «Вы думаете, я спятил? Я даже не знаю, что там подписывают»⁶⁶.

По замечанию Вайцеккера, отношения между Берлином и Римом из «сердечного увлечения» превратились в «брак по расчету». Москва от комментариев воздержалась. Хиранума направил поздравления обоим диктаторам. Арита заявил о верности Антикоминтерновскому пакту и снова попытался выговорить право на «особые решения» в «чрезвычайных обстоятельствах». Риббентроп отверг любые заявления об ограниченности действий сторон. Его мысли были заняты другим...

---

* Кавалер ордена имел право именоваться «кузеном» короля Италии. Существовало всего двенадцать таких орденов, которые после смерти владельца должны были возвращаться королю. Где сейчас находится орден, врученный Риббентропу, неизвестно.

Московский Тилбзит (1939)

Официальные дипломатические приемы — не самое подходящее место для серьезных разговоров, которые могут круто изменить ход если не истории в целом, то, по крайней мере, отношений между странами. Неудивительно поэтому, что подчеркнутое внимание Гитлера к советскому полпреду Алексею Мерекалову во время церемониального обхода дипкорпуса на новогоднем приеме в новой рейхсканцелярии, состоявшемся 12 января 1939 года, вызвало среди английских и французских дипломатов чувство, схожее с паникой. Разговор фюрера с полпредом сразу же стал предметом спекуляций во многих столицах, однако опубликованные впервые в 1990-м записи служебного дневника Мерекалова, немедленно сообщенные телеграммой в Москву, свидетельствуют, что содержание их краткой беседы было совершенно ординарным и не выходило за рамки протокола.

«Гитлер подошел ко мне, поздоровался, спросил о жите в Берлине, о семье, о моей поездке в Москву, подчеркнув, что ему известно о моем визите к Шуленбургу (германский посол в СССР. — В. М.) в Москве, пожелал успеха и распрощался. За ним подходили по очереди: Риббентроп, Ламерс, генерал Кейтель, Майснер. Каждый из них поддержал 3—5-минутный разговор в знак внимания. Внешне Гитлер

держался очень любезно, не проявляя какой-либо неприязни или сухости и, несмотря на мое плохое знание немецкого языка, поддерживал разговор со мной без переводчика»¹. В свете изложенного предположения о том, что полпред не понял что-то из сказанного Гитлером (понадобилось — перевели бы немедленно!) или, напротив, услышав нечто важное, побоялся сообщить об этом в Москву, представляются мне совершенно безосновательными.

Важно было не содержание разговора, но сам факт внимания фюрера к представителю СССР, отношение к которому германских официальных лиц ранее было подчеркнуто пренебрежительным, причем по личному указанию Гитлера. Это не осталось не замеченным наблюдателями, равно как и отсутствие антисоветских выпадов в его программной речи, произнесенной в рейхстаге 30 января. Сам Гитлер 22 августа, накануне заключения советско-германского пакта о ненападении, говорил своим генералам, что прилагал усилия к соглашению с Москвой начиная именно с этого банкета².

Трудно сказать, насколько далеко идущими были его замыслы во время беседы с полпредом на приеме. Однако весь этот небольшой спектакль был заранее подготовлен, о чем свидетельствует краткая заметка из архива адъютанта Гитлера с основными данными о Меркалове: фюрер строил светский разговор с ним точно по этим записям³.

Другой банкет, на котором произошли не менее знаменательные события, состоялся вечером 19 апреля того же 1939 года в лучшем отеле Берлина «Адлон». Столица торжественно праздновала пятидесятилетие «обожасмого фюрера», находившегося в расцвете сил и зените славы: здравицы, парады, банкеты, растроганные ветераны нацистского движения и обилие иностранных гостей... Как только прием закончился, Риббентроп уединился для разговора с японскими послами Осима и Сирагори (последний приехал на юбилей из Рима). Посетовав, что согласие Токио на предложения о военно-политическом союзе до сих пор не получено, рейхсминистр заметил, что у Гитлера остается единственный выбор — нормализовать отношения с Советским Союзом.

Великобритания и Франция пытаются создать общий фронт против Германии и Италии с участием СССР, поэтому Германии остается только сорвать этот план, сделав вчерашнего врага союзником. Затем он поделился с собеседниками заветной идеей континентального блока

«от Гибралтара до Йокогамы», что, разумеется, было невозможно без советского участия.

Сиратори вернулся со встречи взволнованным. В ответ на реплику Осима: «Пойдем-ка выпьем!» — он задумчиво протянул: «Выпивать сейчас не время».

Несмотря на то что был уже четвертый час утра (встреча продолжалась с двух до трех пополуночи), японцы собрались обсудить последние новости. Сиратори сказал: «Предупреждение Риббентрона о германско-советском сближении полностью соответствует моим давним предположениям. Это несомненная правда, надо немедленно сообщить домой». Осима отмахнулся от услышанного, посчитав это очередным германским блефом, на что Сиратори заметил: «Ты — сын военного министра, тебе этого не понять. А я — сын крестьянина». По его настоянию военный атташе в Италии генерал Арисуэ подготовил доклад, отправленный в Токио за подписями обоих послов, которые, однако, оговорили, что оценивают ситуацию по-разному. Сын крестьянина оказался прав: Риббентрон не блефовал, хотя, конечно, попытался еще раз подстегнуть медлительных партнеров. Министр иностранных дел Арита предупреждение проигнорировал⁴.

История советско-германских переговоров, которые вели в Берлине советник полпредства (после отъезда Мерекалова в Москву в апреле — поверенный в делах) Георгий Астахов и в Москве — посол граф Шуленбург, многократно и подробно описана. Разумеется, действовали они не по собственной инициативе, а по указаниям Молотова и Риббентрона, Сталина и Гитлера. Оставляя в стороне дипломатическую рутину, обратимся к событиям, к которым рейхсминистр иностранных дел имел непосредственное отношение.

7 апреля Риббентрон вызвал своего эксперта по Восточной Европе Петера Клейста и спросил, знает ли тот кого-нибудь из советского посольства. Клейст ответил, что по долгу службы поддерживает контакты с некоторыми советскими дипломатами, и дал им краткие характеристики. В разговоре возникла пауза. Затем, к удивлению собеседника, Риббентрон сказал: «Пожалуйста, попытайтесь улучшить ваши личные связи с людьми из советского посольства».

Удивлению Клейста не было предела — ведь еще совсем недавно, в конце января, Риббентрон с полпути отозвал ехавшую в Москву экономическую делегацию, чем серьезно осложнил двусторонние отношения, которые, казалось, начали налаживаться с возобновлением

переговоров о кредитном соглашении⁵. Через несколько дней Клейст отправился в полпредство «на чай» в сопровождении «человека, занимавшего высокое положение в восточных экономических делах» — видимо, заведующего восточноевропейской референтурой отдела экономической политики МИД Карла Шнурре, главы делегации, которая так и не доехала до Москвы. Разговор начался с французского импрессионизма, но перешел на идеологические разногласия, мешавшие двусторонним отношениям.

«Государственный деятель должен уметь прыгнуть выше своей тени, — заметил Астахов. — Почему бы нам не договориться об общей политике, вместо того чтобы пытаться оторвать друг другу голову, что выгодно лишь третьим странам?»

«Я запротестовал, — вспоминал Клейст, — что „идеологические частности“ стали более чем значимой реальностью, мешающей любому сближению, но Астахов отвел это легким движением руки. Он сказал, что Сталин и Гитлер творят реальность, а не позволяют ей господствовать над собой».

Клейст вышел из полпредства в глубокой задумчивости. Шнурре был полон оптимизма и поздравил его с «феноменальным успехом». Выслушав доклад, Риббентроп, однако, радости не выразил: «Временно прекратите всякие контакты с Астаховым. Я не думаю, что фюрер желал бы продолжения этих бесед»⁶.

Нацистские верхи все еще колебались, но процесс, как говорится, уже «пошел». 17 апреля, накануне возвращения в Москву по вызову Сталина, Мерекалов и Астахов встретились с Вайцзеккером. Эта встреча хорошо известна, потому что именно на ней статс-секретарь, проинструктированный шефом, дал понять, что Берлин готов «обменяться мнениями об общеполитическом положении»⁷.

5 мая Шнурре пригласил Астахова для того, чтобы расспросить его о только что объявленной отставке Литвинова⁸. В Берлине это сочли добрым знаком — намеком на отказ Кремля от обанкротившейся политики «коллективной безопасности», да и замена еврея Литвинова русским Молотовым импонировала «истинным арийцам». Зарубежные аналитики наперебой рассуждали о том, что Сталин с помощью своего ближайшего соратника Молотова берет руководство внешней политикой в свои руки... как будто прежде оно находилось в чьих-то иных руках. Впрочем, отношения с Германией Литвинов действительно портил как мог, поэтому определенная знаковость в уходе

«сталинского знаменосца мира» была. Это заметили не только в Берлине, но и в других столицах*.

Гитлер и Риббентроп восприняли отставку как шаг навстречу и поспешили вызвать из Москвы Шуленбурга и военного атташе генерала Кёстринга. Шуленбург, который ранее был посланником в Иране, находился в Тегеране в качестве официального гостя на свадьбе наследника престола, а Кёстринг — на Дальнем Востоке, поэтому с докладом отправился экономический советник посольства Густав Хильгер, русский немец, родившийся в Москве и проживший там большую часть жизни.

9 мая он встретился с Риббентропом в Мюнхене. Если верить послевоенным мемуарам Хильгера, министр произвел на него неблагоприятное впечатление с первой же встречи: «Он занимал ответственное положение, для которого не имел ни таланта, ни знаний, ни опыта, и сам прекрасно понимал или чувствовал это. В результате он был полностью зависим от обширного штата компетентных и не очень компетентных советников, которые должны были постоянно состоять при нем и откликаться в любую минуту. Периодически он прятал чувство своей неполноценности за высокомерием, которое часто казалось нестерпимым»⁹.

«По вопросам, которые Риббентроп задавал мне, и по тому вниманию, с которым он слушал доклад об общем положении в Советском Союзе, я заключил, что ему нужна информация для Гитлера, который после известия об отставке Литвинова снова стал интересоваться, можно ли договориться со Сталиным. Похоже, мои слова соответствовали целям Риббентропа».

На следующий день министр и советник были вызваны к фюреру, где уже собрались Кейтель, Шнурре и Вальтер Хевель — уполномоченный МИД при Гитлере.

Фюрер начал с вопросов. Что стоит за отставкой Литвинова? Может ли Сталин в определенных обстоятельствах пойти на соглашение с Германией? По ходу разговора Хильгер упомянул доклад Сталина на XVIII съезде ВКП(б), прочитанный 10 марта, в котором говорилось о готовности СССР к сотрудничеству со всеми заинтересованными странами и об отсутствии принципиальной почвы для

---

* Находившийся в это время в Варшаве Клейст поинтересовался у некоего раввина мнением о случившемся. «Сходите на биржу! — коротко ответил тот. — Наши уже избавляются от польских ценных бумаг».

конфликта с Германией. Гитлер и Риббентроп заинтересовались речью и попросили рассказать о ней поподробнее¹⁰. Видимо, они слышали о ней впервые, хотя Шуленбург еще 13 марта подробно сообщил в Берлин внешнеполитический раздел доклада, заметив, что «ирония и критика Сталина были куда острее направлены против Британии, точнее, против находящихся там у власти реакционных сил, нежели против так называемых агрессивных государств, в частности Германии»¹¹.

Ссылаясь на неизданные германские документы, польский историк С. Дембски пишет: «В первом сообщении о выступлении Сталина, подготовленном в германском посольстве 11 марта 1939 года, было отмечено, что, по мнению советского вождя, „антикоминтерновский пакт“ скорее направлен против демократических держав, чем против Советского Союза»¹². Однако последующие отчеты и прогнозы Шуленбурга обращали главное внимание не на авансы в сторону рейха, а, напротив, на намерения СССР поддерживать народы, ставшие жертвами агрессии. Поэтому содержащиеся в записках Риббентропа утверждения о том, что он уже в марте услышал в речи Сталина «желание улучшить советско-германские отношения», «ознакомил фюрера с этой речью Сталина и настоятельно просил его дать мне полномочия для требующихся шагов» (С. 134), представляются попыткой выдать желаемое за действительное.

Через десять дней МИД уведомил Шуленбурга, что Берлин готов возобновить переговоры по экономическим вопросам, однако Риббентроп предписал ему соблюдать максимальную осторожность. 20 мая посол принес эту весть Молотову, который был корректен, но не проявил ни малейшего энтузиазма. Напомнив о неприезде Шнурре и выразив сомнение в серьезности намерений партнера, парком посствовал на отсутствие «политической базы» переговоров, пожелав выслушать более конкретные предложения¹³.

Между 22 и 26 мая Риббентроп подписал проект инструкций Шуленбургу. Вот что он хотел довести до сведения Молотова в качестве «политической базы»:

«В последние годы направление германской внешней политики в основном определялось противодействием Коминтерну. Первой задачей национал-социализма было построение новой сильной Германии, абсолютно защищенной от пропихивания коммунистических тенденций. Эта задача выполнена. Конечно, мы и впредь будем решим-

тельно подавлять любую коммунистическую агитацию внутри Германии и любое влияние Коминтерна извне.

Однако отношения между двумя государствами — Германией и Советской Россией — совершенно другое дело, если мы в Германии можем исходить из предположения, что советское правительство, в свою очередь, воздержится от агрессивных нападений на Германию посредством забрасываемых в нее идей коммунизма и мировой революции. По некоторым событиям последних месяцев мы полагаем, что уловили знаки перемен во взглядах России в данном отношении... (Далее — прямая ссылка на речь Сталина на XVIII съезде. — В. М.).

Если эта посылка верна, мы можем без колебаний установить, что между Германией и Советской Россией не существует реального противоречия интересов в международных делах. Во всяком случае, мы со своей стороны не видим ни одного комплекса вопросов, где наши взаимные интересы были бы прямо противоположны друг другу. Поэтому мы хорошо представляем себе, что пришло время для умиротворения и нормализации германо-советских отношений.

В последние месяцы эта германская точка зрения в некоторых аспектах уже нашла свое выражение. Прежняя полемика в прессе против Советской России существенно приглушена...

Главным фактором в германской внешней политике является тесная связь с Италией, ныне закрепленная договором о союзе («Сталинский пакт» от 22 мая. — В. М.). Этот союз, как видно из самой сути вещей, не направлен против Советской России и никоим образом, даже косвенно, не затрагивает ее интересов. Он направлен исключительно против англо-французской комбинации. Что касается наших отношений с Японией, то мы откровенно заявляем, что намереваемся расширять и укреплять их. Остается фактом, что германо-японские отношения исторически развивались под антикоминтерновским лозунгом. Однако этот лозунг не означает нынешней, реально-политической сути того, что мы ныне подразумеваем под укреплением германо-японских отношений. В большей степени мы имеем в виду наше общее противостояние Британии. Имея хорошие отношения с Японией, мы верим, что можем способствовать преодолению русско-японских расхождений; в любом случае, мы никоим образом не заинтересованы в углублении этих расхождений, а, напротив, уверены, что способны содействовать тому, чтобы японская внешняя политика приняла курс, который не приведет к конфликту с Россией.

Наши расхождения с Польшей хорошо известны. Мы считаем, что проблемы Данцига и Коридора некогда будут разрешены; со своей стороны, мы не намерены навязывать их решение путем войны. Если же, вопреки нашему желанию, дело дойдет до военных действий с Польшей, мы твердо уверены, что даже это не приведет к столкновению наших интересов с Советской Россией. Даже сегодня... мы готовы принять во внимание русские интересы. С сугубо военной точки зрения Польша вообще не представляет для нас никакой проблемы...

Взвесив реальное соотношение сил и интересов, мы не видим, что могло бы на деле подвинуть Советскую Россию активно включиться в игру британской политики по окружению (Германии. — *В. М.*)... Британских усилий по окружению мы несколько не боимся... Объединение России с Британией против Германии может быть объяснено с точки зрения русских интересов, только если советское правительство опасается агрессивных намерений Германии в отношении России. Как уже говорилось выше, мы не имеем в виду ничего подобного... Я не имею ничего против, если по ходу разговора вы сообщите русским, что итальянцы и японцы в общих чертах проинформированы о русско-германских переговорах»¹⁴.

Все это предписывалось передать исключительно на словах.

Гитлер не был готов к столь решительным шагам: 22 мая Кулондр сообщил Боннэ о стремлении Риббентропа договориться с Москвой, которое наталкивается на идеологически мотивированную оппозицию фюрера¹⁵. Проект инструкций был доложен ему 26 мая, но сразу же отправился в архив, поэтому историки предпочитают его игнорировать. 26 мая Вайцеккер телеграфно предписал Шуленбургу: «Вы не должны предпринимать никаких действий без дополнительных указаний; Хильгер не должен искать никаких контактов; наконец, нет намерений посылать Шнурре в Москву в ближайшее время»¹⁶.

Тем не менее Риббентроп продолжал добиваться одобрения своей программы. 30 мая Вайцеккер пригласил Астахова и повел с ним разговор по привычному сценарию — от текущих дел (открытие отделения торгпредства в оккупированной немцами Праге) к как бы случайному зондажу «по моему личному мнению», хотя многоопытный статс-секретарь готовился к встрече несколько дней и исписал не один лист бумаги. Он сравнил германскую политику с... «лавкой», где для России

есть широкий выбор товаров — от нормализации отношений до непримиримого антагонизма. Нет в ней только симпатий к коммунизму.

«Выбор зависит от Советского правительства. Германское правительство готово к дальнейшим шагам по пути нормализации и наоборот», — резюмировал он.

Астахов принял к сведению всё сказанное как минимум с санкции Риббентропа, и немедленно доложил в Москву. Одновременно Вайцеккер сообщил Шуленбургу, что прежняя жесткая позиция смягчается и Хильгер может возобновить общение с наркомом внешней торговли Анастасом Микояном¹⁷.

Каковы бы ни были отношения между Риббентропом и Шуленбургом, оба они объективно работали на советско-германское сближение. Вайцеккер придерживался той же позиции, но более осторожно. При всей пресловутой надменности, за которой скрывалась слабохарактерность, Риббентроп нуждался в одобрении и поддержке своих «русских» планов со стороны Шуленбурга и Вайцеккера — это придавало ему уверенность в отстаивании их перед Гитлером, хотя личной симпатии к обоим дипломатам рейхсминистр, возможно, и не испытывал. С другой стороны, ни Вайцеккер, ни тем более его друг Шуленбург не имели прямого выхода на Гитлера и не могли рассчитывать на то, что фюрер — в силу известной нелюбви к дипломатам и аристократам — прислушается к их суждениям. К ним прислушивался Риббентроп, транслировавший Гитлеру сказанное, если это совпадало с его собственными идеями.

Летом 1939-го схема работала исправно. Шуленбург всячески убеждал начальство в том, что Молотов не отвергает сближение с Германией в принципе и что дело — лишь в частностях, которые вполне преодолимы. Когда 31 мая Молотов выступил на третьей сессии Верховного совета СССР, Шуленбург немедленно отправил перевод речи в Берлин, не только отметив отсутствие антигерманских выпадов, но и усмотрев в ней готовность продолжать контакты¹⁸. Это прибавляло Риббентропу бодрости, когда прочих оснований для оптимизма не доставало.

Обстановка в Европе продолжала накаляться. Между 17 и 19 июня Клейст доверительно сказал своему знакомому, оказавшемуся информатором Москвы: «Фюрер и Риббентроп считают при сегодняшнем положении невозможным, чтобы Советский Союз в германо-польском конфликте выступил бы активно на антигерманской стороне.

Фюрер в течение последних недель тщательно занимался Советским Союзом и сказал Риббентропу, что по разрешении польского вопроса в германо-русских отношениях должен наступить новый рапалльский этап и что по образцу германо-польского соглашения нужно будет в течение известного времени вести с Москвой политику сближения и экономического сотрудничества. Это сближение временное и будет носить характер паузы. Мирлюбивые отношения между Германией и Россией во время ближайших двух лет, по мнению фюрера, являются предпосылкой разрешения проблем в Западной Европе»¹⁹.

Отмечу, что в ранее опубликованном пространном варианте этой же записи нет слов о «временном» характере сближения, но есть формулировка «*инсценировать* в германо-русских отношениях новый рапалльский этап» (выделено мной. — В. М.)²⁰.

Контекст беседы становится понятен, если сопоставить имеющиеся факты и документы. 14 июня Астахов побывал у своего болгарского коллеги Парвана Драганова. Хозяин жаловался на антиболгарскую политику Румынии и Греции и вопрошал: «Кто поможет Болгарии осуществить ее справедливые стремления — СССР или Германия? Этим определится дальнейшая позиция Болгарии. Особенно резко настроен он против Англии, доказывая и мне целесообразность соглашения СССР с Англией с точки зрения наших интересов. По его мнению, Германия непременно начнет войну, едва только союз между СССР и Англией будет заключен. Гитлер не станет ждать, пока „политика окружения“ получит еще более конкретное воплощение в виде совместной работы штабов, содействия в вооружении и т. п.».

«Вы сможете с немцами договориться, — успокаивал и как будто даже уговаривал Драганов, — они охотно пойдут здесь на самый широкий обмен мнениями (намек на возможность договориться о разделе «сфер влияния»)». В заключение Астахов отметил, что «на этот раз посланник был значительно более откровенным и упорным апологетом прогерманской линии, чем раньше»²¹.

Однако, читая запись беседы с Драгановым, сделанную на следующий день директором политического департамента МИД Вёрманом, есть отчего прийти в изумление. Посланник под большим секретом рассказал о встрече с Астаховым, «с которым он отнюдь не близок», но «который пришел вчера без всякой видимой причины и просидел два часа». Драганов оговорился, что не может судить, излагал ли Астахов собственные взгляды или делал это по поручению правительства,

но слова поверенного в его пересказе выглядят следующим образом. Перед СССР — три возможных пути: заключить пакт с Великобританией и Францией; продолжать затягивать переговоры с ними; пойти на сближение с Германией. Причем «Советскому Союзу более всего симпатичен последний вариант, который не требует идеологических мотивировок (?! — В. М.)». «Если Германия заявит, что она не нападет на Советский Союз, или заключит с ним пакт о ненападении, Советский Союз, вероятно, уклонится от договора с Великобританией»²². Такова главная мысль Астахова в изложении Драганова.

В записи поверенного ничего подобного нет, однако не склонный к авантюрам Драганов вряд ли мог все это придумать. Так или иначе, слова дошли по назначению. Встречаясь 16 июня с Осима и Сиратори, Риббентроп снова напомнил им о том, что, если Токио не примет его предложений сейчас и будет упорствовать в поисках «запасного выхода», Германия заключит пакт о ненападении с СССР²³. Историки напрямую связывают это с информацией, полученной от Драганова.

В середине июня Шуленбург ненадолго съездил на родину, где встретился и с Риббентропом (содержание их беседы нам, к сожалению, неизвестно), и с Астаховым. 28 июня он сообщил Молотову, что «германское правительство желает не только нормализации, но и улучшения своих отношений с СССР. Он добавил, что это заявление, сделанное им по поручению Риббентропа, получило одобрение Гитлера»²⁴.

В Берлине рассчитывали на скорый ответ и ждали, что Сталин включится в реанимацию «духа Рапалло». В Москве видели и заинтересованность германской стороны, и ее нежелание идти на существенные компромиссы, а потому предпочитали выжидать, поэтому 29 июня фюрер снова «заморозил» переговоры: «Русские должны быть информированы о том, что из их позиции мы сделали вывод, что они ставят вопрос о продолжении будущих переговоров в зависимость от принятия нами основ наших с ними экономических обсуждений... Поскольку эта основа для нас является неприемлемой, мы в настоящее время не заинтересованы в возобновлении экономических переговоров с Россией». Вайцеккер снова велел Шуленбургу не проявлять инициативы «в политической области», а ожидать инструкций²⁵. О содержании резкой статьи Андрея Жданова «Английское и французское правительства не хотят равного договора с СССР», опубликованной в «Правде» 29 июня в качестве «личного мнения депутата

Верховного Совета СССР», посол немедленно и, надо полагать, не без удовольствия сообщил в Берлин²⁶.

Разговор Шуленбурга с заместителем наркома иностранных дел Владимиром Потемкиным 1 июля был осторожным в практическом плане, но содержал интересные теоретические рассуждения. В ответ на германские «авансы» советские дипломаты напоминали о существовании Антикоминтерповского пакта и об участии в нем Японии, с которой в то время шла несобъявленная война на Халхин-Голе. Любимое детище Риббентропа стало мешать его далеко идущим планам.

«Об этом договоре, — записывал Потемкин, — Шуленбургу несколько раз пришлось говорить с фон Риббентропом при своем последнем посещении Берлина. Фон Риббентроп вполне определенно заявлял послу, что указанный договор никогда не был направлен против СССР как государства. Он предусматривал лишь организацию своего рода идеологического фронта для борьбы с интернациональным течением, в котором три правительства усматривали опасность для существующего социального и политического строя. С течением времени и в соответствии с меняющейся обстановкой тройственный договор отошел от своей первоначальной базы: в настоящее время он приобрел ясно выраженный антианглийский характер. Об этом фон Риббентроп говорил с Шуленбургом вполне откровенно. Посол хотел бы обратить на это и наше внимание».

Не приходится сомневаться — это разъяснение было дано по указанию шефа, равно как и следующий весьма откровенный пассаж: «Фон Риббентроп настроен против Англии. Наоборот, к СССР он относится как к государству, с которым Германия могла бы поддерживать отношения дружественного сотрудничества. Фон Риббентроп развивал Шуленбургу весьма широкие планы установления такого сотрудничества не только между Германией и СССР, но и между Советским Союзом и Японией. Эта идея не представляется Шуленбургу утопической»²⁷.

Перед нами четкая формула континентального блока, ставшего заветной мечтой Риббентропа.

Однако до полной ясности было еще далеко. 8 июля, когда в Москве был согласован текст англо-франко-советского соглашения против агрессии, Астахов, беседуя в Берлине с Кулондром, отрицал наличие политического диалога с немцами. Вечером 24 июля Шнурре пригласил Астахова и заместителя торгпреда Евгения Бабарина в тихий

и уютный ресторан «Эвест» в центре Берлина, чтобы обсудить с ними ситуацию в Европе. Шнурре четко обозначил свою позицию: он говорит от имени и по указанию Риббентропа, «который в точности знает мысли фюрера». Руководство рейха предлагало поэтапную нормализацию отношений: заключение кредитного и торгового соглашений; улучшение политических отношений путем «уважения интересов другой стороны в прессе и общественном мнении»; восстановление хороших политических отношений в виде нового соглашения.

«Астахов назвал путь сближения с Германией соответствующим интересам обеих стран. Однако он отметил, что, вероятно, темп должен быть медленным и постепенным. Советский Союз усматривает серьезную для себя угрозу во внешней политике национал-социализма... Я подчеркнул, что в настоящее время германская политика на Востоке берет абсолютно иной курс» (запись Шнурре).

«Скажите, каких доказательств Вы хотите? Мы готовы на деле доказать возможность договориться по любым вопросам, дать любые гарантии... Если у Советского правительства есть желание серьезно говорить на эту тему, то подобное заявление Вы сможете услышать не только от меня, а от гораздо более высокопоставленных лиц. Я лично был бы очень рад, если бы мне удалось поехать в Москву, где смог бы развить эти мысли в беседе с вашими руководителями... Сочувственный резонанс с нашей стороны обеспечен. Наоборот, сейчас мы не находим резонанса у вас» (Шнурре в записи Астахова)²⁸.

Получив отчет поверенного, Молотов телеграфировал: «Ограничившись выслушиванием заявлений Шнурре и обещанием, что передадите их в Москву, Вы поступили правильно».

Однако на следующий день (точнее, через пять часов!) нарком послал в Берлин конкретные указания — несомненно, после совещания со Сталиным: «Между СССР и Германией, конечно, при улучшении экономических отношений могут улучшиться и политические отношения... Но только немцы могут сказать, в чем конкретно должно выразиться улучшение политических отношений. До недавнего времени немцы занимались тем, что только ругали СССР, не хотели никакого улучшения политических отношений с ним и отказывались от участия в каких-либо конференциях, где представлен СССР. Если теперь немцы искренне меняют вехи и действительно хотят улучшить политические отношения с СССР, то они обязаны сказать нам, как они представляют конкретно это улучшение. У меня был недавно

(28 июня. — В. М.) Шуленбург и тоже говорил о желательности улучшения отношений, но ничего конкретного или внятного не захотел предложить. Дело зависит здесь целиком от немцев. Всякое улучшение политических отношений между двумя странами мы, конечно, приветствовали бы»²⁹. Астахов сразу же проинформировал Шнурре, что сообщил Молотову о содержании их вчерашней беседы, которое «вызвало большой интерес»³⁰.

Это был явный сигнал Риббентропу. Почувствовав, что «лед тронулся», Клейст посоветовал шефу не торопиться и не демонстрировать Москве излишнюю заинтересованность, пояснив, что за шесть или по меньшей мере за три месяца можно добиться взаимоприемлемой «разрядки». Услышав об этих сроках, рейхсминистр расхохотался, но причину своего веселья не объяснил — знать о скором решении «польского вопроса» Клейсту было не положено³¹.

Вечером 2 августа Астахов посетил Вайцзеккера, намерсваясь выяснить, кто будет представлять Германию на сельскохозяйственной выставке в Москве. Разговор зашел о ходе торговых переговоров. И тут статс-секретарь «неожиданно добавил, что случайно сейчас в своем кабинете находится Риббентроп, который желал бы меня (Астахова. — В. М.) видеть». Разумеется, никакой случайности в этом не было: «...я намеревался продолжить беседы... которые ранее велись между Астаховым и членами министерства иностранных дел с моего разрешения», — писал Риббентроп на следующий день Шуленбургу.

«Я изредка прерывал беседу, которая носила характер монолога», — телеграфировал Астахов в Москву. Он записал слова Риббентропа гораздо подробнее, чем это сделал сам рейхсминистр. Опытный дипломат и журналист, Астахов понимал, события какой важности разворачиваются перед ним и при его непосредственном участии. Приведу наиболее важные фрагменты его записи:

«Риббентроп» начал с выражения своего удовлетворения по поводу благоприятных перспектив советско-германской торговли... Я (Риббентроп. — В. М.) также хотел бы подтвердить, что в нашем представлении благополучное завершение торговых переговоров может послужить началом политического сближения. До последнего времени в наших взаимоотношениях накопилось много болячек. Они не могут пройти внезапно. Для рассасывания их нужно время, но изжить их возможно... Мы считаем, что для вражды между нашими странами оснований нет. Есть одно предварительное условие, которое

мы считаем необходимой предпосылкой нормализации отношений, — это взаимное невмешательство во внутренние дела. Наши идеологии диаметрально противоположны. Никаких поблажек коммунизму в Германии мы не допустим. Но национал-социализм не есть экспортный товар, и мы далеки от мысли навязывать его кому бы то ни было. Если в Вашей стране держатся такого же мнения, то дальнейшее сближение возможно».

«Воспользовавшись моментной паузой», Астахов со спокойной душой дал Риббентропу (в полном согласии с официальным курсом советского правительства) соответствующие заверения, которые рейхсминистр «с удовлетворением принял к сведению».

«Что же касается остальных вопросов, стоящих между нами, — продолжал он, — то никаких серьезных противоречий между нашими странами нет. По всем проблемам, имеющим отношение к территории от Черного до Балтийского моря, мы могли бы без труда договориться».

Однако в Москву были приглашены британская и французская военные миссии, о чем Риббентроп вспомнил с явным неудовольствием, добавив: «Мы не обращаем внимания на крики и шум по нашему адресу в лагере так называемых западноевропейских демократий. Мы достаточно сильны и к их угрозам относимся с презрением и насмешкой».

«Если Москва займет отрицательную позицию, мы будем знать, что происходит и как нам действовать» (запись Риббентропа).

В ходе разговора позиция германской стороны обозначилась с предельной четкостью — строго секретные переговоры по конкретным вопросам (Данциг, Польша, контроль над Балтийским морем). Однако, прежде чем перейти к ним, Риббентроп хотел получить гарантии того, что намерения второй стороны серьезны.

«Я вел разговор, не выказывая никакой спешки, — писал он Шуленбургу. — Поверенный в делах, казалось, был заинтересован, несколько раз пытался повернуть беседу в сторону более конкретных вопросов, вследствие чего я дал ему понять, что я буду готов к уточнениям сразу же после того, как советское правительство официально уведомит нас о том, что оно в принципе желает новых отношений».

«Если Советское правительство проявляет к этому интерес и считает подобные разговоры желательными, тогда можно подумать и о конкретных шагах, которые следует предпринять... В утвердительном

случае их можно возобновить либо здесь (в Берлине. — *В. М.*), либо в Москве» (запись Астахова).

Риббентроп ждал скорого ответа, потому что подготовка к войне с Польшей вышла на «финишную прямую», однако заявил, что «не считает необходимым особенно торопиться (с германо-советскими переговорами. — *В. М.*)... поскольку вопрос серьезен, и подходить к нему надо не с точки зрения текущего момента, а под углом интересов целых поколений».

Конечно, это заявление рейхсминистра можно списать на любовь к позе и риторике, однако, как ни глянь, он оказался прав...

Разговор коснулся и «больных» тем. Риббентроп «предупредил, что мы (СССР. — *В. М.*) должны считаться с фактом дружбы между Германией и Японией. Мы не должны рассчитывать, что эвентуальное улучшение советско-германских отношений может отразиться в виде ослабления отношений германо-японских».

«Я (Риббентроп. — *В. М.*) описал германо-японские отношения как хорошие и дружественные. Эти отношения прочные. Однако что касается русско-японских отношений, у меня есть свои собственные соображения, под которыми я понимаю долгосрочный *modus vivendi** между двумя странами».

«„Скажите, г-н поверенный в делах, — внезапно изменив интонацию, обратился он ко мне как бы с неофициальным вопросом, — не кажется ли Вам, что национальный принцип в Вашей стране начинает преобладать над интернациональным. Это вопрос, который наиболее интересуется фюрера...“ Я ответил, что у нас то, что Р<иббентроп> называет интернациональной идеологией, находится в полном соответствии с правильно понятыми национальными интересами страны, и не приходится говорить о вытеснении одного начала за счет другого. „Интернациональная“ идеология помогла нам получить поддержку широких масс Европы и отбиться от иностранной интервенции, то есть способствовала осуществлению и здоровых национальных задач. Я привел еще ряд подобных примеров, которые Р<иббентроп> выслушал с таким видом, как будто подобные вещи он слышит в первый раз».

---

* Дословно: «способ существования» (*лат.*). В международных отношениях — временное соглашение по вопросам, которые требуют разрешения, но пока не могут быть окончательно урегулированы; предполагает замену его постоянным соглашением.

Пересказ этого не слишком-то содержательного диалога интересен как свидетельство попытки Гитлера найти идеологическое оправдание договора с идеологическим противником. Астахов подбросил будущим партнерам неплохой вариант: интернационализм вполне можно совместить с национальными интересами.

«Уже прощаясь, <Риббентроп> подчеркнул, что считает необходимым соблюдать конфиденциальный характер подобных бесед и не допускать ни малейшей сенсационности. Затем подчеркнуто вежливо проводил до самой двери, еще раз пожелав всего лучшего»³².

Это была первая настоящая встреча Риббентропа с советским дипломатом. Думаю, он волновался. Разговор можно было считать удавшимся, поэтому рейхсминистр вслеп Шулсбургу в Москве и Шнурре в Берлине закрепить успех. В беседах прозвучал намек на возможность обсуждения всего комплекса проблем между «высокопоставленными представителями» обеих стран. Это была заявка на серьезный разговор, тем более что немцы прямо сообщили: «Если попытка мирно урегулировать вопрос о Данциге ни к чему не приведет и польские провокации будут продолжаться, то, возможно, начнется война. Германское правительство хотело бы знать, какова будет в этом случае позиция Советского правительства». Молотов заверил, что сказанное его «интересует»³³.

11 августа Чиано приехал к Риббентропу в замок Фушль, откуда они на следующий день отправились к Гитлеру в Бергхоф: гость был проинформирован о твердом намерении решить проблему Данцига и «коридора». В тот же день в Москве открылось совещание военных миссий СССР, Великобритании и Франции. Тогда же на Вильгельмштрассе была получена телеграмма из Токио: Отт сообщал о последних, отчаянных усилиях военного министра Итагаки добиться заключения союза трех держав³⁴.

13 августа Шнурре пригласил к себе Астахова. «События идут очень быстрым темпом, и терять время нельзя», — сказал он в качестве прелюдии и передал ему послание Риббентропа, полученное по телефону: Гитлер готов вести политические переговоры в Москве, но поручит это не МИД, а одному из своих ближайших соратников по партии, например Гансу Франку: «Шнурре подчеркнул, что речь может идти вообще о лице подобного калибра, а не только о Франке», и «как бы от себя» добавил, что «наиболее верным способом была бы непосредственная беседа Риббентропа с Молотовым»³⁵.

Позже рейхсминистр утверждал: «Сначала я предложил послать в Москву не меня, а другого полномочного представителя — я подумал прежде всего о Геринге. Принимая во внимание мою деятельность в качестве посла в Англии, мои японские связи (Антикоминтерновский пакт. — *В. М.*) и всю мою внешнюю политику, я считал, что для миссии в Москву буду выглядеть деятелем слишком антикоммунистическим. Но фюрер настоял на том, чтобы в Москву отправился именно я, сказав, что это дело я „понимаю лучше других“» (С. 139).

Этот рассказ вызывает сомнения. К моменту определения кандидатуры посланца Гитлер был готов заключить пакт практически любой ценой, что исключало провал миссии. Напротив, подписание договора стало бы личным успехом того, кто скрепил бы его своей подписью. Этому честолюбивый Риббентроп не отдал бы никому, кроме фюрера (о нем, впрочем, речь не шла), тем болс — своему главному недругу Герингу, вражда с которым, кроме личной антипатии, имела еще и геополитический подтекст: рейхсмаршал был главным атлантистом нацистского двора. Впрочем, нет — эту «честь» следует уступить самому фюреру...

14 августа в 22 часа 53 минуты по берлинскому времени Риббентроп отправил Шуленбургу сверхсрочную телеграмму с сообщением для Молотова. На деле это было послание Гитлера Сталину: «Я считаю важным, чтобы они (германские предложения. — *В. М.*) дошли до господина Сталина в как можно более точном виде, и я уполномочиваю Вас в то же самое время просить от моего имени г-на Молотова об аудиенции с г-ном Сталиным, чтобы Вы могли передать это важное сообщение еще и непосредственно ему».

Диктаторы лично вступали в игру.

Дипломат и знаток дипломатической истории Григорс Гафснку сравнил «политику на двоих» Гитлера и Сталина с политикой Наполеона и Александра I в период Тильзитского мира. Аналогия приходила в голову не ему одному. 16 сентября 1939 года, через две недели после начала войны, французский писатель и политический аналитик Дриё Ля Рошель, не сводивший глаз с карты Европы, кратко записал: «Гитлер и Сталин. Ср. Наполеон и Александр в Тильзите»³⁶. Ему вспомнилось историческое свидание русского и французского императоров в 1807-м в Восточной Пруссии, завершившее одну войну между ними, но не предотвратившее другой...

Заключительная фаза подготовки «нового Тильзита» началась визитом Шуленбурга к Молотову 15 августа. В кармане у посла лежало упоминавшееся выше послание Риббентропа:

«1. Идеологические расхождения между Национал-Социалистической Германией и Советским Союзом были единственной причиной, по которой в предшествующие годы Германия и СССР разделились на два враждебных, противостоящих друг другу лагеря. События последнего периода, кажется, показали, что разница в мировоззрениях не препятствует деловым отношениям двух государств и установлению нового и дружественного сотрудничества. Период противостояния во внешней политике может закончиться раз и навсегда; дорога в новое будущее открыта обоим странам.

2. В действительности интересы Германии и СССР нигде не сталкиваются. Жизненные пространства Германии и СССР прилегают друг к другу, но в столкновениях нет естественной потребности. Таким образом, причины для агрессивного поведения одной страны по отношению к другой отсутствуют. У Германии нет агрессивных намерений в отношении СССР. Имперское правительство придерживается того мнения, что между Балтийским и Черным морями не существует вопросов, которые не могли бы быть урегулированы к полному удовлетворению обоих государств... Политическое сотрудничество между двумя странами может иметь только положительный результат. То же самое относится к германской и советской экономике, сотрудничество которых может расширяться в любом направлении.

3. Нет никакого сомнения, что сегодня германо-советские отношения пришли к поворотному пункту своей истории. Решения, которые будут приняты в ближайшем будущем в Берлине и Москве по вопросу этих отношений, будут в течение поколений иметь решающее значение для германского и советского народов. От этих решений будет зависеть, придется ли когда-нибудь двум народам снова, без возникновения каких-либо действительно непреодолимых обстоятельств, выступить друг против друга с оружием в руках, или же снова наступят дружеские отношения. Прежде, когда они были друзьями, это было выгодно обоим странам, и все стало плохо, когда они стали врагами.

4. Верно, что Германия и Советский Союз, в результате многолетней вражды их мировоззрений, сегодня относятся друг к другу с недоверием. Должно быть счищено много накопившегося мусора. Нужно

сказать, однако, что даже в этот период естественные симпатии немцев и русских друг к другу никогда не исчезали. На этой базе заново может быть построена политика двух государств.

5. Имперское правительство и Советское правительство должны на основании всего своего опыта считаться с тем фактом, что капиталистические демократии Запада являются неумолимыми врагами как Национал-Социалистической Германии, так и Советского Союза. Сегодня, заключив военный союз, они снова пытаются втянуть СССР в войну против Германии. В 1914 году эта политика имела для России катастрофические последствия. В общих интересах обеих стран избежать на все будущие времена разрушения Германии и СССР, что было бы выгодно лишь западным демократиям.

6. Кризис в германо-польских отношениях, спровоцированный политикой Англии, а также британская военная пропаганда и связанные с этим попытки создания (антигерманского) блока делают желательным скорейшее выяснение германо-русских отношений. В противном случае, независимо от действий Германии, дела могут принять такой оборот, что оба правительства лишатся возможности восстановить германо-советскую дружбу и совместно разрешить территориальные вопросы, связанные с Восточной Европой. Поэтому руководителям обоих государств следует не пускать события на самотек, а действовать в подходящее время. Будет губительно, если из-за отсутствия взаимопонимания по отношению к взглядам и намерениям друг друга наши народы окончательно разойдутся в разные стороны.

Насколько нам известно, советское правительство также желает внести ясность в германо-советские отношения. Поскольку, однако, судя по предшествующему опыту, такое выяснение отношений может протекать лишь постепенно и через обычные дипломатические каналы, Имперский Министр иностранных дел фон Риббентроп готов прибыть в Москву с краткосрочным визитом, чтобы от имени Фюрера изложить взгляды Фюрера господину Сталину. Только такое непосредственное обсуждение может, по мнению господина фон Риббентропа, привести к изменениям и, таким образом, закладка фундамента для некоторого улучшения германо-русских отношений уже не будет казаться невозможной»³⁷.

Вот когда пригодились майские предложения Риббентропа, отвергнутые Гитлером! «Молотов с величайшим интересом выслушал информацию, которую мне поручено было передать, — немедленно

сообщал Шуленбург шефу, -- назвал ее крайне важной и заявил, что он сразу же передаст ее своему правительству и в течение короткого времени даст мне ответ. Он может заявить уже сейчас, что Советское правительство тепло приветствует германские намерения улучшить отношения с Советским Союзом и теперь, принимая во внимание мое сегодняшнее сообщение, верит в искренность этих намерений... Молотов повторил, что, если мое сегодняшнее сообщение включает в себя идею пакта о ненападении или что-то похожее, вопрос должен быть обсужден более конкретно, чтобы в случае прибытия сюда Имперского Министра иностранных дел вопрос не свелся к обмену мнениями, а были приняты конкретные решения»³⁸.

Молотов дал ответ уже 17 августа. Но еще накануне Шуленбург получил новые инструкции от Риббентропа: «Германия готова заключить с Советским Союзом пакт о ненападении, если желает советское правительство, не подлежащий изменению в течение 25 лет... Германия готова совместно с Советским Союзом гарантировать безопасность прибалтийских государств... Германия готова, и это полностью соответствует позиции Германии, попытаться повлиять на улучшение и укрепление русско-японских отношений».

Далее Риббентроп от имени Гитлера подтвердил готовность к «общему и быстрому выяснению германо-русских отношений и взаимному урегулированию актуальных вопросов», связанных с Польшей, и сообщил, что может прибыть в Москву в любой день начиная с 18 августа «для решения всего комплекса германо-русских вопросов, а если представится возможность, то и для подписания соответствующего договора»³⁹.

Время до запланированного нападения на Польшу (если в последний момент Варшава не пойдет на требуемые уступки) шло на часы. Гитлер спешил как никогда и поэтому готов был обещать все, что угодно. Только бы Сталин согласился...

Молотов вручил Шуленбургу официальный ответ, заявив, что «т. Сталин находится в курсе дела и ответ с ним согласован».

Для начала был повторен привычный набор аргументов об «официальных заявлениях отдельных представителей германского правительства, нередко имевших недружелюбный и даже враждебный характер в отношении СССР», об Антикоминтерновском пакте, о вынужденной «подготовке отпора против возможной агрессии в отношении СССР со стороны Германии». «Если, однако, теперь германское

правительство, — говорилось далее, — делает поворот от старой политики в сторону серьезного улучшения политических отношений с СССР, то Советское правительство может только приветствовать такой поворот и готово, со своей стороны, перестроить свою политику в духе ее серьезного улучшения в отношении Германии».

Первым шагом Москва назвала подписание торгово-кредитного соглашения, вторым — «заключение пакта о ненападении или подтверждение пакта о нейтралитете 1926 года с одновременным принятием специального протокола о заинтересованности договаривающихся сторон в тех или иных вопросах внешней политики, с тем чтобы последний представлял органическую часть пакта»⁴⁰.

«Переходя к вопросу о приезде Риббентропа, — записывал переводчик Владимир Павлов, отлично владевший немецким и английским языками, — т. Молотов заявляет, что мы ценим постановку этого вопроса германским правительством, подчеркивающим серьезность своих намерений предложением послать в Москву видного политического деятеля, в отличие от англичан, пославших в Москву второстепенного чиновника Стрэнга (заведующий департаментом Центральной Европы МИД Великобритании. — В. М.)».

Это замечание перекликается с письмом Шульсбурга Вайцекеру от 16 августа: «У меня создалось впечатление, что предложение о приезде Имперского Министра очень польстило лично господину Молотову и что он рассматривает это как действительное доказательство наших добрых намерений. (Я напоминаю, что, согласно газетным сообщениям, Москва просила, чтобы Англия и Франция прислали сюда министра, и что вместо этого прибыл только господин Стрэнг)»⁴¹.

Молотов как будто знал о содержании письма, что, впрочем, представляется вполне возможным: третий секретарь посольства в Москве Герхард Кегель был тайным коммунистом и советским агентом; были «свои люди» и у американцев...

Молотов запросил германский проект договора. Риббентроп предложил ограничиться следующим:

«Статья 1. Германское государство и СССР обязуются ни при каких обстоятельствах не прибегать к войне и воздерживаться от всякого насилия в отношении друг друга.

Статья 2. Соглашение вступает в силу немедленно после подписания и будет действительно и нерасторжимо в течение 25-летнего срока».

Поздно вечером 18 августа рейхсминистр также сообщил Шуленбургу, что переговоры об экономическом соглашении завершены и что война с Польшей может начаться со дня на день. «Сегодняшняя внешняя политика Германии достигла своего исторического поворотного пункта», — как заклинание повторял Риббентроп⁴².

19 августа Шуленбург передал Молотову последние новости из Берлина и германский проект. Нарком удивился его краткости (похоже, за образец был взят... Антикоминтерновский пакт), предложил использовать уже имевшиеся договоры о ненападении и через два с половиной часа вручил послу советский проект из пяти статей:

«Правительство СССР
и Правительство Германии,

Руководимые желанием укрепления дела мира между народами и исходя из основных положений договора о нейтралитете, заключенного между СССР и Германией в апреле 1926 года, пришли к следующему соглашению:

Статья 1. Обе Договаривающиеся Стороны обязуются взаимно воздерживаться от какого бы то ни было насилия и агрессивного действия друг против друга или нападения одна на другую, как отдельно, так и совместно с другими державами.

Статья 2. В случае, если одна из Договаривающихся Сторон окажется объектом насилия или нападения со стороны третьей державы, другая Договаривающаяся Сторона не будет поддерживать ни в какой форме подобных действий такой державы.

Статья 3. В случае возникновения споров или конфликтов между Договаривающимися Сторонами по тем или иным вопросам обе Стороны обязуются разрешить эти споры и конфликты исключительно мирным путем в порядке взаимной консультации или путем создания в необходимых случаях соответствующих согласительных комиссий.

Статья 4. Настоящий договор заключается сроком на пять лет, с тем что, поскольку одна из Договаривающихся Сторон не денонсирует его за год до истечения срока, срок действия договора будет считаться автоматически продленным на следующие пять лет.

Статья 5. Настоящий Договор подлежит ратификации в возможно короткий срок, после чего договор вступает в силу.

Постскриптум. Настоящий пакт действителен лишь при одновременном подписании особого протокола по пунктам заинтересованности

Договаривающихся Сторон в области внешней политики. Протокол составляет органическую часть пакта»⁴³.

Уже при беглом взгляде на советский проект заметны его проработанность и ориентация на общепринятые правовые нормы (ратификация и т. п.). Создается впечатление, что он был подготовлен загодя, в отличие от импровизации Риббентропа. Гитлер наконец-то вздохнул с облегчением и направил Сталину личное послание о согласии с предложенным проектом и о том, что «заключение пакта о ненападении означает для меня закрепление германской политики на долгий срок». Сталин ответил быстро и коротко: «Народы наших стран нуждаются в мирных отношениях между собою. Согласие германского правительства на заключение пакта ненападения (так! — *В. М.*) создает базу для ликвидации политической напряженности и установления мира и сотрудничества между нашими странами», — добавив, что ждет Риббентропа в Москве 23 августа⁴⁴.

Персональное обращение к Сталину, официально не занимавшему никаких государственных постов, оказалось результативной уловкой:

«Это послание стало вехой в мировой истории — оно отметило момент, когда Советская Россия возвратилась в Европу как великая держава. До того ни один европейский государственный деятель не обращался к Сталину лично. Западные лидеры относились к нему так, как будто он был далеким, да к тому же малозначительным бухарским эмиром. Теперь Гитлер признал в нем правителя великой страны»⁴⁵.

По словам Шуленбурга, послание произвело глубокое впечатление на Молотова⁴⁶. О реакции Сталина можно только догадываться.

Одновременно Вайцзеккер по указанию шефа разослал в германские миссии за рубежом циркулярную ноту. Кратко осветив ход переговоров и мотивировав необходимость скорейшей нормализации двусторонних отношений перед лицом «польского кризиса», он возвещал: «Поступая таким образом, мы последовательно старались не нанести ущерба нашим отношениям с дружественными державами, особенно с Италией и Японией, и давали понять это Советскому Союзу на каждой стадии переговоров. Мы ожидаем, что и в японско-советских отношениях наступит желанная обеим сторонам передышка, которая приведет к дальнейшему ослаблению напряженности. Возможное обвинение в том, что, заключив соглашение с Советским Союзом, мы нарушили принципы Антикоминтерновского пакта, в данном случае не имеет силы. Эволюция Антикоминтерновского пакта все более и более

выпуждала державы видеть своего главного врага в Британии. Кроме того, русский большевизм при Сталине пережил структурные изменения решающего характера. Вместо идеи мировой революции на первый план вышли идеи русского национализма и консолидации советского государства на его нынешней национальной, территориальной и социальной основе. В этой связи стоит обратить внимание на устранение евреев с руководящих постов в Советском Союзе (падение Литвинова в начале мая). Разумеется, оппозиция коммунизму внутри Германии остается полностью прежней. Борьба с любым возобновлением попыток проникновения коммунизма в Германию будет продолжаться с прежней суровостью. Во время переговоров Советскому Союзу не было оставлено никаких сомнений на этот счет, и он полностью принял данный принцип»⁴⁷.

Вечером 22 августа в сопровождении многочисленной свиты Риббентроп отбыл из Берлина. Перед вылетом ему предстояло исполнить одну неприятную обязанность — объяснить случившееся своему другу Осима, с которым он не встречался целый месяц. На аэродром японский посол приехал растерянным и подавленным, исчерпав запас негодования в беседе с Вайцзеккером⁴⁸. В кратком разговоре (на долгий не хватило времени) рейхсминистр повторил все прежние аргументы — от англо-французского «окружения» до неудачи переговоров об альянсе трех держав — и подчеркнул целесообразность нормализации японско-советских отношений: «наилучшей политикой для нас будет заключить японско-германо-советский пакт о ненападении, а затем двинуться против Англии». На вопрос об «укреплении» Антикоминтерновского пакта Риббентроп решительно ответил, что теперь с этим покончено и что «наши две страны должны идти вместе по другому пути»⁴⁹. Японцы могли возмущаться сколько угодно, но они «опоздали» по собственной вине. Наиболее дальновидные из них сделали необходимые выводы, но большинство лишь разразилось бранью в адрес как Москвы, так и Берлина⁵⁰.

После остановки на ночь в Кенигсберге посланцы рейха прибыли в Москву. По пути «вся делегация, включая Риббентропа, как завороченная глядела в иллюминаторы»⁵¹.

«Со смешанным чувством ступил я в первый раз на московскую землю, — вспоминал наш герой. — Никто из нас никаких надежных знаний о Советском Союзе и его руководящих лицах не имел. Дипломатические сообщения из Москвы были бесцветны (явная несправед-

ливость! — В. М.). А Сталин в особенности казался нам своего рода мистической личностью» (С. 140).

Встретили рейхсминистра не только без пышных церемоний, но даже с некоторым нарушением правил: на аэродром приехали только заместитель наркома Потемкин (переводчику Шмидту его фамилия казалась подтверждением нереальности происходящего) и шеф протокола НКВД Барков. Даже нацистские флаги пришлось позаимствовать на киностудии «Мосфильм», где их использовали при съемках пропагандистских фильмов (говорят, на некоторых свастика была изображена зеркально). Почетный караул, конечно, был и понравился гостю «своим внешним видом и выправкой» (С. 140).

Риббентроп разместился в здании бывшего австрийского посольства, ныне принадлежавшем Германии, и после завтрака отправился в Кремль. Там его уже ждали — не только Молотов, но и Сталин, принявший участие в переговорах с самого их начала.

«На переговорах царила благоприятная атмосфера, — вспоминал Риббентроп, — хотя русские известны как дипломаты упорные» (С. 141).

В четверг 24 августа 1939 года около двух часов утра договор о ненападении был подписан и в то же утро опубликован в «Правде» (разумеется, без секретного дополнительного протокола). За основу был принят советский проект от 19 августа, воспроизведенный почти дословно*, но с двумя важными дополнениями, вставленными между 2-й и 3-й статьями проекта:

«Статья 3. Правительства обеих Договаривающихся Сторон останутся в будущем в контакте друг с другом для консультации, чтобы информировать друг друга о вопросах, затрагивающих их общие интересы.

Статья 4. Ни одна из Договаривающихся Сторон не будет участвовать в какой-нибудь группировке держав, которая прямо или косвенно направлена против другой стороны».

Эти статьи были заимствованы из нового германского проекта, который привез с собой Риббентроп. Статья о консультациях вызывала

---

* Неубедительным выглядит позднейшее утверждение Риббентропа: «В самолете я... набросал проект предусмотренного пакта о ненападении. Во время обсуждения в Кремле это оказалось полезным, поскольку *русские никакого текста его заранее не подготовили*» (выделено мной. — В. М.) (С. 140).

в памяти Антикоминтерновский пакт. Статья о неучастии во враждебных блоках в том или ином виде фигурировала в разных проектах германо-итало-японского альянса и должна была, с одной стороны, предугадать выступление СССР в союзе с Великобританией и Францией на стороне Польши, а с другой — успокоить Москву относительно возможных действий Германии в поддержку Японии (бои на Халхин-Голе еще продолжались).

В ходе переговоров Сталин основательно поработал над текстом. Прежде всего, была снята пространная преамбула, написанная Риббентропом и повторявшая его излюбленные идеи:

«Вековой опыт доказал, что между германским и русским народом существует врожденная симпатия. Жизненные пространства обоих народов соприкасаются, но они не переплетаются в своих естественных потребностях.

Экономические потребности и возможности обеих стран дополняют друг друга во всем.

Признавая эти факты и те выводы, которые следует отсюда сделать, что между ними не существует никаких реальных противоречивых интересов, Немецкая Империя (Рейх) и Союз Советских Социалистических Республик решили построить свои взаимоотношения по-новому и поставить на новую основу. Этим они возвращаются к политике, которая в прошлые столетия была выгодна обоим народам и приносила им только пользу. Они считают, что сейчас, как и прежде, интересы обоих государств требуют дальнейшего углубления и дружественного урегулирования обоюдных взаимоотношений и что после эпохи помутнения теперь наступил поворот в истории обеих наций» (русский текст, представленный германской стороной).

Сталин отверг преамбулу как риторичную и несовместимую с бешеной антисоветской кампанией, которую нацистское руководство вело на протяжении последних шести лет (это же относилось и к тексту коммюнике по итогам переговоров), вычеркнул статью 5 германского проекта, посвященную расширению экономических отношений за рамки соглашения от 19 августа, и внес кое-какие технические поправки на основании советского проекта.

Работа над текстом закончилась оперативно и без особых дискуссий. Больше времени потребовало согласование секретного протокола и линии раздела сфер влияния. Вспоминая времена Чичерина, Карл Хаусхофер так писал о советских руководителях: «Они,

по крайней мере, обладают тонким слухом, чтобы понимать данное геополитическое преимущество, и при этом отбросить идеологические предрассудки, и при заключении любого пакта с теми, кто достаточно умен, всегда учитывать собственные выгоды»⁵².

Риббентроп был в восторге и от подписанного договора, и от хозяев: «За немногие часы моего пребывания в Москве было достигнуто такое соглашение, о котором я при своем отъезде из Берлина и помыслить не мог и которое наполняло меня теперь величайшими надеждами насчет будущего развития германо-советских отношений. Сталин с первого же момента нашей встречи произвел на меня сильное впечатление. Его трезвая, почти сухая, но столь четкая манера выражаться и твердый, но при этом и великодушный стиль ведения переговоров показывали, что свою фамилию он носит по праву. Ход моих переговоров и бесед со Сталиным дал мне ясное представление о силе и власти этого человека, одно мановение руки которого становилось приказом для самой отдаленной деревни, затерянной где-нибудь в необъятных просторах России, — человека, который сумел сплотить двухсотмиллионное население своей империи сильнее, чем какой-либо царь прежде» (С. 143).

Эти слова, написанные в ожидании приговора, можно объяснить попыткой оправдаться перед победителями, но столь же восторженно Риббентроп говорил о Сталине и осенью 1939-го, особенно после второго визита в Москву.

Упомяну и еще о некоторых деталях — возможно, и не столь значительных, но любопытных.

«Я спросил Сталина, может ли сопровождающий меня личный фотограф фюрера сделать несколько снимков. Сталин согласился, и это был первый случай, когда он разрешил фотографировать в Кремле иностранцу (утверждение неверное, но характерное. — В. М.). Когда же Сталин и мы, гости, были сняты с бокалами крымского шампанского в руках*, Сталин запротестовал: публикации такого снимка он не желает! По моему требованию фоторепортер вынул пленку из аппарата и передал ее Сталину, но тот отдал ее обратно, заметив при этом: он доверяет нам, что снимок опубликован не будет. Эпизод этот незначителен, но характерен для широкой натуры наших хозяев и той

---

* По воспоминаниям Молотова в записи Феликса Чуева, Риббентроп как специалист высоко оценил качество советского шампанского.

атмосферы, в которой закончился мой первый визит в Москву» (С. 143).

«Сталин совершенно как вы, мой фюрер, — сказал Риббентроп Гитлеру по возвращении. — Он очень мягок и совершенно не похож на диктатора»⁵³.

После подписания договора состоялся обмен мнениями по важнейшим проблемам мировой политики. Советская сторона записей, похоже, не вела. Во всяком случае, о них ничего не известно даже сейчас, когда общественности предъявлены подлинники секретных протоколов, поэтому я использую запись помощника Риббентропа Андора Хенке:

«1. Япония. Имперский Министр иностранных дел заявил, что германо-японская дружба ни в каком смысле не направлена против Советского Союза. Более того, мы в состоянии, имея хорошие отношения с Японией, внести действительный вклад в дело улаживания разногласий между Советским Союзом и Японией. Если господин Сталин и советское правительство желают этого, Имперский Министр иностранных дел готов действовать в этом направлении. Он соответствующим образом использует свое влияние на японское правительство и будет держать в курсе событий советских представителей в Берлине. Господин Сталин ответил, что советское правительство действительно желает улучшить свои отношения с Японией, но что есть предел его терпению в отношении японских провокаций*. Если Япония хочет войны, она может ее получить. Советский Союз не боится ее (войны) и готов к ней. Если Япония хочет мира — это намного лучше! Господин Сталин считает полезной помощь Германии в деле улучшения советско-японских отношений, но он не хочет, чтобы у японцев создалось впечатление, что инициатива этого исходит от Советского Союза. Имперский Министр иностранных дел согласился с этим и подчеркнул, что его содействие будет выражаться только в продолжении бесед, которые он уже вел на протяжении месяцев с японским послом в Берлине для улучшения советско-японских отношений...

2. Италия. Господин Сталин спросил Имперского Министра иностранных дел о целях Италии. Нет ли у Италии устремлений, выходящих за пределы аннексии Албании?.. Имперский Министр иностран-

---

* Налицо сходство с германскими заявлениями относительно «польских провокаций»!

ных дел ответил, что Албания важна для Италии по стратегическим причинам. Кроме того, Муссолини — сильный человек, которого нельзя запугать. Он продемонстрировал это во время абиссинского конфликта, когда Италия отстояла свои цели собственной силой против враждебной коалиции. Даже Германия в тот момент еще была не в состоянии оказать Италии ощутимую поддержку. Муссолини тепло приветствовал восстановление дружественных отношений между Германией и Советским Союзом. По поводу Пакта о ненападении он выразил свое удовлетворение.

3. Турция...

4. Англия. Господин Сталин и Молотов враждебно комментировали манеру поведения британской военной миссии в Москве... Имперский Министр иностранных дел заявил в связи с этим, что Англия всегда пыталась, и до сих пор пытается, подорвать развитие хороших отношений между Германией и Советским Союзом...

5. Франция. Господин Сталин выразил мнение, что Франция тем не менее располагает армией, достойной внимания. Имперский Министр иностранных дел, со своей стороны, указал господам Сталину и Молотову на численную неполноценность французской армии... Если Франция попытается восвать с Германией, она определенно будет побеждена*.

6. Антикоминтерновский пакт. Имперский Министр иностранных дел заметил, что Антикоминтерновский пакт был в общем-то направлен не против Советского Союза, а против западных демократий. Он знал и мог догадаться по тону русской прессы, что Советское Правительство осознает это полностью. Господин Сталин вставил, что Антикоминтерновский пакт испугал главным образом лондонский Сити и мелких английских торговцев. Имперский Министр иностранных дел шутливо заметил, что господин Сталин конечно же напуган Антикоминтерновским пактом меньше, чем лондонский Сити и мелкие английские торговцы. А то, что думают об этом немцы, явствует из пошедшей от берлишцев, хорошо известных своим остроумием, шутки, ходящей уже несколько месяцев, а именно: „Сталин еще присоединится к Антикоминтерновскому пакту“.

---

* Риббентроп вспоминал: «Другой вопрос, заданный мною Сталину, касался того, как совместить наш пакт с русско-французским договором 1936 г. (правильно 1935 г. — В. М.). На это Сталин лаконично ответил: „Русские интересы важнее всех других“» (С. 143).

7. Отношение немецкого народа к германо-русскому Пакту о ненападении. Имперский Министр иностранных дел заявил, что, как он мог констатировать, все слои германского народа, особенно простые люди, очень тепло приветствовали установление понимания с Советским Союзом. Народ инстинктивно чувствует, что естественным образом существующие интересы Германии и Советского Союза нигде не сталкиваются и что развитию хороших отношений ранее препятствовали только иностранные интриги, особенно со стороны Англии. Господин Сталин ответил, что он с готовностью верит в это. Немцы желают мира и поэтому приветствуют дружеские отношения между германским государством и Советским Союзом. Имперский Министр иностранных дел прервал его в этом месте и сказал, что германский народ, безусловно, хочет мира, но с другой стороны, возмущение Польшей так сильно, что все до единого готовы воевать. Германский народ не будет терпеть польских провокаций.

8. Тосты. В ходе беседы господин Сталин неожиданно предложил тост за Фюрера: „Я знаю, как сильно германская нация любит своего Вождя, и поэтому мне хочется выпить за его здоровье“... Господин Молотов поднял бокал за Сталина, отметив, что именно Сталин своей речью в марте этого года, которую в Германии правильно поняли, полностью изменил политические отношения*... Имперский Министр иностранных дел, в свою очередь, предложил тост за господина Сталина, за советское правительство и за благоприятное развитие отношений между Германией и Советским Союзом.

9. При прощании господин Сталин обратился к Имперскому Министру иностранных дел со следующими словами: „Советское правительство относится к Пакту очень серьезно. Он может дать свое честное слово, что Советский Союз никогда не предаст своего партнера“⁵⁴.

За подписанием договора последовала моментальная переориентация пропаганды в обеих странах, засвидетельствованная в тот же день передовицей «Правды» и заявлением Риббентропа агентству DNB перед вылетом из Москвы:

---

* Согласно послевоенным показаниям начальника правового департамента МИД Германии Гауса, Риббентроп сказал Сталину, что Гитлер интерпретировал его речь как аванс в сторону Германии. «Таково было намерение», — ответил советский вождь. Ни подтвердить, ни проверить это утверждение мы не можем.

«В прошлом Германия и Россия страдали, когда были врагами, и благоденствовали, когда были друзьями. Вчерашний день стал судьбоносным для обеих стран. Фюрер и Сталин сделали выбор в пользу дружбы. Пакт о ненападении, который г-н Молотов и я подписали вчера вечером, является прочной и незыблемой основой, на которой оба государства будут строить свое тесное сотрудничество. Наверно, это один из самых значительных поворотных моментов в истории двух народов. Германию и Россию попытались окружить, и из этого самого окружения выросло германо-русское взаимопонимание»⁵⁵.

«Никогда германские газеты не имели столько читателей, как в этот день, — вспоминал берлинский корреспондент ТАСС Иван Филиппов. — Газеты покупались нарасхват. Около киосков устанавливались очереди. Покупатели газет, не отходя от киоска, старались прочитать советско-германское коммюнике и рассказать о нем первому встречному»⁵⁶.

Договор нормализовал отношения естественных геополитических союзников, нарушенные в угоду идеологическим факторам. Недаром весной 1933-го бывший идеолог «сменовеховства» Николай Устрялов, наблюдавший за событиями в Европе из Харбина, писал: «База мирных и даже дружественных германо-советских отношений обусловлена вескими объективными факторами, экономическими и политическими. Не так легко эти факторы изменить и эту базу разрушить»⁵⁷.

«Пакт с Россией, — как будто вторил ему Риббентроп, — вне всякого сомнения, был исключительным успехом не только с реально-политической точки зрения, но и наверняка должен был найти одобрение у немецкого народа. Несмотря на многолетние идеологические схватки национал-социализма и большевизма, о значении дружественной для России германской политики забывать было нельзя» (С. 144).

Пакт стал первым реальным шагом к формированию континентального блока, триумфом Риббентропа и Хаусхофера, заявившего: «Никогда больше Германия и Россия не должны подвергаться опасности геополитические основы своих пространств из-за идеологических конфликтов»⁵⁸.

Сам Риббентроп позже определил свои надежды на договор с Москвой следующим образом:

«1. Постепенная ликвидация наипаснейшей конфликтной ситуации, которая могла угрожать миру в Европе, путем дипломатического

преодоления мировоззренческих противоречий между национал-социализмом и большевизмом.

2. Создание действительно дружественных германо-советских отношений на фундаменте германской внешней политики в духе Бисмарка.

3. Использование в тогдашней особой ситуации августа 1939 года всех возможностей дипломатического решения проблемы Данцига и коридора в духе предложений Адольфа Гитлера» (С. 144).

Впрочем, Сталин и Гитлер так и не поверили друг другу, хотя, по свидетельству кинорежиссера Лени Рифеншталь*, автора «Триумфа воли» и любимицы фюрера, последний, внимательно просматривая московскую хронику, пробормотал: «Он похож на человека, с которым можно иметь дело»⁵⁹.

В тот момент оба видели в договоре гарантию временной передышки, способ выиграть столь пужное им время и вполне откровенно говорили об этом в кругу приближенных. Каждый считал себя в барыше. Гитлер обеспечил Германии самый благожелательный нейтралитет СССР на время польской кампании и избежал англо-франко-советского «окружения», но не войны с первыми двумя державами, на что все-таки надеялся. Сталин получил возможность удовлетворить территориальные претензии к Польше, приблизившись к границам бывшей Российской империи, и нанести решающий удар по Японии на Халхин-Голе, точно зная, что ей никто не придет на помощь. Но оба были уверены, что в будущем им предстоит смертельная схватка хотя бы потому, что Гитлер так никогда и не отрешился ни от «древнего тевтонского продвижения на Восток», ни от идеологических предубеждений и атлантических иллюзий. Сталин тоже, как известно, не отказывался ни от идеи советского доминирования в Восточной Европе и на Черном море, ни от имевшихся у него территориальных притязаний, в какие бы идеологические одесжды они ни облакались.

Для Советского Союза пакт был важен сразу по многим причинам. Во-первых, избавив страну от угрозы немедленного участия в европейской войне, он дал ей почти два года передышки, «значи-

---

* В беседе с Д. Ирвингом в июле 1989 г. Это не единственный пример: Хевель поведал Шмидту, что Гитлер с восхищением смотрел кинохронику о Сталине, принимающем парад на Красной площади.

тельную свободу рук в Восточной Европе и более широкое пространство для маневра между воюющими группировками в собственных интересах»⁶⁰. Во-вторых, он оставил в изоляции Японию — на тот момент единственного действующего военного противника — и вызвал сильнейший кризис в ее руководстве (28 августа кабинет Хиранума ушел в отставку в связи со «сложной и запутанной ситуацией» в Европе). В-третьих, пакт вывел СССР из состояния международной изоляции, в которой он находился со времени Мюнхенской конференции. В конце 1938-го Муссолини заявил: «То, что произошло в Мюнхене, означает конец большевизма в Европе, конец всего политического влияния России на нашем континенте»⁶¹. Теперь московские остряки, еще осмеливавшиеся острить, с полным правом говорили: «Спасибо Яше Риббентропу, что он открыл окно в Европу»⁶².

Покер с большими ставками (1939)

Нормализация отношений с СССР была для Гитлера необходимым условием решения проблемы Данцига и польского коридора с помощью силы, коль скоро уговоры не подействовали. Проблема возникла не вчера — ее породил Версальский договор. Ни один веймарский канцлер или министр иностранных дел не признавал восточные границы рейха окончательными и не считал полезным для Германии существование сильной и независимой Польши, пусть даже непосредственно не входящей во французскую систему «альянсов» — этому мешали территориальные претензии Варшавы к Праге¹. Исключением оказался именно Гитлер, который, по словам польского историка С. Дембски, «хотя и не отказывался от притязаний в отношении Польши, но, в противоположность своим предшественникам, не отвергал возможности решения германско-польских проблем путем переговоров, а не с помощью вооруженного конфликта. Он не стремился к безусловному уничтожению Польши и по этой причине считался в Варшаве умеренным и рассудительным политиком. Фюрер первоначально отводил Польше роль „форпоста“, „бастиона цивилизации на Востоке“, предохраняющего Германию прежде всего от большевистской опасности, но косвенным образом также и от потенциальных попыток давления со стороны Франции. В дальнейшей перспективе

Гитлер рассчитывал на более тесные отношения с Варшавой и на подчинение ее немецким интересам на международной арене»². Именно по его инициативе 26 января 1934 года было заключено польско-германское соглашение о дружбе и ненападении.

Однако вернемся в 1938 год. 31 марта Риббентроп впервые после назначения обстоятельно беседовал с польским послом Юзефом Липским. Посол отметил «положительное и почти дружеское отношение» к Польше собеседника, который признал, что пока несведущ в данном вопросе. В заключение рейхсминистр «не официально, а единственно учитывая наши дружеские отношения... затронул не выходящую у него из головы идею широкого антикоммунистического сотрудничества... <и> спросил, как отнеслась бы к такому сотрудничеству Польша. Оговорившись, что я (Липский. — В. М.) тоже говорю совершенно частным образом, я подчеркнул прежде всего то, что мы всячески боремся против коммунизма внутри польского государства... У нас есть секретное соглашение по этому вопросу с органами германской безопасности, хорошо функционирующее... Тем не менее, если речь идет о манифестациях за пределами Польши, мы должны считаться с особенностью нашего положения, а именно с нашим непосредственным соседством с Советской Россией».

«О возможном приглашении Польши вступить в антикоминтерновский пакт я не говорил, — записал рейхсминистр, добавив: — Г-н Липский также не сомневается в необходимости сотрудничества и дальнейшего укрепления контактов в этом вопросе»³.

10 сентября Риббентроп сообщил послу о желании встретиться с министром иностранных дел полковником Юзефом Бекон — протеже Пилсудского. В ходе «судетского кризиса» Липский общался в основном с Герингом и только в конце сентября встретился с нашим героем, который заявил о поддержке польских претензий к Чехословакии и официально предложил Варшаве подумать о присоединении к Антикоминтерновскому пакту⁴.

Следует обратить особое внимание на тогдашнее поведение Польши. Стремясь представить ее исключительно жертвой гитлеровской агрессии, послевоенная официальная историография как победителей, так и побежденных старательно затушевывала характер внешней политики Варшавы в межвоенные десятилетия. Наспех скроенная версальскими «картографами» из осколков трех рухнувших империй — Романовых, Гогенцоллернов и Габсбургов, Польша не была

однородным по своему составу государством. Титульная нация сразу же принялась угнетать другие — немцев, украинцев, белорусов, евреев, несмотря на заключенный 28 июня 1919 года договор с Антантой, который гарантировал равные права и возможности всем гражданам, включая «национальные, религиозные и языковые меньшинства». Зыбкость границ и слабость соседей побудили Пилсудского и его окружение расширить отведенные им пределы: Польша воевала с Советской Россией, Украиной, Белоруссией и Литвой (конфликт стал хроническим) и, вопреки итогам контролировавшегося «союзниками» плебисцита (статьи 88—91 Версальского договора), захватила германские земли в Верхней Силезии. Неудача постигла ее только в богатой углем Тешинской области, которую Чехословакия смогла отстоять, но отношения между Варшавой и Прагой оказались безнадежно испорченными. Польша не ратифицировала Сен-Жерменский и Трианонский договоры, поддерживала «ревизионистские» претензии Венгрии и не пошла на сотрудничество с созданной французами Малой Антантой (Чехословакия, Румыния, Югославия).

В 1990 году Эдуард Лимонов — в ту пору беллетрист и французский гражданин, писал в «Известиях»: «Я ничего не имею против поляков. Они храбрые солдаты, нация талантливая и сильная... Но пусть они перестанут истолковывать историю в свою пользу. Признают свой второсортный фашизм 1918—1939 гг. И не гордятся своей несуществующей невинностью вместе с другими восточноевропейскими якобы жертвами. Да, они жертвы Истории, но они же и ее агрессоры. (Так же, как и Советский Союз.) Они жертвы не только Германии или СССР, как им удобно думать, но в очень большой степени жертвы своих собственных страстей и appetitов»⁵.

Пилсудский не раз заявлял, что Австрия и Чехословакия в «версальских» границах нежизнеспособны и вопрос лишь в том, какая страна погибнет первой: «Искусственно и уродливо созданная Чехословацкая республика не только не является основой европейского равновесия, наоборот, является его слабым звеном»⁶.

В сентябре 1938-го Бек изложил Липскому официальную позицию Варшавы: «Чехо-Словацкую республику мы считаем образованием искусственным, удовлетворяющим некоторым доктринам и комбинациям, но не отвечающим действительным потребностям и здравым правам народов Центральной Европы»⁷.

История склонна повторяться, поэтому крах Польши стал аналогом краха Чехословакии, а трагедия населявших ее народов — аналогом трагедии соседей. Роковую роль в гибели обеих стран сыграл общий «родитель» — Версальский договор, «версальское» мышление, объединявшее Масарика и Пилсудского, Бенеша и Бека. Как заметил британский историк Алан Тэйлор, руководство Польши «забыло, что получило независимость в 1918 году только потому, что и Россия, и Германия потерпели поражение»⁸.

«Польша не может быть сохранена Западом, — писал в 1940 году Хаусхофер, — наперекор двум наиболее многочисленным народам Европы, коль скоро она проводила безумную самоубийственную политику между Востоком и Западом, а внутренний разлад вместо миролюбивого единства заполнил ее пространство»⁹.

Крах Польши и Чехословакии был вызван как внешними, так и внутренними причинами, и прежде всего национальными проблемами, которые ни одна из «титulyных наций» всерьез не пыталась решить. Бек назвал режим Масарика — Бенеша «классическим полицейским государством», добавив, что Прага всегда была центром антипольской коминтерновской пропаганды¹⁰.

В апреле 1938-го заместитель наркома иностранных дел Б. С. Стомняков информировал полпреда в Китае И. Т. Луганца-Орельского: «Ни одна страна в Европе не имеет в настоящее время такого неустойчивого внутреннего положения, как Польша. В этой ситуации вовлечение Польши в военные авантюры могло бы привести к революционным восстаниям и развалу этого государства»¹¹.

Однако «пилсудчики» продолжали жить представлениями времен «чуда на Висле» 1920 года. В сентябре 1934-го они объявили, что более не считают себя связанными договором 1919 года о правах меньшинств и не будут сотрудничать в этом вопросе с Лигой Наций, ибо это несовместимо с суверенитетом и национальной гордостью Польши¹². Тон и формулировки, замечу, совершенно гитлеровские.

«Польские властители не только высокомерны, они еще смешно самовлюбленны, — подметил в 1920 году публицист Евгений Лундберг. — Польские феодалы всегда были и остались до сего дня людьми без создающих эпоху задач, без стремлений, без исторического чутья... политическими авантюристами в самом дурном значении этого слова»¹³.

События показали, что он не слишком ошибся...

19 сентября 1938 года Лондон и Париж посоветовали Чехословакии передать рейху те районы, в которых немецкое население составляло более половины. Через два дня Варшава заявила претензии на Тешин, призвав разрешить обе проблемы одновременно. Ее требования шли параллельно с германскими, но с небольшим зазором во времени: сначала речь шла о равноправии, потом об автономии и, наконец, о передаче территорий. Логика Бека была незамысловата: «Если пражское правительство решило сделать уступки другим странам, наши интересы должны быть удовлетворены таким же образом».

Ни Англия, ни Франция принципиальных возражений не выдвинули, и 25 сентября Праге пришлось согласиться.

26 сентября польскому президенту Мосьцицкому было вручено «сверхсрочное» послание президента Чехословакии Бснеша, датированное 22 сентября, в котором выражалась готовность к нормализации отношений, но не более того. 27 сентября Варшава потребовала исправления границ¹⁴. Польским амбициям едва не помешал СССР, который, как союзник Праги, 23 сентября пригрозил денонсацией советско-польского пакта о ненападении от 1932 года, но Бека и Рыдз-Смиглы это не испугало. Заручившись нейтралитетом западных держав, но не добившись вынесения вопроса на Мюнхенскую конференцию, Варшава поздно вечером 30 сентября предъявила чехам ультиматум. 1–2 октября поляки заняли Тешин. Торжествующий Бек выступил по радио, но реакция других держав была не столь благостной. Даже ревнитель традиций советской историографии В. Я. Сиполс признал, что «за свои агрессивные действия в период Мюнхена Польша заслужила на международной арене самую дурную славу»¹⁵.

«Судетская» и «тешинская» проблемы были решены. 24 октября Риббентроп предложил Липскому обсудить весь комплекс двусторонних отношений и сделал ряд предложений, обозначив их как свои личные, хотя на самом деле они исходили от Гитлера:

«1. Вольный город Данциг возвращается в Германский рейх.

2. Через „коридор“ прокладываются экстерриториальная автострада и экстерриториальная многоколейная железная дорога, принадлежащие Германии*.

---

* Для этого Германия просила выделить ей участок земли шириной $\frac{3}{8}$ мили и длиной 53 мили; при пересечении с существующими транспортными артериями предлагалось построить подземные туннели или надземные эстакады.

3. Польша тоже получает в Данцигской области экстерриториальную автостраду, железную дорогу и свободный порт.

4. Польша получает гарантию сбыта своих товаров в Данцигской области.

5. Обе страны признают свои общие границы; при необходимости можно договориться о гарантии территорий.

6. Германско-польский договор пролонгируется с 10 до 25 лет.

7. Польша присоединяется к Антикоминтерновскому пакту.

8. Обе страны включают в договор пункт о взаимных консультациях».

Липский сказал, что должен сообщить обо всем министру, но сразу же заметил, что Данциг, в отличие от Саара, нельзя считать продуктом версальской системы. Риббентроп попросил посла не торопиться с ответом и оповестить о выдвинутых предложениях только Бека, причем устно. Однако Липский направил в Варшаву письменный доклад, содержание которого уже на следующий день было известно и чешскому, и британскому посланникам¹⁶.

Разговор продемонстрировал намерения Германии решить накопившиеся проблемы путем переговоров. 19 ноября Липский зачитал рейхсминистру ответ Бека: «удивившись» выдвинутым требованиям, он дал понять, что о возвращении Данцига в рейх де-юре не может быть и речи, ибо этого не допустит «общественное мнение» (с которым, кстати, «пилсудчики» считались не больше, чем Гитлер и Сталин). Облеченный в цветистые фразы о дружбе отказ сопровождался предложением заключить двустороннее соглашение, гарантирующее и «свободу национальной и культурной жизни германского большинства» населения Данцига, и польские экономические интересы. Вопросы об экстерриториальной автострате и железной дороге Бек проигнорировал, поэтому Риббентропу пришлось напомнить о них¹⁷.

«Удивлению» польского министра верить не стоит: Данциг всегда оставался болезненным вопросом. Польша была недовольна статутом «вольного города», который, по ее мнению, предоставлял ей слишком мало прав и не содержал механизма их защиты, а позицию генеральных комиссаров Лиги Наций неизменно расценивала как враждебную по отношению к себе. Следует добавить, что нацисты, весной 1933 года демократическим путем получившие большинство в данцигском сенате, заняли умеренную позицию в соответствии с генеральной линией Берлина.

Осенью 1938-го польские правители не были заинтересованы в открытой конфронтации с рейхом, понимая, что только там могут получить поддержку своим экспансионистским планам в отношении Тешина и Карпатской Украины, которую мечтали превратить в «Великую Украину» с выходом к Черному морю под своим контролем. Гитлер и Риббентроп, тоже не упускавшие «украинский вопрос» из вида, считали такую перспективу малореальной, но на словах поддерживали стремления «пилсудчиков», в которых начали проявляться черты мании величия: Польша потребовала... колоний в Африке, ссылаясь на то, что она — великая держава (сам Пилсудский этого термина избегал, понимая, что статус великой державы связан не только с правами, но и с обязанностями).

Твердая позиция рейха вызвала недовольство Бека. 7 декабря он жаловался своему заместителю Шембеку на тупик в двусторонних отношениях, приписав его дурному влиянию Риббентропа, которого называл новичком в дипломатии, снобом и реакционером¹⁸.

Справедливости ради замечу, что в дипломатических кругах Европы министр-полковник, некогда высланный из Парижа (где был военным атташе) за попытку купить секретные документы и известный пристрастием к алкоголю и «дамам полусвета», был столь же непопулярен, как и «торговец шампанским». Тем не менее занимавший свой пост с конца 1932 года Бек был старейшим по сроку службы европейским министром иностранных дел после Литвинова, влияние которого уже упало до нуля. Кроме того, он зависел от преемника Пилсудского — маршала Рыдз-Смиглы (не говоря о декоративных фигурах президента и премьера) гораздо меньше, чем Риббентроп от Гитлера*. Исходя из этого, с ним приходилось считаться.

8 декабря Бек предписал Липскому пригласить Риббентропа в Варшаву для детального разговора и дать ему понять, что компромисс возможен. Посол счел это чрезмерной уступкой и отказался выполнять указания шефа¹⁹. Трения удалось ликвидировать только к 15 декабря, когда состоялась новая встреча. Рейхсминистр принял приглашение, добавил, что сам был бы рад видеть коллегу в Германии, но призвал поляков занять конструктивную позицию, чтобы визит

---

* Вопрос из области альтернативной истории: смог бы Риббентроп сохранить свое положение в случае смерти Гитлера, скажем, в начале 1939 г., как Бек после смерти Пилсудского, с учетом допустимой аналогии между Герингом и Рыдз-Смиглы?

дал конкретные результаты, иначе ехать не стоит. Он также сообщил о намерении вернуть Мемель и поднял вопрос о положении немцев, оказавшихся в Польше после войны: в соответствии с политикой «дегерманизации» они подвергались постоянным преследованиям, несмотря на двустороннюю декларацию о правах меньшинств от 5 ноября 1937 года, которую поляки подписали с явной неохотой²⁰. Нейрат в бытность главой Вильгельмштрассе занимал в отношении восточного соседа жесткую позицию, в чем его поддерживал посол в Варшаве Ганс Адольф фон Мольтке; Риббентроп же надеялся на компромисс.

Тогда Бек сделал «ход конем» и 20 декабря известил Мольтке о том, что хотел бы встретиться с фюрером в первой декаде января будущего года на обратном пути из Монте-Карло, где намеревался провести новогодние каникулы²¹.

Встреча состоялась 5 января в Берхтесгадене. Фюрер заявил, что «при всех обстоятельствах Германия будет заинтересована в сохранении сильной национальной Польши, совершенно независимо от положения дел в России», что «с чисто военной точки зрения наличие сильной польской армии снимает с Германии значительное бремя» (оборона от СССР), что «Германия не имеет никаких интересов по ту сторону Карпат». Подробно рассказав о своей позиции во время судетского кризиса и Венского арбитража (и Гитлер, и Риббентроп любили подобные изложения), он разъяснил, что «в позиции Германии по отношению к Польше с 1934 года ничего не изменилось», и повторил уже известные предложения насчет Данцига, который «рано или поздно отойдет к Германии», и коридора, отметив, что признает связь Польши с морем «абсолютно необходимой». На этих условиях фюрер гарантировал германско-польскую границу, включая Верхнюю Силезию, хотя его предшественники ничего подобного не предлагали. Наконец, он выразил готовность помочь соседям в решении «еврейского вопроса»: политика Варшавы была такова, что польские евреи тысячами пытались эмигрировать в... Германию, незаконно пересекая границу. Бек поощрял эмиграцию евреев из Польши, но ни одна страна не хотела их принимать²².

Польский министр ответил, что его страна «никогда не согласится быть зависимой от России и будет продолжать линию независимой политики» и «принял к сведению» слова Гитлера, ограничившись замечанием, что «данцигский вопрос представляется ему чрезвычайно слож-

ным». Днем позже он встретился с Риббентроном, который попытался получить от него хоть какой-то ответ. Бек был уклончив, прямо отвергнув только предложение присоединиться к Антикоминтерновскому пакту. Относительно дискриминации немцев, которая началась и в только что оккупированном Тешине, министр сообщил, что «уделял уже серьезное внимание этому вопросу и со своей стороны предпринимает все, чтобы направить ход событий в более спокойное русло»²³.

Бек вернулся из Германии взбешенным и стал срочно искать улучшения отношений с Англией и Францией. В декабре польские дипломаты напряженно следили за поездкой Риббентропа в Париж, прикидывая, насколько она может усилить позицию Германии, и ловя слухи о якобы крайне холодном приеме, оказанном нашему герою²⁴. Тем не менее разногласия решили не афишировать хотя бы до визита Риббентропа в Варшаву, намеченного на конец января. Перед отъездом Вайцеккер составил для шефа документ, обозначив в нем пять тем, о которых следовало помнить: Данциг, отношение польской прессы к Германии, положение немецкого населения, Украина и польско-советские отношения. Дальнейший разговор о Мемеле и эмиграции евреев при этом не предполагался²⁵.

Визит 25–26 января, приуроченный к пятилетию соглашения 1934 года, был обставлен с большой торжественностью, включая прием у президента Мосьцицкого и маршала Рыдз-Смиглы, однако свидетели говорят о недовольстве и разочаровании гостя. Он предлагал союз или хотя бы «джентльменское соглашение» с учетом германских требований, но ничего не добился. Бек общал «подумать», снова сетуя на «общественное мнение», но ответил категорическим отказом на предложения, касавшиеся не только Антикоминтерновского пакта, но и экстерриториальной автострады, предостерегая гостя от излишнего оптимизма. Рыдз-Смиглы дал понять, что считает Германию таким же врагом, как и СССР. Польские лидеры были довольны, что продемонстрировали твердость, заявляя, что они — «не чехи»²⁶.

Сопровождавшая мужа в Варшаву фрау Аннелиз вспоминала: «На обратном пути он впервые сказал своим сотрудникам: „Теперь нам, если мы не хотим оказаться в полной изоляции, остается только один выход: договориться с Россией“» (С. 125). Но и на сей раз официальные сообщения ограничились указанием, что визит «закрепил желание обеих сторон сохранять добрососедские отношения на базе соглашения 1934 года», впрочем, не выходя за его рамки²⁷.

30 января Гитлер произнес в рейхстаге большую речь, где с уважением отозвался о Пилсудском и заявил о приверженности соглашению 1934 года. Липский составил о ней подробный отчет, но Бек никак не отреагировал, объявив 26 февраля о том, что в конце марта он отправится с визитом в Англию. Угадать цель вояжа никакого труда не представляло: полковник счал нормализовывать отношения, ухудшившиеся после аннексии Тешина, и искать поддержки против Германии. В те же дни польская пресса вдруг вспомнила о важности союзнических отношений с Францией²⁸.

Окончательное поглощение Чехо-Словакии рейхом не вызвало протестов со стороны Варшавы (Геринг заверил Липского в том, что польские интересы в Словакии будут учтены), но слухи об ультиматуме Румынии встревожили ее. Начался, по выражению Вайцзеккера, «покер с большими ставками».

19 марта Галифакс предложил Франции, СССР и Польше выступить с декларацией о том, что «названные державы заинтересованы в сохранении целостности и независимости государств на востоке и юго-востоке Европы». 21 марта британский посол Уильям Сидс вручил Литвинову проект заявления с обязательством «совещаться о тех шагах, которые должны быть предприняты для общего сопротивления» «любым действиям, составляющим угрозу политической независимости любого европейского государства»²⁹. В тот же день Риббентроп проинформировал Липского о последних шагах Берлина, извинившись, что делает это с опозданием, выразил недовольство тоном польской прессы и антинемецкими выступлениями, а также напомнил о роли Германии в создании польского государства. Затем он повторил прежние предложения и пригласил Бека в Берлин, но теперь за такими приглашениями лидерам малых стран мерещился призрак несчастного президента Гахи³⁰.

22 марта Литвинов сообщил, что СССР присоединится к декларации вслед за Францией и Польшей, и «для придания особой торжественности» предложил подписать ее главам правительств и внешнеполитических ведомств³¹, дабы получился своего рода анти-Мюнхен. 23–24 марта польское руководство решило заявление не подписывать («Если Англия дальше декларации не пойдет, то Польша может остаться с глазу на глаз с Германией», — сказал Литвинову посол Гжибовский) и обозначило пределы возможных уступок, заявив о решимости защищать свои границы. Рыдз-Смиглы отдал приказ о частичной мобилизации

и усилении военного присутствия в «коридоре», что было встречено британским послом сэром Говардом Кеннардом с большим одобрением, чем многими польскими генералами. Доклад приславшего из Берлина Липского был воспринят как пораженческий, и 25 марта Бек вручил ему «решительные» инструкции³². 26 марта посол передал рейхсминистру ответ, сопровождавшийся угрозой войны в случае посягательств на Данциг, но повторивший предложения о двустороннем соглашении и «облегчении» транзита через коридор.

Понимая, что все его усилия пошли прахом, Риббентроп выразил «удивление» мобилизацией и пояснил, что Берлин рассматривает польские посягательства на Данциг как *casus belli**. Докладывая Гитлеру, он сделал вывод о том, что пока военные приготовления Польши носят оборонительный характер и что Варшава может пойти на компромисс, а потому посоветовал отклонить ее предложения и начать контркампанию в прессе³³. На следующий день рейхсминистр вызвал Липского, вручил ему протест против очередных антигерманских акций и заявил, что «больше не знает, как относиться к позиции польского правительства»³⁴. 28 марта Бек сообщил Мольтке, что будет считать *casus belli* любую попытку изменения статуса Данцига, в том числе через постановление контролируемого нацистами сената «вольного города»³⁵.

Что стояло за решимостью Бека и Рыдз-Смиглы? Уверенность в том, что польская кавалерия за трое суток дойдет до Берлина? Расчет на союз с Францией? Волна германофобских демонстраций, прокатившихся (едва ли спонтанно) по всей стране? Риббентроп утверждал: Польша к тому времени уже заручилась поддержкой Парижа и Лондона — и ссылаясь на письмо** ее посла в Англии Эдварда Рачиньского от 29 марта о возможности сближения двух стран, однако этот осторожно составленный документ не дает оснований для категоричных выводов³⁶.

23 марта Чемберлен признал ведение правительством консультаций по вопросам безопасности в Европе, но не раскрыл их содержание. Лишь 29 марта, когда стало ясно, что декларации четырех держав не будет, британский кабинет принял решение о гарантиях Польше. 31 марта премьер заявил в палате общин, что «в случае любой акции, которая

* Основание для объявления войны.

** После захвата Варшавы осенью 1939 г. оно попало в руки немцев.

будет явно угрожать независимости Польши и которой польское правительство соответственно сочтет необходимым оказать сопротивление своими национальными вооруженными силами, правительство Его Величества считает себя обязанным немедленно оказать польскому правительству всю поддержку, которая в его силах. Оно дало польскому правительству заверение в этом»³⁷.

На выходе из парламента Кадоган встретил довольного Рачиньского, но радовались только в Варшаве. Ллойд Джордж заявил, что без участия СССР это чистой воды авантюра, поскольку в военном отношении Польша ничего из себя не представляет. Париж присоединился к гарантиям, хотя и там не было единства мнений. «Британское правительство бежало так быстро, что промчалось мимо своей станции», — заметил Кулондр.

«Как в Лондоне могли вообразить, что этим они служат делу мира?» — риторически вопрошал Вайцзеккер³⁸. Германия получила доказательства того, что ее «окружают», и решила пресечь появление новых врагов. Циркуляр Риббентропа главам германских миссий за рубежом от 12 апреля предписывал воздерживаться от каких-либо демаршей, но указывал, что участие других стран в подобных комбинациях будет рассматриваться как враждебное рейху и получит достойный ответ в духе речи Гитлера в Вильгельмсхафене 1 апреля, которую рскомсеновалось воспринять всерьез: фюрер предупредил, что второй раз «окружить» Германию не получится³⁹.

1 апреля Бек провел совещание, на котором рассматривались варианты развития конфликта вокруг Данцига. Днем позже он отправился в Лондон на поезде и без четверти девять вечера сделал остановку в Берлине. По распоряжению Риббентропа шеф протокола МИД засвидетельствовал ему почтение и спросил, нет ли у господина министра каких-нибудь пожеланий. Тот поблагодарил за внимание и сказал, что ему ничего не нужно⁴⁰. Возможно, полковник был недоволен отсутствием на вокзале самого рейхсминистра, но ехал-то он не к нему...

В Лондоне, где он пробыл три дня, Бек выразил признательность за гарантии, заявил, что Варшава как равноправный партнер (больной для поляков вопрос!) поддержит Англию в случае немецкого нападения, разъяснил причины нежелания связывать себя обязательствами с СССР, однако насторожился, когда Галифакс и Чемберлен предложили распространить военный союз против рейха на всю сферу британских интересов в Европе. Итогом переговоров стало коммюнике

о том, что «оба правительства полностью согласны относительно некоторых общих принципов», что гарантии будут заменены «постоянным соглашением», но и оно «не будет направлено против какой-либо другой страны»⁴¹.

Несмотря на заверения Липского о том, что ничего не изменилось, у Берлина не возникало сомнений в истинном значении визита. 3 апреля Гитлер приказал планировать наступательную кампанию против Польши. 11 апреля план «Вайс» был уже готов.

Неясным оставалось одно: как именно Англия и Франция собирались помочь Польше в случае нападения на нее. В примечаниях к мемуарам мужа фрау Аннелиз привела слова Бека, сказанные им Лавалю в январе 1935-го: «История научила нас: первое — что величайшая катастрофа, жертвой которой стала наша нация, была результатом совместной акции этих двух стран (Германии и России), и второе — что в этой отчаянной ситуации во всем мире не нашлось ни одной державы, которая оказала бы нам поддержку» (С. 126)⁴².

15 апреля Рузвельт призвал Гитлера и Муссолини дать гарантии тридцати одному европейскому (включая Лихтенштейн) и ближневосточному государству в том, что они не посягают на их территории. Риббентроп обратился к перечисленным странам, кроме Англии, Франции, СССР и Польши, с официальным запросом, чувствуют ли они германскую угрозу и уполномочили ли они Рузвельта выступать с подобным обращением. Разумеется, все ответили отрицательно, и Гитлер в речи 28 апреля высмеял демарш президента⁴³.

16 апреля глава румынского МИД Григорс Гафенку выехал в турне по европейским столицам. В Кракове к его поезду был прицеплен вагон Бека. Министры провели за разговорами всю ночь, пока не прибыли на германскую границу. Гость нашел польского коллегу склонным «преувеличивать возможности своей политики и силы, на поддержку которых он рассчитывал». Посетовав, что Берлин не оценил его дружественный курс, Бек заявил: «Англичане — мои друзья, Данциг в безопасности, я прочно стою на ногах... Я хочу, чтобы в Берлине это знали, равно как и то, что я не изменил своей политике и не отказался ни от одного из своих принципов».

Возможность компромисса оставалась, и Гафенку понял, что полковник рассчитывает на него: «он (Бек. — В. М.) только что начал рискованнейшую игру, от исхода которой зависели целостность его страны, его честь как министра и мир во всем мире»⁴⁴.

18 апреля Риббентроп торжественно встречал Гафенку в Берлине. Их беседа свелась к многословному изложению хозяином, державшимся подчеркнуто дружески, своих позиций, а главный разговор с Гитлером состоялся днем позже. К удивлению гостя, рейхсканцлер «был настроен слушать. Я знал, что такую возможность надо использовать как можно скорее. Если фюрер начал говорить, прервать его было невозможно». Но как только Гафенку заявил о том, что компромисс с Беком возможен, Гитлер уже не давал ему вставить слово.

«Ошибкой г-на Бека, — вещал он, — был поворот в сторону Лондона. Я никогда не пойму перемену в позиции Польши. Эта перемена может оказаться роковой. Аргументы Бека не имеют никакой ценности. Англо-польский союз вопиюще противоречит соглашению, которое я заключил с маршалом Пилсудским... Г-н Бек объединился с западными державами. Он сам решил свою судьбу».

Размышляя над услышанным, Гафенку старался отделить важное от неважного, угрозы — от предостережений. Гитлер и Риббентроп произвели на него неплохое впечатление (он отметил доброжелательность обоих к Румынии), но министр чувствовал, что их, особенно первого, несет необоримая воля, «рок событий», чему способствовало и упрямство Бека. Об этом он рассказал в Лондоне, куда проследовал далее. Чемберлен назвал Гитлера «лжецом», но в протоколы это конечно же не попало⁴⁵.

25–26 апреля Гитлер и Риббентроп принимали югославского министра иностранных дел Цинцар-Марковича. Они решили задобрить Белград крупным кредитом, но от присоединения к Антикоминтерновскому пакту гость отказался, сославшись на «сентиментальные чувства югославского народа к русскому народу»⁴⁶.

Премьер и министр иностранных дел Венгрии 29 апреля и 1 мая подверглись более решительной обработке: им было прямо заявлено, что Германия заинтересована в Юго-Восточной Европе и лучше идти с ней рука об руку, нежели враждовать⁴⁷. Гости возражать не стали, особенно после того, как 28 апреля Гитлер объявил в рейхстаге о разрыве соглашения 1934 года с Польшей и морского соглашения 1935 года с Англией, о чем Варшава и Лондон были уведомлены особыми нотами. Аргументов хватало — британские гарантии и визит Бека говорили сами за себя. Фюрер дал понять, что готов к нормализации отношений с обеими странами, но на своих условиях; 2 мая Риббентроп разъяснил сказанное Гендерсону⁴⁸.

4 мая французский политик Марсель Дэа опубликовал нашумевшую статью «Умирать за Данциг?», ответив на вопрос решительным «нет» — от имени соотечественников, которым это грозило в силу франко-польского альянса 1921 года. 18 мая главнокомандующий Морис Гамелен дополнил этот альянс новой военной конвенцией, не потрудившись предварительно поставить в известность Кэ д'Орсэ, хотя по ней Франция обязалась прийти на помощь Польше в случае любой атаки на Данциг^{*49}.

5 мая Бек в присутствии министров и большинства послов произнес в сейме решительную речь, квалифицировав англо-польскую декларацию от 6 апреля как «прямое соглашение, основанное на принципе взаимной помощи в случае прямой или косвенной угрозы независимости одной из наших стран». Звучали знакомые аргументы: Данциг обязан своим процветанием Польше, Польша не уйдет с берегов Балтики, не допустит ущемления своего престижа и суверенитета, честь — превыше всего. Берлин и Варшава говорили на одном языке — языке амбиций и требований, не допускавших дальнейших уступок. В тот же день нота МИД перевела речь полковника на дипломатический язык⁵⁰. Переговоры по глобальным вопросам замерли, ибо говорить стало больше не о чем.

Заговорили газеты: фюрер велел начать полномасштабную анти-польскую кампанию. Данциг и «коридор» отошли на второй план перед угнетением германского меньшинства, прежде всего в Силезии.

«Под девизом „Польша — второе мозаичное государство“, — говорил в начале мая Клейст, советник нашего героя по польским делам, — следует заклеить роковую политику террора, осуществляемую Польшей в национальном вопросе; под девизом „Польша — государство реакции и упадка“ будут показаны нищета польских крестьян, культурная отсталость страны, феодальный способ ведения хозяйства, ведущий к упадку, и голодное прозябание польского населения; под девизом „Паразиты у власти“ будет показано разложение господствующей в Польше верхушки, продажность польских руководителей, их декадентство и классовая оторванность от широких масс... Цель этой кампании — воздействовать на мировую общественность и польское население».

---

* После поражения Франции и особенно по окончании войны это стало темой ожесточенной полемики между Бонне и Гамеленом.

Полтора месяца спустя он продолжал:

«Подобное дезавуирование режима „пилсудчиков“ перед общественностью собственной страны является отличным внутривнутриполитическим диверсионным актом, который, возможно, повлечет за собой свержение польского правительства и внутренние беспорядки в Польше, эффективно дополнив тем самым удар германских вооруженных сил, который будет нанесен одновременно. Этот план недавно развил передо мной Риббентроп, и я (Клейст. — В. М.) счел его вполне осуществимым»⁵¹.

Информация ушла в Москву, где ею воспользовались в полной мере осенью того же года, во время вступления Красной армии в Польшу.

Подписав договоры о ненападении с Данией (31 мая), Эстонией и Латвией (оба — 7 июня) и не слишком продуктивно побеседовав с генеральным комиссаром Лиги Наций в Данциге Карлом Буркхардтом (1 июня), Риббентроп удалился в Фушль, поближе к фюреру, предоставив Вайцзеккеру общаться с Гендерсоном и Кулондром. Те, кто хотел видеть рейхсминистра или кого он хотел видеть, приезжали в Зальцбург. Одним из первых визитеров оказался вызванный из Лондона Гессе, чей доклад от 23 июня* о возможности компромисса с Англией заинтересовал рейхсминистра. В столице туманного Альбиона посол Дирксен и советник Теодор Кордт пытались договориться с англичанами о предотвращении конфликта с рейхом и даже подбрасывали им стратегически важную информацию (16 июня Эрих Кордт, брат Теодора, сообщил о советско-германских переговорах).

Сэр Хорас Вильсон, «серый кардинал» администрации Чемберлена, слушал и докладывал премьеру — этим будут козырять советские пропагандисты после того, как в конце войны в их руки попадет архив Дирксена. Тот факт, что все державы вели многосторонние переговоры, с началом войны стал поводом для взаимных обвинений в двуличии и нежелании сотрудничать на благо мира. Но едва ли эти обвинения можно считать искренними, поскольку каждая из сторон стремилась заручиться поддержкой потенциальных союзников, а многие — еще и не увеличить число потенциальных противников.

---

* В этот же день британское правительство ответило на ноту от 27 апреля о денонсации морского соглашения 1935 г.: обвинения в «окружении» Германии полностью отвергались.

Гессе привез в Зальцбург предложения Вильсона: оборонительный союз на двадцать пять лет, постепенное возвращение Германии бывших колоний, раздел сфер экономического влияния, участие во внешнеторговых соглашениях Британского Содружества, открытие лондонского финансового рынка для германских займов. Главным и категорическим условием был отказ Гитлера от наступательных акций в Европе, прежде всего направленных против Польши.

Вильсон пояснил, что за этими предложениями стоит Чемберлен. Пораженный Гессе сказал, что на месте фюрера он бы немедленно принял их. Риббентроп по достоинству оценил услышанное, но предупредил Гессе, что надежд мало: осенью 1938-го в Мюнхене Гитлер убедился в слабости Англии и теперь не хочет слышать о компромиссе с ней, каким бы выгодным он ни казался. Худшие опасения рейхсминистра оправдались, о чем он с горечью сообщил Гессе после очередного разговора с фюрером: тот поначалу обрадовался, но потом заявил, что это ловушка и он в нее не попадет.

Гессе, выжидавший неделю за неделей в Зальцбурге, уверенно заявил шефу, что англичане будут «воевать за Данциг», и попросил довести это до сведения фюрера. Риббентроп предпринял несколько попыток, но Гитлер не поверил все равно.

«К несчастью, он не расположен обсуждать предложения Чемберлена, — сетовал наш герой. — У него совершенно другие намерения. Предложение не отвергнуто. Мы вернемся к нему, когда придет время, но сейчас я не могу дать вам ответ. Мой самолет — в вашем распоряжении, возвращайтесь в Лондон сегодня же. Проследите, чтобы ваше возвращение не вызвало никаких комментариев. Держите ухо востро. Фюрер затеял очень опасную игру, и я не знаю, преуспееет он в ней или нет. Во всяком случае, мы не хотим войны с Англией. Дайте знать, когда опасность станет реальной, тогда я приму меры. Да поможет вам Бог!»⁵²

Еще одним посредником попытался стать Теннант, хотя они давно не общались с Риббентропом. 10 июля он попросил рейхсминистра о встрече. 22 июля тот ответил, что готов принять его в любое время на следующей неделе. Теннант отправился в Зальцбург, вооруженный благословением Чемберлена и Вильсона и текстом последней речи Галифакса о внешней политике, однако его идея предложить Германии крупный заем и допустить ее ценные бумаги на лондонский рынок в обмен на разрядку ситуации в Европе интереса у власти имущих не

вызвала. 26 июля он был принят в Фушле с былой сердечностью. Только к вечеру беседа с рыбной ловли и гольфа перешла к главной теме. Риббентроп недвусмысленно заявил, что залогом любого сотрудничества является признание за Германией абсолютного равноправия, как бы трудно это ни было для британских политиков «после веков мирового господства и традиций Оксфорда и Кембриджа». Он посетовал, что никто не дал себе труда как следует изучить личность Гитлера, который мыслит глобальными категориями и видит на столетия вперед. Перейдя к конкретике, рейхсминистр подчеркнул, что Польше был предоставлен уникальный шанс, которым она пренебрегла, а потому обречена и будет раздавлена за несколько дней. Теннант заметил, что война Германии против Польши означает войну Англии против Германии. Заявив, что рейх готов и к этому, Риббентроп тем не менее еще раз призвал Лондон повлиять на Варшаву и утихомирить свою прессу — если там действительно хотят мира. Впрочем, в это в Берлине уже не верили.

В Зальцбург гостя провожал профессор Фридрих Бербер — специалист по международному праву, входивший в окружение рейхсминистра. По его мнению, уступка Данцига рейху в сочетании с сохранением британских гарантий Польше могли бы остановить Гитлера от дальнейшей экспансии и избавить Европу от войны.

27 июля Теннант отправился в Берлин в поезде Риббентропа, но провел одиннадцать часов пути не с ним, а с Хевелем, который произвел на него приятное впечатление открытостью и здравомыслием. Верный паладин фюрера со времен «пивного путча», Хевель подтвердил, что вождь полон решимости разобраться с Польшей раз и навсегда и по-прежнему готов к союзу с Англией, но уже не надеется на это, в том числе из-за «еврейского засилья». Прощаясь с Теннантом в Берлине, наш герой напомнил ему английскую пословицу о том, что еще не все потеряно, — «Никогда не поздно заштопать» (It is never too late to mend). Он оставался оптимистом⁵³.

Ни Гессе, ни тем более Теннант не были информированы о переговорах с Москвой, которые Риббентроп как раз в это время активизировал с помощью Шуленбурга и Шнурре. «Конфликт с Польшей зреет в усиливающемся темпе, и решающие события могут разразиться в самый короткий срок», — сообщал поверенный в делах Астахов из Берлина 12 августа⁵⁴.

В тот же день Гитлер в присутствии своего министра иностранных дел принял в Берхтесгадсене графа Чиано, который днем раньше побы-

вал у Риббентропа в Фушле. Наследник дуче приехал вооруженный инструкцией тестя: уговорить Гитлера разрешить конфликт с Польшей мирным путем и сообщить ему о том, что Италия не готова к участию в войне. Он был полностью уверен в успехе своей миссии, но уже первая беседа с Риббентропом, которого гость нашел «твердым как гранит», ясно показала, что его расчеты, за которыми стояли уверения Вайцзеккера и Аттолико, ошибочны. Муссолини писал о своей неготовности еще в меморандуме от 30 мая, переданном фюреру, но тот пришел в ярость и не отреагировал на послание⁵⁵.

Гитлер объявил, что «при решении польской проблемы нельзя терять времени. Чем ближе подходит осень, тем труднее будет проводить военные операции на востоке Европы... Этот вопрос так или иначе надо решить до конца августа». Возможно, сил ему придавала уверенность в успехе переговоров с Москвой. Для итальянцев это был сюрприз — нетрудно догадаться, что неприятный, — поэтому по возвращении в Рим министр не жалел бранных слов для своего коллег⁵⁶.

С легкой (или нележкой) руки Чиано из книги в книгу кочует фраза Риббентропа «Мы хотим войны», якобы произнесенная им в ответ на вопрос: «Так что же вы хотите? Коридор или Данциг?» Перед нами — явная фальсификация: в дневниковой записи министра за этот день таких слов нет; есть они лишь в предсмертном послании «для истории», датированном 23 декабря 1943 года, когда Чиано ждал расстрела в камере веронской тюрьмы.

«При помощи этого дневника в Нюрнберге собирались доказать, что я имел намерение и желание развязать войну с Польшей», — отмечал Риббентроп (С. 216). Гессе, находившийся в то время в Зальцбурге и общавшийся с рейхсминистром и его окружением, заявил, что даже дневниковые записи Чиано за эти дни искажают факты⁵⁷.

Риббентроп почти не встречался с американскими политиками, что, несомненно, способствовало формированию у него превратных представлений об этой стране. Тем более неожиданным может показаться визитер, побывавший в Фушле за две недели до начала войны в Европе, — конгрессмен Гамильтон Фиш, лидер изоляционистского крыла республиканцев. В конце июля он приехал в Европу во главе американской делегации на сессию Межпарламентского союза в Осло и встретился с ирландским премьером де Валера, Галифаксом и Боннэ. В Париже знакомые передали ему приглашение Риббен-

тропа заехать в Фушль. Встреча состоялась в конце второй декады августа.

«Я занимался политикой более двадцати лет, — вспоминал Фиш, — но ни разу ни с кем не общался в более неформальной и открытой манере. Его английский был великолепен, и он всегда мог найти нужное слово или выражение».

Содержание беседы не отличалось оригинальностью: рейхсминистр твердил о готовности фюрера ограничиться Данцигом и о его желании договориться с Англией всем, кто готов был его слушать. Гости удивили слова о том, что Польша будет разгромлена за две недели. «Вы хотели сказать, за два месяца?» — переспросил он. «Нет, за две недели, — ответил хозяин. — С прошлой войны мы знаем в Польше каждую дорожку не хуже поляков». Он пригласил Фиша вечером в оперу для разговора с Гитлером, но конгрессмен отказался, опасаясь реакции проружельтовской прессы, и впоследствии горько сожалел о том, что не попытался убедить фюрера отказаться от войны перед самым ее началом⁵⁸.

Последние две недели мира расписаны историками по дням и часам, поэтому нет нужды повторяться. Гитлер позволил Риббентропу сосредоточиться на московском направлении, Герингу и его эмиссарам — на лондонском, а сам вместе с генералами планировал разгром Польши.

22 августа Майский писал в НКВД: «Сообщение о предстоящем полете Риббентропа в Москву... вызвало здесь величайшее волнение в политических и правительственных кругах. Чувства было два (так! — В. М.) — удивление, растерянность, раздражение, страх. Сегодня утром настроение было близко к панике. К концу дня наблюдалось известное успокоение, но глубокая тревога все-таки остается. Симптомом этого является решение британского правительства созвать на 24-е парламент и принять в течение одного дня „закон об охране королевства“, действовавший во время последней войны и отмененный с заключением мира. Закон этот предоставляет правительству исключительные полномочия в деле обороны страны»⁵⁹.

24 августа Чемберлен в палате общин и Галифакс в палате лордов поддержали Польшу, высоко оценив ее решительность и выдержку, подтвердили данные ей гарантии и назвали советско-германский пакт «сюрпризом очень неприятного свойства», посетовав на коварство

Москвы, не отказавшейся от переговоров с английской и французской военными миссиями*⁶⁰.

25 августа Галифакс и Рачиньский подписали договор о взаимопомощи. Он был направлен против некоей «европейской державы» и предполагал немедленную помощь партнеру, «вовлеченному в военные действия с европейской державой в результате агрессии последней» (статья 1) или «любого действия европейской державы, которое явно ставит под угрозу, прямо или косвенно, независимость одной из Договаривающихся Сторон» (статья 2). Это распространялось на попытки «европейской державы... подорвать независимость одной из Договаривающихся Сторон путем экономического проникновения или иным способом» (статья 3); «способы применения обязательств о взаимопомощи» предстояло согласовывать военным властям сторон. Статья 7 гласила: «Если Договаривающиеся Стороны будут вовлечены в военные действия в результате применения настоящего соглашения, они не будут заключать перемирие или мирный договор, кроме как по взаимному соглашению». Секретный протокол, опубликованный лишь в 1945 году (договор был обнародован немедленно), разъяснял, что под «европейской державой» понимается Германия⁶¹. Франко-польское соглашение аналогичного содержания было подписано 4 сентября, когда война уже шла⁶².

Гитлер и Риббентроп отказывались верить новостям о заключении договора: «фюрер... производил впечатление человека, пораженного этим известием» (С. 146). Запланированная атака была отложена, но Риббентроп попал в краткосрочную опалу: «Адольф Гитлер, несомненно, воспринял это решение как определенный ущерб престижу армии и, казалось, считал меня ответственным за это, что выразилось в открыто проявленном им недовольстве мною. Этой психологической ситуацией я объяснял себе тот факт, что в ближайшие дни меня не привлекали ни к какому обсуждению обстановки, а также и то, что фюрер взял решение польского вопроса исключительно в свои руки. Только 28 августа я был снова привлечен к переговорам с послом Гендерсоном» (С. 146).

И то, добавим, «без речей»⁶³.

Пакт Галифакса — Рачиньского войну не отсрочил, а, наоборот, лишь приблизил. Польские вожди отвергли и компромисс с Германией,

---

* Этот вопрос исчерпывающе описан в литературе с привлечением необходимых документов, поэтому я его не рассматриваю.

согласившись лишь на британское посредничество в разрешении спора, и сотрудничество с Москвой: ведь речь шла о пропуске Красной армии через территорию Польши, что категорически отвергали Бек и Рыдз-Смиглы. Любая вооруженная экспансия Гитлера на восток делала Лондон его врагом; в случае нападения на западе Польша должна была ударить по германским тылам.

Соглашение было бы разумным при условии его выполнимости. Чем руководствовалась Варшава — уверенностью в своей непобедимости и эффективной помощи англичан? Чем руководствовался Лондон — искал беспроектный повод для вступления в войну? Удержать Гитлера от нападения никакой договор уже не мог. Кампания была заведомо проигрышной для Варшавы, ибо никто в Европе всерьез не собирался «умирать за Данциг». Оказать эффективную помощь в случае боевых действий на польской территории союзники не могли в силу географических причин. Единственный вариант — атака на Германию на западе, которая заставила бы Гитлера вести войну на два фронта; она была возможна лишь с территории третьих стран, но Франция следовала в фарватере британской политики. Тогда в силу вступал сценарий, который в конце концов и осуществился: после быстрого разгрома Польши вся мощь упоенного победой вермахта будет брошена на запад, и тем, кто объявил войну, несдобровать. Только после войны, из трофейных документов, стало ясно, что к такому варианту Берлин осенью 1939-го еще не был готов.

Какова была роль Риббентропа в событиях последних предвоенных дней? Его собственный ответ категоричен: «Ни один человек в мире, взявший на себя труд изучить факты, не может обвинить меня в разжигании войны. Мне нечего утаивать от истории, и я знаю, что сделал все, для того чтобы в те критические дни действовать в духе компромисса и найти мирное решение. Я стремился также не оставить у фюрера никакого сомнения насчет того, на какой риск он шел» (С. 155).

При этом рейхсминистр не отрицал, что «в дни кризиса с целью поддержать политику фюрера занимал в отношении своего министерства и дипломатического корпуса вполне однозначную позицию, ибо в этом был единственный шанс заставить противника пойти на компромисс. При неуверенной или двойственной позиции министра иностранных дел в этой ситуации добиться от противной стороны готовности к миру было ни в коем случае нельзя» (С. 156).

Большинство германских мемуаристов: Вайцзеккер, Папен, Кордт, Дирксен, Хассель* (Клейст, Гессе и Шмидт воздержались) — придерживались прямо противоположного мнения: во всем виноват Риббентроп! Но это — те самые мемуаристы, которые и так обвиняют нашего героя во всех смертных грехах, стремясь оправдаться перед историей. Иностранцы были еще более резки. «Никто не сделал больше, чем он, для ускорения войны. В Дантовом аду нет достаточного места для Риббентропа», — восклицал Гендерсон в мемуарах, сравнив его роль с ролью австрийского министра иностранных дел Берхтольда в развязывании Первой мировой**.

Того же мнения придерживался Кулондр, поэтому отставка нашего героя стала неременным условием «демократий» в ходе робких мирных зондажей осени 1939-го. Стоит вспомнить, что выдающийся историк Гарри Барнес — свидетель и исследователь обеих мировых войн — назвал главным виновником Первой мировой войны русско-го посла в Париже Извольского, а Второй — Галифакса. Однако в итоговом докладе от 20 сентября Гендерсон дал более реалистичную оценку: Гитлер принял решение единолично, а Риббентроп, Геббельс и Гиммлер виновны в том, что поддержали его агрессивные устремления⁶⁴.

На чем же основана столь зловещая репутация Риббентропа, сформировавшаяся на Западе уже осенью 1939 года, если он участвовал далеко не во всех ключевых событиях предвоенных месяцев и недель? Если быть откровенным, то ответ предельно прост: на пакте со Сталиным — рискованной партии в покер, блестяще выигранной нашим героем. Для «демократий» этого было более чем достаточно. Еще одно расхожее объяснение — его беседа с Гендерсоном, состоявшаяся поздним вечером 30 августа, когда рейхсминистр был резок и непримирим (на беседах фюрера с Гендерсоном и Кулондром в последних числах августа он присутствовал в качестве безмолвного свидетеля). Риббентроп с возмущением повторил британскому послу, что «поляки совершают

---

* Отдельная тема — возможные связи англичан и французов с антинацистской оппозицией, к которой принадлежали или которой сочувствовали недруги Риббентропа. Сам рейхсминистр узнал о «тайной войне» Вайцзеккера и братьев Кордт только на Нюрнбергском процессе.

** Это сравнение впервые появляется в записи Хасселя от 31 августа о беседе с Гендерсоном, но неясно, кому из собеседников оно принадлежит.

неслыханнейшие акты саботажа», отверг как недостаточные компромиссные предложения Чемберлена и зачитал — по словам Гендерсона, быстро и невнятно, а по свидетельству переводчика Шмидта, медленно и с необходимыми разъяснениями — «Предложения по урегулированию проблемы Данцигского коридора и вопроса о немецком меньшинстве в Польше», или «16 пунктов», продиктованные ему Гитлером*, но отказался передать собеседнику написанный текст, что было позже сделано по приказу фюрера.

Главной причиной нескрываемого раздражения Риббентропа был отказ поляков прислать в Берлин полномочного представителя для переговоров, но нервы были перенапряжены у всех: когда собеседники вдруг вскочили из-за стола, Шмидт испугался, что они схватятся врукопашную. «Беседа велась Гендерсоном невежливо, а мною — холодно», — вспоминал рейхсминистр (С. 152). Послу по возвращении понадобилось несколько часов, чтобы прийти в себя и составить телеграмму в Лондон⁶⁵. Узнав об итогах разговора, Гитлер приказал привести в действие план «Вайс».

Казалось, все ясно: Польша предложения Гитлера не примет, и он будет воевать. Однако в неизбежность войны верили не все — над Европой продолжала витать атмосфера покера. В Берлине рассчитывали на то, что пакт с Москвой остановит англичан и французов, ибо Польшу все равно не спасти, хотя Чемберлен в письме от 22 августа предупреждал Гитлера: «Каким бы ни оказался по существу советско-германский договор, он не может изменить обязательство Великобритании по отношению к Польше, о котором правительство Его Величества неоднократно и ясно заявляло и которое оно намерено выполнять... Если возникнет необходимость, правительство Его Величества полно решимости и готово применить без промедления все имеющиеся в его распоряжении силы, и невозможно предвидеть последствия военных действий, если они будут начаты»⁶⁶.

Риббентроп надеялся, что в последнюю минуту сможет договориться — если не с Беком, то с Чемберленом и Даладье, что они осознают гибельность «войны за Данциг». Это оказалось роковой ошибкой — однако первой крупной ошибкой «невежественного торговца шампанским» на дипломатическом поприще. В свою очередь, большинст-

---

* Об этом Риббентроп говорил на Нюрнбергском процессе. Шмидту «16 пунктов» показались неожиданно умеренными — «в женевском духе», как он выразился.

во английских и французских министров (приметное исключение составлял Боннэ) не верило, что Гитлер решится напасть на Польшу, принимая во внимание ее военный союз с Францией, британские гарантии и явное нежелание Муссолини выполнять «союзнические обязательства» из-за Варшавы⁶⁷. Каждая сторона подозревала другую в блефе. Поляки так ничего и не предприняли (с молчаливого одобрения британского посла Кеннарда).

«Нет никаких сомнений, — писал позже Риббентроп, — что Англия в оба последних дня августа имела возможность одним лишь кивком головы в Варшаве ликвидировать кризис, а тем самым устранить опасность войны... Для этого надо было всего лишь, чтобы Варшава уполномочила своего посла Липского принять для передачи польскому правительству германские предложения. Но именно этого и не произошло» (С. 156, 153).

31 августа в половине седьмого пополудни Липский сообщил нашему герою, с которым не встречался с весны, что Варшава «в благоприятном смысле учитывает внушения правительства Великобритании», но он не уполномочен вести переговоры. Шмидт вспоминал, что это была одна из самых коротких бесед, которую он переводил⁶⁸.

В половине десятого вечера «16 пунктов» прозвучали по германскому радио. «Опубликованием своих предложений германское правительство еще раз дало Польше возможность согласиться на обещанные переговоры. События еще могли быть скорректированы, если бы польское правительство подхватило брошенный ему мяч и по радио выразило свое положительное отношение. Действительно, варшавская радиостанция ответила еще 31 августа в 23 часа. Но этот ответ (в британской „Голубой книге“ он отсутствует) говорил лишь о германском „бесстыдном предложении“ и с возмущением отвергал переговоры» (С. 154).

В германской «Белой книге» это сообщение есть. Изложив основные требования Берлина, Варшава вынесла свой вердикт: «Слова более не могут скрыть агрессивные планы новых гуннов. Германия стремится господствовать в Европе и подавлять права народов с неслыханным доселе цинизмом. Это бесстыдное предложение ясно показывает, насколько необходимыми были военные распоряжения, отданные польским правительством»⁶⁹.

1 сентября Гитлер показал, что не блефует, — на рассвете началось вторжение в Польшу. К вечеру стало ясно: в Лондоне и Париже тоже

настроены весьма решительно. Гендерсон и Кулондр с небольшим интервалом (они просили принять их вместе, но Риббентроп отказался) зачитали послания своих правительств, звучавшие как ультиматум, но без срока действия: немедленно остановите агрессию против Польши, или мы вступим в войну.

Рейхсминистр с подчеркнутым вниманием выслушал перевод, как будто не понимал ни по-английски, ни по-французски, и решительно назвал действия Германии ответом на польские провокации. Вспомнил ли Гендерсон, что ровно год назад, 1 сентября 1938-го, Риббентроп так же сухо ответил ему: мобилизация вермахта против Чехословакии является внутренним делом рейха и англичан это не касается?

Риббентроп снова отказался вручить послу текст «16 пунктов» (англичане получили их от Геринга), объяснив, что они уже «утратили силу»⁷⁰. Тем не менее той же ночью он позвонил Гессе в Лондон и попросил его передать Чемберлену последние предложения Берлина, подчеркнув, что они исходят напрямую от фюрера: Германия готова уйти из Польши и возместить ей убытки, оставив за собой Данциг и коридор, и принять британское посредничество. Вильсон, с которым Гессе тут же связался, выслушал его внимательно, но сухо и пояснил, что без официальных извинений Гитлера перед всем миром англичане на диалог не пойдут. Когда Гессе заметил, что это невыполнимо, Вильсон оборвал беседу. Прочитав шифровку об отказе англичан, Гитлер обрушился на Риббентропа, упрекая его в том, что тот тянул время и водил его за нос⁷¹.

2 сентября Чемберлен и Галифакс выступили в парламенте, который им предстояло подвигнуть к решительным действиям. Муссолини предложил созвать конференцию великих держав для предотвращения войны (которая, несмотря на начало боевых действий, официально не была объявлена), но англичан волновало лишь отсутствие ответа на их «предостережение». Итальянский посол Аттолико метался между Риббентропом, Гендерсоном и Кулондром, пытаясь уговорить всех троих «сбавить обороты». Фрау Аннелиз процитировала любопытную запись Чемберлена от 10 сентября, опубликованную в его официальной биографии: «Последние приступы затянувшейся агонии, предшествовавшие действительному объявлению войны, были настолько невыносимы, насколько это вообще возможно. Мы были заинтересованы в том, чтобы дать событиям принять еще более острый характер, но тут имелись три осложнения: секрет-

ные переговоры, которые велись с Герингом и Гитлером через пейтрального посредника (эmissара Геринга шведского бизнесмена Биргера Далеруса. — В. М.); предложение Муссолини о созыве конференции; стремление французов максимально оттянуть объявление войны» (С. 155)⁷².

Рано утром 3 сентября Гендерсон получил указание просить о встрече с Риббентропом в 9 часов утра, чтобы вручить формальный ультиматум со сроком в два часа (шифры и секретная документация были уже сожжены). Документ принял Шмидт, немедленно отправившийся в рейхсканцелярию.

«Гитлер сидел за столом, Риббентроп стоял у окна. Оба выжидающе посмотрели на меня. Я остановился на некотором расстоянии от стола и медленно перевел ультиматум британского правительства. Когда я закончил, воцарилась полная тишина. Гитлер сидел неподвижно, глядя прямо перед собой. Он не был ни растерян, как утверждали одни, ни разъярен, как говорили другие. Он сидел совершенно безмолвно и не шевелясь. Спустя мгновение, которое показалось мне вечностью, он повернулся к Риббентропу, продолжавшему стоять у окна. „Что теперь?“ — спросил Гитлер и свирепо взглянул на него, показывая, что министр дезинформировал его насчет возможной реакции Англии. Риббентроп спокойно ответил: „Полагаю, французы предъявят нам аналогичный ультиматум в течение часа“... В приемной новость тоже была встречена полнейшим безмолвием»⁷³.

В начале двенадцатого рейхсминистр пригласил британского посла и передал ему пространный ответ на ультиматум, составленный «для истории», как и последующие речи Гитлера, Чемберлена и Даладье. Гендерсон назвал ответ вопиющим искажением фактов, подтвердил, что между Англией и Германией существует состояние войны, и сухо отклонялся⁷⁴. В полдень у Риббентрона побывал Кулондр с аналогичным ультиматумом, срок которого истекал в пять часов пополудни. Рейхсминистр сказал: «Если французское правительство полагает, что его обязательства в отношении Польши вынуждают его вступить в конфликт, я могу об этом лишь сожалеть, ибо у нас нет вражды к Франции. Мы будем драться с Францией лишь в том случае, если она на нас нападет».

На следующий день оба посольства выехали из Берлина⁷⁵.

«Снова и снова спрашивал я себя, — вспоминал Дирксен, — были ли Гитлер и Риббентроп действительно уверены в том, что Британия,

вопреки обязательствам, которые она взяла на себя, не придет на помощь Польше в случае германского нападения?.. Ввиду фанатичного упрямства Гитлера и его полного игнорирования зарубежных стран как таковых, подобный самообман вполне мог иметь место. Но только не в случае с Риббентропом, поскольку он-то имел опыт работы за рубежом и, по его собственным словам, даже указывал на растущую британскую готовность к войне. Он должен был бы знать, что Британия не позволит себя одурачить в том, что касается ее собственного положения и престижа в мире... Вне зависимости от того, действительно ли они с Гитлером не верили в то, что Британия будет придерживаться своих обязательств, или же только делали вид, что не верят в это, одно несомненно: они несут ответственность за преступное отсутствие здравого смысла в политике»⁷⁶.

Похожие мысли высказывал — и тоже после войны — шеф прессы Отто Дитрих: «Со стороны Гитлера просчет коренился в полном непонимании моральных факторов в мировой политике, в исключительной вере в силу. Но и Риббентроп, несомненно, сыграл роковую роль. Верно, что, приняв решение, Гитлер был непоколебим, но без Риббентропа он вряд ли бы пришел к столь порочным выводам относительно Англии... Он зависел от министра иностранных дел в том, что касалось других стран и дипломатических отношений. Если бы Риббентроп посоветовал не делать этого, Гитлер вряд ли напал бы на Польшу»⁷⁷.

Проще всех выразился Геринг, прокричав нашему герою по телефону: «Вы получили вашу чертову войну. Вы один виноваты»⁷⁸. Но проще не всегда значит правильнее. Гафенку, которого не заподозришь в симпатиях к нацистам, сделал вывод: «Подлинная ответственность ложится на Польшу. Бек сделал все, чтобы вызвать всеобщее раздражение, и его дипломатические действия умышленно имели негативное значение. Жесткость, резкость и более всего гордость привели к тому, что он с преступным упрямством подыгрывал Германии»⁷⁹.

«Любой историк, внимательно прочитав английскую „Белую книгу“, — писал 15 мая 1940 года американский публицист Френсис Нейлсон, бывший депутат британского парламента, — назовет Бека величайшим идиотом, когда-либо занимавшим официальный пост. После чехословацкой трагедии Бек больше, чем кто бы то ни было, дал Гитлеру все шансы, о которых тот мог только мечтать, для достижения своих целей в Европе... Бек должен нести всю ответственность за крах Польши»⁸⁰.

И таких примеров множество.

Несмотря на отчаянное сопротивление, Польша за две с половиной недели рухнула как карточный домик, хотя Гамелен предполагал, что она будет сопротивляться до весны 1940-го. Бек, Рыдз-Смиглы и остатки правительства бежали в Румынию, где были интернированы.

Ошеломленные скоростью развития событий, союзники ничего не предприняли в военной области — на Западе началась «странная война» без выстрелов⁸¹. Нельзя не признать справедливость выводов передовицы «Правды» от 14 сентября «О внутренних причинах поражения Польши»*: «Трудно объяснить такое быстрое поражение Польши одним лишь превосходством военной техники и военной организации Германии и отсутствием эффективной помощи Польше со стороны Англии и Франции... Все данные о положении в Польше говорят... о том, что польское государство оказалось настолько немогущим и неспособным, что при первых же военных неудачах стало рассыпаться... Национальная политика правящих кругов Польши характеризуется подавлением и угнетением национальных меньшинств... Национальные меньшинства Польши не стали и не могли стать надежным оплотом государственного режима. Многонациональное государство, не скрепленное узами дружбы и равенства населяющих его народов, а, наоборот, основанное на угнетении и неравноправии национальных меньшинств, не может представлять крепкой военной силы. В этом корень слабости польского государства и внутренняя причина его военного поражения»⁸².

Германскую версию событий закрепили речь Риббентропа в Данциге 24 октября и внушительная (482 документа с комментариями, более 700 страниц) «Белая книга» с его предисловием от 3 декабря. Ввиду «неполиткорректности» сборник документов был переиздан лишь недавно, а полный текст речи я привожу в приложении к этой книге.

---

* Текст готовили В. М. Молотов и А. А. Жданов; местами он почти дословно совпадает с речью Молотова по радио 17 сентября, произнесенной по случаю ввода советских войск в Польшу.

Для дружбы нет границ (1939–1940)

204

С началом войны жизнь рейхсминистра иностранных дел радикально изменилась. Вечером 3 сентября фюрер отбыл на восток в спецпоезде «Америка», за которым последовал спецпоезд «Генрих», уносивший в сторону Польши Гиммлера (отсюда название), Риббентропа и начальника Имперской канцелярии Ламмерса. Походный штаб нашего героя возглавил Шмидт. «Генрих» состоял из восьми спальных вагонов, двух вагонов-ресторанов, вагона связи и вагона охраны с зенитной установкой на случай вражеских налетов. Собранный с бору по сосенке, он казался живой историей железных дорог: суперсовременный пункт связи и салон рейхсминистра соседствовали с роскошными вагонами «времен Карла Великого», где из-за изношенности аккумуляторов не всегда было электричество и работа шла при свечах. В Берлине на хозяйстве остались Вайцеккер и Вёрман, на которых сыпались сверхважные и сверхсрочные указания шефа, пребывавшего в непрерывном возбуждении из-за важности момента. Шмидт не без иронии вспоминал, что его таланты переводчика пригодились и здесь: риббентроповское «Передайте этим болванам (бездельникам, саботажникам)...» превращалось в официальное «Имперский министр иностранных дел был бы признателен...»¹.

Восемнадцатилетний Рудольф фон Риббентроп отправился в Польшу добровольцем. На фронте оказался и Генрих фон Вайцзекер — сын статс-секретаря, убитый на второй день конфликта.

Начало войны вызвало новый виток соперничества в верхах. Риббентроп схватился с Геббельсом за право вести заграничную агитацию. Отношения между ведомствами накалились до предела, когда в середине августа спецотряд министерства пропаганды попытался захватить радиовещательную станцию МИД в Шарлоттенбурге, — пришлось вызывать эсэсовцев, но обошлось без жертв. 8 сентября Гитлер вынес решение в пользу Риббентропа, хотя и не до конца, предписав ему общее руководство пропагандой, но не ее осуществление. Геббельс был в бешенстве и отомстил, первым сообщив о вступлении советских войск в Польшу. МИД и министерство пропаганды давали отдельные пресс-конференции для иностранных журналистов, и, несмотря на периодические «перемирия», вражда между ними не прекращалась до самого конца. Кроме того, периодически напоминал о себе шеф прессы Отто Дитрих, не любивший обоих конкурентов².

В полдень 3 сентября новый советский полпред Александр Шкварцев даже без предписанного протоколом предварительного визита к Риббентропу вручил Гитлеру верительные грамоты за считанные часы до отъезда того на фронт. Еще 29 августа Шуленбург говорил Молотову: «Вы желаете быть информированным о происходящих событиях. Риббентроп рад это сделать, но он не в состоянии в силу той быстроты, с которой развиваются события... Поэтому имеется крайняя необходимость в наличии в Берлине представителя СССР, которого Риббентроп мог бы информировать даже через каждые два часа».

Полпред сообщал, что, по словам Гитлера, «Германия полностью выполнит свои обязательства по договору с нами, и в результате успешной войны... СССР и Германия установят границы, существовавшие до мировой войны»³.

Вечером того же дня Риббентроп телеграфировал Шуленбургу: «Мы, безусловно, надеемся окончательно разбить польскую армию в течение нескольких недель. Затем мы удержим под военной оккупацией районы, которые, как было установлено в Москве, входят в германскую сферу влияния. Однако понятно, что по военным соображениям нам придется затем действовать против тех польских военных сил, которые к тому времени будут находиться на польских территориях, входящих

в русскую сферу влияния. Пожалуйста, обсудите это с Молотовым немедленно и посмотрите, не посчитает ли Советский Союз желательным, чтобы русская армия выступила в подходящий момент против польских сил в русской сфере влияния и, со своей стороны, оккупировала эту территорию. По нашим соображениям, это не только помогло бы нам, но также, в соответствии с московскими соглашениями, было бы и в советских интересах»⁴.

5 сентября Молотов ответил принципиальным согласием, но пояснил, что «этот момент пока еще не созрел», а излишней «торопливостью можно испортить дело и облегчить сплочение *противников* (выделено мной. — В. М.)». Одновременно посол, по указанию шефа, просил наркома оказать воздействие на Турцию, чтобы добиться ее нейтралитета и «полностью закрыть Дарданеллы». Именно с этой целью Риббентроп еще весной 1939-го уговорил Папена принять должность посла в Анкаре, несмотря на напряженные личные отношения между ними⁵.

Москва не спешила. 7 сентября в беседе с руководством Коминтерна Сталин заявил: «Война идет между двумя группами капиталистических стран (бедные и богатые в отношении колоний, сырья и т. д.) за передел мира, за господство над ним! Мы не прочь, чтобы они подрались хорошенько и ослабили друг друга. Неплохо, если руками Германии будет расшатано положение богатейших капиталистических стран (в особенности Англии)»⁶.

Абсолютизировать сказанное не стоит: руководству Коминтерна, за возможным исключением Георгия Димитрова, Сталин не доверял, саму организацию давно называл «лавочкой», но должен был дать руководящие указания иностранным коммунистам, которые после пакта Молотова — Риббентропа оказались в полной растерянности. «Для внутреннего употребления» эти аргументы практически не использовались.

Риббентроп продолжал нервничать, что видно из его телеграммы в московское посольство 9 сентября: «Я считал бы неотложным возобновление Ваших бесед с Молотовым относительно советской военной интервенции (в Польшу)». В тот же день нарком сообщил германскому послу, что «советские военные действия начнутся в течение ближайших нескольких дней»⁷.

Военные приготовления СССР к возможной кампании на западе начались еще летом 1939 года, когда угроза войны в Европе стала

реальной. Однако 10 сентября Молотов честно признался Шуленбургу в том, что «советское правительство было застигнуто совершенно врасплох неожиданно быстрыми германскими военными успехами» и что Красной армии нужно больше времени, чем предполагалось. Ответил он и деликатный вопрос мотивировки вмешательства: «Советское правительство намеревалось воспользоваться дальнейшим продвижением германских войск и заявить, что Польша разваливается на куски и что вследствие этого Советский Союз должен прийти на помощь украинцам и белорусам, которым „угрожает“ Германия. Этот предлог представит интервенцию Советского Союза благовидной в глазах масс и даст Советскому Союзу возможность не выглядеть агрессором».

Наркома смутили слухи о возможном перемирии в Польше, в этом случае, по его словам, СССР не начнет «новую войну».

13 сентября (чем была вызвана задержка ответа на столь важный вопрос, неясно) Риббентроп сообщил, что ни о каком перемирии не может быть и речи⁸. 14 сентября советские войска получили приказ о наступлении. В тот же день в «Правде» появилась передовица «О внутренних причинах поражения Польши», подготовленная Молотовым и Ждановым. Рано утром 15 сентября Военный совет Белорусского фронта (образованный 11 сентября) издал боевой приказ № 01: на рассвете 17 сентября войска должны были перейти в наступление с целью «содействовать восставшим рабочим и крестьянам Белоруссии и Польши в свержении ига помещиков и капиталистов и не допустить захвата Западной Белоруссии Германией»⁹.

15 сентября Риббентроп послал Шуленбургу проект советско-германского коммюнике, призванного объяснить совместные действия двух держав и подчеркнуть их слаженность: «Ввиду полного распада существовавшей ранее в Польше формы правления, Имперское Правительство и Правительство СССР сочли необходимым положить конец нетерпимому далее политическому и экономическому положению, существующему на польских территориях. Они считают своей общей обязанностью восстановление на этих территориях, представляющих для них естественный интерес, мира и спокойствия и установления там нового порядка путем начертания естественных границ и создания жизнеспособных экономических институтов».

Рейхсминистр особо указал на неприемлемость аргумента о «германской угрозе» белорусам и украинцам, который Москва хотела

использовать для оправдания интервенции. Днем позже Молотов уведомил посла, что наступление начнется в ближайшее время (в 2 часа ночи 17 сентября Сталин принял Шуленбурга и лично проинформировал его о часе и направлении выдвижения войск), что никаких антигерманских мотивировок у него не будет, а потому коммюнике едва ли нужно¹⁰. В речи Молотова, транслировавшейся по радио 17 сентября, и в ноте, врученной им польскому послу (который официально отказался принять ее), говорилось лишь о том, что «единокровные украинцы и белорусы, проживающие на территории Польши, брошены на произвол судьбы» и что Советский Союз берет под защиту их жизнь и имущество. «Польша стала удобным полем для всяких случайностей и неожиданностей, могущих создать угрозу для СССР», — многозначительно добавил нарком. В отношении всех других стран, включая Англию, Францию, а также Монголию и Туву, Советский Союз обещал проводить политику нейтралитета, о чем известил их посольства и миссии особой нотой¹¹.

Коммюнике все-таки появилось, но в иной редакции, поскольку проект Риббентропа в Москве сочли слишком откровенным. Новый текст генсек собственноручно написал 17 сентября. Рейхсминистр немедленно согласился, и вечером 18 сентября оно было передано по радио, а на следующее утро появилось в газетах: «Во избежание всякого рода необоснованных слухов насчет задач советских и германских войск, действующих в Польше, правительство СССР и правительство Германии заявляют, что действия этих войск не преследуют какой-либо цели, идущей вразрез интересов Германии или Советского Союза и противоречащей духу и букве пакта о ненападении, заключенного между Германией и СССР. Задача этих войск, наоборот, состоит в том, чтобы восстановить в Польше порядок и спокойствие, нарушенные распадом польского государства, и помочь населению Польши переустроить условия своего государственного существования»¹².

В разговоре с Шуленбургом, состоявшемся 18 сентября, Сталин вдруг выразил сомнение в том, что вермахт остановится на согласованной ранее демаркационной линии, а не пойдет дальше. Посол забеспокоился и попросил уполномочить его сделать заявление, согласно которому Берлин гарантирует соблюдение августовских договоренностей. Риббентроп сразу же дал добро и на это¹³.

Следующее коммюнике от 23 сентября переходило к конкретике, точнее, к географии: «Германское правительство и правительство

СССР установили демаркационную линию между германской и советской армиями, которая проходит по реке Писса до ее впадения в реку Нарев, далес по реке Нарев до ее впадения в реку Буг, далее по реке Буг до ее впадения в реку Висла, далее по реке Висла до впадения в нсс реки Сан и дальше по реке Сан до ее истоков»¹⁴.

Прошел ровно месяц (совпадение?), и вторая статья секретного дополнительного протокола к пакту о ненападении перестала быть тайной. Предусматривавшиеся ею «территориальные и политические преобразования в областях, принадлежащих Польскому государству» свершились, как это и задумывали высокие договаривающиеся стороны.

20 сентября в Сопоте Риббентроп принял влиятельного японского генерала Тэраути Хисаси, прибывшего в рейх в качестве официального представителя на так и не состоявшийся «партайтаг» и решившего задержаться там для изучения ситуации. Двумя днями ранее в Берлине Осима пришел с поздравлениями к Вайцзеккеру, а заодно вручил ему протест от 26 августа по поводу пакта Молотова — Риббентропа, который статс-секретарь тогда посоветовал ему спрятать до лучших времен. Рейхсминистр подтвердил приверженность Германии дружбе с Японией и заинтересованность в ее успехах в Азии, но посоветовал Тэраути убедить свое правительство в необходимости скорейшей нормализации отношений с СССР. То же самое он говорил Осима в начале сентября (точная дата встречи неизвестна), по возвращении из Москвы¹⁵. Рискну предположить, что косвенно этот совет исходил от Сталина. Когда в октябре посла отозвали в Токио, Риббентроп искренне жалел об этом — особенно после общения с его преемником Курусу Сабуро — либералом, специализировавшимся на вопросах внешней торговли и женатым на американке¹⁶.

Кампания Красной армии завершилась быстро и с малыми потерями¹⁷. Раздел Польши стал фактом. Новую границу надлежало закрепить официально, поэтому необходимость переговоров на высшем уровне стала очевидной. Сталин и Молотов заявили, что покинуть страну не могут, и Риббентроп снова собрался в путь, наделенный максимальными полномочиями. 23 сентября он известил об этом Шуленбурга и попросил согласовать время визита¹⁸. Вылет делегации был назначен на утро 27 сентября, причем участников оповестили об этом всего лишь за сутки.

Вайцзеккер составил меморандум «Предстоящие переговоры в Москве»:

«I. Война с Польшей окончена; на Западе германские планы наступления еще не готовы; поэтому внешняя политика снова выступит на первый план.

Наши политические интересы подразумевают:

а) Максимально сократить театр военных действий.

б) Усилить стремление к миру у противника и среди нейтралов. У противника нет конкретных идей насчет мира. Мы, однако, обладаем завоеванными территориями и можем объявить наши военные цели. В частности, мы должны дать французам пищу для размышлений путем реальных надежд на мир и поощрять процесс их отделения от англичан.

II. В Москве, по моему мнению, надо сказать о двух вещах:

а) Россия должна не нарушать мир на Балканах и не предпринимать никаких действий в Бессарабии, пока Великобритания не примет на Балканах вооруженного вмешательства.

б) С целью помочь партии мира во Франции мы намерены представить на обсуждение следующую программу:

По существу, Германия требует границ 1914 года. Затем, будущее „остаточной Польши“* зависит от готовности западных держав прийти к соглашению. Если русские проявят упрямство в отношении „остаточной Польши“ по обе стороны нынешней демаркационной линии, мы вольны распоряжаться нашей территорией и можем принять свое собственное решение.

в) Особые темы для переговоров:

1. Обмен населением между районами к западу и востоку от линии рек (то есть будущей границы. — В. М.), особенно эвакуация фольксдойче с русской территории на германскую.

2. Обеспечение безопасности фольксдойче в районах, которые в дальнейшем могут быть заняты русскими.

---

* К меморандуму прилагалась записка Мольтке, бывшего посла в Варшаве, о целесообразности создания «буферного» польского государства с границей по линии Гродно — Перемышль на востоке и населением 12–15 млн человек под руководством генерала Сосновского. Мольтке указывал, что на меньшее поляки не пойдут и изберут путь борьбы против Германии в союзе с западными державами.

3. Четкое размежевание по линии рек (например, по середине основных судоходных путей и мостов) и проведение демаркационной линии от верховий реки Сан до Ужокского перевала (у реки Сан несколько истоков).

4. Доступность железнодорожной линии от Черновиц до Львова для наших перевозок из Румынии.

5. Подготовка широкомасштабных германо-русских торговых переговоров»¹⁹.

Московские переговоры 27–28 сентября пошли именно по этому сценарию. Долгое время об их ходе и содержании можно было судить лишь по результатам и по отдельным документам, поскольку протоколы не были известны. Советских записей, видимо, не существует в природе, а подробные германские записи, сделанные дотошным Хильгером, почему-то оказались не в архиве МИД, а в личных бумагах Шуленбурга, где их в конце 1980-х годов обнаружила историк Ингеборг Фляйшхауэр^{*20}. Общую обстановку визита, когда Риббентроп пил за здоровье сидевшего неподалеку Кагановича** (жаль, что Гитлер, Гессельс и Розенберг при этом не присутствовали!), хорошо воссоздает статья его помощника Андора Хенке «С Имперским Министром иностранных дел в Москве»²¹.

К половине девятого утра 27 сентября свита рейхсминистра собралась в аэропорту Темпельхоф. Риббентроп приехал в девять, и уже че-

---

* По неизвестным причинам Хильгер 23 января 1953 г. заявил составителям «Документов внешней политики Германии», что с германской стороны не велось никаких записей о переговорах, кроме отчета Риббентропа для Гитлера, переданного по телефону из Москвы в Берлин утром 28 сентября 1939 г.

** «Его причисляли к крупнейшим закулисным лицам интернационального еврейства, — вспоминал Риббентроп. — Мой разговор с г-ном Кагановичем был очень коротким, но все мои наблюдения, как в этот вечер, так и вообще во время обоих моих посещений Москвы, подтвердили мое убеждение: ни о какой акции, руководимой интернациональным еврейством и согласованной между Москвой, Парижем, Лондоном и Нью-Йорком, всерьез говорить не приходилось... Никаких перекрестных связей между московскими и подобными еврейскими кругами в западных столицах не имелось. Возможно, связи с этими городами и странами поддерживались через коминтерновский центр, и наверняка в нем тоже сидели евреи. Но тезис, будто какой-то интернациональный межгосударственный еврейский центр планомерно действовал с целью большевизации всего мира, я считаю несостоятельным» (С. 161).

рез несколько минут спецсамолет «Гренцмарк», знакомый многим пассажирам по прошлому вояжу в Москву, поднялся в воздух. Через два часа он совершил посадку в Кёнигсберге. Там во время обеда поступило известие о капитуляции Варшавы, которое тут же перевели Шкварцеву (он летел вместе с Риббентропом и беседовал с ним в самолете).

«Все мы, и немцы, и русские, — вспоминал Хенке, — увидели в этом событии добрый знак для будущих переговоров».

До Москвы долетели за три с половиной часа, приземлившись в шесть вечера. Встреча была не в пример прежней — с обилием нацистских флагов. Гости снова разместились в здании бывшей австрийской миссии. В прошлый раз в доме напротив располагалась британская военная миссия, члены которой не сводили глаз с соседей. Теперь этот дом пустовал.

Первая беседа Риббентропа со Сталиным и Молотовым (в присутствии Шкварцева и Шуленбурга) в Кремле началась в десять вечера и продолжалась три часа. Гость начал разговор со «странной войны» в Европе и непобедимости Германии.

«Фюрер убежден, что война может окончиться только в нашу пользу», — легко переходил он от патетики к сарказму и обратно. «С французской стороны ее ведут преимущественно языками, в чем особенно отличается агентство Гавас... Англичане ограничиваются тем, что сбрасывают над Германией листовки, надеясь вбить клин между фюрером и немецким народом. Это им никогда не удастся. Такая попытка в равной мере обречена на провал, как и стремление вбить клин между народами Советского Союза и Сталиным».

После обзора ситуации Риббентроп перечислил конкретные проблемы, для решения которых он прилетел:

1. Дальнейшее формирование германо-советских отношений.
2. Вопрос окончательного начертания границы.
3. Проблема Прибалтики, которой, по всей видимости, в настоящее время занимается советское правительство».

Наибольший интерес представляет первый вопрос.

«Фюрер поручил сказать Сталину и Молотову, что он всегда придерживался той точки зрения, что Германия должна выбирать между Западом и Востоком. Фюрер надеялся и думал, что будет возможно установить дружественные отношения с Англией. Однако Англия грубо отклонила далеко идущие предложения фюрера. Фюрер убе-

дился в том, что отныне нет возможности достичь взаимопонимания с Англией. Это взаимопонимание сорвалось из-за империалистического упрямства английской правящей касты. Народ в Англии вообще ничего не решает. Дошло до того, что Англия вмешалась в германские дела, которые ее не касались, и даже объявила войну Германии. Решение фюрера сделать выбор в пользу Советского Союза является непоколебимым. Как реальный политик, он твердо убежден в том, что, несмотря на все существующие идеологические разногласия, возможны действительно длительные дружественные отношения между Германией и Советским Союзом. Реальные интересы обеих стран при точном их определении исключают возможность принципиальных трений. Существует фундамент для приносящего плоды реального, дружественного сотрудничества.

Удалась первая предпринятая в этом направлении попытка. Если будут реализованы достигнутые договоренности, то все будет абсолютно ясным и в больших делах. С окончанием польской войны Германия приобрела большую территорию для заселения. Тем самым нашли свое решение территориальные притязания Германии. Последние события принесли богатые плоды для Советского Союза... Фюрер не фантазер, и он не стремится к безбрежным территориальным завоеваниям. Что касается Советского Союза, то тот настолько велик, что у него не может быть никаких стремлений вмешиваться в немецкие территориальные дела. Тем самым заложен фундамент для пассивного баланса взаимных интересов».

От этой радужной картины, в которую, по крайней мере, сам Риббентроп верил, он перешел к задачам на будущее, к «активной стороне вопроса».

«Настоящий враг Германии — Англия. В этом отношении интересы Советского Союза совпадают с немецкими, и в этом направлении представляется вполне возможным дальнейшее углубление новых советско-германских отношений. У нас полагают, что в английском комплексе существует параллелизм между немецкими и советскими интересами, и в этой сфере не только полезно тесное сотрудничество Германии с Советским Союзом, но и возможны определенные договоренности... <Если> советское правительство разделяет такую точку зрения, то можно было бы сформулировать платформу для более тесного развития советско-германских отношений в том смысле, что, исходя из совместно проведенного урегулирования польского вопроса,

Германия и Советский Союз теперь могут рассмотреть возможность сотрудничества в отношении Англии. В подобном заявлении можно было бы подчеркнуть, что Германия и Советский Союз преисполнены волей к тому, чтобы никто не посмел затронуть занимаемые ими позиции, и при необходимости будут их совместно защищать. Дело шло бы тогда к сотрудничеству на долгие времена, ибо фюрер мыслит крупными историческими перспективами. Сейчас задача состояла бы в том, чтобы достичь взаимопонимания о форме и методе предания гласности соответствующего совместного заявления».

Затем Риббентроп зачитал проект заявления, заранее переведенный на русский, и вручил его собеседникам.

По второму вопросу рейхсминистр сообщил, что «Польша полностью разгромлена немецкими вооруженными силами. Действия немецких вооруженных сил принесли плоды не только для Германии, но и для Советского Союза. Именно поэтому Германия ожидает, что Советский Союз пойдет нам навстречу в удовлетворении некоторых наших пожеланий... Советский Союз — огромная страна, располагающая невероятными возможностями. В то же время Германия сравнительно небольшая страна, которой не хватает в первую очередь леса и нефти. Поэтому мы попросили бы пойти навстречу нам именно в этих вопросах».

Это была заявка на будущее. Теперь же предстояло обсудить судьбу Польши.

«Во время московских переговоров 23 августа 1939 года остался открытым план создания независимой Польши. С тех пор, кажется, и советскому правительству стала ближе идея четкого раздела Польши. Германское правительство поняло эту точку зрения и решилось осуществить точное разграничение. Германское правительство полагает, что самостоятельная Польша была бы источником постоянных беспокойств. Германские и советские намерения и в этом вопросе идут в одинаковом направлении».

В отношении Прибалтики, где Сталин перешел к политике «ползучей экспансии», Риббентроп заверил собеседников в том, что Германия не заинтересована в делах Эстонии и Латвии, но заявил:

«Мы были бы благодарны, если советское правительство сообщило нам, как и когда оно собирается решить весь комплекс этих вопросов, с тем чтобы немецкое правительство, согласно принятым договоренностям, могло бы сформулировать свою позицию. Как явствует из

сообщений графа фон дер Шуленбурга, советское правительство ожидает с нашей стороны ясного согласия с его намерениями. (Сталин заметил: мы ожидаем доброжелательного отношения)». Касаясь вопроса о границе с Литвой, «г-н министр провел на карте линию, которую он считает приемлемой и возможной».

«После того как г-н министр закончил свои соображения, Сталин обратился к Молотову с вопросом, кто из них двоих должен отвечать. Г-н Молотов заметил, что хочет оставить это за г-ном Сталиным, потому что тот, безусловно, сделает это лучше».

Тогда слово взял вождь. Он говорил для истории, для будущего, поэтому мог вольно обращаться с фактами:

«Основным элементом советской внешней политики всегда было убеждение в возможности сотрудничества между Германией и Советским Союзом. Еще в начальный период, когда большевики пришли к власти, мир упрекал большевиков в том, что они являются платными агентами Германии. Рапалльский договор также был заключен большевиками. В нем содержались все предпосылки для расширения и углубления взаимовыгодных отношений. Когда национал-социалистическое правительство пришло к власти в Германии, отношения ухудшились, так как немецкое правительство видело необходимость отдать приоритет внутривнутриполитическим соображениям. По прошествии некоторого времени этот вопрос исчерпал себя, и немецкое правительство проявило добрую волю к улучшению отношений с Советским Союзом. Советское правительство немедленно заявило о своей готовности к этому. Если вообще можно говорить о вине за ухудшение отношений, то необходимо констатировать, что советское правительство в своей исторической концепции никогда не исключало возможности добрых отношений с Германией. Именно поэтому советское правительство и сейчас с чистой совестью приступило к возобновлению сотрудничества с Германией. Это сотрудничество представляет собой такую силу, что перед ней должны отступить все другие комбинации. Если германское правительство разделяет эту точку зрения и будет действовать согласно высказанным соображениям г-на министра иностранных дел, то тем самым созданы все предпосылки для хорошего и дружественного сотрудничества».

Так деликатно подправлялась история советско-германских отношений тридцатых годов, из которой убирались все острые и неприятные

моменты. Примерно это же попытался сделать Риббентроп во время прошлого приезда в Москву в преамбуле к пакту о ненападении, которую Сталин тогда отверг из-за ее излишней риторичности. После войны историю снова будут подправлять, но уже заостряя внимание на конфронтации и поиске виноватых.

«Что же касается отношений Советского правительства к английскому комплексу вопросов, — продолжал Сталин, — то он хотел бы заметить, что Советское правительство никогда не имело симпатий к Англии. Необходимо лишь заглянуть в труды Ленина и его учеников (чего Риббентроп явно не делал. — *В. М.*), чтобы понять, что большевики всегда больше всего ругали и ненавидели Англию, притом еще в те времена, когда о сотрудничестве с Германией и речи не было».

Это было не простое переписывание истории. Формировалась новая ортодоксия, новая идеология. Пересориентация пропаганды в обеих странах после заключения августовского пакта произошла моментально, что, конечно, возможно только в тоталитарных государствах.

«Г-н Сталин сказал, что г-н министр в осторожной форме намекнул, что под сотрудничеством Германия не подразумевает некую (слово вписано от руки. — *В. М.*) военную помощь и не намерена втягивать Советский Союз в войну. Это очень тактично и хорошо сказано. Факт, что Германия в настоящее время не нуждается в чужой помощи и, возможно, и в будущем в чужой помощи нуждаться не будет. Однако если, вопреки ожиданиям, Германия попадет в тяжелое положение, то она может быть уверена, что советский народ придет Германии на помощь и не допустит, чтобы Германию задушили. Советский Союз заинтересован в сильной Германии и не допустит, чтобы Германию повергли на землю».

Разговор о пограничных и территориальных вопросах оказался трудным, но результативным.

«Обсуждение происходило в весьма дружественной атмосфере, — бесстрастно фиксировал Хильгер. — Обе стороны отстаивали свои позиции, но в это же время в менее существенных пунктах были достигнуты компромиссные решения».

Сталин предложил Гитлеру крупный обмен территориями с тем, чтобы все этнические поляки оказались по одну сторону границы.

«Оба государства из-за различия своих систем каждое бы принимало различные решения на попадающих в их распоряжение поль-

ских территориях. Германия, очевидно, создала бы вдоль Вислы протекторат или что-либо ему подобное, в то время как Советское правительство пошло бы по пути создания автономной польской советской социалистической республики. Неизбежным следствием было бы, что поляки, согласно их традиционному стремлению к воссоединению и к восстановлению самостоятельного польского государства, попытались бы сеять вражду между Германией и Советским Союзом... Из этих соображений он, Сталин, пришел к убеждению, что было бы лучше оставить в одних руках, именно в руках немецких, территории, этнографически принадлежащие Польше. Там Германия могла бы действовать по собственному желанию. Это было бы очень полезно с позиции длительных, добрых немецко-советских отношений».

Такую логику фюрер принял. Взамен советский вождь попросил передать в сферу его влияния Литву, не скрывая, что намерен в будущем включить ее в состав СССР²². Относительно земель по верхнему течению Сана он ни на какие уступки не пошел: «территория уже обещана украинцам», а «украинцы — чертовские националисты». Видимо, этот разговор породил легенду о неких влиятельных «украинских кругах в Кремле», в которую всерил Шулсбург. За неимением более подходящих кандидатур, он считал их представителем... переводчика В. Н. Павлова, «баловня господ Сталина и Молотова», которые якобы называли его «нашим маленьким украинцем»²³. «Но для того, чтобы все-таки продемонстрировать желание пойти нам навстречу», записывал Хильгер, Сталин предложил продавать в Германию половину нефти, добываемой в районах Дрогобыча и Борислава.

Вернувшись из Кремля, Риббентрон продиктовал телеграмму фюреру²⁴, затем поговорил с ним по телефону и лег отдохнуть. Переговоры продолжились на следующей день, начавшись с приветов от Гитлера, переданного рейхсминистром.

«Фюреру также представляется весьма сомнительным раздел польского этнического пространства, так как он может легко привести к трениям между Германией и Советским Союзом, чего, безусловно, следует избегать. Фюрер разделяет мнение Сталина, что поляки в их традиционном стремлении к воссоединению используют все средства, чтобы посорить Германию с Советским Союзом».

Закончив уточнение границы, заговорили о других насущных проблемах.

«Г-н министр вернулся к той части вчерашней беседы... в которой Сталин заявил, что Советское правительство заинтересовано в существовании сильной Германии и в необходимом случае, ежели Германия окажется в тяжелом положении, готово ей помочь. По этому вопросу г-н министр заявил, что немецкое правительство не ожидает военной помощи со стороны Советского Союза и в ней не нуждается. Однако для Германии значительную важность представляет помощь со стороны Советского Союза в экономической области».

Речь шла прежде всего о транзите через советскую территорию. В этом случае согласие было достигнуто в виде обмена официальными и конфиденциальными письмами между Молотовым и Риббентропом.

Следующей темой стала Прибалтика. Как и накануне, Сталин был вполне откровенен, разговаривая с Риббентропом как с союзником: «Пока не предполагается изменять нынешнюю политическую и экономическую систему в Эстонии и вводить там советскую систему... До поры до времени Эстония будет сама решать свои внешнеполитические дела... Если же Латвия будет противодействовать предложению пакта о взаимопомощи на таких же условиях, как и Эстония, то советская армия в самый краткий срок „расправится“ с Латвией. Что касается Литвы, то Сталин заявил, что Советский Союз включит в свой состав Литву в том случае, если будет достигнуто соответствующее соглашение с Германией об „обмене“ территорией».

Такой язык и такую логику Риббентроп понимал прекрасно. Поступать он будет в соответствии с ними, но тоже «до поры до времени»...

Относительно Бессарабии «Сталин ответил, что в настоящее время Советское правительство не располагает намерениями трогать Румынию», не без цинизма добавив, что «ни со стороны Румынии, ни со стороны прибалтийских государств в настоящее время не предвидятся никакие эскапады, потому что все они изрядно испуганы». В заключение он дал принципиальное согласие на просьбу собеседника о возможном использовании мурманской гавани для ремонта немецких подводных лодок.

В 17:40 разговор закончился, и Риббентропа пригласили поужинать. В прошлый раз дело ограничилось скромными посиделками в узком кругу после подписания пакта, сейчас гостю показали настоящее русское (точнее, кремлевское) застолье. За столом, кроме Сталина и Молотова, был весь синклит: Ворошилов, Каганович, Микоян, Берия, Булганин, Вознесенский, Потемкин, Лозовский, Декапов,

Шкварцев, Бабарин, Павлов и почему-то секретарь Президиума Верховного Совета Горкин. Риббентроп сидел на самом почетном месте — рядом со Сталиным и напротив Молотова.

Было весело. Об этом можно судить даже по суховатому отчету Хильгера:

«Ужин был дан в соседних залах Кремлевского дворца и происходил в очень непринужденной и дружественной атмосфере, которая особенно улучшилась после того, как хозяева в ходе ужина провозгласили многочисленные, в том числе весьма забавные, тосты в честь каждого из присутствовавших гостей. Первый тост был адресован г-ну министру. В нем содержалось приветствие „приносящему удачу“ гостю, и он был завершен „ура!“ в честь Германии, ее фюрера и его министра.

В ответном тосте г-н министр поблагодарил Советское правительство за теплый прием и заявил, что он с особым удовольствием последовал приглашению Советского правительства приехать в Москву во второй раз после того, как во время его первого посещения было заложено хорошее начало для установления дружественных отношений между Германией и Советским Союзом в форме пакта о ненападении. После этого поджигатели войны развязали войну, следствием которой было уничтожение Польши. Тот факт, что Германия и Советский Союз приняли на себя задачу навести спокойствие и порядок на территории бывшего польского государства, является залогом их дальнейшего дружественного сотрудничества на широкой основе. На этот раз он присхал в Москву, чтобы заключить окончательное соглашение и предпринять урегулирование отношений на тех территориях, которые находятся между Германией и Советским Союзом. Установление совместной границы и тот факт, что Германия и Советский Союз снова становятся непосредственными соседями, открывает обнадеживающие перспективы успешного сотрудничества в будущем. Советский Союз получил большие территории, на которых живут родственные по крови украинцы и белорусы. В это же время Германия смогла включить в состав своей старой родины многих своих единоплеменников. Восстановлено непосредственное соседство, которое в течение многих столетий существовало между Германией и Россией. Оно представляет надежный фундамент дружбы между обеими странами. Фюрер желает осуществления этой дружбы и считает ее вполне возможной, несмотря на существующие

различия в обеих системах. В этом духе он предлагает тост за здоровье членов Советского правительства, и особенно за здоровье товарищей (интересно, Риббентроп так и сказал «товарищей»? — В. М.) Сталина и Молотова, которые оказали ему столь сердечный прием.

В течение вечера г-н Молотов снова поднимал бокал за здоровье г-на министра и добавил, что Советское правительство особенно радо увидеть у себя г-на Риббентропа, ибо этот человек никогда не приезжает понапрасну. При первом приезде он заключил договор о ненападении, теперь предстоит заключение нового договора, который закрепит дружбу и границы между обоими государствами. Темп 650 километров в час, с которым действует г-н Риббентроп, вызывает у Советского правительства искреннее восхищение*. Его энергия, его сила воли являются залогом того, что свершенное им дело создания дружественных отношений с Германией (так в документе. — В. М.) будет устойчивым.

В своем тосте, адресованном Сталину, Молотов подчеркнул решающую роль, которую сыграл этот человек при преобразовании отношений между Советским Союзом и Германией. В своем тосте в честь немецкого посла графа фон дер Шуленбурга Молотов высоко оценил его неустанные и последовательные усилия в совместном деле и поблагодарил его за совершенную работу».

«Подавали великолепные блюда, — вспоминал Риббентроп, сидя на тюремном пайке, — а на столе стояла отличавшаяся особенной крепостью коричневая водка (видимо, старка. — В. М.). Этот напиток был таким крепким, что от него дух захватывало. Но на Сталина коричневая водка словно не действовала. Когда по этому случаю я высказал ему свое восхищение превосходством русских глоток над немецкими, Сталин рассмеялся и, подмигнув, выдал мне „тайну“: сам он пил на банкете только крымское вино, но оно имело такой же цвет, как и эта дявольская водка» (С. 161).

Выпить советские вожди любили. Еще большим удовольствием было «вусмерть» напоить гостя, о чем на старости лет любил вспоминать Молотов. Он провозглашал все новые тосты, попутно упоминая Сталина, который каждый раз поднимался и пил за здоровье «тостуемо-

---

* В то время мало кто из глав государств пользовался самолетом, поэтому прилеты Чемберлена на переговоры с Гитлером в сентябре 1938 г. стали сенсацией.

го». После очередного тоста вождь заметил: «Если Молотов хочет выпить, никто не против, но не надо все время ссылаться на меня» (запись Хенке).

Риббентрона не напоили, но подливали усиленно, как и всем прочим гостям. Занятный рассказ об этом оставил Хильгер:

«Я сидел напротив него (Сталина. — В. М.) по диагонали. Берия, сидевший справа от меня, пытался наливать мне больше, чем я хотел. Сталин увидел, что мы с Берия о чем-то спорим, и спросил через стол: „В чем дело?“ Когда я объяснил, он ответил: „Если вы не хотите пить, никто не может вас заставить“. — „Даже сам глава НКВД?“ — пошутил я. „Здесь, за этим столом, даже глава НКВД имеет не больше слова, чем кто-либо другой“, — последовал ответ»²⁵.

После ужина и «непринужденной беседы» Риббентроп со свитой отправился в Большой театр, где была зарезервирована правительственная ложа, и посмотрел один акт «Лебединого озера».

«Собравшаяся в театре публика проявила оживленный и благожелательный интерес к высоким немецким гостям», — деликатно пишет Хильгер.

Конечно, как было не поглазеть на заезжую знаменитость, тем более из той страны, которая еще позавчера была исчадием ада, а вчера стала лучшим другом! «Сам спектакль явился новым доказательством высокого уровня русского балета, главные роли в честь высокого гостя исполнялись наилучшими русскими балеринами».

Риббентропу зрелище понравилось: «Прима-балерина, приехавшая ради нас из Ленинграда, танцевала великолепно. (Мне вспомнилось время четвертьвековой давности — еще перед Первой мировой войной, когда я в доме моих нью-йоркских друзей увидел незабываемую Анну Павлову и восхищался этой необыкновенной женщиной.) Я хотел было лично поблагодарить балерину, но граф Шуленбург отсоветовал: это могут воспринять с неудовольствием. Я послал ей цветы, надеясь, что в Кремле это не вызовет неприятных последствий» (С. 160).

29 сентября в час ночи началась заключительная фаза переговоров. Хенке запомнилось, как Риббентроп говорил с Гитлером по телефону, стоявшему на столе Молотова (какой кадр для кино!). В пять утра были подписаны договор о дружбе и границе, секретные протоколы и письма. Карты с проведенной от руки линией новой границы были утверждены Сталиным и Риббентропом еще до

ужина. Именно они так взбудоражили общественность Советского Союза в 1989 году. Только молва относила их к Пакту о ненападении, заключенному месяцем раньше, когда Польша еще не «распалась», хотя, по словам замнаркома иностранных дел Потемкина, и «готовилась» к этому...

Основной текст договора гласил:

«Правительство СССР и Германское Правительство после распада бывшего Польского государства рассматривают исключительно как свою задачу восстановить мир и порядок на этой территории и обеспечить народам, живущим там, мирное существование, соответствующее их национальным особенностям. С этой целью они пришли к соглашению в следующем:

Статья 1. Правительство СССР и Германское Правительство устанавливают в качестве границы между обоюдными государственными интересами на территории бывшего Польского государства линию, которая нанесена на прилагаемую при сем карту и более подробно будет описана в дополнительном протоколе.

Статья 2. Обе стороны признают установленную в статье 1 границу обоюдных государственных интересов окончательной и устраняют всякое вмешательство третьих держав в это решение.

Статья 3. Необходимое государственное переустройство на территории западнее указанной в статье линии производит Германское Правительство, на территории восточнее этой линии — Правительство СССР.

Статья 4. Правительство СССР и Германское Правительство рассматривают вышеприведенное переустройство как надежный фундамент для дальнейшего развития дружественных отношений между своими народами.

Статья 5. Этот договор подлежит ратификации. Обмен ратификационными грамотами должен произойти возможно скорее в Берлине. Договор вступает в силу с момента его подписания».

К договору прилагались конфиденциальный протокол о взаимном обеспечении эмиграции фольксдойче из советской зоны и украинцев и белорусов из германской зоны и два секретных протокола. Первый исправлял секретный дополнительный протокол к Пакту о ненападении: «обмен» Литвы на Люблинское и часть Варшавского воеводств. Второй гласил: «Обе Стороны не будут допускать на своих террито-

риях никакой польской агитации, затрагивающей территорию другой стороны. Они будут подавлять на своих территориях все источники подобной агитации и информировать друг друга о мерах, предпринимаемых с этой целью».

Заключение пакта сопровождалось декларацией за подписями Молотова и Риббентропа, которая звучала многозначительно и даже угрожающе (за основу был принят немецкий проект):

«После того как Германское Правительство и Правительство СССР подписанным сегодня договором окончательно урегулировали вопросы, возникшие в результате распада Польского государства, и тем самым создали прочный фундамент для длительного мира в Восточной Европе, они в обоюдном согласии выражают мнение, что ликвидация настоящей войны между Германией с одной стороны и Англией и Францией с другой стороны отвечала бы интересам всех народов. Поэтому оба Правительства направят свои общие усилия, в случае нужды в согласии с другими дружественными державами, чтобы возможно скорее достигнуть этой цели. Если, однако, эти усилия обоих Правительств останутся безуспешными, то таким образом будет установлен факт, что Англия и Франция несут ответственность за продолжение войны, причем в случае продолжения войны Правительства Германии и СССР будут консультироваться друг с другом о необходимых мерах»²⁶.

«Остальное время было использовано г-ном министром и Сталиным для обмена мыслями по политическим вопросам».

Риббентроп хотел было сделать в заявлении какой-нибудь реверанс в сторону Токио, поскольку «определенные, преимущественно военные, круги в Японии хотели бы компромисса с Советским Союзом (после поражения на Халхин-Голе! — В. М.)», но «в этом они наталкиваются на сопротивление со стороны определенных придворных, экономических и политических кругов и нуждаются в поддержке с нашей стороны в их устремлениях». Сталин предложение отверг, сославшись на то, что Токио доброй воли никак не проявил, а «каждый шаг Советского Союза в этом направлении истолковывается как признак слабости и попрашайничества». Попросив Риббентропа не обижаться, советский вождь заметил, что знает азиатов лучше, чем его собеседник: «У этих людей особая ментальность, и на них можно действовать только силой».

Когда разговор зашел о Европе, Сталин выразился жестко и резко, что видно даже в дипломатичной записи Хильгера: «Советское прави-

тельство не собирается вступать в какие-нибудь связи с такими зажавшимися государствами, как Англия, Америка и Франция. Чемберлен — болван, а Даладье — еще больший болван».

На прощание Риббентроп предложил использовать обмен ратификационными грамотами для приезда Молотова в Германию и подумать о возможной встрече двух вождей. «После несколько скептического ответа Молотова по поводу поездки в Берлин Сталин сказал, что там, где желание, там будет и возможность. Встречу между ним и фюрером он назвал желательной и возможной в том случае, „если живы будем“». Живы они были после этого еще не один год, но так и не встретились, как бы ни уверяли нас в обратном любители, точнее, производители, сенсаций.

В 12:40 Риббентроп вылетел в Берлин, сделав перед отъездом заявление для печати:

«Мое пребывание в Москве опять было кратким, к сожалению, слишком кратким. В следующий раз я надеюсь пробыть здесь больше. Тем не менее мы хорошо использовали эти два дня. Было выяснено следующее:

1. Германско-советская дружба теперь установлена окончательно.
2. Обе стороны никогда не допустят вмешательства третьих держав в восточноевропейские вопросы.
3. Оба государства желают, чтобы мир был восстановлен и чтобы Англия и Франция прекратили абсолютно бессмысленную и бесперспективную войну против Германии.
4. Если, однако, в этих странах возьмут верх поджигатели войны, то Германия и СССР будут знать, как ответить на это».

В дополнение к этому сообщению, распространенному ТАСС и DNB, Вайцзеккер разослал германским миссиям циркуляр:

«Германо-русские соглашения на постоянной основе урегулировали отношения между двумя странами в духе решительного восстановления их исторической дружбы. Идеологии двух стран остаются неизменными и ни в коей мере не затрагиваются данными соглашениями».

«Территориальное размежевание государственных интересов, — говорилось далее, — раз и навсегда устраняет любые будущие разногласия между Германией и Советским Союзом в отношении Польши»²⁷.

Тогда в это верилось. По крайней мере, хотелось верить...

Порой, однако, под публичной эйфорией, умело организуемой в соответствии с новой «генеральной линией», скрывались противоречия,

иногда мелкие, иногда значительные. 15 октября Риббентроп вернулся к идее пригласить Молотова в Берлин для придания большей торжественности обмену ратификационными грамотами, поручив послу выяснить этот вопрос. Днем позже уезжавший в Берлин Шкварцев встретился в Москве с Шуленбургом и передал ему предложение ратифицировать договор уже через три дня и одновременно обеими сторонами. На следующий день Шуленбург был у Молотова: попросил небольшой отсрочки с ратификацией и передал приглашение шефа, заметив: «ратификация — только предлог и г-н Риббентроп просто рад был бы видеть его у себя гостем». Но ехать в Берлин немедленно нарком отказался: «Против поездки, продолжал т. Молотов, я ничего не могу сказать, но в настоящее время это очень трудно сделать физически*». Вопросы международной политики и необходимость компенсировать имевшую место оторванность от совнаркомовских дел затрудняют возможность поездки именно в данное время. Тов. Молотов просит г-на Риббентропа извинить его и еще раз подчеркивает, что, считая себя должником в отношении дважды приезжавшего в Москву г-на Риббентропа, в ближайшее время не может направиться в Берлин. Обмен же ратификационными грамотами в Берлине может быть произведен и без его поездки»²⁸.

В итоге обмен состоялся только 14 декабря без особых церемоний, но 23 декабря в «Правде» появились поздравления Гитлера и Риббентропа по случаю 60-летия Сталина (Даладье, Черчилль и Рузвельт вождя не поздравили). Рейхсминистр вспомнил об «исторических часах в Кремле, положивших начало решающему повороту в отношениях между обоими великими народами и тем самым создавших основу для длительной дружбы между ними». Через два дня Сталин ответил многозначительной фразой: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной»²⁹. Она стала источником произносимых шепотом шуток («кровь-то польская»), а затем, когда разрешили, и благородного негодования: «Меня потрясла телеграмма Сталина Риббентропу, — возмущался четверть века спустя Илья Эрэнбург, — где говорилось о дружбе, скрепленной пролитой

---

* В телеграмме Шуленбург привел ссылки Молотова на то, что он никогда не летал самолетом и плохо переносит море. Ехать же через Польшу по железной дороге, надо полагать, было небезопасно.

кровью... Это ли не кощунство! Можно ли сопоставлять кровь красноармейцев с кровью гитлеровцев!»³⁰

Новый пакт между Москвой и Берлином встревожил многих. Муссолини говорил, вероятно основываясь на впечатлениях Чиано от визита в Берлин и беседы с фюрером 1 октября, что «теперь Сталин положил Гитлера целиком к себе в карман» и что «Москва... в нужный момент подстегнула Гитлера и одновременно чрезвычайно увеличила его зависимость от СССР». Советский поверенный в делах Гельфанд передавал циркулировавшие в Риме слухи о том, что «Гитлер все более проникает<ся> советскими идеями и даже высказал пожелание переименовать свою партию в „национал-большевистскую“, от чего не без труда его удалось временно отговорить (выделено мной. — В. М.)»³¹. Комментарии, как говорится, излишни, но все равно занято.

6 октября в рейхстаге Гитлер предложил очередной «план мира», нацеленный на восстановление экономических и торговых отношений, жестко отозвавшись только о Черчилле, хотя с начала польской кампании предписал своей пропаганде проявлять умеренность по отношению к Англии и Франции³². Даладые отверг предложения, даже не обсудив их со своими министрами. Британский кабинет не без колебаний избрал линию «никакого мира с Гитлером». Выступая 12 октября в палате общин, Чемберлен заявил об этом с максимально возможной для него прямоотой:

«Мир, который мы намерены обеспечить, должен быть настоящим прочным миром, а не вынужденным перемирием, прерываемым постоянными тревогами и повторяющимися угрозами. Кто стоит на пути к такому миру? Германское правительство, и только оно одно»³³.

Гитлер пришел в бешенство и поручил ответный удар Риббентропу, который нанес его речью 24 октября в Данциге. Рейхсминистру были нужны авторизованные цитаты из высказываний Сталина и одобрение информации об их переговорах. 19 октября Молотов передал требуемые тексты Шуленбургу³⁴.

7 октября «Правда» поместила на своих страницах не только изложение речи Гитлера в рейхстаге, но и беседу Риббентропа с японским корреспондентом: «Международные поджигатели не побоятся натравить сегодня английский и французский народы на Германию, а завтра они не побоятся натравить, например, друг на друга американский и японский народы»³⁵.

До Пёрл-Харбора оставалось 26 месяцев...

Первым серьезным испытанием для «дружбы без границ» (расхожее выражение не без иронии обыгрывало название Договора о дружбе и границе) стала советско-финская «зимняя война». 23 октября лондонская «Ньюс кроникл» опубликовала интервью со знаменитым шведским путешественником Свеном Гедином, который незадолго до этого в Берлине встречался с Гитлером. Газеты сообщили о факте встречи, но содержание разговора осталось неизвестным. Гедин — известный германофил, поддерживавший (хотя и не безоговорочно) нацистский режим, интересовался перспективой советско-финского конфликта и реакцией на него Германии. Гитлер ответил, что рейх в любом случае сохранит строгий нейтралитет. Пересказывать его слова швед отказался, но поделился с журналистами собственными впечатлениями и соображениями, не преминув затронуть тему возможной «большевизации» Европы. Без его ведома газета снабдила интервью подзаголовком «Д-р Свен Гедин недавно ездил в Берлин, чтобы предостеречь фюрера против сотрудничества с Россией», давая понять, что Гитлер думает так же. Как только известие достигло Берлина, путешественнику позвонил возмущенный Риббентроп (лично они знакомы не были) и потребовал публичного опровержения, сказав, что в противном случае будет опубликована полная запись беседы, не содержащей никаких выпадов в адрес СССР; напротив, Гитлер заявил о том, что уверен в поддержке Москвы. Гедин немедленно дал просимое опровержение, а позже убедился, что газета действительно исказила его слова. Этот частный эпизод интересен реакцией рейхсминистра на любую попытку даже не вбить клин, а хотя бы бросить тень на отношения между Москвой и Берлином³⁶.

Когда в последний день ноября боевые действия на советско-финской границе все-таки начались, Германия определила свою формальную позицию как строгий нейтралитет, а фактическую — как дружескую по отношению к СССР. В этом Риббентроп заверил Шкварцева, а Шуленбург — Молотова.

Согласно августовским договоренностям, Финляндия относилась к советской сфере влияния, но в Берлине были встревожены резкими действиями Москвы. Финский никель волновал Гитлера больше, чем судьба правительства Рюти или даже маршала Маннергейма. Ситуация осложнилась антисоветской и профинской позицией Италии. В начале декабря фашистская молодежь устроила новому полпреду

Николаю Горелкину «кошачий концерт», после чего Молотов отозвал его домой еще до вручения верительных грамот. В первых числах января итальянский посол Аугусто Россо покинул Москву «с вещами»; почти в одно время с ним из столицы выехали британский и французский послы, а их страны, ритуально исключив СССР из Лиги Наций («Неизбежно, но нелепо», — заметил по этому поводу Кадоган), начали планировать военную помощь финнам.

9 декабря Молотов сообщил Шуленбургу, что Италия послала в Финляндию 50 самолетов с летчиками, которые проследовали через территорию рейха, выразив «удивление» и «возмущение» по поводу того, как это могло произойти при дружеских отношениях с СССР. На следующий день об этом официально сообщил ТАСС. 11 декабря Риббентроп заявил Шкварцеву, что это — английская дезинформация, пущенная через Швецию, дабы поссорить Москву и Берлин. С началом войны Германия прекратила все военные поставки в Финляндию; итальянцы запрашивали разрешение на перевозку еще в октябре, но более к этому не возвращались. Он попросил полпреда передать, что подобные заявления выгодны только Англии и что в будущем демарши такого рода следует согласовывать. Рейхсминистр добавил, что прилагает усилия для максимального удовлетворения пожеланий советской делегации во главе с наркомом судостроительной промышленности И. Ф. Тевосяном, прибывшей в Германию для ознакомления с новой техникой, прежде всего военной, на предмет ее закупок³⁷. Наш герой знал, что эти вопросы находятся «на контроле» у Сталина, а потому на протяжении 1940 года несколько раз обращался по ним лично к вождю (тексты писем, конечно, готовили эксперты*).

Рейхсминистр выступал за безусловный нейтралитет до самого окончания «зимней войны». 28 февраля в беседе с Гедином (это была их первая личная встреча) он наотрез отказался выступить посредником, заявив: «Я не вижу возможности для этого... Финский вопрос для

---

* Экономическое и военно-техническое сотрудничество СССР и Германии в 1939–1941 гг., заслуживающее отдельного исследования, я не рассматриваю, поскольку оно имело мало отношения к деятельности Риббентропа. Его больше интересовало, сможет ли он поохотиться в Карпатах, о чем Шуленбург справлялся у Молотова 25 января 1940 г. «Тов. Молотов отвечает послу, что он обеспечит г. Риббентропу, если тот пожелает, в любое время охоту в районе Сколе». Даже без всегдашнего «согласования с правительством». Поохотиться ему там, правда, так и не довелось...

гигантской России — малозначительная, третьестепенная проблема. Сталин не хотел войны. Он думал, что Финляндия согласится на предложенные им условия. Мы, немцы, считаем, что финны были не правы, отвергнув его предложения. По мнению Сталина, они — умеренные и должны были быть приняты... Наше будущее зависит от России... Сохранение пакта с Россией является для нас вопросом жизни и смерти».

Назвав виновниками войны западные державы, Риббентроп предостерег Швецию от участия в ней, несмотря на ее симпатии к Финляндии, которые Гедин не скрывал.

Заслуживает внимания еще одна реплика нашего героя: «Дни большевизма прошли. В России растет нечто новое и лучшее*. Сталин — личность необычно крупного масштаба, по-настоящему великий человек».

Общее впечатление о Риббентропе у Гедина сложилось благоприятное, хотя он и заметил, что «опытный, мудрый и осторожный» Вайцзеккер был бы лучшим министром иностранных дел³⁸.

5 марта Шуленбург по поручению шефа поздравил Молотова «с успехами Красной армии в Финляндии». Днем позже рейхсминистр, не забыв справиться о дне рождения председателя Совнаркома, чтобы послать ему телеграмму к пятидесятилетию, проинформировал Шкварцева о беседах германского руководства с заместителем госсекретаря США Самнером Уэллесом³⁹. Рузвельт, демонстрируя миролюбие и набирая очки в преддверии президентских выборов, послал его в Европу для сбора информации и выяснения позиций держав, за исключением СССР, относительно шансов «длительного и стабильного мира». Делать предложения и принимать на себя обязательства Уэллеса не уполномочили⁴⁰. Берлин стал вторым пунктом его маршрута после Рима, за ним следовали Лондон и Париж. В отличие от подчеркнуто приветливого Чиано, Риббентроп держался холодно и снова сделал вид, что не понимает по-английски. Гость хотел получить четкое изложение германской позиции, но ничего нового не услышал. Рейхсминистр повторил, что война в Европе вызвана Версальским договором и нежеланием Англии и Франции изменить

---

* Вопрос о влиянии улучшения отношений с Германией на усиление патриотических тенденций в идеологии и пропаганде СССР заслуживает особого рассмотрения. Интересные рассуждения об этом можно найти в первой главе книги Гафенку «Прелюдия русской кампании».

его мирным путем, что именно они объявили войну Германии, а не наоборот, что рейх имеет свою сферу интересов (дежурная ссылка на «доктрину Монро»*) и никому не позволит вмешиваться в нее, наконец, что Берлин не повинен в неудовлетворительном состоянии германско-американских отношений и стремится к расширению торговли с США. Вайцзеккер, беседовавший с Уэллесом отдельно, передал Хасселю его слова о том, что имя Риббентропа не должно стоять ни на каких мирных предложениях, иначе они наверняка будут отвергнуты. Никаких результатов, по крайней мере для Европы, миссия не дала⁴¹.

10 марта Риббентроп отправился в Рим, сообщив о своем намерении всего за два дня до поездки. Тактической целью визита было стремление выяснить, чем соблазнял итальянцев посланец Рузвельта, а стратегической — убедить их нормализовать отношения с Советским Союзом. 3 января в письме к Гитлеру Муссолини категорически заявил о принципиальной верности фашистов антибольшевизму и об их возможном разочаровании в Германии, добавив: «Россия чужда Европе... Задача Германии — защищать Европу от Азии... Четыре месяца назад для всего мира Россия была врагом номер один; она не могла стать и не стала другом номер один... День, когда мы уничтожим большевизм, укрепит веру в наши революции».

10 января Риббентроп жестко заявил Аттолико, что удивлен «резким антибольшевистским тоном письма дуче», который сам рекомендовал Германии наладить отношения с Москвой. Заявив, что СССР не угрожает ни германским, ни итальянским интересам, рейхсминистр заметил, что союз Москвы с Лондоном и Парижем создал бы куда менее благоприятную ситуацию для оси. Аттолико оправдывался враждебным тоном коммунистических газет и возможностью советской экспансии на Балканах, но сочувствия не встретил⁴².

---

* Доктрина Монро — внешнеполитический курс, провозглашенный в 1823 г. в послании президента США Джеймса Монро конгрессу. Декларировала принцип взаимного невмешательства стран Американского и Европейского континентов во внутренние дела друг друга. Доктрина Монро препятствовала приобретению европейскими державами колониальных территорий на Американском континенте и их вмешательству во внутренние дела независимых американских государств. После Первой мировой войны приобрела новое значение, когда на нее стали ссылаться Германия и Япония для оправдания своей экспансии соответственно в Восточной Европе и в Китае.

Так или иначе, конфликт следовало уладить. В беседах с Муссолини и Чиано гость излучал оптимизм, говорил о сплоченности немцев вокруг фюрера и их вере в победу, о бессмысленности поисков компромисса и скором разгроме Франции. О миссии Уэллеса он почти ничего не сказал, но продемонстрировал дуче оригиналы и переводы захваченных в Варшаве документов — отчетов польских дипломатов, свидетельствовавших о том, что Рузвельт сознательно провоцировал войну в Европе (опубликованы 30 марта 1940 года в виде «Белой книги» № 3 германского МИД).

Разговор перешел к «русскому вопросу», ставшему коньком Риббентропа.

«Министр иностранных дел твердо убежден в силу личного опыта двух визитов в Москву, что Сталин оставил идсю мировой революции. „Вы действительно верите в это?“ — спросил дуче. Министр иностранных дел ответил утвердительно и заявил, что авантюра в Испании была последней попыткой мировой революции. На вопрос дуче, отказался ли и Третий интернационал от всех мыслей о мировой революции, министр иностранных дел ответил, что, по его мнению, Третий интернационал занимается исключительно пропагандистской и информационной работой. У него сложилось впечатление, что Россия не только находится в процессе превращения в нормальное национальное государство, но и весьма продвинулась в этом направлении. В центральных органах больше нет евреев, и даже Каганович, о котором говорят, что он еврейской крови (это он [Риббентроп. — В. М.] не имел возможности проверить), больше похож на грузина. С уходом Литвинова все евреи покинули ключевые посты. Во время второго визита в Москву он имел возможность побеседовать со всеми членами политбюро на обеде, устроенном Сталиным. С германской стороны тоже присутствовали старые национал-социалисты вроде гауляйтера Фёрстера, который после банкета заявил, что он как будто общался со старыми партийными товарищами. Таково было и его (министра иностранных дел) впечатление*. Может показаться странным, но, по его мнению, позиция русских — разумеется, коммунистическая и потому неприемлемая для национал-социалиста — более не имеет ничего общего с мировой революцией. Сталин стремится придать Российской

---

* В отличие от Риббентропа, вступившего в НСДАП только в 1932 г., Фёрстер был ее членом с 1923 г. и по праву считался «старым партийным товарищем».

империи централизованную организацию и в значительной степени достиг своей цели, поскольку в России ничего более не происходит без его желания. Для этого он использовал методы, бывшие в ходу в России с незапамятных времен; глядя на портрет царя Александра*, который до сих пор висит в Кремле, можно вообразить, учитывая эти тенденции, что идешь к царю, а не к Сталину.

Дуче заметил, что Сталин на самом деле считает себя наследником Александра. Министр иностранных дел продолжал, что политбюро состоит из сто процентных москвитов (то есть «великороссов», а не евреев. — *В. М.*), которые больше не интересуются другими странами, а напротив, стремятся изолировать свою страну от остального мира. Россия не представляет ни внутренней, ни внешней опасности для национал-социализма или фашизма. Нет никаких свидетельств того, что русские пытались как-то вмешиваться во внутренние дела Германии после заключения пакта. Фюрер считает, что между большевизмом и национал-социализмом есть четкое различие, но в то же время с Россией можно заключить благоприятное торговое соглашение; немалое количество дивизий, которые в иных обстоятельствах пришлось бы держать в резерве для обороны против русских, теперь можно использовать на Западе; взаимопонимание с Россией обеспечило Германии безопасный тыл. Россия переживает перемены глобального масштаба. Она отказалась от идеи мировой революции. Насколько известно в Германии, ее связи с Третьим интернационалом ослабели, а русские в основном удалены оттуда. В результате организационных реформ, проводимых большевистским режимом, все взоры обращены внутрь страны, поэтому на международной арене Россия не намерена предпринимать никаких действий»⁴³.

Мысль о перерождении советского большевизма в русский национализм содержалась и в письме Гитлера от 8 марта, которое Риббентроп вручил Муссолини в начале беседы⁴⁴.

На следующий день дуче напомнил, что в 1924 году он одним из первых официально признал СССР и в 1933-м заключил с ним договор о дружбе, ненападении и нейтралитете, но не изменял антикоммунистическим убеждениям и уверен, что Советский Союз возобновит пропаганду за границей, как только иностранные коммунисты опра-

---

* Согласно воспоминаниям Риббентропа, «Александра II со своими крестьянами после отмены крепостного права» (С. 160).

вятся от шока после московского пакта. Накануне наш герой заметил как о чем-то само собой разумеющемся, что Москва «была втянута» в войну с Финляндией. Хозяин не прокомментировал сказанное, добавив лишь, что примирение воюющих стран соответствует интересам Италии и Германии, равно как и предупреждение советской экспансии в Румынии.

Рейхсминистр все-таки добился своего. Муссолини заявил о готовности вступить в войну в Европе и Северной Африке в ближайшее время, подчеркнув враждебность итальянцев к Англии и Франции, но попросив помощи в виде поставок сырья, и согласился на нормализацию отношений с Москвой. Куда меньший энтузиазм вызвали у него призывы к сотрудничеству с Японией, политику которой Муссолини назвал «убийственно медленной».

Вернувшись в Берлин, Риббентроп сообщил советскому полпреду: «Я сказал ему (Муссолини. — В. М.), что наши отношения с Россией становятся все более тесными и что с заключением пакта о ненападении и договора о дружбе создан базис для прочного и ясного сотрудничества этих стран. Я одновременно сказал Муссолини, что мы в Германии сожалеем, что между Италией и Россией не имеется близких взаимоотношений, как между Россией и Германией. В особенности сожалел я об этом потому, что как раз сам Муссолини перед заключением советско-германского соглашения говорил, что он приветствовал бы с точки зрения Италии улучшение отношений Германии с СССР... Дуче сказал, что он сам также желал бы улучшения советско-итальянских отношений». Заявив о готовности содействовать примирению между Римом и Москвой, «Риббентроп подчеркнул, что сообщает все это для информации Молотова и Сталина», — немедленно доложил в Москву Шкварцев^{*45}.

В Риме Риббентроп попросил об аудиенции у папы Пия XII (Эудженио Пачелли), бывшего нунция (посла) в Германии, а затем кардинала статс-секретаря, то есть министра иностранных дел Святого престола. 11 марта рейхсминистр со свитой посетил Ватикан. Папа воздержался от критики нацистского режима, но заговорил о положении католиков

---

* На этой же встрече «Риббентроп высказал намерение демонстрировать в Германии фильм „Петр Первый“, который ему очень понравился». Однако, по свидетельству советского журналиста и разведчика Ивана Филиппова, «Гёббельс принял все меры, чтобы не допустить его для общественного просмотра». Мелочь, но любопытная.

в рейхе. Риббентроп объяснил, что Германия ведет борьбу за существование, которая занимает все внимание фюрера и не терпит компромиссов; гармония между режимом и церковью возможна при условии, что духовенство будет окормлять паству, а не вмешиваться в политику. Он добавил, что еще ни одна революция в истории человечества не затронула церковь так мало, как нацистская. В конце аудиенции папа спросил, всрит ли его гость в Бога. «Я верю в Бога, но не принадлежу ни к какой конфессии», — ответил тот.

Риббентроп остался доволен, поскольку, по мнению итальянского посла в Ватикане Дино Альфиери, преследовал прежде всего пропагандистские цели и стремился показать, что между рейхом и Святым престолом нет трений или разногласий. Разговор с кардиналом статс-секретарем Мальоне был более конкретным и менее приятным: рейхс-министр отказался допустить в Польшу представителя Ватикана для передачи субсидий тамошним католикам⁴⁶.

18 марта фюрер и дуче встретились на перевале Бреннер — впервые после Мюнхенской конференции. Доминирование Гитлера стало очевидным, его монологи практически исключали возможность дискуссии. 21 марта Риббентроп направил Шуленбургу информацию о встрече для передачи Молотову, однако нарком принял его только через пять дней.

Основные итоги переговоров сводились к следующим пунктам:

«Обмен мнениями показал, что ввиду упорства западных держав возможности заключения мира в настоящий момент нет. Германия поэтому непоколебима в своей решимости продолжать войну до победного конца. Беседа между фюрером и Муссолини вновь подтвердила, что Италия ясно и безусловно стоит на стороне Германии. В беседе было установлено полное единомыслие о формах дальнейшего сотрудничества между Германией и Италией, направленного против западных держав. К вопросу об отношениях между Германией и СССР Муссолини заявил, что он понимает и приветствует германо-советское сближение. При этом Муссолини упомянул, что в свое время он, после Германии, первым вошел в официальные сношения с Советским правительством. Муссолини ясно дал понять, что он считает желательным улучшение отношений между СССР и Италией. Фюрер подробно изложил Муссолини, как он путем опыта пришел к убеждению, что соглашение между Германией и Англией невозможно, как он поэтому стал искать сближения с Советским Союзом, которое стало

возможным благодаря мудрой прозорливости Сталина. Фюрер подчеркнул, что, по его мнению, между Германией и СССР не только нет никаких противоречий, но что обе страны дополняют друг друга политически и экономически. Фюрер выразил свое твердое убеждение в долговечности германо-советских отношений и заявил, что он исполнен желания и решимости углубить и развивать эти отношения. Фюрер и Муссолини констатировали, что ввиду отсутствия каких-либо противоречий между Германией, Советским Союзом и Италией добрые отношения между ними диктуются их общими интересами» (русский текст, зачитанный Хильгером).

«После чтения вышеуказанной информации о встрече Гитлера с Муссолини Шуленбург останавливается на вопросе об улучшении советско-итальянских отношений. Он сообщил, что Риббентроп крайне сожалеет, что существующие отношения между СССР и Италией дают повод врагам Германии усматривать отсутствие *третьего звена в союзе* (выделено мной. — В. М.). Риббентроп констатирует, что Муссолини совершенно ясно и определенно выразил желание улучшить советско-итальянские отношения. Причем Риббентроп не находит, что СССР должен первым сделать соответствующий шаг. Он желает принять на себя роль посредника и предлагает в качестве первого шага и в целях сохранения престижа той и другой страны одновременное возвращение посла Италии в Москву и полпреда СССР в Рим.

Тов. Молотов отвечает, что он не знает, насколько серьезны пожелания Муссолини. Не ясен до сего времени вопрос, почему у Италии возникло такое отношение к СССР. Шуленбург замечает, что в прошлой беседе (17 марта. — В. М.) тов. Молотов указал на неопределенность пожеланий Италии. Сейчас в ответ на это Риббентроп подчеркивает, что высказывания Муссолини являются вполне определенными. Тов. Молотов вновь подчеркивает, что остается неясным, чем было вызвано обострение советско-итальянских отношений со стороны Италии и, главное, в тот момент, когда СССР установил близкие отношения с Германией»⁴⁷.

23 марта поверенный в делах Гельфанд сообщал в Москву: «Рассказывая о пребывании здесь Риббентропа, Чиано отметил, что германский министр является „сторонником улучшения итало-советских отношений“, в восторге от СССР и пленен товарищем Сталиным, о котором долго рассказывал на интимном ужине у Чиано.

Однако через минуту министр высмеивал сообщение французского радио о плане какого-то итало-советского сотрудничества и о предстоящей итало-германо-советской конференции в Вене... Италия явно не предполагает радикально менять своей линии в отношении СССР».

Молотов прекрасно понимал это, что видно из его телеграммы Гельфанду от 1 мая: «Мы расцениваем Чиано как отрицательный фактор в отношениях между СССР и Италией. Если бы не Чиано и его окружение, отношения СССР с Италией были бы лучшими. События последних месяцев показали, что Чиано является непримиримым врагом Советского Союза»⁴⁸.

Наконец Муссолини, готовясь вступить в войну, «закрыв вопрос»: 29 мая Чиано сообщил Макензену о согласии на одновременное возвращение послов. Обрадованный Риббентроп на следующий день велел немедленно известить об этом Молотова. Нарком некоторое время продолжал упорствовать и только 3 июня заявил Шуленбургу:

«Советским правительством принято решение: можно и целесообразно восстановить посольства: итальянское — в Москве и советское — в Риме. Советское правительство считает, что вторичное пожелание Муссолини, переданное через Риббентропа, говорит о серьезном желании Италии улучшить свои взаимоотношения с СССР»⁴⁹.

29 марта рейхсминистр вернулся к идее пригласить Молотова в Берлин. «Мне бы хотелось реализовать ее, — телеграфировал он Шуленбургу, — если возможно, в ближайшем будущем. Понятно без слов, что приглашение не ограничивается одним Молотовым. Если в Берлин приедет сам Сталин, это еще лучше послужит нашим собственным целям, а также нашим действительно близким отношениям с Россией. Фюрер, в частности, не только будет рад приветствовать Сталина в Берлине, но и проследит, чтобы он (Сталин) был принят в соответствии с его положением и значением, и он (Гитлер) окажет ему все почести, которые требует данный случай».

Опытный Шуленбург скептически оценил возможность такого визита, слухи о котором уже проникли в печать: «Известен тот факт, что Молотов, который никогда не был за границей, испытывает большие затруднения, когда появляется среди чужеземцев. Это в той же степени, если не в большей, относится и к Сталину. Поэтому только очень благоприятная обстановка или крайне существенная для Советов выгода

могут склонить Молотова или Сталина к такой поездке». 3 апреля рейхсминистр распорядился дальнейших инициатив не проявлять⁵⁰.

В тот же день Кейтель направил Риббентропу письмо о том, что через шесть дней вермахт оккупирует Данию и Норвегию⁵¹. До адресата оно почему-то дошло только 7 апреля, поэтому готовить необходимые инструкции и переводить документы на иностранные языки пришлось в страшной спешке.

«Между Германией и Данией с 1926 года существовал договор о компромиссе и арбитраже. Правда, при оккупации Дании речь шла не о мирном урегулировании какого-либо спорного вопроса, а о продиктованной стратегическими соображениями немедленной военной мере, причиной которой служило распознанное намерение британского военного руководства. В случае с Данией Германия лишь упредила запланированное Англией нападение на Норвегию, которое несло с собой опасность в дальнейшем военных действий против Дании» (С. 162).

Оправдать оккупацию Дании было непросто, но она прошла на удивление легко и безболезненно: король Христиан X и правительство приняли германские условия и остались на своих местах. Страна была занята вермахтом и встроена в экономику рейха, но до конца 1942 года сохраняла представительства за границей и свободу внутриполитической жизни: в мае 1941-го депутаты-коммунисты заседали в парламенте, выходили левые газеты и «Краткий курс истории ВКП(б)», а глава компартии Ларсен говорил советским дипломатам, что «политический уровень датских трудящихся и коммунистов растет очень быстро»⁵². Посланник Сесиль фон Ренте-Финк, теперь в ранге имперского уполномоченного, был сторонником мягкой политики и стремился максимально привлечь на сторону рейха местную элиту, поэтому Дания считалась «образцовым протекторатом».

С Норвегией же дело обстояло по-другому: король и правительство отвергли германские требования и бежали из страны после поражения вооруженного сопротивления, оказанного при поддержке англичан. Оправдание этой оккупации нашлось легко: захваченные в Осло, Нарвике и Лиллехаммере английские и норвежские документы свидетельствовали о том, что немцы лишь ненадолго опередили англичан в оккупации страны. 27 апреля документы были представлены Риббентроном иностранным дипломатам и журналистам и опубликованы на немецком и английском языках в виде «Белой книги» МИД № 4, включавшей факсимиле оригиналов⁵³.

Если бы в руки к немцам попал личный дневник Кадогана, заместителя Галифакса, то ни у кого вообще не было бы никаких вопросов или сомнений.

«Мы получили совершенно достоверные сообщения, — телеграфировал Риббентроп для передачи Молотову, — о неизбежности нанесения удара англо-французских вооруженных сил по побережью Дании и Норвегии и должны были поэтому действовать незамедлительно... Имперское правительство придерживается мнения, что мы действуем также и в интересах Советского Союза, так как реализация англо-французского плана, который нам известен, привела бы к тому, что Скандинавия стала бы театром войны, а это, вероятно, привело бы к поднятию финского вопроса».

«Молотов заявил, — сообщал Шуленбург в ответ, — что советское правительство понимает, что Германия была вынуждена прибегнуть к таким мерам. Англичане, безусловно, зашли слишком далеко. Они абсолютно не считаются с правами нейтральных стран. В заключение Молотов сказал буквально следующее: „Мы желаем Германии полной победы в ее оборонительных мероприятиях“»⁵⁴.

Установить «ордиунг» в Норвегии оказалось гораздо труднее, причем не только из-за сохранившихся очагов вооруженного сопротивления: провозгласивший себя премьером Видкун Квислинг — бывший военный министр и глава пронацистской партии «Национальное объединение» — не пользовался поддержкой соотечественников. Ему покровительствовал Розенберг (их сближали ненависть к большевикам, увлечение «нордизмом» и тяга к мистике), но гораздо важнее то, что в декабре 1939-го Квислинг сумел расположить к себе Гитлера разговорами о скорой оккупации Норвегии англо-французскими войсками — как мы знаем, совершенно оправданными — и необходимости предотвратить это. Риббентроп и Вайцзеккер избегали общения с ним⁵⁵. Покинувший столицу, но еще остававшийся в стране король Хаакон VII категорически отказался назначить Квислинга премьером, ссылаясь на его крайнюю непопулярность.

Германский посланник Курт Брауэр предложил создать административный совет во главе с председателем Верховного суда Паалом Бергом, Вайцзеккер совествовал передать власть германскому военному губернатору, но Гитлер оставался непреклонен. Риббентроп, поначалу засыпавший Осло противоречивыми инструкциями, устранился от решения неприятной проблемы, не желая еще больше осложнить

положение. Недовольный действиями дипломатов и особенно эмиграцией короля, которую велено было предотвратить, Гитлер закрыл миссию в Осло, отправил Брауэра в армию, утвердил Квислинга премьером, но сделал полновластным хозяином страны эссенского гауляйтера Йозефа Тербовена, получившего ранг имперского комиссара. В переговорах фюрера с министрами нового норвежского правительства наш герой не участвовал⁵⁶.

10 мая Шуленбург и Вайцзеккер одновременно оповестили Молотова и Шкварцева о начале оккупации Бельгии, Голландии и Люксембурга под предлогом их «охраны». Первым двум, как ранее Норвегии, были предъявлены обвинения в нарушении заявленного ими нейтралитета; Люксембург же оккупировали, ни в чем не обвиняя⁵⁷. Геббельс первым передал новость по радио, за что Риббентроп пригрозил уволить всю секцию радиопропаганды МИД. Заговорщики из абвера заранее известили бельгийского и голландского военных атташе, но было поздно. Вместе с меморандумами германского правительства советской стороне были переданы доклады МВД и ОКВ. «Тов. Молотов сказал, что он не сомневается в том, что германские войска сумеют защитить Германию». После разговора с Вайцзеккером полпреда пригласил Риббентроп, чтобы «пожать ему руку». Рейхсминистр «подчеркнул, что подробности (происходящих событий. — В. М.) изложены в документах и что тем не менее сообщение это он сделал мне лично, принимая во внимание особенно дружественные взаимоотношения между нашими странами»⁵⁸.

Теперь лобовой удар предстояло выдержать Франции. 10 мая Черчилль — первый лорд Адмиралтейства, едва оправившийся после поражения в Норвегии, сменил смертельно больного Чемберлена на посту премьера; в Париже двумя месяцами раньше Даладье уступил свой пост Полю Рейно. Предугадать судьбу Бенилюкса было нетрудно, но Франция, считавшаяся куда более мощной военной державой, чем Польша, тоже развалилась на глазах. 10 июня Италия наконец-то вступила в войну, дискредитировав себя поведением «вора на пожаре».

16 июня, после мирного занятия вермахтом Парижа, новое французское правительство во главе с маршалом Петэном, героем Вердена, срочно запросило перемирия. На следующий день Молотов поздравил Шуленбурга «с победами германской армии», заметив, что «вряд ли Гитлер и Германское правительство ожидали таких быстрых успехов». Сказать по правде, их никто не ожидал...

Перемирие было подписано в Компьенском лесу, на том самом месте и в том самом историческом вагоне, где 11 ноября 1918 года маршал Фош от имени Антанты огласил германским представителям условия перемирия (вагон привезли из Парижа по инициативе Геббельса). Теперь условия диктовал Кейтель. Присутствовавшие при этом Гитлер, Геринг, Риббентроп, Гесс, гросс-адмирал Редер и генерал-полковник Браухич молча выслушали его, встали и вышли, не произнеся ни слова. Французам дали возможность совещаться по телефону с главнокомандующим Максимом Вейганом — свидетелем и участником триумфа 1918 года. 22 июня в 18:50 генералы Кейтель и Ханциже подписали перемирие — у обоих на глазах были слезы⁵⁹.

Условия показались многим мягкими и, во всяком случае, не унижительными, хотя северная часть страны, включая Париж и Атлантическое побережье, были оккупированы Германией. Тем не менее скрыть ликование от победы над «вековым врагом» было невозможно.

«Сообщение германских властей о предстоящем возвращении Гитлера из Франции вызвало неописуемый восторг жителей Берлина... Город утопает в знаменах. На улицах — огромные массы людей всех возрастов. Полиция выбивается из сил, чтобы организовать бурлящий живой поток... Появление Гитлера на площади вокзала встречено оглушительными криками приветствия. Вильгельмштрассе покрыта толстым слоем живых цветов, по ним медленно движется машина Гитлера. До позднего вечера шумел и ревел Берлин. На Вильгельмплац люди буквально давили друг друга, стремясь увидеть Гитлера, который то и дело появлялся на балконе своей канцелярии»⁶⁰. Это — воспоминания корреспондента ТАСС, а не материалы ведомств Геббельса или Дитриха...

Рассчитывая на взаимопонимание с Францией и стремясь не допустить эмиграции правительства в Северную Африку, Гитлер и Риббентроп умсрили аппетиты итальянских союзников, нацелившихся на французские колонии в дополнение к прежним претензиям на Ниццу и Корсику. 19 июня на прямой вопрос Чиано: «Что предпочитает Германия в настоящий момент — мир или продолжение войны?» — наш герой четко ответил: «Мир»⁶¹.

7 июля в беседе с Гитлером и Риббентропом Чиано вновь поднял вопрос о переделе французских колоний и предложил «уменьшить югославское государство, типичное создание Версаля, продукт антиитальянской ориентации». Эти предложения были решительно

1. Риббентроп в форме торгашских гусар. 1915 год

См. также в каталоге
России в Европе

2. Иоахим и Аннелиз фон Риббентроп с детьми. Слева направо: Рудольф, Агольф, Урсула, Беттина. Лондон, 30 мая 1937 года

4. С женой Аннелиз и дочерью Беттиной. Далем. Конец 1920-х годов

3. Супруги Риббентроп

5. Дипломат-путешественник

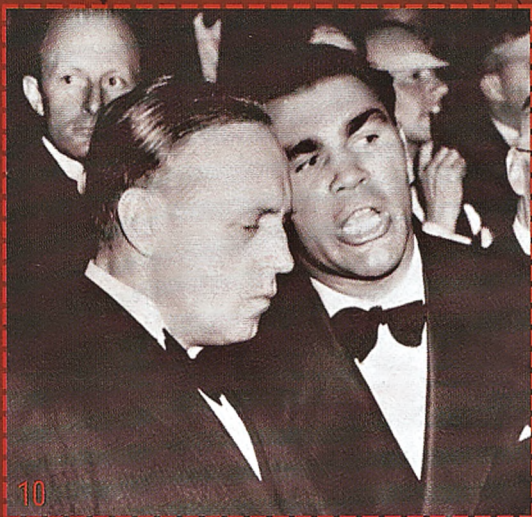
6. Перед очередным полетом в Лондон

8. В парадном мундире МИД

7. Супруги Риббентроп отправляются в путь

9. Советник фюрера: с Гитлером в Аугсбурге. Январь 1935 года

10

11

10. С чемпионом мира по боксу Максом Шмелингом

11. Герцог и герцогиня Кентские в гостях
у посла Третьего рейха

12. В Лондоне. 1935 год

13. Специальный уполномоченный: в Лондоне
с германским послом фон Хёшем

14. Враги: с рейхсмаршалом
Герингом

16. Союзники: с рейхсфюрером СС
Гиммлером

15. Туманный Альбион. 1936 год

17. Господин посол: перед вручением
Верительных грамот

18. Официальный портрет

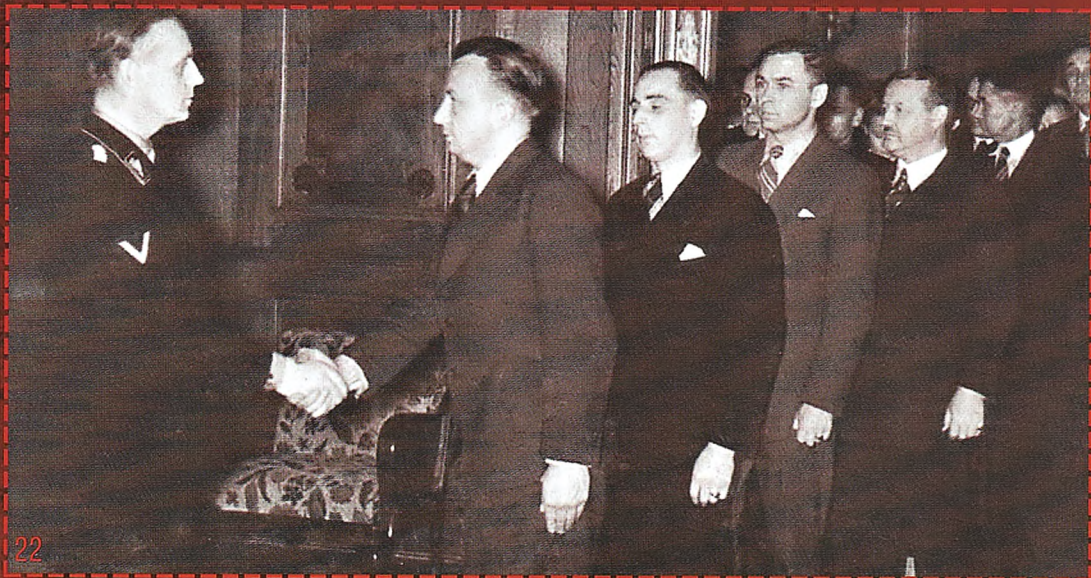

19. Смотр почетного караула
во время визита в Италию

21. Демагоги: с Ллойд-Джорджем
в гостях у Гитлера

20. На похоронах секретаря посольства
в Париже Эрнеста фон Рата. 1938 год

22

23

22. Имперский министр: смотр личного состава МИД. 10 февраля 1938 года

23. Идеолог: подписание Антикоминтерновского пакта
с японским послом Мусякодзи. 25 ноября 1936 года

24

25

24. Аристократы: В гостях у лорда Лондондерри

25. Союзники-враги: с итальянским министром
иностраннх дел графом Чиано

26. Ближний круг: с начальником юридического департамента МИД Гаусом и секретаршей фройляйн Бланк

27. Противники: с британским премьером Чемберленом в Мюнхене

28. Победители и побежденные: с главой французского правительства Лавалем в Монтюаре. Октябрь 1940 года

HOW THEY DID IT

LIFE

STORIES

VOLUME
9

PRICE
1/-

V. RIBBENTROP

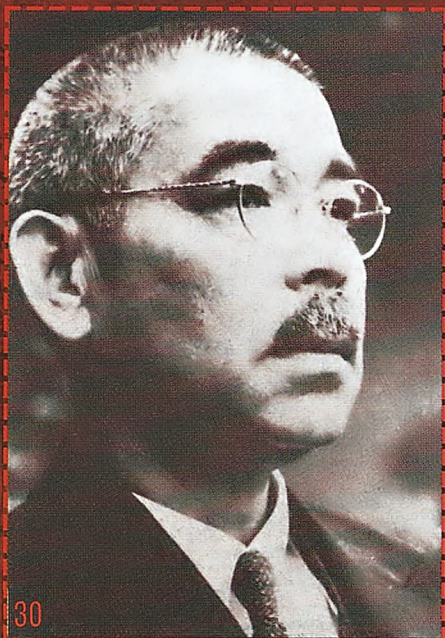
By

GERHARD VON GUNTHER.

29

29. «Фантастическая биография»

30

32

31

33

30. Министр иностранных дел Мацуока сделал ставку на сотрудничество с Берлином и Москвой

32. Японский посол в Германии Того скептически относился к перспективе союза с Третим рейхом

31. С японским послом Осима

33. Рейхсминистр на трибуне. Глаза, как обычно, полужакрыты

34

35

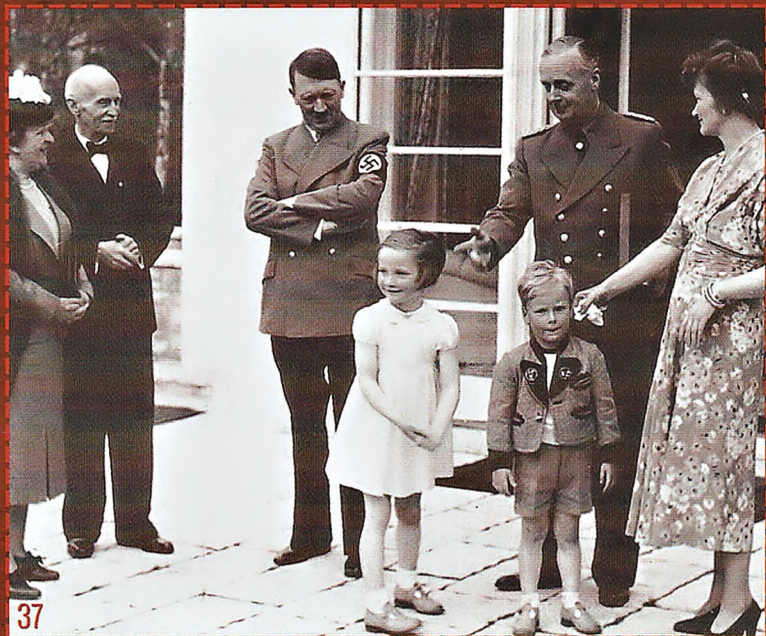
36

34. Вилла в Далеме

36. Замок Фушль в Австрии

35. Охотник

37

38

37. Семейный круг: родители, фюрер, жена, младшие дети

38. Риббентроп оглашает решения Второго Венского арбитража.
30 августа 1940 года

39

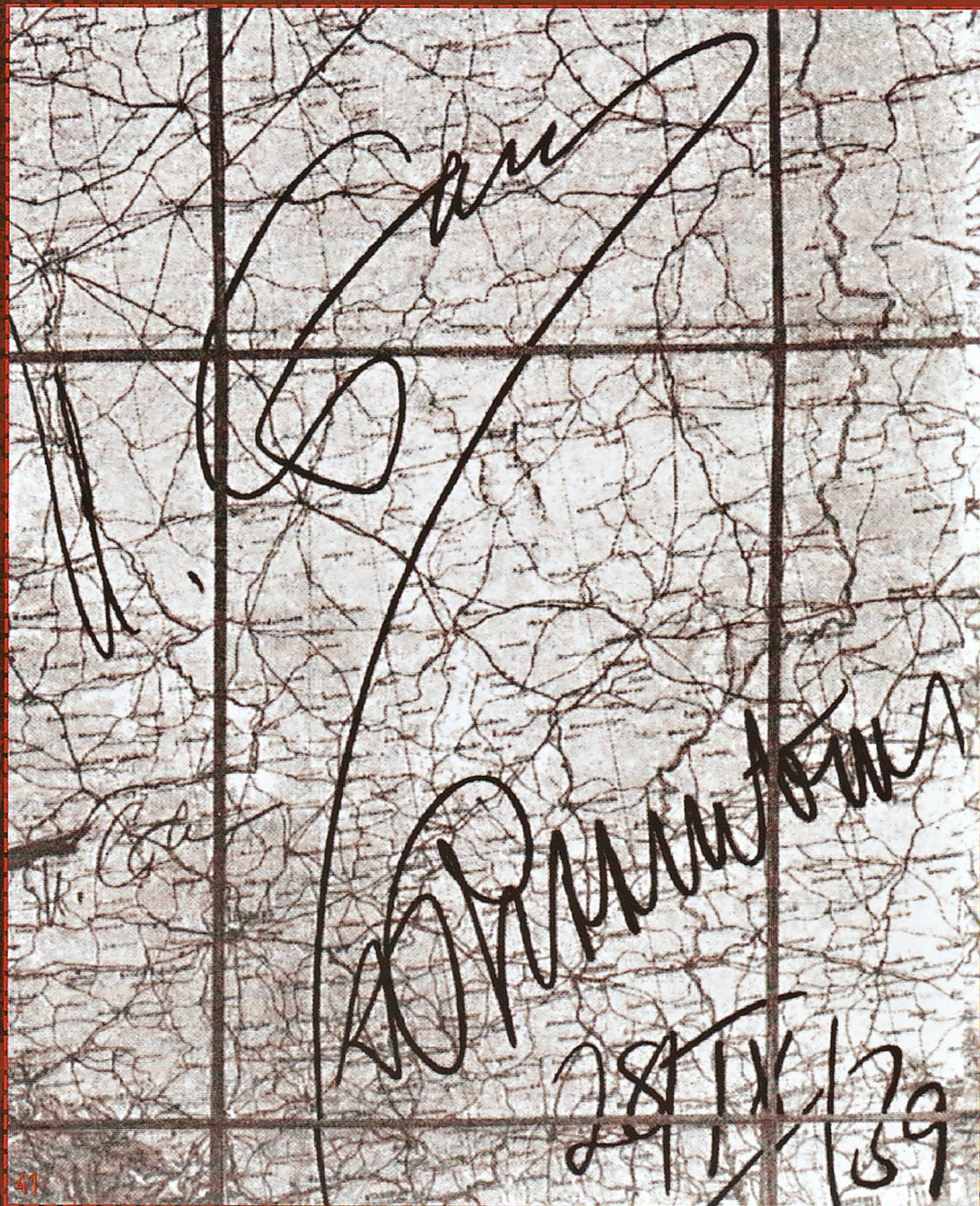

40

39. Несостоявшаяся дружба: подписание двусторонней декларации с французским министром иностранных дел Боннэ. 6 декабря 1938 года

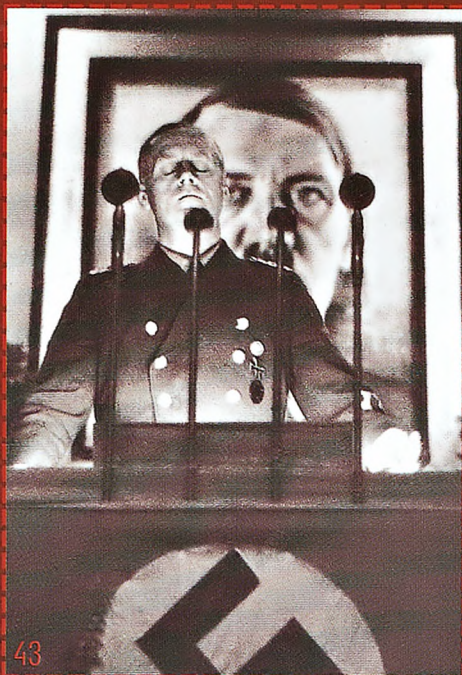
40. С Гитлером и Чемберленом во время встречи в Оберзальцберге, 1938 год

41. «Секретный протокол»

42. Триумф: пакт со Сталиным

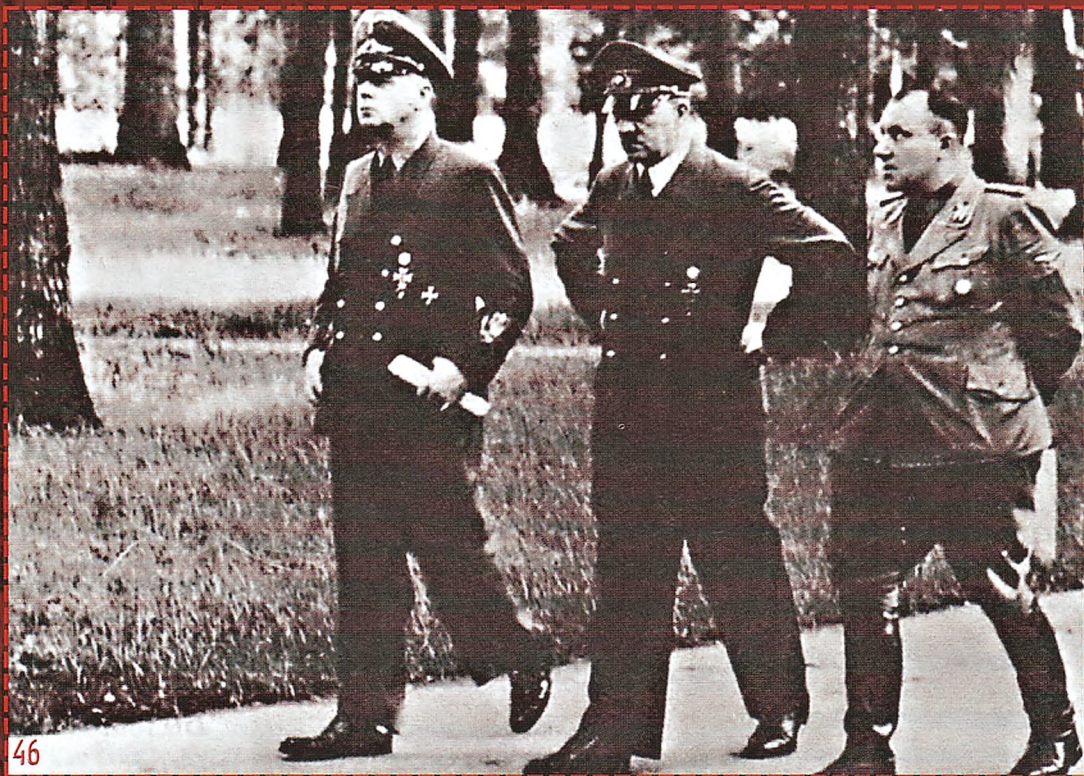
43. Данцигская речь.
24 октября 1939 года

44. Со Сталиным и Молотовым
во время подписания
советско-германского пакта
о ненападении, 1939 год

45

46

45. Борба за власт: Гитлер, Кейтель, Риббентроп, Хевель, Борман

46. С Гитлером и Борманом в ставке фюрера в Вольфшанце, 1943 год

47

48

47. Объявление о начале войны с Советским Союзом, утро 22 июня 1941 года

48. Риббентроп и хорватский диктатор – «поглавник» Анте Павелич – в замке Фушль

49. Два поколения: с послом фон Папенom, бывшим рейхсканцлером

50. С Гитлером и Петэном, 1940 год

51

52

51. С Молотовым в Берлине, 12 ноября 1940 года

52. На Западном фронте. Июнь 1940 года

53. С Гитлером в Восточной Пруссии во время войны с СССР

54. Бледная тень: Риббентроп в Нюрнберге

отвергнуты. Прежде всего фюрер напомнил, что у Германии есть более основательные претензии к Франции, которая после Первой мировой войны отобрала у нее Камерун, и призвал урегулировать все эти проблемы в мирном договоре, заключение которого предпочитал отложить до конца войны в Европе, в том числе из-за нежелания выводить войска из Франции. Итальянцы же хотели заключить договор поскорее, чтобы закрепить им свое участие в победе и дележе трофеев. По мнению Гитлера, результатом любой акции против Югославии стала бы новая война на Балканах, где тоже накопилось много нерешенных проблем и территориальных претензий. Чиано отметил в дневнике, что Гитлер был особенно приветлив с ним, а Риббентроп настроен воинственно⁶².

Вернемся к беседе Молотова с Шуленбургом 17 июня, не ограничившейся «самыми теплыми поздравлениями». Нарком проинформировал посла «о балтийских делах, основные сведения о которых ему, вероятно, известны из газетных сообщений. Советский Союз договорился с Латвией, Литвой и Эстонией о смене правительств этих стран и о вводе советских войск на их территорию. Основной причиной мероприятий советского правительства явилось то, что Советский Союз не хочет оставлять в прибалтийских странах почву для французских и английских интриг. С другой стороны, Советский Союз не хочет, чтобы из-за прибалтийских стран его поссорили с Германией... Политика Советского Союза всегда была пролатвийской, пролитовской и проэстонской. Теперь Советский Союз хочет обеспечить со стороны балтийских стран просоветскую политику»⁶³.

Поражает синхронность действий Берлина и Москвы. Вермахт после шести недель боев входит в Париж и вынуждает Францию капитулировать. Красная армия просто занимает территорию трех государств и меняет в них правительства, хотя их политика и так уже была под советским контролем. Быстрая и бескровная (в смысле отсутствия военных действий) оккупация Прибалтики показала, что не только Третий рейх может успешно осуществлять «аншлюсы» и что Красная армия вовсе не так беспомощна и дезорганизована, как заставила многих думать «зимняя война».

Больше всего Германию обеспокоило то, что ее не поставили в известность о готовившейся аннексии, хотя внешне декорум сотрудничества был соблюден: по личному указанию Риббентропа МИД сразу же разъяснил, что у Германии «нет никаких причин для волнения, каковое

нам открыто приписывается некоторой частью зарубежной прессы», а после июльских выборов, проводившихся под советским контролем и закончившихся просьбами новых парламентов принять три республики в состав СССР, не принял ноты протеста у литовского и латвийского посланников и отговорил их эстонского коллегу от аналогичного демарша. Прибалтийским дипломатам разрешили остаться в Германии при условии их отказа от политической деятельности и каких-либо заявлений⁶⁴.

Однако Сталин не собирался останавливаться на «успехах советской внешней политики в Прибалтах», как скромно назвал это Молотов в докладе Верховному Совету 1 августа. 23 июня в печати появилось сообщение ТАСС, опровергавшее слухи о концентрации советских войск на литовско-германской границе и вызвавшее облегчение в Берлине, которое, однако оказалось недолгим. В тот же день Молотов, выслушав расплывчатый ответ Риббентрона на вопрос трехнедельной (!) давности о возможности согласования позиций Германии, Италии и СССР на Балканах, огорошил Шуленбурга новостями: Советский Союз потребовал от Румынии не только Бессарабию, от претензий на которую никогда не отказывался, но и Северную Буковину, в состав России не входившую.

«Румыния поступит разумно, — сказал парком, — если отдаст Бессарабию и Буковину мирным путем. Она пользовалась ею (так в тексте. — В. М.) 21 год, зная, что те не принадлежат ей... Если же Румыния не пойдет на мирное разрешение Бессарабского вопроса, то Советский Союз разрешит его вооруженной силой. Советский Союз долго и терпеливо ждал разрешения этого вопроса, но теперь дальше ждать нельзя».

После Прибалтики не принимать подобные заявления всерьез было уже невозможно. Посол опешил: «Я сказал Молотову, что такое решение является для меня неожиданным. Я считал, что Советское правительство будет настаивать на своих претензиях к Бессарабии, нами не оспариваемых, но не предпримет самостоятельных действий для их реализации. Я боюсь, что внешнеполитические трудности Румынии, которая в настоящее время снабжает нас значительным количеством важнейшего для военной и гражданской промышленности сырья, серьезно затронут германские интересы».

В советской записи его слова приведены подробнее: «По мнению Шуленбурга, в свое время постановка вопроса о Бессарабии была

такова: СССР заявит свои претензии на Бессарабию только в том случае, если какая-нибудь третья страна (Венгрия, Болгария) предъявит свои территориальные претензии к Румынии и приступит к их разрешению. СССР же не возьмет на себя инициативу в этом вопросе. Шуленбург боится, что разрешение Бессарабского вопроса Советским Союзом в настоящий момент может создать хаос в Румынии, а Германии сейчас до зарезу нужны нефть и другие продукты, получаемые из Румынии».

Посол пытался уговорить наркома отсрочить решительные действия, пока он не проконсультируется с начальством (союзники все-таки!).

«Просьбу Шуленбурга тов. Молотов обещал сообщить Советскому правительству, но предупредил, что Советское правительство считает этот вопрос чрезвычайно срочным. Я рассчитываю, сказал в заключение тов. Молотов, что Германия в соответствии с договором не будет мешать Советскому Союзу в разрешении этого вопроса, а будет оказывать поддержку, понятно в пределах соглашения»⁶⁵.

Решение «бессарабского вопроса» стало для отношений между Москвой и Берлином более серьезным испытанием, нежели «зимняя война», тем более что территориальные претензии к Румынии имелись у Венгрии (Трансильвания) и Болгарии (Южная Добруджа). Это также было наследием мирных договоров в Трианоне (статьи 27 и 45) и Нейи (статья 27).

25 июня Шуленбург передал Молотову ответ Риббентропа:

«1. Германия остается верной московским соглашениям. Поэтому она не проявляет интереса к бессарабскому вопросу. Но на этих территориях живут примерно 100 000 этнических немцев, и Германии, естественно, их судьба небезразлична, она надеется, что их будущее будет гарантировано. Имперское правительство оставляет за собой право в подходящее время сделать советскому правительству определенные предложения по вопросу о переселении этих „фольксдойче“, по примеру этнических немцев Вольни.

2. Претензии советского правительства в отношении Буковины — нечто новое. Буковина была территорией австрийской короны и густо населена немцами. Судьба этих этнических немцев также чрезвычайно заботит Германию.

3. В других районах Румынии Германия имеет очень важные экономические интересы. Эти интересы включают нефтяные поля и сельскохозяйственные земли. Германия поэтому, как мы неоднократно

информировали советское правительство, крайне заинтересована в том, чтобы эти районы не стали театром военных действий.

4. Полностью симпатизируя урегулированию бессарабского вопроса, Имперское правительство вместе с тем надеется, что, в соответствии с московскими соглашениями, Советский Союз в сотрудничестве с румынским правительством сумеет разрешить этот вопрос мирным путем. Имперское правительство, со своей стороны, будет готово, в духе московских соглашений, посоветовать Румынии, если это будет необходимо, достигнуть полюбовного урегулирования бессарабского вопроса в удовлетворительном для России смысле».

Шуленбург мягко заметил, что отказ от претензий на Буковину «будет существенно способствовать мирному решению. Молотов возразил, сказав, что Буковина является последней недостающей частью единой Украины и что по этой причине советское правительство придает важность разрешению этого вопроса одновременно с бессарабским».

На следующий день нарком известил посла о том, что под воздействием вчерашнего разговора Москва решила ограничиться северной частью Буковины с городом Черновцы. Риббентроп поддержал советский ультиматум, врученный вечером 26 июня; то же самое сделал и Чиано. Румыния официально отказалась от франко-британских гарантий и политики нейтралитета, что означало ее окончательный переход в лагерь оси в качестве сателлита⁶⁶.

В обеих столицах с тревогой ожидали новых сюрпризов. 29 июля Молотов поинтересовался у Шуленбурга содержанием переговоров Гитлера и Риббентропа с румынским премьером Джигурту, болгарским премьером Филовым и президентом Словакии Тисо. Рейхсминистр оперативно отправил запрошенную информацию: речь шла об урегулировании взаимных территориальных претензий. Нарком поблагодарил, так как на следующий день должен был выступать перед Верховным Советом⁶⁷.

Отношения с Германией и Италией он охарактеризовал как наилучшие. Сессия приняла в состав СССР Литву, Латвию и Эстонию, а также постановила образовать Молдавскую ССР. Но этим изменения на карте Европы не закончились — впереди был Второй Венский арбитраж.

23 августа германские и советские газеты отметили годовщину заключения Пакта о ненападении. Днем позже были прерваны венгерско-

румынские переговоры о Трансильвании. Чувствуя слабость противника, Венгрия начала готовиться к войне. В конце июня она привела армию в состояние мобилизационной готовности, но резкие ноты Риббентропа от 1 и 4 июля и беседа Гитлера с венгерскими руководителями 10 июля удержали ее от решительных действий: рейх отказывал Будапешту не только в военной помощи, но и в урегулировании возможных последствий. Затем фюрер призвал румынского короля Кароля II удовлетворить требования соседей, пообещав при этом условии сотрудничество и помощь⁶⁸. Стремясь, с одной стороны, не допустить войны на Балканах с возможным участием СССР, а с другой — обеспечить бесперебойные поставки стратегически важной румынской нефти, Гитлер решил выступить арбитром спора, показав всему миру свое миролюбие, а спорщикам — «кто в доме хозяин». 28 августа он и Риббентроп пригласили Чиано в Оберзальцберг для выработки общей позиции.

29 августа министры приняли венгерских и румынских представителей, припугнув и тех и других, а на следующий день вынесли в Вене свой вердикт: Венгрия получила северную часть Трансильвании (около 19 300 квадратных миль территории с населением 2 385 987 человек). Лишь на этих условиях Берлин и Рим гарантировали неприкосновенность Румынии. Увидев карту с новыми границами, румынский министр иностранных дел Манойлеску упал без чувств⁶⁹.

«Расчленением Трансильвании Германия получила дополнительные средства давления как на Румынию, так и на Венгрию с тем, чтобы, используя противоречия между этими странами, держать их в постоянном повиновении... Германия использовала арбитраж для того, чтобы еще прочнее связать Венгрию и Румынию с политикой держав оси»⁷⁰.

Результатом этого давления стал политический кризис в Бухаресте 4—6 сентября, закончившийся отречением Кароля в пользу своего двенадцатилетнего сына Михая и переходом власти в руки прогермански настроенного министра обороны генерала Иона Антонеску. 7 сентября Румыния, по «настоятельному совету» Берлина и с одобрения Москвы, дополнительно передала Болгарии Южную Добруджу в границах 1913 года (7695 квадратных километров с населением 350 000 человек).

31 августа Шуленбург явился к Молотову с известием о состоявшемся Венском арбитраже. Хильгер зачитал перевод послания Риббентропа, начинавшегося словами: «Принимая во внимание дружественные

отношения с СССР, германское правительство решило уведомить об этом советское правительство в наикратчайший срок».

Нарком заявил, что это — нарушение статьи 3 Пакта о ненападении, предполагавшей консультации сторон о вопросах, затрагивающих их общие интересы, и недовольно заметил, что «в сообщениях печати о третейском решении в Вене сказано больше, чем в информации Германского правительства»⁷¹.

Телеграмму посла передали в спецпоезд рейхсминистра, который уже на следующий день беседовал в Берлине с Шкварцевым. Говорить об арбитраже он не стал, пояснив, что завтра пошлет наркому подробный ответ, и перевел разговор на общие темы, чтобы сгладить неприятное впечатление: «Этот год принес большие выгоды как Германии, так и России. Германия одержала большие победы и будет одерживать их. Я думаю, они были полезны СССР, так как СССР смог осуществить свои планы. Это было бы невозможно без разрушения англо-французской политической системы. Экономические отношения, которые благоприятно развивались в прошлом году, будут еще больше развиваться на благо обеих стран»⁷².

3 сентября разъяснения были переданы в Москву, но Шуленбург смог вручить их Молотову только 9-го. Риббентроп посчитал, что «после разрешения вопроса о Бессарабии у СССР и Германии в отношении Румынии и Венгрии нет общих интересов с точки зрения договора о ненападении», а также напомнил, что Берлин был проинформирован о действиях Москвы в Прибалтике и Бессарабии буквально в последнюю минуту.

«В отношении заявления о том, что Германия ставит Советский Союз перед совершившимся фактом, Имперское правительство считает необходимым заметить, что, если меры, принятые Советским Союзом, были запланированными мерами по оккупации различных территорий по соседству с Германией и о них предварительно не было объявлено Имперскому правительству, то действия Имперского правительства в отношении Румынии и Венгрии служат цели обеспечения мира в Придунайском регионе, которому серьезно угрожала напряженность между двумя странами, и сделать это было возможно только путем скорейшего дипломатического вмешательства. Кроме того, Имперское правительство, вероятно, не ошибается, считая, что этот акт умиротворения в Придунайском регионе сослужил существенную службу всем прилегающим к нему странам»⁷³.

Молотова такое объяснение не удовлетворило. Он повторил прежние претензии, а 21 сентября вручил послу обобщавшую их пространную записку. Более серьезные вещи были переданы на словах: «Если для Германии статья 3 Договора о ненападении представляет неудобства и стеснения, то Советское правительство готово обсудить вопрос об изменении или отмене данной статьи».

Шуленбург поспешил заверить его, что об этом речь не идет⁷⁴.

Причины недовольства Москвы верно понял Гафенку. Гарантирование новых границ Румынии рассматривалось как предупреждение Советскому Союзу и ограничение его дальнейшей экспансии. Молотов не раз спрашивал немцев, зачем они вообще дали эти гарантии, если Румынии никто не угрожает. Ответ мы уже знаем. Что же касается Пакта о ненападении, то Молотов все-таки был прав, ибо «если не буква, то его дух требовали предупреждения и консультаций» о готовящихся акциях⁷⁵.

«Наши отношения с Россией начинают портиться», — меланхолично записал Вайцзеккер⁷⁶.

Построение фаланги (1940)

248

Переход войны в Европе в активную фазу весной 1940 года поставил перед руководством рейха два вопроса: о союзниках и о политическом «обустройстве» занятых территорий. Мощь Германской империи возросла колоссально, но сфера деятельности Вильгельмштрассе сократилась: в Норвегии, Бельгии, Голландии и Люксембурге, где в дополнение к военным властям водворились имперские комиссары, дипломатов сменили «офицеры связи» МИД, не имевшие никаких полномочий; посланники в Дании и Словакии были не более самостоятельны, чем сами эти страны; с Францией так и не был заключен мирный договор, хотя в Париже появилось германское посольство во главе с Отто Абцем. Венгрия, Румыния и Болгария окончательно превратились в сателлиты рейха, немногим отличавшиеся от протекторатов.

Целью Гитлера была унификация Европы под германским господством с формальной уступкой части влияния Муссолини, однако в нацистской верхушке существовали и другие проекты. Одним из них было создание «новой Европы» — блока формально независимых и равноправных государств, добровольных союзников Третьего рейха по «крестовому походу» против «мировой еврейской плутократии» (с 22 июня 1941 года к врагам добавится «иудеобольшевизм»).

По-разному, но в одном направлении работали Риббентроп и Гиммлер. По мере углубления европейской интеграции гиммлеровские проекты вызывают все больший интерес, причем не только у историков, хотя нынешняя политкорректная объединенная Европа от такого наследия предпочитает открепиваться¹.

«Необходимость создания новой европейской цивилизации» стала одной из главных тем разговора рейхсминистра с новым итальянским послом Дино Альфиери 19 мая 1940 года. В марте его предшественник Аттолико был отозван по настоянию Гитлера и Риббентропа и к огорчению Вайцзеккера. Нацисты просили прислать в Берлин бывшего генсека фашистской партии Роберто Фариначчи или Альфиери — министра народной культуры (то есть пропаганды), а затем посла в Ватикане. Поначалу дуче на ум пришла кандидатура шефа аппарата МИД Филиппо Анфузо, но в итоге он все же выбрал Альфиери. Новый посол, как и его предшественник, не владел немецким языком, но испустил это активным участием в светской жизни и способностями к пиару, подобно своему шефу Чиано. От него же он перенял и предвзятое отношение к Риббентропу, с которым, по собственному признанию, «так и не смог установить человеческие отношения»².

Но, прежде чем строить «новую Европу», предстояло разобраться с последним противником — Англией. С одной стороны, Гитлер пребывал в уверенности, что она находится при последнем издыхании и жаждет мира, а потому с радостью откликнется на любое его предложение. С другой — продолжал считать необходимым сохранение Британской империи и сознательно не наносил ей последний, смертельный удар — таково объяснение «чуда в Дюнкерке» в июне 1940-го, когда он позволил британским войскам, оказавшимся в безнадёжной ситуации, покинуть Францию. После ее разгрома фюрер решил сделать Лондону очередное «великодушное предложение», поскольку слухи о попытках британских агентов в нейтральных странах выйти на контакт с немцами будоражили его воображение.

Привыкший чутко улавливать настроение вождя, Риббентроп поинтересовался у Фрица Гессе (который теперь работал у него экспертом по Англии) шансами на успех такой акции и тем, что могло бы подвинуть Альбиона к диалогу. Гессе набросал следующий вариант: на Западе — отказ от территориальных аннексий и репараций, на Востоке — возвращение к границам 1914 года с восстановлением «остаточных» Польши и Чехии под международной гарантией; реституция

всех германских колоний; трехсторонний пакт о ненападении с Англией и Францией с возможным отказом от союза с Москвой. Риббентроп заметил, что фюрер едва ли согласится на это, но начал работу над черновиком «мирной» речи, исходя из предложенного проскта.

Подготовка текста заняла неделю, еще столько же рейхсминистр колебался, прежде чем отнес его Гитлеру. Фюрер пришел в ярость. «Похоже, г-н фон Риббентроп, — сурово сказал он, — вы совершенно забыли, что мы выиграли войну, а не проиграли ее... У меня совершенно иные планы!» Затем он поведал изумленному министру, что намерен разделаться с Россией, дабы лишить Англию последней надежды на спасение.

Гессе относит разговор к концу июля 1940-го, но эта датировка не верна, ибо «мирная» речь была произнесена 19 июля. Риббентроп пытался переубедить рейхсканцлера, но тот распалялся все больше и в итоге выгнал его со словами: «С глаз долой, не желаю больше вас видеть!»

Наш герой скрыл свой провал даже от ближайшего окружения, тем более что слухи о «великодушном предложении» продолжали циркулировать — возможно, для «внешнего употребления». Все стало на свои места, когда в речи Гитлера, произнесенной 19 июля перед рейхстагом, мирным предложениям было отведено всего три неконкретные фразы: «В этот час я считаю долгом перед собственной совестью еще раз воззвать к разуму и здравому смыслу в Англии и других странах. Я уверен, что вправе обращаться с таким призывом, ибо я не проигравший, просящий пощады, но победитель, говорящий от имени разума. Я не вижу оснований для продолжения этой войны».

Через три дня лорд Галифакс, выступая по радио, отверг любой компромисс с нацистами, но американский посол Джозеф Кеннеди оценил его речь с долей скепсиса: «Про Бога сказано хорошо, остальное недостаточно твердо»³.

Гитлер окончательно отказался от идеи вторжения в Англию, о чем Черчилль знал из перехваченных совершенно секретных немецких радиোগрам, но не спешил делиться полученной информацией даже со своими министрами (эта история подробно описана Д. Ирвингом в книге «Война Черчилля»).

С Англией связан еще один эпизод биографии Риббентропа, относящийся к лету 1940 года и обросший массой домыслов. Речь идет о плане похитить герцога Виндзорского и его жену и попытаться

использовать их как знамя «партии мира», в существовании которой верила нацистская верхушка. Экс-монарх в звании генерал-майора был прикомандирован к британской военной миссии во Франции, после ее поражения — дабы избежать возможного плена — отправлен в Испанию, а затем назначен генерал-губернатором Багамских островов. Причины столь «несолидного» назначения были очевидны: Георг VI, скверные отношения которого со старшим братом ни для кого не были секретом, и его советники во главе с Черчиллем решили отправить бывшего короля как можно дальше от Европы, да еще под строгим присмотром контрразведчиков. Отказаться от назначения герцог не считал возможным, уезжать не хотел, а пока перебрался из нейтральной проамериканской Испании к друзьям в нейтральную пробританскую Португалию.

Воодушевленный сообщениями посла в Мадриде Эберхарда фон Шторера и посланника в Лиссабоне Освальда фон Хойнингена-Хюне о недовольстве бывшего короля своим положением и о его стремлении к миру, Риббентроп решил вступить с ним в контакт и даже подумывал вывезти его в Испанию с тем, чтобы сделать фактическим пленником немцев. Миссия была возложена на Вальтера Шелленберга из службы безопасности, прославившегося похищением двух английских агентов из голландского приграничного городка Венло в конце 1939 года. Герцог проявил некоторое внимание к германским авансам, но в итоге все-таки отплыл на Багамы в назначенный день. Сведения об этом содержатся в германских дипломатических документах, но детектива по ним не напишешь, а верить английской версии «мемуаров Шелленберга», неизвестно кем сочиненной, не стоит ни в коем случае⁴.

Несмотря на поглощенность событиями в Европе, Риббентроп внимательно читал доклады, поступающие из Японии. До лета 1940-го они мало обнадеживали: кабинеты генерала Абэ Нобуюки и адмирала Ёнаи Мицумаса считались «переходными», а их министры иностранных дел адмирал-атлантист Номура Китисабуро и «хамелеон» Арита Хатири, сорвавший заключение «союза трех» в 1939 году, были озабочены лишь балансированием между враждебными блоками великих держав. Не внушал доверия и посол в рейхе, хитрый и сладкоречивый Курусу Сабуро, сменивший в конце 1939-го решительного германофила Осима. Беседа Риббентропа 8 июля 1940 года с бывшим министром иностранных дел Сато Наотакэ, приехавшим в Рим для экономических пере-

говоров и нанесшим визит вежливости в Берлин, тоже ограничилась бабальностями. На единственный конкретный вопрос хозяина о глубинных причинах японско-американского противостояния гость так и не дал внятного ответа⁵.

Ситуация изменилась в середине июля, когда в Токио наступил политический кризис. Кабинет Ёнаи ушел в отставку, не справившись с глобальными проблемами, точнее, не решившись взяться за них всерьез. Во внешней политике надо было делать выбор между атлантистами и осью, во внутренней — переходить к авторитарной перестройке государства в «новую политическую структуру» (ропуск политических партий, профсоюзов и общественных организаций с последующим объединением их в массовое движение под лозунгами «помощи трону» и «всеобщей мобилизации нации», окончательное лишение парламента политического влияния, унификация идеологии и тотальный контроль над СМИ и системой образования), чего требовали различные группы правящей элиты и общественности.

Выполнение обеих задач взял на себя принц Коноэ Фумимаро, уже возглавлявший кабинет министров с июня 1937-го по начало января 1939 года и вновь назначенный премьером. Арита, которому уже никто не доверял, разделил судьбу Ёнаи. Вопрос о его преемнике приобрел особую важность, поскольку Коноэ заявил о намерении сосредоточиться на внутренней политике. Молва называла две кандидатуры — бывшего посла в Риме Сиратори Тосио и бывшего президента Южно-Маньчжурской железной дороги Мацуока Ёсукэ, имевшего собственное мнение по любому вопросу и высказывавшего его при первой возможности. В амбициозности они не уступали друг другу, поэтому, при определенном сходстве взглядов, их отношения вылились во взаимную неприязнь. Коноэ остановил выбор на старшем и более уважаемом Мацуока⁶.

Одним из первых шагов нового министра стало возобновление переговоров с Берлином и Римом о заключении союза, в котором он хотел видеть такую же долгосрочную основу внешней политики, какой в начале века был англо-японский союз. 30 июля при его непосредственном участии был составлен меморандум «Об укреплении сотрудничества между Японией, Германией и Италией», за которым последовал новый, обобщающий план МИД. Несмотря на отдельные расхождения, все они имели целью военно-политический союз с конкретными взаимными обязательствами, включая содействие в урегу-

лировании военных конфликтов. Проекты предусматривали поддержание добрососедских отношений с Москвой и совместные с Германией усилия по координации политики оси и СССР. Теперь инициатива скорейшего оформления союза исходила от Токио, точнее, лично от Мацуока. По его указанию Курусу активизировал свою деятельность, но без успеха, ибо не имел авторитета в нацистских кругах. Опыт прежних лет разубедил Вильгельмштрассе в способности японцев вести последовательную политику и брать на себя ответственность⁷.

Однако Риббентроп преодолел скепсис своего окружения и перешел к практическим шагам. 23 августа (в первую годовщину пакта с Москвой!) он известил Курусу о том, что Генрих Штамер получил ранг чрезвычайного и полномочного посланника и предписание отправиться со специальной миссией в Японию. Перед ним были поставлены три задачи: 1) выяснить подлинное отношение японского правительства к Германии; 2) начать переговоры о союзе, если Япония проявит заинтересованность; 3) немедленно информировать его по всем вопросам, требующим согласования с руководством рейха⁸. Решение отправить специального посланника в Токио свидетельствовало об определенных подвижках в политике, причинами которых можно считать упорное сопротивление Англии, разрушившее надежды на ее скорое поражение, стремление удержать США от вступления в войну и боязнь японско-американского сближения. Штамер был известен как доверенное лицо Риббентропа, что придавало его миссии особый вес.

Новость о приезде посланца из Берлина ускорила развитие событий. Подготовку предложений к конференции четырех министров (из прежних пяти «выпал» министр финансов) взял на себя лично Мацуока, хотя в Японии этим обычно занимаются чиновники более низкого ранга. 1 сентября на совещании руководства МИД Сиратори, занимавший почетный, но декоративный пост советника министерства, выступил за «альянс четырех» с привлечением СССР, но министр отмахнулся от идеи вечного соперника, чтобы позже выдавать ее за свою. 6 сентября план Мацуока, предусматривавший союз с Германией и Италией, был одобрен. На следующий день Штамер прибыл в Токио.

Первый раунд переговоров проходил 9–12 сентября в резиденции Мацуока в обстановке строгой секретности, третьим участником был

посол Ойген Отт. Для удобства говорили на английском, которым все трое хорошо владели. Штамер начал с сообщения о целях и задачах своей миссии. Текст инструкций, полученных им от Риббентропа, неизвестен, однако в бумагах Копоэ сохранился меморандум с изложением его заявления (очевидно, со слов Мацуока):

«1. Германия не желает разрастания нынешнего конфликта в мировую войну и стремится завершить его как можно скорее. В особенности она желает, чтобы США остались в стороне от него.

2. Германия не ищет военной помощи Японии в настоящий момент в войне против Англии.

3. Она желает, чтобы Япония играла сдерживающую роль и любыми средствами предупредила вступление Соединенных Штатов в войну. Сейчас Германия думает, что США не вступят в войну, но не может полагаться на случай.

4. Германия считает маловероятным свой конфликт с США в обозримом будущем, но не может исключать возможности столкновения и войны между Японией и Соединенными Штатами.

5. Германия уверена, что достижение Японией и Германией (разумеется, с участием Италии) понимания или соглашения послужит к взаимной выгоде обеих стран, если они будут должным образом готовы в любой момент эффективно встретить чрезвычайную ситуацию. Только так возможно — если вообще возможно — предупредить вступление США в нынешнюю войну или, в будущем, в вооруженный конфликт с Японией.

6. Сильная и решительная позиция Японии, Германии и Италии, не оставляющая места сомнениям и заблуждениям, и осознание этого Соединенными Штатами и всем миром — только это может быть мощным и эффективным средством сдерживания США. Слабая, нерешительная позиция или декларация в данный момент только навлекут насмешки и усилят опасность.

7. Германия надеется, что Япония осознает важность ситуации, понимает силу и реальность потенциальной (возможно, неминуемой) опасности, исходящей из Западного полушария, и будет действовать быстро и решительно, дабы предотвратить ее заключением соглашения трех (Япония, Германия и Италия), чтобы ни у США, ни у остального мира не осталось никаких сомнений.

8. Едва ли нужно повторять, что Германия и Италия сделают все находящееся в их власти для сдерживания США в Атлантике и начнут

снабжать Японию таким количеством вооружения (самолеты, танки и другая техника — по желанию Японии даже с экипажами), какое смогут выделить в разумных пределах, а также оказывать ей помощь всеми возможными способами. (Мацуока заметил, что эти вопросы могут и должны быть поручены смешанной военной и морской комиссии оси, коль скоро Япония присоединится к оси в той степени, которой желает Германия.)

9. Разумеется, Германия признает и уважает политическое лидерство Японии в Великой Восточной Азии. Все ее (Германии. — *В. М.*) желания в этом регионе имеют экономический характер, и она готова сотрудничать с Японией в достижении ее целей. Естественно, она ожидает от Японии максимальных усилий по обеспечению деятельности германских предприятий и по снабжению ее материалами из этого региона, в которых она нуждается или может нуждаться.

10. Лучше сначала достичь соглашения между Германией, Италией и Японией, а затем немедленно обратиться к Советской России. Германия готова выступить в качестве честного посредника в деле сближения между Японией и Советской Россией и не видит никаких непреодолимых препятствий на этом пути, по которому можно пройти без особых трудностей. Германо-советские отношения хороши вопреки тому, что пытается утверждать британская пропаганда, и Россия выполняет все свои обязательства, к удовлетворению Германии.

11. Несмотря на то что страны оси (включая Японию) должны быть готовы к наихудшему развитию событий, Германия использует любую возможность для предотвращения столкновения между США и Японией и для улучшения отношений между ними, если это в человеческих силах.

12. Предлагая Японии присоединиться к оси в полном смысле слова и как можно скорее, еще до окончания войны против Англии, Германия имеет в виду перспективу колоссальной борьбы против Британской империи, против англосаксов вообще, включая Америку. (Короче говоря, он (Штамер. — *В. М.*) имеет в виду, что эта война должна превратиться в битву с англосаксами.) Нынешняя война может закончиться быстро, но великая борьба будет продолжаться десятки лет, в той или иной форме. (Мацуока выделил эту фразу.) Трое (Германия, Италия и Япония) будут стоять вместе, тесно связанные друг с другом, пока великая цель не будет окончательно достигнута.

13. Германский министр иностранных дел известит японского министра иностранных дел, когда он обратится к Италии с предложением принять участие в нынешней дискуссии. Германское правительство еще не совещалось с Италией. Ни Штамер, ни кто другой с германской стороны не информировали советских официальных лиц по данному вопросу.

14. Слова Штамера должны рассматриваться как исходящие прямо от Риббентропа»⁹.

Японский министр согласился с этими предложениями и взялся убедить своих коллег по кабинету. 12 сентября вопрос обсуждался на конференции четырех министров, но морской министр адмирал Оикава Косиро заколебался, опасаясь дальнейшего ухудшения отношений с США. Днем позже Мацуока встретился с его заместителем вице-адмиралом Тоёда Тэйдзиро, который посоветовал внести в текст будущего соглашения поправки, гарантирующие самостоятельность Японии при принятии решения о вступлении в войну в случае конфликта между Германией и Соединенными Штатами, а также оговорить необходимость улучшения отношений с СССР. На этих условиях флот давал добро, что и было закреплено на встрече министров 13 сентября.

На следующий день началось обсуждение текстов документов. Не останавливаясь на деталях, отмечу одно: положение о том, что договор не будет затрагивать отношений его участников с СССР, было внесено в него по инициативе Риббентропа.

Добившись 16 сентября согласия кабинета на германские предложения, Мацуока через три дня вручил Отту и Штамеру проекты секретного протокола и двух нот к пакту. Протокол предполагал создание совместных военных и морских комиссий и предписывал сторонам консультации, сотрудничество и взаимную помощь в случае войны или ее угрозы, включая обмен информацией и поставки вооружения, в том числе новейшего. Секретные ноты должны были гарантировать Японии помощь со стороны Германии и Италии в случае ее конфликта с Англией (об ответной помощи в уже шедшей войне не говорилось!) и отказ Германии от своих бывших владений на Тихом океане в обмен на режим наибольшего благоприятствования в регионе по окончании войны¹⁰.

Министр заявил, что предложенные документы не ограничивают обязательств Токио, но помогут провести пакт через Тайный совет, где в первую очередь встанет вопрос о его конкретных выгодах для стра-

ны, а также посоветовал подготовить и согласовать все документы на английском языке, чтобы позже торжественно подписать их на языках держав-участниц¹¹. Отт и Штамер возразили, что обязательства должны быть взаимными и надо, по крайней мере, убрать из текста односторонние формулировки. Мацуока с легким сердцем пошел на это, полагая, что по достижении принципиального согласия урегулировать частные вопросы не составит труда.

19 сентября проект пакта был одобрен Императорской конференцией. Министр иностранных дел разъяснил, что Япония берет на себя обязательство автоматического вступления в войну в случае нападения на ее союзников, но на практике оставляет за собой право решать, когда и как это сделать, а также сообщил, что Германия готова содействовать нормализации японско-советских отношений¹².

А что же Италия? 10 сентября Осима спросил об этом Штамера. «Предоставьте Италию Германии», — лаконично ответил тот. В ее согласии в Берлине несколько не сомневались, тем более что Муссолини уже предпринял ряд шагов в желаемом направлении. Во-первых, в мае из Токио был отозван посол Джьячинто Аурити, скептически относившийся к союзу с Японией и враждебно настроенный по отношению к СССР; 20 июля его более покладистый преемник Марио Инделли вручил императору верительные грамоты. Во-вторых, при посредничестве Риббентропа были нормализованы отношения с СССР и возобновлено экономическое сотрудничество.

19 сентября рейхсминистр приехал в Рим и после рассказа об успехах в войне против Англии огорошил Чиано известием о готовящемся — в строжайшей тайне от всех — военном союзе с Японией. Главной целью пакта он назвал предотвращение вступления Америки в войну, а также заверил коллегу в том, что России можно не бояться: ее армия слаба, но фюрер все же принял необходимые меры предосторожности. «Ось займет дружественную позицию в отношении России», — недвусмысленно заявил наш герой, хотя Чиано занес в дневник: пакт может быть использован против США и СССР. Согласно германской записи, Муссолини ответил, что Италия придерживается политики сближения с Россией не искренне, а лишь «из оппортунистических соображений» и что сферы влияния оси и СССР должны быть четко определены. В остальном же он полностью согласился с предложениями Берлина — иного выхода у него попросту не было¹³.

На следующий день Риббентроп, которому немедленно пересылались все телеграммы Штамера и Отта, известил дуче о ходе переговоров и о последних японских предложениях: секретный протокол, поты, подписание в Токио, — отвергнув их как «откровенно детские». Муссолини заметил, что если японцы и дети, то очень сообразительные.

22 сентября рейхсминистр решительно заявил, что пакт будет подписан в Берлине, и пригласил туда Чиано¹⁴. Текст соглашения был наконец-то согласован, но Мацуока продолжал настаивать на своем. 24 сентября Штамер и Отт, не имея санкции Берлина, согласились на то, что Япония оставляет за собой право решать вопрос о вступлении в войну. 26 сентября Тайный совет, удовлетворившись разъяснениями Коноэ и министров, одобрил пакт¹⁵. 27 сентября в рейхсканцелярии Риббентроп, Чиано и Курусу поставили под ним свои подписи. Несмотря на пышность церемонии, итальянский гость отметил, что обстановка была «гораздо холоднее», чем при заключении «Стальского пакта» в мае 1939-го¹⁶.

Тройственный пакт появился в то время, когда европейская война еще не переросла в мировую, но возможность такого поворота событий с каждым днем становилась все больше. Это в полной мере отразилось на его содержании:

«Правительство Великой Японской Империи, правительство Германии и правительство Италии*, признавая, что предварительным и необходимым условием сохранения длительного мира является предоставление каждому государству возможности занять свое место в мире,

считают основным принципом создание и поддержание нового порядка, необходимого для того, чтобы народы в соответствующих районах Великой Восточной Азии и Европы могли пожинать плоды сосуществования и взаимного процветания,

выражают решимость взаимно сотрудничать и предпринимать согласованные действия в указанных районах в отношении усилий, основывающихся на этой доктрине.

Правительства трех держав, приспосабливаясь стремлением к сотрудничеству со всеми государствами, которые прилагают подобные усилия во всем мире, полны желания продемонстрировать свою

---

* Текст из японских архивов. Порядок перечисления стран-участниц менялся в зависимости от того, какому правительству предназначался данный экземпляр.

непреклонную волю к миру во всем мире, для чего правительство Великой Японской империи, правительство Германии и правительство Италии заключили нижеследующее соглашение:

Статья 1. Япония признает и уважает руководящее положение Германии и Италии в установлении нового порядка в Европе.

Статья 2. Германия и Италия признают и уважают руководящее положение Японии в установлении нового порядка в Великой Восточной Азии.

Статья 3. Япония, Германия и Италия соглашаются осуществлять взаимное сотрудничество, основывающееся на указанном курсе; если одна из трех договаривающихся сторон подвергнется нападению со стороны какой-либо державы, которая в настоящее время не участвует в европейской войне и в японско-китайском конфликте, то три страны обязуются оказывать взаимную помощь всеми имеющимися в их распоряжении политическими, экономическими и военными средствами.

Статья 4. В целях осуществления настоящего пакта безотлагательно создается смешанная комиссия, назначаемая правительством Японии, правительством Германии и правительством Италии.

Статья 5. Япония, Германия и Италия подтверждают, что указанные выше статьи никоим образом не затрагивают политического статуса, существующего в настоящее время между каждым из трех участников пакта и Советским Союзом.

Статья 6. Настоящий пакт вступает в силу с момента его подписания. Срок действия пакта — десять лет со дня вступления в силу. В любой момент в течение этого периода по требованию одной из держав, заключивших пакт, договаривающиеся стороны обсудят вопрос пересмотра настоящего договора»¹⁷.

В тот же день в Токио Мацуока и Отт обменялись тремя парами секретных писем в соответствии с японскими требованиями. Посол сделал это без ведома и согласия Риббентропа (от имени которого выступал!), что подтверждается отсутствием данных документов в германских архивах. Он ничего не сообщил шефу, переложив это на возвращавшегося домой Штамера, но тот понимал, чем рискует, и тоже никому ничего не сказал. Четверть века спустя Отт оправдывался, что письма не противоречили общему курсу рейха, что основной текст пакта не освобождал Японию от обязательств и что ситуация требовала немедленных решений¹⁸.

Первое письмо гарантировало Японии «оказание полной поддержки и помощи всеми военными и экономическими средствами» со стороны Германии и Италии в случае нападения на нее. Второе извещало немцев о том, что «условия, существующие в настоящее время в Великой Восточной Азии и повсюду, не позволяют японскому правительству пребывать в уверенности, что в имеющихся обстоятельствах не существует возможности вооруженного конфликта между Японией и Великобританией, и в соответствии с этим оно желает обратить внимание германского правительства на такую возможность и заявить свою уверенность в том, что в таком случае Германия сделает все возможное для оказания помощи Японии всеми средствами, имеющимися в ее распоряжении». Третье письмо содержало отказ рейха от бывших тихоокеанских владений на условиях неназванного «вознаграждения». Ответы, как принято в дипломатической практике, текстуально подтверждали приведенные письма¹⁹.

Риббентроп прекрасно понимал, что пакт приобретал смысл только при участии в нем СССР, хотя бы в силу географических причин. Еще 2 октября 1939 года Дриё Ле Рошель записал в дневнике: «Вот и снова демократии ждут решений Сталина, Гитлера, Муссолини. Сформируют ли они триумвират?»²⁰

Непосредственно история несостоявшегося, но вполне вероятного политического, экономического и даже военного сотрудничества СССР с тремя державами как с единым целым начинается именно с подписания этого пакта. Официально Москва была оповещена о его подготовке лишь 26 сентября, когда германский поверенный в делах Типпельскирх (Шуленбург был в отъезде) явился к Молотову, снабженный инструкцией Риббентропа, предварявшей словами: «Ввиду сердечных отношений, существующих между Германией и Советским Союзом, я хотел бы заранее, строго конфиденциально, информировать его о следующем...»

Тут опять начинаются загадки: секретная телеграмма рейхсминистра, полученная в посольстве в полдень, и меморандум на русском языке, врученный Молотову десять часов спустя, содержат количественно незначительные, но содержательно важные разночтения. Текст, подготовленный Хильгером и сохранившийся в советских архивах, гласит:

«1. Происходящая в демократических странах кампания поджигания войны, ищущая в настоящей стадии окончательного покорения

Англии последний исход в расширении и удлинении войны, повела к переговорам между Германией и Италией, с одной стороны, и Японией — с другой. Эти переговоры, вероятно, в ближайшие дни приведут к подписанию военного союза между этими тремя державами.

2. Этот союз, соответственно с причиной своего происхождения, направлен исключительно против демократических поджигателей войны. Хотя это в договоре, согласно обычаю, не будет прямо сказано, однако это вытекает с полной ясностью из его формулировки.

3. Само собой разумеется, что этот договор не преследует никаких наступательных целей. Его исключительная цель направлена к тому, чтобы образумить элементы, стремящиеся к удлинению и расширению войны, доказав им воочию, что при вступлении в происходящую в настоящее время войну они автоматически будут иметь против себя прежде всего эти три великие державы.

4. Между договаривающимися державами с самого начала переговоров существовало полное единомыслие в том, что их союз никоим образом не затронет отношений, которые каждая из них имеет с Советским Союзом. Для того чтобы на этот счет и вовсе устранить всякие сомнения, в договор включена особая статья, говорящая о том, что политический статус, существующий между каждой из трех договаривающихся держав и Советским Союзом, этим договором не затрагивается. Это постановление означает, что не только договоры, заключенные этими тремя державами с Советским Союзом, в частности германо-советские договоры, подписанные осенью 1939 года, в полном объеме сохраняют свою силу, но что это вообще относится и к совокупности их политических отношений с Советским Союзом.

5. Следует думать, что договор окажет успокаивающее влияние на поджигателей войны в демократических странах, что он будет противодействовать дальнейшему расширению настоящей войны и в этом смысле, может быть, послужит восстановлению всеобщего мира»²¹.

Правка, внесенная в первоначальный текст (кем?! когда?! почему?!), устраняла из него все прямые указания на то, что пакт имеет какое-либо отношение к США. Ранес в первом, втором и пятом пунктах говорилось о «поджигателях войны» конкретно в «Америке», а не в неких «демократических странах», в третьем — об отсутствии у пакта «наступательных целей» не вообще, а «против Америки» и о вразумлении элементов, «настаивающих на вступлении Америки в войну». Послевоенная публикация германских документов содер-

жит оба варианта с указанием, что Молотову был вручен измененный текст, но без каких-либо объяснений этого обстоятельства²². Принять такое решение мог только сам министр (но уж точно не поверенный в делах!).

Некоторый свет на события может пролить разговор Вайцсеккера с Шкварцевым 28 сентября. Статс-секретарь повторил полпреду основное содержание послания, сделав в записи примечательную оговорку: «В беседе я ограничился инструкциями, телеграфированными в Москву 25 сентября. Вместо того чтобы называть Америку в качестве державы, против которой пакт направлен, я использовал более общие определения, сказав, что предупреждение адресовано демократическим странам»²³.

Впрочем, в день его подписания заведующий отделом печати МИД Пауль Отто Шмидт на пресс-конференции в Берлине прямо заявил о том, что «пакт является предупреждением тем поджигателям войны, которые имеются в США»²⁴.

Молотов «выслушал сообщение очень внимательно» и поблагодарил поверенного. Однако советская запись показывает, что нарком был недоволен (слухи об этом сразу же поползли среди иностранных дипломатов). Он несколько раз повторил, что «если бы Советский Союз заключил подобный договор, то Советское правительство проинформировало бы об этом Германское правительство», и «выразил пожелание ознакомиться с текстом самого договора и дополнительными секретными статьями его, если таковые имеются».

«Желательно предварительно ознакомиться с текстом договора, — добавил он, — так как при этом возможно еще внести свои поправки»²⁵.

Последнее в планы рейха не входило, хотя, как видно из истории токийских переговоров, причиной запоздалого информирования союзника (Молотов четко выстраивал беседу с Типпельскирхом как с представителем союзной страны) был не злой умысел, а бесконечные проволочки, ставившие под сомнение успех всего предприятия.

Осень 1940 года стала смотром потенциальных союзников рейха. В глобальном масштабе Риббентроп вынашивал план «континентального блока» Германия — Италия — Япония — СССР, в региональном — европейского союза Германия — Италия — Франция — Испания. Вторым план был более утопическим при отсутствии мирного договора с Францией и наличии территориальных претензий к ней у Италии

и Испании. Франция потерпела сокрушительное поражение, Третья республика рухнула, а на ее обломках, в неоккупированной зоне, возводилось авторитарное французское государство во главе с маршалом Филиппом Петэном, который, несмотря на почтенный возраст (84 года), взялся руководить оказавшейся в хаосе страной.

Муссолини и Франко исходили из принципа «горе побежденным», хотя не внесли в победу никакого вклада: первый руководствовался старым антагонизмом, второй не мог простить Парижу поддержки республиканцев. Гитлер, так и не избавившийся от франкофобии, в принципе был согласен удовлетворить амбиции дуче и каудильо за счет Франции, но они росли слишком быстро. Кроме того, фюрер считал обоих диктаторов в долгу перед собой: они хотели приступить к трапезе, не поучаствовав в ее приготовлении.

Что касается Риббентропа, тот считал Францию не только важной частью «новой Европы», но и потенциальным союзником рейха, игнорировать интересы которого нельзя. Фюрер поддерживал его, но по другим причинам: он опасался, что удовлетворение территориальных претензий Италии и Испании объединит Францию, расколовшуюся между Петэном и эмигрировавшим в Лондон генералом де Голлем, и сделает ее союзником Англии. А ведь она, несмотря на поражение, сохраняла свой флот и контроль над североафриканскими владениями.

16 сентября в Берлин прибыл испанский министр внутренних дел Рамон Серрано Суньер. Адвокат по профессии, бывший депутат республиканского парламента от националистической оппозиции, католик и антикоммунист, потерявший в гражданскую войну двух братьев, Суньер, несмотря на молодость (ему еще не было сорока), был не просто министром и лидером партии власти «Испанская Фаланга», но доверенным лицом Франко, которому приходился деверем. Мастер политической интриги, обладавший острым, холодным умом, он был в то же время горячим патриотом своей страны, болезненно относившимся ко всему, что касалось ее суверенитета или международного престижа. У него сложились дружеские отношения с Чиано, но с нашим героем гость общего языка не нашел. Нельзя сказать, что Гитлер и Риббентроп приняли его как вассала — прием был пышный и торжественный. Но подлаживаться под него они сочли излишним.

Вскоре после войны Суньер вспоминал: «Риббентроп — я пишу это для истории и со всем почтением, которое испытываю к трагедии его

смерти, — с самого начала произвел на меня впечатление, которое позже не изменилось ни на йоту. Он показался мне малосимпатичным, как, думаю, и всем политикам, кому приходилось иметь с ним дело. Несмотря на приятный облик, он не был ни элегантным, ни замечательным; он постоянно раздувался от возбуждения, и это мешало видеть в нем ум или человечность. В его личности присутствовало нечто, что могло походить на твердость, невозмутимость или замкнутость дипломата, сознательно придавшего себе такой вид. Трудно было найти в нем черту, которая позволила бы установить с ним искренние отношения. Лично я ни при каких условиях и несмотря на его неизменную учтивость так и не смог ее обнаружить. Все наталкивалось на тиеславие, которое он демонстрировал... Я никогда не мог объяснить себе политическую фортуна этого человека».

Собственная «политическая фортуна» вопросов у Суньера не вызывала. В сфере традиционной дипломатии дон Рамон (вскоре назначенный министром иностранных дел) превосходил Риббентропа: внимательно слушал, мало говорил, отвечал уклончиво и деликатно. Однако уже первая беседа показала, что диалог будет трудным. Гитлер и Риббентроп хотели добиться от Испании вступления в войну против Англии и взять под свой контроль Гибралтар и Танжер, что закрыло бы противнику вход в Средиземное море и выход из него. На реальную военную помощь Испании они не рассчитывали, понимая, что страна не оправилась после разрушительной гражданской войны.

Франко и Суньер, находившиеся под впечатлением не только побед вермахта, но и осторожной тактики Муссолини, стремились получить как можно больше, давая взамен как можно меньше. Демонстрируя лояльность рейху, они не решались на открытую конфронтацию с Лондоном; заявляя о готовности поддержать военные усилия оси, они выставили Германии длинный перечень того, что им необходимо, причем немедленно. Перспектива «освобождения» Гибралтара конечно же льстила их амбициям, но они заявляли, что национальная гордость не позволит терпеть иностранных солдат на испанской земле — ни английских, ни германских. Суньера раздражал «пропагандистский» тон Риббентропа и особенно его вопросы.

«Он напрямик спросил меня, какого числа, по моему мнению, Испания может вступить (в войну. — В. М.). Я снова говорил ему о нашей дружбе, о ее мотивах, о наших надеждах, о наших обетах, равно как и о нашем плачевном экономическом положении».

Риббентропу достался крепкий орешек. Слушать его рассуждения Суньер не собирался, но и наш герой не привык молчать. Он заявил, что «обязан на политическом поприще делать все, дабы максимально облегчить войну для германских солдат. Поэтому Германия приветствует каждого нового союзника и будет счастлива, если Испания тоже вступит в войну». Относительно притязаний на Марокко и Гибралтар он заметил, что вопрос требует тщательного изучения.

Отвечая на пожелания гостя относительно поставок зерна и бензина, он обратил внимание на то, что «в нынешней военной ситуации нет необходимости масштабных передвижений войск в Испании», но Суньер сразу же сослался на возможность высадки англичан на Атлантическом побережье на северо-западе Испании, где все еще сохранялось влияние коммунистов, а также на неопределенность позиции французской армии в Марокко.

Рейхсминистр поинтересовался, как Испания относится к позиции соседней Португалии, «не верящей в германскую победу» (несмотря на симпатии к Муссолини и Франко, «фашистский диктатор» Салазар и не думал присоединяться к «фашистскому блоку»), а затем попросил передать Германии один из Канарских островов для строительства военной базы. Гость ответил категорическим отказом со ссылкой на «национальные чувства испанцев» и на то, что победа над «красными» — уже огромный вклад в создание «новой Европы». В ответ хозяин напомнил, что Испания не вернула рейху долги времён гражданской войны, но заниматься «мелочовкой» ему не хотелось. Экономические вопросы были переданы экспертам, военные — Гитлеру, который всегда проявлял к ним живейший интерес.

На следующий день фюрер принял Суньера и обсуждал с ним военные и технические вопросы. Из сугубо политических проблем он остановился на необходимости создать новую единую Европу и на растущей империалистической активности США. Вступления Испании в войну Гитлер не требовал, сказал несколько резких слов о Франции, но не поддержал рассуждения Суньера о благотворительной роли католической церкви.

За этим последовала новая беседа с Риббентропом, главной темой которой стал передел африканских колоний. Даже по записям Шмидта видно, что напряженность сохранялась. Рейхсминистр вернулся к вопросу о Канарах, германское военное присутствие на которых считал необходимым для организации обороны общего «жизненного

пространства», но Суньер гордо ответил, что это «часть Испании, как Мадрид или Бургос» и что он даже не станет докладывать об этом каудильо. «Если американцы придут туда, будет слишком поздно», — заметил Риббентроп. «Мужество наших солдат защитит их», — парировал Суньер.

«Вот как я смог защитить целостность и независимость нашей национальной территории, — писал он вскоре после войны, — я, которого подлая иностранная пропаганда пыталась представить прислужником нацизма»²⁶.

Учитывая судьбу Риббентропа и Чиано, дон Рамон мог считать, что ему повезло...

Суньер и его свита провели в Германии восемь дней, знакомясь с достижениями режима и выехав на места недавних боев в Бельгии и Франции. За это время Риббентроп успел съездить в Италию и 19 сентября беседовал с Муссолини и Чиано о готовившемся Тройственном пакте и о возможной реакции держав на него. На следующий день рейхсминистр вручил собеседникам перевод письма Гитлера, адресованного Франко. Напомнив, что Испания страдает от британской блокады, даже не участвуя в войне, фюрер заявил: проблему решит только разгром Англии — и посоветовал начать с Гибралтара²⁷.

Муссолини сказал, что взять крепость не составит труда. Риббентроп предложил использовать приезд Чиано в Берлин на подписание Тройственного пакта с тем, чтобы заключить секретный договор с Мадридом о вступлении в войну, так как на церемонии предполагалось присутствие Суньера²⁸.

Ситуацию прояснил ответ Франко от 22 сентября. В этом шедевре эпистолярного жанра почти каждый абзац начинался словами «Я согласен...», «Я полностью разделяю вашу точку зрения...» или «Искренне благодарю вас...», но результат оказался неутешительным: каудильо не дал конкретного согласия на вступление в войну, не говоря уже о каких-либо датах, обошел вопрос о передаче Германии одного из Канарских островов и сообщил о подготовке операции против Гибралтара своими силами, но с помощью германской техники. После этого «заверения в неизменной и искренней верности вам лично, германскому народу и делу, за которое мы сражаемся» на языке реальной политики стоили немного²⁹.

26 сентября состоялась очередная дуэль Риббентропа с Суньером. «Юркий иезуит», как охарактеризовал его наш герой, многозначи-

тельно заговорил о британских авансах Испании и об угрозе ей со стороны французской армии в Северной Африке, где начались вооруженные столкновения между «петэновцами» и «деголлевцами». Испанский министр попросил «окоротить» французов, но ушел от ответа об участии в войне и о пакте с Германией и Италией, ограничившись замечанием, что он должен быть составлен «с исключительной осторожностью». Однако Риббентроп продолжал задавать «бестактные» вопросы. Каково мнение каудильо относительно передачи рейху одного из Канарских островов? Дон Рамон ответил, что, насколько ему известно, ответ отрицательный — Испания сама укрепит и сама защитит архипелаг. Как насчет обмена некоторых африканских колоний на территории в Марокко, о чем речь шла еще 17 сентября? Опять нет — это старые испанские земли. Военные базы рейха на территории Марокко? И на это Франко не согласен. Экономика, торговля? Германия непременно получит все желаемое, но потом, а пока должна поставить все, что необходимо испанцам.

Отметив наличие разногласий, Риббентроп посоветовал Суньсру хорошенько подумать перед встречей с фюрером, заключив беседу следующими словами: «Германия сразу оценила огромные усилия Испании в гражданской войне, но считает, что и она немало поспособствовала успеху Франко. Ее позиция выросла из чувства дружбы, которое она всегда испытывала к Испании, в частности благодаря ее позиции в (Первой. — В. М.) мировой войне*. Следует учесть, что великая Испания будет возможна только при окончательной германской победе».

Гость ничего не ответил, а в мемуарах не упомянул об этом разговоре, равно как и о беседе с Гитлером, состоявшейся днем позже и касавшейся в основном военных вопросов и возможной позиции Португалии³⁰.

Все усилия Риббентропа пропали втуне. Оставалась надежда на личный контакт с Франко, но фюрер начал сомневаться в его полезности. 28 сентября он попросил Чиано поскорее организовать ему встречу с дуче для обмена мнениями. Риббентроп, несмотря на плохое самочувствие (он простудился на церемонии подписания Тройственного пакта и слег), присутствовал, но молчал и отменил все прочие

---

* В течение всей войны Испания сохраняла нейтралитет и не участвовала в создании версальской системы.

встречи на этот день. Гитлер излил свое негодование по поводу испанцев, которые требуют много и конкретно (от 400 до 700 тысяч тонн зерна в год, всё недостающее топливо и военные материалы, артиллерию, самолеты и специально обученные части для захвата Гибралтара), общая взаимн лишь «дружбу».

«Стоит подумать, — саркастически заметил он, — охота ли брать на себя подобные обязательства и отказываться от всех других возможностей... Соглашения с Испанией сведутся к обязательствам ее партнеров, а выполнять их придется Германии и Италии»³¹.

Чиано осторожно заметил, что его тесть тоже не слишком доволен Мадридом, а 1 октября выслушивал от своего друга Суньера жалобы на поведение немцев, особенно Риббентропа.

«Но в этот раз, — записал он, — кое-что можно сказать и в его пользу. Годами испанцы требуют многого и ничего не дают взамен. Да и Серрано мог бы выражаться по-другому»³².

10 октября Суньер прислал нашему герою почтительно-издевательское письмо об укреплении обороны Марокко и Канарских островов и обещал скорый ответ на вопрос о военном союзе³³. Через несколько дней он стал министром иностранных дел. Угадать реакцию Риббентропа нетрудно, хотя предыдущий глава МИД Бейтбедер имел репутацию англофила, если не английского агента...

Очередная встреча с дуче состоялась 4 октября. Гитлер подробно рассказал о подготовке вторжения в Англию, умолчав о том, что уже отказался от этой идеи, заявил, что не стоит бояться России, и начал жаловаться на Испанию, не желающую вступать в войну, когда это необходимо, и предоставить рейху базы в Марокко и на Канарах. Франко оправдывался внутривосточной нестабильностью и полным расстройством экономики, включая транспортную сеть, в чем Гитлера убедили сообщения главы абвера адмирала Канариса, считавшегося знатоком Испании. Канарис служил там в годы Первой мировой войны и был давним знакомцем Франко. По приказу фюрера он несколько раз ездил за Пиренеи для изучения ситуации и представил ее в самом черном цвете, для пущей важности сославшись на авторитет посла Шторера, своего старого приятеля. «Без иностранной помощи Испания может вести только очень короткую войну», — таков был итог его доклада от 10 августа, пересланного Риббентропу.

Гитлер не знал, о чем Канарис на самом деле говорил с каудильо и его генералами, иначе адмирал наверняка был бы повешен на четыре

с половиной года раньше: шеф абвера сказал, что вторжения в Англию не будет, но предостерег от любых акций против Гибралтара, посоветовал испанцам просить у немцев те орудия, которые уже перестали выпускать, а главное — рекомендовал Франко и Суньеру ни при каких условиях не соглашаться на вступление в войну и максимально преувеличить тяжесть положения страны. Каудильо и его министр разыграли партию в соответствии с предложениями Канариса, который по возвращении в Берлин доложил, что так и не смог убедить этих упрямых испанцев³⁴.

Гитлер упомянул о долге в 400 миллионов рейхсмарок, о котором не напоминал Франко до окончания гражданской войны, но который тот после победы обязан заплатить «как честный человек» (последние слова вычеркнуты из официальной записи). Его разозлило то, что на напоминание о долге каудильо заговорил о «смешении идеализма и материализма», представив фюрера «маленьким жидком, торгующимся из-за священных сокровищ человечества». С нарастающим раздражением Гитлер повторил, что испанцы обещают абстрактную «дружбу» в обмен на удовлетворение территориальных притязаний, которые окончательно оттолкнут Францию от оси и сделают ее колонией в Северной Африке легкой добычей англичан и де Голля. Желая успокоить дуче, он заметил, что о восстановлении прежней мощи и престижа Франции не может быть и речи, но с Франко придется поговорить начистоту и всерьез. Муссолини кивал и соглашался, отпуская антибольшевистские реплики. По свидетельству Чиано, он редко видел тестя в столь добром здравии и приподнятом настроении³⁵.

23 октября Гитлер и Риббентроп встретились с Франко и Суньером в городке Хендайе на францужско-испанской границе. «Момент истины» состоялся. Похожий на араба Франко мягким, мелодичным голосом, «как у муэдзина, сзывающего правоверных на молитву» (сравнение принадлежит Шмидту), рассыпался в комплиментах Гитлеру, благодарил «за все, что Германия уже сделала для его страны», уверял, что «Испания в будущем еще теснее свяжет себя с рейхом, поскольку исторически между Испанией и Германией существовали лишь соединяющие, а не разделяющие силы», и заявил, что его страна «будет охотно сражаться на стороне Германии», но «фюреру хорошо известны трудности, которые ей предстоит преодолеть».

Чем болс медоточив был Франко, тем сильнее раздражался его собеседник. Наконец каудильо заявил, что готов присоединиться

к Тройственному пакту, но с сохранением этого решения в секрете до вступления Испании в войну (дату которого так и отказался назвать) и при условии удовлетворения всех его требований. Гитлер говорил в основном о непобедимости рейха, предоставив вести неприятный разговор с Суньером Риббентропу. Тот потребовал подписать протокол о присоединении Испании к «оборонительному» Тройственному и «наступательному» Стальному пакту и о вступлении в войну против Англии на условиях возвращения Гибралтара и передела колоний в Африке после окончания войны и заключения мирных договоров.

Суньер проявил максимум неуступчивости, затеявая споры едва ли не по каждому пункту, и рейхсминистр отправил его домой, как строгий учитель нерадивого ученика, со словами: «Текст должен быть здесь завтра в восемь утра. Я усещаю, потому что мы встречаемся с маршалом Петэном». Утром Суньер не появился, прислав вместо себя посла в Берлине Эспиноса де лос Монтероса с новым проектом протокола — категоричным в области требований и расплывчатым в части обязательств. Документ был сразу же возвращен гонцу. Эспиноса, говоривший по-немецки с мягким венским акцентом, сказал, что передаст текст каудильо и сообщит о его решении. Называя Франко «неблагодарным трусом», а его министра «иезуитской свиньей», Гитлер и Риббентроп отправились в путь³⁶.

«Ни предпочтение, ни чувство благодарности, ни даже открывающиеся возможности не весили столько, чтобы подвигнуть Испанию к вступлению в войну на той или другой стороне... Испания смогла, несмотря на симпатию и долг признательности, на традиционную верность обязательствам и страх перед коммунизмом, удержаться от наступательного союза с осью. Но что было для нее невозможно, так это вступить в войну против оси», — оправдывался Суньер в мемуарах, в которых встреча в Хендайе вообще не упомянута — говорят, в силу запрета со стороны Франко³⁷.

18 ноября испанский министр приехал в Оберзальцберг, куда его пригласил Гитлер для обсуждения неназванного «вопроса исключительной важности». Суньер догадался, о чем пойдет речь, но изобразил растерянность, когда фюрер заявил о необходимости скорейшей оккупации Гибралтара и Марокко частями вермахта. Со времени предыдущего свидания ситуация изменилась: кампания Муссолини против Греции, предпринятая без консультации с Берлином и вопреки

советам собственных генералов, в первые же дни обернулась поражением и осложнила общее положение стран оси, за что Чиано, как один из инициаторов этой войны, в тот же день получил взбучку от фюрера. Гитлер и Риббентроп пытались втолковать Суньеру, что чем раньше его страна вступит в войну, тем скорее та закончится и тем меньше будут жертвы и потери, а ссылку на внутреннюю нестабильность отвели утверждением, что именно внешний фактор сплотит народ³⁸.

Но и эта стрела пролетела мимо цели. Последнюю точку поставил декабрьский приезд Канариса в Мадрид. Услышав, что на 10 января 1941 года запланирован ввод вермахта на территорию Испании для оккупации Гибралтара, каудильо встал на дыбы. Операцию пришлось отменить. Кстаги, Гессе, со слов Риббентрона, утверждал, что Гитлер сделал это не из-за сопротивления Франко, а из-за нежелания нанести англичанам удар, которого они бы никогда не простили³⁹.

Рандеву Гитлера и Франко в Хендайе, считающееся одним из поворотных пунктов войны, было обрамлено двумя не менее важными событиями: встречами во французском городке Монтуар, вблизи Тура, с вице-премьером Пьером Лавалем (22 октября) и главой французского государства Филиппом Петэном (24 октября). Гитлер и Петэн мемуаров не оставили, но помимо официальных записей бесед в нашем распоряжении есть свидетельства Лаваля, Абсца и де Бринона — знакомые все лица!⁴⁰

Риббентроп ограничил свой рассказ всего несколькими строками, но не забыл с горечью добавить: «Почетное обращение с побежденным маршалом Петэном в Монтуаре резко контрастирует с тем обращением, которому подверглось побежденное германское правительство со стороны Нюрнбергского суда, в котором участвовала и Франция» (С. 166).

Французский вариант принципиально отличался от испанского: каудильо был победителем и хозяином в собственной стране; правительство же Петэна, по словам Гитлера, «находилось в прискорбном положении, вынужденное покончить с войной, за которую не несет ответственности, но в последствиях которой его обвиняют» (разговор с Франко в Хендайе).

Петэн принял на себя руководство страной, когда она безвозвратно проиграла войну, хотя мог остаться в стороне без ущерба для репутации. Несмотря на авторитарные наклонности, маршалом руководили

патриотические побуждения, поэтому немцы проявляли осторожность в отношении того, кто снискал мировую славу в боях против них под Верденом.

Лаваль был полной противоположностью Петэну: удачливый адвокат, депутат с большим стажем, неоднократно министр и дважды премьер, он олицетворял рухнувшую Третью республику не меньше, чем Даладье и Рейно. Он выступил за диалог с победителями ради сбережения того, что еще можно было сберечь. Петэн как глава государства получил исключительные полномочия по воле большинства Национального собрания, выход из кризиса был организован Лавалем, несмотря на сложные личные отношения между ними: маршал считал экс-премьера плебеем, популистом и интриганом; Лаваль раздражал культ личности Петэна, его королевские замашки и зависимость от ближайшего окружения, в котором были сильны антиреспубликанские и клерикальные настроения. Немцы «железным занавесом» разделили Францию на оккупированную и неоккупированную зоны. В курортном городке Виши, где обосновалось правительство, представителей рейха не было.

В августе 1940-го в оккупированном Париже при штабе немецкого командования появилось представительство Вильгельмштрассе во главе с Абецем, получившее в ноябре ранг посольства. До заключения мирного договора послу некому было вручать верительные грамоты, но он отвечал за решение всех политических вопросов как в оккупированной, так и в неоккупированной Франции. Его главным партнером стал де Бринон — полномочный представитель правительства Виши в оккупированной зоне, тоже в ранге посла⁴¹.

Переговоры Лаваль и Петэна с Гитлером и Риббентропом относятся к числу ключевых событий драмы «коллаборации», как во Франции принято называть сотрудничество с оккупантами («collaboration» по-французски и есть «сотрудничество»). О ней написаны тысячи книг на разных языках: дневники, мемуары, исследования, обвинения, оправдания, памфлеты, пасквилы. Большинство голосов «коллаборанты» заклеймены как предатели, но такая односторонняя и предвзятая картина игнорирует многие факты и искажает прошлое. Эта огромная и важная тема заслуживает специального исследования, тем более что на русском языке о режиме Виши до сих пор нет ни одной серьезной работы, но, ограниченные рамками жанра, мы не можем уделить ей много внимания.

Инициатива переговоров с Лавалем принадлежала Риббентропу и Абецу, которые считались франкофилами. Гитлер поддержал их и выразил желание лично встретиться не только с ним, но и с Петэном: фюрер привык разговаривать с первыми лицами. Только за несколько часов Лаваль узнал, с кем именно он будет говорить. Вицепремьер держался без малейшего раболепства, но с сознанием того, что представляет побежденных. Он заявил, что объявление войны было «величайшим преступлением, совершенным на всем протяжении французской истории» и что «искреннее и безоговорочное сотрудничество с Германией является единственным спасением Франции».

С первым утверждением Гитлер согласился, напомнив, что до последнего пытался избежать столкновения. Франция должна ответить за содеянное материально и морально, внося свой вклад в борьбу с общим врагом. Относительно того, что победа будет за Германией, а общим врагом является Англия, разногласий не было. Лаваль не стал вспоминать, что одной из причин его нелюбви к туманному Альбиону было англо-германское морское соглашение 1935 года, главный автор которого теперь сидел рядом с фюрером. Собеседники сошлись во мнении, что говорить о мирном договоре до конца боевых действий в Европе рано, но Лаваль сразу же связал перспективу сотрудничества с достойными условиями мира.

«Вы можете растоптать нас, вы сильнее, — сказал он. — Мы будем страдать и терпеть, но однажды мы восстанем против вас, потому что таков закон природы. Вы разгромили нас, но в прошлом мы точно так же громили вас. Если вы захотите нас унижить, драма между нами начнется снова — не знаю, когда и в каких условиях. Наши знамена знали достаточно побед. Если же вы, напротив, предложите нам справедливый мир, который примет в расчет наше благополучие и наши интересы, все возможно» (запись Лавала).

«Мир как мщение мне не нужен», — ответил Гитлер. Разговор почти не касался частных вопросов, за исключением поднятого Лавалем вопроса о возвращении французских военнопленных. Главным результатом стала договоренность о встрече Гитлера с Петэном. Из вагона фюрера вице-премьер вышел довольным. В течение беседы Риббентроп молчал, но после отвел душу в долгом разговоре с де Бриноном (они не виделись с февраля 1939-го). «Я хорошо знаю, что вы всегда были верным», — сказал ему рейхсминистр на прощание.

На следующее утро Гитлер и Риббентроп отправились на беседу с Франко, а Лаваль в Виши — сообщить Петэну итоги переговоров и передать приглашение на встречу с фюрером. Мнения членов кабинета разделились. Министр иностранных дел Поль Бодуэн оскорбился, что переговоры велись без него, и заявил, что подаст в отставку. Старый маршал решил ехать. Это соответствовало его позиции «взять верх в поражении, как наш противник смог взять верх в победе».

Петэн приехал в Монтуар на двух машинах с небольшой свитой. Гитлер приказал своим ни в коем случае не опаздывать, поэтому Риббентропу и Шмидту, ожидавшим в Хендайе ответа Суньера, часть пути пришлось проделать на самолете в условиях воздушной бури. Расстроенные переговорами с Франко, немцы постарались оказать французам максимум внимания, рассчитывая хотя бы здесь добиться своего. Рейхсминистр подготовил письмо на имя Лавалья и германо-итало-французский протокол. Франции предлагалось объявить войну Англии и самостоятельно защищать свои африканские колонии, для чего ей предоставлялась бóльшая свобода в восной области, чем предполагали условия июньского перемирия.

Попытка англичан потопить французский флот в Мер-эль-Кабире 3 июля, стоившая жизни 1300 морякам, привела к разрыву дипломатических отношений и прибавила Лондону врагов, включая морского министра адмирала Франсуа Дарлана. Германия провозглашала, что «Франция должна по справедливости занять место в реорганизованной Европе и французский народ должен участвовать в будущем сотрудничестве европейских народов», обещала ослабление оккупационного режима немедленно и передел африканских колоний в будущем. Оба документа были уже переведены на французский, но Гитлер оказался не готов на уступки и отправил их в архив, как инструкции Риббентрона Шуленбургу в мае 1939-го; однако, в отличие от последних, они так и не пригодились⁴².

Фотография исторического рукопожатия маршала и ефрейтора Первой мировой с застывшим между ними гусарским обер-лейтенантом Риббентропом обошла все газеты мира. Бывшая для многих воплощением надежды на то, что побежденных ждет не только унижение и порабощение, встреча позже стала символом предательства. Сама же беседа первых лиц практических результатов не дала. Гитлер «начал с выражения сожалений о том, что вынужден принимать маршала

Петэна при столь печальных обстоятельствах». Собеседник ответил, что «тронут пониманием трагической позиции, в которой находится», «сожалеет, что их сотрудничество не началось раньше, в предвоенные годы», но надеется, что «еще есть время наверстать упущенное». Как и Лаваль, Петэн внимательно слушал собеседника, дал принципиальное согласие на «политику сотрудничества», но отказался обсуждать ее конкретные формы до консультации со своими министрами. Объявление войны Германии правительством Даладье он назвал не «преступлением», но «чудовищной глупостью», де Голля, который в это время с помощью англичан пытался развернуть войну в колониях, — «плохим французом» и изменником, а также объяснил фюреру, что может объявить войну Англии только с санкции парламента, который остался в довоенном составе, в том числе с выборов 1936 года, принесших победу Народному фронту.

Гитлер и Риббентроп требовали не объявления войны, а только сотрудничества, хотя и пригрозили тяжелыми условиями мира в случае отказа. Они не знали, что в эти дни в Лондоне тайно находился эмиссар маршала Луи Ружье с заданием добиться *modus vivendi* с англичанами. Черчилль согласился принять его с условием, что тот не будет контактировать ни с голлистами, которых премьер не любил, ни с американцами.

Миссия Ружье, о которой стало известно лишь в начале 1945-го, и опубликованное им «джентльменское соглашение» с британским премьером от 28 октября 1940 года вызвали ожесточенную полемику: адвокаты Петэна подняли его на щит; Черчилль официально и неофициально отрицал наличие любых договоренностей; документы Форин офис надсжно засекречены, хотя один меморандум Галифакса о переговорах с представителем маршала всплыл в печати в середине 1970-х годов.

Голлисты лишили Ружье поста профессора философии, но в его пользу, кроме показаний свидетелей, свидетельствуют факты: англичане ослабили блокаду Франции и прекратили военные операции против ее колоний и флота, а также выпады по радио против Петэна (но не против Лавалья!), как было оговорено в обнародованном им тексте.

Миссия оказалась труднее, чем Ружье мог предполагать. 25 октября лондонские газеты со ссылкой на источники в Швейцарии опубликовали условия сепаратного мира, якобы заключенного в Монтуаре.

Черчилль чуть не приказал бомбить Виши, но гость заверил его в том, что это — провокация, истинный характер которой выяснится в течение суток. Так и произошло. Таким образом, Петэн вел двойную игру, о которой знали лишь несколько человек из его ближайшего окружения, но не Лаваль, которого он готов был «сдать» англичанам. Однако вел он ее в глубокой тайне и поэтому так сдержанно ответил 2 ноября на письмо Георга VI от 25 октября. Назвав Третий рейх «нашим общим противником», британский король призвал французское правительство содействовать победе Англии, плоды которой пожнет и Франция. Тональность письма монарха значительно отличалась от той, которой славилась передачи Би-би-си и деголлевского радио, поносившие маршала последними словами, но все равно выглядела весьма провокационно. В ответ Петэн лишь напомнил о нападении англичан на французский флот и о поддержке ими мятежного де Голля⁴³.

«Я чувствовал тогда и чувствую сейчас, — писал после войны Шмидт, — что Франция не имеет никаких оснований стыдиться отношения этих двух французов к победителю в Монтуаре».

Историк Луи-Доминик Жирар, назвавший переговоры «дипломатическим Верденом», подвел баланс их итогам. Гитлер и Риббентроп получили заверения в том, что Франция не поддержит Англию, будет сама защищать свои колонии и сотрудничать с рейхом в экономической области, поэтому военное присутствие на ее территории можно сократить. Петэн и Лаваль добились большего: сохранили суверенитет Франции над флотом и колониями, которые могли стать потенциальной базой для освобождения метрополии; сохранили «в строю», причем вне зоны германского контроля, значительное число командного состава; начали процесс возвращения военнопленных (около двух миллионов!) из рейха; спасли экономику страны от разорения и потенциальной депортации рабочей силы и выиграли время для наращивания Соединенными Штатами военной мощи⁴⁴. Добавлю, что как раз в это время активизировалась американская дипломатия: Рузвельт отправил послом в Виши адмирала Уильяма Леги с целью максимально противодействовать возможному франко-германскому сближению⁴⁵.

Монтуар мог стать началом полноценного сотрудничества, но руководство рейха дальше так и не пошло. В июне 1944-го (!) Петэн заметил специальному представителю фюрера Репте-Финку (бывшему

посланнику в Дании): «Я все время ждал и до сих пор жду предложений, которые г-н Гитлер обещал мне направить». После войны сам Ренте-Финк подвел неутешительный итог: «Монтуар является самым большим провалом германской политики в отношении Франции. Мы ничего не получили и потеряли почти все, что имели. Мы не смогли ни привлечь Францию на нашу сторону, ни оккупировать всю ее территорию. Если бы не было Монтуара, возможно, не было бы ни высадки союзников в Северной Африке, ни нашего поражения»⁴⁶.

Встреча имела как минимум одно последствие, связанное с нашим героем. По его инициативе Гитлер сделал примирительный жест в сторону Франции: распорядился в ночь с 14 на 15 декабря 1940 года — в сотую годовщину перенесения останков Наполеона в Дом инвалидов — перенести туда же из Вены останки его сына, Римского короля и герцога Рейхштадтского, известного в истории как «Орленок». Эту идею Риббентропу еще в ноябре 1938-го подбросил публицист и политик Жак Бенуа-Мешен, убежденный сторонник франко-германской дружбы. Рейхсминистр скептически отнесся к «романтическим мечтаниям», но Абец убедил его поговорить с Гитлером, который в восторге воскликнул: «Вот великолепное предложение! Уверен, что французы будут в сто раз чувствительнее к подобному поступку, чем если бы я подписал десять торговых соглашений к выгоде французских бакалейщиков. Я не хочу вستی в отношении Франции бакалейную политику».

Церемонию собирались приурочить к декабрьскому визиту Риббентропа в Париж, но вмешались итальянцы, выступившие с притязаниями на Корсику и Савойю, и от перенесения останков Римского короля пришлось отказаться⁴⁷. Два года спустя проект был воскрешен. 12 декабря Гитлер личным письмом пригласил Петэна на церемонию, куда, по слухам, собирался приехать сам. Однако в Берлине не знали о зревших в Виши интригах: маршалу, уже собравшемуся в путь, внушили, что на оккупированной территории он будет похищен немцами, а Лаваль займет его место. 13 декабря произошел дворцовый переворот, организованный министром юстиции Алибером и министром внутренних дел Пейрутоном с согласия Петэна: Лаваль был снят со всех постов и посажен под домашний арест; бывший премьер Фланден как приемлемая для немцев фигура стал министром иностранных дел; пост вице-премьера был упразднен, закон о назначении Лавали наследником главы государства отменен, для руководства кабинетом создана

«директория» в составе Фландена, военного министра Ханциже и морского министра Дарлана, который и отправился почтить память «Орленка».

Противники сотрудничества с Францией, которых в руководстве рейха хватало, торжествовали. Риббентропу пришлось отказаться от запланированной поездки в Париж для переговоров о смягчении оккупационного режима, но Абец уговорил его вступить за Лаваль как гаранта монтуарской политики и потребовать его возвращения в правительство. 17 декабря, заручившись согласием шефа, посол отправился в Виши, чтобы сделать Петэну «внушение», но добился лишь освобождения Лаваль из-под стражи, замены нескольких негодных немцам министров и назначения де Бринона полномочным представителем в оккупированной зоне. В отношении Лаваль маршал остался непреклонен (посол увидел в этом «аванс» в сторону Англии и США), письменно изложив Гитлеру свою позицию⁴⁸. Экс-вице-премьер был отпущен в Париж после того, как обещал Петэну воздерживаться от политической деятельности, и в январе 1941 года Абецу удалось формально помирить их⁴⁹. Однако только в апреле 1942-го Лаваль попросит вернуться в правительство. Встреча фюрера с Дарланом, назначенным главой «директории», 24 декабря (по другим данным, 25-го) в присутствии Абеца, но без Риббентропа показала, что во французской политике появился новый сильный человек, с которым придется считаться⁵⁰.

Вернемся к свиданию в Монтуаре, откуда маршал поехал в Виши, а Лаваль в Париж. Окрыленный успехом, он сообщил Абецу, что требует от своих министров безоговорочной поддержки «политики сотрудничества», а несогласных отправит в отставку. 26 октября кабинет поддержал «коллаборацию», подготовил коммюнике о монтуарских встречах, «прошедших в атмосфере исключительной любезности», и отверг обращение Георга VI. Министр иностранных дел Бодуэн подал в отставку и был смнен Лавалем⁵¹.

Спецпоезд Риббентропа выехал в направлении Парижа для продолжения переговоров, но вернулся с полпути и помчался во Флоренцию вслед за фюрером, тоже изменившим маршрут: Гитлер узнал, что Муссолини вот-вот нападет на Грецию, и решил отговорить его от самоубийственного шага, но было поздно. Дуче не предупредил союзника, желая отплатить за его прошлые «сюрпризы». «Фюрер, мы выступили!» — гордо сказал он по-немецки, встречая Гитлера на перро-

не. Гость энтузиазма не проявил, полностью обойдя эту тему в разговоре, прочитал соратнику лекцию о международном положении и поделился впечатлениями: отрицательными — о Лавале («типичный демократический политикан, в глубине души не верящий в собственные слова») и Франко («человек, только волей случая попавший в лидеры»), положительными — о Петэне («честная, надежная натура»). Муссолини снова завел разговор о территориальных притязаниях Италии, упирая на то, что Франция разгромлена и должна платить, как будто он одержал над ней победу. Но наибольшее внимание хозяев привлекло известие о предстоящем визите Молотова в Берлин⁵².

Евразийский соблазн (1940)

280

13 октября 1940 года Риббентроп написал Сталину пространное письмо с изложением своих геополитических идей (оно полностью приводится в приложении), которое было немедленно передано в Москву. 17 октября Молотов получил русский текст из рук Шуленбурга, который пояснил, что содержащееся в нем предложение о конференции четырех держав пока ни с кем не согласовано. Нарком возразил, что об этом уже открыто говорят иностранные журналисты.

«Шуленбург отвечает, что он совершенно ничего не понимает... заявляет, что он не выпускал из рук письма и что, кроме Гитлера, Риббентропа, Шуленбурга и Хильгера (который осуществлял перевод. — В. М.), никто не знает содержания письма... но он предполагает, что эти слухи возникли в Берлине, а оттуда уже проникли в Токио»¹.

16 октября информация просочилась в японскую газету «Хоти», связанную с военными кругами, но установить ее источник не удалось. 19 октября ТАСС официально опроверг сообщение. В тот же день Молотов известил Шуленбурга о том, что приглашение посетить Берлин принято, а письменный ответ будет дан 21 октября².

Письмо Сталина было совершенно недвусмысленным, кратким и деловым:

«Многоуважаемый господин Риббентроп!

Ваше письмо получил. Искренне благодарю Вас за доверие, так же как за поучительный анализ последних событий, данный в Вашем письме*.

Я согласен с Вами, что вполне возможно дальнейшее улучшение отношений между нашими государствами, опирающееся на прочную базу разграничения своих отношений на длительный срок.

В. М. Молотов считает, что он у Вас в долгу и обязан дать Вам ответный визит в Берлине. Стало быть, В. М. Молотов принимает Ваше приглашение. Остается договориться о дне приезда в Берлин. В. М. Молотов считает наиболее удобным для него сроком 10–12 ноября. Если он устраивает также Германское правительство, вопрос можно считать исчерпанным.

Я приветствую выраженное Вами желание вновь посетить Москву, чтобы продолжить начатый в прошлом году обмен мнениями по вопросам, интересующим наши страны, и надеюсь, что это будет осуществлено после поездки Молотова в Берлин.

Что касается совместного обсуждения некоторых вопросов с участием представителей Японии и Италии, то, не возражая в принципе против такой идеи, мне кажется, что этот вопрос следовало бы подвзргнуть предварительному обсуждению.

С глубоким уважением, готовый к услугам И. Сталин»³.

«Молотов добавил устно, — телеграфировал Шуленбург, — что он планирует прибыть в Берлин 10, 11 или 12 ноября»⁴.

Нарком ехал в Германию готовый к конкретному деловому разговору, о чем свидетельствуют его записи «Некоторые директивы к берлинской поездке», сделанные «для памяти» по указаниям Сталина, если не непосредственно под его диктовку⁵. «Цель поездки» изложена в них следующим образом (для удобства читателя раскрываю без дополнительных обозначений сокращения, расшифровка которых не вызывает сомнений; выделенные слова подчеркнуты Молотовым):

«а) *Разузнать* действительные намерения Германии и всех участников Пакта 3-х (Германия, Италия, Япония) в осуществлении плана создания „Новой Европы“, а также „Великого Восточно-Азиатского Пространства“; *границы* „Новой Европы“ и „Восточно-Азиатского Пространства“; *характер* государственной структуры и отношения

* Хильгер увидел «скрытый сарказм» в словах благодарности за «поучительный анализ».

отдельных европейских государств в „Новой Европе“ и в „Восточной Азии“; *этапы* и *сроки* осуществления этих планов и, по крайней мере, ближайшие из них; перспективы присоединения других стран к Пакту 3-х; место СССР в этих планах в данный момент и в дальнейшем.

б) *Подготовить* первоначальную наметку *сферы интересов СССР* в Европе, а также в Ближней и Средней Азии, прощупав возможность соглашения об этом с Германией (а также с Италией), но не заключать какого-либо соглашения с Германией и Италией на данной стадии переговоров, имея в виду продолжение этих переговоров в Москве, куда должен приехать Риббентроп в ближайшее время».

Относительно намерений Германии и ее союзников сомнений у Сталина и Молотова не было — Советской России предлагался политический, а возможно, и военный союз. При наличии изрядно обескровленной, но полностью сохранившей колониальную империю и лояльность доминионов Великобритании и совершенно не затронутых войной Соединенных Штатов это было рискованное предложение, принимать которое стоило только при наличии значительных выгод и гарантий собственной безопасности. Далее по пунктам шли конкретные требования и вопросы, свидетельствовавшие о серьезности подхода к проблеме. Предписывая не заключать во время визита никакого соглашения, Сталин, очевидно, решил еще раз сыграть в свою любимую игру на выжидание, но от перспектив союза не отказывался, поскольку о последующем, притом скором, визите Риббентропа в Москву говорится как о деле решенном. Историк Л. А. Безыменский резонно заметил: «Этот ход значительно облегчал задачу Молотова, поскольку любые предварительные договоренности можно было бы уточнить (или отменить) на следующем этапе, участником и хозяином которого, естественно, должен был стать сам Сталин. В своих воспоминаниях дипломат В. М. Бережков, который как переводчик присутствовал в Берлине под фамилией Богданов, считал нужным обратить особое внимание на то, что Сталин хотел увенчать своим присутствием заключительный этап оформления новой стадии советско-германских отношений»⁶.

Для того чтобы визит в любом случае показался результативным и не разочаровал хозяев, предполагалось следующее: «Предложить сделать *мирную акцию* в виде открытой декларации 4-х держав (если выяснится благоприятный ход основных переговоров: Болгария, Турция и др.) на условиях сохранения Великобританской Империи (без

подмандатных территорий) со всеми теми владениями, которыми Англия *теперь* владеет, и при условии невмешательства в дела Европы и немедленного ухода из Гибралтара и Египта, а также с обязательством немедленного возврата Германии ее прежних колоний и немедленного предоставления Индии прав доминиона».

Молотов сехал в Берлин подготовленным к конкретному разговору, что свидетельствует о серьезности намерений Москвы. В противном случае его совершенно секретные записи, сделанные для себя, и только для себя, а не «для истории», были бы совершенно иными.

Готовились к визиту и в «Новой Европе». 4 ноября Риббентроп встретился с Чиано, чтобы «сверить часы».

«Первоочередной проблемой, как по времени, так и по важности, являются отношения России с „осью“ и с Японией. Хотя работа в этом направлении только началась, г-н фон Риббентроп считает возможным вести переговоры о соглашении между державами Тройственного пакта и Россией после визита Молотова в Берлин, который состоится 11-го числа этого месяца. Во время переговоров он (Риббентроп. — В. М.) будет находиться в тесном контакте с итальянским и японским правительствами. Поскольку возможность достижения военного соглашения с Россией исключена, Риббентроп считает, что политический и экономический договор должен быть основан, прежде всего, на взаимном признании территориальной ситуации (то есть сфер влияния. — В. М.), на обязательствах каждой из сторон ни в коем случае не оказывать помощи врагам другой и, наконец, на положении о широкомасштабном сотрудничестве и дружбе. К договору должны быть приложены два секретных протокола... (далее излагается проект, который будет подробно рассмотрен ниже. — В. М.) Что касается итальянско-русских отношений, Риббентроп признал желательность некоей акции, направленной на то, чтобы сделать их более сердечными, но в ожидании заключения пакта четырех держав попросил нас пока отложить какие-либо шаги в сторону двустороннего соглашения... По его мнению, если не произойдет ничего нового, Московский пакт (вот уже и название появилось! — В. М.) может быть заключен в течение нескольких недель»⁷.

Диалог в Берлине оказался куда более сложным и напряженным, чем предполагали обе стороны. Сталин и Молотов думали, что Гитлер и Риббентроп хотят найти согласие и готовы «торговаться». Риббентроп был действительно готов, а вот Гитлер — нст. Он вообще не

привык обсуждать какие-либо варианты, отличные от его собственных. Фюрер был мил и любезен, когда с ним соглашались сразу, — так было с Муссолини или с венгерским регентом адмиралом Хорти. Но он был гневен, когда с ним не соглашались, — так было с канцлером Шушнигом перед аншлюсом Австрии. Он менял гнев на милость, когда гнев производил должное впечатление, — так было с Чемберленом перед Мюнхенским соглашением. Он спокойно и величественно принимал покорность — так было с «кондукторами» и «поглавниками» вассальных стран. Он мог демонстрировать уважение к старшим и благородство к побежденным — так было с Петэном. И неизменно добивался своего — кроме случая с Франко. На сей раз дело обстояло по-иному.

«Представители Германии и Советской России собрались в Берлине для серьезного, профессионального бокса... Так в моем присутствии с Гитлером не разговаривал ни один иностранец», — вспоминал Шмидт⁸.

Предварительная информация о визите появилась в печати 10 ноября в виде предельно краткого коммюнике. Молотов посетит Берлин, говорилось в нем, «чтобы в рамках дружественных отношений, существующих между обеими странами, путем возобновления личного контакта продолжить и углубить текущий обмен мнениями». Составившая его одна-единственная фраза была предложена Риббентропом, но на протяжении целой недели служила предметом обсуждения, согласования и дипломатической переписки между обеими столицами.

Визит был обставлен с большой пышностью. Советская делегация насчитывала более шестидесяти человек, включая охрану и службу. Молотова сопровождали его заместитель В. Г. Деканозов, нарком черной металлургии И. Ф. Тевосян, заместитель наркома внутренних дел В. Н. Меркулов, заместитель наркома внешней торговли А. Д. Крутиков, заместитель наркома авиационной промышленности конструктор А. С. Яковлев, шеф протокола НКВД В. Н. Барков, группа дипломатов и военных экспертов, а также послы Шуленбург и Шкварцев. Переводить переговоры должны были Павлов и Хильгер, вести протокол — Бережков и Шмидт.

На границе делегацию ждал спецпоезд германского правительства, но Молотов отказался пересесть в него и продолжал поездку на своем. 12 ноября в 10:45 утра на вокзале Ангальтер в Берлине кроме Риббсена

тропа его встречали Гиммлер, Кейтель и Лей (Геббельс и Розенберг от этой церемонии уклонились). Ждали Геринга, но он не появился. Был исполнен «Интернационал», остававшийся до конца 1943 года государственным гимном СССР, — наверно, впервые в Берлине после прихода нацистов к власти. Когда на Вильгельмштрассе обсуждался протокол встречи, Шмидт пошутил, что многие немцы, наверно, будут подпевать, так как еще не забыли слова, и тут же поймал на себе сердитый взгляд Риббентропа. Но ничего — гимн играл, дипломаты стояли навытяжку, генералы отдавали честь*. Министры обошли строй почетного караула, а затем гости отправились в отведенный им бывший кайзеровский дворец Бельвю.

График переговоров был насыщенным. После краткого отдыха Молотов встретился с Риббентропом. Готовя советского гостя к беседе с фюрером, хозяин обрисовал ему стратегическую ситуацию, какой ее видели в Берлине (я использую советские записи, иногда дополняя их германскими)⁹.

«Германия уже выиграла войну... Никакое государство в мире не в состоянии изменить положения, создавшегося в результате побед Германии... Мы переживаем начало конца Британской империи. Англия разбита, и когда она признает поражение — это только вопрос времени... Англия имеет одну надежду — помощь США... Вмешательство США и какие-либо новые действия Англии заранее обречены на провал... В Англии, руководимой такими политическими и военными дилетантами, как Черчилль**, царит неразбериха... Мы не раздумываем более над тем, как выиграть войну. Мы думаем о том, как скорее кончить успешно выигранную войну. Желание Германии окончить возможно скорее войну привело нас к решению искать друзей, которые хотят препятствовать расширению войны и желают мира».

Подводя итог, рейхсминистр поставил на повестку дня вопрос о «совместном рассмотрении того, каким образом державы Тройственного пакта могли достигнуть с Советским Союзом какого-либо соглашения, заявляющего о поддержке Советским Союзом целей Тройственного пакта, как то: предотвращение эскалации войны и скорейшее

---

*В мемуарах Шмидт утверждал, что «Интернационал» при встрече не исполнялся, но это — явная ошибка.

** Далее в германской записи: «который в течение своей карьеры терпел поражения по всем решающим вопросам и который потерпит поражение и на этот раз».

установление всеобщего мира». Он также заявил, что окончательное решение всех вопросов остается за Гитлером.

Давая хозяину высказаться, Молотов терпеливо дожидался, когда сможет задать интересующие его вопросы.

«Разумеется, у него, Молотова, как у представителя государства, не участвовавшего в подготовке этого (Тройственного. — В. М.) пакта, имеется потребность получить ряд разъяснений по этому вопросу. Пакт говорит о новом порядке в Европе и в великом восточноазиатском пространстве. Желательно, прежде всего, знать границы этих сфер влияния... Что касается предположений о тех или иных акциях, в которых СССР мог бы участвовать вместе с другими державами, — то это заслуживает обсуждения и их следовало бы предварительно обсудить здесь, потом в Москве, о чем было в общей форме договорено при обмене письмами».

На конкретные вопросы Риббентроп не ответил, ограничившись разъяснением, что «понятие „великое восточноазиатское пространство“ не имеет ничего общего с жизненно важными сферами интересов СССР».

Беседа закончилась, и Молотов немедленно телеграфировал ее содержание Сталину¹⁰. Затем нарком встретился с Гитлером, который, по свидетельству Хильгера и Шмидта, приветствовал гостя «на удивление дружелюбно».

Фюрер тоже начал с пространного монолога. Молотов периодически выражал свое согласие с ним (это засвидетельствовано записями обеих сторон) и ждал, когда сможет вставить слово о том, что его интересовало. Гитлер начал с глобальных перспектив, постепенно переходя к конкретике двусторонних отношений:

«Речь идет о двух больших нациях, которые от природы не должны иметь противоречий, если одна нация поймет, что другой требуется обеспечение определенных жизненных интересов, без которых невозможно ее существование. Он уверен, что сегодня в обеих странах такой режим, который не хочет вести войну и которому необходим мир для внутреннего строительства. Поэтому возможно при учете обоюдных интересов — в особенности экономических — найти такое решение, которое оставалось бы в силе на период жизни настоящих руководителей и обеспечило бы на будущее мирную совместную работу.

Тов. Молотов приветствует это заявление рейхсканцлера...

Германия в настоящее время находится в войне, а Советский Союз — нет... После этой войны не только Германия будет иметь большие успехи, но и Россия. Если сейчас оба государства трезво проверят результаты совместной работы за этот год, то они придут к убеждению, что польза была в этом для обоих. Может быть, не каждая страна достигла 100% того, на что надеялась, но в политической жизни приходится довольствоваться и 25%... Эти два народа, если будут действовать совместно, смогут достичь больших успехов. Если же они будут работать друг против друга, то от этого выиграет только кто-то третий.

Тов. Молотов считает это заявление правильным и подчеркивает, что все это подтверждает история».

Гость запаса терпением. Произносить красивые фразы, сопровождая их, смотря по ситуации, велеречивой риторикой или жестким сарказмом, он тоже умел. Но он ждал конкретного разговора, а Гитлер рассуждал о тотальном поражении Великобритании и послевоенном переустройстве мира. Молотов напомнил о соглашениях по поводу Польши и Финляндии, а затем задал главный вопрос: «Если говорить о взаимоотношениях на будущее, то нельзя не упомянуть о тройственном пакте... Молотов хотел бы знать, что этот пакт собой представляет, что он означает для Советского Союза?»

Ключевые слова были произнесены, и фюрер сразу же заявил, что «предлагает Советскому Союзу участвовать как четвертому партнеру в этом пакте».

Я цитировал советскую запись. Германская же ограничивается экивоками: «Без содействия Советской России соглашение во всех случаях не может быть достигнуто». Но Молотов явно не ослышался, потому что повторил слова «приглашает участвовать СССР в тройственном пакте в качестве четвертого партнера» в телеграмме, отправленной Сталину сразу же после встречи¹¹.

Приглашение было. Был и ответ Молотова на него. Положительный: «Советский Союз может принять участие в широком соглашении четырех держав, но только как партнер, а не как объект (а между тем только в качестве такого объекта СССР упоминается в тройственном пакте), и готов принять участие в некоторых акциях совместно с Германией, Италией и Японией, но для этого необходимо внести ясность в некоторые вопросы» (советская запись).

«Участие России в Тройственном пакте представляется ему (Молотову. — В. М.) в принципе абсолютно приемлемым при условии, что

Россия является партнером, а не объектом. В этом случае он не видит никаких сложностей в деле участия Советского Союза в общих усилиях. По сначала должны быть более точно определены цели и значение Пакта, особенно в связи с определением великого восточноазиатского пространства» (германская запись).

Это два варианта одних и тех же высказываний. Гитлер «явно повеселел», как сказано в записи Павлова и Бережкова. Вечером Риббентроп дал ужин в честь высокого гостя, но фюрер на нем не присутствовал, как, впрочем, и на всех остальных светских мероприятиях. Тем временем Сталин направил Молотову целую серию телеграмм, относившихся к конкретным пунктам переговоров, примирительных по тону и выражающих готовность к диалогу: «Во всем остальном исходи из известных тебе директив, и если результаты дальнейшей беседы покажут, что ты в основном можешь договориться с немцами, а для Москвы останутся окончание и оформление дела, — то тем лучше»¹².

Следующая встреча Молотова с Гитлером 13 ноября опрокинула все ожидания. «Фюрер... хочет создать всемирную коалицию заинтересованных держав, в которую войдут Испания, Франция, Италия, Германия, Советская Россия и Япония и которая охватит пространство от Северной Африки до Восточной Азии... В целом требования России относительно будущего ее положения в мире будут приняты во внимание» (германская запись). Но упрямый, похожий, по словам Шмидта, на школьного учителя математики Молотов упорно продолжал гнуть свое, задавая собеседнику неприятные вопросы о Финляндии и Болгарии.

«Похвастаться нечем, — подытожил он в телеграмме вождю, — но, по крайней мере, выяснил теперешние настроения Гитлера, с которыми придется считаться»¹³.

Впрочем, это был еще не конец:

«Вечером 13 ноября... переговоры должен был по поручению фюрера завершить Риббентроп, — вспоминал Бережков. — Роскошный кабинет, правда, несколько меньший, чем у Гитлера. Старинная мебель с позолотой. На стенах — гобелены до потолка, картины в тяжелых рамах, по углам — фарфоровые и бронзовые статуэтки на высоких подставках. Первые несколько минут предоставляются фоторепортерам. Риббентроп любезно улыбается, высоко держа голову, жмет руку советскому гостю. Он полон высокомерия и достоинства... Наконец

журналисты и фотографы удаляются. Начинается беседа двух министров за небольшим круглым столом... Начав излагать все ту же, сформулированную ранее Гитлером идею раздела после поражения Англии „бессхозного британского имущества“ и сфер влияния на земном шаре, рейхсминистр так и не успевает закончить фразу. Раздается сигнал воздушной тревоги. Слышно, как поблизости рвутся бомбы, дребезжат стекла в высоких окнах министерского кабинета.

Зная о прибытии Молотова в Берлин, английское командование собрало все наличные силы, чтобы ожесточенным налетом на столицу „третейшего рейха“ продемонстрировать, что у Британии есть еще порох в пороховницах. Потом Сталин, шутя, пожурит за это Черчилля:

— Зачем вы бомбили моего Вячеслава?..

Но нам, разумеется, было тогда не до шуток.

— Оставаться здесь небезопасно, — произнес Риббентроп. — Давай-те спустимся в бункер, там спокойнее...

Он повел нас по длинному коридору к лифту. Спустившись глубоко под землю, прошли в просторный кабинет, тоже убранный достаточно богато.

Когда Риббентроп принялся снова развивать мысль о скором крушении Англии и необходимости распорядиться ее имуществом, Молотов прервал его своей знаменитой фразой: «Если Англия разбита, то почему мы сидим в этом убежище? И чьи это бомбы падают так близко, что разрывы их слышны даже здесь?»

Как видим, не совсем правы те, кто утверждает, что Молотов был начисто лишен чувства юмора. Он порой был очень остр на язык. Однако в присутствии Сталина больше помалкивал, чем и заслужил репутацию молчаливого. Риббентроп несколько смутился, но вскоре овладел собой и безапелляционно заявил, что англичане все равно так или иначе потерпят поражение»¹⁴.

В проведении внешней политики и в общении с иностранными деятелями Риббентроп едва ли был самостоятельнее Молотова: один все время ссылаясь на фюрера, другой, более неопределенно и «демократично», на «правительство» или «товарищей», но суть дела от этого не менялась. Рейхсминистр начал разговор в бомбоубежище с дипломатичной ремарки о том, что «хотел бы сделать некоторые дополнения и уточнения к тому, что сказал фюрер». В германской записи его позиция выглядит более независимой: «Имперский Министр иностранных дел начал беседу с заявления, что он хочет вос-

пользоваться случаем и дополнить, а также точнее сформулировать то, что уже было обсуждено ранее. Он хочет изложить г-ну Молотову свой взгляд на перспективы ведения в будущем Германией и Советским Союзом общей политики сотрудничества и перечислить те вопросы, которые в связи с этим уместно обсудить».

Рейхсминистр перешел к самому важному, о чем по-настоящему еще не говорилось, но из-за чего затевался весь сыр-бор. Он «хотел бы изложить „сырые мысли“, как он их себе представляет, то есть мысли, которые, может быть, в будущем могли бы быть реализованы. Эти мысли заключаются в сотрудничестве между государствами — участниками пакта трех и СССР. Риббентроп думает, что сначала надо найти путь, чтобы совместно в широких чертах установить сферы интересов четырех государств, а затем особо договориться о проблеме Турции (которую страны оси хотели полностью включить в свою орбиту. — В. М.). Проблемы разграничения сфер интересов касаются четырех государств, в то время как проблема Турции затрагивает только Германию, Италию и СССР. После того как Молотов переговорит со Сталиным и после того как Германия и СССР договорятся по этому комплексу вопросов, министр думает, что Германия и СССР вступят в контакт с Японией и Италией с целью выяснения возможностей приведения их интересов к одной формуле*... Если можно будет привести к одному знаменателю интересы этих стран, что Риббентроп считает не невозможным и выгодным для заинтересованных сторон, тогда можно было бы зафиксировать эти оба комплекса в доверительных документах между ними, если СССР разделяет взгляды Германии о воспрепятствовании расширению войны и стоит на точке зрения ее окончания... Я (Риббентроп. — В. М.) представляю себе, что конечной целью... должно быть заключение соглашения между участниками пакта трех с одной стороны и СССР — с другой стороны о сотрудничестве четырех держав в этом смысле. Чтобы рассмотреть эти дела более конкретно, он набросал несколько пунктов, из которых, по его мнению, должно

---

* Примечательное разночтение в германской записи: «Вслед за тем Имперский Министр иностранных дел вступит в переговоры с Италией и Японией, чтобы узнать, как вернее могут быть учтены их интересы при разграничении сфер влияния». Если верить этому варианту, Риббентроп предпочитал лично контролировать всю политику стран Тройственного пакта в отношении СССР, ставя залогом их сотрудничества предварительное достижение согласия между Берлином и Москвой.

состоять это соглашение. Он хотел бы подчеркнуть, что в такой конкретной форме он, Риббентроп, не говорил ни с Японией, ни с Италией*. Он думал, что эти мысли должны быть в первую очередь выяснены между СССР и Германией. Разумеется, в общих чертах он обсудил эти мысли с Японией (когда, где и с кем? — В. М.) и с Италией... Он просит переговорить со Сталиным о возможности такого соглашения. Следующим этапом должны быть переговоры с Италией и Японией. Все это будет иметь смысл тогда, когда будет достигнута ясность в этих вопросах».

Риббентроп хотел договориться с Москвой, потому что видел в этом наилучший геополитический вариант для Германии и возможность грандиозного триумфа для себя лично. Не стоит сбрасывать со счетов и его честолюбие — именно поэтому он хотел сначала разрешить все проблемы с Москвой и лишь затем привлечь к переговорам Италию и Японию. С Молотовым он еще мог поделиться лаврами — но никак не с Чиано, которого не любил, и не с Мацуока, которого попросту не знал.

Но почему самоуверенный и честолюбивый Риббентроп самоуничижительно называет тщательно проработанные предложения «сырыми мыслями»? И почему их делает он, а не фюрер? Забегая вперед, скажу, что Гитлер в это время уже принял стратегическое и был готов к принятию политического решения о нападении на СССР, о чем его министр иностранных дел точно не знал. Полагаю, логика Риббентропа была примерной такой: если предложения будут приняты и соглашение достигнуто, то результатом станет дипломатический и геополитический триумф, который Гитлер примет, пусть хотя бы и на время. Если же предложения будут отклонены, то исходили они в любом случае не от Гитлера, который на эту тему ничего конкретного вообще не говорил. Сам же Риббентроп «спасал лицо» оговоркой, что это — всего лишь наброски, наброски... Итак:

Проект

Соглашение между государствами Тройственного пакта:

Германией, Италией и Японией с одной стороны
и Советским Союзом — с другой стороны

Правительства государств Тройственного пакта: Германии, Италии и Японии, с одной стороны, и Правительство СССР — с другой стороны, руководствуясь желанием установить в своих естественных

---

* Риббентроп слукавил, потому что идентичный план он уже излагал Чиано 4 ноября.

сферах интересов в Европе, Азии и Африке новый, содействующий благосостоянию всех заинтересованных народов порядок и создать твердую и прочную основу для их сотрудничества, направленного на достижение этой цели, согласились в следующем:

Статья 1. Согласно пакту трех держав, Германия, Япония и Италия пришли к соглашению, что нужно воспрепятствовать расширению войны в мировой конфликт и что необходимо совместно работать для установления мира. Они объявили о своем желании привлечь к сотрудничеству с ними другие народы в других частях мира, поскольку эти народы согласны дать своим стремлениям то же направление. СССР заявляет о своей солидарности с этими целеустремлениями и решил со своей стороны политически сотрудничать с участниками пакта трех.

Статья 2. Германия, Италия, Япония и Советский Союз обязуются уважать сферы своих взаимных интересов. Постольку поскольку сферы этих интересов соприкасаются, они будут в дружественном духе договариваться по всем возникающим из этого факта вопросам. Германия, Италия и Япония со своей стороны заявляют, что они признают настоящие границы Советского Союза и что они будут их уважать.

Статья 3. Германия, Италия, Япония и Советский Союз обязуются не присоединяться ни к каким группировкам государств и не поддерживать группировок, направленных против одной из них. Четыре державы будут всячески поддерживать друг друга в экономическом отношении и будут дополнять и расширять существующие между ними соглашения.

Статья 4. Это Соглашение вступает в силу с момента подписания и действует в течение 10 лет. Правительства четырех держав заблаговременно, до истечения этого срока, договорятся по вопросу продления этого Соглашения.

Учинено в четырех оригиналах на немецком, итальянском, японском и русском языках.

Москва, 1940 г.

Проект

Секретный протокол № 1

В связи с подписанием сегодня Соглашения, заключенного между ними, представители Германии, Италии, Японии и Советского Союза констатируют следующее:

1) Германия заявляет, что без учета тех территориальных ревизий, которые произойдут в Европе при заключении мира, центр тяжести ее территориальных aspirations лежит в Средней Африке.

2) Италия заявляет, что без учета тех территориальных ревизий, которые произойдут в Европе при заключении мира, центр тяжести ее территориальных aspirations лежит в Северной и Северо-Восточной Африке.

3) Япония заявляет, что центр тяжести ее территориальных aspirations лежит в восточноазиатском пространстве к югу от Японских островов.

4) Советский Союз заявляет, что центр тяжести его территориальных aspirations лежит к югу от территории Советского Союза в направлении Индийского океана.

Четыре державы заявляют, что, сохраняя за собой право регулировать отдельные вопросы, они будут взаимно уважать территориальные aspirations друг друга и не будут создавать препятствий к их осуществлению.

Москва, 1940 г.

Проект

Секретный протокол № 2

для подписания между

Германией, Италией и Советским Союзом

По случаю подписания сегодня Соглашения между Германией, Италией, Японией и Советским Союзом представители Германии, Италии и Советского Союза констатируют следующее:

1) Германия, Италия и Советский Союз согласились во взглядах, что в их общих интересах освободить Турцию от взятых ею ранее международных обязательств и постепенно привлечь ее к политическому сотрудничеству с ними. Они заявляют, что будут совместно преследовать эту цель путем тесных контактов в соответствии с общим планом действий, который будет определен в будущем.

2) Германия, Италия и Советский Союз заявляют о своем согласии совместно в надлежащее время заключить с Турцией соглашение, в котором три державы признают границы Турции.

3) Германия, Италия и Советский Союз будут совместно работать над заменой ныне действующего статута Монтрё* о проливах другим статутом. По этому статуту Советскому Союзу будут предоставлены права неограниченного прохода в любое время его военного флота через проливы, в то время как все другие державы, за исключением черноморских, Германии и Италии, должны в основном отказаться от права прохода своих военных судов через проливы. При этом само собой разумеется, что проход через проливы остается свободным для всех торговых судов.

Москва, 1940 г. (15)

Текст своих «сырых мыслей» Риббентроп Молотову не передал, но продиктовал их переводчику, — возможно желая подчеркнуть их неофициальность. Затем начался диалог.

Молотов посетовал на неуступчивость Японии, исключительно от которой, дескать, зависит прогресс советско-японских отношений. Перейдя к вопросу о Босфоре и Дарданеллах, он заметил:

«Германия не является черноморской державой» и «для нее проливы имеют не второе (как сказал Риббентроп. — В. М.), а, пожалуй, десятое значение».

Далее разговор перешел к Болгарии, которую в Москве хотели видеть исключительно советской сферой влияния и которую собирались «гарантировать» (вплоть до ввода войск), подобно тому как Гитлер поступил с Румынией. Основной узел противоречий обозначился именно здесь. Гитлера особенно насторожили возможные посягательства на румынскую нефть.

Риббентроп не хотел углубляться в мелочи, подвергая опасности красивый, но хрупкий «хрустальный дворец», над возведением которого столько трудился.

«Он хотел бы свести сегодняшний разговор к более крупным вопросам, он хотел бы поставить вопрос, готов ли СССР сотрудничать с ними».

---

* По итогам конференции в швейцарском городе Монтрё (22 июня — 21 июля 1936 г.), в которой принимали участие СССР, Великобритания, Австралия, Франция, Турция, Болгария, Греция, Румыния, Югославия и Япония, 20 июля была подписана конвенция о режиме Черноморских проливов, согласно которой в военное время запрещался проход через них военных кораблей всех воюющих держав.

«„По другим вопросам мы можем всегда договориться, если мы на основе наших прошлогодних соглашений расширим наши отношения“, — говорит министр. Где лежат интересы Германии и СССР? — это подлежит решению. Нужно найти решение, чтобы наши государства не стояли грудью к груди друг друга, а совместно добивались осуществления своих интересов, чтобы они путем совместной работы реализовали свои стремления, не противореча друг другу. Риббентроп хотел бы получить ответ, готов ли СССР изучить этот вопрос и сотрудничать с тремя державами. Из писем Сталина он вынес впечатление, что СССР склонен к этому. Вопросы, которые касаются Германии и СССР, всегда можно решить, важно, чтобы и Германия, и СССР имели общие линии в крупных чертах». Поэтому вопрос о Финляндии он отнес к второстепенным, а о перспективе ориентации территориальных aspirations Москвы в сторону Индийского океана — к первоочередным.

От Молотова ждали конкретного ответа. И Вячеслав Михайлович дал его с максимальной конкретностью, какую только ему позволял «строгий поводок» сталинской дипломатии: «Теперь к вопросу о совместной работе СССР, Японии, Германии и Италии. Он отвечает на этот вопрос положительно, но надо по этому вопросу договориться. Правильны ли предположения Германии по вопросу о разграничении сфер интересов? Трудно конкретно уже сегодня ответить на этот вопрос, ибо этот вопрос до сих пор Германия не ставила перед СССР, и он является для советского правительства новым. Он пока не знает мнения И. В. Сталина и других советских руководителей на этот счет, но ответ СССР вытекает из того, что им уже говорилось. Эти большие вопросы завтрашнего дня, с его точки зрения, не следует отрывать от вопросов сегодняшнего дня. И если их правильно увязать, то будет найдено нужное решение. То, что ему пришлось иметь ряд бесед с министром и с рейхсканцлером, — это большой шаг вперед в деле выяснения важных вопросов. Как дальше пойти по этому пути, Молотов предоставляет решать Риббентропу. Риббентроп уже говорил, чтобы наши послы граф фон дер Шуленбург и т. Шкварцев продолжили в дипломатическом порядке обсуждение этих вопросов. Если сейчас нет необходимости в других методах, то это предложение приемлемо». Таким образом, о скором визите рейхсминистра в Москву речь уже не шла.

Германская запись заканчивается ремаркой, отсутствующей в советском варианте:

«Вслед за тем г-н Молотов сердечно попрощался с Имперским Министром иностранных дел, подчеркивая, что не сожалеет о воздушном налете, так как благодаря ему он имел такую исчерпывающую беседу с Имперским Министром иностранных дел».

В итоговой телеграмме Сталину Молотов сделал вывод, что «обе беседы не дали желательных результатов». В отношении Гитлера он был прав, а вот в отношении Риббентропа — нет, видимо, не осознав важности его предложений (суть их изложена очень «смазанно»). Утром нарком отбыл в Москву. Из официальных лиц высшего ранга на вокзале его провожал только Риббентрон, что было не лучшим знаком.

Краткое коммюнике по итогам визита, предложенное Сталиным, было принято германской стороной дословно. В нем скупое, но выразительно говорилось: «Обмен мнений протекал в атмосфере взаимного доверия и установил взаимное понимание по всем важнейшим вопросам, интересующим СССР и Германию».

О существовавших разногласиях не должны были догадываться ни друзья, ни враги. В том же духе была выдержана одобренная Риббентропом телеграмма Вайцзеккера, направленная в германские дипломатические миссии: «Беседы между германским и советским правительствами по случаю нахождения в Берлине Молотова велись на базе договоров, заключенных в прошлом году, и завершились окончательным согласием обеих стран твердо и решительно продолжать в будущем политику, начало которой положили эти договоры. Кроме того, беседы послужили целям координации политики Советского Союза и стран Тройственного пакта. Как уже отмечалось в заключительном коммюнике о визите Молотова, обмен мнениями происходил в атмосфере взаимной доверительности и имел своим результатом согласование мнений обеих сторон по всем важнейшим вопросам, интересующим Германию и Советский Союз. Это ясно доказывает, что все предположения относительно мнимого германо-русского конфликта являются плодами фантазии и что все спекуляции врагов об ухудшении доверительных и дружественных германо-русских отношений основаны на самообмане. Дружественный визит Молотова в Берлин вновь продемонстрировал это»¹⁶. Последнюю фразу Риббентроп вписал собственноручно.

Какова была реакция Сталина на предложения Берлина? Заглянем в ответ, исходивший непосредственно от него, который Молотов передал Шуленбургу вечером 25 ноября:

«СССР согласен принять в основном проект пакта четырех держав об их политическом сотрудничестве и экономической взаимопомощи, изложенный г-ном Риббентропом в его беседе с В. М. Молотовым в Берлине 13 ноября 1940 года и состоящий из 4-х пунктов, при следующих условиях:

1. Если германские войска будут теперь же выведены из Финляндии, представляющей сферу влияния СССР, согласно советско-германскому соглашению 1939 года, причем СССР обязывается обеспечить мирные отношения с Финляндией, а также экономические интересы Германии в Финляндии (вывоз леса, никеля)*.

2. Если в ближайшие месяцы будет обеспечена безопасность СССР в Проливах путем заключения пакта взаимопомощи между СССР и Болгарией, находящейся по своему географическому положению в сфере безопасности черноморских границ СССР, и организации военной и военно-морской базы СССР в районе Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды.

3. Если центром тяжести аспираций СССР будет признан район к югу от Батума** и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

4. Если Япония откажется от своих концессионных прав по углю и нефти на Северном Сахалине на условиях справедливой компенсации.

Сообразно с изложенным должен быть изменен проект протокола к Договору 4-х держав, представленный г-ном Риббентропом, о разграничении сфер влияния в духе определения центра тяжести аспираций СССР на юге от Батума и Баку в общем направлении к Персидскому заливу.

Точно так же должен быть изменен изложенный г-ном Риббентропом проект протокола — Соглашения между Германией, Италией и СССР о Турции в духе обеспечения военной и военно-морской базы

---

*В первой декаде декабря 1940 г. Гитлер и Риббентроп конфиденциально, но категорически заверили знаменитого шведского путешественника Свена Гедина в том, что предупредили Молотова о недопустимости любого силового давления на Финляндию, которой, таким образом, нечего опасаться со стороны СССР. Одновременно они предостерегли Швецию от заключения военно-политического союза с Финляндией. 12 декабря Деканозов прямо сказал Риббентропу о неприемлемости такого союза для Москвы.

** Пыне — г. Батуми (Грузия).

СССР у Босфора и Дарданелл на началах долгосрочной аренды с гарантией 3-х держав независимости и территории Турции в случае, если Турция согласится присоединиться к четырем державам.

В этом протоколе должно быть предусмотрено, что в случае отказа Турции присоединиться к четырем державам Германия, Италия и СССР договариваются выработать и провести в жизнь необходимые военные и дипломатические меры, о чем должно быть заключено специальное соглашение.

Равным образом должны быть приняты: третий секретный протокол между СССР и Германией о Финляндии; четвертый секретный протокол между СССР и Японией об отказе Японии от угольной и нефтяной концессий на Северном Сахалине; пятый секретный протокол между СССР, Германией и Италией с признанием того, что Болгария, ввиду ее географического положения, находится в сфере безопасности черноморских границ СССР, в связи с чем считается политически необходимым заключение пакта о взаимопомощи между СССР и Болгарией, что ни в какой мере не должно затрагивать ни внутреннего режима Болгарии, ни ее суверенитета и независимости»¹⁷.

«Мы надеемся на скорый ответ германского правительства», — так запомнились заключительные слова Молотова переводившему беседу Бережкову¹⁸.

Советская сторона отреагировала оперативно и по существу. Сталин предлагал непростые, но продуманные и аргументированные условия (впрочем, насчет баз в проливах он конечно же перегнул палку!), и если и не надеялся на их полное и немедленное принятие, то, несомненно, рассчитывал на продолжение диалога*.

«Об этих русских желаниях и условиях у меня в декабре 1940 года состоялся подробный обмен мнениями с Адольфом Гитлером, — вспоминал Риббентроп. — Я самым настойчивым образом рекомендовал ему пойти навстречу Советскому Союзу и на согласие с ним примерно на требуемой Сталиным основе... Надо предпринять попытку сделать из Пакта трех держав пакт четырех с участием России. Если нам это удастся, мы приобретем благоприятную позицию: при такой расстановке сил США остались бы нейтральными, а Англия оказалась бы

---

* Версию об отказе Сталина от предложения присоединиться к Тройственному пакту можно считать документально опровергнутой. Подробнее — см. мою книгу «Несостоявшаяся ось Берлин — Москва — Токио» (С. 338–343).

изолированной и испытывающей угрозу на Ближнем Востоке... Однако для этого надо было пойти на жертвы в пользу России... Шуленбург неоднократно сообщал из Москвы, что без решающих уступок заключения пакта четырех не добиться» (С. 178–179).

По обоюдному согласию содержание переговоров сохранялось в глубокой тайне (в книге «Несостоявшаяся ось Берлин — Москва — Токио» я рассказал, как Молотов дезинформировал Лондон через полпреда Майского). Впервые оно стало известно из радиообращения Гитлера 22 июня 1941 года, в котором он объяснил рейху и миру причины нападения на Советский Союз. Фюрер сообщил, что Молотов поставил перед ним четыре вопроса. Первый: «были ли германские гарантии Румынии направлены также против Советской России, в случае если бы Советская Россия напала на Румынию?» Ответ: «немецкая гарантия универсальна», но «я не думал, что у России могут внезапно возникнуть какие-либо далеко идущие намерения по отношению к Румынии». Второй: «Россия чувствует угрозу со стороны Финляндии... Готова ли Германия не оказывать никакой помощи Финляндии?» Ответ: «Германия не имеет никаких политических интересов в Финляндии... <но> не потерпит новой войны России против маленького финского народа». Третий: «согласна ли Германия, если Россия даст гарантии Болгарии и пошлет <туда> войска?» Ответ: «Болгария — суверенная страна, и я не располагаю сведениями, что Болгария когда-либо просила Советскую Россию о гарантиях, как Румыния просила гарантий от Германии». Последний вопрос: «Советской России в любом случае необходим свободный проход через Дарданеллы... и требуется оккупация множества важных баз на Дарданеллах и на Босфоре. Согласна Германия с этим или нет?» Ответ: «не согласна».

Сравнивая это заявление с записями переговоров, можно сделать вывод, что Гитлер в целом говорил правду, но далеко не всю. Он сознательно обошел вниманием главный геополитический сюжет — предложение присоединиться к Тройственному пакту и ответ Москвы на него. Не соответствовали истине и его слова о том, что «антигерманский сербский путч» — военный переворот в Белграде 26 марта 1941 года — «был инспирирован не столько британцами, сколько Советской Россией» и что он «советовал японскому министру иностранных дел Мацуока ослабить напряженность в отношениях с Россией, чтобы послужить таким образом делу мира»¹⁹. Молотов и Сталин в своих радиообращениях 22 июня и 3 июля не сказали об этом ни слова.

Любитель исторических аналогий, Гафенку сравнил берлинский визит Молотова со свиданием Наполеона и Александра I в Эрфурте в 1808 году, продолжая аналогию между пактом Молотова — Риббентропа и Тильзитским миром 1807 года. Поясняя свою мысль, он процитировал знаменитого историка Альбера Вандаля: «Встреча в Эрфурте временно укрепила связи между Россией и Францией, устранила из их отношений все текущие основания для разногласий, дала Франции гарантию, что Россия не заключит союза с ее врагами и не ударит ей в тыл, когда Великая Армия пойдет на Мадрид... Но она ничего не дала для создания прочной и длительной основы франко-русских отношений, для восстановления доверия или искреннего возрождения взаимной приязни»²⁰.

С этим можно поспорить, ибо Гафенку, работая в 1944 году над книгой, располагал лишь отрывочной информацией. Но ход его мысли в любом случае заслуживает внимания.

18 декабря 1940 года фюрер утвердил план кампании против СССР «Барбаросса», поскольку не мог поверить в то, что Сталин удовлетворится разделом сфер влияния и откажется от своих глобальных планов, в какие бы идеологические или геополитические одежды они ни рядились. Для Гитлера мир с Россией, тем более большевистской, был не более чем короткой тактической передышкой. Психологически над ним продолжали тяготеть юношеские фиили и фобии — стремление договориться с Англией и ненависть австрийского «фольксдойче» к славянам. Встревоженный возможными посягательствами Москвы на финский никель и румынскую нефть, а еще более — количественными показателями роста Красной армии, диктатор решил нанести удар первым, оправдав его ссылкой на якобы готовившийся Сталиным завоевательный поход в Европу.

Не все в нацистской верхушке думали так же, как и он, но спорить не репались. Для соблюдения консенсуса Гитлер проинформировал потенциальных оппонентов, включая рейхсминистра иностранных дел, о принятом решении со значительным запозданием. «О существовании твердого намерения напасть на Россию я впервые узнал только после югославской кампании, начавшейся 6 апреля 1941 года», — утверждал тот в Нюрнберге (С. 180).

Внимание Риббентропа и Шуленбурга усыплялось переговорами по частным вопросам (Москва не упускала случая продемонстрировать твердость) и ни к чему не обязывавшими полумерами вроде

ответа, который 23 января 1941 года немецкий посол вручил Молотову: «Германское правительство продолжает придерживаться тех идей, которые были изложены Председателю Совета Народных Комиссаров Союза СССР г-ну Молотову во время его пребывания в Берлине. Советское правительство по этому поводу в конце ноября прошлого года сделало некоторые контрпредложения. Германское правительство в настоящее время по всем этим вопросам состоит в контакте с правительствами союзных с ним государств Италии и Японии и надеется по мере дальнейшего выяснения совокупности этих вопросов в недалеком будущем возобновить о них политические переговоры с правительством Союза СССР»²¹.

Напряженность чувствовалась даже в мелочах. «Сегодня девятый день, как я в Берлин, и еще не был принят Риббентропом, и неизвестно, когда будет назначен день вручения верительных грамот у Гитлера», — с тревогой сообщал в Москву 6 декабря новый полпред Владимир Деканозов. Молотов был недоволен, и германскому послу пришлось извиняться со ссылкой на условия войны и отсутствие фюрера в Берлине. Прием у министра состоялся 12 декабря, у канцлера — неделю спустя. Однако Гитлер, Риббентрон и Шуленбург исправно поздравили Сталина с днем рождения, а Деканозов — нашего героя с рождением сына Бартольда (19 декабря)²².

Вильгельмштрассе распорядилось трактовать подписание 10 января 1941 года серии двусторонних соглашений как опровержение клеветнических слухов «наших врагов», прежде всего британских, о недоверии и трениях между Германией и СССР. «Это был последний день ничем не омраченной радости творцов московского пакта (о ненападении. — В. М.) и их верных сторонников», — заметил Гафенку²³.

Визит Молотова встревожил англичан и американцев, увидевших за ним окончательное «построение фаланги». Но Риббентропу и особенно Гитлеру был нужен быстрый и явный успех, пусть даже регионального масштаба. Поэтому в последней декаде ноября в Берлин один за другим потянулись сателлиты рейха: венгерский премьер Теллеки, румынский премьер Антонеску и словацкий премьер Тука. В торжественной обстановке они подписали декларации о присоединении своих стран к Тройственному пакту (20, 23 и 24 ноября)²⁴.

Диктатор продолжал нажим на Белград через премьера Цветковича и министра иностранных дел Цинцар-Марковича и на Софию через послашника Драганова, но югославский регент-англофил принц

Павел и считавшиеся с панславистскими настроениями своего народа болгарский царь Борис и его премьер Богдан Филов сопротивлялись до последнего²⁵. Столь же упорно они противостояли нажиму Москвы, отвергнув гарантии, которые им предложил генеральный секретарь НКВД А. А. Соболев. «Болгарское правительство благодарит советское правительство за дружественные чувства, проявленные в отношении Болгарии, — сказал гостю Филов, — но не видит необходимости принятия в данное время гарантии СССР, так как никто не угрожает Болгарии»²⁶.

Историк Г. Городецкий точно охарактеризовал драматическую ситуацию, в которой оказался рейхсминистр на рубеже 1940–1941 годов: «Ни Риббентроп, ни министерство иностранных дел не знали, насколько далеко зашли военные приготовления, не говоря уже о директивах по операции „Барбаросса“... Риббентроп, все больше оказывающийся в изоляции, неохотно присоединился к профессиональным дипломатам весной 1941 года в их последней, довольно жалкой попытке отговорить Гитлера от нападения на СССР... И Вайцзеккер, и Риббентроп, видимо, надеялись привлечь на свою сторону союзников Германии по оси, чтобы удержать его. Однако Гитлер скрывал свои планы от союзников, не допуская открытых дебатов по поводу его стратегии»²⁷. Развивая те же мысли в более ранней работе, он писал: «Непрекращающиеся обращения Риббентропа, его вмешательство лишь усилили скрытность Гитлера, и он стал обманывать Риббентропа, заставив того поверить в возможность компромисса»²⁸.

В мемуарах бывший рейхсминистр дал такую ретроспективу событий: «Визит (Молотова в Берлин. — В. М.) закончился охлаждением отношений, и Адольф Гитлер своих соображений мне больше не высказывал. Его сдержанность в русском вопросе бросалась в глаза. Кое-какие признаки говорили за то, что к этому делу приложили свою руку те влиятельные силы, которые стремились к принятию решения против России... В течение зимы и весны 1941 года при всех моих докладах по русскому вопросу Адольф Гитлер постоянно занимал все более отрицательную позицию... У меня уже тогда было такое чувство, что в своей русской политике я одинок» (С. 178–179).

Дни затмения (1941)

303

Глава одиннадцатая. Дни затмения

1941 год начался для нашего героя с печального события: в первый день января в Наумбурге на восемьдесят втором году жизни умер его отец Рихард Риббентроп. Скромные похороны с воинскими почестями состоялись в Зонненбурге, имении Иоахима.

Намеченный на 10 января ввод вермахта в Испанию для операции против Гибралтара не состоялся, в чем недоброжелатели упорно винили рейхсминистра, не сумевшего добиться согласия Франко. 19 января произошел очередной неприятный разговор Риббентропа с Чиано по поводу греческой кампании. В тот же день Гитлер принял дуче. Видя, что словами делу не помочь — союзники понесли большие потери еще и в Ливии, — он сменил гнев на милость и обещал военную помощь в Средиземноморье, конкретизировав обещание в присутствии генералов два дня спустя. О плане «Барбаросса» не было сказано ни слова, но наш герой заметил, что испытывает «большой скепсис в отношении доброй воли русских»¹.

21 января рейхсминистр переслал Штореру в Мадрид письмо для Франко. Напомнив, что «без помощи фюрера и дуче сегодня не было бы ни националистической Испании, ни каудильо» и что «англичане, французы и американцы имеют одну цель — уничтожение Франко и националистической Испании», он заявил: «Фюрер и Имперское

правительство глубоко обеспокоены двусмысленной и колеблющейся позицией Испании... Если каудильо не решит немедленно вступить в войну на стороне стран оси, Имперское правительство может лишь предвидеть конец националистической Испании».

Вызывающее по тону, но справедливое по сути послание рассердило адресата, который отказался признать свою позицию «двусмысленной и колеблющейся» и снова завел разговор о «заветах» и «обетах», однако следующее послание Риббентропа от 24 января вернуло его к конкретике: «Только немедленное вступление Испании в войну имеет стратегическую ценность для оси... Германия еще раз просит генерала Франко дать окончательный ясный ответ».

Каудильо уже принял решение о неучастии в войне, но никак не решился заявить об этом вслух. Не помогло даже личное обращение Гитлера 6 февраля, ответ на которое последовал лишь через три недели, а вручен был еще неделей позже. Фразы о дружбе и единстве и жалобы на тяжелое внутреннее положение не могли скрыть отказа помочь, о чем Франко объявил Муссолини на встрече в Бордигьере 12 февраля (немцы были проинформированы о ней итальянцами). 22 февраля в телеграмме Штореру наш герой сделал окончательный вывод: на Испанию рассчитывать не приходится².

Рейхсминистра продолжало тревожить положение во Франции, особенно зависимость маршала от узкого круга приближенных, нагрозных антигермански и «реакционно»: главным идеологом режима стал германофоб и монархист Шарль Моррас (тоже осужденный после войны за «сотрудничество с врагом»).

11 января Риббентроп конфиденциально задал Абецу два вопроса: 1) Возможно ли создание дееспособного правительства без Петэна, во главе с Лавалем? 2) Сможет ли такое правительство объявить войну Англии и заключить с Германией мир, который позволит рейху использовать французский флот и североафриканские колонии?

Информация запрашивалась исключительно для личного пользования, на предмет разговора с фюрером. Посол ответил, что возможность возвращения Лавала в правительство не исключена, но ждать радикальных шагов не приходится: защита колоний от англичан — это одно, а объявление войны — совсем другое. Тем временем в Виппи окончательно упрочились позиции Дарлана: в дополнение к посту морского министра Петэн 10 февраля назначил его своим официальным преемником, главой правительства, министром иностранных дел

(вместо заподозренного в проамериканских симпатиях Фландена*), внутренних дел (вместо «заговорщика» Пейрутона, отправленного послом в Аргентину) и информации. Контр-адмирал Платон занял пост министра колоний, и пожилой архиепископ Лиона заметил по этому поводу с иронией: «Я скоро умру, и вместо меня, наверное, назначат какого-нибудь адмирала».

Дарлан уверял немцев и прессу в том, что «Франция должна выбирать между сотрудничеством и разрушением и он выбирает сотрудничество», однако в беседах с глазу на глаз говорил: «Я не испытываю никакой симпатии к немцам. Окажите мне честь — поверьте на слово». Подобно Петэну, он тоже вел двойную игру, и Риббентроп не мог не опасаться этого³.

1 марта Болгария присоединилась к Тройственному пакту (принципиальное согласие было достигнуто 8 февраля) и разрешила пройти по своей территории частям вермахта, начавшим операцию «Марита», направленную против Греции. Москва ответила резким, в допустимых пределах, заявлением — на сей раз НКВД, а не ТАСС: «Советское правительство не может разделить мнение Болгарского правительства о правильности позиции последнего в данном вопросе» и «не может ввиду этого оказать какую-либо поддержку Болгарскому правительству в проведении его нынешней политики».

В рамках «войны коммюнике», как остроумно выразился Гафенку, это было очень серьезное предупреждение, причем не столько Софии, сколько Берлину, хотя Шуленбург приложил все свое умение, чтобы успокоить Молотова⁴. Одновременно Гитлер заверил турецкого президента Инёню в том, что нейтралитету его страны ничто не угрожает⁵.

После долгих уговоров премьер Цветкович и министр иностранных дел Цинцар-Маркович 25 марта подписали протокол о присоединении Югославии к Тройственному пакту, получив от Риббентропа заверения, что державы оси будут уважать независимость и территориальную целостность страны и не будут требовать разрешения на проход войск через ее территорию⁶. В Белграде немедленно начались устроенные англичанами «народные волнения» под антигерманскими

---

* 28 декабря 1940 г. Фланден велел де Бринону передать через Абеца новогодние поздравления Гитлеру от Петэна и Риббентропу от себя. Через двое суток Абец сообщил ответ: глубокая благодарность маршалу и никакой реакции на поздравления Фландена.

и антиитальянскими лозунгами, закончившиеся военным переворотом: принц-регент Павел и Цветкович были отрешены от власти, наследный принц Петр, не достигший совершеннолетия, провозглашен королем, командующий ВВС генерал Симович — премьер-министром. Новое правительство заявило о готовности продолжать сотрудничество с осью, но Гитлер не поверил и приказал осуществить молниеносную кампанию против Югославии, совместив ее с «Маритой». Риббентроп попытался предложить мирный вариант, но навлек на себя гнев фюрера, выпущенного отложить исполнение «Барбароссы». Судьба Югославии, которую раздирали внутренние, прежде всего национальные, противоречия, была решена⁷.

В такой неспокойной обстановке 26 марта в столицу Третьего рейха прибыл японский министр иностранных дел Мацуока. Принимали его «по первому классу», с тщательно организованным народным ликованием по пути следования кортежа. На вокзале поезд остановился так, что выход салон-вагона точно совпал с красной ковровой дорожкой на перроне (Шмидт подробно описал отработку этого действия). Низкорослый, щуплый визитер терялся на фоне внушительных фигур Риббентропа, Геринга и особенно двухметрового шефа протокола МИД Дёрнберга (по комплекции гостю подошел бы только доктор Геббельс), а также пространств Имперской канцелярии. Но его энергия и разговорчивость сразу же привлекли к нему всеобщее внимание.

Двумя днями ранее на стол рейхсминистра лег меморандум Вайцзеккера, подготовленный на основании разработок разных отделов МИД. Главным вопросом в нем было названо время вступления Японии в войну против Великобритании; само участие в войне считалось делом как бы решенным. Ради этого Германия готова была отказаться от претензий на Голландскую Индию (метрополию-то разгромила она, а потому могла претендовать на «трофеи») и на свои бывшие владения в Тихом океане и признать прояпонский режим Ван Цзинвэя в Нанкине*, созданный осенью 1940-го. Статс-секретарь предлагал объяснить гостю серьезность советско-германских противоречий и суть нового курса рейха, дабы не только «избавить его от сюрпризов», но и «контролировать через него японскую политику по возвращении из поездки по Европе»⁸.

---

* Нанкин (Наньцзин) — крупный город в Китае, до 1937 г. бывший столицей «национального правительства» Чан Кайши.

В процессе подготовки визита особое значение имела состоявшаяся 23 февраля в замке Фушль беседа Риббентропа с Осима, который был вновь назначен послом в Германии, но еще не вручил верительные грамоты фюреру (церемония состоялась 27 февраля, причем Осима был не во фраке, а в генеральском мундире). Разговор старых друзей, не видевшихся больше года, касался всего спектра мировых проблем.

После оптимистического обзора текущей военной ситуации рейхсминистр поставил перед гостем вопрос об атаке на Сингапур. Тот решительно поддержал идею и оптимистически (пожалуй, слишком оптимистически!) оценил шансы на ее успех в Токио, сославшись на поддержку не только военных и морских кругов, но также Мацуока и Коноэ. Хозяин не преминул напомнить, что «Япоии целесообразно обеспечить себе во время войны позиции, которые она хотела бы получить при заключении мира», то есть, перефразируя известное выражение Гитлера, помочь на кухне, чтобы гарантировать себе участие в будущей трапезе.

Разумеется, зашел разговор и о России. Риббентроп заявил: «Сталин — трезвый и умный политик, который не помышляет ничего против нас предпринимать, в основном из-за нашей военной мощи. Верно, что большевизм не перестает сеять свои семена в других странах. Если Германия проиграет войну, над Европой взойдет советская звезда. Мы наблюдаем за развитием событий на Востоке внимательно и очень спокойно. Но исходом германско-русского конфликта будет колоссальная победа Германии и крах советского режима».

Он отметил нежелательность такого поворота событий для Германии, но дал понять, что перспектива конфликта ее не пугает. Осима поинтересовался, предлагалось ли Советскому Союзу участие в Тройственном пакте. Собеседник подтвердил, коротко остановившись на названных Сталиным и Молотовым условиях, и в свою очередь спросил о состоянии японо-советских отношений. Посол ответил, что Москва готова заключить политическое соглашение при условии отказа Токио от нефтяных концессий на Северном Сахалине⁹. 5 марта Гитлер утвердил директиву ОКВ* относительно сотрудничества с Японией.

---

* ОКВ (OKW — Oberkommando der Wehrmacht) — Верховное главнокомандование вооруженными силами Германии.

27, 28 и 29 марта Мацуока трижды встречался с Риббентропом и один раз с Гитлером в присутствии рейхсминистра и послов¹⁰. Наш герой принимал гостя с подчеркнутым вниманием: это был первый официальный визит в рейх японского государственного деятеля такого ранга. Кроме того, Мацуока зримо воплощал одно из его главных достижений — союз с Японией, который он давно и пылко пропагандировал. Разговор начался, как всегда, с обзора ситуации.

«Суммируя военную обстановку в Европе, — сказал Риббентроп, — можно сделать вывод, что в военной сфере ось является абсолютным хозяином положения на континенте». Однако в его словах о Советском Союзе зазвучали новые, неожиданные ноты: «Конфиденциально он может сообщить Мацуока, что нынешние отношения с Россией являются, безусловно, корректными, но не слишком дружескими. После визита Молотова, когда ей было сделано предложение о присоединении к Тройственному пакту, Россия выставила неприемлемые условия... Фюрер не согласился, ибо не считает, что Германия должна постоянно подписываться под русской политикой... Внешние отношения нормальные и корректные. Однако русские в течение некоторого времени демонстрируют Германии свое нерасположение везде, где могут... Зная Сталина лично, он (Риббентроп. — В. М.) не думает, что тот пойдет на авантюру, но быть уверенным в этом нельзя*... Если Россия займет такую позицию, которая может быть понята как опасная для Германии, фюрер сокрушит ее. Германия уверена, что кампания против России закончится абсолютной победой германского оружия и полным разгромом русской армии и русского государства... Имперский Министр иностранных дел подчеркнул, однако, что он не верит в то, что Сталин будет проводить неразумную политику. В любом случае фюрер рассчитывает не только на договоры с Россией, но, прежде всего, на свой вермахт».

По воспоминаниям Шмидта, Мацуока это заявление явно встревожило. Он ожидал другого. Или, по крайней мере, хотел бы услышать другое.

---

* 4 января 1941 г. в беседе с болгарским премьером Филовым Гитлер сказал о Сталине: «Это не Мосьицкий и не Рыдз-Смиглы, он холодно взвешивает реалии... Пока Сталин жив, абсолютно невозможно, что Россия начнет что-либо против Германии, если сфера ее интересов будет четко определена»¹¹.

Автор Антикоминтерновского пакта затронул и другую, некогда любимую, но за последние два года уже подзабытую тему: «Нельзя также закрывать глаза на то, что Советский Союз, несмотря на все уверения в противном, продолжает коммунистическую пропаганду за границей. Он пытается вести подрывную пропагандистскую деятельность не только в Германии, но в оккупированных областях Франции, в Голландии и Бельгии. Для Германии эта пропаганда никакой опасности не представляет. Но Мацуока хорошо знает, к каким несчастьям это ведет в других странах. В качестве примера Имперский Министр иностранных дел привел балтийские государства, где сегодня, через год после их оккупации русскими, царят ужасные условия, а вся интеллигенция уничтожена под корень».

Он, видимо, запямятовал о том, как меньше года назад по его прямому указанию МИД «дружески» вернул литовскому, латвийскому и эстонскому посланникам их ноты протеста против советской экспансии...

Риббентроп только перешел к вопросу о Сингапуре, как его вызвали к Гитлеру для обсуждения югославских событий. Обедать пришлось без хозяина, но фюрер принял японского министра в тот же день. Снова все как всегда — обмен любезностями, «экспозе» ситуации, уверения в том, что война почти выиграна и что Англии не стоит надеяться ни на Америку, ни на СССР, монолог, не предусматривавший ответных реплик... О России — всего несколько слов: угрозы с ее стороны не боимся, но особо в нее не верим. В ответ Мацуока сообщил о своей встрече со Сталиным и Молотовым по пути в Берлин (он проехал по Сибирской железной дороге через всю Евразию) — сообщил содержательно и откровенно, если сопоставить известные нам записи бесед. Примечательно следующее высказывание гостя, гордившегося своей прямоотой: «Когда Япония нападет (на Англию. — В. М.) — только вопрос времени. По его мнению, нападение должно состояться как можно скорее. К сожалению, не он правит Японией, но постарается внушить свою точку зрения тем, кто правит».

На следующий день, особенно после слов рейхсминистра о возможности избрания Москвой «неверного пути», стало ясно, что «союз четырех» в планы Берлина уже не входит. Более того, Риббентроп сделал вид, что таких планов никогда и не было.

«Мацуока спросил, рассматривал ли вообще фюрер возможность российско-японско-германского союза. Имперский Министр иностранных

дел ответил отрицательно и сказал, что тесное сотрудничество с Россией абсолютно невозможно... Советский Союз до сих пор интернационально ориентирован, в то время как Япония и Германия мыслят национально... Союз (между ними. — В. М.) так же нелеп, как между огнем и водой... Германия внимательно следит за Советским Союзом и — это Мацуока должен четко понять — готова к любым неожиданностям. Германия не будет провоцировать Россию, но, если политика Сталина не будет гармонировать с тем, что фюрер считает правильным, Россия будет сокрушена».

Мацуока понял, что над его далеко идущими планами «континентального блока», заимствованными у Хаусхофера и Сиратори, нависла колоссальная угроза. «Он спросил Имперского Министра иностранных дел, стоит ли ему на обратном пути подольше задержаться в Москве для переговоров с русскими на предмет пакта о ненападении или о нейтралитете... Имперский Министр иностранных дел ответил, что о присоединении России к (Тройственному. — В. М.) пакту не может быть и речи, и порекомендовал Мацуока по возможности воздержаться от обсуждения подобных вопросов в Москве, поскольку это не вполне вписывается в нынешнюю ситуацию». Впрочем, против торговых соглашений он не возражал. В этой же беседе наш герой попутно сделал интересное признание: «традиции его семьи всегда были прояпонскими». Подтверждений сказанному я не нашел.

Разговор о главном продолжился на третий день. Риббентроп прямо и недвусмысленно пообещал Японии помощь на случай ее конфликта с СССР, добавив, что японцы могут смело продвигаться на юг к Сингапуру, не опасаясь удара с севера.

«Ясно одно: если Россия нападет на Японию, Германия выступит немедленно... Разумеется, мы не можем сказать, как будут развиваться дела с Россией. Неясно, будет Сталин настаивать на своей нынешней политике враждебности к Германии или нет... В любом случае Мацуока не может доложить императору по возвращении в Японию, что конфликт между Германией и Россией невозможен»*.

---

* В мемуарах Шмидта эти слова приписаны Гитлеру. Странно — ведь он опирался на свои же записи, опубликованные в «Документах внешней политики Германии», которые я использовал. Следует добавить, что в письменном отчете Мацуока о поездке об этом не сказано ни слова, но некоторые японские мемуаристы утверждают, что он намекал на возможность подобного развития событий.

В этом месте Шмидт, переводивший с немецкого на английский, во избежание недоразумений даже переспросил гостя, вполне ли тот понял сказанное. Мацуока все же поинтересовался, нельзя ли будет через некоторое время вернуться к идее присоединения Москвы к «союзу трех», но наш герой решительно отmel подобную возможность. С бóльшим интересом он заговорил о будущем Антикоминтерновского пакта, срок действия которого истекал через полгода, но сослался на непредсказуемость ситуации и предложил подождать до осени. Тогда, дескать, все и прояснится. А пока... Пока можно заключить с Москвой какое-нибудь сугубо формальное, ни к чему реально не обязывающее соглашение, если это уж так необходимо для Токио.

В Берлине на «континентальном блоке» поставили крест, и Мацуока это четко понял. Однако о плане «Барбаросса», то есть о принятом решении воевать с СССР, он не был оповещен ни официально, ни неофициально, причем это было сделано по личному указанию Гитлера¹². Гость, в свою очередь, не сказал о том, что еще в феврале попытался вступить в контакт с Черчиллем через посла в Лондоне Сигэмицу и лелеял надежду встретиться с британским премьером, пусть даже тайно.

5 апреля, по возвращении Мацуока из Рима, где он встречался с Муссолини, Чиано и папой, разговор зашел о положении в покоренной немцами Европе и о ее дальнейшей судьбе. Главной темой стала Югославия, и Риббентроп обронил любопытную реплику о «влиянии „Черной руки“ на политические события в Белграде». Так называлась тайная организация сербских националистов, 28 июня 1914 года убивших в Сараеве австрийского эрцгерцога (наследника престола) Франца-Фердинанда и давших этим повод для развязывания Первой мировой войны. Но какое отношение имели к событиям 1941-го тайны четвертьвековой давности? Возможно, самое непосредственное. Членами «Черной руки» были тогдашний югославский посланник в Москве Милан Гаврилович (лидер сербской Аграрной партии) и отставной полковник Божин Симич*, откомандированный в Москву новым правительством с чрезвычайными полномочиями для заклю-

---

* Членом организации также был Станое Симич, занимавший в 1941 г. стратегически важный пост югославского посланника в Словакии. Кем он приходился Божину Симичу, я установить не смог.

чения пакта со Сталиным (втайне от посланника он встречался с советскими дипломатами и говорил, что именно он «обрабатывает» премьера Симовича в пользу договора). В Европе факт их принадлежности к «Черной руке» был известен с первой половины 1920-х, а в СССР — с 1934–1935 годов, если не раньше¹³. Удивительно, почему историки Второй мировой войны до сих пор обходят его вниманием.

Инициатива заключения договора о дружбе и ненападении между СССР и Югославией, подписанного рано утром 6 апреля (но датированного 5 апреля), исходила от Симовича и была поддержана Сталиным. Центральные газеты поместили на первой странице не только текст договора, но и фотографии, сделанные во время церемонии подписания. Гафенку вспоминал, что «ни разу со времени (советско-германского. — В. М.) пакта 23 августа 1939 года Сталин так не улыбался. Он не мог выразить свою позицию более ясно и четко»¹⁴.

Решение советского вождя заключить договор с Югославией в такой момент до сих пор вызывает споры историков и политологов. К полуночи 6 апреля Деканозов из Берлина проинформировал его о том, что вторжение неизбежно, поэтому удержать Гитлера от нападения договор не мог. Молотов сообщил Шуленбургу о переговорах и о возможности подписания политического (но не военного!) соглашения. Посол недвусмысленно заявил: «...момент его заключения произведет странное впечатление в Берлине, вызовет там удивление и возбуждение во всем мире», хотя «с деловой, трезвой точки зрения ничего нельзя сказать против заключения пакта»¹⁵. В итоге договор никого не спас, но серьезно осложнил отношения между Москвой и Берлином. На рассвете 6 апреля вермахт вторгся в Югославию.

Обратный путь Мацуока тоже пролегал через Москву, где он решил задержаться подольше. До границы Осима сжал с ним в одном купе и убеждал не подписывать никакого договора, потому что Германия и СССР будут воевать. На источник информации посол не сослался, но Вайцзеккер позже утверждал, что именно он вопреки линии Гитлера и Риббентропа заронил в душу Осима сомнения в безоблачности отношений двух стран¹⁶.

Мишистр счел услышанное блефом и подписал в Москве пакт о нейтралитете. Узнав эту новость, Риббентроп, по свидетельству Гессе, в гневе вскочил из-за стола и начал проклинать японцев и лично Мацуока, которого назвал «низким существом, купленным англичанами».

«Гитлер отреагировал похожим образом, но более реалистично и менее лично», беспокоясь о том, не сказал ли рейхсминистр гостю чего-нибудь лишнего, о чем тот мог проболтаться в Кремле. Мацуока ни о чем не «проболтался», и Берлин сделал хорошую мину при плохой игре, не став осложнять отношения с Токио, где трубили о крупной дипломатической победе¹⁷.

В этом отлично подыграл... сам Сталин. Приехав вместе с Молотовым на вокзал проводить японского министра, который после кремлевских возлияний еле держался на ногах, вождь на глазах изумленного дипкорпуса демонстративно оказал внимание Шуленбургу.

«Сталин громко спросил обо мне, — сообщал посол, — и, найдя меня, подошел, обнял меня за плечи и сказал: „Мы должны остаться друзьями, и вы должны все для этого сделать!“ Затем Сталин повернулся к исполняющему обязанности военного атташе полковнику Кребсу и, предварительно убедившись, что он немец, сказал ему: „Мы останемся друзьями с вами в любом случае“. Сталин, несомненно, приветствовал полковника Кребса и меня таким образом намеренно и тем самым сознательно привлек внимание многочисленной публики, присутствовавшей при этом».

Несколькими строками выше Шуленбург писал: «На вопрос итальянского посла, поднимался ли во время переговоров Мацуока со Сталиным вопрос об отношениях Советского Союза с осью, Мацуока ответил, что Сталин сказал ему, что он — убежденный сторонник оси и противник Англии и Америки»¹⁸.

Официальные советские комментарии не отрицали связь между договором с Японией и Тройственным пактом. Однако передовица «Правды» от 16 апреля искажала ход событий в силу изменившейся ситуации: «В ноябре 1940 года Советскому правительству было предложено стать участником „пакта трех“ о взаимопомощи и превратить „пакт трех“ в „пакт четырех“. Так как Советское правительство не сочло тогда возможным принять это предложение, то вновь встал вопрос о пакте между Японией и СССР».

Как известно, отказался от союза не Сталин, а Гитлер. Сталин понимал, что «союза четырех» уже не будет и что война возможна, причем даже на два фронта. В силу договоров он не слишком верил, ибо сам не раз нарушал их, но предпочитал иметь с соседом на восточных рубежах пакт о нейтралитете, нежели не иметь ничего. Г. Городецкий

утверждает: «Смысл этого пакта не в том, чтобы уменьшить угрозу войны на два фронта, как до сих пор считают. Это был скорее позитивный шаг, сопровождавшийся сходными попытками примириться с Италией и воскресить идею Риббентропа, чтобы Советский Союз присоединился к „оси“»¹⁹. Полагаю, что Сталин в апреле сорок первого вряд ли мог всерьез надеяться на союз с Германией. «Лишь бы не было войны...»

20–22 апреля фюрер, дуче и их министры решали судьбу Югославии, распавшейся на «национальные углы». Главным бенефициантом оказались хорватские националисты во главе с Анте Павеличем: вместе с формальной независимостью Хорватия получила Боснию и Герцеговину и стала звеном оси. Гитлер отнес ее к сфере влияния Италии, как и Черногорию, против «независимости» которой тоже не возражал. Словению предполагалось поделить, Македонию и Косово передать Болгарии при условии исправления границы с Албанией, находившейся под итальянским протекторатом.

Самая печальная участь ожидала Сербию, считавшуюся центром панславистских и антигерманских интриг. Решено было сделать ее как можно меньше, удовлетворив притязания всех соседей, и максимально ослабить — в «новой Европе» ей не отводилось места даже как сателлиту. Главной причиной таких настроений было доминирование сербов в Югославии, которая со времени создания в 1919 году, по сути, всегда была «Великой Сербией». Италия также «выпрямила» греко-албанскую границу и получила Ионические острова; судьбу остальной Греции решили определить по окончании войны²⁰.

О Советском Союзе снова не говорилось, потому что союзникам знать о плане «Барбаросса» пока не полагалось. 6 апреля Гитлер известил Риббентропа о своем намерении в форме, не предполагавшей возражений: «Фюрер просил меня занять для внешнего мира более четкую позицию в его духе. Он сказал, что однажды Запад поймет, почему он отклонил советские требования и выступил против Востока» (С. 181).

Однако рейхсминистр попытался еще раз переубедить диктатора, добившись, чтобы тот принял Шуленбурга для личного доклада. Посол, советник Хильгер и военный атташе Кёстринг составили подробный меморандум о губительности войны с СССР, который усилиями Риббентропа и Вайцзеккера дошел до «читателя номер один» — но, к сожалению, не до нас.

28 апреля Гитлер принял Шуленбурга в рейхсканцелярии. Мсморандум лежал на столе, но фюрер ни разу не обратился к нему, сведя разговор к тому, «какой черт дернул русских заключить пакт с Югославией», и лишь на прощание как бы невзначай бросил: «Да, вот еще. Я не намерен воевать с Россией».

Шуленбург понял, что война неизбежна. По возвращении в Москву многоопытный посол воздержался от рассказов, но рекомендовал перечитать мемуары Армана де Коленкура, наполеоновского посла в Петербурге, который уговаривал императора воздержаться от русской кампании и услышал в ответ гневные слова: «Вы говорите как русский»²¹.

Можно предположить, что именно это событие окончательно сложило волю нашего героя. 29 апреля Вайцеккер записал, что рейхсминистр «в принципе не расположен к войне из-за своих недавних речей о пользе дружбы с Россией», но уже 1 мая саркастически добавил: «Риббентроп в письме к фюреру выступает за войну против России*». Он выговаривает мне за отрицательное отношение к еще одному Великому Решению»²².

Позднейшие попытки Шуленбурга добиться возобновления диалога с Москвой на высшем уровне — подобно усилиям графа Лористона, последнего посла Наполеона при дворе Александра I накануне войны 1812 года (еще одна аналогия от Гафенку!), — были его личной инициативой и прекратились 12 мая после «настоятельного совета» Вайцеккера и Вёрмана. Риббентроп даже не был информирован об этих зондажах²³.

11 мая в Германию прибыл Дарлан. Как обычно, сперва его принял Риббентроп, потом Гитлер. Рейхсминистр начал с воспоминаний об их первой встрече во время подписания франко-германской декларации 1938 года. Адмирал напомнил, что сегодня — день памяти Жанны д'Арк, символа борьбы французов против англичан. Готовя гостя к следующей беседе, наш герой обрисовал ему германское видение событий, предупредив, что он не дипломат, что у него «сердце солдата», а потому он будет говорить «открыто, прямо, в духе абсолютного реализма»: в Монтуаре Гитлер великодушно предложил Франции сотрудничество, но та отвергла его. Дарлан не возражал и даже не напомнил о кризисе 13 декабря, после которого руководство рейха

---

* Такое письмо в печати не появлялось.

потеряло интерес к Франции. Собеседники обменялись любезностями: рейхсминистр заявил, что «если Франция и Германия найдут правильный путь, Франция займет приготовленное для нее почетное место в новой Европе»; а Дарлан еще раз подтвердил понимание того, что «Франция разгромлена и ей придется заплатить за свое поражение».

Беседа интересна еще и тем, что здесь Риббентроп подробнее, чем когда-либо, изложил свой взгляд на Америку. Надо признать, сказанное не делает ему чести ни как политику, ни как геополитику. Он справедливо отметил, что главная цель Рузвельта — прийти на помощь Великобритании, но легкомысленно заявил, что «в политике американцы — дети, а в военных делах и того хуже», что «Англия проиграла, вне зависимости от того, вступит Америка в войну или нет» и что «неестественный и беспорядочный» империализм США заключается в том, что «Рузвельт сует свой нос везде, где ему нечего делать». Такие воззрения были присущи всей нацистской верхушке и во многом питались оптимистическими донесениями восного атташе в Вашингтоне генерала Фридриха фон Бёттихера, которые весьма отличались от осторожных прогнозов дипломатов²⁴.

Возможно, на Риббентропа повлиял состоявшийся неделей раньше разговор с американским послом в Брюсселе Джоном Кудэхью, оказавшимся «гостем» рейха после оккупации страны. С 1933 года этот рузвельтовский назначенец представлял США в Польше, Ирландии и Бельгии, но был убежденным изоляционистом и противником участия в европейских войнах. Он подтвердил, что большинство американцев не желает войны, что, впрочем, и так было хорошо известно. Риббентроп не удержался от резких, хотя и корректных, комментариев по поводу воинственных настроений Рузвельта, повторив, что у Америки нет причин для вступления в войну — Германия ничего не имеет против нее, а Англию уже не спасти. Те же суждения посол услышал от Гитлера 23 мая — рейхсканцлер и его министр рассчитывали донести свою точку зрения и до президента, и до его оппонентов²⁵. По возвращении в США Кудэхью уже не занимал официальных постов, но стал одним из лидеров изоляционистского комитета «Америка превыше всего» (America First Committee).

Разговор с Гитлером Дарлан также начал с упоминания о Жанне д'Арк и с похвал «молниеносным успехам» вермахта и «несравненно-му стратегическому таланту» фюрера, присовокупив к ним благодар-

ность за обещанное облегчение оккупационного режима. Фюрер сплотил свой народ и победил Европу, продолжал адмирал, принимая во внимание то, что услышал от Риббентропа. «Создание европейской конфедерации государств всецело зависит от него. Постоянство и прочность такой конфедерации требует добровольного и искреннего сотрудничества всех ее участников. Из этого вытекает безусловная необходимость германско-французского сотрудничества. Он, Дарлан, будет вести политику Франции в этом духе, в согласии с Петэном. Но он в полной мере учитывает тот факт, что Франция разбита и должна нести ответственность за свое поражение».

Гитлер по привычке зашел издалека, заметив, что «даже сейчас не понимает, почему Англия и Франция объявили войну Германии». После долгих вступлений перешли, наконец, к насущным делам вроде обороны колоний, ситуации с продовольствием и координации политики в Ираке. Дарлан просил помощи и уступок во имя успеха общего дела. Гитлер ответил, что он вознаградит Францию за каждый дружественный акт, за большой — много, за небольшой — немного, только не во вред своей стране. На следующий день, во время прощальной беседы, Риббентроп сказал, что разговоры о сотрудничестве имеют смысл лишь в том случае, если его собеседник уверен в победе рейха. Дарлан заверил, что не сомневается в ней. Конкретные вопросы договорились рассмотреть в рабочем порядке²⁶.

Адмирал вернулся домой внешне преисполненный желания углублять «коллораацию» и распорядился ускорить переговоры по военным вопросам, которые завершились 28 мая подписанием генералами Ханциже и Варлимонтом трех протоколов. По ним Франция бралась оказывать рейху военную помощь в Северной Африке, Ираке и Сирии, не вступая в войну и сохраняя под своим контролем территории, флот и арсеналы, что вполне укладывалось в игру Петэна с Западом. В тот же день Абец и Дарлан заключили дополнительное соглашение, по которому Франция разрешала рейху использовать порт Бизерта при условии помощи в защите Северной Африки и предоставления ей политических и экономических уступок для оправдания возможного вступления в войну против Англии и США, вероятность которой с появлением германских кораблей в Бизерте резко возрастала²⁷.

1 июня Риббентроп вызвал своего посла в Фушль и заявил, что никаких уступок не предвидится, поскольку в данной ситуации французская помощь является само собой разумеющейся, из-за чего между

ними возникла размолвка — по словам Абеца, первая в истории их отношений. Но в конце разговора «из-под неподвижной маски, за которую Риббентрон все чаще прятался, появилось настоящее человеческое тепло. „Как и вы, мой давний соратник, я не хочу, чтобы ваша миссия окончилась провалом“, — сказал он»²⁸.

Французы отметили, что на встрече с Дарланом 11 мая Гитлер был, что называется, не в своей тарелке. Вскоре они узнали причину — накануне Рудольф Гесс, заместитель фюрера по партии, сел в самолет и улетел в неизвестном направлении, а вскоре обнаружился... в Шотландии. Загадку последнего полета «третьего человека» Третьего рейха, многие десятилетия не дававшую покоя службам безопасности и любителям тайн истории, можно считать разгаданной: Гесс полетел в Англию по своей инициативе, точнее, умело направляемый друзьями — Карлом и Альбертом Хаусхоферами, в отчаянной попытке примирить два «нордических» народа, но донкихотская затея была обречена на провал. Однако в тот момент в Германии никто ничего не знал и терялся в догадках, а Лондон хранил молчание.

Оправившись от первого потрясения (все-таки старый друг!), Гитлер велел строжайшим образом опросить или допросить всех, кто мог хоть что-то знать. Наш герой не был исключением, хотя его взаимная антипатия с Гессом была хорошо известна: англичане запустили слух о том, что «наци номер три» бежал, спасаясь от Гимmlера и Риббентропа.

Эти двое подвергли допросу Фрица Гессе, эксперта МИД по английским делам, который узнал о случившемся лишь тогда, когда его срочно вызвали в Фушль. Поверив его растерянности и коротко рассказав о случившемся, рейхсфюрер СС поинтересовался, каковы шансы «миссии мира» на успех (Гессе ответил, что они равны нулю), а затем с тревогой спросил, не выдаст ли беглец «намерений фюрера относительно России». Риббентроп поспешил увести разговор от опасной темы, заявив, что «доктор Гессе — всего лишь мой эксперт по Англии и не информирован ни о каких намерениях относительно России». Получив требуемые разъяснения, они отправились к Гитлеру. Вернувшись, рейхсминистр сказал Гессе: «Не понимаю. Я передал фюреру все, что вы говорили, добавив, что полностью разделяю ваше мнение. Все это глупость, настолько ужасная, насколько мы можем себе представить. Если бы только фюрер не слушал идиотов, которые морочат ему голову возможностью легкого мира с Англией.

Вообразите, он на самом деле думал, что Гесс может добиться успеха. Хорошо хоть, теперь он так не думает. Вам повезло, что вы не имели к этому отношения. С Гессом и его окружением теперь покончено»²⁹.

Из сказанного можно сделать вывод, что Гитлер сам послал своего заместителя в Англию, но факты и документы свидетельствуют об обратном. Что касается последних слов, то так оно и произошло, причем незамедлительно: Риббентроп мог радоваться устранению соперника, но на его месте оказался куда более сильный и опасный человек — Мартин Борман.

Напоследок Гесс все-таки причинил неприятность нашему герою: тому пришлось объяснять случившееся — «личный шаг идеалиста», как гласило официальное сообщение итальянцам во время блицвизита в Рим 13–14 мая. Риббентроп заявил, что Гесс — безумец, подпавший под влияние гипнотизеров и астрологов, но ни в коем случае не предатель и что его расчеты на диалог с англичанами иллюзорны и нелепы. Затем он изложил результаты переговоров с Дарланом и перешел к вопросу о помощи антибританскому режиму в Ираке. На второе дуче сразу согласился, ибо Багдад сначала обратился к нему, но попытался вызвать у гостя сомнения в отношении французов, опасаясь, как бы тот не договорился с ними за счет Италии, точнее, того, на что Италия претендовала. Муссолини заметил, что в едином антибританском фронте не хватает только Испании и СССР, и поинтересовался, как обстоит дело с ними. Об испанцах гость отозвался неприязненно, о русских осторожно: отношения корректные; Сталин едва ли пустится на авантюру, но если пустится, то будет разбит за три месяца; фюрер не ищет осложнений, хотя встревожен концентрацией советских войск на границе; он готов к любым неожиданностям, но никаких решений еще не принял³⁰.

Тем временем японские союзники не только досадили Берлину пактом с Москвой, хотя Хаусхофер и оценил его как «шедевр политиков, обладающих великой прозорливостью»³¹, но и тайком вступили в переговоры с США. 3 мая Риббентроп показал Осима американский проект двустороннего соглашения от 16 апреля, полученный по каналам разведки. Посол был изумлен, ибо сам ничего не знал, и выразил недовольство в телеграммах своему министру.

Коноэ и Мацуока начали игру с Америкой, причем каждый норовил вести ее по-своему. На вопросы посла Отта японский министр

отвечал уклончиво: то заверял его в верности Тройственному пакту, то ссылаясь на проамериканское лобби в Токио, с которым придется считаться, но все же проинформировал о ходе зондажей. В это время начали циркулировать слухи о скором визите Мацуока в Америку. 9 мая Риббентроп показал Осима телеграммы Отта и попытался добиться ясности относительно американских предложений и японских ответов. Цели Вашингтона были понятны — оторвать Японию от оси и удержать ее от вступления в войну. Позиция Токио была менее очевидной, а Мацуока зарекомендовал себя как политик, от которого можно ждать неожиданностей. Рейхсминистр не знал главного: японский коллега не был гением интриги, просчитывавшим ситуацию на много ходов вперед; он находился во власти сиюминутных настроений, сам не зная, что предпримет завтра, но не поддавался контролю со стороны. Проведя молодость в Америке, Мацуока испытывал к ней чувство «любви-ненависти», более понятное психоаналитику, нежели политологу. Кроме того, его пленила перспектива нового триумфа — нормализации отношений с США. Риббентропа волновали конкретные вещи: вступит ли Япония в войну против Англии и нанесет ли удар по Сингапуру, но внятного ответа он так и не добился.

Японцы делали Рузвельту предложения о разделе сфер влияния на Тихом океане, но тоже не знали главного: Вашингтон искал не примирение, но надежный способ вступления в войну на стороне Англии в обход собственного общественного мнения. Из-за этого Рузвельт и госсекретарь Хэлл выдвигали заведомо неприемлемые условия, вроде полного ухода японцев не только из Китая, но и из Маньчжурии, на что военные круги не пошли бы ни в коем случае. Располагая данными разведки и не строя иллюзий, Риббентроп, как показывает его послание Мацуока от 12 мая, понимал это, а потому первничал. Беспокойство сменилось раздражением, когда 14 мая он получил из Токио инструкции японского министра своему послу в Вашингтоне адмиралу Номура: Япония готова остаться в стороне от «европейской войны», то есть не выступать против Англии, если США поступят так же и призовут Чан Кайши к компромиссу.

Риббентроп велел Отту заявить протест по поводу того, что Токио не проконсультировался с союзником, и предупредить Мацуока, что любое соглашение такого рода ослабит Тройственный пакт. «По нашему мнению, — телеграфировал он, — лучшим способом удержать

Америку от вступления в войну является полный отказ Японии от обсуждения американских предложений»³².

2 июня Гитлер и Муссолини тоже поговорили о Японии, а затем обсудили, кто станет следующим премьером Англии после неизбежного, по их мнению, падения Черчилля. Гитлер назвал Хора и Ллойд Джорджа, но Риббентроп отвел первую кандидатуру как «слишком незначительную». Воинственную позицию Рузвельта собеседники объяснили личной ненавистью к фюреру и дуче, «решившим проблемы, на которых он споткнулся», а от цифр возможной американской помощи Англии отмахнулись как от нереальных. Рейхсминистр добавил, что прилагает максимум усилий для заключения договора с Турцией, дабы гарантировать се нейтралитет. В отдельной беседе с Чиано Риббентроп заявил, что рсйх отдает проблемы новорожденной Хорватии на откуп Риму, но сосредоточит в своих руках отношения оси с Францией и что слухи о скорой операции вермахта против России «лишены основания или как минимум очень преждевременны»³³.

С другими союзниками немцы были откровеннее: Антонеску узнал о готовившемся нападении 11 июня, а Хорти — 15 июня. Раньше всех, как ни странно, были оповещены японцы. По итогам встреч с Гитлером и Риббентропом 3 и 4 июня Осима телеграфировал: «Оба сказали мне, что, по всей вероятности, война с Россией неизбежна», а через несколько дней посоветовал прекратить проезд соотечественников через территорию СССР, многозначительно добавив: «Вы поймете почему»³⁴.

Только 15 июня в Венсии, где отмечалось присоединение Хорватии к Тройственному пакту, Риббентроп как бы невзначай сказал Чиано, что «русско-германские отношения в последнее время существенно ухудшились», «возникновение кризиса более чем возможно», а потому до конца месяца фюрер намерен предъявить Москве ультиматум. Итальянский министр сделал вывод, что Гитлер решил воевать, но отметил неожиданно благодушное и даже расслабленное настроение своего коллеги³⁵. Однако официально о нападении Муссолини будет оповещен лишь после того, как вермахт пересечет советскую границу.

---

* Американцы взломали японские шифры и всю войну читали отчеты хорошо информированного посла.

Какие мысли владели Риббентропом накануне приведения «Барбароссы» в исполнение, мы едва ли узнаем. Но опубликованные историком О. В. Вишлевым секретные сводки «бюро Риббентропа» (название сохранилось за личным штабом министра) помогают понять, какой информацией он располагал. Под руководством Ликуса «штаб... тщательнейшим образом перепроверял сообщения внешней разведки и включал их в сводки агентурных донесений для подачи наверх (не только Риббентропу, но и Гитлеру) только в том случае, если их качество не вызывало сомнений». Одним из главных источников стал Орестс Берлингс, бывший корреспондент латвийской газеты «Brīva Zeme», завербованный советской резидентурой в Берлине — советником полпредства Амаяком Кобуловым и представителем ТАСС Иваном Филипповым в августе 1940-го. «Лицеист», как окрестили Берлингса в НКГБ, сразу же предложил свои услуги немцам, которым был известен как «Петер». Кобулов попал в дипломаты по протекции: его брат Богдан был приближенным Берия, поэтому на встречи с «Лицеистом» горе-разведчику, не знавшему иностранных языков, приходилось брать с собой Филиппова (он же «Философ») в качестве переводчика.

«Хотя ни советская, ни немецкая сторона полностью не доверяли Берлингсу, — продолжает Вишлев, — тем не менее информация, поступавшая от него, шла на самый верх: в Москве она представлялась Сталину и Молотову, в Берлине — Гитлеру и Риббентропу. Последний, правда, заподозрил Берлингса в двойной игре и 18 июня 1941 года распорядился установить за ним „строгое наблюдение“, а с началом войны „обязательно взять под арест“*. После нападения Германии на Советский Союз „бюро Риббентропа“ персправило Берлингса в Швецию, по-видимому в расчете на продолжение его использования в агентурных целях... Сообщения „Петера“-„Лицеиста“ были для обеих сторон важным источником информации, а для Берлина одновременно и каналом дезинформации противника... Донесения свидетельствуют, что советская сторона в конечном счете поддалась на

---

* «Двойную игру» Берлингса заподозрил Гитлер, отметив в его донесении от 17 июня фразу: «Филиппов не проявил интереса к визитам царя Бориса и генерала Антонеску». Он назвал ее «алогичной и детской», поскольку «интерес русских к визиту генерала Антонеску должен быть велик... Его (фюрера. — В. М.) интересует, что же агент сообщает русским, если они так долго оказывают ему столь высокое доверие»³⁶.

дезинформацию относительно намерения Германии достичь мирного урегулирования отношений с СССР».

Это подтверждали сообщения германских дипломатов об общении с советскими коллегами, из которых можно было сделать вывод о готовности Сталина к серьезным уступкам. С середины мая «бюро» фиксировало слухи о том, что «между Германией и Советским Союзом заключено секретное соглашение» (право прохода вермахта через советскую территорию и долгосрочная сдача «пшеничных полей Украины» и части бакинских нефтепромыслов в аренду рейху на условиях «свободного выхода к Персидскому заливу») (28 мая), что «состоялась либо состоится в ближайшее время тайная встреча фюрера со Сталиным или имперского министра иностранных дел с Молотовым», а «германские войска уже движутся с разрешения советского правительства через Киев в район Черного моря», «в Ирак и Персию» (30 мая и 4 июня). Документы показывают, что до момента объявления войны «принципиальные вопросы советско-германских отношений ни советской, ни немецкой стороной не поднимались... германская сторона не предъявляла никаких требований уступок, а советская сторона, в свою очередь, их не предлагала»³⁷. Однако до сих пор не прокомментированы утверждения служебного дневника начальника Генерального штаба вермахта генерала Гальдера: «Г. Молотов хотел 18.6 говорить с фюрером» и личного дневника Геббельса от 21 июня: «Вчера... Молотов просился с визитом в Берлин, однако получил решительный отказ»³⁸. Просился или нет? Наши «Документы внешней политики» хранят по этому поводу гробовое молчание...

27 мая «Петер» сообщил Филиппову со ссылкой на начальника отдела печати МИД Шмидта: «Имперский министр иностранных дел придерживается точки зрения, что политика сотрудничества с Советской Россией должна продолжаться. Он сказал: „Я не позволю оказывать влияние на мою политику всякому, кто преследует собственные интересы“. Фюрер же обходит полным молчанием германо-русские отношения».

Это резонно считается дезинформацией. «Тайна относительно подлинных замыслов фюрера... была сохранена фактически до последнего дня», — суммировал Ликус 22 июня. Но в сообщении «Петера» есть не менее интересная и более правдивая часть: «Шмидт высказал мнение, что главный вопрос в данный момент — это вопрос арабских народов и установления нового порядка в арабском мире... Германия

стремится добиться и на Ближнем Востоке таких же всеобъемлющих, рассчитанных на длительное время решений, каких она добилась на Балканах»³⁹. Это подводит нас к истории так и не реализовавшегося проекта Риббентропа, которым он, похоже, всерьез рассчитывал отвлечь Гитлера от плана «Барбаросса».

С лета 1940 года Фриц Гробба — ведущий специалист Вильгельмштрассе по ближневосточным делам — пытался привлечь внимание руководства к арабскому движению за независимость как потенциальному союзнику в борьбе с Англией. Гробба, бессменный посланник в Ираке с обретения этой страной независимости в 1932-м и до разрыва ею под давлением Лондона дипломатических отношений с рейхом 6 сентября 1939 года, располагал настолько обширными связями, что его сравнивали с легендарным британским разведчиком Лоуренсом Аравийским. Против англичан он предложил использовать иракского премьера Рашида Али аль-Гайлани и великого иерусалимского муфтия Амина аль-Хусейни, сторонника независимой арабской Палестины. В декабре 1940-го Гайлани через итальянцев попытался восстановить дипломатические отношения с рейхом, но 3 февраля 1941 года был отправлен в отставку.

Новый премьер тут же попросил у англичан бонус в 750 000 долларов, но получил ответ, что их еще надо заслужить. 20 января муфтий написал Гитлеру письмо с предложением о сотрудничестве и отправил с ним в Берлин своего секретаря, который через неделю встретился с Вёрманом. 7 марта Вёрман с помощью Гробба составил подробную записку по иракскому вопросу⁴⁰.

2 апреля в Багдаде произошел переворот, 13 апреля Гайлани вновь стал премьером. В перерыве между этими событиями, 8 апреля, Вайцзеккер по указанию Риббентропа дал положительный ответ на послание муфтия, а Вёрман и Гробба днем позже представили министру новый меморандум, советуя не упустить появившуюся возможность закрепиться в стратегически важном районе. Под предлогом защиты нефтепроводов и воздушных коммуникаций Черчилль приказал ввести в страну войска. 18 апреля иракское правительство попросило помощи у Берлина, но фюрер не спешил. 27 апреля и 3 мая Риббентроп подал ему две записки, призывая вмешаться как можно скорее, поскольку успех в Ираке позволит взять в свои руки Суэцкий канал. Рейхсминистр нашел деньги для Гайлани и муфтия и договорился о совместной операции с итальянцами и французами (использование

сирийской территории), но Гитлер подписал соответствующую директиву ОКВ только 23 мая. Гайлани молил о помощи, но было поздно. К концу месяца англичане заняли всю территорию Ирака и с помощью голлистов вторглись в Сирию, где нанесли поражение французской армии, верной режиму Виши. Гайлани и его сторонники бежали из страны⁴¹.

На «арабском фронте» наступило затишье, но на Вильгельмштрассе решили продолжать контакты с Гайлани и муфтием, попросившими убежища в Германии. 20 июля рейхсминистр распорядился поддержать движение за независимость Сирии, оказавшейся в руках голлистов.

В начале ноября муфтий приехал в Берлин. 28 ноября он был принят Риббентропом и Гитлером, от которых попытался добиться официальной декларации в поддержку арабского движения за независимость, вроде «декларации Бальфура» 1917 года, обещавшей евреям создание «национального дома» в освобожденной от турок Палестине. Рейхсканцлер решил, что делать подобные заявления преждевременно, но согласился оказать арабам финансовую и военную помощь; по мнению историка Л. Хиршовица, Риббентроп был сторонником подобной декларации. Вскоре в Берлин появился Гайлани, попросивший официально признать его полномочия⁴².

В отличие от нашего героя Гитлер пренебрежительно относился к арабам (семиты!), поэтому муфтий перебрался в Рим и стал соперничать с оставшимся в рейхе Гайлани. Признанный главой иракского правительства, тот в 1942-м заключил договор о союзе с Италией (31 марта) и Германией (14 мая). Немцы использовали добровольческий «Арабский легион» против англичан и поддерживали национальную оппозицию в Египте, поэтому после войны лидеры арабского освободительного движения Гамаль Абдель Насер и Анвар Садат привлекли на свою сторону немало немецких эмигрантов.

Гробба до 1955 года находился в советском плену. Есть сведения, что он передал Москве свои связи и организовал контакты представителей СССР с иерусалимским муфтием, нашедшим убежище в Каире⁴³.

В 1941 году Риббентроп принимал еще одного «гостя с Востока» — лидера радикального крыла Индийского национального конгресса Субхаса Чандра Боса, которого соратники называли просто «нетаджи», то есть «вождь». 9 февраля Вёрман попросил Шуленбурга обеспечить

проезд Боса из Афганистана, где тот скрывался от англичан, в рейх по советской территории. Полпред в Кабуле Михайлов увидел за желанием Боса... английскую интригу и сообщил о своих сомнениях в Москву, но немцы добились своего — въездную визу получил итальянец Орlando Мазетта. «Документы внешней политики», публикуя запись полпреда об этом, почему-то не сообщают, что Мазетта и Бос — одно и то же лицо⁴⁴.

В начале апреля петаджи добрался до Берлина и стал искать контактов с Риббентропом. Рейхсминистр согласился принять его только при наличии конкретных предложений, которые были обобщены в записке Боса от 19 апреля. Через десять дней они встретились в отеле «Империял» в Вене. Риббентроп задавал конкретные вопросы, хорошо подготовившись к беседе. Гость отвечал четко и содержательно. «Время для большого массового движения в Индии психологически созрело», дух англичан в упадке после поражений в Европе, но индийцы разобщены, что явилось следствием политики разжигания национальных и религиозных противоречий, примиренчества Ганди и компрадорской позиции знати, и не имеют оружия, хотя офицерство настроено патриотически и не верит в побсду Англии. Пропаганда воспитала у них отрицательное отношение к фашизму и национал-социализму; англичане считаются меньшим злом; к Японии индийцы испытывают благожелательный интерес, к СССР симпатию в силу его антиимпериалистической позиции.

Рейхсминистр представил Босу очерк отношений рейха с Англией, подчеркнув, что в новой Европе ей не будет места и что единственной надеждой Лондона являются США (о Советском Союзе ни слова!), и выразил готовность помогать индийцам.

19 мая нетаджи направил ему проект декларации независимости Индии, которую страны оси должны были поддержать, но события следующих месяцев отодвинули этот вопрос на второй план. 15 августа Бос написал Риббентропу тревожное письмо, призывая к скорейшим действиям, ибо после нападения на СССР общественное мнение качнулось в сторону англо-американо-советской коалиции.

«Выдающиеся люди, посвятившие всю жизнь борьбе с Англией... подпали под воздействие пропаганды и считают, что, если нельзя добиться свободы Индии при помощи оси, лучше заключить мир с Англией на максимально благоприятных условиях... Мы не можем надеяться привести Индию на сторону оси, если ее державы прежде не обнародуют свой курс в отношении Индии».

Пересылая письмо шефу, Вёрман посоветовал обнадежить Боса, но их следующая встреча состоялась только 29 ноября. В это время Риббентроп активизировал контакты с восточными союзниками, включая Гайлани и муфтия, поэтому нетаджи пришлось как нельзя кстати. Поблагодарив за помощь, Бос оптимистически оценил шансы оси на победу, усиленные антибританскими настроениями на Ближнем и Среднем Востоке. На это рейхсминистр заметил, что условием успеха любого освободительного движения в регионе является разгром Англии вермахтом, после которого можно строить далеко идущие планы. Он даже пообещал Босу встречу с Гитлером, которая, правда, состоялась только 27 мая 1942 года⁴⁵.

Однако никакие «восточные мотивы» не могли предотвратить приведение «Барбароссы» в исполнение. 22 июня, ровно через сто двадцать девять лет после Наполеона (аналогиям нет конца!), вермахт пересек западную границу СССР. На 4 часа утра рейхсминистр назначил встречу советскому послу, который с полудня 21 июня непрерывно звонил в МИД и просился на прием по неотложному делу, но ему отвечали, что ни министра, ни статс-секретаря нет в городе.

«Я никогда не видел Риббентропа таким взволнованным, как за пять минут до прихода Деканозова. Он ходил взад и вперед по комнате, как зверь в клетке. „Фюрер абсолютно прав, нападая на Россию сейчас“, — говорил он скорее себе самому, нежели мне; он твердил это снова и снова, как будто желая уверить себя в чем-то. „Русские непременно сами нападут на нас, если мы не сделаем этого сейчас“. Он продолжал шагать по просторному кабинету в состоянии сильного возбуждения, с блестящими глазами, и повторял эти слова»⁴⁶.

Деканозов явился вовремя, протянул министру руку и начал излагать накопившиеся рутинные дела, но хозяин, сделав напряженное лицо, оборвал его: «Враждебное отношение советского правительства к Германии и серьезная угроза, которую Германия видит в концентрации русских (войск. — В. М.) на восточной границе Германии, заставили рейх принять военные контрмеры... (Риббентроп. — В. М.) добавил, что он очень сожалеет о таком развитии германо-советских отношений, поскольку он, в частности, очень старался способствовать установлению лучших отношений между двумя странами. К несчастью, однако, обнаружилось, что идеологические противоречия между двумя странами стали сильнее здравого смысла».

Тираду подкрепил меморандум, текст которого был одновременно сообщен Шуленбургу для передачи Молотову⁴⁷. Далее, по воспоминаниям В. М. Бережкова*, переводчика Деканозова, произошло следующее: «Рейхсминистр перед объявлением об этом гибельном для нацистского рейха шаге выпил, видимо, для храбрости... Лицо его пошло красными пятнами, руки дрожали. Выслушав заявление Риббентропа о том, что два часа назад германские войска пересекли советскую границу, посол резко поднялся и сказал, что германские руководители совершают преступную агрессию, за которую будут жестоко наказаны. Повернувшись спиной и не прощаясь, Деканозов направился к выходу. Я последовал за ним. И тут произошло неожиданное: Риббентроп поспешил за нами, стал шепотом уверять, будто лично был против решения фюрера о войне с Россией, даже отговаривал Гитлера от этого безумия, но тот не хотел слушать. „Передайте в Москве, что я был против нападения“, — донесли до меня последние слова Риббентропа, когда, миновав коридор, я уже спускался вслед за послом с лестницы».

Трудно вообразить более странное поведение министра иностранных дел страны, только что совершившей внезапное для противника, тщательно подготовленное нападение, гарантировавшее, казалось бы, быстрый и бесспорный успех. Трудно представить и тем более объяснить, если исходить из обычных идеологем, как это сделал Бережков: «Почему он так нервничал, этот фашистский головорез, который так же, как и другие гитлеровские заправилы, был яростным врагом коммунизма и относился к нашей стране и к советским людям с патологической ненавистью... Конечно он лгал, уверяя, будто отговаривал Гитлера от нападения на Советский Союз. Но все же что означали его последние слова? Тогда у нас не могло быть ответа. А теперь, вспоминая обо всем этом, начинаешь думать, что у Риббентропа в тот роковой момент... возможно, шевельнулось какое-то мрачное предчувствие»⁴⁸.

Не верить свидетельству Бережкова оснований нет, равно как и нет оснований принимать его объяснение. Риббентроп сколько мог сопротивлялся войне, которую считал губительной для «евразийского

---

* Шмидт ошибся, утверждая, что беседу переводил Павлов. В. Н. Павлов в то время работал в центральном аппарате НКВД в должности заведующего центральноевропейским отделом.

блока» и всей своей политики в целом. Поэтому и совершил столь странный и для этого случая, и для своего ранга поступок.

Гитлер заявил на весь мир о том, что «занял единственную позицию, которую мог занять как ответственный лидер Германской империи, но так же как и представитель европейской культуры и цивилизации, ощущающий свою ответственность» — «решил сегодня передать судьбу и будущее Германской империи и нашего народа в руки наших солдат». В подробном послании к Муссолини от 21 июня, явно написанном «для истории», есть и более примечательные откровения: «Я чувствую себя внутренне снова свободным, после того как пришел к этому решению. Сотрудничество с Советским Союзом при всем искреннем стремлении добиться окончательной разрядки часто тяготило меня. Ибо это казалось мне разрывом со всем моим прошлым, моим мировоззрением и моими прежними обязательствами. Я счастлив, что освободился от этого морального бремени»⁴⁹. Однако 27 июня он же сказал Риббентропу, что чувствует себя как всадник, который мчится по тонкому льду замерзшего озера, замирает от ужаса, но понимает, что останавливаться нельзя⁵⁰.

24 июня Гитлер выехал в ставку «Волчье логово» в Раценбурге (Восточная Пруссия). Рейхсминистр немедленно обосновался в двадцати пяти милях от нее в замке XVII века Штейнорт: граф Генрих Лендорф уступил свое владение новому хозяину, получив разрешение оставить за собой часть дома, где благополучно жил до июля 1944-го, пока не оказался замешан в антинацистском заговоре.

В Берлине, где дипломатическая активность резко упала, наш герой почти не показывался. По мере продвижения фронта на Восток менялась и диспозиция. «Складывается впечатление, — пишет историк К. Шлёгел, — что во время войны вся работа ведомства Риббентропа переместилась на железную дорогу. Сотрудники министерства иностранных дел все время были „на колесах“. Летом 1942 года, к примеру, все дипломаты, которые хотели встретиться с Гитлером или с Риббентропом, должны были отправляться в Винницу или в Житомир»⁵¹.

Шмидт, неоднократно ездивший в ставку с иностранными гостями, рассказывал:

«Для этого был предназначен особый спальный вагон, так называемый служебный поезд, отправлявшийся из Берлина каждый вечер. Зимой он уходил раньше, чтобы избежать бомбежек. На следующее утро служебный поезд прибывал в Варшаву, в полдень — в Брест-

Литовск, вечером — на старую (то есть до сентября 1939-го. — В. М.) русско-польскую границу. Оттуда, из-за партизан и частого разрушения путей, роскошный поезд как улитка полз до Винницы, куда прибывал на следующее утро. Но иностранные дипломаты должны были покинуть поезд уже в 3 часа утра в Бердичеве и еще два часа ехать на машине до полевой штаб-квартиры Риббентропа. Он принимал их в 11 часов, обедал с ними в 12, а в 1 час летел вместе с ними на самолете в ставку Гитлера. Там в 3 или в 4 часа начиналась беседа, продолжавшаяся час или два. После этого они возвращались на машине в штаб-квартиру Риббентропа, ужинали и в полночь отправлялись в Бердичев, чтобы в 2 часа ночи сесть на служебный поезд до Берлина. Возвращались они в 8 часов утра, через две ночи. Таким образом, для короткой беседы с Гитлером, зачастую по частным и незначительным вопросам, послам и другим важным персонам приходилось проводить в пути три дня и четыре ночи. Этот пример характеризует излюбленные методы работы Гитлера и Риббентропа»⁵².

С началом войны на Востоке рейхсминистра начали атаковать лидеры «национальных правительств», претендовавших на «освобожденные территории»: Бандера и Стецько на Украину, Шкирпа на Литву, Родзаевский на всю Россию. По указанию Гитлера, Вильгельмштрассе им не отвечала, так как дело было поручено службам безопасности (Шкирпа, бывший посланник в Берлине, тут же оказался под арестом). Но один пример заслуживает особого внимания. 5 июля Риббентроп сообщил Абецу о послании на имя фюрера от жившего во Франции великого князя Владимира Кирилловича, главы дома Романовых в изгнании, который призвал своих «подданных» сотрудничать с немцами ради освобождения родины. Рейхсминистр сделал вывод, что заявление великого князя «поможет советскому правительству и осложнит действия вермахта, поскольку даст большевистским правителям возможность утверждать в своей пропаганде, что России угрожает возвращение старого царского феодализма, и воля Красной армии к сопротивлению возрастет», и велел передать «монарху», чтобы тот воздержался от любой публичной деятельности, иначе «Имперское правительство, к сожалению, будет вынуждено его интернировать»⁵³.

Внимание Гитлера было сосредоточено на русском направлении, чем тут же решили воспользоваться французы. 14 июля (день взятия Бастилии был выбран едва ли случайно!) Дарлан написал Гитлеру.

Подтверждая верность монтуарской политике и майским парижским протоколам, он перечислил условия их успешной реализации: восстановление суверенитета Франции над всей ее территорией; особый статус Эльзаса и Лотарингии до заключения мирного договора; прекращение депортаций французских крестьян и конфискации у них земель для переселенцев из рейха; освобождение военнопленных; мораторий на выплату репараций и отказ держав оси от претензий на французские колонии. Рейхсминистр снабдил перевод послания припиской: «Полагаю необходимым раз и навсегда положить конец наивным французским попыткам шантажировать нас». Фюрер согласился, и Абец получил указание сообщить Дарлану, что в ближайшее время руководство рейха не может встретиться с ним, но это не означает, что оно не заинтересовано в достижении согласия...⁵⁴

«Дипломатический блицкриг» хитрого адмирала не состоялся, но наш герой продолжал надеяться на сотрудничество в монтуарском духе, о чем в конце октября говорил де Брипону, когда тот приехал в Восточную Пруссию. Собеседники сошлись во мнении о необходимости сохранить Петэна во главе режима, но деятельность Вейгана в Северной Африке вызывала у обоих серьезные подозрения. Они не знали о том, что генерал говорил Роберту Мёрфи, специальному агенту Рузвельта: «Если вы высадите четыре дивизии, я прикажу стрелять по ним, если двадцать — встречу с распростертыми объятиями».

Разговор коснулся ответственности за войну лидеров Третьей республики, арестованных и подлежащих суду. Вспоминая «дела давно минувших дней», Риббентроп сказал, что считает Даладье заложником партийно-парламентской системы, а к подлинным виновникам, сознательно провоцировавшим войну, относит Рейно, Манделя и Вейгана⁵⁵.

В годовщину Монтуара Петэн написал Гитлеру, заверяя его в верности обещаниям и жалуясь на то, что сотрудничество не дало желаемых результатов. 10 ноября Гитлер ответил корректно и подробно, но ничем не обнадежил. 16 ноября Абец вручил письмо адресату, приехав в Виши на похороны военного министра Ханциже. Маршал попытался вернуться к июльским предложениям, на которые так и не получил определенного ответа, и для облегчения диалога отозвал Вейгана из Северной Африки. Посол составил отчет, который можно было истолковать в благоприятном для французов духе, но сам не мог принимать решения, а Риббентропу было не до того.

Инициативу перехватил Геринг, встретившийся с Петэном незадолго до Нового года. Вишистские технократы обрадовались и подготовили подробный меморандум для вручения «экономическому диктатору» рейха, но тот категорически отказался рассматривать его, и требования пришлось взять назад. Немцы нашли маршала постаревшим и несговорчивым⁵⁶.

28 июля между Риббентропом и Гитлером произошла резкая ссора. «Внешний повод для нашего конфликта был сначала совсем незначителен. В связи с представлением к награждению военными знаками отличия ряда сотрудников министерства иностранных дел, которые заслужили их, рискуя собственной жизнью, я просил права направить их наградные листы фельдмаршалу Кейтелю. Итак, речь снова шла о вопросе компетенции, на сей раз весьма второстепенном. Но обсуждение его становилось все более возбужденным с обеих сторон и вскоре распространилось и на другие проблемы; под конец оно затронуло наши противоположные взгляды по еврейскому вопросу, а также и прочим вопросам мировоззрения. Это переполнило чашу моего терпения: я в возбуждении потребовал своей отставки и получил на нее согласие. Адольф Гитлер пришел при этом в такое сильное возбуждение, в каком я его еще никогда не видел. Когда я вознамсился выйти из кабинета, он в резких выражениях бросил мне упрек, что, постоянно противореча ему, я совершаю преступление, ибо этим подрываю его здоровье. Он выкрикнул это тяжкое обвинение с таким ожесточением, что оно глубоко потрясло меня и заставило в тот момент опасаться, как бы с ним не случилось какого-нибудь припадка. Я стал искать слова, которые могли бы его успокоить. Фюрер попросил меня больше никогда не требовать моей отставки, и я дал ему честное слово, что во время войны этого требования не повторю... Мне никогда не забыть этой сцены, и я сказал тогда своим сотрудникам, что подам в отставку в тот самый день, когда будет заключен мир... Однако никаких конспиративных действий я против Адольфа Гитлера никогда не предпринимал и в деловых вопросах был всегда с ним лоялен, оставшись верным ему лично до конца» (С. 193–194).

Находившийся в то время при рейхсминистре в качестве «главного порученца» будущий статс-секретарь МИД Штеенграхт утверждал, что случившееся было «кульминацией длительной оппозиции войне с Россией со стороны Риббентропа», который попал в немилость и какое-то время общался с диктатором только через Хевеля⁵⁷. Это про-

должалось даже во время августовского визита Муссолини на Восточный фронт, где было много помпы, но мало деловых разговоров — дуче восприняли как туриста, пусть и очень важного⁵⁸.

5 сентября Вайцзеккер, впервые встретившись с шефом после начала войны на Востоке, записал, что тот сообщает Гитлеру одни лишь хорошие новости, дабы не подрывать его здоровье, ослабленное условиями жизни в «Волчьем логове»⁵⁹.

Единственной заметной акцией Риббентропа в течение второй половины 1941 года стали продление 25 ноября Антикоминтерновского пакта и присоединение к нему стран-сателлитов. По словам Вайцзеккера, «среди гостей Бардоши (Венгрия) был самым суровым, Антонеску (Румыния) самым многословным, Тука (Словакия) самым воодушевленным, Лоркович (Югославия*) самым усердным, Попов (Болгария) самым рассудительным, Скавениус (Дания) самым находчивым, Виттинг (Финляндия) самым честным, Чиано (Италия) самым невозмутимым и Серрано Суньер самым темпераментным».

Японию и Маньчжоу-Го представляли послы. Дни были заполнены официальными встречами, на которых рейхсминистр в полной мере оправдал репутацию «граммофона» и «первого попугая рейха», повторяя каждому из гостей один и тот же набор клише⁶⁰. Турция и Португалия на авансы Берлина не поддались. «Неблагонадежные» режимы Петэна и генерала Недича (Сербия) вообще не получили приглашения.

На следующий день Риббентроп произнес программную речь (полный текст дается в приложении) о европейской солидарности против плутократии, еврейства и большевизма, с предельной резкостью высказавшись о позиции руководства США. На мысль об этом его натолкнула антигерманская «Атлантическая хартия» Черчилля и Рузвельта от 12 августа, о которой он немедленно сообщил фюреру и посоветовал дать ответ.

25 октября эта тема оказалась среди главных на переговорах с Чиано в «Волчьем логове» (Муссолини хотел прилететь сам, но заболел). Гитлер отметил, что в ходе общей борьбы против Азии (то есть СССР) она впервые чувствуется по-настоящему, и особо выделил будущую роль Италии, о чем обрадованный гость поспешил сообщить в Рим. После официальной части рейхсминистр пригласил Чиано на охоту, уверенно заявив, что в 1943 году они будут стрелять уток

* Имеется в виду Хорватия.

в условиях мира. В дневнике визитер не удержался от обычных колкостей: «Для такого человека, как Риббентроп, который с 1939 года обещает победу в течение пятнадцати дней, это — приличный скачок».

Столь же скептически он отнесся к пророчествам о том, что Рузвельт будет побит камнями на Капитолии собственным народом («лично я уверен, что он умрет от старости») и что «новый порядок Гитлера в Европе гарантирует мир на тысячу лет»⁶¹.

Неприязнь между министрами осложнилась жалобами Чиано на плохое обращение с итальянскими рабочими в рейхе, о чем узнал разгневанный Муссолини. Риббентроп ненавидел «мелочовку», но был вынужден уладить назревавший конфликт вместе с послом Альфиери⁶².

Конец года был отмечен еще одним событием глобального масштаба — нападением Японии на американский флот в Пёрл-Харборе 7 декабря*. К этому времени отношения союзников по оси осложнились и на востоке: несмотря на непрекращавшийся нажим Берлина и перспективу раздела трофеев скорой, как казалось, победы, Япония не напала ни на Советский Союз⁶³, ни на Англию, а, напротив, продолжала переговоры с США. Мацуока, только что подписавший пакт с Молотовым, после нападения Германии на СССР вдруг стал требовать немедленного вступления Японии в войну на стороне рейха, но оказался в полной изоляции и был отправлен в отставку при реформировании кабинета в середине июля. Усилия премьера Коноэ и нового главы МИД Тоёда Тэйдзиро были брошены на поиски компромисса с Вашингтоном, но Рузвельт и Хэлл, не прерывая переговоров, отвергали японские предложения и продолжали выдвигать невозможные условия. Риббентроп получал информацию лишь эпизодически, поскольку переговоры велись в глубокой тайне и с привлечением неофициальных лиц; японским послам сообщались лишь самые общие сведения, на что Осима** не переставал жаловаться. Замена Коноэ во главе кабинета на

---

* Не входя в подробности, должен отметить, что в вопросе о причинах войны на Тихом океане я солидарен с американскими историками-ревизионистами (Чарльз Бирд, Гарри Барнес, Чарльз Тэнзилл, Джордж Моргенстерн, Перси Грейвз, Джон Толанд, Роберт Стиннет и др.), которые доказали, что руководство США, стремясь вступить в войну на стороне Англии, сознательно провоцировало конфликт на Дальнем Востоке.

** 14–19 июля Осима, в мундире и с саблей, выезжал на Восточный фронт, где встречался с Риббентропом и Гитлером, — не самое тактичное поведение для посла страны, сохранявшей дипломатические отношения с СССР!

военного министра генерала Тодзио Хидэки 18 октября была истолкована как победа милитаристов, хотя и новый премьер, и новый министр иностранных дел Того Сигэнори проявили неожиданную умеренность, выразив готовность начать все сначала⁶⁴.

Однако усилия оказались тщетными. 26 ноября Хэлл в качестве «последнего слова» предъявил японцам заведомо неприемлемый ультиматум. 28 ноября Осима сообщил Риббентропу о том, что надежд на компромисс нет (накануне он уже говорил это Гитлеру, но тот не обратил на его слова внимания), что Токио верен Тройственному пакту, и спросил, вступит ли Германия в войну, если Япония первой начнет боевые действия. Рейхсминистр ответил, что вступит, но подготовка декларации откладывается из-за пребывания фюрера на фронте. Посол Отт через день встречался с Того, оперативно передавая информацию в Берлин, однако о нападении на Пёрл-Харбор там впервые узнали по радио, когда оно уже произошло⁶⁵. В показаниях для защитников Осима на Токийском процессе Риббентроп утверждал, что посол тоже не был своевременно извещен об этом.

«Когда Япония (вместо того чтобы напасть на Россию, как хотел я, или на Англию, как желал фюрер) напала на США, я оценил это событие с весьма смешанными чувствами, поскольку с самого начала хотел избежать втягивания в войну Соединенных Штатов. Но японцы и тогда, и потом делали то, что сами считали для себя нужным. Когда это начало становиться для нас все более чувствительным, я не раз просил фюрера, а особенно Геринга дать мне самолет дальнего радиуса действия, чтобы я смог слетать в Токио. Я считал необходимым определить вместе с японским правительством общую политику. Но из-за того, что один такой самолет упал над Сиамом, я не получил ни согласия, ни самолета. Тогда я стал просить отправить меня в Японию на подводной лодке, но и это предложение было отклонено» (С. 188).

Считая унижительным ждать объявления войны, фюрер решил сделать это сам. По мнению ряда историков, объявление войны Соединенным Штатам было одной из крупнейших внешнеполитических ошибок Гитлера, поскольку существовавшие договоры его к этому не обязывали, а японцы, в свою очередь, не спешили прийти на помощь рейху против Советского Союза. Японская дипломатия явно переиграла германскую, не оказав в нужный момент ответной «любезности». Отчасти ответственность за это ложится и на Риббентропа как главу

внешнеполитического ведомства, однако решение об объявлении войны США Гитлер принял, ни с кем не советуясь.

9 декабря министерству иностранных дел было приказано составить список преступлений Рузвельта, посольству в США — сжечь секретные документы и шифровальные таблицы. 11 декабря в два часа пополудни Риббентроп зачитал поверенному в делах Моррису ноту об объявлении войны со ссылкой на обстрел германских кораблей американским флотом. Через два часа в рейхстаге Гитлер сообщил о своем решении и огласил подписанное Риббентропом, Альфиери и Осима соглашение о незаключении сепаратного мира⁶⁶. Вручая 14 декабря японскому послу Большой крест ордена Заслуг Германского Орла (очень высокая награда для чиновника его ранга!), фюрер заметил, что Япония поступила правильно и вовремя объявила войну, существенно облегчив этим положение оси. Он и сам так поступил с Польшей и Советским Союзом⁶⁷.

В зарево пожара (1942–1945)

Вступление в конфликт СССР и США и превращение войны в мировую стали началом конца Вильгельмштрассе. В августе 1940-го, когда почти вся Европа была покорена, Германия поддерживала дипломатические отношения более чем с сорока государствами, два года спустя — с двадцатью двумя, включая десять нейтральных. Оставшихся не у дел специалистов объединили в «комитеты» (американский возглавлял Дикхоф, русский — Шуленбург), но их услуги оказались невостребованными. Прежде всего это относится к «русской службе» — создание в апреле 1941 года министерства по делам восточных территорий во главе с Розенбергом показало, что на этом направлении дипломатам делать нечего; примерно так же относились к ним и чины вермахта. После начала войны министерство Розенберга, несмотря на протесты Риббентрона, даже реквизирировало здание советского посольства на Унтер-ден-Линден, 71.

Вильгельмштрассе пережила еще одну метаморфозу — в это же время завершилась нацификация кадрового состава. К августу 1940-го из ста двадцати дипломатов высших рангов, работавших в центральном аппарате, семьдесят один состоял в НСДАП, причем пятьдесят из них служили в министерстве до прихода нацистов к власти; двадцать два не состояли, но одиннадцать из них безуспешно подавали заявления

о вступлении в партию (данные неполные). Членами НСДАП были восемь из девяти глав департаментов. С 1941 года во главе дипломатических миссий появились ветераны партии и СА: Беккерле — в Софии, Каше — в Загребе, Людин — в Братиславе, Киллингер — в Бухаресте, но это относилось к странам-сателлитам, где не могло быть речи ни о какой самостоятельной политике. Наоборот, в нейтральные страны послали наиболее опытные дипломаты: в 1943-м Дикхоф отправился в Мадрид, а последний поверенный в делах в Вашингтоне Томсен — в Стокгольм. В Анкаре оставался бессменный Папен².

Важную роль в нацификации МИД сыграл глава внутривластного департамента Мартин Лютер — темная личность даже для Третьего рейха. Он вступил в НСДАП в 1933 году и сделал карьеру благодаря протекции нашего героя, а точнее, фрау Аннелиз. Романтические отношения тут ни при чем: Лютер был «завхозом», занимавшимся перестройкой виллы в Далеме и посольства в Лондоне. Став министром, патрон взял его на службу. Как многие «примазавшиеся», Лютер стремился выглядеть более фанатичным нацистом, чем ветераны «пивного путча». Дипломаты старой школы не любили и побаивались этого человека, бравшего на себя грязную работу по контактам со службами безопасности и участие в «окончательном решении еврейского вопроса» (именно он представлял МИД на печально известном совещании в Ванзее 20 января 1942 года под председательством Гейдриха). Записка Лютера от 24 сентября 1942 года об «эвакуации как можно большего числа евреев из различных стран Европы» со ссылкой на указания рейхсминистра, стоившая жизни нашему герою и едва не отправившая на виселицу Вайцзеккера, появилась на свет в результате очередного скандала, который фюрер устроил Риббентропу за его «мягкость»³.

Амбиции Лютера не знали границ, равно как и его неблагодарность — он замахнулся на своего покровителя. Заручившись поддержкой Шелленберга и принимая во внимание антипатию Гимmlера к Риббентропу, Лютер подготовил доклад (он, к сожалению, не сохранился) о том, что рейхсминистр истощен морально и физически и более не способен исполнять свои обязанности. В начале февраля 1943-го он переслал доклад Гимmlеру с просьбой дать ему ход, но начальник штаба рейхсфюрера СС Карл Вольф предупредил нашего героя. Гимmlер сделал выбор в пользу Риббентропа, возможно, решив, что тот менее опасен. 10 февраля Лютер был вызван в ставку

рейхсминистра и арестован сотрудниками гестапо, а его доклад передан шефу.

Падение Лютера было окончательным и бесповоротным, поскольку еще 10 декабря 1942 года бывшему начальнику департамента кадров Прюферу было приказано (как минимум с одобрения Риббентропа) проверить информационное бюро МИД, через которое текли огромные суммы из секретных фондов. Дотошный дипломат старого закала обнаружил столько финансовых злоупотреблений в этом детище Лютера, что за того никто не решился вступиться. Лютер оказался в концлагере, а соучастники его афер — на Восточном фронте⁴. Шелленберг отделался легким испугом, но затаил ненависть к Риббентропу и после войны отомстил ему в мемуарах: сочинил историю о том, как рейхсминистр хотел убить Сталина... при помощи стреляющей авторучки*.

Не имея друзей среди нацистских бонз, рейхсминистр тяжело переживал измену Лютера, которому доверял, тем более что скандал нанес дополнительный урон престижу его ведомства. Результатом стали новые кадровые перестановки. Вайцзеккер отправился послом в Ватикан вместо пожилого Бергена, занимавшего этот пост с 1919 года. Новым статс-секретарем стал барон Густав Адольф фон Штеенграхт — порученец министра, не имевший ни дипломатического опыта, ни политического веса. Он успешно справлялся с рутинной работой, но не имел права замещать шефа в процессе принятия решений. Собственные идеи у Штеенграхта, однако, были: в июле 1944-го он подал министру записку о будущей роли МИД, предложив создать оперативное управление с целью «координировать людей, идеи и действия, чтобы использовать все возможности для победы в войне путем умелой внешней политики», но проект не был осуществлен⁵. Вёрман с поста директора политического департамента отправился послом в Нанкин при прояпонском режиме Ван Цзинвэя, где сменил Штамера. Штамер был переведен в Токио на место Отта, пострадавшего из-за дружбы с арестованным в октябре 1941-го Зорге. От возвращения в рейх с неизбежными последствиями Отта спасло вмешательство нашего героя, о мотивах которого можно лишь догадываться⁶.

---

* К сожалению, эта «история» дожила до наших дней: Корнилов Ю. Сталин мог пасть от авторучки // Труд. 3.03.2000. В первоапрельском номере газеты это смотрелось бы более уместно...

Новый, 1942 год начался для Риббентропа 2 января с визита Осима в Штейнорт. Днсм позже посла принял фюрер. Первый день года у японцев принято проводить дома, во второй — наносить праздничные визиты, однако разговор не ограничился лишь поздравлениями. Осима сообщил, что он, как старший японский дипломат в Европе, уполномочен руководить «всеми процессами, касающимися принципов сотрудничества при ведении общей войны» и начать переговоры по экономическим вопросам. Затем он повторил это Гитлеру, но на Вильгельмштрассе к заявлениям отнеслись осторожно, зная, что Осима не во всем согласен со своим правительством, склонен к самочинным действиям и находится в сложных отношениях с министром иностранных дел Того. Наш герой с начала войны на Востоке регулярно снабжал посла секретными сведениями и даже приставил к нему специального «связного», поэтому Осима предупредил Токио о недопустимости утечки любой информации — так и не узнав, что все его сообщения читались американцами, овладевшими японскими шифрами.

Экономические переговоры не задались из-за позиции правительства Японии, придававшего «освоению» территориальных приобретений в Азии куда большее значение, чем снабжению союзников. 23 марта и 9 мая Риббентроп убеждал Осима в необходимости оформить сотрудничество европейско-африканской сферы и «сферы сопроцветания Великой Восточной Азии» экономическим аналогом Тройственного пакта. Соглашение было подписано в январе 1943-го, но на практике оно почти ничего не дало из-за невозможности транзита по советской территории. Риббентроп до конца лета 1942 года агитировал Осима за войну против СССР, но, как известно, безрезультатно — в Токио открывать новый фронт не собирались. Узнав о занятии Сингапура японцами, рейхсминистр подготовил восторженное коммюнике и вручил его Гитлеру. Тот прочитал, покачал головой и разорвал бумагу, наставительно заметив: «Мы должны мыслить в масштабе столетий. Как знать, может быть, в будущем „желтая опасность“ окажется для нас самой грозной»⁷.

Что творилось в это время в Европе? «Зальцбургский сезон» переговоров с союзниками 1942 года открылся 29 апреля. У Чиано сложилось впечатление, что фюрер выглядел усталым (сказалась жизнь в бункере «Волчьего логова»), но решительным — непрерывно говорил двое суток. Во время этих нескончаемых монологов даже Муссолини не мог вставить ни слова и поглядывал на часы; его зять «думал

о своем» (о чем именно, он не уточнил); Кейтель и Йодль клевали носами, и только начальник итальянского Генерального штаба генерал Уго Кавальеро кивал в ответ на каждое слово.

Сдержанные и оптимистичные официальные записи не могли скрыть главного: несмотря на тяжелейшие поражения Красной армии лета — осени 1941-го, подлинный масштаб которых становится ясен только из последних работ российских историков, блицкриг не удался — Сталин не запросил мира*, режим не рухнул, армия не капитулировала. Европейские союзники рейха выступили дружно, но слабо; Япония на СССР не напала и нападать не собиралась⁸.

Разговор диктаторов и их министров коснулся Франции, где произошли серьезные перемены. Дарлан так и не смог приспособиться к требованиям немцев. 29 марта в Париже Геринг сообщил Лавалю о недовольстве фюрера положением дел и пригрозил «полонизацией», то есть оккупацией с жестоким «протектором». Лаваль через своего зятя Рене де Шамбруна проинформировал Петэна, и маршал, колебавшись и потянув время, все же принял решение: 18 апреля он объявил о создании должности главы правительства и о назначении на нее Лавалю, ставшего по совместительству министром внутренних дел, иностранных дел и информации. Дарлан возглавил вооруженные силы и остался «наследником» главы государства. Лаваль согласился на пост премьера, хотя Геринг советовал ему отказаться, ссылаясь на невозможность уступок со стороны рейха, которые могли бы укрепить его положение. 12 мая новый глава правительства, понимая, что Гитлер продолжает рассчитывать на вступление Франции в войну, написал Риббентропу о том, что, поддерживая рейх в борьбе с большевизмом, французы готовы занять места мобилизованных немецких рабочих на заводах и что он берется создать для этого «психологический климат» при условии репатриации военнопленных.

Ничего «изменнического» в этом предложении не было: 21 марта Гитлер назначил гауляйтера Заукеля генеральным уполномоченным по использованию рабочей силы с практически неограниченной властью на

---

* Ввиду отсутствия подлинных документов и достоверных свидетельств разговоры о мирных зондажах Сталина 1941–1942 гг., в том числе через болгарского посланника в Москве И. Стаменова, остаются не более чем слухами. Полагаю, что периодически всплывающие «документы» об этом сфальсифицированы в период подготовки «дела Берия» и XX съезда КПСС.

оккупированных территориях. После войны Лаваля судили и казнили, упомянув, сколько рабочих при нем было мобилизовано в рейх, но не вспомнили, скольких он и министр труда Марсель Дэа (бежавший в Италию и заочно приговоренный к смерти) отстояли в баталиях с гауляйтером, которого на Нюрнбергском процессе назвали «самым крупным и самым жестоким работоторговцем со времен египетских фараонов».

«Без меня Франции было бы хуже», — суммировал свои усилия Лаваль⁹.

Хрупкий компромисс между Виши и Берлином был нарушен 7 ноября — в 25-ю годовщину Октябрьской революции англичане и американцы высадились в Алжире. Большую роль в подготовке операции сыграл личный агент Рузвельта Роберт Мёрфи — бывший поверенный в делах в Виши. Особые подозрения возбудило пребывание на месте событий Дарлана, навещавшего больного сына, но немедленно принявшего на себя верховное командование. Подтвердив верность Петэну, он сперва отдал приказ сопротивляться, затем заключить перемирие и, наконец, начать сотрудничество с «союзниками»; так же поступил и командующий войсками в Северной Африке генерал Жуэн. Публично Петэн объявил их изменниками, конфиденциально — выразил им доверие.

9 ноября Гитлер, выразив готовность прийти на помощь режиму Виши военными силами, пригласил Чиано и Лаваля в Мюнхен, приказал начать перебазирование авиации во французский Тунис и готовиться к оккупации всей Франции. Корсика при этом предназначалась Италии¹⁰.

Переговоры начались 10 ноября в том самом зале, где в 1938 году готовилось Мюнхенское соглашение. По сравнению с зальцбургской встречей положение стало много хуже: немцы увязли под Сталинградом, итальянцы понесли тяжелое поражение в Ливии и окончательно потеряли прочие африканские владения. Гитлер встретил Лаваля, странно смотревшегося среди мундиров в костюме с неизменным белым галстуком, с ледяной вежливостью и поинтересовался, почему Франция до сих пор не разорвала отношения с США. Премьер, как и Петэн, был против военного сотрудничества с рейхом и отказался от предложения присоединиться к оси. В этот момент поступили известия, что Дарлан сложил оружие, несколько позже — что Петэн приказал продолжать сопротивление и взял на себя верховное командова-

ние. Фюрер и Риббентроп потребовали четкого ответа, пояснив, что выбор невелик — или вместе защищать французские владения на севере Африки, или отказаться от них.

Лаваль говорил долго, мобилизовав все красноречие опытного парламентария, и попытался перевести разговор на тему европейского единства (по мнению Чиано, попросту тянул время): «Вы хотите выиграть войну, чтобы создать Европу. Создайте Европу, чтобы выиграть войну».

Гитлер оборвал его: «Если Германия проиграет войну, большевизм поглотит Европу... Учитывая угрозу с Востока, каждый национально мыслящий француз должен фанатично желать победы Германии».

Лаваль ответил, что фюрер должен помочь «создать во Франции моральные условия в пользу сотрудничества» с немцами¹¹.

После войны Риббентроп так писал о несостоявшихся союзах с бывшими противниками: «Национальная динамика этих государств была слишком сильна и чересчур ограничена традициями, а их вера в германскую победу с самого начала — слишком мала. В качестве примера можно привести Францию... Сама мысль, что эти страны дали бы решающим образом использовать себя для победы Германии, вне всякого сомнения, совершенно ложна. Напротив, мы убедились в том, насколько трудно побудить друзей и союзников пойти на по-настоящему серьезные военные усилия» (С. 195).

Об оккупации всей Франции Лаваль узнал от Риббентропа только перед отъездом из Мюнхена. Петэна об этом известил главком вермахта на Западе генерал-фельдмаршал Рундштедт. Гитлер послал маршалу письмо, заверив, что принятые меры имеют исключительно военный характер и не направлены против его правительства. Петэн пожал руку Рундштедту, но выразил решительный протест. По приказу из Берлина, подтвержденному письмом Риббентропа Абецу, генерал Вейган был арестован по обвинению в связях с американцами и вывезен в рейх.

В такой обстановке 17 ноября Лаваль получил от Петэна право издавать за своей подписью законы и декреты, о чем через пять дней известил Гитлера. Несмотря на советы приближенных, оба отказались уйти в отставку и покинуть страну, мотивируя это нежеланием отдать власть в руки открыто пронацистских элементов. В свою очередь, фюрер и его рейхсминистр продолжали с тревогой следить и за Виши, и за Парижем¹².

В очередной раз лидеры оси собрались 18 декабря в «Волчьем логове». Муссолини не поехал из-за болезни. Чиано был не в духе и по дороге поносил всех, особенно Гитлера, Риббентропа и Кавальеро, последними словами. Экспозе Гитлера, несмотря на браваду, выглядело неутешительным: положение в Тунисе и Ливии стало катастрофическим, положение под Сталинградом шло к катастрофе. По указанию дуче Чиано заговорил о мире с СССР, но Гитлер отверг такую возможность. Риббентроп помалкивал, ибо незадолго до того нарвался на гнев фюрера, попросив разрешения начать мирные зондажи.

«Форма, в какой все это было сказано, не позволила мне в тот момент повторить свое предложение... Но я был настолько озабочен, что пошел к своей цели напрямик... В тяжелые дни после окончания боев за Сталинград у меня состоялся весьма примечательный разговор с Адольфом Гитлером. Он говорил — в присущей ему манере — о Сталине с большим восхищением. Он сказал: на этом примере снова видно, какое значение может иметь *один* человек для целой нации. Любой другой народ после сокрушительных ударов, полученных в 1941–1942 гг., вне всякого сомнения, оказался бы сломленным. Если с Россией этого не случилось, то своей победой русский народ обязан только железной твердости этого человека, негибкая воля и героизм которого призвали и привели народ к продолжению сопротивления. Сталин — это именно тот крупный противник, которого он имеет как в мировоззренческом, так и в военном отношении. Если тот когда-нибудь попадет в его руки, он окажет ему все свое уважение и предоставит самый прекрасный замок во всей Германии. Но на свободу, добавил Гитлер, он такого противника уже никогда не выпустит... Пользуясь этим случаем, а также в более поздней памятной записке я снова предложил провести мирный зондаж в отношении Москвы. Участь этой памятной записки*, которую я передал через посла Хевеля, оказалась бесславной. Хевель сказал мне: фюрер и слышать не желает об этом и отбросил ее прочь. В дальнейшем я еще несколько раз заговаривал об этом с самим Гитлером. Он отвечал мне: сначала он должен снова добиться решающего военного успеха, а уж тогда посмотрим, что нам делать дальше. Его точка зрения и тогда, и позже была такова: наш зондаж в поисках мира является признаком слабости...

---

* Не опубликована. Местонахождение ее неизвестно.

Гитлер велел мне передать: „В борьбе против большевизма никакому компромиссу места нет. Торгашескую политику Риббентропа я одобрить не могу. Исход этой войны дипломатическими средствами решен быть не может!“» (С. 198, 74–75).

В начале декабря Риббентроп встретился с Осима. «Вы всегда говорили, что не намерены заключать мир с Россией, но появилась среди-земноморская проблема. Не думаете ли вы, — поинтересовался посол, — заключить мир с Кремлем и сосредоточить все силы против Европы и Америки?» — «У меня нет ни малейшего желания самому искать мира, — ответил рейхсминистр, — но если Сталин попросит у нас мира... это другое дело. Впрочем, я не верю, что сейчас он думает об этом». — «Хорошо, — продолжал Осима, — но если вопрос о мире возникнет, согласны ли вы сейчас на те условия, что выдвигали раньше: получение Германией Украины и Кавказа, разрыв отношений с остальным миром и разоружение?» Риббентроп подтвердил это¹³, но не сказал старому приятелю главного — что готовится отправить в Швецию эмиссара.

Петеру Клейсту, который был этим эмиссаром, приходится верить на слово: в германских документах следов его миссии нет, британские засекречены, о советских ничего не известно. Несмотря на службу в министерстве Розенберга и на связи с СС, Клейст оставался «человеком Риббентропа» и был заинтересован в том, чтобы привлечь на сторону рейха антисталински настроенных русских. Он был причастен к созданию казачьих формирований вермахта и Русской освободительной армии (РОА) генерал-лейтенанта А. А. Власова, в котором видел потенциального де Голля и к которому привлек внимание Риббентропа.

Эмиссар не был уполномочен делать какие-либо предложения; ему лишь предстояло выяснить, готов ли Сталин заключить мир, и если да, то на каких условиях. 14 декабря 1942 года он встретился в Стокгольме с бизнесменом Эдгаром Клаусом, о котором известно немного: родом из Польши, жил в России (утверждал, что зимой 1917/18 года в Самаре встречался со Сталиным и Троцким), затем в Латвии, Литве и Германии, откуда перебрался в Швецию; «одинаково плохо говорил по-немецки и по-русски», но каким-то образом был связан с советским посланником Александрой Коллонтай, сыгравшей важную роль в заключении мира с Финляндией в марте 1940-го.

Клаус сказал, что ради скорейшего окончания войны готов организовать контакт с русскими, которые, по его словам, «дозрели» до сепаратного мира. Никаких доказательств он не представил, но вполне возможно, что Сталин мог поугубить союзников, не спешивших открывать второй фронт в Европе. На основании ранее полученных от Клауса сведений Шуленбург, как ведущий эксперт МИД по России, сделал вывод, что он заслуживает доверия и внимания*. Риббентроп, связанный приказом Гитлера, велел прервать зондажи, но сохранить контакт с Клаусом до лучших времен¹⁴.

Однако вернемся к декабрьским переговорам в «Волчьем логове». Через день после Чиано туда приехал Лаваль, снова принятый холодно — его вызвали на ковер. 27 ноября французские моряки затопили в Тулоне весь находившийся там флот (семьдесят три корабля), чтобы он не достался немцам. Гитлер снова обвинил французов в измене. Чиано заметил, что «коллаборацию» поддерживают пять процентов населения, а восемьдесят просто выжидают, но рейх все равно продолжал поддерживать Петэна. Добавлю, что 24 декабря того же года Дарлан был убит молодым участником Сопротивления, которого через два дня расстреляли, а после войны объявили героем. У историков нет единого мнения о том, по чьему приказу он действовал¹⁵.

Сотрудничество с рейхом действительно поддерживала лишь малая часть французов, но это была «активная фракция общества», включая влиятельных интеллектуалов и политиков. Они видели перед собой широкую перспективу не отношений победителя с побежденным и даже не двустороннего сотрудничества, но единой Европы, в которой лишними будут только англичане и большевики. По мере ухудшения положения Германии панъевропейские настроения в Париже (в Виши их почти не было) усиливались — французы ждали, что скоро понадобятся как полноправные участники «битвы за Европу». Ведущим пропагандистом стал писатель Дриё ля Рошель, публицистика которого военных лет посвящена прежде всего этой теме. Окончательно разочаровавшись к концу 1943-го в Гитлере как потенциальном объединителе

---

* Оригиналы его документов находятся в распоряжении германского историка Б. Мартина; изучивший их Д. Ирвинг сделал вывод о том, что Клаус действительно контактировал с советскими дипломатами. Клаус скоропостижно скончался 1 апреля 1946 г. в Стокгольме, накануне депортации в английскую зону Германии для допроса.

Европы, Дриё начал прославлять в этом качестве... Сталина, причем в подцензурной печати. Немцы их пропускали, но после войны эти книги оказались под запретом у победителей¹⁶.

Не желая оставаться в стороне, Риббентроп 21 марта 1943 года подписал представленный фюреру проект Европейской конфедерации. Он подчеркивал, что пронацистские политики, включая любимца Гитлера — бельгийского фольксфюрера Леона Дегреля, выдвигают аналогичные планы, желая стать союзниками в борьбе за общее дело. Однако Гитлер скептически относился к подобным идеям и неохотно соглашался на создание «инородческих» вооруженных формирований, особенно из числа бывших противников — будь то бельгийцы, голландцы, французы или русские. По мере общего ухудшения ситуации его настроения становились все более экстремистскими и антиевропейскими, поэтому любые проекты такого рода оказались обречены¹⁷.

В этой связи нельзя не процитировать известные стихи Самуила Маршака:

Кличет Гитлер Риббентропа,
Кличет Геббельса к себе:
— Я хочу, чтоб вся Европа
Помогала нам в борьбе.
— Нас поддержит вся Европа! —
Отвечали два холопа
И пустились вербовать
Многочисленную рать.
Швед из города Берлина,
Три бельгийца с половиной
Да подручный Дорио
Встать готовы под ружье.
Опереточный испанец
С шайкой жуликов и пьяниц —
Вот фашистский легион
Всех мастей и всех племен.
Вызвал Гитлер Риббентропа
И спросил, нахмутив лоб:
— Это что же — вся Европа?
— Вся! — ответил Риббентроп.

Дипломатически 1943 год начался для Риббентропа в Риме. 19 февраля он велел послу Макензену сообщить дуче о своем желании посетить Вечный город. Тот поинтересовался намерениями гостя и заверил его через посла Альфиери, что недавние изменения в итальянском правительстве не означают перемены курса. В конце января — начале февраля Муссолини «перетряхнул» военное и политическое руководство, причем перестановки не позволяли делать однозначных выводов. После потери Триполи Кавальеро был снят с поста начальника Генерального штаба и уволен в отставку; его сменил генерал Амброзио, пользовавшийся плохой репутацией у немцев и впоследствии сработавшийся с «союзниками». 5 февраля дуче назначил самого себя главой МИД, возложив текущее руководство на опытного дипломата Бастианини. Крессел лишились «либеральные» фашистские ветераны Гранди (министр юстиции) и Боттаи (министр просвещения), экстремисты Паволлини (министр народной культуры) и Риччи (министр корпораций), а также министр финансов маркиз Таон ди Ревель. Однако Чиано, ставший послом в Ватикане, Гранди и Боттаи сохранили места в Высшем фашистском совете¹⁸.

Здоровье дуче заметно пошатнулось. Покончив с перестановками, он уехал лечиться и вернулся в Рим только 24 февраля, накануне приезда гостя. Риббентроп привез письмо фюрера от 16 февраля с подробным анализом ситуации и планом дальнейших действий, написанное, по словам историка Ф. Дикина, «вагнеровским языком», который предстояло перевести на дипломатический.

Положение на Восточном фронте он обрисовал как сложное: Германия не будет продвигаться дальше, но закрепится на Украине и парализует возможное наступление противника; шансов на мир со Сталиным нет, поскольку русским нельзя доверять. Балканы будут «замирены» любой ценой — это относилось к партизанам-националистам Михайловича и партизанам-коммунистам Тито; Сицилия, Сардиния и Корсика должны быть максимально укреплены; Испания получит оружие, если готова защищать свою территорию от возможной высадки «союзников»; Турция останется нейтральной, поскольку боится и немцев, и русских.

Неожиданно рейхсминистр разразился панегириком Сталину, которого назвал «человеком, несомненно, исторического значения», «упрямым фанатиком и ледяным реалистом, который господствует над всем в России и при котором никто не может рта раскрыть»: он не

отступит от намеченных целей, выйдет сколько нужно, пойдет на любые жертвы, но добьется своего.

Бастианини помалкивал. Муссолини и Амброзио нарисовали мрачную картину возможностей Италии на Балканах, поскольку против партизан еще никто не научился эффективно бороться.

Наибольший оптимизм Риббентроп проявил во время встречи с королем 27 февраля, убеждая, что у оси — все прекрасно, а внутреннее положение Англии и СССР — все хуже и хуже. Монарх вежливо улыбался. На гостя дуче произвел неплохое впечатление, Бастианини — никакого, Амброзио — отрицательное, поскольку заключить с ним соглашение о совместных действиях в Югославии не удалось.

«В итальянском верховном командовании присутствуют тенденции, которые нельзя в полной мере назвать фашистскими», — осторожно охарактеризовал рейхсминистр то, что через несколько месяцев окажется откровенным поражением¹⁹.

Поездка в Рим стала подготовкой очередного «зальцбургского сезона» в апреле. Муссолини приехал первым. Оба диктатора выглядели плохо и не могли скрыть друг от друга, что события развиваются совсем не так, как им казалось год назад. Сталинград, Эль-Аламейн и Алжир еще не означали разгрома оси, но сделали ее победу невозможной, причем положение Италии было особенно тяжелым.

27 января в Касабланке Рузвельт и Черчилль заявили, что закончат войну только «безоговорочной капитуляцией» противника. Сопrotивление Германии на фронте и в тылу ожесточилось, но режим Муссолини дал трещину, залатать которую не могли никакие перестановки. Партнером Риббентропа теперь был не циник Чиано, а сдержанный и серьезный Бастианини. Вместе с Амброзио он подготовил программу, которая предусматривала мобилизацию стран Европы на сторону оси, с предоставлением им формального равенства, сепаратный мир с СССР с помощью балканских стран и нейтралов и концентрацию военных усилий в Средиземноморье.

Гитлер категорически отверг предложения — ни мира на Востоке, ни уступок в Европе. Наш герой повторял, что «несмотря на некоторые неудачи, неизбежные на войне, сделан хороший шаг... в уничтожении большевизма»: «Германия снова возьмется за большевиков и разгромит их. Она намерена не вторгаться в несобятные русские просторы, но уничтожить большевистские армии. Если русских все время атаковать, их положение будет становиться все хуже».

На настоятельные предложения дуче о мире с Москвой немцы ответили почти отрицательно. Почти — потому что не отвергали его в принципе, но принимали при условии нанесения противнику тяжелого поражения, когда Сталину придется согласиться на предъявленные условия: «Русский вопрос может иметь прежде всего военное, а не политическое решение. Политическое урегулирование может быть следствием военного решения. Но только тогда, когда станет абсолютно ясно, что со стороны России нас не ждет военная опасность... Германия не может подпустить русских близко к своим границам... Кроме того, ей нужна Украина. Да и Сталин не готов заключить мир»²⁰.

Венгры и румыны были уличены в попытках переговоров с противником, поэтому разговор с Хорти и Антонеску был строгим. Те пообещали отправить своих министров иностранных дел в отставку, но не торопились это исполнять. Фюрер потребовал от сателлитов принять меры против евреев, в которых видел средоточие зла: ввести дискриминационные законы по образцу германских и начать подготовку массовых депортаций. Риббентроп поддакивал, что впоследствии станет одним из главных обвинений против него.

Хорти сказал, что юдофобской Венгрии достаточно имеющихся законов; болгарский царь Борис высказался против депортаций, заявив, что сам разберется со своими евреями²¹. Череду визитеров замыкал Лаваль. На переговоры приехал и Бастианини, поскольку многие проблемы касались трех стран. Вишистский премьер не сказал ничего радостного и не услышал ничего утешительного в ответ на просьбы о декларации относительно будущего Франции и «новой Европы» в целом.

«Я больше не могу говорить Гитлеру о политике сотрудничества, — грустно сказал Риббентроп де Бринону. — Возвращение Лавалья не принесло ничего нового. В чести все те же самые старые парламентские методы»²².

30 апреля 1943 года наш герой отметил в Фушле свое пятидесятилетие. Поздравлений было много, в том числе от «оппозиционера» Вайцзеккера, но именинника больше всего обрадовало письмо от фюрера.

Вскоре после юбилея он последовал за вождем в Восточную Пруссию. Здесь на сцене появился Осима, воодушевленный известиями о мирных предложениях Муссолини. Сговорившись с Альфиери, он

повторил их Риббентропу от своего имени, добавив, что Токио готов выступить посредником, но рейхсминистр заявил, что Сталин не примет германских условий. Впрочем, он считал, что надо не только дожидаться, когда Москва запросит мира, но и быть готовым к этому, а потому не отговаривал ни итальянцев, ни японцев от попыток зондажа, четко обрисовав им возможные восточные границы рейха. Не в силах забыть о дамокловом мече «безоговорочной капитуляции», Риббентроп сказал Гессе: «Должен быть какой-то способ объяснить англичанам и американцам безумие войны, которую они ведут против нас. Неужели они не понимают, что ликвидация германской мощи поможет только Сталину и уничтожит баланс сил в Европе?.. Даже сейчас военная сила Советов позволяет им превзойти англичан и американцев. Германская опасность — ничто в сравнении с этим»²³.

18 июня в Стокгольме Клейст узнал от Клауса, что через три недели с ним готов встретиться советский дипломат Александров (псевдоним?), с которым он был знаком до войны. Мотивом Москвы Клаус, сославшись на разговоры в посольстве, назвал «нежелание ни одной лишней минуты сражаться за английские и американские интересы». Вернувшийся в Берлин с этой горячей новостью Клейст был арестован и препровожден к шефу службы безопасности Кальтенбруннеру, который сообщил ему, что действия, предпринятые вопреки приказу фюрера, стали известны в «Волчьем логове» и произвели переполох, поэтому ему, Клейсту, запрещается даже докладывать рейхсминистру о поездке. Тем не менее тот узнал о ней от Ликуса, которого в начале августа посылал в Стокгольм для сбора информации, и потребовал от Клейста подробного доклада. Переговорив с неуступчивым Гитлером, Риббентроп разрешил продолжать контакты с Клаусом, но заявил, что компромисса с немецкой стороны не будет. После этого Клейст был зачислен в личный штаб рейхсминистра²⁴.

Ситуация для Германии и ее союзников продолжала меняться к худшему. Не успевшие эвакуироваться войска оси капитулировали в Тунисе. «Союзники» высадились на Сицилии. Советские войска начали наступление под Курском. Но самый неожиданный сюрприз преподнесли итальянцы: 25 июля радио сообщило, что король Виктор-Эммануил III, которого никто не воспринимал как политически значимую фигуру, отправил Муссолини в отставку «по состоянию здоровья» и назначил главой правительства бывшего начальника

Генерального штаба маршала Бадольо. В рейхе этого не предвидел никто — ни дипломаты, ни военные, ни разведчики.

19 июля Гитлер встретился с Муссолини в приграничном городе Фельтре для обсуждения военных вопросов. Обстановка была тягостной, но никто не предполагал, что крах режима настолько близок. Одновременно стали известны куда более тревожные факты: в ночь с 24 на 25 июля Высший фашистский совет принял резолюцию, рекомендовавшую ограничить власть дуче и передать верховное командование королю, причем за нее проголосовали Чиано и сподвижник диктатора по «походу на Рим» 1922 года маршал де Бонго. На следующий день Муссолини отправился на встречу с королем и не вернулся с нее. Бадольо и новый министр иностранных дел Гуарилья немедленно заявили, что Италия будет продолжать войну и останется верна обязательствам, но немцы им не поверили — и были правы, поскольку главной целью нового правительства был скорейший выход из войны.

Уже 25 июля Черчилль писал Рузвельту: «Перемены, объявленные в Италии, вероятно, предвещают мирные предложения».

Ось могла сломаться в любой момент, в чем убеждало исчезновение Муссолини, которого арестовали на крыльце королевской виллы и тайно перевозили из одного уединенного места в другое. Разгневанный Гитлер приказал любой ценой найти соратника. Шесть недель поисков завершились 12 сентября, когда десантники генерала Штудента и командос гауптштурмфюрера СС Отто Скорцени освободили дуче, заточенного на высокогорном курорте Гран-Сассо, и привезли его в «Волчье логово». Это событие изумило весь мир и до сих пор остается классическим примером удачной спецоперации.

Несколькими днями ранее король и Бадольо бежали из Рима, 8 сентября подписали капитуляцию, а 13 октября объявили войну Германии и передали «союзникам» итальянский флот. Оси больше не существовало, несмотря на провозглашение Итальянской социальной республики во главе с Муссолини, столицей которой стал городок Сало, расположенный неподалеку от Милана, — аналог Виши. Италия была оккупирована вермахтом²⁵.

Гитлер не верил Бадольо, но хотел поточнее узнать, что происходит в Италии. 6 августа в приграничном городке Тарвизио Риббентроп и Кейтель встретились с Гуарилья и Амброзио. Рейхсминистр сказал Шмидту: «Мы должны оставить на германской территории все сек-

ретные бумаги и шифры. Не исключаю, что эти бандиты могут попытаться нас похитить по наущению англичан или американцев».

Переговоры шли в его вагоне, находившемся под усиленной охраной СС. Опасаясь, что итальянцы попытаются отравить его посланцев, Гитлер категорически запретил им притрагиваться к любой пище или питью, пока их не попробуют хозяева.

Теперь обратимся к официальным записям:

«Риббентроп открыл совещание официальным заявлением немецкого правительства по поводу последних событий в Италии и произошедших в связи с „уходом“ дуче изменений, вызвавших негативную реакцию фюрера и оказавших серьезное воздействие „на морально-политическую ситуацию в немецком обществе“. Он уполномочен получить разъяснения относительно общего положения в стране и ближайших намерений вновь сформированного правительства Италии. Гуарилья подчеркнул, что в данном случае речь идет „исключительно о внутренних проблемах Италии“... Всякое сомнение в верности один раз данному слову задело бы чувство национальной гордости итальянского народа. Риббентроп заверил Гуарилья, что у него нет поводов для сомнений в искренности итальянского союзника, однако последние события дают пищу для серьезных размышлений... Гуарилья опроверг слухи о проведении официальными властями сепаратных переговоров с западными противниками оси. По настоянию рейхсминистра генерал Амброзио доложил о военных намерениях правительства Бадольо... Военное сотрудничество будет развиваться на тех же принципах, на которых оно стояло до сих пор.

Итальянское верховное командование выражает озабоченность в связи с передислокацией в страну большого числа немецких дивизий без предварительного оповещения командных инстанций... По словам генерала (Амброзио. — В. М.), итальянцы перестают быть хозяевами в своей собственной стране... <Кейтель ответил:> Намерения ОКВ оказать содействие в наведении элементарного порядка воспринято как вмешательство во внутренние дела, совершаемое якобы вопреки воле итальянского народа».

Спектакль, в ходе которого стороны, по словам Шмидта, «соревновались, кто кого перевернет», продолжался два часа. Сделанное чуть позже Гитлером предложение королю посетить Германию с официальным визитом тоже повисло в воздухе²⁶.

«После измены правительства Бадольо, — вспоминал Риббентроп, — я предпринял новый весьма энергичный маневр. На этот раз Гитлер занял позицию уже не столь отрицательную. Он вместе со мной подошел к карте и сам показал на ней демаркационную линию, на которой можно было бы договориться с русскими. Когда же я попросил полномочий, он решил отложить этот вопрос до утра и еще поразмыслить. Однако на следующий день опять ничего не произошло. Фюрер сказал мне, он должен это дело еще раз поглубже продумать. Я испытал большое разочарование. Я чувствовал, что здесь действуют те силы, которые постоянно снова и снова укрепляют Гитлера в его нестигаемой позиции противодействия договоренности со Сталиным. Когда Муссолини после своего освобождения был доставлен в ставку фюрера, Гитлер совершенно неожиданно для меня заявил ему: он хочет договориться с Россией. На мою высказанную затем просьбу дать мне соответствующее указание я, однако, снова никакого ответа не получил. А на следующий день Гитлер опять запретил мне установление любого контакта с Россией. Он явно заметил, насколько сильно я удручен этим... и сказал: „Знаете ли, Риббентроп, если я сегодня и договорюсь с Россией, то завтра снова схвачусь с ней, иначе я не могу!“ Я в полной растерянности ответил: „Так никакой внешней политики вести нельзя, ведь тогда всякое доверие к нам будет потеряно“» (С. 198–199).

4 сентября Клейст узнал от Клауса, что «Александров» ждал сигнала от немцев и уехал несолоно хлебавши. Со ссылкой на посольство, «связной» сообщил, что СССР заинтересован в восстановлении границ 1914 года, свободе рук на юге, в том числе в черноморских проливах, и в экономическом сотрудничестве с Германией, уничтожения которой Москва не желает, дабы не нарушать баланс сил. Русские приветствовали бы символический знак готовности к диалогу, например отставку Риббентропа или Розенберга, и для этой цели уже отозвали своих одиозных послов Литвинова и Майского из Вашингтона и Лондона.

При следующей встрече Клейст узнал сенсационную новость: между 12 и 16 сентября в Стокгольме ждут Деканозова — заместителя Молотова и бывшего посла в Берлине. 10 сентября он послал Риббентропу детальный отчет, не обойдя и деликатный вопрос о требовании его отставки (это обидело нашего героя, не перестававшего гордиться пактами с Советским Союзом).

Рейхсминистр снова вызвал Клейста. Он уже не сомневался в Клаусе, но задался вопросом: насколько значимой фигурой является Деканозов и не ловушка ли все это? Во время беседы Риббентропу подали листок с сообщением московского радио о том, что Деканозов будет назначен послом в Болгарии.

«Что вы скажете?» — спросил он. «По-моему, — ответил Клейст, — это знак из Кремля, что Деканозов участвует в этом деле и отправится на нейтральную территорию для переговоров. Я бы ответил сообщением, что Шуленбург назначен послом в Софии». Риббентроп отрицательно покачал головой: «Фюрер никогда не пошлет его в Софию». — «Так и Деканозов туда не поедет, — подхватил Клейст. — Оба сообщения станут знаками, понятными лишь посвященным, и никому более».

Разрываемый самыми противоречивыми чувствами, наш герой отправился в «Волчье логово» и поздно вечером вернулся с распоряжением фюрера: никому в Стокгольме не ехать, а ждать, что предпримут русские.

На следующий день Риббентроп объявил, что «искреннее согласие между Германией и Советским Союзом едва ли возможно, и даже временного перемирия трудно достичь». Сталин одерживает победу за победой, и от него трудно ждать стремления к миру, хотя он может пугать своих союзников «новым Рапалло». С другой стороны, любой отход на старую границу будет означать, что столько германской крови пролито зря. 14 сентября рейхсминистр известил Клейста об отказе от предложений Клауса, но поздно вечером 22 сентября велел ему срочно лететь в Стокгольм, предписав действовать с крайней осторожностью и не ставить в известность германское посольство.

Разговор с Клаусом, состоявшийся 28 сентября, принес плохие новости: советское посольство справлялось, нет ли новостей из Берлина, а узнав об отказе, заявило, что немцы упустили последний шанс, и сообщило о германских зондажах американцам. В качестве утешительного приза Клейст получил информацию о готовившейся в Москве встрече министров иностранных дел СССР, США и Англии.

Риббентроп, пребывавший в дурном настроении, поднял его на смех, объяснив, какие разногласия существуют между Советским Союзом и капиталистическими странами и почему в данный момент такая встреча невозможна. 18 октября конференция открылась и продолжалась двенадцать дней («опустим завесу жалости над этой

сценой»), а Клаус сообщил, что теперь контакты с Москвой будут вестись в Швейцарии... через Астахова. Гитлер не знал, что бывший поверенный в делах СССР в рейхе Георгий Астахов умер в лагере в начале 1942 года, но проницательно отказался иметь дело с его призраком²⁷.

«Измена» Бадольо встревожила руководителей рейха еще и потому, что его пример мог соблазнить колебавшихся союзников. Этим объясняется нервная реакция Риббентропа на «маршалский кризис» в Виши в середине ноября 1943-го: Петэн решил созвать Национальное собрание, формально так и не распущенное, и предложить ему проект конституции с тем, чтобы определить механизм передачи власти.

13 ноября в 19 часов он собирался выступить по радио (текст выступления был уже роздан журналистам), но вмешались немецкие власти, узнавшие об этом лишь за несколько часов. Опуская подробности закулисных интриг, которыми так богата история Виши, остановимся на главном: маршал объяснил, что акция задумана для укрепления единства нации и предотвращения легализации власти голлистов, но немцы увидели в ней попытку обособиться от них.

В последнюю минуту выступление было отменено, однако Гитлер и Риббентроп потребовали объяснений. Две недели Абец и де Бринон курсировали между Парижем и Виши, уговаривая маршала не поднимать панику, — старый солдат заявил, что не подчинится диктату и считает невозможным исполнять обязанности главы государства, однако его настроение менялось по несколько раз в день.

29 ноября Риббентроп в сердитом письме* обвинил Петэна в саботаже «сотрудничества» и потворстве «изменникам», напомнив, что тот же самый состав Национального собрания не только назначил его главой государства, но и объявил войну рейху.

«Упорная борьба против нашей работы по восстановлению Франции и Ваше, г-н маршал, постоянное сопротивление делают невозможным назначение на наиболее важные посты в правительстве и администрации людей, лояльность которых позволила бы проводить политику внутреннего сплочения Франции... По этим причинам Вы, г-н маршал, не должны удивляться, что Имперское правительство

---

* В германских архивах оно не сохранилось. В печати появлялись лишь отдельные фрагменты.

наблюдает за Вашей деятельностью в качестве главы государства с возрастающей сдержанностью. Одно ясно: верховное руководство Французского государства идет по пути, который Имперское правительство не одобряет и не может принять в будущем».

От имени фюрера рейхсминистр сообщил Петэну, что тот волен поступать так, как считает пужным, но Берлин оставляет за собой свободу действий. Петэн капитулировал. Сперва он заявил, что исполнение им обязанностей главы государства ограничено обстоятельствами, но отказался от своего намерения и спрятал проект конституции в ящик стола; затем согласился не требовать отставки Лавалья и ввести в состав кабинета лидера «несоциалистов» Дза в качестве министра труда, шефа военизированных отрядов «милиции» Дарнана в качестве статс-секретаря МВД и «вишистского Геббельса» Энрио в качестве статс-секретаря министерства информации.

«Я прошу только, -- писал он Гитлеру 11 декабря, — чтобы люди, которые входят в правительство и служат ему, были хорошими французами и не проявляли неприязнь ко мне в прошлом». Кризис был разрешен²⁸.

Символическим финалом итальянской «измены» стал Веронский процесс 8 января 1944 года, когда Специальный трибунал приговорил к расстрелу тех, кто в ночь с 24 на 25 июля на Большом фашистском совете проголосовал за ограничение власти Муссолини и тем самым спровоцировал политический кризис. Физически на скамье подсудимых находились всего шесть человек, но в их числе был и Чиано — зять дуче.

Правительство Бадольо посадило экс-министра под домашний арест и начало выяснять происхождение его внушительного состояния. Вместе с семьей Чиано бежал в Германию, где встретился с тестем, но и там оказался пленником. Радикальные фашисты в Сало требовали его смерти, нацисты поддерживали их, Муссолини отошел в сторону. Когда 19 октября Чиано был выдан властям Итальянской социальной республики, его жена Эдда — старшая дочь диктатора — сначала попросила помощи у Гитлера, а потом предложила рейхсфюреру СС сделку: жизнь мужа — в обмен на его дневники и архив, содержавшие «компромат» на Риббентропа. Враждовавший с ним Гиммлер согласился, но рейхсминистр в последнюю минуту узнал об этом предложении и убедил Гитлера пресечь операцию. Фюрер объявил суд внутренним делом Италии, а дуче так и не вмешался,

несмотря на тяжелые душевные муки. Чиано был расстрелян, дневники годом позже попали к американцам, но никакого особого «компромата», кроме брани, там не нашлось. 17 января новый итальянский посол в Берлине Анфузо сообщил Муссолини о том, что «фюрер и Риббентроп говорили о графе Чиано с горечью, но без ненависти»²⁹.

В дальнейшем «эффект Бадольо» повторялся регулярно — под влиянием поражений и потерь, особенно на Восточном фронте, лагерь оси покинули даже такие проверенные союзники, как Антонеску и Хорти. Венгры уже с осени 1941 года начали зондировать почву для переговоров с Англией, а с лета 1942-го контакты, которые велись втайне от немцев через Турцию и Ватикан, приняли официальный характер.

18 марта 1944 года Гитлер и Риббентроп вызвали Хорти в Зальцбург, где ультимативно потребовали сменить правительство и разрешить ввод частей вермахта на венгерскую территорию. В противном случае предполагалось арестовать регента и оккупировать страну, не сохраняя даже видимость ее независимости. Хорти согласился на оба условия, но антигерманские перевороты в Румынии (23–24 августа) и Болгарии (8–9 сентября), их выход из войны и переход на сторону «союзников» показывали, что дни его режима сочтены. В сентябре новый кабинет, на сей раз сформированный из ближайших сторонников регента, начал договариваться об условиях капитуляции. 15 октября Хорти выступил по радио с просьбой о перемирии и обвинил Германию во вмешательстве во внутренние дела Венгрии. Однако в Будапеште немцы сумели сделать то, что им не удалось ни в Риме, ни в Бухаресте, ни в Софии, — сразу после выступления регент и его министры были арестованы и вывезены в Германию, а власть передана лидеру пронацистской партии «Скращенные стрелы» Салашу. Война продолжалась и после того, как в декабре советские войска вступили на территорию Венгрии и там было создано временное правительство³⁰. Даже Турция, которую Папен все эти годы умело удерживал от вступления в войну против оси, была вынуждена поддаться нажиму англичан и в мае 1944-го прекратила поставлять в Германию стратегическое сырье, а 2 августа разорвала с ней дипломатические отношения. Риббентроп осыпал Папена упреками, считая его болтуном, пораженцем и едва ли не изменником, но это — явная несправедливость³¹.

В условиях распада оси наибольшая дипломатическая активность Риббентропа оказалась связана с Финляндией, выход которой из войны произошел при особых обстоятельствах. Воевала она неактивно, мотивируя свое участие не столько «борьбой с большевизмом», сколько желанием вернуть потерянные в 1940 году территории. Президент Рюти и главнокомандующий маршал Маннергейм были уверены в победе рейха, но с течением времени их оптимизм угасал. Осенью 1943 года политики начали открыто требовать выхода из войны, а в начале 1944-го об этом заговорили даже в ставке.

В ноябре 1943 года в Стокгольме Коллонтай сделала заявление о том, что Москва готова принять финских представителей для переговоров, если они не будут требовать «территории, которые им не принадлежат» (Сталин еще 4 августа 1941 года сообщил Рузвельту о готовности заключить мирный договор с Финляндией и сделать ей территориальные уступки в рамках «приобретений» 1940 года). Но самое главное было в том, что СССР не требовал безоговорочной капитуляции Финляндии. Ее правительство отвергло ноябрьское предложение, но после прорыва блокады Ленинграда оказалось более сговорчивым и отправило в Стокгольм бывшего премьера Паасикиви, имевшего хороший опыт переговоров с русскими. 16 февраля 1944 года оно получило условия перемирия, которые германский посланник Блюхер охарактеризовал как «сносные».

26 марта Паасикиви был уже в Москве. Блюхер назвал это «предательством», которое приведет к «большевизации» Финляндии или ее оккупации вермахтом. 22 июня Гитлер послал в Хельсинки Риббентропа, который несколько дней «выкручивал руки» Рюти и министру иностранных дел Рамзаю, требуя декларации о том, что их страна не пойдет на сепаратный мир и останется на стороне рейха. 26 июня президент сделал требуемое заявление. Рейхсминистр одержал дипломатическую победу — последнюю в своей жизни и самую непродолжительную: в конце июля Рюти ушел в отставку.

1 августа президентом стал Маннергейм, который через несколько недель начал переговоры с СССР, дезавуировав заявление своего предшественника. 2 сентября он сообщил немцам о выходе из войны, стараясь сделать это как можно мягче. Ввести войска в Финляндию оказалось невозможным, устроить пронацистский путч тоже. 19 сентября перемирие с «союзниками» было подписано. Маннергейм — единственный из «осистских» правителей — остался на посту, а Финляндия

не была оккупирована. Говорят, что Сталин позже сказал Паасикиви: «Вы должны за все благодарить вашего старого маршала»³².

Вояж в Хельсинки стал последним официальным визитом нашего героя за границу, поскольку дальнейшая дипломатическая деятельность приобрела фантомный характер. Массовый исход «коллаборантов» из освобожденных стран привел к созданию «правительств в изгнании».

Самыми активными оказались французы, поскольку на территории рейха находились два миллиона французских рабочих и миллион пленных. «Добровольно-принудительно» вывезенные из Франции Петэн и Лаваль заявили, что более не исполняют свои обязанности, но немцы держались за авторитет маршала и сорвали проект Лавалья по созыву в июле 1944-го Национального собрания во главе с Эррио как «мостика» между режимами Виши и «Свободной Франции» де Голля.

В конце августа рейхсминистр собрал в ставке наиболее стойких «коллаборантов» — де Бринона, Дза, Дарнана, генерала Бриду, шефа пропаганды Мариона, к которым присоединился пассионарный лидер Французской народной партии Жак Дорио — «подручный Дорио» из стихов Маршака, в прошлом несостоявшийся генсек французской компартии. Риббентроп видел именно его главой нового, национал-революционного правительства, даже если для этого придется расстаться с Петэном, но остальные наотрез отказались сотрудничать с одиозной личностью, с гордостью носившей в годы войны немецкий мундир. Пользовавшийся покровительством Гимmlера, Геббельса и Заукеля, Дорио — подобно Гитлеру и Муссолини — считал для себя возможным только пост главы правительства, поэтому наш герой предложил считать его «будущим премьером»; остальные согласились, понимая, что это будущее никогда не настанет.

В результате на свет появилась Французская правительственная комиссия (позже переименованная в Делегацию по защите французских национальных интересов) во главе с де Бриноном, который 23 августа отказался от поста премьера фантомного кабинета. Дза в ней отвечал за рабочих, Дарнан — за вооруженных волонтеров, Бриду — за военнопленных, журналист Лушэр, давний сторонник франко-германского сотрудничества, — за пропаганду. 1 сентября в Растенбурге Риббентроп представил их и Дорио фюреру. Официальное сообщение о создании комиссии, с санкции Петэна, было

сделано 6 сентября, но маршал не поддерживал с ней никаких контактов.

Получив право экстерриториальности, комиссия расположилась в замке Зигмаринген, над которым развевался французский флаг; здесь же разместились Лаваль и Петэн. Дорио, объявивший себя главой Комитета освобождения Франции, разбил лагерь на острове Майнау и готовился к последней битве за власть (4 ноября Риббентроп долго беседовал с ним), но 22 февраля 1945 года погиб, когда американский самолет расстрелял его автомобиль. Остальные попали в руки «союзников» в мае или бежали кто куда³³.

Еще одним фантомным правительством стал Комитет освобождения народов России (КОНР) во главе с генералом Власовым, о создании которого было объявлено на учредительном съезде в Праге 14 ноября 1944 года. В заключение «тронной речи» генерал сообщил, что 11 ноября его принял Риббентроп (запись их беседы неизвестна), «выразил полное понимание целей, которые ставит перед собой Комитет, и обещал свою поддержку».

«Власовское движение» и участие русских в войне на стороне Гитлера — сложная и до сих пор болезненная тема, поэтому ограничусь тем, что касается рейхсминистра. Среди первых немецких контактов Власова были Клейст и Хильгер, высоко оценившие его политический потенциал, однако соперничество МИД, ОКВ, СС и ведомства Розенберга вкупе с недоверием Гитлера к русским долгое время мешало использовать его. Весной 1943 года Риббентроп добился развертывания «акции Власова» в пропагандистских целях, но в июне Кейтель и Розенберг общими усилиями запретили ему вербовку добровольцев и агитацию на оккупированной территории.

29 июня Хильгер писал шефу, что «замедление или же свертывание акции Власова в настоящий момент самым неблагоприятным образом повлияет на позицию населения оккупированных областей и всерьез поставит под вопрос саму возможность дальнейшего использования частей, сформированных из уроженцев России». Только осенью 1944-го несостоявшийся российский де Голль добился признания со стороны Гимmlера и Риббентропа, который 21 октября телеграфировал в ставку фюрера, что именно он первым предложил привлечь Власова к сотрудничеству, а теперь узнает о его встрече с рейхсфюрером СС «из прессы». Соглашение между КОНР и правительством рейха, заключенное 18 января 1945 года, подписал статс-секретарь МИД Ште-

енграхт. Образцом для него стало соглашение с бельгийским фолькс-фюрером Дегрелем, подписанное 23 ноября 1944 года³⁴.

В упомянутой телеграмме Риббентроп сообщал, что «германо-русский вопрос — это то, чем я занимаюсь ежедневно». 17 июля 1944 года он собрал в ставке Шуленбурга, Хильгера и Гессе, чтобы обсудить очередное предложение японского императора о посредничестве. Фюрер не отверг идею с ходу, заявив, что должен подумать и посоветоваться с дуче, приезда которого ожидал со дня на день. Риббентропа беспокоило, не разорвет ли Япония союз с рейхом, если получит отрицательный ответ, тем более после успешной высадки англо-американских войск в Нормандии. Он сам был готов вести переговоры, однако 20 июля в «Логове» разорвалась бомба, предназначавшаяся Гитлеру, но лишь слегка ранившая его.

Муссолини приехал несколько часов спустя: последняя, как оказалось, встреча диктаторов прошла в обстановке эйфории из-за чудесного спасения. Из книги в книгу переходит рассказ о том, как в этот день Геринг назвал нашего героя просто «Риббентропом» и в шутку замахнулся на него маршальским жезлом. Тот гневно воскликнул: «Я все еще министр иностранных дел, и меня зовут *фон* Риббентроп». Переданное Осима предложение императора было окончательно отвергнуто. По словам Гессе, посол напился и готов был сделать харакири³⁵.

Среди заговорщиков оказалось немало дипломатов, как «восточной», так и «западной» ориентации (покушение было делом рук первых): Шуленбург* и Хассель были казнены по приговору Народного трибунала. Борман потребовал головы Риббентропа: если тот знал о заговоре — он предатель, если не знал — идиот.

Гитлер решительно защитил нашего героя. А если бы он не сделал этого? Если бы тот был снят с должности и угодил в концлагерь, подобно экс-президенту Рейхсбанка Шахту или «отцу геополитики» Хаусхоферу, которых в мае 1945-го освободили «союзники»? Рискну предположить, что суда победителей он бы не избежал, а вот эшафота — вполне возможно. Но этого не случилось, и рейхсминистр начал громко обличать «изменников» и «трусов». Однако уже 30 августа он «передал фюреру памятную записку** с просьбой уполномочить меня немедлен-

* Риббентроп попытался вступить за него, но ему «посоветовали» не лезть не в свое дело.

** Не опубликована. Ее местонахождение неизвестно.

по предпринять зондаж *во всех направлениях* с целью заключения мира... Записку я начал словами: „Задача дипломатии — заботиться о том, чтобы народ не героически погиб, а продолжал существовать. Любой путь, ведущий к этой цели, оправдан, а неиспользование его может быть охарактеризовано лишь как достойное проклятия преступление“. Эти слова были не чем иным, как цитатой из „Майн кампф“, которую я сознательно поставил в самом начале своей памятной записки, чтобы напомнить Адольфу Гитлеру его же собственными словами о задаче любой дипломатии. Я хотел, с одной стороны, обратить внимание на то, что мы уже собрались героически погибнуть, а с другой — на то, что он сам же считал: дипломатия обязана попытаться не допустить этого. Но и памятная записка успеха не возымела, а полномочий, которые я просил, мне так и не было дано» (С. 199).

4 сентября Гитлер снова ответил отказом на авансы Осима, но уже не так резко, как раньше, из чего тот заключил, что дверь не закрыта. Риббентроп объяснил итальянскому послу, что рейх не столько отвергает компромисс, сколько не хочет брать на себя инициативу, дабы это не выглядело мольбой о пощаде. «Не думаю, что Сталин пойдет на переговоры о мире, пока не сомневается в своей силе», — пояснил он Осима в середине ноября, сославшись на программную речь советского вождя в очередную годовщину революции^{*36}.

В частном же порядке возникали самые невероятные идеи. Осенью 1944-го фрау Аннелиз вызвалась поехать в Стокгольм для установления контактов с Коллонтай, чтобы «получить отправные точки для суждения о том, имеются ли вообще какие-либо возможности для серьезного разговора с Россией о мире. Однако Гитлер эту инициативу отверг... В январе 1945 года я решил предпринять последний натиск в этом направлении. Я сказал фюреру: я готов вместе со своей семьей полететь в Москву, чтобы априори убедить Сталина в честности наших намерений; таким образом, я и моя семья послужим своего рода залогом в его руках. На это Гитлер ответил: „Риббентроп, не устраивайте мне никаких историй вроде Гесса!“ Таковая трагическая глава моих попыток прийти к миру с Россией, чтобы затем получить возможность закончить войну компромиссом с Западом» (С. 200). Как

---

* Речь произвела впечатление в Токио, так как Сталин впервые публично отнес Японию к «агрессивным странам». Несмотря на это, она была полностью опубликована в главных японских газетах.

заметил Д. Ирвинг, «германско-советское сближение даже в это время оставалось мечтой Риббентропа»³⁷.

В первых числах января 1945 года Гитлер неохотно согласился на подготовку мирных предложений для Запада. 19 января они были представлены фюреру (известны только в пересказе): Германия сохраняла свои «национальные границы», отказывалась от гегемонии в Европе и экономической автаркии, гарантировала свободу вероисповедания и бралась участвовать в международной акции по переселению евреев. Получив одобрение вождя, Риббентроп подписал бумагу и передал ее доктору Шмидену — видному юристу, связанному с представителем американской разведки в Швейцарии Алленом Даллесом.

«Еврейский вопрос» стал ключевым в последних контактах рейха с «союзниками», ибо Гиммлер, Кальтенбруннер и Шелленберг начали торговать жизнями заключенных евреев — получали за каждого освобожденного определенную сумму в валюте, собирая капитал на случай бегства. Местом переговоров стал Стокгольм, партнерами — банкиры Валленберги, еврейские деятели Шторх и Ольсен и вице-президент шведского Красного Креста граф Бернадот, родственник королевской семьи. МИД ничего не знал об этом, поэтому Гессе едва не лишился дара речи, услышав от Шторха вопрос, сколько он хочет за каждого еврея.

В феврале 1945-го Бернадот приехал в Берлин для переговоров с Гиммлером*. По воспоминаниям Гессе, он сам изъявил желание поговорить с Риббентропом; по свидетельству Клейста, на встрече настоял рейхсминистр. Наш герой, изображавший государственного мужа великой страны, произвел на гостя впечатление бодрого, но оторванного от жизни человека, а речь об угрозе большевизма показалась ему «заезженной пластинкой». Риббентропу нечего было предложить гостю: «союзники» ставили его отставку условием любого компромисса, а на это он не мог пойти даже в полном отчаянии. Наш герой вернул Бернадоту забытую папку с секретными документами, даже не заглянув в нее, — чем немало удивил Клейста³⁸.

После разговора с Бернадотом Риббентроп поручил Гессе составить записку о возможных условиях компромисса как с Западом, так

---

* Другой наиболее известной акцией Гиммлера стали переговоры обергруппенфюрера СС Вольфа с Даллесом в Швейцарии, изображенные в фильме «Семнадцать мгновений весны», снятом по одноименному роману Юлиана Семёнова.

и с Востоком. На столе у министра лежали номера лондонских журналов с фотографиями из концлагерей, которые он когда-то в гневе бросил на пол. «Если все это — правда, — задумчиво произнес он, указывая на них, — то да смилостивится над нами Небо!»

Пребывая в таком настроении, он категорически восстал против предложения Геббельса расстреливать по одному военнопленному за десять мирных жителей, погибших под «союзническими» бомбами: идея пришла в голову министру пропаганды после варварской бомбардировки Дрездена в ночь с 13 на 14 февраля, о количестве жертв которой историки спорят до сих пор. «Только через мой труп», — сказал Риббентроп Штеенграхту и 21 февраля убеждал Гитлера не нарушать Женевскую конвенцию об обращении с военнопленными.

«Фюрер находился в весьма возбужденном состоянии, он резко оборвал меня, однако распорядился приказ не отдавать... Вскоре посол Хевельс зашел ко мне и сообщил: фюрер был намерен... все же такой приказ отдать, и только мое вмешательство удержало его от этого» (С. 200)³⁹.

В записке Гессе указывал, что Германия должна гарантировать свое участие в мирном и коллективном разрешении конфликтов, принять предложенный победителями миропорядок, претендовать только на территории с преобладанием немецкого населения, но иметь право самой определить свое будущее государственное устройство. Риббентроп внимательно прочитал текст (который тоже не дошел до нас), что-то вычеркнул, что-то добавил и стал готовить инструкции для эmissара, уполномоченного просить западные державы принять капитуляцию Германии, пока «большевистский потоп» не захлестнул всю Европу. Он уже был готов примириться с заменой нацистского режима переходным правительством.

Как ни странно, Гитлер согласился с предложениями, но очень скептически оценил шансы на успех. Рейхсминистр задействовал все имевшиеся контакты, включая Вайцзеккера в Ватикане, но отовсюду пошли отказы. Он помирился с Гиммлером (который более искусно вел свою игру), поскольку освобождение евреев, священников и политзаключенных было неременным условием даже не успеха, а просто начала диалога.

17 февраля Гессе отправился в Швецию, встретившись перед отъездом с Клейстом, который пытался запускать пробные шары на советском направлении. Почти месяц в Стокгольме прошел в перегово-

рах с банкирами, сионистами и политиками, не слишком доверявшими гостю. 13 марта Риббентроп принял его для доклада — рейхсминистр лежал больной, в темных очках, в комнате с запавшими окнами.

«Можете ничего не говорить, — произнес он еле слышным голосом. — Я знаю, что все впустую... Наши враги хотят полностью уничтожить Германию. Поэтому они отвергают любую возможность переговоров, которые могут спасти немецкие жизни. Шведы явно переметнулись в западный лагерь и тоже хотят нашей смерти».

Предположив, что депрессия шефа вызвана его докладами, Гессе пояснил, что не все решался доверить бумаге, и Риббентроп заметно оживился. Под конец разговора он уже был бодр и энергичен, жадно выпытывая мельчайшие подробности.

Через три дня он снова вызвал Гессе и предложил ему возвращаться в Стокгольм для установления контактов с... Коллонтай, иронически добавив: «Если хотите, можете вести переговоры и с вашими дорогими западниками, но только в строжайшей тайне».

В тот же день он собрал у себя Гессе, Гауса, Хильгера и советника миссии в Швеции Данкворта, чтобы обсудить, как лучше подобраться к русским. Гессе удивился, что предназначенные ему инструкции не отличались от прежних: Германия предлагала СССР то же самое, что готова была предложить Западу. Риббентроп рассыпался в похвалах русским, «как будто он был советским послом, которому надо убедить национал-социалиста, что Сталин — святой, а большевики — ангелы».

Беседа продолжалась допоздна, пока в час ночи не зазвонил телефон. Риббентроп поднял трубку, через несколько секунд побелел как мел и тихо произнес: «Повторите!» — затем сухо поблагодарил и повесил трубку. Звонил Хевель: Гитлер запретил любые переговоры; под музыку Вагнера он весь вечер изучал предложения и в итоге заявил: «Мы погибнем в битве с большевизмом, но никогда не будем договариваться с ним».

Рейхсминистр подавленно сказал собравшимся, что это — самое большое разочарование в его жизни, и приказал хранить услышанное в строжайшей тайне. Днем позже он обсуждал с Гессе другой план — выдать шведам интернированных французских политиков Эррио, Блюма и Ориоля и даже договорился об этом с Гиммлером, но утечка информации в стокгольмскую прессу сорвала сделку. Вздвигнутый Риббентроп снова и снова посылал за своим экспертом, требуя придум-

мать успешный план и все больше теряя чувство реальности; в итоге он выгнал Гессе со словами, что тот уволен⁴⁰.

К началу апреля относится грустный рассказ Хильгера — еще одного несостоявшегося гонца к русским — о том, как больной Риббентроп сказал ему: «Хочу спросить вас кое о чем и хочу, чтобы вы ответили с полной искренностью. Будет ли Сталин когда-нибудь готов вести переговоры с нами?» — «Герр рейхсминистр, — ответил лучший знаток Советского Союза на Вильгельмштрассе, — не знаю, действительно ли вы хотите спросить меня об этом; если я честно отвечу вам то, что думаю, это вам не понравится». — «Я всегда хотел от вас полной искренности», — перебил его рейхсминистр. «Хорошо, если вы настаиваете, вот мой ответ. Пока в Германии у руля стоит нынешнее правительство, нет ни малейшего шанса, что Сталину снова придет в голову вести с нами переговоры». Лицо Риббентропа налилось кровью, но в это время в дверях комнаты показалась голова фрау Аннелиз: «Вставай, Иоахим, пойдем в убежище. Ожидается большой налет на Берлин»⁴¹.

13 апреля Риббентроп распорядился эвакуировать персонал министерства в Фушль: по приказу Гитлера была создана «Альпийская крепость» с центром в Оберзальцберге, но сам фюрер отказался покинуть окруженный Берлин, несмотря на уговоры приближенных, включая нашего героя⁴².

14 апреля начался исход германских и иностранных дипломатов из гибнущей столицы. Прощаясь с Риббентропом, Осима едва сдерживал слезы. Рейхсминистр отказался уезжать, желая до последней минуты находиться вблизи вождя и не переставая надеяться на чудо. Гитлеру и Геббельсу чудом показалась смерть Рузвельта, последовавшая 12 апреля: они впали в эйфорию, но наш герой не проявил по этому поводу никакого энтузиазма⁴³.

20 апреля он поздравил фюрера с днем рождения, но ему отвели всего десять минут. 23 апреля они встретились последний раз — в бункере рейхсканцелярии. Сведения об этой беседе противоречивы: некоторые утверждали, что диктатор вообще не хотел видеть министра, но именно ему поручил передать свою «последнюю волю» противнику. Гитлер едва ли не впервые признал, что война проиграна, велел вступить в переговоры с англичанами и убедить их объединить силы «нордических народов» против «азиатско-большевистских орд», а также изложить это в письме к Черчиллю⁴⁴.

24 апреля Риббентроп выехал из Берлина на автомобиле в Плён (земля Шлезвиг-Гольштейн) в ставку Дёница, назначенного главнокомандующим на Севере. В тот день советские войска захватили аэропорт Темпельхоф, и редкие самолеты, прорывавшиеся в центр столицы, приземлялись на Уитер-ден-Линден, вдоль которой были спилены деревья. Немного отъехав от Берлина, он связался с рейхсканцелярией и заявил, что хочет вернуться и быть рядом с фюрером, но тот приказал ему покинуть зону боевых действий и ждать дальнейших указаний.

Оказавшись в штаб-квартире войск, оборонявших город с востока, рейхсминистр попросился в разведку с явной целью найти гибель на поле боя, но командующий генерал Вейдлинг запрестил это⁴⁵. Затем следы нашего героя временно теряются — мы встречаем его лишь поздно вечером 30 апреля на аэродроме Виттшток близ Килия.

В этот день в три тридцать пополудни Адольф Гитлер застрелился в бункере рейхсканцелярии. Только ирландский премьер Имон де Валера выразил германской миссии в Дублине официальные соболезнования по поводу кончины главы государства. В соответствии с завещанием вождя новый рейхсканцлер Йозеф Геббельс сформировал кабинет, в котором министром иностранных дел стал имперский наместник Нидерландов Артур Зейсс-Инкварт. Государственная служба Иохима фон Риббентропа, какой бы призрачной она ни была в последнее время, закончилась, но, узнав об этом, он испытал горькое разочарование.

1 мая Геббельс добровольно отправился вслед за обожаемым им фюрером. Находившийся во Фленсбурге, расположенном неподалеку от датской границы, рейхспрезидент Карл Дёниц поставил во главе МИД графа Лютца Шверин фон Крозигка — бессменного министра финансов с 1932 года. 2 мая в телефонном разговоре Дёниц решительно отказался от услуг Риббентропа, который поэтому не поехал во Фленсбург, а перебрался в занятый англичанами Гамбург. 23 мая кабинет Дёница в полном составе был арестован «союзниками».

Последней политической акцией теперь уже бывшего рейхсминистра иностранных дел стало послание Черчиллю, которое он написал по-английски. Пересылая его Сталину, адресат назвал письмо «отменно длинным и скучным», но причиной тому было душевное и физическое состояние автора. Заявляя, что только он знает подлинную

«последнюю волю» фюрера, Риббентроп многословно уверял, что Гитлер стремился к союзу с Англией, но не сказал при этом ничего конкретного. Не меньшее место было отведено самооправданию в свете предстоявшего суда: напоминая, что он только исполнял служебный и гражданский долг, наш герой призывал победителей к «великодушию» и «честной игре». Послание дошло до Черчилля уже после того, как его автор оказался в плену у англичан, и никакого эффекта не произвело⁴⁶.

Глава тринадцатая

Последний раунд (1945–1946)

Победители начали розыск «военных преступников», движимые не только желанием возмездия, но и стремлением заполучить секреты Третьего рейха и их носителей. Риббентроп попал к ним в руки одним из последних. Он был арестован ночью 14 июня 1945 года в гамбургской квартире, где скрывался у знакомых: на него донес сын соседей. Британский лейтенант Джеймс Адам застал его спящим в постели. Со сна наш герой забормотал что-то по-немецки, но быстро сообразил, что происходит, и перешел на английский: «Игра окончена. Поздравляю. Вы знаете, кто я такой. Если бы вы пришли двумя днями позже, я бы уже сдался сам»¹.

Его препроводили в местную штаб-квартиру оккупационных войск, обыскали, изъяв ампулу с ядом, и начали допрашивать; пленник настаивал, что будет говорить по-английски.

В те дни распространился слух, что американцы арестовали Риббентропа в Бремене, поэтому англичане задались вопросом, кто же попал к ним в руки.

Разгадка нашлась на удивление быстро: в Гамбург прибыл корабль с высланными из Турции германскими дипломатами, в числе которых были советник Альберт Йенке и его жена Ингеборг — младшая сестра бывшего рейхсминистра. Их трогательная встреча разрешила все со-

мнения. Это было последнее свидание Риббентропа с ближайшими родственниками до оглашения приговора.

Сразу после окончательной «идентификации личности» его переправили в Бад-Мондорф — курортное местечко в Люксембурге, превращенное в тюрьму для высокопоставленных нацистов. Официально она называлась Центр союзного верховного командования для граждан оси, но аббревиатура ее английского названия Allied Supreme Headquarters Centre for Axis Nationals выглядела как ASHCAN, то есть... пепельница. Риббентроп получил номер 31G35002. Под строгим надзором американского полковника Бёртона Эндрюса бывшим лидерам стран оси предстояло стать не более чем пеплом — они были низведены до статуса простых военнопленных, но лишены многих из полагавшихся им прав (справедливости ради отмечу, что избиения и издевательства почти не практиковались).

Единственным утешением была возможность свободно общаться друг с другом — каждое слово записывалось с помощью потайных микрофонов. Но говорить Риббентропу было не с кем: когда он попросил Геринга прочесть первый набросок своих мемуаров — восемьдесят пять страниц, — рейхсмаршал посоветовал ему засушить манускрипт куда подальше. Отметив депрессивное состояние бывшего рейхсминистра, не имевшего никаких сведений о жене и детях*, тюремные врачи занесли его в список потенциальных самоубийц и усилили наблюдение за ним.

Допросы в Мондорфе начались с вопросов о германо-советских пактах 1939 года и секретных протоколах к ним, но Риббентроп наотрез отказался говорить об этом. Темой номер два стали концлагеря как самое шокирующее преступление гитлеровского режима и один из главных пунктов обвинения на готовившемся процессе.

«Но вы-то о них знали», — угрожающе произнес один из британских офицеров. «Я никогда не знал, — ответил Риббентроп, — правда ли то, что о них печатали в (лондонских. — В. М.) газетах... Я узнал об этом только в Гамбурге... Мы знали о существовании концлагерей, но не ведали, что там происходит».

---

* В конце апреля 1945 г. фрау Аннелиз, после того как муж запретил ей вернуться в Берлин, вместе с младшими детьми переехала из Кицбюэля в Австрийских Альпах в дом генерала Занне на озере Аммер близ Мюнхена, где была интернирована американцами 9 июня.

Правда ли это? Вопрос станет актуальным не только для Германии, но для любого случая «преодоления» или «изживания» тоталитарного прошлого. Кто виноват? Знали или нет? Если знали, то почему молчали?

О чем Риббентроп наверняка должен был знать, так это о военных преступлениях вермахта на оккупированных территориях, включая СССР, потому что советские ноты протеста доставлялись на Вильгельмштрассе через шведскую миссию и Красный Крест. Этого он не отрицал, но отвечать на них министерство, как правило, не считало нужным². «Ответом» стала эксгумация трупов польских офицеров в Катыни в 1943 году.

Теперь обратимся к свидетельству Гессе. Осенью 1944-го ему в руки попали английские журналы «The London Illustrated News» и «The Sphere» с репортажами из концлагерей на освобожденной польской территории и многочисленными фотографиями. Гессе был потрясен. Разумеется, антисемитская политика Гитлера ни для кого не составляла секрета, но Гессе не знал о наличии систематического плана уничтожения евреев. Обеспокоенный возможной реакцией, прежде всего в нейтральных странах, на такие разоблачения, эксперт оперативно подготовил перевод статей и вручил их рейхсминистру, который был поражен не меньше, заявил, что никогда ни о чем подобном не слышал, и обещал поговорить с Фюрером.

Результат оказался неожиданным: через несколько дней разгневанный рейхсминистр, в присутствии подчиненных, швырнул газеты к ногам Гессе. «Фюрер дал мне слово чести, — выкрикнул он, — что это — самая бессовестная фальшивка, какая только может существовать, и что в этих публикациях нет ни единого слова правды. Я запрещаю впредь представлять мне подобные вещи и даже упоминать о них!»

Картину довершил Хевель в приватном разговоре с рассказчиком: «Риббентроп действительно показал Гитлеру ваше досье. Фюрер был в бешенстве, поскольку эта жалкая трусливая банда — он имел в виду СД (службу безопасности. — В. М.) — вовремя не уничтожила следы обоих лагерей и они оказались в руках противника. Фюрер распорядился, чтобы виновные были наказаны... Он не давал Риббентропу никакого слова чести, что эти фотографии — фальшивка. К сожалению, они подлинные»³.

В ходе дальнейших допросов Риббентроп изменил свои показания и заявил, что впервые узнал о творившемся в концлагерях в сентябре

1944-го из сообщений германских представителей в нейтральных странах: «Я собрал эти телеграммы и представил их фюреру. Я сказал, что если это правда, то невозможно вести никакую внешнюю политику. Он взял все в свои руки и заявил, что меня это не касается. Вот и все, что я услышал».

По другой версии, Гитлер двусмысленно заметил, что это — «дело Гиммлера, и его одного»⁴.

Думаю, что рейхсминистр, который, по мнению большинства мемуаристов, к описываемому моменту утратил чувство реальности, отказался верить в то, что узнал, и спрятал голову в песок, подобно страусу. Но был и еще один фактор, обычно упускаемый из виду. Союзники выиграли Первую мировую войну не в последнюю очередь благодаря масштабной кампании дезинформации о «немецких зверствах» в Бельгии и во Франции: «младенцы с отрезанными руками», «повешенные священники», «распятый канадец»... Таким образом они уже в первые месяцы боевых действий перетянули на свою сторону большую часть общественного мнения США. После войны британские газетные магнаты и официальные лица приносили Германии извинения, но сделанного не вернуть⁵.

Когда Риббентроп показал газету с фотографиями из Майданека своему сыну Рудольфу, офицеру танковых войск СС, приехавшему в отпуск по ранению, тот воскликнул: «Папа, неужели ты не узнаешь в этом пропаганду про бельгийских детей с отрезанными руками?!»⁶ Впрочем, на сей раз это была уже не пропаганда...

12 августа Риббентропа и других важных пленников в сопровождении полковника Эндрюса, ставшего их постоянным тюремщиком, перевезли самолетом в Нюрнберг. В иллюминаторе показался любимый Рейн. «Смотрите внимательней, — сказал Геринг, — вы видите его в последний раз». В Нюрнберге — городе партайтагов и нацистских триумфов — их ждали одиночные камеры по восемь квадратных метров с круглосуточным электрическим освещением, тридцатиминутная прогулка на свежем воздухе и запрет общаться с кем-либо, кроме двух священников — лютеранского пастора Гереке и католического падре О'Коннора, тюремного доктора Флюкера и американских психоаналитиков Келли и Гилберта, намеревавшихся войти в доверие к заключенным, чтобы заставить их во всем признаться.

Заточение в Мондорфе теперь казалось им курортом. Несудивительно, что в таких условиях Риббентроп выглядел старше своих

лет, был подвержен постоянным депрессиям, невралгиям и головным болям, чуждался людей, недостаточно следил за своей внешностью (на процессе переводчик Шмидт с трудом узнал его) и порядком в камере, на полу которой постоянно валялись исписанные листы бумаги. Доктор Келли сделал такой вывод: «Он лишился эмоциональной поддержки. Он не мог общаться с женой, а фюрер умер»⁷.

Тюремные психиатры исследовали интеллектуальный уровень (IQ) подсудимых. «Отребье человечества» показало неплохие результаты, которые неоднократно публиковались: у нашего героя — среднестатистические 128 пунктов, но доктор Гилберт вынес следующий вердикт: «Амбициозный эгоист* (не эгоист. — В. М.) и оппортунист, принесший в жертву все нравственные колебания неистребимой жажды к самовозвеличению»⁸.

Жаль, что такие исследования не проводились с членами правительств других стран...

Список подсудимых был обнародован 29 августа. 19 октября им вручили обвинительное заключение. Риббентропу инкриминировались: заговор против мира (новое слово в международном праве!); преступления против мира, то есть «планирование и ведение агрессивных войн»; военные преступления, то есть нарушения обычаев войны; преступления против человечества, прежде всего в отношении гражданского населения.

«Что я должен делать? Помогите мне, герр майор», — растерянно сказал он британскому майору Эйри Ниви, получив текст, в котором числился четвертым в списке злодеев после Геринга, Гесса и Лея. 25 октября Лей повесился в камере, и Риббентроп стал третьим. По просьбе Ниви его защиту взял на себя доктор Фриц Заутер — адвокат Бальдура фон Шираха, но после Нового года они расстались, и Риббентропа защищал доктор Мартин Хорн⁹. Наш герой потребовал вызвать в качестве свидетелей Черчилля, герцога Виндзорского, лордов Ванситарта, Бивербрука, Дерби и Кемсли, а также леди Астор, но судьи подняли его на смех (о других свидетелях — позже).

Международный военный трибунал — задуманный как «суд народов», которому предстояло вынести «вердикт истории», — открылся

---

* Эгоист (*англ.* *egotist*) — самовлюбленный человек, с преувеличенным мнением о себе, своих достоинствах и значении.

в Нюрнберге 20 ноября 1945 года. Это было беспрецедентное событие в мировой истории с юридической, политической и «пиаровской» точки зрения. Победители не протащили побежденных за колесницей триумфатора, как в древности, и не поставили их к стенке без суда, как предлагал Черчилль, но решили соблюсти видимость справедливости, на чем настоял Сталин, располагавший опытом московских показательных процессов. Насколько удастся повторить его в мировом масштабе?

С одной стороны, Риббентроп занимал одно из важнейших мест на скамье подсудимых и был одним из первых кандидатов на виселицу. «Я был министром иностранных дел Адольфа Гитлера, и политика требует осудить меня за это», — философски писал он жене после оглашения приговора (С. 226). С другой — за ним уже просто по должности не числилось преступлений, могущих стать сенсацией. Прокуроров и адвокатов, психиатров и тюремщиков удивляло, что он фактически не пытался защищаться. «Я делал то, что Гитлер говорил мне... Когда Гитлер велел сделать то-то, все просто шли и делали»¹⁰. Людей, не живших в условиях тоталитаризма, это сбивало с толку; им казалось, что перед ними если и не идиот, то, по крайней мере, ничемная посредственность. Более сообразительные заключенные уже начали отмежевываться от фюрера.

Риббентроп продолжал молчать о секретных протоколах в надежде на снисхождение хотя бы одной стороны. Лишь после того как Фридрих Гаус, испуганный перспективой попасть на Лубянку, дал подробные показания (еще раньше, но не так обстоятельно это сделал переводчик Шмидт), а адвокат Гесса доктор Зайдль начал допрашивать нашего героя о протоколах, он что-то промямлил, но советский обвинитель Роман Руденко сразу же попытался оборвать неприятный разговор.

Страны-победительницы договорились не допускать обсуждения болезненных для себя вопросов и дали соответствующие указания судьям, но полного единства между ними не было, и отдельные сюжеты на процессе все-таки фигурировали. Много лет спустя Д. Дебенз — второй французский судья Нюрнбергского трибунала, говорил биографу Риббентропа М. Блоку, что советская сторона вообще рассматривала возможность отвода бывшего рейхсминистра иностранных дел от главного процесса, дабы он не сказал лишнего¹¹. Проверить это утверждение пока не удалось, но стоило бы. Впрочем, англичане и американцы

вряд ли упустили бы такую добычу, причем легкую, учитывая психологическое состояние нашего героя.

Слушание дела Риббентропа должно было начаться 26 марта 1946 года, но он сказался больным. Адвокат сообщил о «вазомоторных нарушениях речи» у своего клиента, который находился в состоянии нервного кризиса, но сделал от его имени краткое заявление: «Как Имперский Министр иностранных дел я был обязан проводить в жизнь внешнеполитические директивы и указания Адольфа Гитлера. За предпринятые при этом лично мною внешнеполитические действия я несу полную ответственность» (С. 208).

Допрос свидетелей пришлось начать в его отсутствие¹². Первым оказался бывший статс-секретарь МИД Штеенграхт, сам в то время находившийся под следствием. Он утверждал, что его шеф не имел никакой реальной власти и влияния на Гитлера, не участвовал в принятии решений, а только слепо исполнял приказы, не был «типичным нацистом» и не разбирался в партийной догматике, противился нападению на Советский Союз и репрессиям против церкви, евреев и военнопленных, а также находился в наихудших отношениях с Гиммлером, Геббельсом и Борманом. Штеенграхт один из немногих рискнул выступить в защиту начальника, но в силу незначительности положения этого свидетеля на протяжении большей части времени его показания не прозвучали достаточно весомо. Недовольство многих подсудимых, включая самого Риббентропа, вызвали выпады против Гитлера, на которого он попытался переложить основную ответственность. Британского обвинителя интересовало отношение рейхсминистра к церковной политике нацистов, американского — определение «типичного нациста», советского — кто еще пытался влиять на внешнюю политику рейха.

Следом давала показания Маргарете Бланк — секретарша нашего героя с начала 1935 года. Не посвященная в государственные тайны, она говорила в основном о его личности — о преданности Гитлеру и психологической зависимости от него, о поглощенности работой, об отсутствии друзей и близких, кроме жены и детей. Обвинение не стало допрашивать ее, а на вопрос о протоколах она лишь могла ответить, что видела запечатанный пакет с надписью «Секретный дополнительный протокол», но не имела представления о его содержимом.

Все с нетерпением ждали показаний переводчика Шмидта, заявившего себя принципиальным противником национал-социализма

и утверждавшего, что его начальник знал о преступлениях режима. Он быстро нашел общий язык с обвинением. Сенсаций в показаниях не оказалось: Шмидт опроверг драматический рассказ британского посла Гендерсона о встрече с Риббентропом 30 августа 1939 года, в канун нападения на Польшу, и неохотно отвечал на вопросы о доходах, замках и имениях бывшего шефа, которого обвинение попыталось представить заурядным мародером. После этого и особенно после представления суду письменных показаний Гауса защитник Хорн решил больше не обращаться к дипломатам, а Риббентроп с горечью записал: «О политике или политическом планировании я со Шмидтом никогда никаких разговоров не вел; не делал этого и фюрер... Никакой критики режима, нашей внешней политики или учреждений Третьего рейха из его уст я ни разу не слышал... Когда теперь Шмидт используется союзническим обвинением в качестве коронного свидетеля против немцев, то это для меня еще одно разочарование в человеке» (С. 210).

Но если Шмидт был не более чем «статистом на дипломатической сцене» (именно так он озаглавил свои мемуары), то Гаус знал куда больше и пользовался доверием рейхсминистра, поэтому о его показаниях тот высказался подробнее: «Гаус многие годы был моим ближайшим сотрудником... Я считал его умным, опытным, а прежде всего порядочным человеком и рассчитывал, что именно он в тогдашних порой довольно трудных условиях (после назначения Риббентропа министром. — В. М.) может быть полезен мне в отношениях с некоторыми господами из министерства. Став министром, я сделал Гауса своим близким сотрудником... С Гаусом я обсуждал все вопросы большой политики. Каждая моя памятная записка фюреру обязательно просматривалась Гаусом, зачастую я устно обсуждал ее с ним, прежде чем продиктовать на машинку. Не было такой важной входящей или исходящей телеграммы, ни одной инструкции важного значения нашим зарубежным представителям, которую Гаус не видел бы, не обговаривал со мной, а часто и сам формулировал. Как до, так и во время войны Гаус принимал в качестве моего ближайшего сотрудника участие во всех внешнеполитических акциях и содействовал их проведению... Гаусу известно о тех серьезных разногласиях, которые возникали у меня с Адольфом Гитлером в течение ряда лет. Он почти единственный хорошо знает, как я порой почти в отчаянии возвращался от Гитлера, поскольку все мои попытки добиться изменения

политики в еврейском и церковном вопросах оставались безуспешными, а мои попытки во время войны побудить фюрера пойти на мирный зондаж тоже не имели никакого успеха. Только с одним Гаусом говорил я о таких расхождениях, в которые ни в коем случае нельзя было втягивать широкие круги; разумеется, внешне я должен был из государственных соображений демонстрировать иную позицию... То, что сегодня Гаус занимает столь жалкую позицию, о которой сообщили мне мои защитники после своей беседы с ним и которая полностью служит интересам обвинения, — это самое печальное из всех моих печальных переживаний. Если он скажет правду, это будет лучше и для германского дела, и для него самого» (С. 211–212).

Абзац, посвященный тому, как рейхсминистр продвигал Гауса по службе и защищал от преследований его жену-еврейку, я опускаю, но забывать об этих фактах все же не стоит.

Каких еще свидетелей мог вызвать Риббентроп? Гитлер, Шуленбург, Муссолини, Чиано, Мацуока, Бек, Чемберлен, Ротермир, Гендерсон, Гаха, Лаваль и Астахов были мертвы. Карл Хаусхофер попал в список «военных преступников», но вскоре был освобожден и покончил с собой в начале марта 1946-го. Интернированный на юге Германии Осима был доставлен американцами в Японию, арестован по обвинению в «военных преступлениях» и ждал начала Токийского процесса, свидетелем на котором должен был выступать интернированный Штамер. Отт предпочел остаться в Китае, куда перебрался еще в годы войны. Почти все премьеры и министры иностранных дел бывших сателлитов рейха, а также германские послы в их столицах сидели в тюрьмах в ожидании приговоров, которые чаще всего оказывались смертными. Боннэ и Гафенку укрылись в Швейцарии — сначала от нацистов, потом от коммунистов. Галифакс был послом в Вашингтоне, остальные видные консерваторы — Черчилль, Иден, Саймон, Хор — остались не у дел после поражения на июльских парламентских выборах 1945 года. До Сталина, Молотова или даже Деканозова было не дотянуться.

На просьбу Хорна откликнулся лорд Лондондерри, приславший письменные показания. Не входя в подробности, он заявил, что Риббентроп выражал волю к улучшению англо-германских отношений и стремился добиться этого и что он, Лондондерри, верил в его искренность¹³. Защита потребовала вызвать Теппанта, но обвинение отвело кандидатуру за «незначительностью».

«Я рад, что был отвергнут, — писал он позже, — и не участвовал в процессе ни в каком качестве, потому что сейчас, думая о Риббентропе, я вспоминаю только человека, которого хорошо знал и с которым работал в 1933, 1934, 1935 гг., а не совершенно другого, каким он стал потом и кого я почти не знал»¹⁴.

Нашему герою пришлось защищаться самому. 28 марта, бледный и подавленный, Риббентроп с толстой папкой в руках появился у свидетельского пульта. После блестящего выступления Геринга, который в первый день допроса буквально разгромил главного обвинителя Роберта Джексона, он смотрелся невыразительно. Герингу, как «лидеру номер два», дали неограниченное время для рассказа об истории нацистского режима; остальных строго ограничили и запретили говорить на «общие темы», включая Версальский договор и его последствия, как будто не они определяли ход событий в Европе.

Несмотря на волнение, Риббентроп отвечал на вопросы адвоката четко и подробно (председательствующий постоянно обрывал и торопил его), очевидно, пользуясь «домашними заготовками», которые составили его воспоминания. Не цитируя его показания ввиду почти дословного совпадения двух текстов, должен отметить важность их публикации в составе стенограммы процесса: уже в 1947 году заинтересованные лица могли ознакомиться с точкой зрения Риббентропа и его видением событий; мемуары вышли в свет в 1952-м, а до русского читателя дошли лишь в 1996 году вместе с фрагментами показаний.

Экс-министр не защищал лично себя и свою политику, потому что «своей» политики у него не было. Он признал, что был «дипломатическим секретарем» фюрера и потому о многом не знал, но возмущился, когда еще один коронный свидетель обвинения — бывший генерал абвера Лахузен — заявил, что Риббентроп 12 сентября 1939 года в разговоре с Канарисом требовал уничтожения польских евреев: он заявил, что не помнит такого разговора и впервые видит Лахузена. Рассказал он и о пресловутых за́мках, пояснив, что бо́льшая их часть находилась в государственной собственности и была предоставлена в его распоряжение для приема иностранных гостей.

Обвинение располагало несравненно более мощной документальной базой, чем защита, и поэтому вело себя агрессивно, но добилось немного. Угрожающий тон подписанных им нот и деклараций бывший глава Вильгельмштрассе объяснял требованием Гитлера проявлять

твердость для достижения своих целей мирным путем, а вовсе не стремлением к агрессии, производство в чины СС (послужной список лежал перед трибуналом) — изменением своего положения в государственном аппарате¹⁵. Короче говоря, он не думал, что может спастись, а потому и не слишком старался. На место Риббентроп вернулся измученным и опустошенным и в последующие дни часто отсутствовал в зале суда по болезни, но в камере тщательно изучал стенограмму своего допроса.

Соседи по скамье подсудимых в разговорах между собой и с американскими психиатрами не скупилась на колкости в его адрес. Но надо сказать и о другом: Риббентроп до последнего защищал фюрера и его режим, что вызывало искреннее удивление Руденко, привыкшего к «чистосердечным признаниям»; не изображал оппозиционера, какими вдруг оказались не только Папен и Шахт, но вполне «сто процентные» нацисты Франк, Ширах и Шпеер. Добавлю, что он сразу же признал лидерство своего бывшего врага Геринга и подчинился «партийной дисциплине», в отличие от тех, кто, подобно Шпееру или Шахту, охотно «топил» других.

5 и 8 июля Хорн произнес защитительную речь по делу своего клиента, суммировав известные аргументы и пустившись в дискуссию по теоретическим вопросам: критиковал нечеткое определение «агрессивной войны» и понятие «заговор», присущее англосаксонскому, но чуждое континентальному праву¹⁶.

Затем снова заговорило обвинение. 26 июля Джексон выступил с заключительным словом, вложив в него весь пафос, на который был способен: Риббентропа он назвал «двуличным торговцем ложью». Руденко говорил два дня — 29 и 30 июля, посвятив бывшему рейхсминистру целый раздел своей речи. Его выступление тоже не нуждается в подробном цитировании, ибо приведенные аргументы можно найти в любой советской или политкорректной западной книге: «Подсудимый Риббентроп участвовал в захвате фашистами власти, играл руководящую роль в планировании, подготовке и развязывании агрессивных грабительских войн, вместе с другими заговорщиками принимал участие, согласно фашистским планам, в руководстве совершением тягчайших преступлений».

Впрочем, сказанное можно трактовать по-разному. Думаю, подсудимый не обиделся на слова прокурора: «Гитлер не ошибся в Риббентропе. Доверие его он полностью оправдал»¹⁷.

Подсудимый пытался спорить с обвинениями и с юрисдикцией трибунала, действовавшего на основании неюридического принципа *ex post facto** и не предоставившего защите равных прав: «Суд состоял только из представителей держав-победительниц, односторонне заинтересованных в осуждении обвиняемых. Они были судьями в своем собственном деле, что противоречит любому представлению о праве».

Впрочем, его заботили не только юридические тонкости: «Каждый немец, осужденный как жертва политической юстиции, станет препятствием на пути столь настоятельно необходимого примирения между немецким и западными народами. Выгоду от этого получают Советы, поскольку эти процессы не без основания считаются в первую очередь делом, в котором заинтересованы американцы» (С. 219—220). Вот и концепция «новой Европы», без СССР и США, получившая немалую популярность уже в начале 1950-х годов. Обвинение, разумеется, оставило всю эту «писанину» без внимания...

31 августа Риббентропу было предоставлено последнее слово.

«Настоящий Трибунал организован с целью выяснить историческую правду. С точки зрения германской внешней политики могу лишь сказать следующее.

Трибунал войдет в историю как образцовый пример того, как, взывая к доселе неведомым понятиям права и духу справедливости, можно обойти стороной кардинальные проблемы двадцати пяти важнейших лет человеческой истории.

Если корни наших бед лежат в Версальском договоре — а они там лежат, — какова была истинная цель того, чтобы предотвратить дискуссию о договоре, который разумные люди, даже из числа его авторов, характеризовали как источник будущих бед, о котором наиболее дальновидные говорили, что его ошибки породят новую мировую войну?

Я отдал более двадцати лет жизни уничтожению этого зла, а в результате иностранные государственные деятели, зная об этом, сегодня заявляют в показаниях, что не верили мне. Им следовало бы написать, что в интересах своих стран они не были готовы поверить мне. Я несу ответственность за ведение внешней политики, определявшейся

---

* Принцип «обратной силы», согласно которому закон может быть применен к деяниям и отношениям, совершенным или существовавшим до его вступления в силу.

другим человеком. Однако я точно знаю, что она никогда не имела отношения к планам мирового господства, но лишь к ликвидации последствий Версаля и к продовольственным проблемам германского народа.

Если я отрицаю, что германская внешняя политика планировала или готовила агрессивную войну, то не для самооправдания. Справедливость этого доказывается мощью, которую мы нарастили в ходе Второй мировой войны, и тем, насколько мы были слабы в ее начале.

История поверит моим словам, что мы бы приготовились к агрессивной войне неизмеримо лучше, если бы действительно затевали ее. Мы лишь намеревались позаботиться о своих элементарных жизненных потребностях, так же как Англия блюдет свои интересы на принадлежащей ей одной пятой мира, как Соединенные Штаты владеют целым континентом, как Россия имеет под своей гегемонией самую большую часть суши. Единственное различие между политикой этих стран и нашей только в том, что мы требовали клочки земли вроде Данцига и коридора, отобранные у нас вопреки всем правам, а другие державы привыкли мыслить в масштабах континентов.

До провозглашения Хартии настоящего Трибунала державы, подписавшие Лондонское соглашение (о преследовании «военных преступников». — В. М.), должны были иметь иные воззрения на международное право и политику, нежели они имеют сейчас. Когда в 1939 году я отправился к маршалу Сталину в Москву, он не обсуждал со мной возможность мирного разрешения германско-польского конфликта в рамках пакта Бриана — Келлога*; он дал мне понять, что, если в дополнение к половине Польши и балтийским странам не получит Литву и гавань Либау, я могу отправляться домой.

В 1939 году начать войну явно не считалось международным преступлением против мира, иначе я не могу объяснить телеграмму Сталина по

---

* Пакт Бриана — Келлога (также: Антивоенный пакт, или Парижский пакт) — договор об отказе от войны в качестве орудия национальной политики; назван по имени его инициаторов — министра иностранных дел Франции А. Бриана и госсекретаря США Ф. Келлога. Подписан 27 августа 1928 г. в Париже представителями США, Франции, Великобритании, Германии, Италии, Бельгии, Канады, Австралии, Новой Зеландии, ЮАР, Ирландии, Индии, Польши, Чехословакии и Японии. Позже к пакту присоединились СССР и еще 48 государств. Вступил в силу 24 июля 1929 г.

окончании польской кампании, в которой говорилось (цитирую): „Дружба Германии и Советского Союза, скрепленная совместно пролитой ими кровью, имеет все основания быть длительной и прочной“^{*}.

Хочу подчеркнуть, выделить тот факт, что в то время даже я горячо желал этой дружбы. Сегодня от нее осталась лишь первоочередная проблема для Европы и всего мира: будет ли Азия господствовать над Европой, или западные державы смогут остановить и отбросить назад влияние Советов на Эльбс, на побережье Адриатики, в Дарданеллах? То есть, говоря практически, сегодня Великобритания и Соединенные Штаты стоят перед той же дилеммой, перед которой стояла Германия, когда я вел переговоры с Россией. Ради моей страны я всем сердцем надеюсь, что в итоге они окажутся более удачливыми.

Что же на деле было доказано этим процессом относительно преступного характера германской внешней политики? Что из более чем 300 документов, представленных защитой, 150 были отвергнуты без убедительных оснований¹⁸. Что защита не получила доступа к вражеским и даже к германским документам. Что дружеский намек Черчилля мне о том, что Германия будет уничтожена, если станет слишком сильной, объявлен не относящимся к делу при оценке германской внешней политики. Революция не становится более понятной, если ее рассматривать с точки зрения заговора.

Судьба сделала меня одним из участников этой революции. Я поражен чудовишными преступлениями, которые стали известны мне здесь и которые порочат революцию. Но я не могу оценивать их все по пуританским стандартам, особенно после того, как увидел, что враг, несмотря на полную победу, не мог и не хотел предотвратить еще более масштабные зверства.

Каждый может оценивать теорию заговора как ему угодно, но с точки зрения критически мыслящего наблюдателя это лишь паллиативное решение. Любой, кто занимал видное положение в Третьем Рейхе, знает, что это просто фальсификация истории, и автор Хартии настоящего Трибунала лишь показал своим изобретением, из какой почвы вырос его образ мыслей.

Мне осталось заявить, что страны, подписавшие Хартию, составили заговор с целью подавления первейших нужд высокоразвитого,

---

^{*} Риббентроп цитирует неточно. Следует: «Дружба народов Германии и Советского Союза, скрепленная кровью, имеет все основания быть длительной и прочной».

талантливому и мужественному народу. Оглядываясь назад на свои действия и желания, могу сделать единственный вывод: я считаю себя виновным перед своим народом — не перед настоящим Трибуналом — лишь в том, что мои устремления во внешней политике не увенчались успехом»¹⁹.

Это политическое завещание Риббентропа следует дополнить фрагментом его последних записей: «Мир должен научиться на опыте прошлого! Немецкий народ разбит и зажат в узком пространстве. Но не вызовет ли такое тяжелое, ужасающее давление в конце концов контрдавление? Действительно ли победители не хотят вновь сделать те же ошибки? Не следует ли им на этот раз быть поумнее и вскрыть корни экономических, а тем самым и политических трудностей в центральноевропейском пространстве и предоставить Германии шанс? Довольная своей жизнью Германия — самая надежная гарантия мира. Пусть правительства государств-победителей на сей счет выберут правильный путь к правильной цели» (С. 225).

Речь произвела сильное впечатление — особенно по контрасту с его же показаниями. Майор Ниви откровенно признался: «В первый раз я почувствовал к нему уважение... Он приобрел вид государственного мужа»²⁰.

Обсуждение приговора бывшему рейхсминистру иностранных дел не заняло много времени: он был единогласно признан виновным по всем четырем статьям обвинения. Советские члены трибунала за него не вступились, ибо занимали самую жесткую позицию по всем вопросам. 1 октября приговор был оглашен.

«Риббентроп был вполне согласен с основными положениями национал-социалистического (хоть тут не «фашистского»! — В. М.) credo... его сотрудничество с Гитлером и подсудимыми по настоящему делу в совершении преступлений... было искренним и добровольным. Риббентроп служил Гитлеру добровольно до конца именно потому, что политика Гитлера и его планы соответствовали его собственным убеждениям».

Итог — смертная казнь через повешение.

Шок прошел быстро, ибо призрак петли уже маячил перед ним. В конце 1944 года лорд-канцлер Саймон — глава британской юриспруденции — выступил в палате лордов с речью о будущем наказании «военных преступников», заявив, что они достойны повешения даже без суда. Текст попал в руки Риббентропу, который передал его Гессе

и поинтересовался мнением своего эксперта. Рейхсминистр не оставлял надежды установить контакт с англичанами, но постоянно наталкивался на сопротивление фюрера.

«Сделайте хоть что-нибудь, — сказал ему Гессе, — попытайтесь сбегать то, что еще можно сбегать. Я осознаю, что вы не спасаете свою жизнь. Вы знаете, что союзники намерены сделать с Гитлером и всеми национал-социалистическими лидерами». Побледнев, шеф посмотрел ему в глаза и тихо спросил: «Вы действительно думаете, что союзники... нас всех... повесят?» — «Почему нет?» — философски ответил тот.

Разговор перешел к речи Саймона. Охарактеризовав его как «умеренного, благородного и ответственного человека», Гессе заявил: «Можете быть уверены, что, если он заявил Палате лордов, что так называемые „военные преступники“ (разумеется, включая все правительство Рейха) достойны повешения, он сказал это не в гневе, не от избытка эмоций, но тщательно обдумав и с уверенностью, что выражает волю всей Англии. Вы также можете быть уверены, что он не произнес бы ничего подобного, если бы не знал, что Рузвельт (который ненавидит нас до последней степени), французы и, конечно, Сталин поддержат это требование»²¹. Гессе не прав в одном — именно советский вождь был против бессудных расправ над побежденными.

Виртуальным повешением Риббентропа, в полной парадной форме, на фонаре перед главным входом в здание МИД завершается его биография, написанная П. Шварцем и опубликованная в Нью-Йорке в 1943 году²². Судя по всему, герой успел прочитать ее; неясно только, во время войны или уже в Нюрнберге. Подсознательную боязнь веревки доктор Гилберт увидел и в том, что 14 марта Риббентроп явился в зал суда без непременно галстука и с расстегнутым воротником рубашки, пожаловавшись, что он слишком тесен. Гилберт все же уговорил его надеть галстук, не застегивая воротника²³.

Счет пошел на дни. Апелляция в Союзный совет, разумеется, ничего не дала. Обращаясь уже не к судьям и даже не к современникам, а к потомкам, Риббентроп лихорадочно работал над мемуарами, а незадолго до казни составил нечто вроде завещания:

«Тюремной администрации.

Прошу передать мои личные вещи, перечисленные ниже, моему адвокату д-ру Георгу Фрешману, № 36 Вейландштрассе, Нюрнберг, для передачи моей жене Аннелиз фон Риббентроп.

36 000 марок наличными, не считая суммы, переданной моей жене Аннелиз фон Риббентроп полковником Эндрюсом. Думаю, вторая сумма составляет 3600 марок.

Одни золотые наручные часы «Лонжин». У д-ра Фрёммана или г-на Кунце есть тюремная квитанция на эти часы.

Различные фотографии и письма, находящиеся в сумке в моей камере.

Два документа защиты (голубые) в той же сумке.

Один костюм, одна пара серых брюк.

Различное белье.

Мои мемуары, страницы 108—126.

Одна записка о политике в отношении евреев.

Два золотых зубных моста.

И. фон Риббентроп».

Американец-тюремщик присвоил документ в качестве сувенира; думаю, сейчас на престижном аукционс он стоил бы дорого. Часы «Лонжин» и 810 марок отдали семье. Финансовое управление четырехдержавной комиссии (так она официально называлась) приняло 22 000 марок, которые неизвестно куда подевались, как, впрочем, и остальные деньги, в отчетах не упомянутые²⁴. Но рукописи мужа Аннелиз получила все. После оглашения приговора Риббентропу наконец-то разрешили встретиться с женой и старшим сыном, что дало ему заряд бодрости. Даже М. Блок, не жалевший для своего героя уничижительных характеристик, признал, что он «проявил мужество и достоинство в последние две недели жизни»²⁵.

Аннелиз проявляла мужество и достоинство в ходе всего процесса.

«Не имея возможности больше года видеть мужа в тюрьме, — писал доктор Келли, — она тем не менее регулярно приходила и часами ждала в надежде хоть косвенным путем услышать словечко от него. Из всех жен „военных преступников“ она была самой активной в организации и помощи защите мужа»²⁶.

Рудольф был отпущен из лагеря для военнопленных; в разговоре он посоветовал отцу критичнее отнестись к Гитлсру, чем немало шокировал того²⁷.

Перед казнью он написал жене: «Я пройду свой путь гордо, несломленным, с твердой верой в вечную жизнь. Я снова беру твоё дорогое лицо в мои руки и снова глубоко гляжу в твои глаза со всей той

бесконечной любовью, которую только способен испытывать человек к другому человеку. Прощай... Я говорю тебе: до свидания в ином мире. Да поможет тебе Бог» (С. 228).

В более раннем письме прозвучали горькие слова: «Сегодня я принадлежу к числу тех, кого размолоти жернова мировой истории» (С. 227).

Иоахим фон Риббентроп встретил последний час стоически. Ему пришлось первым взойти на эшафот, потому что «подсудимый номер один» Геринг обманул тюремщиков, раскусив припрятанную ампулу с цианистым калием. На рассвете 16 октября 1946 года бывший рейхсминистр иностранных дел был повешен. Риббентроп боролся со смертью, по одним сведениям, десять, а по другим — целых девятнадцать минут. Уходя в иной мир, он произнес: «Боже, защити Германию! Мое последнее желание, чтобы Германия сохранила свое единство и чтобы Восток и Запад договорились об этом между собой» (С. 228).

Как и все казненные в Нюрнберге, Риббентроп был лишен права на могилу: тела повешенных раздели догола, уложили в простые деревянные гробы, в обстановке строжайшей тайны вывезли в концлагерь Дахау, находившийся под контролем американцев, и сожгли в печи крематория, а пепел выбросили в реку, приказав всем участникам забыть, где именно это было сделано.

* * *

В последнем письме к Аннелиз были такие слова: «Ты, моя любимая жена, должна теперь отдать все твое храброе сердце и всю любовь, которую ты питала ко мне, целиком и полностью нашим детям. Я знаю, что могу вполне на тебя положиться. Ты должна знать, что это — мое последнее утешение, которое я унесу с собой» (С. 228).

Фрау Аннелиз вторично замуж не вышла, оставшись верна памяти Иоахима. В 1953-м она опубликовала его неоконченные мемуары и предсмертные записи, снабдив их дополнениями и примечаниями, а затем не раз выступала в печати, доказывая, что истинным виновником Второй мировой войны является Великобритания, а ее муж всеми силами пытался предотвратить конфликт с ней. Умерла она в 1973 году.

Насколько я смог выяснить, все пятеро детей Иоахима и Аннелиз живы до сих пор. Старший сын Рудольф добровольцем участвовал

в польской кампании, затем воевал на Восточном фронте в составе элитной 1-й танковой дивизии СС «Лейбштандарт Адольф Гитлер» и считался одним из танковых асов рейха. Он дослужился до гауптштурмфюрера (капитана), был пять раз ранен и восемь раз награжден, в том числе Железным крестом I и II степеней, Рыцарским крестом и Военным орденом Германского Креста. Взятый в плен американцами в Австрии 8 мая 1945 года, Рудольф фон Риббентроп вскоре вышел на свободу и позже женился на Марион фон Штремпель, скончавшейся в 2002-м; детей у них не было.

Средний сын Адольф в 1985 году женился на графине Марии фон-унд-цу Эльтц; у них два сына: Рудольф (1989 года рождения) и Фридрих (1990 года рождения). Адольф фон Риббентроп держит художественную галерею в старинном городке Элтваиль на Рейне, где экспонирует произведения авангардистского искусства, которые его отец едва ли бы одобрил.

Младший сын Бартольд женат на Биргитте фон Тротта; их сын Себастьян (1971 года рождения) в 2001-м женился на баронессе Изабелле Шулер фон Зенден, причем бракосочетание состоялось в Фушле. Бартольд фон Риббентроп возглавлял филиал «Дойче банка» в Нью-Йорке, куда был «сослан» из центрального руководства в 1991 году, а затем руководил телекоммуникационной компанией в Германии. Член самых престижных клубов Старого и Нового Света, он, однако, предпочитает как можно реже видеть свое имя на страницах газет.

О судьбе дочерей Беттины и Урсулы я ничего не знаю, кроме того, что потомки одной из них живут в Англии. Почти все дети бывшего рейхсминистра породнились с представителями германской аристократии, войти в круг которой он так стремился²⁸.

Иоахим фон Риббентроп ушел в мир иной с клеймом «нацистского преступника», не предполагавшим ни обсуждения, ни, тем более, пересмотра «вердикта истории». Попытки поставить под сомнение правомочность Нюрнбергского трибунала в целом нашего героя, как правило, не касались. Однако сегодня, когда нам известно гораздо больше, чем его обвинителям, защитникам и судьям, можно задать вопрос: заслуживал ли он виселицы?

Риббентроп был близким, но отнюдь не ближайшим сотрудником Адольфа Гитлера и соучастником его деяний. Его роль и влияние несопоставимы с ролью и влиянием его «коллег» — Молотова при Сталине, Идена при Черчилле, Хэлла при Рузвельте и других. Он исполнял приказы фюрера, как любой член кабинета должен исполнять приказы главы государства или правительства. Он далеко не во всем соглашался с Гитлером и пытался по мере сил проводить собственную политику, которая могла привести к гораздо менее разрушительным последствиям. Наконец, он «не расстреливал несчастных по темницам» и не отдавал приказы о бессудных казнях, хотя бы просто потому, что не имел на это права. Дипломат на службе преступного режима — преступник, но не из числа главных и тем более «военных». При том что именно победители решают, какой режим — «преступный», а какой — нет.

Риббентропу можно поставить в вину многолетнее сотрудничество с Гитлером, от чего он не отрекался и за что готов был нести ответственность. Он не хотел лишь отвечать за то, чего не совершал, не предлагал и против чего выступал. Остается риторический вопрос: почему не боролся против Гитлера или хотя бы не подал в отставку? Отбросив риторiku, зададим встречный: к чему бы это привело, кроме возможного смягчения участи самого Риббентропа? К приходу на этот пост Геринга, Розенберга или Геббельса. Было бы это лучше для Германии и других стран? Пусть читатель ответит сам.

В истории жизни Риббентропа прослеживаются несколько трагедий. Трагедия советника вождя, к чьему мнению не прислушиваются, но и не отпускают от себя. Трагедия талантливого, но слабовольного человека, который не может настоять на своем, но и не способен отказаться от своего. Трагедия добропорядочного буржуа, связавшегося с революционерами. Трагедия чужака в сплоченной команде...

Иоахим фон Риббентроп уже ответил за все, в чем его обвиняли. Теперь пришла пора спокойно разобраться в бывшем и небывшем.

Приложения

О характере формирования будущих германо-английских отношений

(2 января 1938 г.)

По мере осознания того, что Германия не желает связывать себя сохранением status quo в Центральной Европе и рано или поздно возможно военное столкновение в Европе, надежда на понимание со стороны дружественных ей английских политиков (если только они в настоящее время не играют всего лишь предназначенную им роль) постепенно исчезает. Тем самым поставлен судьбоносный вопрос: не окажутся ли Англия и Германия в конечном счете поневоле в разных лагерях и не придется ли им однажды снова выступить друг против друга? Для ответа на этот вопрос необходимо принимать в расчет следующее.

Изменение status quo на Востоке в германском понимании осуществимо лишь насильственным путем. До тех пор пока Франция знает, что Англия, так сказать, взяла на себя ответственность за предотвращение опасности, грозящей Франции со стороны Германии, и стоит за ней, выступление Франции на стороне своих восточных союзников (а тем самым германско-английская война) является вероятным и, во всяком случае, всегда *возможным*. Это верно даже в том случае, если сама Англия войны не хочет. Англия, считающая, что она должна

защищать свои интересы на Рейне, просто-напросто будет автоматически втянута в нее Францией. Таким образом, форсирование германско-английской войны путем германско-французского конфликта практически находится в руках Франции. Отсюда следует далее, что война между Англией и Германией из-за Франции может быть предотвращена только в том случае, если последняя заранее знает, что сил Англии для обеспечения совместной победы не хватит.

Такая ситуация могла бы заставить Англию, а тем самым и Францию в силу необходимости примириться с некоторыми такими вещами, которые *сильная* англо-французская коалиция никогда бы не потерпела. Такой случай мог бы, к примеру, возникнуть, если бы Англия ввиду ее недостаточного вооружения или вследствие угрозы своей империи со стороны превосходящей группировки держав (например, Германии, Италии, Японии), а тем самым сковывания ее сил в других местах оказалась неспособной обеспечить Франции достаточную поддержку в Европе.

Что же касается вопроса о расстановке держав в виде различных группировок, то она зависит от дальнейшего хода развития, от нашей политики союзов, а также и от характера последующего формирования отношений Англии с Америкой.

Неблагоприятным для Англии явилось бы, если бы ей пришлось одной, будучи еще недостаточно вооруженной, противостоять указанной коалиции. Однако эта расстановка сил должна быть прочной, и у Англии, как и у Франции, не должно существовать никакого сомнения насчет того, что Италия и Япония твердо стоят на нашей стороне и в надлежащем случае совместные силы данной группировки будут незамедлительно введены в бой. Италия и Япония столь же серьезно заинтересованы в сильной Германии, как и мы — в сильной Италии и сильной Японии.

Существование новой Германии стало в последние годы большим преимуществом для экспансионистских стремлений обеих стран. Если мы будем указывать на это, а также на те цели, которых нам следует в будущем совместно добиться, нам удастся обеспечить, чтобы в соответствующий момент обе эти державы заявили о своей солидарности с нами. В такой ситуации было бы возможно, что Англия в случае конфликта Германии с одним из восточных союзников Франции удержала бы последнюю от вмешательства в этот конфликт, дабы он остался локализованным, а самой Англии в результате французского вмеша-

тельства в него не пришлось бы в неблагоприятных условиях сражаться за свою мировую империю в трех местах: в Восточной Азии, на Средиземном море и в Европе. Ради локальной центральноевропейской проблемы Англия, даже если бы она стала значительно сильнее Германии, по моему мнению, не рискнет пойти на борьбу не за жизнь, а за смерть за свою мировую империю. Франция же в таком случае едва ли решилась бы одна, без Англии, устремиться на германские укрепления на Западе.

Решающим обстоятельством кажется мне в данной связи та быстрота, с которой центральноевропейский конфликт будет победоносно завершен. При молниеносном успехе, я уверен, Запад не выступит. Затяжка же его могла бы вызвать у вражеских государств впечатление, будто они все-таки переоценили силы Германии, и, таким образом, момент вмешательства западных держав приблизился бы.

По этим причинам, как я полагаю, мы и впредь заинтересованы в укреплении оси Берлин — Рим и треугольника Берлин — Рим — Токио, а также во вступлении других государств в эту группировку. Чем сильнее дружественная нам группировка, тем легче было бы в предполагаемом конфликте Германии в Центральной Европе удержать в стороне от него Англию, а тем самым и Францию, обеспечить к нашей пользе его локализацию. Я даже считаю, что мы должны постоянно крепить эту дружбу и устанавливать дружеские отношения со всеми странами.

Бывший французский премьер-министр Фланден в одной статье о коалициях Германии, Италии и Японии и обеих демократий Англии и Франции плюс Россия писал недавно, что каждая из них сама по себе стремится привлечь как можно больше стран на сторону своих воззрений. При рассмотрении успешных усилий Англии в этом смысле (упомяну, к примеру, Португалию, которая вновь быстро сближается с нею и куда не так давно прибыл бывший личный секретарь Остина Чемберлена (Селби. — В. М.), а также Турцию, на которую сильное проанглийское влияние оказал (посол. — В. М.) сэр Перси Лоррэн, один из лучших британских дипломатов) создается впечатление, что эта информация Фландена исходит от его английских друзей. Но в первую очередь Англия и в будущем будет стараться ослабить ось Берлин — Рим, а также расчленить треугольник Берлин — Рим — Токио.

Влиятельные круги в Англии постоянно ведут работу, направленную на достижение взаимопонимания с Италией, а также Японией.

Так, в Японию Форин офис послал летом своего лучшего сотрудника сэра Роберта Крейги. Ради того, чтобы иметь возможность защитить сердце Британской империи, Англия, на мой взгляд, в данный момент будет делать все, дабы даже с большими жертвами для себя вновь установить хорошие отношения с Италией и Японией, то есть нанести ущерб Германии. По моему разумению, Германия, Италия и Япония должны, напротив, крепко держаться друг за друга, ибо именно в этом и состоит сила их позиции на мировой арене. Мне кажется, следует порекомендовать всем этим трем государствам стремиться к дружбе с любым, даже самым малым государством в сфере своей досягаемости. Это принесет пользу также с точки зрения разведки и пропаганды, а в случае серьезного конфликта, как я полагаю, чем больше будет таких друзей, тем лучше. Опасно было бы из-за неопределенной английской дружбы не сделать выбора в пользу других стран и отказываться от надежных дружественных отношений с ними. В результате можно оказаться сидящими между стульями. Вопрос о том, должна ли та или иная дружба поначалу предпочтительнее устанавливаться или поддерживаться в нежесткой форме или же было бы лучше, чтобы она сразу заключалась в какой-либо определенной форме (например, антикоминтерновского движения), должен, по моему мнению, в каждом отдельном случае решаться особо.

Что касается Англии, то наша политика, как я считаю, должна и далее быть направлена на компромисс при полном соблюдении интересов наших друзей. Нам следует и впредь укреплять у Англии понимание того, что компромисс и взаимопонимание между Германией и ею в конечном счете все же возможны. Эта перспектива смогла бы, например, в случае локального конфликта в Центральной Европе, не затрагивающего жизненные интересы Англии, оказать сдерживающее воздействие на возможные намерения правительства последней вмешаться в данный конфликт.

Все же было бы лучше, если бы наша вырисовывающаяся расстановка сил в настоящее время выглядела для внешнего мира по форме еще не вполне закрепленной. Однако в долгосрочной перспективе это никоим образом не меняет того факта, что образование двух противостоящих друг другу фронтов со временем будет поневоле становиться все более явным.

На вопрос, сможет ли быть *тогда* вообще еще найден германо-английский компромисс, на мой взгляд, следует ответить таким образом:

если Англия с ее союзами окажется сильнее, чем Германия и ее друзья, она, по моему разумению, рано или поздно удар нанесет. Если, напротив, Германии удастся осуществить свою политику союзов так, что германская группировка будет сильнее или равноценна английской, Англия, возможно, все же попыталась бы еще достигнуть компромисса. Однако при застывших фронтах внезапный компромисс между ними при наличии весьма разноречивых интересов кажется мне невыполнимым.

Попытка достижения его могла бы быть предпринята только двумя противостоящими друг другу государствами, причем за счет своих партнеров по группировке. Следуя этому ходу мыслей, можно было бы, например, представить себе теоретически, что Англия, оказавшись перед лицом превосходящей группировки, вдруг предложила бы Германии далеко идущий компромисс. Такой поворот политики на 180 градусов довольно часто происходил в истории ранее, когда войны являлись личным делом монархов, а народы зачастую даже не знали, за что сражаются. В нашем нынешнем, современном, политизированном мире он едва ли мыслим, а уж в странах демократии наверняка неосуществим.

Германский же вклад в такой компромисс мог бы быть произведен только за счет наших друзей. Такого рода политика, на мой взгляд, для Германии невозможна. Не говоря о других причинах, такая политика шатаний из стороны в сторону таила бы в себе чудовищный риск, а именно риск изоляции, ибо какую гарантию смогла бы получить Германия от Англии, что та будет действительно соблюдать такую договоренность, вынужденную крайней необходимостью? Лично мне кажется, что подобной гарантии вообще не существует.

Поэтому на вопрос, возможно ли еще германо-английское взаимопонимание, следует ответить: пока фронты еще не застыли, такое соглашение само по себе еще мыслимо. Однако, как видно из данной записки, это дело весьма трудное, ибо Германия желает формировать свое будущее иначе, чем, по всей видимости, готова дозволить нам Англия в случае совместной политики.

Только энергичные действия британского премьер-министра в нашем духе и против вышеупомянутых крупных актов сопротивления, возможно, еще смогли бы повернуть ход событий. Можно было бы представить себе, что британский премьер-министр (если только он не поддастся психозу относительно германской силы и германского

стремления к могуществу, а принципиально верит в возможность германо-английской дружбы) все еще охотно будет искать такой широкий, трезвый компромисс, не ставя при этом под угрозу чисто английские жизненные интересы. Это тот самый тезис, который столь подчеркнуто отстаивает в последние месяцы в «Обсервер» Гарвин. Когда я недавно спросил Чемберлена, каково его мнение насчет этих последних статей Гарвина, в ответ он лишь произнес: «Слишком длинные, а потому я их не читаю».

Очищающее воздействие на атмосферу в Европе могла бы оказать четкая английская уступка в желаемом нами духе по австро-чехословацкому вопросу. Но, насколько я могу судить по имеющемуся у меня до сих пор опыту, такой поворот невероятен, и полагаю, что в лучшем случае Англия однажды будет силой обстоятельств вынуждена терпимо отнестись к такому решению. Мое суждение, что официальными переговорами с Англией эта проблема решена быть не может, подкрепляется тем фактом, что Чемберлен и в области внутренней, и в области внешней политики увяз (вместе с Францией) в такой системе, которая делает принятие крупных решений бесконечно трудным.

Если же фронты однажды застынут, то тогда лишь аномальные перемещения центров власти или же события в Европе либо во всем мире (большевизация Франции, крах России, серьезные изменения у наших партнеров) смогут толкнуть политическое развитие в другом направлении. Но строить политику на таких возможностях нельзя. Поэтому, на мой взгляд, правильным является продолжать нашу внешнюю политику по избранной линии.

В заключение хотел бы обобщить мои взгляды в виде следующих ключевых тезисов:

1. Англия *в своем вооружении отстает*, поэтому делает ставку на выигрыш времени.

2. Она верит, что в гонке с Германией *время работает на Англию*. Использование своих превосходящих экономических возможностей для вооружения. Время для расширения своих союзов (например, с Америкой).

3. Визит Галифакса (в Берлин в ноябре 1937 года. — В. М.) следует поэтому рассматривать как *разведывательный и перестраховочный маневр*. Дружбы Германии в Англии тоже во многом играют преудка-занную им роль.

4. Англия и ее премьер-министр, как я полагаю, после визита Галифакса не видят представляющейся им возможной базы для договоренности с Германией. Они считают национал-социалистическую Германию способной на все, что угодно, как и мы — англичан. Поэтому они боятся, как бы сильная Германия однажды не заставила их пойти на неприемлемые для них решения. Дабы воспрепятствовать этому, Англия на всякий случай в своих военных и политических мерах ориентируется на конфликт с Германией.

5. Выводы, которые нам надлежит сделать отсюда:

1) Во внешней политике — продолжение курса на взаимопонимание с Англией при соблюдении интересов наших друзей.

2) Упорное создание в условиях полной секретности, без какой-либо огласки, союзнической группировки держав против Англии, то есть практически укрепление нашей дружбы с Италией и Японией. Далее, привлечение на нашу сторону всех тех государств, интересы которых прямо или косвенно согласуются с нашими. Тесное и конфиденциальное сотрудничество с этой целью дипломатов трех великих держав.

Только таким образом мы сможем противодействовать Англии, дойдет ли дело однажды до компромисса или же до конфликта. В этой дипломатической игре Англия будет противником твердым и резким.

6. Решение особого вопроса о том, должна ли в случае конфликта Германии в Центральной Европе вмешаться в него Франция, а тем самым и Англия, зависит от обстоятельств и момента возникновения и окончания этого конфликта, а также от военных соображений, которые здесь рассмотрению не подлежат. Некоторые свои взгляды на сей счет я хотел бы доложить фюреру устно.

Таковое мое восприятие положения, возникшее после тщательного изучения всех обстоятельств. Вот уже ряд лет я тружусь с целью установления дружбы с Англией, и для меня не было бы ничего более радостного, чем если бы она оказалась возможной. Когда я попросил фюрера послать меня в Лондон, мысль об удаче этого дела вызывала у меня скептицизм, но, принимая во внимание позицию Эдуарда VIII, казалось необходимым предпринять последнюю попытку. Сегодня я во взаимопонимание с Англией больше не верю. Англия не желает иметь у себя под боком сверхмощную Германию, которая представляла бы собою постоянную угрозу ее островам. Ради этого она будет воевать. Но от национал-социализма ждут гигантских свершений. Это осознал

уже Болдуин, а Эдуарду VIII пришлось отречься от престола, ибо не было никакой уверенности, что при своей установке он будет соучаствовать в проведении политики, враждебной Германии. Чемберлен поставил Ванситтарта, этого наиболее значительного и упорного нашего противника, на такой пост, который дает ему возможность играть решающую роль в дипломатической игре против Германии. Любой день, когда в дальнейшем (совершенно независимо от того, какие тактические интермедии взаимопонимания ни пытались бы с нами разыгрывать) наши политические соображения не определялись бы в принципе мыслью об Англии как о нашем наипаснейшем противнике, явился бы выигрышем для наших врагов.

Англия — единственный виновник войны

Речь в Данциге 24 октября 1939 г.

Соотечественники!

Прошло много времени с тех пор, как г-н Форстер впервые пригласил меня выступить в Данциге, который тогда хоть и считался «вольным городом», но страдал от жестокого угнетения. Несколько раз мой визит откладывался из-за различных внешнеполитических событий, которых в последние годы было так много. Наконец, моя давняя мечта увидеть Данциг неожиданно осуществилась благодаря обстоятельствам, на которые я не смел надеяться: я имел честь присутствовать при въезде Фюрера в освобожденный город! Я никогда не забуду, как наш Фюрер, прибывший прямо с места побед в Польше, вступил в ваш прекрасный город; как его с огромным энтузиазмом приветствовали и молодежь с горящими глазами, и все вы, жители Данцига. После более чем двадцати лет лишений и жестокого угнетения Данциг вновь стал подлинно вольным городом. Мы должны от всего сердца благодарить Фюрера, блестяще и окончательно решившего проблемы Данцига и коридора, которые относились к числу наихудших несправедливостей версальской системы и тяжким грузом лежали на немецком народе.

Сегодня, 24 октября, — памятный день в истории Данцига. Это годовщина прибытия сюда в 1930 году гауляйтера Форстера, учредив-

шего *гау Данциг* национал-социалистической партии. Присутствующие здесь ветераны партии знают историю первого этапа борьбы национал-социалистического движения за Данциг; борьбы, за которой с особым вниманием и симпатией следило руководство партии в Рейхе, поскольку это была борьба за аванпост Германии. Приход к власти национал-социалистов в Рейхе 30 января 1933 года дал новый импульс *гау Данциг*, поскольку идеи Фюрера получали все большее распространение и вскоре были приняты всем Данцигом.

Клич «Назад в Рейх!» символизировал второй этап национал-социалистической борьбы. Этот период, растянувшийся на шесть с половиной лет, был чрезвычайно сложным для партийных лидеров Данцига. С одной стороны, они должны были защитить немцев Данцига от постоянного экономического и политического давления со стороны поляков и сделать их приверженцами идей Фюрера. С другой стороны, в соответствии с политикой Рейха, они должны были поддерживать терпимые отношения с польским государством. Сегодняшняя встреча не дает мне достаточно времени, чтобы подробно рассказать о трудностях, неудачах, компромиссах, кризисах, которых было так много в истории Данцига в эти шесть с половиной лет. Тем не менее я хотел бы в этой связи упомянуть о том, что в этот период партийные руководители Данцига и их сторонники проявили себя образцовыми борцами за дело Фюрера. Как министр иностранных дел, для которого Данциг всегда был «дитя скорби» во внешней политике, могу отметить, что они проявили себя блестящими дипломатами. Они разрывались между естественной верностью политике Рейха, направленной на достижение взаимопонимания с Польшей, и постоянным давлением со стороны Польши, стремившейся расширить экономические и политические права, предоставленные ей мирным договором. Кроме того, им приходилось иметь дело с непрактичными, некомпетентными и нередко злонамеренными уполномоченными Лиги Наций, против которых вел трудную, самоотверженную борьбу президент сената Данцига г-н Грейзер. Они также постоянно боролись с противниками-марксистами, которые после прихода национал-социалистов к власти в Рейхе избрали Данциг ареной своей деятельности. Естественно, в таких условиях порой было сложно выбрать правильный курс. В этой связи следует упомянуть о том, как справедливо и непредвзято выполнял свои обязанности последний комиссар Лиги (Наций. — В. М.) профессор Буркхардт из Швейцарии. Он всегда стремился к справедливому

урегулированию в интересах каждой из сторон, и его деятельность похвальным образом отличалась от того, что творили некоторые его предшественники.

Большая заслуга национал-социалистических лидеров Данцига, особенно гауляйтера Форстера, в том, что, несмотря на трудности, казавшиеся непреодолимыми, они сумели сохранить сугубо германский характер Данцига, чем облегчили выполнение задачи Фюрера по возвращению города в состав Рейха. В критические дни и недели этого года г-н Форстер в полной мере проявил лучшие черты своего характера. Его спокойная уверенность и неистребимый оптимизм вдохновляли не только членов партии, но и весь Данциг, определили уравновешенное и достойное поведение и дисциплину населения. Мужество и отвага подразделений СС и та важная роль, которую они сыграли во время атаки на Вестерплатте и на польский почтамт, а также в пограничных столкновениях в районе Сопота, в штурме Диршау и множестве других операций, — все эти подвиги отныне навсегда вписаны в историю освобождения германской земли от польского ига. Данцигу пришлось долго ждать возвращения в Рейх, однако новая эра, которая теперь начинается для этого прекрасного балтийского города в составе Великой Германии, будет тем более славной, что этому городу пришлось столько вытерпеть. Никогда более Данциг не будет отделен от Рейха!

Я уже говорил, что сегодняшний день является памятной датой учреждения *гау Данциг*; однако эта дата имеет большое значение и по другой причине. В последней речи в палате общин британский премьер-министр г-н Чемберлен попытался превратить Данциг в козла отпущения в развязывании войны между Германией и Польшей. Проявляя сугубо британскую самоуверенность и демонстрируя традиционное для британского кабинета министров невежество относительно реального положения дел, он утверждал, что именно город Данциг, то есть Германия, а не Польша несет ответственность за обострение отношений между двумя странами в августе и, значит, за существующее состояние войны. В связи с этим преднамеренно ложным заявлением я считаю необходимым представить вам, соотечественники, короткий отчет о развитии событий, приведших к тому, что Фюрера буквально принудили к этой войне, несмотря на решимость достичь урегулирования с Польшей, которую он демонстрировал в течение многих лет.

С 1934 года, когда Фюрер и маршал Пилсудский договорились о пересмотре германо-польских отношений, Германия регулярно заверяла Польшу, что в связи с новыми дружественными отношениями решение проблем Данцига и польского коридора рано или поздно будет найдено. Ровно год назад, 24 октября 1938 года, действуя по поручению Фюрера, я попросил тогдашнего польского посла г-на Липского прибыть в Берхтесгаден. В тот день я сообщил ему пожелание Фюрера о том, чтобы германско-польские отношения были поставлены на постоянную, исторически приемлемую основу. Я представил ему хорошо известное предложение о политическом воссоединении Данцига с Рейхом, в то время как в экономическом плане город оставался бы польским.

Далее предлагалось создать на взаимной основе экстерриториальные автомобильные и железные дороги с целью организовать транспортное сообщение между германской и польской территориями. Кроме того, обе страны должны были окончательно признать границы друг друга и продлить германо-польский пакт о ненападении 1934 года на 25 лет. 5 января 1939 года в Берхтесгадене Фюрер лично повторил это предложение г-ну Бску, в то время министру иностранных дел Польши, в моем присутствии, а также в присутствии двух послов — г-на фон Мольтке и г-на Липского. На этот раз Фюрер привлек особое внимание к тому факту, что ни один германский политик до него и, вероятно, ни один германский политик после него не смог бы отказаться от всех претензий на коридор, что сам он собирался сделать. На следующий день в Мюнхене и 26 января, во время моего визита в Варшаву, я вновь детально обсуждал это предложение с г-ном Бском. Ни в одном из случаев польские представители не отвергли наше предложение, но ссылались на внутриполитические сложности и заявляли, что его следует тщательно изучить, добавляя, что Польша тоже стремится к окончательному урегулированию германо-польских отношений.

В течение этих месяцев, вопреки дипломатическим переговорам, которые Германия вела в дружественном духе, и обмену визитами между Берлином и Варшавой, напряженность, заметная в германо-польских отношениях, не только не снизилась, как можно было бы ожидать, но лишь усилилась. Попытки изгнать граждан немецкого происхождения с территории, которая в то время была польской, становились все более агрессивными. Протесты, подававшиеся в Германско-польский

комитет по делам меньшинств, не просто оставались без ответа, но все чаще преднамеренно отклонялись. Притеснения лиц немецкой национальности польскими властями принимали чудовищные масштабы, а польская пресса при поощрении правительства развернула агитацию против всего немецкого, равно как и против Рейха. Агитация становилась все более невыносимой. Дошло до того, что перед зданием германского посольства в Варшаве ежедневно проводились антигерманские демонстрации.

21 марта 1939 года я передал предостережение по этим вопросам г-ну Липскому и заявил, что необходимо предпринять новую попытку направить развитие германо-польских отношений на правильный путь. В связи с этим я повторил г-ну Липскому наше предложение, ныне всем известное, по решению проблем Данцига и «коридора», даже несколько скорректировав его в пользу интересов Польши. Одновременно мы пригласили г-на Бека в Берлин, чтобы путем совместной дискуссии определить основу всеобъемлющего соглашения, которое нормализовало бы германо-польские отношения. Я призвал польского посла немедленно лично отправиться в Варшаву для прояснения ситуации. С учетом особой польской позиции по некоторым вопросам я старался не допустить, чтобы у Фюрера создалось впечатление, будто Польша просто не желает прийти к взаимопониманию.

26 марта г-н Липский доставил мне ответ на наше предложение в форме меморандума, который, по сути, полностью отвергал великодушное предложение Фюрера. Невероятно, но факт: посол заявил мне, что дальнейшее осуществление германских планов политического воссоединения Данцига с Рейхом будет означать войну с Польшей. Когда я, ошеломленный этим заявлением, ответил, что, в конце концов, германское предложение направлено на установление устойчивых дружественных отношений между двумя странами, а не на разжигание германо-польского конфликта и что ответ польского правительства мне совершенно непонятен, посол не сумел предоставить никаких объяснений. Что касается нашего приглашения г-ну Беку приехать в Берлин, то ответом на него был категорический отказ.

В тот момент позиция Польши в отношении исключительного и великодушного предложения Фюрера казалась мне по меньшей мере странной, однако сегодня решение этой загадки у нас перед гла-

зами — за всем этим стояла Англия! Теперь мы знаем, что уже в то время шли переговоры относительно пакта о гарантиях с Великобританией. Это единственное объяснение странной и с исторической точки зрения поразительно близорукой позиции польского правительства.

Полная перемена отношения Польши к Германии стала очевидной не только в дипломатической, но и в военной области. Еще 26 марта я привлек внимание г-на Линского к полученным нами сообщениям о концентрации польских войск вдоль германской границы и предупредил его о возможных последствиях. Я проинформировал его, что, если это продолжится, ситуация вскоре может серьезно осложниться. Я сказал, что Германия пока не мобилизовала ни единого солдата, и выразил надежду, что Польша признает ошибочность своей нынешней позиции и согласится рассмотреть германское предложение, как только обстановка разрядится.

На следующий день мы получили сообщения о беспрецедентных эксцессах против немцев в Бромберге. Я вновь вызвал польского посла и заявил ему, что, к своему сожалению, получил информацию не только о том, что Польша отвергла германские предложения, но и о том, что отношения между двумя странами быстро ухудшаются. Правительству Германии остается возложить на польское правительство всю ответственность за ужасные события в Бромберге и за чрезвычайно серьезную ситуацию в двусторонних отношениях, в чем виновата исключительно Польша.

В течение шести месяцев с беспрецедентным терпением, свойственным Адольфу Гитлеру, Польше вновь и вновь делались предложения об урегулировании. Выдвигаемые без учета законных требований Германии о возмещении несправедливостей, порожденных Версальским договором, они были продиктованы исключительно искренним стремлением Фюрера раз и навсегда урегулировать германо-польские отношения и таким образом обеспечить мир в Европе. Когда Фюрер, выступая в Рейхстаге, раскрыл содержание своего предложения, я сам был свидетелем того, как глубоко поразило всех присутствовавших его заявление. Лишь колоссальный авторитет Фюрера мог склонить германский народ к отказу от прав на свои древние земли, что и подразумевалось его предложением.

В течение шести месяцев Германия наблюдала, как Польша изгоняла и терроризировала немцев — десятки тысяч беженцев были

весомым тому доказательством. Германия следила за притеснениями, за угрозами военной силой, за экономическим удушением Данцига. Тон польского правительства в отношении Германии становился все более агрессивным, превратившись к концу августа в откровенные провокации и всем известные нарушения границы. Лишь после официального предупреждения со стороны Германии в форме обращения к польскому правительству 9 августа, в котором говорилось, что экономическое удушение Данцига создаст крайне серьезную ситуацию, — предупреждения, на которое польское правительство вновь ответило дерзкой угрозой войны, — и после того, как польские войска начали вторгаться на территорию Рейха, — только тогда Фюрер нанес первый удар.

Три недели этой кампании — и польское государство рассыпалось как картонный домик. Теперь Рейх должен обеспечить, чтобы территории, лежащие в сфере его интересов, были по-новому разделены в соответствии с реальными условиями, что только справедливо, и чтобы был восстановлен подлинный мир. Отныне и навсегда две европейские державы — Германия и Советская Россия — будут гарантировать поддержание закона и порядка и обеспечивать мир в Восточной Европе.

С 30 января 1933 года целью внешней политики Германии была ликвидация Версальского договора и его последствий. С самого начала Фюрер делал все возможное, чтобы осуществить необходимые изменения мирным путем. В этом, за исключением польской проблемы, он достиг полного успеха. Будь то введение всеобщей воинской повинности, ремилитаризация Рейнской области, возвращение в состав Рейха Австрии и Судетской области, создание протектората Богемия и Моравия — в каждом из этих случаев Фюрер не упускал ничего, чтобы путем переговоров, избегая серьезных конфликтов, урегулировать вопросы, которые раньше или позже все равно пришлось бы решать. И лишь когда Фюрер осознал, что мирные методы уже не могут дать никаких результатов, он вынужден был прибегнуть к решительным мерам. Без сомнения, это достижение, не имеющее аналогов в истории, чтобы один человек, не пролив ни капли крови, сумел найти решение, которое в разумной степени удовлетворяло бы все заинтересованные стороны. Так были решены трудные проблемы, искусственно созданные безрассудством Версальского договора. По сути, все последние годы Фюрер занимался только тем, что врачевал наиболее

серьезные последствия, которые этот самый неразумный диктат в истории имел для нации, да и для всей Европы. Другими словами, он исправлял наихудшие ошибки, совершенные не кем иным, как государственными деятелями западных демократий. И ни в одном случае жизненные интересы западных демократий не были затронуты или, тем более, ущемлены.

Но вместо благодарности Фюреру за то, что он применил свой генний и волю для мирного исправления безответственных и, с исторической точки зрения, невероятно глупых ошибок Версальского договора, мы видим, что государственные мужи тех самых стран, которые виновны в этих ошибках, препятствуют любому шагу Германии к их исправлению.

В первую очередь это относится к Британии. Абсолютно неспособная признать естественные динамичные качества Германского Рейха, жизненную силу германского народа и, прежде всего, решимость и творческую силу Фюрера, Британия в течение последних лет с невероятным упрямством пыталась противиться каждому шагу Германии во внешней политике. Это тем более поразительно, что Германия с самого начала предпринимала все мыслимые усилия, чтобы установить разумные отношения с западными демократиями, в частности с Британией и Францией. Мне известны все подробности, и я лично был свидетелем того ни с чем не сравнимого терпения, с которым Фюрер вновь и вновь пытался добиться взаимопонимания с Францией и, особенно, с Британией. Например, летом 1933 года была подготовлена личная встреча между Фюрером и г-ном Даладье, премьер-министром Франции тогда, равно как и сейчас. Целью встречи было прояснить франко-германские отношения и заключить соглашение по вопросам вооружений.

Фюрер был вдохновлен идеей взаимопонимания с Францией, но в последний момент французский премьер отменил встречу. Несколько недель спустя он уже не был премьером. Причины его отставки имели якобы внутриполитический характер. В Париже, однако, всем было известно, что ответственность за его падение лежала на Британии. В то время Британия рассматривала этого человека, выходца из народа и бывшего солдата, как потенциальную угрозу, поскольку казалось, он может прийти к взаимопониманию с Адольфом Гитлером, еще одним сыном народа и бывшим фронтовиком. Германия и Франция не должны быть вместе; с точки зрения британской

политики, с ее системой, направленной на то, чтобы посеять раздор между двумя нациями и получить от этого выгоду, сближение двух стран было недопустимо.

Увидев г-на Даладье в прошлом году в Мюнхене, я напомнил ему об инциденте 1933 года и заметил, насколько полезной была бы та встреча для достижения взаимопонимания между нашими странами. Он ответил многозначительным жестом: «Не говорите мне об этом!» Тем не менее Германия продолжала предпринимать попытки достичь взаимопонимания с Францией.

В этой связи должен упомянуть, что однажды в 1933 году в моем присутствии представитель британского посольства в Париже упрекал французов за то, что их правительство до сих пор не начало превентивную войну против Германии в связи с ее перевооружением. Британия, говорил он, сделала все возможное, но не смогла убедить французское правительство пойти на это.

Достижение взаимопонимания с Британией всегда было основой внешней политики Фюрера. Как его сотрудник во внешнеполитических делах могу заверить весь мир, что с 30 января 1933 года не было шагов, которые бы он не предпринял, чтобы добиться этого взаимопонимания. Это было единственной целью бесчисленных речей и поступков Фюрера, а также моих бесчисленных поездок в Англию по его поручению. И все это были не просто общие идеи, но конкретные предложения, которые я, следуя указаниям Фюрера, неоднократно делал британским премьер-министрам, министрам иностранных дел и другим видным политикам.

Наши основные предложения были таковы:

1) Англо-германское морское соглашение с соотношением флотов 100 : 35.

2) Гарантия неприкосновенности стран, расположенных между Германией и Великобританией, а именно Голландии, Бельгии и Франции.

3) Уважение Германией британских интересов во всем мире и уважение Британией германских интересов в Восточной Европе.

4) Тесный союз между двумя странами, по условиям которого Германия обязуется не обращаться к Британии за военной помощью, но в любое время будет готова предоставить свой флот и определенное число дивизий в распоряжение Британии для защиты империи.

Британия отклонила наши предложения и в дальнейшем не упускала случая дать понять Фюреру через членов кабинета, депутатов парламента и политиков, а также через прессу, что она не заинтересована в дружбе с Германией.

Несмотря на это, Фюрер с беспримерным терпением и упорством возобновлял свои усилия, что было результатом как его личных симпатий, так и убеждения относительно расового родства. И лишь после того, как он сделал все возможное, он был вынужден смириться с фактом, что с Британией бесполезно иметь дело. Естественно, Фюрер сделал определенные выводы и с тех пор основывал германскую внешнюю политику на трезвой оценке политической реальности. При этом он придавал особое значение государствам, интересы которых совпадали с нашими. Началось сближение с этими странами для установления дружественных отношений. Так возникла подлинная и искренняя дружба между Германией с одной стороны и Итальянской империей на Средиземноморье и Японией на Дальнем Востоке с другой стороны. В прошлом она способствовала обеспечению совпадающих интересов наших стран, в будущем она станет важной гарантией справедливого и разумного мирового порядка. Дух национал-социализма и фашизма и личная дружба между Фюрером и Дуче послужили решающими факторами этого процесса.

Советская Россия недавно также вступила в ряды государств, дружественных к Германии. Как заявил Фюрер в последнем выступлении в Рейхстаге, заключение германо-русского пакта о ненападении, а затем договора о дружбе означает важную перемену в германской внешней политике. Прежние традиционно дружественные отношения, которые принесли двум великим народам столько добра и пользы, ныне восстановлены, и есть все основания надеяться, что теперь наша дружба станет еще крепче. Жизненное пространство двух держав и их естественные потребности соприкасаются, но не пересекаются. Таким образом, любые территориальные споры между ними исключены на вечные времена. Экономические потребности двух стран почти идеально дополняют друг друга. Мы нуждаемся в русском сырье, а Советский Союз может широко пользоваться продукцией германской промышленности. Благодаря всесторонним договоренностям этот обмен уже осуществляется в большом объеме и будет возрастать из года в год. Вероятно, скоро мы достигнем прежнего рекордного товарооборота.

Что касается внутреннего устройства двух государств, то оно, безусловно, различается. Однако, как показали последние события, если национал-социалистическая Германия и Советская Россия будут уважать идеологию друг друга — а обе страны твердо намерены придерживаться этого, — то они, несомненно, могут существовать в обстановке дружбы и добрососедства. Во время визитов в Москву и по возвращении в Германию я с удовлетворением отметил, насколько глубоко укоренились в обоих народах естественные условия, благоприятные для германо-русской дружбы. Сегодня пакт о ненападении и договор о дружбе пользуются популярностью у обоих народов. Просто поразительно, насколько далеко заходит британская пропаганда в попытках скрыть от своей публики значение германо-российского сближения! Позвольте привести несколько примеров.

Когда Фюрер в августе послал меня в Москву, британская пропаганда заявила, что теперь настала очередь германского министра иностранных дел напрасно потратить время в Москве и получить тот же урок, что и британская миссия, которая провела там несколько месяцев. На самом деле менее чем через сутки был обнародован пакт о ненападении.

В то время как заключение пакта о ненападении все еще обсуждалось в Кремле, британская пропаганда заявила, что в предполагаемом договоре речь будет идти именно о ненападении, но он наверняка не будет иметь никакого отношения к Польше. На самом деле был подписан пакт о ненападении, в котором стороны не были ограничены какими-либо условиями, но предусматривались обязательства по взаимным консультациям.

Позднее, когда победоносные германские войска вошли в Польшу, британская пропаганда заявила, что русская армия наверняка не будет участвовать в операциях против Польши. На самом деле несколькими днями позже русские войска вошли в Польшу по всему фронту и оккупировали польскую территорию до демаркационной линии, ранее согласованной между Германией и Россией.

Тогда британская пропаганда превзошла самое себя и заявила всему миру, что русские не только не наступают согласованно с немцами, но выступают против германской армии в Польше. На самом деле всего лишь через несколько дней в Москве был заключен договор о дружбе и границ. Халтурщикам, отвечающим за британскую про-

паганду, следует поискать иной сюжет, помимо германо-русской дружбы. Германо-русские отношения наконец-то обрели надежную основу, Германия и Советская Россия намерены и дальше укреплять добрососедство.

Что касается отношений Германии с Соединенными Штатами Америки, между этими двумя странами просто не может возникнуть никаких разногласий. Напротив, именно Германия наиболее четко соблюдает и уважает доктрину Монро. Германия не планирует никаких посягательств на Американский континент, разве что речь пойдет о максимально возможном развитии торговли с его странами. Требуется поистине извращенное воображение, чтобы представить себе какие-то разногласия или противоречия между США и Германией, которые могли бы привести к конфликту между двумя народами. Немцы ничего не имеют против американцев, американцы ничего не имеют против немцев. Хотя британская пропаганда постоянно пытается посеять семена раздора между США и Германией, мы в Германии твердо уверены, что здравый смысл истинных американцев поможет разоблачить эту игру и осознать, в чем заключаются их реальные интересы и что в конечном итоге оба народа только выиграют от дружеских отношений. Британии, как никакой другой стране, следует быть поосторожнее с пропагандой такого рода, поскольку, в то время как Германия всегда уважала доктрину Монро, именно существование многочисленных британских колоний, владений, угольных баз, военно-морских баз и т. д. на Американском континенте, а также сама британская пропаганда войны — все это является постоянным нарушением данной доктрины и может в любой момент вовлечь Британию в серьезный конфликт. Это уже проявилось в недавней реакции Британии на решения по Панаме.

Соотечественники, теперь поговорим о наших противниках и о винах Великобритании за развязывание войны.

Но сначала позвольте сказать о Франции. Уверен, сегодня ни у кого в мире нет ни малейших сомнений в том, что французы не хотят войны; что французский народ хочет мира сегодня, а не завтра; что эта война была навязана ему с беспрецедентной хитростью, цинизмом и жестокостью Британией и ее приспешниками в Париже и французском правительстве.

Что касается Великобритании, то я уже представил вам краткий обзор политики, которую она проводила в отношении Германии с 30 ян-

варя 1933 года. Сейчас я представлю вам неопровержимые доказательства того, что нынешнее британское правительство в течение многих лет тайно планировало и готовило войну против Германии.

Прошлогодня Мюнхенская конференция была расценена некоторыми как выдающееся миротворческое достижение британского премьер-министра г-на Чемберлена. Абсолютно ошибочное мнение. Попробуем еще раз представить себе ситуацию, которая привела к Мюнхену. Британское правительство дало понять правительству Чехословакии, что окажет ему помощь против Германии, и таким образом превратило в европейский кризис проблему, которую можно было бы урегулировать за одну ночь, если бы не британское вмешательство. Поэтому, когда позднее в Мюнхене Чемберлен предложил свою помощь, чтобы в последнюю минуту найти разумное решение проблемы, он всего лишь частично исправлял собственную грубую ошибку, которая привела к кризису и которой он поставил Европу на грань войны. Но почему он сделал это? Ответ можно найти в первой речи, с которой г-н Чемберлен выступил по возвращении в Лондон, держа в одной руке оливковую ветвь мира, а в другой — программу гигантского наращивания вооружений. Иными словами, г-н Чемберлен, который надеялся угрозой войны заставить Германию отказаться от справедливых требований об освобождении судетских немцев, не привел свою угрозу в исполнение лишь по той простой причине, что британские вооружения не соответствовали стандартам военного времени. Таким образом, Чемберлен приехал в Мюнхен не для того, чтобы предотвратить войну, но лишь для того, чтобы отсрочить войну, решение о которой уже было принято британским правительством.

Общезвестно, что в Англии годами открыто велась систематическая агитационная кампания против всего германского; что осуществлялась всевозможная подготовка к грядущей войне — достаточно напомнить об учреждении два года назад министерства блокады, как недавно признал г-н Чемберлен. Однако зимой 1938/39 года эта кампания резко усилилась. При поддержке правительства британские поджигатели войны открыто внушали англичанам — нации, которая предпочла бы поддерживать дружественные отношения с немецким народом, — панику и чувство ненависти к Германии. Я мог бы привести бесчисленные примеры такой систематической пропагандистской кампании.

По довольно о пропаганде. Очевидной целью британского кабинета было поставить Великобританию — дипломатически и политически — в положение непримиримого противостояния с Германией, чтобы правительство могло по своему усмотрению в любой момент, который сочтет благоприятным, начать войну против нее. Это должно было быть сделано таким образом, чтобы поджигателям войны, из которых состоит британское правительство, не пришлось повернуть вспять под давлением собственного народа. Требовалось найти предлог, который позволил бы правительству представить войну делом чести, чтобы каждый англичанин почувствовал несовместимость любых уступок с престижем страны. Дав гарантии Польше, г-н Чемберлен попытался создать именно такую ситуацию. То, что гарантии были не более чем предлогом, ясно из недавнего официального заявления британского правительства в парламенте, согласно которому они были направлены исключительно против Германии. Великобританию не заботила безопасность Польши, ее интересовала лишь потенциальная военная помощь, которую эта страна могла предоставить против Германии.

Дав Польше гарантии незамедлительной и неограниченной помощи, Британия отказалась от вековых основ своей континентальной политики. Даже в 1936 году такой признанный германофоб, как сэр Остин Чемберлен, заявил, что Британия пальцем не пошевелит из-за польского коридора, и подчеркнул, что Британию он не интересует, а сегодня его брат обещает британскую военную помощь для защиты этой вопиющей несправедливости, совершенной против Германии в Версале.

Такую политику, которая на первый взгляд может показаться безумием, можно расценить лишь как свидетельство твердого намерения Британии при любых обстоятельствах и в недалеком будущем обеспечить себе предлог для удара по Германии. Ее последствия не замедлили проявиться, и вы, мои данцигские соотечественники, почувствовали их на себе. Поляков охватила мания величия. И здесь вновь проявились подлинные цели британской политики. Вместо того чтобы посоветовать Польше договориться, что было бы несложно для британского правительства и все еще было возможно, Британия, как мы теперь знаем, не предостерегла Польшу, чтобы та утихомирилась, но продолжала подталкивать ее к агрессивным действиям.

Дальнейшие свидетельства непоколебимого стремления британского правительства начать войну с Германией можно обнаружить в ходе событий последних дней перед началом войны. 2 сентября итальянский посол в Берлине передал послание от г-на Муссолини о том, что Италия все еще может способствовать мирному урегулированию конфликта. В тот же день информационное агентство «Гавас» сообщило о согласии французского правительства на этот план. Хотя Германия также дала согласие, план был отвергнут в тот же день декларацией британского министра иностранных дел лорда Галифакса. Поистине это свидетельствует о нечистой совести британского премьер-министра г-на Чемберлена, у которого хватает наглости обвинять Германию в срыве мирного плана Муссолини.

Британское правительство показало свое истинное лицо и намерение уничтожить немецкий народ, отвергнув великодушное мирное предложение, которое Фюрер сделал 6 октября в Рейхстаге, и через свой рупор — премьер-министра г-на Чемберлена — ответило оскорблениями, вызвавшими глубокое возмущение немецкого народа.

Каждый здравомыслящий человек должен задаться вопросом: в чем подлинная причина беспринципной британской политики, граничащей с безумием?

Британские поджигатели войны утверждают, что Германия стремится к мировому господству. Это утверждение является преднамеренной ложью, к тому же весьма глупой, поскольку сегодня каждый школьник знает, что в мире больше не существует такого явления, как мировое господство, и вряд ли оно когда-нибудь станет возможным. Со стороны Британии подобное заявление представляется особенно наглым. В то время как 46 миллионов британцев владеют 40 миллионами квадратных километров территории — четвертью земной поверхности, Германия с ее 80 миллионами жителей владеет примерно 800 тысячами квадратных километров. В то время как у Британии имеются 611 доминионов, колоний, протекторатов, зависимых и подмандатных территорий, у Германии сегодня вообще нет колониальных владений. Если бы я стал зачитывать список народов, над которыми властвует Британия, мне пришлось бы задержать вас по крайней мере на один лишний час. В Индии, например, под британским суверенитетом находятся 290 миллионов туземцев и 562 индийских княжества. Вы не найдете на земле места, где бы не развевался британский флаг вопреки воле проживающих там народов и где бы

путь британского империализма не был отмечен насилием, грабежом и ложью. Именно таким образом в течение веков Великобритания были накоплены неисчислимые сокровища. Следовательно, только Британию можно упрекать в стремлении к мировому господству, в то время как подобное обвинение в адрес Германии является бесстыдным и попросту абсурдным, особенно если исходит от англичанина.

Фюрер неоднократно и четко определял цели германской внешней политики. Их можно сформулировать в нескольких словах: обеспечить жизнь и будущее немецкого народа в пределах его естественного жизненного пространства; обеспечить каждому гражданину Германии достаточный уровень жизни и предоставить ему возможность культурного развития. Британское правительство защищает капиталистические интересы и роскошный образ жизни высшего класса, в то время как трудящиеся изо дня в день борются за существование и улучшение условий жизни. Напротив, цель национал-социалистического правительства — каждый день обеспечивать куском хлеба 80 миллионов соотечественников. Именно против этого основополагающего права любой нации выступает Британия.

Каковы же результаты шести с половиной лет германской внешней политики?

Процесс консолидации Германского Рейха в Европе завершен. Несправедливости, содержащиеся в Версальском договоре, исправлены. Благодаря реорганизации Восточной Европы Германия имеет достаточно пространства для многих поколений поселенцев и стремится собрать и объединить на этом пространстве все разрозненные группы этнических немцев в Европе, для которых возможно переселение. Таким образом, она создает упорядоченные и этнографически завершенные условия и границы и путем широкомасштабного переселения устраняет возможность конфликтов в будущем. Границы Рейха на севере, востоке, юге и западе наконец окончательно утвердились. Как повторил Фюрер в последнем выступлении в Рейхстаге, Германия не имеет претензий к Франции и Британии, за исключением возвращения бывших германских колониальных владений, то есть той формы колониальной деятельности, которая считается общепринятым правом великой державы. Нелености Версальского договора ликвидированы, в Европе сложились стабильные условия. И все это совершил Фюрер.

Именно в тот самый момент, когда все условия, необходимые для установления в Европе продолжительного мира, были выполнены,

британское правительство решило начать войну не на жизнь, а на смерть между британским и немецким народами. Делая такой шаг, оно затевает опасную игру для будущего своей империи. Если британское правительство будет продолжать эту политику, которую, исходя из интересов его собственного народа и всего человечества, нельзя расценить иначе, как преступную, оно войдет в историю как могильщик Британской империи. То, что такое развитие событий не отвечает интересам ни германского, ни британского народов, видимо, не волнует ничтожную клику беспринципных игроков и узколобых доктринеров, которые с поразительным дилетантизмом ведут свой народ к пропасти. Когда британский посол в начале сентября в последний раз посетил меня, я сказал ему на прощание, что когда-нибудь в анналах мировой истории будет записано как исторический фарс то, что Британия, не имея конфликтующих интересов с Германией, объявила войну именно тому человеку, политическим кредо которого являлось установление взаимопонимания с ней.

Однако г-н Чемберлен так ничего и не понял. Из его последней речи в палате общин, в которой он с простодушием, британским высокомерием и самонадеянностью школьного учителя отверг предложение Фюрера, я хочу выделить один момент, который ясно раскрывает лживость, лицемерие и дилетантизм нынешнего британского правительства. Я имею в виду утверждение, что Германия и ее Фюрер нарушили свое слово и поэтому нельзя больше верить ни одному заявлению со стороны Германии.

Мы неоднократно слышали подобные заявления от пустых британских болтунов. Сами они не могут предложить человечеству ничего полезного. Тем более отчаянно, при своем ограниченном кругозоре, они пытаются критиковать события, которые приводят в движение целые нации, истинное значение и внешние проявления которых они не могут понять своими куриными мозгами.

Другое дело, когда ведущий государственный деятель Британской империи имеет наглость делать заявление, которое не только безосновательно, но и которому он сам навсерьез не верит. Если взглянуть на то, что сделал Фюрер для объединения Европы, это обвинение в нарушении слова со стороны британского премьер-министра представляется не только верхом лицемерия, но и полнейшим идиотизмом. Разумеется, личность Фюрера — уникальная в истории — неуязвима для нелепых нападок британского парламентария. Я могу лишь повторить

слова из последней речи Фюрера в Рейхстаге, что вердикт, который когда-нибудь вынесет ему история, будет, слава богу, определяться не ничтожными писаками, но трудом его жизни. Однако за упреком в якобы нарушении слова со стороны Фюрера просматривается злонамеренный, типично британский план.

Цель клеветы «достопочтенного» британского парламента на Фюрера — вбить клин между простым и честным немецким народом и его Вождем. Но здесь члены британского парламента допустили грубую ошибку, поскольку сегодня германская нация — это Адольф Гитлер, а Адольф Гитлер — это германская нация. Таким образом, обвинения со стороны г-на Чемберлена в нарушении слова касаются каждого из 80 миллионов немцев. Вы, жители Данцига, являетесь частью этих 80 миллионов. И я спрашиваю вас: вы считаете, что нарушили слово? Нет! Тогда позвольте мне сегодня говорить от вашего имени, как и от имени 80 миллионов немцев, и оповестить г-на Чемберлена: германская нация не только одобряет, но с энтузиазмом поддерживает и разделяет каждый шаг и каждое действие, предпринятые Фюрером для ее освобождения от оков Версальского договора. Немцы крайне возмущены британской наглостью. Более того, мы категорически отвергаем право Великобритании как одного из вдохновителей преступного Версальского договора «выносить суждение» о действиях Германии и германского правительства в последние годы.

Поскольку мы обсуждаем проблему нарушения слова, я могу высказать единогласное мнение германского народа: самое неприглядное нарушение слова было совершено против него в 1919 году после заключения перемирия. Великобритания спровоцировала его, что вынуждены признать даже видные британцы. Чтобы доказать, что ни один британский государственный деятель не имеет права говорить о «нарушении слова» — и, будучи разумным, он не сделает этого, — приведу вам несколько примеров из недавней истории Британской империи.

Пример 1. В Лондонском договоре 1915 года Великобритания обещала Италии, что в случае расширения британских и французских владений в Турции, Азии или Африке после завершения войны Италия получит соответствующую компенсацию на Ближнем Востоке и в Африке. Как на самом деле поступила Великобритания? Она самым неприглядным образом нарушила данное Италии слово, и в результате той пришлось довольствоваться несколькими клочками

пустыни Юбаленд. Потребовался гений Дуче, который, преодолевая яростное сопротивление Великобритании, сумел в 1936 году собственными силами обеспечить для Италии компенсацию. Вот пример вопиющего нарушения слова со стороны Англии!

Пример 2. В 1915 году британское правительство через своего Верховного комиссара в Египте пообещало арабам создать арабское государство в составе всех населенных ими территорий, а также Палестины. Что же в действительности сделала Великобритания? Независимое арабское государство *не* было создано, а знаменитый полковник Лоуренс, который во время войны обеспечил Великобритании поддержку арабов и дал им обещание от ее имени, ушел в отставку, поскольку правительство его страны нарушило слово. Предательство Британии было двойным, поскольку, несмотря на обещание, данное арабам, арабская Палестина была обещана евреям на основе Декларации Бальфура в то время, как война еще продолжалась. Этим обещанием Великобритания намревалась привлечь на свою сторону влиятельных евреев, чтобы убедить США вступить в войну против Германии. Таким образом, британское правительство дважды нарушило данное слово.

Пример 3. 20 августа 1917 года, во время Великой войны, британское правительство пообещало Индии полное самоуправление и такой же статус, как и у других британских доминионов. Что же в действительности сделала Великобритания? Это обещание также было нарушено самым бесстыдным образом, и сегодня, через двадцать лет после войны, под тонким слоем бутафорских уступок Индия остается тем же, чем была, — британской колонией! Вот вам еще один пример британского вероломства! Несколько дней назад, как сообщила пресса, Великобритания вновь пообещала Индии самоуправление. У нас есть все основания полагать, что и это обещание будет нарушено.

Пример 4. Во время Великой войны Британская империя влезла в огромные долги в связи с военными поставками из США и твердо пообещала их заплатить. Как же на самом деле поступила Великобритания? Она просто разорвала контракт и не заплатила долги; нет у нее ни малейшего намерения выплачивать десятки миллиардов долларов и в будущем. Вместо этого она вновь взывает к Соединенным Штатам о кредитах, помощи и военных поставках, которые вновь должны быть использованы против Германии. Сегодня, как и во время Великой войны, бессовестные личности опять стремятся получить свой

«фунт мяса» в виде таких кредитов. Интересно посмотреть, захочет ли американский народ, вынужденный нести бремя британского долга, вновь извалить на себя это бремя и, наблюдая, как снижается уровень его жизни, приносить новые и совершенно бессмысленные жертвы ради горстки паразитов.

Пример 5. 30 сентября 1938 года г-н Чемберлен по собственному желанию подписал с Фюрером соглашение, которое выражало стремление обших стран никогда больше не воевать друг с другом. Но что делает г-н Чемберлен? Он нарушает соглашение. Прошло всего несколько дней после его подписания, как он допустил развертывание разнузданной антигерманской агитации в Лондоне; он призвал к полному перевооружению; он сам участвовал в агитации и, прямо нарушив Мюнхенское соглашение, 3 сентября 1939 года объявил Германии войну.

Эти примеры британского коварства взяты из недавнего прошлого. На деле каждый этап развития Британской империи в течение последних веков отмечен бесчисленными случаями вероломства. Недавно выражение «коварный Альбион» известно во всем мире. Почти двести лет назад Фридрих Великий, которого англичане коварно предали во время Семилетней войны, сказал: *«Нарушить слово, данное союзнику; плести интриги, до которых не додумались бы его враги; стремиться уничтожить его; предать его и продать его, другими словами, подло убить его, — соберите вместе все эти злые и недостойные деяния — и вы получите Англию!»*

Политический смысл речи г-на Чемберлена имеет куда более далеко идущие последствия, нежели его нелепые обвинения в адрес немецкого народа. Каждое слово, произнесенное г-ном Чемберленом 12 октября в палате общин, показывает, какая зияющая пропасть лежит между великодушной и дальновидной позицией Фюрера и шизменным упрямством г-на Чемберлена. Действительно, он говорит о мире, однако его мир значит: «Назад к Версалию, долой национал-социализм». Такой мир означал бы увековечение раздоров, конфликтов и хаоса в Европе, а также уничтожение германского народа. Г-н Чемберлен может стараться изо всех сил, но такое время никогда не наступит, а идея уничтожить 80-миллионную нацию неосуществима, как фантазии Дон Кихота.

Г-н Чемберлен не только не понял историческое мирное предложение Фюрера, сделанное в Рейхстаге, но продолжает упорно следовать

прежней ошибочной политике в отношении Германии, против которой Фюрер ясно предостерег в своем выступлении. По сути, г-н Чемберлен расценил предложение Фюрера как свидетельство слабости Германии. Совершенно не понимая нравственный уровень и моральную высоту, с которой Фюрер сделал Великобритании предложение о мире с целью предотвратить бессмысленное кровопролитие между народами, г-н Чемберлен окончательно отверг протянутую руку мира. Таким образом, британский премьер-министр взял на себя тяжелую ответственность в глазах всего мира и в то же время вновь показал, что, какие бы действия ни предпринимала Германия, Великобритания намерена воевать с ней.

Германия принимает британский вызов. Сегодня немецкий народ полон решимости вести войну, которую ему навязали британские поджигатели, и не сложит оружие до тех пор, пока не будет обеспечена безопасность Германского Рейха в Европе, пока не будут созданы гарантии, что возможность подобного нападения исключена навсегда. Британский премьер-министр призвал к свержению германского правительства. Я воздержусь от того, чтобы призывать к свержению британского правительства и направляющих его политических интриганов, поскольку абсолютно уверен, что в результате развития событий британский народ, который поджигатели против его воли втянули в войну, сам во всем разберется. Судьба Польши показала, к каким печальным результатам может привести провокация против Германии. Возможно, г-н Чемберлен и те, кто разделяет с ним ответственность за войну, в конце концов прозреют. Возможно, когда-нибудь у них появится достаточно времени, чтобы подумать, хорошим ли советам они следовали, когда сочли германское мирное предложение проявлением слабости, отвергли его и вызвали Германию на битву.

Германский народ, сплоченный национал-социализмом в единый стальной блок, стоит за Фюрером; в авангарде Рейха идут победоносные армия, военно-воздушные силы и военно-морской флот, увенчавшие себя новыми лаврами. Твердо зная, что правда на ее стороне, что она сделала все от нее зависящее, дабы избежать навязанной ей бессмысленной войны, Германия будет сражаться до победного конца, опираясь на единый порыв всей нации. В том, что эта решающая битва за будущее германской нации может завершиться лишь великой победой Германии, нас убеждают сила и вера в человека, воплощающего высшие идеалы человечества, — нашего Фюрера!

Письмо И. В. Сталину

Берлин, 13 октября 1940 г.

Дорогой господин Сталин!

Более года назад по Вашему и Фюрера решению были пересмотрены и поставлены на абсолютно новую основу отношения между Германией и Советской Россией. Я полагаю, что это решение найти общий язык принесло выгоду обеим сторонам — начиная с признания того, что наши жизненные пространства могут соседствовать без претензий друг к другу и кончая практическим разграничением сфер влияния, что привело к германо-советскому Пакту о дружбе и границе. Я убежден, что последовательное продолжение политики добрососедских отношений и дальнейшее укрепление политического и экономического сотрудничества будут способствовать в будущем все большему и большему выгодам двух великих народов. Германия, по крайней мере, готова и полна решимости работать в данном направлении.

Мне кажется, что, учитывая эти цели, прямой контакт между ответственными деятелями обеих стран крайне важен. Я уверен, что личный контакт не по дипломатическим каналам для авторитарных режимов, таких как наши, время от времени необходим. Поэтому сегодня мне хотелось бы сделать беглый обзор событий, происшедших со времени моего последнего визита в Москву. В связи с исторической важностью этих событий и в продолжение нашего обмена мнениями, имевшего место в последний год, я хотел бы сделать для Вас и обзор политики, проводимой Германией в данный период.

После окончания польской кампании мы заметили (и это было подтверждено многочисленными сообщениями, полученными зимой), что Англия, верная своей традиционной политике, строит всю свою военную стратегию в расчете на расширение войны. Предпринятая в 1939 году попытка втянуть Советский Союз в военную коалицию против Германии уже приоткрывала эти расчеты. Они (Англия и Франция. — В. М.) были напуганы германо-советским соглашением. Позже аналогичной была позиция Англии и Франции в отношении советско-финского конфликта.

Весной 1940 года эти тайные намерения стали достаточно очевидны. С этого времени британская политика вступила в период активного распространения войны на другие народы Европы. После окончания

советско-финской войны первой мишенью была выбрана Норвегия. Оккупация Нарвика и других норвежских баз позволила бы лишить Германию поставок железной руды и создать в Скандинавии новый фронт. Только благодаря своевременному вмешательству германского руководства и молниеносным ударам наших войск, которые выгнали англичан и французов из Норвегии, театром военных действий не стала вся Скандинавия.

Через несколько недель тот же англо-французский спектакль должен был повториться в Голландии и Бельгии. И здесь Германия также смогла в последнюю минуту решительными победами своих армий предотвратить планируемый удар англо-французских армий против района Рура, о котором мы своевременно получили информацию. Сегодня даже во Франции, «континентальной шпате Альбиона», большинству французов стало ясно, что их страна в конечном счете должна истечь кровью (как жертва традиционной «гуманной» британской политики). Что касается теперешних британских правителей, которые объявили войну Германии и таким образом вовлекли британский народ в беду, то даже они сами не могут более скрыть свою традиционную политику и презрение к своим собственным союзникам. Наоборот, когда судьба отвернулась от них, все их лицемерные торжественные обещания прекратились. С чисто английским цинизмом они предательски покинули своих друзей. Более того, чтобы спасти самих себя, они оклеветали своих прежних союзников, а потом даже открыто противостояли им силой оружия. Андалснес, Дюнкерк, Оран, Даккар — вот названия, которые, как мне кажется, могут открыть миру глаза на цену английской дружбы. Однако мы, немцы, тоже получили урок: англичане не только недобросовестные политики, но и плохие солдаты. Наши войска громили их везде, где только они принимали бой. Везде германские солдаты превосходили их.

Следующей целью британской политики расширения войны стали Балканы. В соответствии с дошедшими до нас сведениями, на этот год вынашивались самые разные планы, и в одном случае уже был отдан приказ об их исполнении. То, что эти планы не были осуществлены, является, как мы теперь знаем, исключительно следствием почти невероятного дилетантства и поразительных разногласий между политическими и военными руководителями Англии и Франции.

Враги Германии старались скрыть от всего мира свои мероприятия по расширению войны. Они пытались перед всем миром объявить

наши разоблачения английских методов расширения войны маневром германской пропаганды. Между тем судьба постаралась, чтобы в руки германской армии, наступающей со скоростью молнии на всех фронтах войны, попали документы огромной важности. Как хорошо известно, нам удалось захватить секретные политические документы французского генерального штаба, уже подготовленные к эвакуации, и приобрести таким образом неоспоримые доказательства правильности наших сообщений о намерениях наших врагов и сделанных нами из этого выводов. Ряд этих документов, как Вы помните, был опубликован в прессе, а огромное количество материалов все еще переводится и изучается. Если понадобится, они будут опубликованы в виде «Белой книги»¹.

Здесь с действительно поразительной доказательностью разоблачается подоплека британской военной политики. Вы поймете, что мы рады возможности открыть миру глаза на беспрецедентную некомпетентность, а также на почти преступную беспечность, с которой теперешние английские руководители, объявив войну Германии, вовлекли в несчастья не только собственный народ, но и другие народы Европы. Сверх того, документы, имеющиеся в нашем распоряжении, доказывают, что господа с Темзы не отказываются от нападений и на совершенно нейтральные народы в отместку за то, что те продолжают вести с Германией естественную для них торговлю, несмотря на британские поты и даже угрозы. Без сомнения, советские нефтяные центры Баку и нефтяной порт Батуми уже в этом году стали бы объектами британского нападения, если бы падение Франции и изгнание британских армий из Европы не сломили бы агрессивного британского духа и не был бы положен конец их активности.

Понимая полную абсурдность продолжения этой войны, Фюрер 19 июля снова предложил Англии мир. Теперь, после отклонения этого последнего предложения, Германия намерена вести войну против Англии и ее империи до окончательного разгрома Британии. Эта борьба идет уже сейчас и закончится лишь тогда, когда враг будет уничтожен в военном отношении или когда будут устранены силы, ответственные за войну. Когда точно это случится — значения не имеет. Потому что в одном можно быть уверенным: война как таковая в любом случае нами уже выиграна. Вопрос лишь в том, сколько пройдет времени до того момента, когда Англия, в результате наших операций, признается в окончательном поражении.

На этом последнем этапе войны, защищаясь от каких-либо действий, которые Англия в своем отчаянном положении все еще может предпринять, ось в виде естественной меры предосторожности была вынуждена надежно защитить свои военные и стратегические позиции в Европе, а также политические и дипломатические позиции во всем мире. Кроме этого она должна обеспечить необходимые условия для поддержания своей экономической жизни. Сразу же после окончания кампании на Западе Германия и Италия приступили к этой задаче и уже в общих чертах ее выполнили. В связи с этим можно также упомянуть беспрецедентную для Германии задачу охраны ее норвежских прибрежных позиций на всем протяжении от Скагеррака до Киркенеса. Для этого Германия заключила с Швецией и Финляндией чисто технические соглашения, о которых я полностью проинформировал Вас через германское посольство (в Москве. — В. М.). Они заключены исключительно с целью облегчения снабжения прибрежных городов на севере (Нарвика и Киркенеса), до которых нам трудно добраться по суше.

Политика, которой мы следовали совсем недавно в румынско-венгерском споре, преследует те же цели. Наши гарантии Румынии определяются исключительно необходимостью защиты этого балканского района, особенно важного для нас с точки зрения снабжения Германии нефтью и хлебом, от какого-либо нарушения стабильности, вызванного войной, саботажем и т. п. внутри этой зоны, а также от попыток вторжения извне.

Антигерманская пресса пыталась извращенно истолковать гарантии держав оси Румынии. На деле же произошло следующее: к концу августа, как известно, разногласия между Румынией и Венгрией, подогреваемые британскими агентами, завзятыми агитаторами на Балканах, достигли той стадии, что война стала неизбежной и столкновения в воздухе уже происходили. Стало очевидно, что мир на Балканах может быть сохранен только посредством крайне быстрого дипломатического вмешательства. Времени для каких-либо переговоров и консультаций не было. Этим объясняется импровизированная встреча в Вене с вынесением решения в 24 часа. Поэтому, вероятно, излишне подчеркивать, что тенденция, проявленная в то время антигерманской прессой, истолковывать эти германско-итальянские действия как направленные против Советского Союза является совершенно безосновательной и продиктована исключительно намерением подорвать отношения между осью и Советским Союзом.

Германская военная миссия, посланная вместе с группой инструкторов (в Румынию. — В. М.) несколько дней назад по просьбе румын (что вновь было использовано нашими врагами для грубых инсинуаций), послужит как для обучения румынской армии, так и для охраны германских интересов, поскольку германская экономика и экономика этих территорий тесно взаимосвязаны. На случай, если Англия, как следует из некоторых сообщений, действительно намерена предпринять какие-либо акции, например против нефтяных промыслов Румынии, мы уже приняли меры, чтобы подобающим образом ответить на любые британские попытки интервенции извне или саботажа изнутри. Ввиду абсолютно неправильных и тенденциозных сообщений прессы, которые участились за последние несколько дней, я недавно сообщил Вашему послу г-ну Шкварцеву о действительных мотивах наших действий и об уже проведенных мероприятиях.

В связи с предпринятыми англичанами попытками саботажа поднятый Вашим правительством вопрос об изменении режима на Дунае приобретает большое значение. Я могу сообщить Вам, что, в согласии с итальянским правительством, в течение ближайших нескольких дней нами будут сделаны предложения, которые учтут Ваши пожелания в данном вопросе².

После принятия мер по охране позиций оси в Европе основной интерес Имперского правительства и Итальянского правительства сосредоточился в последние несколько недель на предотвращении распространения военных действий за пределы Европы и превращения их в мировой пожар. Так как надежды англичан найти себе союзников в Европе поблекли, английское правительство усилило поддержку тех кругов заокеанских демократий, которые стремятся к вступлению в войну против Германии и Италии на стороне Англии. Их интересы, в противоречие с интересами народов, столь же жаждущих «нового порядка» в мире, как и конца окостеневших плутократических демократий, — эти их интересы грозят превратить европейскую войну в мировой пожар. Прежде всего это относится к Японии. Поэтому некоторое время назад по приказу Фюрера я послал в Токио эмиссара для выяснения в неофициальном порядке, не могут ли наши общие интересы быть выражены в форме пакта, направленного против дальнейшего распространения войны на другие народы. Последовавший вскоре обмен мнениями привел Берлин, Рим и Токио к полному единодушию в том смысле, что в интересах скорейшего восстановления

мира дальнейшее распространение войны должно быть предотвращено и что лучшим средством противодействовать международной клике поджигателей войны будет военный союз трех держав. Таким образом, вопреки всем интригам Британии, Берлинский договор был заключен с удивительной быстротой, о чем я и уведомил Вас через посольство за день до его подписания, как только было достигнуто окончательное согласие. Я уверен, что заключение этого договора ускорит падение теперешних британских правителей, которые одни не хотят заключения мира, и что договор, таким образом, послужит интересам всех народов.

Что касается вопроса о позиции трех участников этого союза в отношении Советской России, то мне хотелось бы сказать сразу, что с самого начала обмена мнениями все три державы в одинаковой степени придерживались того мнения, что этот пакт ни в коем случае не нацелен против Советского Союза, что, напротив, дружеские отношения трех держав и их договоры с СССР ни в коем случае не должны быть этим соглашением затронуты. Эта точка зрения, кстати говоря, нашла формальное выражение в тексте Берлинского договора.

Что касается Германии, то заключение этого пакта является логическим результатом ее внешнеполитической линии, которой Имперское правительство придерживалось давно и согласно которой дружеское германско-японское сотрудничество и дружеское германско-советское сотрудничество мирно сосуществуют. Дружеские отношения между Германией и Советской Россией, так же как и дружеские отношения между Советской Россией и Японией и дружеские отношения между державами оси и Японией являются логическими составными частями естественной политической коалиции, которая крайне выгодна всем заинтересованным державам.

Как Вы помните, я во время моего первого визита в Москву совершенно откровенно обсуждал с Вами схожие идеи и тогда же предложил свои добрые услуги для урегулирования советско-японских расхождений. С тех пор я продолжаю работать в этом направлении, и я был бы рад, если бы обоюдное желание достичь взаимопонимания — а со стороны Японии оно все более очевидно — получило бы логическое завершение.

В заключение я хотел бы заявить, в полном соответствии с мнением Фюрера, что историческая задача четырех держав заключается в том, чтобы согласовать свои долгосрочные политические цели

и, разграничив между собой сферы интересов в мировом масштабе, направлять по правильному пути будущее своих народов.

Мы были бы рады, если бы г-н Молотов напес нам в Берлин визит для дальнейшего выяснения вопросов, имеющих решающее значение для будущего наших народов, и для обсуждения их в конкретной форме. От имени Имперского правительства я хотел бы сделать ему самое сердечное приглашение. После двух моих визитов в Москву мне лично было бы особенно приятно увидеть г-на Молотова в Берлине. Его визит, кроме того, предоставит Фюреру возможность лично высказать г-ну Молотову свои взгляды на будущий характер отношений между нашими странами. По возвращении г-н Молотов сможет подробно изложить Вам цели и намерения Фюрера. Если затем, как я с уверенностью ожидаю, мне придется поработать над согласованием наших общей политики, я буду счастлив снова лично прибыть в Москву, чтобы совместно с Вами, мой дорогой господин Сталин, подвести итог обмену мнениями и обсудить, возможно вместе с представителями Японии и Италии, основы политики, которая сможет всем нам принести *практические* выгоды.

*С наилучшими пожеланиями,
преданный Вам Риббентроп.*

425

Приложение

Европейская освободительная война

Речь в Берлине 26 ноября 1941 г.

Ваши превосходительства!

Господа!

Соратники по партии!

Благодарю, что вы пришли на сегодняшнее собрание, цель которого — познакомить членов Имперского правительства, чиновников государственного аппарата, представителей партии, вооруженных сил, искусства, науки, промышленности и всех сфер немецкой жизни с нашими дорогими гостями из-за рубежа. Особо приветствую в нашем кругу представителей германских и зарубежных радио и прессы.

Господа! В эти дни мы имеем честь принимать в столице Рейха министров иностранных дел большинства европейских стран и представителей союзных государств Дальнего Востока: Италии, Японии,

Венгрии, Маньчжурии, Испании, Румынии, Болгарии, Словакии, Хорватии, Финляндии и Дании. С представителями этих стран, уважающих порядок, мы вчера подтвердили священный пакт против Коммунистического интернационала, выражающий волю народов сотрудничать в деле окончательного спасения наших стран от коммунизма и не прекращать борьбы до окончательного искоренения этого ужаснейшего духовного недуга человечества.

Мы снова выражаем особую радость и удовлетворение Имперского правительства в связи с этим знаменательным событием, которое является важным этапом на пути объединения и формирования новой Европы, а также создания более справедливого порядка во всем мире.

Хочу воспользоваться настоящей возможностью, чтобы кратко проинформировать вас о положении дел и ходе войны, а также изложить взгляд Имперского правительства на нынешнюю внешнеполитическую ситуацию.

Благодаря героизму германских вооруженных сил и союзных войск Италии, Румынии, Венгрии, Словакии, храбрых северян и добровольцев из Испании, Франции, Хорватии, Дании, Норвегии, Голландии и Бельгии власть коммунизма и большевизма сломлена и — как об этом заявил Фюрер — никогда не воскреснет.

Два великих человека — германский Фюрер и итальянский Дуче — были первыми, кто двадцать лет назад распознал эту опасность и начал борьбу с крайним проявлением упадка взглядов и обычаев уходящего века; они отвели свои здоровые народы от края пропасти. Сегодня их деяния уже принадлежат истории! Однако после того как оба вождя личным примером и с помощью учений национал-социализма и фашизма создали условия для жизни своих народов, они предприняли второй шаг, а именно — защиту их будущего перед лицом практически непреодолимой враждебности извне. Западные демократии, возглавляемые кучкой эксплуататоров, закосневших в эгоистическом мышлении и привыкших к жестоким условиям бредового Версальского договора, ничего не хотели слышать о пересмотре даже самых одиозных его положений. Они с самого начала сопротивлялись любым разумным попыткам Фюрера и Дуче обеспечить безопасность германского и итальянского народов, обделенных при распределении необходимых для жизни земных благ, включая хлеб насущный.

Сегодня кажется почти невероятным, что Англия начала войну против Германии, потому что Германия захотела вернуть себе немецкий

город Данциг и проложить автостраду через польский коридор. Разумеется, это было лишь формальным поводом для того, чтобы 3 сентября 1939 года Англия объявила войну Германии. На деле правители Англии — которые еще главенствовали во всем мире и хотели быть господами Европы — не желали, чтобы Германия занимала место, полагающееся великому европейскому народу, и чтобы этот народ вел достойную жизнь. Возникает вопрос: почему? Единственный ответ: исключительное стремление Британии к власти. 45 миллионов британцев правят третьей частью мира, однако их страна не хочет, чтобы 80-миллионный немецкий народ имел даже самое скромное жизненное пространство, поскольку британские правители опасаются потенциала и социального примера обновленной Германии. Вместо того чтобы признать равные права Германии, на основе паритета с ней достичь баланса взаимных интересов и установить реальную общность целей в остальном мире, тогдашние хозяева Британии полагали, что смогут обеспечить свои несправедливые притязания на владычество путем нового подавления Германии.

Фюрер, напротив, проводил в отношении Англии великодушную и терпеливую политику. По сравнению с жестокой несправедливостью, которую Англия причинила Германии, эта политика являлась беспрецедентной и свидетельствовала, что Фюрер делал все возможное для достижения соглашения с ней на благо обеих стран. Если вспомнить преимущества, которые политика Фюрера предоставляла Англии и которые включали не только гарантии территориальной и морской безопасности Британской империи, но и готовность использовать силу Германии для ее защиты, то любой разумный человек может лишь подивиться слепоте, охватившей британских государственных мужей. Разумеется, уже в ходе тех переговоров нам стало ясно, что влиятельные, прежде всего еврейские, силы в Англии заняли следующую позицию: либо Германия соглашается с той ролью в Европе, которую ей отводит Англия, а именно ролью второстепенной страны, и принимает тот уровень жизни, который Англия считает достаточным для немецкого народа, даже если он совершенно неприемлем, — либо война!

В ходе переговоров угроза войны — открытая или завуалированная — всегда лежала в основе британской позиции. Я могу со всей ответственностью засвидетельствовать это, поскольку в течение ряда лет неоднократно передавал британцам предложения Фюрера и раз за

разом был вынужден докладывать ему, что англичане в своем упрямстве вновь не согласились и что Англия при первой удобной возможности объявит нам войну. Это поистине необъяснимое упрямство утвердило нас во мнении относительно подлинного отношения английских правителей к Германии. Тот, кто отвергает столь беспрецедентные предложения, твердо настроен на войну. Мы были в этом убеждены. Пусть будущие поколения рассудят, насколько справедливы утверждения якобы информированных пропагандистов, будто я держал Фюрера в неведении относительно британской позиции или, ошибочно ее трактуя, сообщал, что Англия не будет воевать. Будущее даст ответ и на более важный вопрос — насколько мудрую политику проводили английские государственные мужи. Лично я считаю, что такой ответ уже получен. Различие между «вчера» и «сегодня» должно бы дойти до самого тупого англичанина. Вчера: союз с Германией обеспечил бы безопасность Британской империи в обмен на признание пересмотра версальских соглашений и возвращение Германии ее колоний. Сегодня: Британия ведет безнадежную борьбу против сильнейшей в мире коалиции стран.

С началом военных действий англичане возобновили старую, привычную игру, заставляя страны Европы одну за другой сражаться за них. Первой была Польша. Если бы Англия не дала гарантий Польше, та, несомненно, пришла бы к мирному соглашению с Германией. Но Англия — точнее, г-н Черчилль, который, как мы недавно узнали, уже тогда за спиной премьер-министра Чемберлена сговаривался с г-ном Рузвельтом и разжигал конфликт, — Англия подстрекала Польшу оказать сопротивление, чтобы получить предлог для войны с Германией. В то же время Франция, с которой Германия могла бы заключить взаимовыгодное соглашение, была вынуждена по настоянию Англии вступить в войну. К этому ее подтолкнули идиоты, зависимые от Англии, или преступники. Затем настала очередь Норвегии, Голландии и Бельгии. Однако в течение нескольких месяцев германские вооруженные силы победили и оккупировали эти страны, а Англия получила свой славный Дюнкерк! Италия же вступила в войну на стороне Рейха.

Англии все еще было мало. Одержимая навязчивой идеей утвердиться в Европе, она обратила взгляд на Балканы. Страны оси предприняли все возможные дипломатические усилия, чтобы сохранить там мир. Напрасно! Англия, вместо того чтобы извлечь урок из Дюн-

керка, попыталась поставить себе на службу Грецию и Югославию. Реально оценивая сложившуюся ситуацию, а также учитывая давние интриги этих стран, сговор и даже военную помощь против Италии во время войны в Средиземноморье, Дуче принял вызов и начал военные операции — сначала против Греции. Когда Югославия приняла сторону Англии и та задействовала дополнительные силы из Австралии и Новой Зеландии, ось, выбрав нужный момент, в течение нескольких недель изгнала британцев из этой части Европы. Сербия, Греция и Крит стали жертвами бесподобной британской стратегии. Стоит упомянуть, что президент Соединенных Штатов с готовностью предоставил помощь Британии в ее очередной аванюре.

Пожалуй, нет ни одной страны в Европе, которую Англия не попыталась бы привлечь на свою сторону или заставить сражаться за себя. Однако мудрость и реалистичная оценка ситуации побудили разумных государственных деятелей избрать правильный путь, и они остались глухи к британским предложениям, уговорам и гарантиям.

Даже сокрушительные военные поражения, которые Англия потерпела на севере, западе, юге и юго-востоке Европы, не остановили ее. Все надежды Черчилля и его антигерманских сподвижников в США во главе с г-ном Рузвельтом обратились на восток. И здесь, господа, я перехожу к той фазе освободительной войны, которая, уверен, когда-нибудь будет оценена как решающая для завершения войны и, соответственно, для будущего всего цивилизованного мира, — к кампании против Советского Союза!

Для начала я должен напомнить, что в 1939 году Германия, в надежде достичь согласия между немецким и русским народами, заключила с Москвой договор на основе взаимного отказа от агрессии и разграничения сфер интересов. С учетом диаметральной противоположности мировоззрений национал-социализма и большевизма этот шаг нелегко дался Фюреру. Решающими для него стали следующие соображения: окружение Германии шло полным ходом; Англия предлагала гарантии европейским странам, утверждая, что им угрожают экспансионистские устремления Германии. Англия и Франция стремились окружить Рейх, заключив союзнический договор с СССР. Признавая, что успех этого плана означал бы огромную угрозу для Германии и всей Европы, но прежде всего для соседних государств на севере и юге, Фюрер проинформировал Москву, что у Германии нет экспансионистских устремлений, которые ей приписывают.

Когда германская делегация прибыла в Москву, переговоры советского правительства с английской и французской военными миссиями были в самом разгаре. То, что немецкая делегация смогла уменьшить напряженность в отношениях с Россией, позволило, по крайней мере, предотвратить немедленное вторжение большевизма в Европу. В то же время Фюрер надеялся — для чего тогда были некоторые основания, судя по отдельным признакам в России и сообщениям оттуда, — что в результате этого соглашения СССР в дальнейшем может отказаться от идеи мировой революции и постепенно превратиться в миролюбивого соседа Германии и других европейских стран, граничащих с Россией.

С лета 1939 года Германия полностью пересмотрела свою политику в отношении России и добросовестно соблюдала все обязательства. Она всегда строго ограничивалась исключительно германской сферой интересов и старалась терпеливо разрешать любые спорные проблемы. Стремясь с самого начала исключить возможность конфликтов и устранить любые подозрения, Германия даже пошла на то, чтобы переселить этнических немцев из приграничных территорий (СССР. — В. М.) в Германию.

Однако, как теперь известно, к нашему великому разочарованию, Имперскому правительству не удалось добиться аналогичного отношения к Германии и другим странам со стороны советского правительства. В ноте от 21 июня 1941 года, которую советское правительство получило от германского министерства иностранных дел, правительство Рейха информировало мировую прессу о том, как вероломно оно было предано советским правительством и что Советы рассматривали соглашения 1939 года лишь как тактическую комбинацию. Сталин предвидел, что Англия начнет борьбу с Германией. Он рассчитывал, что Германия и западные демократии будут вести длительную войну на истощение, что позволило бы ему без особых усилий продвинуть большевизм в Европу. Однако его надежды рухнули, когда он увидел нашу быструю победу над Францией и изгнание англичан из Европы. Тогда он изменил тактику и начал плести сеть вместе с Англией и Америкой и проводить ускоренную мобилизацию против Германии. Наше министерство иностранных дел подробно показало, каким образом, несмотря на германско-российский пакт, коммунистические агенты осуществляли саботаж против Германии и как Коммунистический интернационал продолжал пропа-

гандистскую деятельность на Балканах и в остальной Европе. Мы также показали, как советская власть, вопреки всем соглашениям, продолжала большевизацию Восточной Европы, как Советы потребовали на севере капитуляции Финляндии, на юге — капитуляции Болгарии, а также согласия Германии на создание военных баз в (черноморских. — В. М.) проливах, как Фюрер отверг эти безумные требования, как Советы двинули Красную армию на запад от Арктики до Черного моря, пока их войска не оказались на нашей, финской и румынской границах, как они шаг за шагом, военным продвижением и дипломатическим путем занимали все более враждебную позицию в отношении Германии.

Следует отметить советскую активность в Болгарии, Венгрии, Румынии и Финляндии, а также договор с Сербией. В ноте германского министерства иностранных дел отмечалось, что, согласно имеющимся в распоряжении Имперского правительства документам, уже в 1940 году британский посол в Москве Криппс пытался привлечь Советы на сторону Англии и эти попытки были успешными. Сегодня у Имперского правительства имеются конкретные документы о секретных заседаниях в британской палате общин в 1940 году. Из них совершенно ясно, что после нападения Франции палата была крайне обеспокоена развитием событий и перспективами войны. Согласно этим документам, Черчилль попытался успокоить депутатов и вновь добиться поддержки английским народом своей военной политики, заявив следующее:

во-первых, основываясь на переговорах, проведенных послом Криппсом в Москве, он получил четкое обещание, что Советская Россия вступит в войну на стороне Англии;

во-вторых, он получил обещание неограниченной поддержки президентом Рузвельтом Англии в этой войне.

Согласно нашей информации об этих секретных заседаниях, лишь такими заверениями Черчилль сумел успокоить членов парламента и заручиться их поддержкой.

Уже в 1940 году английские и русские агенты совместно действовали на Балканах против германских и итальянских интересов. В начале 1941 года англо-советское сотрудничество еще более усилилось и в итоге стало явным, когда в апреле этого года разразился балканский кризис. Пота министерства иностранных дел также подтвердила, что переворот в Белграде после того, как Югославия присоеди-

лась к Тройственному пакту, был инспирирован Англией совместно с Советской Россией. Целью англо-русского плана было по возможности атаковать германские войска на Балканах с трех сторон. Этот план, благодаря позиции наших балканских друзей и турецкого правительства, сорван быстрыми и решительными победами оси.

Призыв лорда Бивербрука поддержать Россию всеми возможными средствами, о котором стало известно незадолго до начала германско-русской войны, и его обращение к Америке с той же целью впервые публично раскрыли подлинное состояние британско-русских отношений. Так что объявленный вскоре после начала военных действий между Германией и Россией союзный договор Лондона с Москвой *лишь официально подтвердил ситуацию, которая уже долгое время существовала в тайне*. Сегодня всему миру видно, что азартный игрок Черчилль, подтолкнувший СССР к разрыву с Германией, в чем его стремления совпадали с интересами Рузвельта и Сталина, разыграл в Европе свою последнюю карту, на которую поставил все. Наряду с Черчиллем маску сбросил весь еврейско-англосаксонский мир, питавший надежды на то, что России удастся изменить военную ситуацию в Европе, столь ужасную для Англии. Самым удивительным и презренным образом западные демократии в один момент радостно приветствовали агрессивный союз с большевизмом. Английские консерваторы и американские миллиардеры, которые раньше как чумы избегали любых контактов с большевиками, объявили всему миру, что Россия — чудесная страна, где люди живут в радости и достатке. Английские и американские тред-юнионисты и специалисты по сельскому хозяйству убеждали пораженную общественность, что Советы создали подлинный рай для рабочих, а коллективизация послужила основой для зажиточной жизни крестьянства. Еврейские и британские ученые и деятели культуры, сидя в своих клубах в Лондоне и Нью-Йорке, заявили, что в Советском Союзе всегда процветало научное и культурное творчество. Архиепископы и кардиналы, которые до самого последнего времени яростно критиковали Россию как рассадник атеизма, вдруг объявили, что Советский Союз всегда был колыбелью христианства и сегодня является его защитником. Архиепископ Кентерберийский устроил молебен за Красную армию и своего друга Сталина. Черчилль и Рузвельт объявили своим народам, что большевистская форма правления наиболее близка к провозглашаемым ими демократическим принципам. Представители западных демократий

наперебой заявляли о любви и симпатии к еврейско-большевистскому преступному государству, однако материальная помощь, о которой просил Сталин, все не поступала. Более реалистично прозвучали недавние слова Черчилля и Сталина, которые называли друг друга «старыми боевыми конями». Мне кажется, это наиболее точно отражает их взаимоотношения.

Последняя военная надежда англосаксов в Европе была нейтрализована за пять месяцев. Вряд ли будет преувеличением сказать, что эти пять месяцев кампании на востоке *войдут в историю как величайший военный подвиг*. За эти пять месяцев, сражаясь против упрямой и решительной противника, который часто сопротивлялся из страха получить пулю в затылок от собственных комиссаров, против огромной военной машины, современных танков, артиллерии и т. д., против неблагоприятной погоды, грязи, дождя, снега, холода и ужасных дорог, удалось полностью разгромить хорошо вооруженную и самую большую в мире армию. Выдающийся подвиг наших солдат и союзных войск поражает каждого, кто наблюдал за этим титаническим конфликтом со стороны, и вызывает глубокое уважение на родине. Однако я уверен, что все героические усилия наших славных войск оказались бы напрасными, если бы их не направлял всеобъемлющий, уникальный военный гений.

Секретность, которой русский колосс окружал себя в течение двух последних десятилетий, изолировавшись от внешнего мира, полностью раскрылась в ходе этой кампании. Движимый неумным стремлением к власти, тиран, преданный мировому еврейству, направил всю энергию 190-миллионного народа на достижение единственной цели: *завоевание мира большевистской Москвой*. Понимая, что одной пропаганды недостаточно, Сталин безжалостно, с железной последовательностью готовил Советскую Россию для выполнения этой задачи с помощью *насилия*. Люди и материальные ресурсы были фанатично брошены на достижение данной цели. Культурный и материальный уровень жизни русских сравним с уровнем жизни рабов. У ютящихся в убогих подвалах полуголодных русских нет ничего, ради чего стоит жить. Сверхчеловеческая красота, семья, Бог — все это не имеет для них никакого смысла. Тоска, убожество, жестокость, жизнь без радости и идеалов, — русские опустились до уровня, который нам трудно представить. Глубоко трагичен тот факт, что, претворяя в жизнь систему, изобретенную самими людьми, в течение буквально одного поколения люди фактически превратились в животных. В тюремной атмосфере

крестьяне и рабочие загонялись на военную службу, а последний рубль шел на Красную армию мирового еврейства, на вооружения и снова на вооружения. В итоге там, где еще несколько лет назад стояли деревни и небольшие города, возникли огромные военные заводы; там, где простирались мирные поля, появились сети стратегических железных дорог и военные аэродромы, особенно вдоль западной границы огромной империи. Апофеозом стала самая многочисленная в мире армия с наибольшим количеством танков, артиллерии, самолетов и т. д.

Как только политическая и военная ситуация оказалась бы благоприятной, *еврейско-большевистский каток должен был пройти по Европе*. Мобилизация Красной армии уже была завершена, когда германская армия в последний момент нанесла удар 22 июня этого года!

Все предположения и расчеты относительно мощи русского колосса и намерений диктатора Сталина в отношении Европы оказались бледным подобием реальности. Потомки будут вечно благодарны Фюреру, германским и союзным войскам за грандиозные битвы 1941 года, в которых этот колосс был повержен, а Европа спасена от уничтожения и порабощения еврейским большевизмом. Мужественное участие финских героев на севере в общей освободительной войне заслужило им достойное место в сердце немецкого народа.

Я хочу подвести итоги поражения Советской России и оккупации большей части Европейской России в 1941 году.

Во-первых, *в военном плане*, последний союзник Англии на континенте перестал существовать как фактор, имеющий какое-либо значение. *Германия и ее союзница Италия стали в Европе непобедимы!* Они располагают огромными силами!

Во-вторых, *в экономическом плане*, ось и ее союзники, то есть вся Европа, теперь не зависят от заморских территорий. *Отныне Европу невозможно подвергнуть блокаде*. Хлеб и сырье из европейской части России могут полностью удовлетворить потребности Европы. Военная промышленность России будет работать на Германию и ее союзников, еще более увеличивая военный потенциал Европы. Освоение этого огромного региона уже началось.

Таким образом, созданы основные и решающие предпосылки для окончательной победы оси и ее союзников над Англией.

В конце 1941 года Германия и ее союзники оккупировали наиболее густонаселенную часть России, которая также имеет наибольшее зна-

чение в плане зерна и сырья. Там же сосредоточена большая часть советской промышленности. Учитывая военные и экономические возможности, которые еще остались у России, нетрудно спрогнозировать дальнейшее развитие событий на востоке. Недостаток подготовленных солдат и материальных ресурсов лишают Советы возможности предпринять серьезные военные усилия, которые могли бы изменить общий ход войны.

Исходя из *общей военной ситуации*, сегодня ось и ее союзники обладают абсолютным стратегическим превосходством над Англией и ее союзниками. Кампании на севере, западе, востоке и юго-востоке уже выиграны осью, и, что бы ни придумали английские стратеги, они не смогут изменить ситуацию, сложившуюся в Европе. В Африке, как и в Европе, Англия также смогла убедиться в непобедимом духе и ударной мощи наших войск. Сейчас там опять разгорелись сражения. В долгосрочном плане действия в этом регионе гораздо более благоприятны для оси, чем для англосаксов, которым приходится добираться туда через оксаны.

В дальнейшей перспективе силы распределяются следующим образом: Британские острова и их заоксанские североамериканские союзники с одной стороны и могущественный европейский блок с другой.

Германия и Италия могут сконцентрировать решающие силы своих армий, флотов, военно-воздушных сил для борьбы с главным противником — Британией. В этом конфликте с точки зрения стратегической ситуации, а также районов размещения людских и материальных ресурсов все преимущества на стороне европейской коалиции.

Для *общей политической ситуации* в мире разгром большевизма имеет решающее значение. С уничтожением России как великой державы превосходство стран оси — великих держав Германии, Италии и Японии, а также их союзников становится настолько преобладающим, что я не вижу другой силы, которая могла бы в будущем сравниться с ними. В географическом плане сфера влияния этой группы стран будет простирается через весь Европейский регион, от мыса Нордкап до Средиземного моря, от Атлантического побережья до глубинных областей России. Северная Африка и Ближний Восток, где враг пока удерживает свои позиции, тоже не смогут избежать воздействия политических и военных событий. На Дальнем Востоке ситуацию контролирует великая Япония, и никакая другая

страна не сможет оспорить ее законное доминирующее положение в регионе.

И этим державам сегодня противостоят Англия и возглавляющий ее г-н Черчилль. Никому не дано заглянуть в мысли этого человека, которого в Англии, несомненно, будут считать главным виновником войны против Германии. Однако было бы удивительно, если бы сегодня Черчилль в глубине души не осознавал, *что он уже не может выиграть эту войну, что Англия уже потерпела поражение*. Разумеется, он не может признать это перед собственным народом и все надежды возлагает на единственного оставшегося союзника — на *Соединенные Штаты Америки!*

Годами президент Рузвельт угрожал войной Германии и всем, кому мог. Поначалу Германия хранила молчание. Однако в последнее время тон американских поджигателей войны стал все более угрожающим, и мы считаем необходимым прояснить свою позицию по данному вопросу.

В течение всей своей истории германский народ никогда не испытывал вражды или ненависти к американскому народу. Это не значит, что американский народ так же относился к германскому народу. Тем не менее г-н Рузвельт пытается с помощью интриг и клеветы втянуть свою страну и народ в войну с Германией. Германия этого не хотела. Однако когда стало ясно, что американский народ не имеет права голоса, а политику делают исключительно мировое еврейство, заповолившее Соединенные Штаты, и его ставленник г-н Рузвельт, Фюрер был вынужден учесть такое развитие событий, а Имперскому правительству пришлось принять во внимание враждебное отношение со стороны Рузвельта. В свете этого хочу заявить: будут ли, и в каких масштабах, Соединенные Штаты осуществлять военные поставки нашим врагам, вступят ли они в войну против нас или нет — все это не изменит конечного итога войны, которым может быть лишь победа оси и ее союзников.

Кто-то может задаться вопросом, почему народы, между землями которых Провидение поместило океан протяженностью в многие тысячи километров, должны сражаться друг с другом. Чтобы понять нынешнюю ситуацию, нужно иметь в виду, что подлинные интересы германского, итальянского и американского народов не противоречат друг другу. Противоречат друг другу, с одной стороны, интересы молодых народов, борющихся за национальное выживание, новый соци-

альный порядок и более справедливое распределение ресурсов, и, с другой стороны, интересы международной еврейской плутократии эксплуататоров во главе с г-ном Рузвельтом.

Имея в своем распоряжении правительственный и пропагандистский аппарат, г-н Рузвельт и его еврейские единомышленники разжигают ненависть против национал-социализма и фашизма. Они не брезгают никакими средствами. Они день и ночь шлют проклятия Германии, Италии и Японии. Они утверждают, что Германия намерена подавить все религии в мире! Гитлер хочет завоевать Южную Америку! Гитлер хочет подчинить Соединенные Штаты! Гитлер хочет поделить мир! Вот что они внушают американскому народу. Естественно, все это полный идиотизм! Каждый знает, что у Германии, которая в течение многих поколений будет развиваться в восточном направлении, нет ни малейшей причины или намерения для враждебных действий против Америки и, кроме того, мысль о нападении Германии на Америку — с военной точки зрения полное безумие.

Американские военные прекрасно знают это, но поджигатели войны в США постоянно говорят о возможном нападении Германии, используя подобные лозунги для маскировки собственных намерений. Действуя по принципу «Держи вора!», они изобретают и приписывают Адольфу Гитлеру планы завоевания мира; под прикрытием этой истерии они хотят восстановить господство еврейской плутократии над странами, которые сбросили его. Лишь по этой причине они агитируют за войну против новой Германии, Италии или Японии. Они фальсифицируют карты и документы. Они говорят о нейтралитете США и постоянно нарушают этот нейтралитет. Они поставляют военные материалы, придумав принцип «плати и возьми» (*cash-and-carry* — продажа за наличный расчет без доставки. — *В. М.*), чтобы выкачать из партнера деньги и заставить его покупать снова и снова. Они провозглашают смертельную вражду с большевизмом и несколько недель спустя заключают с ним союз. Наконец, они приказывают открывать огонь по германским судам и лицемерно протестуют, когда те защищаются.

Зададимся вопросом, сколько еще здоровый инстинкт американского народа позволит ему терпеть убийственную политику правительства? Порой создается впечатление, что сведущие американцы готовы протестовать против подобных действий. Согласно послед-

ним опросам, лишь небольшая часть американского народа поддерживает курс нынешнего правительства на войну. Если это правительство — злонамеренно и самонадеянно, вопреки законам природы и мудрым заветам президента Монро — вмешивается в дела континентов, отделенных двумя океанами, чтобы духовно и физически терроризировать их, это не может быть выражением подлинной воли американского народа. Во-первых, этот народ имеет все необходимые материальные ресурсы на собственной земле, во-вторых, он ясно понимает, что ему никто не угрожает. В то же время он никогда не сможет духовно руководить, не говоря уже о том, чтобы править, другими народами. Америка для американцев, Европа для европейцев — вот мудрая формула, которую в конечном итоге никто не может игнорировать без риска вызвать глобальную катастрофу. Если американский народ, осуществляя противоестественные цели своего президента, все более изолирует себя и позволит втянуть себя в войну против половины мира, мы можем лишь сожалеть об этом. Я хочу заявить следующее: *если дело примет такой оборот и начнется война между Соединенными Штатами Америки с одной стороны и Европой и Восточной Азией с другой, то уже сегодня ясно, что ответственность за эту войну и ее последствия полностью ляжет на президента Рузвельта.*

Спросим себя: что движет президентом Рузвельтом, проводящим политику, приближающую его народ, против его собственной воли, к войне? В свое время бывшие польские послы в Вашингтоне и Париже информировали свое правительство, что главный мотив действий президента Рузвельта следует искать в его нечистой совести и чувстве вины. Задолго до начала войны он сознательно пытался отвлечь внимание американского народа от провалов в социальной и экономической сфере, переключив его на внешнюю политику. С этой целью он сеял ненависть к национал-социализму и фашизму, которые добились больших успехов в этих сферах, к их лидерам Адольфу Гитлеру и Муссолини. По мере того как позиции Германии и Италии и их лидеров в Европе укреплялись, он намеренно разжигал военный психоз и открыто проводил агрессивную политику в отношении оси. Он зашел так далеко, что в 1938 году, после Мюнхена, агитировал за войну и опустил до угроз в адрес английского правительства Чемберлена, выкручивая ему руки, чтобы не допустить соглашения с Фюрером по польскому вопросу.

Эти и другие абсолютно достоверные сведения о позиции американского президента, ставшие достоянием гласности в последние годы, делают очевидным ужасающий факт: *президент Рузвельт является главным подстрекателем и, следовательно, главным виновником войны.*

Когда-нибудь американский народ дорого заплатит, как в идеологическом, так и в материальном плане, за политику своего президента. Потому что:

во-первых, совершенно ясно, что американскому налогоплательщику придется нести основное бремя войны Англии против Германии. Известно, что по итогам (Первой. — В. М.) мировой войны Англия и другие страны все еще должны Соединенным Штатам около 15 миллиардов долларов и даже в мирное время не могут выплачивать проценты, не говоря уже о погашении самого долга. Однако если это невозможно для старых долгов, то очевидно, что и новые долги никогда не смогут быть выплачены. Каждое ружье, каждая пушка, каждый самолет, которые сегодня поставляет Америка, ложатся тяжким бременем на плечи американского налогоплательщика. Из-за того, что Америка постоянно расходует свои ресурсы, не получая никакого возмещения, ее в относительно близком будущем ждет *величайший экономический кризис*, какого еще не было. Полагаю, что катастрофа 1929 года покажется детской забавой по сравнению с тем, к чему приведет военная и экономическая политика Рузвельта. Уже сегодня появляются первые симптомы будущего краха: *растущая инфляция* как предвестник социальной революции;

во-вторых, Рузвельт утверждает, что борется за сохранение демократии. Если бы такова была его истинная цель, он никогда бы не стремился к войне и не вступил в союз с большевистской Россией. Однако, поступив так, он выдал намерение установить в Америке абсолютное господство для себя и своих еврейских «мозговых центров». Ради этого г-н Рузвельт готов пролить кровь сынов Америки;

в-третьих, Рузвельт заключил союз со злейшим врагом человечества — большевизмом. Это, как ранее в других странах, приведет к резкому росту социальных противоречий. Мы считаем, что союзом с Советской Россией президент Рузвельт посеял семена одной из наиболее разрушительных социальных катастроф, которая однажды потрясет американский народ и отбросит его на десятилетия назад;

в-четвертых, союз Рузвельта с атеистическим большевизмом будет иметь самые серьезные последствия для религиозных чувств правдолюбивого американского народа. Однако именно этого, судя по всему, желают еврейские советчики, которые, поддерживая безбожный большевизм, преследуют собственные материальные интересы.

Я верю, что наступит день, когда американский народ очнется и предъявит счет президенту и его еврейским советчикам за политику, которая привела к войне и натравила одну нацию на другую; с ее помощью американский народ против его воли пытаются втянуть в войну, которую Америка никогда не сможет выиграть и которая будет стоить ей огромных жертв.

Г-н Черчилль вполне сознательно участвовал в проведении этой политики; не важно, насколько по собственной инициативе, насколько под влиянием президента Рузвельта. В то время как г-н Рузвельт является главным виновником, Англия станет первой и главной жертвой. Перспективы Англии более чем мрачны. Я бы так оценил ее положение и ее будущее в связи с нынешней войной:

во-первых, на суше и на море, даже с помощью Америки, она не способна выиграть войну против стран оси и их союзников. В какой-то момент ее ресурсы неизбежно истощатся, в то время как наши возможности будут увеличиваться;

во-вторых, в спровоцированном Черчиллем воздушном сражении между Британскими островами и Европой все шансы против Англии. Географическое положение Британских островов и их экономика делают Англию уязвимой для воздушных атак с континента;

в-третьих, экономический и военный потенциал оси, даже без Японии, после разгрома России значительно превышает совместный англо-американский потенциал;

в-четвертых, продолжая войну, Англия утрачивает позицию за позицией, и ее мировая империя будет все больше подпадать под иностранную зависимость;

в-пятых, в результате комплексного использования всех сил Германии и ее союзников против Британских островов на море, в воздухе и на земле Англия будет опустошена и в конечном итоге раньше или позже потерпит поражение.

Лондонские правители своей политикой войны против Германии довели Англию до ее нынешнего положения. В этой серьезной ситуации г-н Черчилль вновь и вновь прибегает к своему излюбленному

приему обмана и блсфа, в эффективность которого сам, вероятно, уже не верит. Возможно, он таким образом попытается удержать свой народ в повиновении. Не может же он всерьез полагать, что его болтовня произведет впечатление на германское руководство. Однако я хотел бы упомянуть о повторяющихся английских сообщениях относительно так называемых немецких мирных зондажей. Могу заявить следующее: в связи с тем, что Англия дерзко отвергала многочисленные мирные предложения Фюрера, сделанные в Рейхстаге, *особенно после поражения Франции, Германия никогда больше не выдвинет новых мирных предложений; таких намерений не существует сегодня и не появится в будущем.* Если же из Англии продолжают поступать сообщения, что Германия ищет мира, то этому есть лишь одно объяснение: такое стремление к миру — в большей мере, чем хотелось бы Черчиллю, — существует среди англичан. Изобретая немецкие мирные инициативы, британское правительство, видимо, хочет убедить свой народ в слабости Германии и, решительно отвергая эти мнимые предложения, стремится создать у него впечатление твердости и силы. Однако воздействие подобных трюков недолговечно.

Столь же ошибочной, но еще лучше характеризующей англосаксонское мышление, является *английская пропаганда революции в Европе*, как в районах, оккупированных германскими войсками, так и в самой Германии! Похоже, англичане верят этой пропаганде. Помимо американской помощи, относительно масштабов которой Черчилль вряд ли заблуждается, революция в Европе является *последней надеждой нынешнего английского правительства.*

Остается ждать одного — революции в Великой Германии!

Г-н Черчилль был, есть и останется плохим психологом. Про него говорят, что этот английский политик больше всего ошибался в оценках и терпел величайшие нсудачи, но все же сумел стать премьер-министром. В некоторых демократиях это, похоже, является преимуществом. Однако когда государственный деятель ставит судьбу своей страны в зависимость от несбыточных надежд — это редкая глупость. Народ, который выиграл величайшие военные кампании, который вместе со своими союзниками и друзьями правит Европой; народ, который, наконец, обеспечил себе жизненное пространство и обрел экономическую независимость от других государств; народ, который после нескольких всков борьбы создал Великую Германию, — от такого

народа сегодня ожидают революции! То же относится к Италии, которая всем обязана Дуче и его фашистскому движению!

Но даже если бы все было не так и Германия, вместо того чтобы идти от победы к победе, терпела поражение за поражением, одно оставалось бы неизменным: национал-социалистическая Германия никогда бы не капитулировала. Г-н Черчилль со свойственным ему поверхностным мышлением не имеет ни малейшего представления о сегодняшней Германии. Один англичанин недавно восторженно написал, что русский комиссар сделан из твердого дерева. Если это правда и русский комиссар действительно сделан из твердого дерева, то *национал-социализм сделан из стали!* Более того, Англия может не сомневаться: *народом, который возглавляет Адольф Гитлер, владеет лишь одна мысль: сражаться до победного конца в навязанной ему войне.* Ноябрь 1918 года не повторится второй раз в германской истории.

В Англии этого не понимают, потому что не хотят терять последнюю надежду. Лишь поэтому в Лондоне все еще верят, что, проиграв парочку старых пропагандистских мелодий, удастся спровоцировать восстания и перевороты в европейских странах. Наивно предполагать, что Германию можно одолеть в ее сфере влияния с помощью древних пропагандистских методов. Г-н Черчилль, которого англичане недавно объявили своим лучшим экспертом в области вооружений, должен бы знать, что в наш век моторов, бронетехники и т. д. восстания на разоруженных территориях в принципе невозможны. Черчилль, похоже, плохо информирован и имеет плохих советников. Впрочем, дело даже не в этом. Народы Европы вовсе не хотят поднимать восстание! Конечно, перестройка и восстановление нашего континента после того, как Англия развязала в Европе войну, не могут осуществиться за один день. Новое рождается в муках. Необходима переориентация во многих областях; надо привыкнуть к новой ситуации. И хотя многое еще предстоит прояснить, обсудить и урегулировать, большинство народов Европы полностью согласны в одном: *в будущем для Англии нет места на континенте.* Слишком долго она играла в свои грязные игры в Европе, плела интриги, провоцировала войны и почти всегда вела их чужими руками. Сегодня это общеизвестно. Поэтому Европа больше не желает иметь ничего общего с такой политикой. Даже во Франции европейское сознание начинает меняться.

Эта последняя война, которая вновь принесла страдания и слезы странам континента, изменила сознание жителей Европы гораздо быстрее, чем долгие годы мира. Хотя многие люди предпочитают не замечать этого по эгоистическим причинам или не хотят открыто признать это, одно совершенно неоспоримо: *народы Европы сблизилась*. Если некоторые слои населения еще колеблются, то союз Англии с большевизмом против Европы открыл им глаза. Каждый европеец знает, что сегодня Англия желает упадка старой Европы и ее гибели в большевистской катастрофе. При этом Британия питает несбыточные надежды на то, чтобы отсидеться на своих островах, а затем восстановить свое влияние на континенте. Однако Европа пробудилась от спячки и решила по-иному. Она мобилизовалась, и сегодня мы являемся свидетелями вдохновляющего зрелища, когда одна европейская нация за другой — в большинстве своем бывшие британские союзники, которых Англия втянула в войну с Германией, причинив им многие бедствия, — отворачиваются от нее, приходят к нам и отдают своих сыновей на борьбу с общим большевистским врагом. Впервые в истории Европа движется к объединению! Здоровый инстинкт народов позволил им выбрать правильный путь и противостоять намерениям бывших правителей, которые сегодня сидят в эмиграции в Лондоне за одним столом с Черчиллем, союзником Сталина, и с которыми разочаровавшиеся в них народы не желают иметь ничего общего. Сегодня сыны почти всех европейских стран сражаются на востоке за сохранение жизни и культуры на нашем континенте. Кровь, пролитая в общей борьбе, весит больше, чем все традиции прошлой эпохи. *Грядет новая Европа*. Неизбежно и неотвратимо! Невзирая на желания г-на Черчилля, г-на Рузвельта и их еврейских кукловодов, народы континента построят новую Европу — даже если путь к ней лежит через войну — и никому не позволят помешать им.

Неодолимые в военном плане и неуязвимые экономически, мы можем политически обустроить континент, как если бы сейчас было мирное время. А если нас иногда будут бомбить, мы воздадим в десятикратном размере. Сегодня Европа может в случае необходимости воевать хоть тридцать лет, и при этом ей не будет грозить серьезная опасность. По мере укрепления единства и солидарности народов наш континент становится все более весомой силой на пути тех, кто осмелится напасть на нас.

Господа! В то время как в Европе утвердился новый порядок под руководством оси и ее друзей, в Восточной Азии также устанавливается новый порядок под руководством Японии и ее друзей. Никто не сможет помешать этому процессу. Возможно, потребуются большие усилия и жертвы, прежде чем цель будет достигнута. *Однако в борьбе молодых народов за новый порядок против ставленников мировой клики еврейских спекулянтов и политических угнетателей собственных народов окончательная победа не вызывает никаких сомнений. Поэтому само Провидение благословляет нашу борьбу и не оставит нас до окончательного уничтожения врагов нового порядка пробуждающегося мира.*

Примечания

Принятые сокращения

ГК — Год кризиса. 1938–1939

ДВП — Документы внешней политики СССР

ДиМ — Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939

ИР — Иоахим фон Риббентроп

ADAP — Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik

DBFP — Documents on British Foreign Policy

DDF — Documents Diplomatiques Français

DGFP — Documents on German Foreign Policy

IMT — The Trial of Major War Criminals. Proceedings of the International Military Tribunal Sitting at Nuremberg. Part 10

IMTFE — International Military Tribunal for the Far East. The Tokyo War Crimes Trial. Transcript of the Proceedings

К главе первой

¹Род Риббентропов: *Paul Schwarz*. This Man Ribbentrop, His Life and Times. N.Y., 1943. Ch. 2; *Michael Bloch*. Ribbentrop. N.Y., 1992. P. 1–5.

²*Wolfgang zu Putlitz*. The Putlitz Dossier. London, 1957. P. 118–120 (далее: Putlitz Dossier).

³Цит. по: *Bloch M.* Ribbentrop. P. 5.

⁴Там же.

⁵Жизнь ИР в Канаде: *Schwarz P.* Op. cit. Ch. 3; *Bloch M.* Ribbentrop. P. 6–8.

⁶*Gerhard von Gunther*. Von Ribbentrop. London, 1938. P. 5–16; *Douglas Glen*. Von Ribbentrop is Still Dangerous. London, 1941. P. 18–19.

⁷*Gunther G. v.* Op. cit. P. 21–44; *Glen D.* Op. cit. P. 20–23.

⁸*Count Bernstorff*. My Three Years in America. N.Y., 1920. Ch. II, V; *Franz von Papen*. Memoirs. London, 1952. Ch. 3 (далее: Papen Memoirs); *Henry M. Adams*, *Robin K. Adams*. Rebel Patriot: A Biography of Franz von Papen. Santa Barbara, 1987. Ch. III–V; *Bernard Wasserstein*. The Secret Lives of Trebitch Lincoln. New Haven, 1988.

⁹*Gunther G. v.* Op. cit. P. 44–53; *Glen D.* Op. cit. P. 23–25.

¹⁰*Ulrich Trumpener*. Germany and the Ottoman Empire. Cambridge, 1958.

¹¹*Gunther G. v.* Op. cit. P. 57–59; *Glen D.* Op. cit. P. 26–27.

¹²Цит. по: *Bloch M.* Ribbentrop. P. 13. См. также: *Зигмунд А. М.* Женщины Третьего рейха. М., 2005.

¹³*Schwarz P.* Op. cit. P. 13–14.

¹⁴*Bloch M.* Ribbentrop. P. 17–18; *Schwarz P.* Op. cit. P. 61–63.

¹⁵*Schwarz P.* Op. cit. P. 63–64; Putlitz Dossier. P. 52–53.

¹⁶*Gunther G. v.* Op. cit. P. 76–92; *Glen D.* Op. cit. P. 25–26.

¹⁷*Gunther G. v.* Op. cit. P. 100–111; *Glen D.* Op. cit. P. 35.

¹⁸Цит. по: *Bloch M.* Ribbentrop. P. 23.

¹⁹Сообщение Р. фон Риббентропа Д. Ирвингу: *David Irving.* Goebbels: The Mastermind of the Third Reich. London, 1996. P. 157.

²⁰Вызов Бюлова-Шванте в качестве свидетеля, видимо, был вызван упоминанием в книге Шварца: *Schwarz P.* Op. cit. P. 73–78; Гельдорф был казнен в 1944 г. за участие в заговоре против Гитлера.

²¹*Gunther G. v.* Op. cit. P. 115–120; *Glen D.* Ch. VI.

К главе Второй

¹Papen Memoirs. P. 373; *John L. Heineman.* Hitler's First Foreign Minister: Constantin Freiherr von Neurath, Diplomat and Statesman. Berkeley, 1979. P. 126, 292.

²*Paul Seabury.* The Wilhelmstrasse: A Study of German Diplomats Under the Nazi Regime. Berkeley, 1954. P. 33–37.

³*Fernand de Brinon:* 1) Mémoires. Paris, 1949. P. 26–29 (далее: Brinon Mémoires); 2) A ses amis. (Paris, 1947). P. 46; *Gilbert Joseph.* Fernand de Brinon, l'aristocrate de la collaboration. Paris, 2002. Ch. 10.

⁴Впервые: *Joseph G.* Op. cit. P. 115, 615 (факсимиле); *Brinon F. de.* A ses amis. P. 28.

⁵*Joseph G.* Op. cit. Ch. 11; *Brinon F. de.* A ses amis. P. 47–48; *Fernand de Brinon.* France — Allemagne, 1918–1934. Paris, 1934 (оценка книги: *Otto Abetz.* Histoire d'une politique franco-allemande, 1930–1940. Mémoires d'un ambassadeur. Paris, 1953. P. 62).

⁶*Ernest W. D. Tennant.* True Account. London, 1957. P. 151–152, 163.

⁷*Tennant E. W. D.* Op. cit. P. 164–165; *James Robert Rhodes.* Memoirs of a Conservative. J.C.C. Davidson's Memoirs and Papers, 1910–1937. London, 1969. P. 399.

⁸Цит. по: *David Marquand.* Ramsay Macdonald. London, 1977. P. 756.

⁹*Tennant E. W. D.* Op. cit. P. 165–169; *Rhodes J. R.* Op. cit. P. 399–401.

¹⁰*Tennant E. W. D.* Op. cit. P. 170–172.

¹¹Цит. по: *Heineman J. L.* Op. cit. P. 127. В DGFP не вошло.

¹²DBFP, 2. Vol. VI. P. 391–393, 407.

¹³DGFP, C. Vol. II. P. 511–518, 520–523, 527–528; DBFP, 2. Vol. VI. P. 448–470; *Tennant E. W. D.* Op. cit. P. 172; в мемуарах Идена о визите имя ИР не упомина-

нуто: The Earl of Avon. The Eden Memoirs. Facing the Dictators. London, 1962. P. 60–72 (далее: Eden Memoirs).

¹⁴Tennant E. W. D. Op. cit. P. 172–173.

¹⁵DDE, 1. T. V. P. 869–871.

¹⁶DGFP, C. Vol. II. P. 564–565, 584–585, 648.

¹⁷Там же. P. 751–752; *Джордан В. М.* Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 гг. М., 1945. С. 189–194.

¹⁸DDE, 1. T. VI. P. 355–356.

¹⁹Hans-Adolf Jacobsen. Nationalsozialistische Aussenpolitik, 1933–1938. Frankfurt — Berlin, 1968. P. 252–318.

²⁰Rapen Memoirs. P. 374; *Дирксен Г. фон.* Цит. соч. С. 249; *Jacobsen H.-A.* Op. cit. P. 263–286, 701–703 (списки сотрудников).

²¹Abetz O. Op. cit. P. 45.

²²Цит. по: *Louis Fisher.* Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations, 1917–1941. N.Y., 1969. P. 446 (без указания источника); *Louis C. Kilzer.* Churchill's Deception. The Dark Secret That Destroyed Nazi Germany. N.Y., 1994. P. 68. Биография: *Hans-Adolf Jacobsen.* Karl Haushofer. Leben und Werk. Bd. 1–2. Boppard am Rhein: Boldt, 1979. См. также: *Цвейз С.* Статьи. Эссе. Вечерашний мир. Воспоминания европейца. М., 1987. С. 278–280; *Andreas Dorpalen.* The World of General Haushofer. Geopolitics in Action. N.Y., 1942; *Hans W. Weigert.* Haushofer and the Pacific // Foreign Affairs. Vol. 20 (1942). № 4.

²³DDE, 1. T. VI. P. 735, 863–864; *Erich Kordt.* Nicht aus den Akten... Stuttgart, 1950. P. 76–78.

²⁴Laval Parle... Notes et Mémoires. Paris, 1948. P. 86–87; DBFP, 2. Vol. XII. P. 283–284.

²⁵DDE, 1. T. VIII. P. 13–14, 286; DBFP, 2. Vol. XII. P. 316; *Abetz O.* Op. cit. Ch. IV; *Jules Romains.* Le couple France — Allemagne. Paris, 1934. P. 106–112; *Jean-Baptiste Duroselle.* La décadence (1932–1939). Paris, 1979. P. 205–207.

²⁶*Joseph G.* Op. cit. Ch. 13; *Brinon F. de.* A ses amis. P. 11, 44–45; *Abetz O.* Op. cit. Ch. V; *E. Kupferman.* Le Bureau Ribbentrop et les campagnes pour le rapprochement franco-allemand: 1934–1937 // Les Relations franco-allemandes, 1933–1939. Paris, 1976. P. 87–98 и др.

²⁷DGFP, C. Vol. II. P. 805–809, Vol. III. P. 183–184; DBFP, 2. Vol. VI. P. 695–696, 699–700; Eden Memoirs. P. 89–90; *Kordt E.* Op. cit. P. 69–72. Саймон и Иден сразу оповестили французов: DDE, 1. T. VI. P. 459, 469–470.

²⁸DGFP, C. Vol. II. P. 826–831; *Kordt E.* Op. cit. P. 72–73. См. также: DDE, 1. T. VI. P. 495–496.

²⁹Viscount Rothermere: 1) Warnings & Predictions. London, 1939; 2) My Campaign for Hungary. London, 1939; *Молодяков В. Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М., 2004. С. 193–200.

³⁰Tennant E. W. D. Op. cit. P. 176–182.

³¹DGFP, C. Vol. III. P. 638–641; DBFP, 2. Vol. XII. P. 207–208, 210, 269; DDF, 1. T. VIII. P. 84–85, 269–271.

³²Майский И. М. Воспоминания советского посла. Кн. 2. Мир или война? М., 1964. С. 125–128.

³³Schwarz P. Op. cit. P. 24.

³⁴Цит. по: Heineman J. L. Op. cit. P. 130. В DGFP не вошло.

³⁵Tennant E. W. D. Op. cit. Ch. 20; George Ward Price. I Know These Dictators. London, 1937. P. 29–32; Richard Griffiths. Fellow Travellers of the Right: British Enthusiasts for Nazi Germany, 1933–1939. London, 1980. P. 163–168.

³⁶J. R. M. Butler. Lord Lothian (Philipp Kerr). London, 1960. P. 330–337; DGFP, C. Vol. III. P. 885–887; Эмери Л. Моя политическая жизнь. М., 1960. С. 356–358. «Группа Родса — Милнера»: Carroll Quigley. The Anglo-American Establishment. From Rhodes to Cliveden. N.Y., 1981.

³⁷Цит. по: Heineman J. L. Op. cit. P. 130–131. В DGFP не вошло.

³⁸DBFP, 2. Vol. XII. P. 610.

³⁹Locarno: A Collection of Documents. London, 1936. P. 90–96, 96–101, 106–107 (далее: Locarno).

⁴⁰DBFP, 2. Vol. XII. P. 703–746; Viscount Simon. Retrospect. London, 1952. P. 200–203; Eden Memoirs. P. 132–143; Paul Schmidt. Hitler's Interpreter. N.Y., 1951. P. 13–26.

⁴¹DBFP, 2. Vol. XII. P. 578.

⁴²Eva Haraszi. Treaty-Breakers or «Realpolitiker». The Anglo-German Naval Agreement of June 1935. Boppard am Rhein, 1974. P. 56–77.

⁴³Locarno. P. 119–157.

⁴⁴Locarno. P. 101–103 // Эрпуо Э. Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936. М., 1958. С. 633–635. Анализ: Léon Noël. Les illusions de Stresa. L'Italie abandonnée à Hitler. Paris, 1975; Viscount Simon. Op. cit. P. 203–204; Eden Memoirs. P. 175–181.

⁴⁵Locarno. P. 157–167. Соглашения: Локарнская конференция 1925 г. Документы. М., 1959. Анализ: Тупок В. М. Локарно. М., 1949; Henry L. Bretton. Stresemann and the Revision of Versailles. A Fight for Reason. Stanford, 1953. Ch. VIII, X.

⁴⁶Документы: DGFP, C. Vol. IV. P. 253–266, 269–271, 311–315, 319–323; DBFP, 2. Vol. XIII. P. 338–349, 359–371, 375–380, 386–392, 413–418, 426–429; Haraszi E. Op. cit. P. 177, 185–197 (британские документы, не вошедшие в DBFP). См. также: Haraszi E. Op. cit. P. 98–116; Schmidt P. Op. cit. P. 32–36; Viscount Templewood. Nine Troubled Years. London, 1954. Ch. X; Саймон в мемуарах обогатил этот сюжет.

⁴⁷Documents on International Affairs. 1935. Vol. 1. London, 1936. P. 146–148.

⁴⁸Tennant E. W. D. Op. cit. P. 193–194, 197–207; Geoffrey Waddington. «An Idyllic and Unruffled Atmosphere of Complete Anglo-German Misunderstand-

ing»: Aspects of the Operations of the Dienststelle Ribbentrop in Great Britain, 1934–1938 // New Times. The Journal of the Historical Association. Vol. 82. № 265 (January 1997); *Griffiths R.* Op. cit. P. 127–137, 182–186.

⁴⁹Eden Memoirs. P. 82.

⁵⁰*Viscount Templewood.* Op. cit. P. 379.

К главе третьей

¹*Флорин В.* Германский народ под игом фашизма // Большевик. 1937, № 3. С. 55.

²*David Irving.* Hess. The Missing Years, 1941–1945. London, 1989. P. 48. Пояснения в скобках даны мной.

³*Masaki Miyake.* Hitler's Seizure of Power and Japan's Response // Seikei Ronso. The Review of Economics & Political Science (Meiji University, Tokyo). Vol. 59, № 5/6 (March 1991).

⁴Подготовка японо-германского союза // Япония. Сборник статей и материалов. М., 1934. С. 228–229; выступление Литвинова 29 декабря 1933 г. на сессии ЦИК СССР // ДВН. Т. XVI. С. 791–796; *Гольдберг Д. И.* Японо-германские отношения в 1933–1936 гг. // Вестник Ленинградского университета. 1956. № 20. Вып. 4.

⁵DGFR, C. Vol. II. P. 750–751.

⁶*Судзуки Кэндзи.* Тюдоку тайси Осима Хироси. (Посол в Германии Осима Хироси.) Токио, 1979; *Carl Boyd.* The Extraordinary Envoy: General Hiroshi Oshima and Diplomacy in the Third Reich, 1934–1939. Washington, 1982.

⁷IMTFE. P. 5915–5919, 5923–5925; полный текст: Кокусай кэнсацукёку дзиммон тёсё. (Материалы Международной следственной комиссии.) Т. 33. Токио, 1993.

⁸*Хамада Цунэдзиро.* Тайсэн дзэнъя-но гайко хива. Токухаин-но сюки. (Тайная история дипломатии кануна мировой войны. Записки специального корреспондента.) Токио, 1953. С. 38–40.

⁹*Тадзима Нобуо.* Натидзуму кёкуто сэнряку. (Дальневосточная стратегия нацизма.) Токио, 1997. С. 79–81, 98–102, 228.

¹⁰*Дирксен Г. фон.* Цит. соч. С. 250–251.

¹¹DGFR, C. Vol. IV. P. 952–953; приложен к письму, указанному в следующем прим.

¹²DGFR, C. Vol. IV. P. 948–952; *Дирксен Г. фон.* Цит. соч. С. 225–225.

¹³Japan and Germany on the Path Towards War // *Bernd Martin.* Japan and Germany in the Modern World. Oxford, 1995; *Судзуки К.* Цит. соч. С. 52–55; *Тадзима Н.* Цит. соч. С. 66–82; IMTFE. P. 5913–5915 (Осима).

¹⁴*Richard Basset.* Hitler's Spy Chief. The Wilhelm Canaris Mystery. London, 2005. P. 83–84.

¹⁵Цит. по предисловию Х. Бервальда: *Japan's Road to the Pacific War. (Vol. III.) Deterrent Diplomacy: Japan, Germany and the USSR, 1935–1940.* N.Y., 1976. Р. 3; здесь же перевод работы Охата о пакте: Тайхэйсэ сэнсо-э-но мити. (Дорога к войне на Тихом океане.) Т. 3. Токио, 1962.

¹⁶*Молодяков В. Э.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) -- дипломат, политик, мыслитель. М., 2006. Гл. 3.

¹⁷Меморандум ИР для Гитлера от 16 августа 1936 г.: DGFP, C. Vol. V. P. 899–900.

¹⁸Дневник посла Додда. 1933–1938. М., 1961. С. 297, 324, 326, 330, 334–335, 400–401. Ср.: *Лемин И. М.*: 1) Германо-японские взаимоотношения // Тихий океан. 1935, № 1; 2) Переключка Токио — Берлин // Тихий океан. 1936, № 2.

¹⁹*Tennant E. W. D.* Op. cit. P. 191–192.

²⁰Цит. по: История войны на Тихом океане. Т. II. М., 1957. С. 343–346. Японские документы, которые я изучил, отражают заключительный этап переговоров и попытки расширения пакта: Архив МИД Японии. В-1-0-0. J/X 2. Нити-доку-и бокё кётэй канкэй иккэн. (Документы об Антикоминтерновском пакте Японии, Германии и Италии.)

²¹*Димитров Г. М.* Наступление фашизма и задачи Коммунистического интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М., 1935. Ср.: *Куусинен О. В.* Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий. М., 1934.

²²Меморандум, указанный в прим. 17.

²³*Wilfrid Fleisher.* Volcanic Isle. Garden City, 1941. P. 175.

²⁴*James V. Compton.* The Swastika and the Eagle. Hitler, the United States and the Origins of World War II. Boston, 1967. P. 180.

²⁵IMTFE. P. 22405–22406.

²⁶Обсуждение: в Тайном совете: IMTFE. P. 22480–22483 (Хирота), 22487–22488 (Арита), 5958–5967 (отчет Исследовательского комитета), 5968–5972, 22490–22492 (стенограмма); в парламенте 21 января 1937 г.: Дайнанадзюкай (Сёва 12 нэн) тэйкоку гикай-ни окэру нитидоку бокё кётэй мондай-ни кансү-ру сицуги оёби тобэн. (Материалы обсуждения проблемы Антикоминтерновского пакта Японии и Германии на 70-й сессии парламента (1937 г.). (Токио, 1937) (изд. МИД для служебного пользования; архив МИД Японии). С. 1–18 (палата представителей), 83–87 (палата пэров).

²⁷*Литвинов М. М.* Внешняя политика СССР. М., 1937. С. 184–188; *Лемин И. М.* Блок агрессоров. М., 1937; *Борисов А.* Японо-германское соглашение (Очаг войны на Востоке). М., 1937; Берлинский сговор главных зачинщиков войны // Коммунистический интернационал. 1936, № 18 и мн. др.

²⁸DGFP, C. Vol. VI. P. 208.

²⁹Оба документа из японских архивов: Тайхэйсэ сэнсо-э-но мити. Т. 5. С. 34–35 // *Deterrent Diplomacy.* P. 263–264.

³⁰Цит. по: *Cesare Santoro.* Hitler Germany as Seen by a Foreigner. Berlin. P. 76.

³¹*Ray Moseley. Mussolini's Shadow. The Double Life of Count Galeazzo Ciano.* New Haven, 1999. P. 28–30.

³²*Documents on International Affairs.* 1936. London, 1937. P. 299–301 (ИР и Мусьякодзи); *Deterrent Diplomacy.* P. 265–267.

³³Комментарий официоза МИД: *Baron Iwakusa Ida. The Meaning of the Japan-German Pact // Contemporary Japan.* Vol. V. № 4 (March 1937).

³⁴*Comte Jean Szembek. Journal,* 1933–1939. Paris, 1952. P. 191, 194 (далее: *Szembek. Journal*); Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. М., 1969. С. 314–316, 334–335.

³⁵*John P. Fox. Germany and Far Eastern Crisis, 1931–1938.* Oxford, 1985. P. 184–185; *Судзуки К.* Цит. соч. С. 98.

³⁶Беседы Чиано с Сугимура, Хотта и Раумером: *Ciano's Diplomatic Papers.* London, 1948. P. 129–131, 138–139. *Ciano's Diary, 1937–1943.* N.Y., 2002. P. 17–19. Роль Хотта: Сёваси-но тэнно. (Император в истории Сёва.) Т. 21. Токио, 1973. С. 6–17, 26–51.

³⁷Беседы Чиано и Муссолини с ИР: *Ciano's Diplomatic Papers.* P. 139–141. *Ciano's Diary.* P. 17–18.

³⁸*Ciano's Diary.* P. 21.

³⁹*DGFP, D. Vol. I.* P. 26–27 (протокол); Архив МИД Японии. В-1-0-0. J/X2. Нити-доку-и бокё кётэй канкэй иккэн. (Документы об Антикоминтерновском пакте Японии, Германии и Италии); *Ciano's Diary.* P. 22.

⁴⁰*Reinhard Spitzzy. How We Squandered the Reich.* Norwich, 1997. P. 131–132, 136–140.

⁴¹*DBFP, 2. Vol. XXI.* P. 456–457; *Ciano's Diplomatic Papers.* P. 147; *Ciano's Diary.* P. 23; *Викторов Я.* Подготовка итало-японского военного союза // Дальневосточный очаг войны (Япония). Сталинград, 1937. С. 15–17 и др.

⁴²*William Henry Chamberlin. The Challenge to the Status Quo // Contemporary Japan.* Vol. VII. № 1 (June 1938).

К главе четвертой

¹Цит. по: *Heineman J. L.* Op. cit. P. 131, 138–139. В DGFP не вошло.

²*Michel Junot. Andre Tardieu, le mirobolant.* Paris, 1996. Ch. 12, 13, 19.

³*Джордан В. М.* Цит. соч. Гл. XIV–XV; *Bretton H. L.* Op. cit. Ch. VI–VIII, X. *4DGFP, C. Vol. IV.* P. 1039–1040; *DDF, 2. T. I.* P. 213, 232–233, 245–247; *Eden Memoirs.* P. 372–373.

⁵*Locarno.* P. 198–227.

⁶*Джордан В. М.* Цит. соч. С. 243. Речи Сарро: *Locarno.* P. 233–239, 248–256.

⁷*Eden Memoirs. Book 2. Ch. 2; André François-Poncet. Souvenirs d'une ambassade à Berlin. Septembre 1931 – Octobre 1938.* Paris, 1946. Ch. VI; *Emmerson James T.* *The Rhineland Crisis, 7 March 1936.* London, 1977.

- ⁸ DGFP, C. Vol. V. P. 67–69, 73–77, 92–95; *General Baron Geyr von Schweppenburg. The Critical Years*. London, 1952. Ch. IV; *Кейтель В.* 12 ступенек на эшафот. Ростов-на-Дону, 2000. С. 93–94.
- ⁹ Locarno. P. 269–272.
- ¹⁰ DBFP, 2. Vol. XVI. P. 163.
- ¹¹ DGFP, C. Vol. V. P. 198; DBFP, 2. Vol. XVI. P. 185.
- ¹² DGFP, C. Vol. V. P. 215–216.
- ¹³ Locarno. P. 315–324.
- ¹⁴ Putlitz Dossier. P. 109 (Путлиц был секретарем Дикхофа); *Schmidt P.* Op. cit. P. 9–45.
- ¹⁵ Locarno. P. 329–334.
- ¹⁶ DGFP, C. Vol. V. P. 208, 214–215; DBFP, 2. Vol. XVI. P. 200–202.
- ¹⁷ Locarno. P. 339–354.
- ¹⁸ Там же. P. 355–358.
- ¹⁹ DGFP, C. Vol. V. P. 287–288; DBFP, 2. Vol. XVI. P. 217–220.
- ²⁰ DGFP, C. Vol. V. P. 289–293; DBFP, 2. Vol. XVI. P. 224–225, 233–235; *Eden Memoirs*. P. 361–362, 369–370.
- ²¹ Locarno. P. 358–361.
- ²² Там же. P. 363–376.
- ²³ Там же. P. 376–385.
- ²⁴ DGFP, C. Vol. V. 364–365, 377–382; DBFP, 2. Vol. XVI. P. 262–264, 268–270, 277–278; Locarno. P. 400–405; *Schmidt P.* Op. cit. P. 47–50.
- ²⁵ *Джордан В. М.* Цит. соч. С. 243, 284.
- ²⁶ *Ian Kershaw.* Making Friends with Hitler: Lord Londonderry, the Nazis and the Road to War. Harmondsworth, 2005; связанные с ним сюжеты далее излагаются по этой книге.
- ²⁷ Впечатления от поездок в Германию: *Marquess of Londonderry. Ourselves and Germany*. Harmondsworth, 1938 (письмо к ИР: P. 96–98); вторая книга посвящена оправданию своей деятельности на посту министра авиации и контактов с рейхом: *Marquess of Londonderry. Wings of Destiny*. London, 1943.
- ²⁸ Putlitz Dossier. P. 110; *Bloch M. Ribbentrop*. P. 89; *Майский И. М.* Цит. соч. С. 127; *Kordt E.* Op. cit. P. 148.
- ²⁹ *Fritz Hesse.* Hitler and the English. London, 1954. P. 24; *Geyr von Schweppenburg*. Op. cit. P. 69; Putlitz Dossier. P. 110; *Schwarz P.* Op. cit. P. 162.
- ³⁰ *Thomas Jones.* A Diary with Letters, 1931–1950. London, 1954. P. 186, 194–208, 214–217, 224, 247.
- ³¹ Об этом он прямо говорил Папену: *Papen Memoirs*. Op. cit. P. 375.
- ³² Цит. по: *Heineman J. L.* Op. cit. P. 143. В DGFP не вошло.
- ³³ *Kordt E.* Op. cit. P. 146–152; *Bloch M. Ribbentrop*. P. 96–99, 468–469; *Irving D.* Hitler's War. P. xiv–xv.

- ³⁴Записи Ванситтарта: DBFP, 2. Vol. XVII (прил.); *Lord Vansittart*. The Mist Procession. London, 1958. P. 524; *Schmidt P.* Op. cit. P. 50–51.
- ³⁵*Jones T.* Op. cit. P. 239–252 (Джонс сопровождал Ллойд Джорджа); *Schmidt P.* Op. cit. P. 56–59.
- ³⁶*Glen D.* Op. cit. P. 139; положительная реакция прессы на назначение ИР послом: *Franklin Reid Gannon*. The British Press and Germany, 1936–1939. Oxford, 1971. P. 105.
- ³⁷Цит. по: *Bloch M.* Ribbentrop. P. 111; *Kordt E.* Op. cit. P. 154; Putlitz Dossier. P. 117.
- ³⁸*Hesse F.* Op. cit. P. 29–30, 9–10.
- ³⁹Eden Memoirs. P. 370.
- ⁴⁰Майский И. М. Цит. соч. С. 343–344.
- ⁴¹*Irving D.* Goebbels. P. 218–219; *Peter Ustinow*. Dear Me. London, 1977. Ch. 5; *Hesse F.* Op. cit. P. 10–11.
- ⁴²DGFP, C. Vol. VI. P. 89.
- ⁴³*Rhodes J. R.* Op. cit. P. 417.
- ⁴⁴*Hesse F.* Op. cit. P. 31–33.
- ⁴⁵DGFP, C. Vol. VI. P. 158–159.
- ⁴⁶DGFP, C. Vol. IV. P. 1063.
- ⁴⁷*Seabury P.* Op. cit. P. 54. График разъездов ИР: *Jacobsen H.-A.* Op. cit. P. 706.
- ⁴⁸Меморандум ИР для Гитлера от 28 августа 1936 г.: DGFP, C. Vol. V. P. 932–935; *Schwarz P.* Op. cit. P. 205–207.
- ⁴⁹DGFP, C. Vol. VI. P. 220–221, 251–252, 304.
- ⁵⁰*Spitzzy R.* Op. cit. P. 55–165; *Schwarz P.* Op. cit. P. 196 (Шварц писал с чужих слов, поэтому Шпитци ошибочно назвал «Рудольфом»).
- ⁵¹DGFP, C. Vol. VI. P. 367, 414, 422–424; *Hesse F.* Op. cit. P. 30; Putlitz Dossier. P. 21–123; *Glen D.* Op. cit. P. 140–141.
- ⁵²*Jones T.* Op. cit. P. 313.
- ⁵³DGFP, C. Vol. VI. P. 414–422; DBFP, 2. Vol. XVII. P. 221–225.
- ⁵⁴DGFP, C. Vol. VI. P. 517–519.
- ⁵⁵Documents on International Affairs. 1937. London, 1939. P. 227–231.
- ⁵⁶*Glen D.* Op. cit. P. 150–151, 162–167; *Gannon F. R.* Op. cit. P. 112; *Griffiths R.* Op. cit. P. 253–260; *L. S. Amery*. The German Colonial Claim. London, 1939.
- ⁵⁷DGFP, C. Vol. VI. P. 757–758, 777–782.
- ⁵⁸*Sir Neville Henderson*. Failure of a Mission: Berlin 1937–1939. London, 1940. P. 67–69.
- ⁵⁹DGFP, C. Vol. VI. P. 1085–1086, 1093.
- ⁶⁰DBFP, 2. Vol. XIX. P. 447–449; Eden Memoirs. P. 504–505.
- ⁶¹DGFP, D. Vol. I. 88–91, 99–100, 131–134. Ср. письмо Лондодерри ИР от 8 декабря: *Marquess of Londonderry*. Ourselves and Germany. P. 132–133.
- ⁶²По словам Шпитци, первый вариант не дошел до адресата вовремя: *Spitzzy R.* Op. cit. P. 140–144.

⁶³David L. Hoggan. The Forced War: When Peaceful Revision Failed. Costa Mesa, 1989. P. 67–68.

⁶⁴Winston Churchill. The Gathering Storm. Boston, 1948. P. 222–224; Hesse F. Op. cit. P. 37.

К главе пятой

¹Дирксен Г. фон. Цит. соч. С. 280.

²Эти проблемы выходят за рамки биографии ИР, поэтому укажу лишь, что солидарен не с обличителями «умиротворения», а с ревизионистами: John Charmley: 1) Chamberlain and the Lost Peace. Chicago, 1989; 2) Churchill: The End of Glory. A Political Biography. London, 1993. Ch. 24–32; David L. Hoggan. The Forced War: When Peaceful Revision Failed. Costa Mesa, 1989; David Irving. Churchill's War. Vol. I. The Struggle for Power. Australia, 1987. Ch. 4–15; N. A. Rose. The Gentile Zionists. A Study in Anglo-Zionist Diplomacy, 1929–1939. London, 1973.

³Heineman J. L. Op. cit. P. 168–170; Schwarz P. Op. cit. P. 221–227; Spitzzy R. Op. cit. P. 67–169 (он ошибочно называет 2 февраля).

⁴Ciano's Diary. P. 54.

⁵Цит. по: Keith Feiling. Neville Chamberlain. London, 1946. P. 336.

⁶ИМТ. P. 165 (ИР), 79 (Штеенграхт).

⁷Дирксен Г. фон. Цит. соч. С. 286, 273.

⁸Schwarz P. Op. cit. P. 227–230.

⁹Memoirs of Ernst von Weizsacker. Chicago, 1951. P. 118–121, 125–127 (далее: Weizsacker Memoirs).

¹⁰Kurt von Schuschnigg. Austrian Requiem. London, 1947. Ход переговоров: Papen Memoirs. P. 409–421 (протокола не велось). Обстановка встречи: Spitzzy R. Op. cit. P. 72–176.

¹¹DGFP, D. Vol. I. P. 200–201; DDF 2, T. VIII. P. 383–384; André Franaçois-Poncet. Souvenirs d'une ambassade à Berlin. Septembre 1931 – Octobre 1938. Paris, 1946. P. 291–292.

¹²Eden Memoirs. P. 503–504.

¹³Henderson N. Op. cit. P. vi, 191, 18.

¹⁴Peter Neville. Appeasing Hitler. The Diplomacy of Sir Nevile Henderson, 1937–1939. London, 1999 – и указанные в прим. 2.

¹⁵DBFP, 3. Vol. I. P. 240–249 // ДиМ. Т. 1. С. 53–61 (Гендерсон попросил исключить слова о том, что он поддерживает *анишлюс*, пояснив, что это – его частное мнение); Henderson N. Op. cit. P. 114–118; Schmidt P. Op. cit. P. 86–88.

¹⁶Henderson N. Op. cit. P. 111; Noel L. Op. cit. P. 114–115; Papen Memoirs. P. 425–426; Udo Walendy. Truth for Germany. Vlotho/Weser, 1981. P. 79–84.

¹⁷DGFP, D. Vol. I. P. 253–269 // ДиМ. Т. 1. С. 70–75 (только запись ИР). См. также: Spitzzy R. Op. cit. P. 180–187.

- ¹⁸DBFP, 3. Vol. I. P. 4–6, 8; The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. London, 1971. P. 58–59 (далее: Cadogan Diaries).
- ¹⁹DGFP, D. Vol. I. P. 272–273; Jones T. Op. cit. P. 395–396; Cadogan Diaries. P. 46–48.
- ²⁰DGFP, D. Vol. I. P. 273–277.
- ²¹Cadogan Diaries. P. 60; *Churchill W.* Op. cit. P. 271–272; *Irving D.* Churchill's War. Vol. I. P. 97–98; *Viscount Templewood.* Op. cit. P. 282–283 (Хор ошибается, утверждая, что в телеграмме говорилось о занятии Вены). Галифакс обошел этот сюжет молчанием.
- ²²DBFP, 3. Vol. I. P. 21–23; Cadogan Diaries. P. 60–61. Реакция прессы: *Griffiths R.* Op. cit. P. 292–297; *Henderson N.* Op. cit. P. 126 (совет не показывать фюреру лондонские газеты).
- ²³ДиМ. Т. 1. С. 75.
- ²⁴Документы и материалы кануна Второй мировой войны. Т. 1. М., 1948. С. 96–97.
- ²⁵*Hesse F.* Op. cit. P. 40–43; *Kordt E.* Op. cit. P. 194.
- ²⁶*David Irving.* Goering: A Biography. London, 1989. P. 209–211; *Spitz R.* Op. cit. P. 187–196; *Schwarz P.* Op. cit. P. 234–237.
- ²⁷Материалы визита, не вошедшие в DGFP: *D. C. Watt.* An Earlier Model for the Pact of Steel. The Draft Treaties Exchanged between Germany and Italy during Hitler's Visit to Rome in May, 1938 // International Affairs. Vol. XXXIII (1957); *Mario Toscano.* The Origins of the Pact of Steel. Baltimore, 1963. Ch. 1. Ход визита: *Ciano's Diary.* P. 87; *Schmidt P.* Op. cit. P. 83–84; *Spitz R.* Op. cit. Ch. 4.
- ²⁸*Ciano's Diary.* P. 88.
- ²⁹*Dino Alfieri.* Dictators Face to Face. N.Y., 1955. P. 101.
- ³⁰*Grigore Gafencu.* Last Days of Europe. A Diplomatic Journey in 1939. New Haven, 1948. P. 156–160; *Moseley R.* Op. cit. P. 58–60.
- ³¹DGFP, D. Vol. II. P. 204–205 // ДиМ. Т. 1. С. 82–84. «Карлсбадская программа» цит. по: *Кретинин С. В.* Судетские немцы: Народ без родины. 1918–1945 гг. Воронеж, 2000. С. 155–156.
- ³²ДиМ. Т. 1. С. 94–96; DBFP, 3. Vol. I. P. 284–287.
- ³³DBFP, 3. Vol. I. P. 329–335; ДиМ. Т. 1. С. 97, 101; *Henderson N.* Op. cit. P. 134–144; *Schmidt P.* Op. cit. P. 84–86.
- ³⁴Цит. по: Cadogan Diaries. P. 80; *Neville P.* Op. cit. P. 80; *Henderson N.* Op. cit. P. 110–111.
- ³⁵DGFP, D. Vol. II. P. 420–422, 483, 504; Weizsacker Memoirs. P. 14, 133–149; *Hesse F.* Op. cit. P. 48–51.
- ³⁶DGFP, D. Vol. IV. P. 684–689.
- ³⁷*Ciano's Diplomatic Papers.* P. 238–239; *Ciano's Diary.* P. 145–146.
- ³⁸DGFP, D. Vol. IV. P. 519–520; *Ciano's Diplomatic Papers.* P. 240–241; *Ciano's Diary.* P. 148–150.

³⁹Цит. по: *Moseley R.* Op. cit. P. 45. Подробнее: *Ciano's Diary*. P. 151–152; *Schmidt P.* Op. cit. P. 117; *Spitzky R.* Op. cit. P. 267–269; *Пон И. И.* Чехословацко-венгерские отношения (1935–1939). М., 1972. С. 148–174, 189–214; *Rothermere*. My Campaign for Hungary. Ch. 12–14; *Bertram de Colonna*. Czecho-Slovakia Within. London, 1938.

⁴⁰DGFP, D. Vol. V. P. 361–366, 367–371 (ИР — Чаки); ГК. Т. 1. С. 187, 210.

⁴¹DGFP, D. Vol. IV. P. 515–519; *Ciano's Diplomatic Papers*. P. 242–246; *Ciano's Diary*. P. 148–150. См. также: DBFP, 3. Vol. III. P. 358–360.

⁴²*Georges Bonnet*. Fin d'une Europe. De Munich à la guerre. Genève, 1948. P. 24–35; *Abetz O.* Op. cit. Ch. VII; *Paul Reynaud*. La France à sauvé l'Europe. T. I. Paris, 1947. P. 575.

⁴³DGFP, D. Vol. IV. P. 471–477 // ГК. Т. 1. С. 130–136; DDF, 2. T. XIII. P. 106–110; *Bonnet G.* Fin d'une Europe. P. 36–39. Вельчек изощрялся в остроумии на-счет ИР: *The Von Hassell Diaries, 1938–1944*. London, 1948. P. 30–31.

⁴⁴DGFP, D. Vol. VI. P. 918–920 // ГК. Т. 2. С. 95–97; *Weizsacker Memoirs*. P. 171, 176–177; *Duroselle J. B.* Op. cit. P. 386–389.

⁴⁵DGFP, D. Vol. VI. P. 998–1001; *Georges Bonnet*: 1) Fin d'une Europe. P. 42–49, 252–254; 2) Dans la tourmente (1938–1948). Paris, 1970. P. 86–89, 153–157; *Schmidt P.* Op. cit. P. 117–120.

⁴⁶DDF, 2. T. XIII. P. 88–89 // ГК. Т. 1. С. 136–137; *Robert Coulondre*. De Staline à Hitler; souvenirs de deux ambassades, 1936–37. Paris, 1950. P. 211–212.

⁴⁷DDF, 2. T. XIII. P. 90.

⁴⁸DBFP, 3. Vol. III. P. 397. Попытки помочь евреям: *Bonnet G.*: 1) Fin d'une Europe. P. 34, 39, 112–114; 2) Dans la tourmente. P. 87–89.

⁴⁹Письмо Лукасевича Беку от 17 декабря: *The German White Paper*. N.Y., 1940. P. 22–28. Ср.: DBFP, 3. Vol. III. P. 389–397.

⁵⁰*Toscano M.* The Origins of the Pact of Steel. P. 111–113; *Ciano's Diary*. P. 172–175.

⁵¹ГК. Т. 1. С. 253.

⁵²ГК. Т. 1. С. 272–274.

⁵³DGFP, D. Vol. V. P. 530–531 (в прим.); *Weizsacker Memoirs*. P. 177–178.

⁵⁴DDF, 2. T. XV. P. 21–27 // ГК. Т. 1. С. 281–287.

⁵⁵DGFP, D. Vol. VI. P. 57–62, 63–64 (ИР — Чиано).

⁵⁶*Bonnet G.* Fin d'une Europe. Ch. 8; *Brinon Memoires*. P. 19; DDF, 2. T. XV. P. 99–105 // ГК. Т. 1. С. 299–305; *Coulondre R.* Op. cit. P. 255–258.

⁵⁷Documents Concerning German-Polish Relations and the Outbreak of Hostilities Between Great Britain and Germany on September 3, 1939. London, 1939. P. 5–10 (Чемберлен), 10–17 (Галифакс) (далее: *British Blue Book*). Отношение общественного мнения Англии к оккупации Праги: DGFP, D. Vol. VI. P. 36–39; ДиМ. Т. 2. С. 278–281.

⁵⁸ДиМ. Т. 2. С. 282; *Breach of Security. The German Secret Intelligence File on Events Leading to the Second World War*. London, 1968. P. 55–81.

⁵⁹ГК. Т. 1. 289–290; германские ноты: ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 530, 531–533 (в прим.).

⁶⁰DGFP, D. Vol. VI. P. 337–339 // ГК. Т. 1. С. 405–407.

⁶¹Гэндайси сирё. Т. X. С. 262–264; Ciano's Diary. P. 227.

⁶²DGFP, D. Vol. VI. 444–452; Ciano's Diplomatic Papers. P. 283–286; Ciano's Diary. P. 227–228. См. также: DBFP, 3. Vol. V. P. 801–803.

⁶³DGFP, D. Vol. VI. P. 494–496 (ИР), 496–500, 541–542 // ГК. Т. 1. С. 468–470 (ИР), 484–485; Ciano's Diary. P. 230.

⁶⁴ГК. Т. 1. С. 489–490.

⁶⁵DGFP, D. Vol. VI. P. 214–215.

⁶⁶Ciano's Diary. P. 232–234; *Irving D. Goering*. P. 250.

К главе шестой

¹ГК. Т. 1. С. 185–186; записи Мерекалова: *Безыменский Л.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2002. С. 173–174.

²*Irving D.* Hitler's War and War Path. P. 154.

³*Безыменский Л.* Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 172 (без указания источника).

⁴Гэндайси сирё. Т. X. С. 257–259; *Арисуэ Сэйдзи*. Кайкороку. (Воспоминания.) Токио, 1974. С. 473–479; *Номура Минору*. Тайхэйё сэнсо то Нихон гумбу. (Война на Тихом океане и военные круги Японии.) Токио, 1983. С. 174–175 (интервью Арисуэ 1965 г.). В мемуарах Арита этот факт не отражен.

⁵ГК. Т. 1. С. 167–168, 177, 184–185, 191–192, 199–201, 213–215, 231; DGFP, D. Vol. IV. P. 618–629.

⁶*Peter Kleist*. European Tragedy. London, 1965. P. 15–17.

⁷ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 291–293; DGFP, D. Vol. IV. P. 266–267 // СССР – Германия. Кн. 1. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Vilnius, 1989. С. 10–11 (далее: СССР – Германия); *Weizsacker Memoirs*. P. 186–187.

⁸ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 339–341; DGFP, D. Vol. IV. P. 429 // СССР – Германия. Кн. 1. С. 12–13.

⁹*Gustav Hilger, Alfred G. Meyer*. The Incompatible Allies. A Memoir-History of German-Soviet Relations, 1918–1941. N.Y., 1953. P. 293.

¹⁰Там же. P. 294–296; *Безыменский Л.* Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 183 (Шнурре).

¹¹DGFP, D. Vol. VI. P. 1–3.

¹²*Дембски С.* Польско-советские отношения в оценках Берлина в 30-е годы. Некоторые вопросы // Мир истории. 2002, № 5.

¹³DGFP, D. Vol. VI. P. 547, 558–560, 659–662. Инструкции ИР неизвестны; видимо, Шуленбург получил их устно, во время встречи с ним в Мюнхене в середине мая.

¹⁴Там же. Р. 589–593.

¹⁵*Bonnet G.* Fin d'une Europe. Р. 205.

¹⁶DGFP, D. Vol. VI. Р. 593, 597–599.

¹⁷ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 405–406; ГК. Т. 1. С. 518–522; DGFP, D. Vol. VI. Р. 602–610.

¹⁸Там же. Р. 624–626.

¹⁹ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 559 (в прим.); ссылка на «архив бывш. КГБ СССР».

²⁰ГК. Т. 2. С. 41.

²¹Там же. С. 29–30.

²²DGFP, D. Vol. VI. Р. 728–729.

²³DGFP, D. Vol. VI. Р. 737–740

²⁴ГК. Т. 2. С. 65–67; DGFP, D. Vol. VI. Р. 805–807, 834–836.

²⁵DGFP, D. Vol. VI. Р. 810, 813 // СССР -- Германия. Кн. 1. С. 18–20.

²⁶DGFP, D. Vol. VI. Р. 808–809. Текст статьи: ГК. Т. 2. С. 71–73.

²⁷ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 514–516.

²⁸ГК. Т. 2. С. 136–139; DGFP, D. Vol. VI. Р. 1006–1009, 1015–1016 // СССР – Германия. Кн. 1. С. 21–24, 25–26.

²⁹ГК. Т. 2. С. 145.

³⁰DGFP, D. Vol. VI. Р. 1051–1052.

³¹*Kleist P.* Op. cit. Р. 27–28.

³²ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 566–569; DGFP, D. Vol. VI. Р. 1049–1050 // СССР – Германия. Кн. 1. С. 27–28.

³³Шуленбург встретился с Молотовым 4 августа, Шнурре с Астаховым 5, 10 и 12 августа; DGFP, D. Vol. VI. Р. 1059–1062, 1067–1068; Vol. VII. Р. 17–20; ГК. Т. 2. С. 182–188.

³⁴DGFP, D. Vol. VII. Р. 24–26.

³⁵ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 603–605; DGFP, D. Vol. VII. Р. 58–59 // СССР – Германия. Кн. 1. С. 29.

³⁶*Grigore Gafencu.* Prelude to the Russian Campaign. London, 1945. Р. 23–34; *Pierre Drieu La Rochelle.* Journal, 1939–1945. Paris, 1992. Р. 81.

³⁷ГК. Т. 2. С. 232–233; DGFP, D. Vol. VII. Р. 62–64 // СССР – Германия. Кн. 1. С. 30–32.

³⁸DGFP, D. Vol. VII. Р. 76–77, 87–90 // СССР – Германия. Кн. 1. С. 32–37; ГК. Т. 2. С. 229–231.

³⁹DGFP, D. Vol. VII. Р. 84–85 // СССР -- Германия. Кн. 1. С. 39–40.

⁴⁰ГК. Т. 2. С. 269–273; DGFP, D. Vol. VII. Р. 114–116 // СССР – Германия. Кн. 1. С. 40–42.

⁴¹DGFP, D. Vol. VII. Р. 99–100 // СССР -- Германия. Кн. 1. С. 37–38.

⁴²DGFP, D. Vol. VII. Р. 121–123 // СССР – Германия. Кн. 1. С. 43–45.

⁴³ГК. Т. 2. С. 274–278; DGFP, D. Vol. VII. Р. 134, 149–151 // СССР – Германия. Кн. 1. С. 45–48.

⁴⁴ГК. Т. 2. С. 302–303.

⁴⁵A. J. P. Taylor. The Origins of the Second World War. London, 1964. P. 316.

⁴⁶DGFP, D. Vol. VII. P. 167 // СССР – Германия. Кн. 1. С. 53–54.

⁴⁷Там же. P. 188–189.

⁴⁸DGFP, D. Vol. VII. P. 193–195 // СССР – Германия. Кн. 1. С. 55–57; Weizsacker Memoirs. P. 201; *Хамада Ц.* Цит. соч. С. 56–57.

⁴⁹DGFP, D. Vol. VII. P. 191; Deterrent Diplomacy. P. 191–192 (телеграмма Осима в МИД).

⁵⁰ДВП. Т. XXII. Кн. 1. С. 626–628; DGFP, D. Vol. VII. P. 222–223. Критика: *Katsuji Fuse*. Rapprochement between Germany and the Soviet Union // Contemporary Japan. Vol. VIII. № 7 (September 1939); *Masanori Ito*. Doubts about Japanese-Soviet Non-Aggression Pact // Contemporary Japan. Vol. VIII. № 9 (November 1939) и др. Видный пронацистский политик призвал к нормализации отношений с СССР: *Накано Сэйго*. Докусо фукасин дзёяку то Нихон. (Германо-советский пакт о ненападении и Япония) // Бунгэй сундзю. 1939, спец. выпуск (сентябрь).

⁵¹*Schmidt P.* Op. cit. P. 133–141.

⁵²*Хаусхофер К.* Цит. соч. С. 394.

⁵³Цит. по: *Irving D.* Hitler's War and War Path. P. 203.

⁵⁴DGFP, D. Vol. VII. P. 225–227 // СССР – Германия. Кн. 1. С. 65–69.

⁵⁵DGFP, D. Vol. VII. P. 250.

⁵⁶*Филиппов И. Ф.* Записки о «третьем рейхе». Изд. 2-е. М., 1970. С. 24.

⁵⁷*Устрялов Н. В.* Германский национал-социализм. М., 1999. С. 51.

⁵⁸Цит. по: *Hans W. Weigert*. Haushofer and the Pacific // Foreign Affairs. Vol. 20 (1942). № 4.

⁵⁹*Irving D.* Hitler's War and War Path. P. 860; *Schmidt P.* Op. cit. P. 134.

⁶⁰*Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. М., 2000. С. 93.

⁶¹Цит. по: *F. W. Deakin*. The Brutal Friendship: Mussolini, Hitler and the Fall of Italian Fascism. Rev. ed. Harmondsworth, 1966. P. 23.

⁶²*Hilger G., Meyer A. G.* Op. cit. P. 310.

К главе седьмой

¹*Bretton H. L.* Op. cit. Ch. XI, XII. Piotr Wandycz. France and her Eastern Allies, 1919–1925. French-Czechoslovak-Polish Relations from Paris Peace Conference to Locarno. Minneapolis, 1962.

²*Дембски С.* Цит. соч.

³DGFP, D. Vol. V. P. 44–45; Diplomat in Berlin, 1933–1939. Papers and Memoirs of Joseph Lipski, Ambassador of Poland. N.Y., 1968. P. 357–360 // Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI. М., 1969. С. 346–349.

- ⁴Diplomat in Berlin. P. 396–398, 427, 431–432, 436–437; DGFP, D. Vol. V. P. 79–80.
- ⁵Известия. 1990, 14 сентября.
- ⁶Цит. по: *Гришин Я. Я.* Путь к катастрофе. Польско-чехословацкие отношения 1932–1938 гг. Казань, 1999. С. 118; *Colonel Joseph Beck.* Dernier rapport. Politique polonaise, 1926–1939. Genève, 1951. P. 9.
- ⁷ДиМ. Т. 1. С.173.
- ⁸*Taylor A. J. P.* Op. cit. P. 243.
- ⁹*Хаусхофер К.* Цит. соч. С. 389.
- ¹⁰*Beck J.* Op. cit. P. 52, 155.
- ¹¹ДВП. Т. XXI. С. 203.
- ¹²Documents on the Events Preceding the Outbreak of the War. Compiled and Published by the German Foreign Office. Berlin – N.Y., 1939–1940. P. 64–72 (далее: German White Book).
- ¹³*Лундберг Е.* Записки писателя. Т. II. 1920–1924. Л., 1930. С. 12.
- ¹⁴*Beck J.* Op. cit. P. 158–175 (цит. С. 159), 311–313, 342–344; *Georges Bonnet.* Défense de la paix. De Washington au Quai d'Orsay. Gene `ve, 1946. P. 256–260, 362–366.
- ¹⁵*Суполс В.* Тайны дипломатические. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М., 1997. С. 36.
- ¹⁶German White Book. P. 199–201 // DGFP, D. Vol. V. P. 104–107; Diplomat in Berlin. P. 454–458; ГК. Т. 1. С. 85–86; DBPE, 3. Vol. III. P. 198.
- ¹⁷German White Book. P. 201–203 // DGFP, D. Vol. V. P. 127–129; Diplomat in Berlin, 1933–1939. P. 465–469; *Beck J.* Op. cit. P. 181–182.
- ¹⁸Szembek Journal. P. 383–384.
- ¹⁹Szembek Journal. P. 385–387; Diplomat in Berlin. P. 476–477.
- ²⁰DGFP, D. Vol. V. P. 142–143; Diplomat in Berlin. P. 477–481. В тот же день Бек встретился с Мольтке: German White Book. P. 203–204 // DGFP, D. Vol. V. P. 144–145.
- ²¹DGFP, D. Vol. V. P. 146–147.
- ²²*Beck J.* Op. cit. P. 138–140; *Hoggan D.* Op. cit. P. 151–157.
- ²³German White Book. P. 205–209 // DGFP, D. Vol. V. P. 152–161 // ГК. Т. 1. С. 168–177; DGFP, D. Vol. V. P. 161–162; Szembek Journal. P. 404–408.
- ²⁴Szembek Journal. P. 387–388, 397–398, 407; письмо Лукасевича Беку от 17 декабря: The German White Paper. P. 22–28.
- ²⁵DGFP, D. Vol. V. P. 166–167.
- ²⁶German White Book. P. 209–210 // DGFP, D. Vol. V. P. 167–168 // ГК. Т. 1. С. 194–196; *Beck J.* Op. cit. P. 184–187; *Schmidt P.* Op. cit. P. 120–122; *Kleist P.* Op. cit. P. 9–12; Szembek Journal. P. 411–417; DBFP, 3. Vol. IV. P. 15–16, 31–33, 68–69, 80–81; DDF, 2. Vol. XIV. P. 36–39.
- ²⁷ГК. Т. 1. С. 206, 228; DDF, 2. Vol. XIII. P. 851–852; *Bonnet G.* Fin d'une Europe. P. 120–126; *Hoggan D.* Op. cit. P. 277–281.

²⁸DGFP, D. Vol. V. P. 172, 183.

²⁹ГК. Т. 1. С. 296, 310.

³⁰German White Book. P. 210–212 // DGFP, D. Vol. VI. P. 70–72.

³¹ГК. Т. 1. С. 314.

³²Diplomat in Berlin. P. 503–507; Szembek Journal. P. 433–439; ДиМ. Т. 2. С. 62–64; ГК. Т. 1. С. 327–328.

³³German White Book. P. 214–217 // DGFP, D. Vol. VI. P. 121–124; при первой публикации выводы и рекомендации ИР были опущены.

³⁴German White Book. P. 218 // DGFP, D. Vol. VI. P. 135–136.

³⁵German White Book. P. 220–221 // DGFP, D. Vol. VI. P. 147–148.

³⁶German White Paper. P. 55–59.

³⁷British Blue Book. P. 36 // ГК. Т. 1. С. 350–351; Cadogan Diaries. P. 164–167; *Charmley J.* Chamberlain and the Lost Peace. Ch. XVI.

³⁸DGFP, D. Vol. VI. P. 190–191; ГК. Т. 1. С. 353–354; *Coulondre R.* Op. cit. P. 263; Weizsacker Memoirs. P. 180.

³⁹German White Book. P. 308–309 // DGFP, D. Vol. VI. P. 228. Речь Гитлера: British Blue Book. P. 39–48 (в German White Book только фрагменты).

⁴⁰DGFP, D. Vol. VI. P. 185–186.

⁴¹DBFP, 3. Vol. V. P. 1–19, 30–36, 47–49; *Beck J.* Op. cit. P. 187–196; British Blue Book. P. 36–37 // ГК. Т. 1. С. 361.

⁴²С уточнением по оригиналу: *Beck J.* Op. cit. P. 283.

⁴³DGFP, D. Vol. VI. P. 243–245, 264–265 (нота ИР), 309–310. Позиция США в 1938–1939 гг. затемнена официальной историографией, поэтому особого внимания заслуживают работы ревизионистов: *Charles C. Tansill.* Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy, 1933–1941. Chicago, 1952. Ch. XV–XIX, XXII–XXV; Perpetual War for Perpetual Peace. A Critical Examination of the Foreign Policy of Franklin Delano Roosevelt and Its Aftermath. Newport Beach, 1993. Ch. 2–3; *Mark Weber.* President Roosevelt's Campaign to Incite War in Europe: the Secret Polish Documents // Journal of Historical Review. Vol. 4. № 2 (Summer 1983) и др.

⁴⁴*Gafencu G.* Last Days of Europe. Ch. I; *Beck J.* Op. cit. P. 320–321 (здесь утверждается, что беседа продолжалась всего полтора часа, с восьми до половины десятого утра).

⁴⁵DGFP, D. Vol. VI. P. 278–283, 290–293; *Gafencu G.*: 1) Last Days of Europe. Ch. II, IV, V; 2) Prelude to the Russian Campaign. P. 232–233; DBFP, 3. Vol. V. P. 295–315, 321–334, 342–344.

⁴⁶DGFP, D. Vol. VI. P. 325–330, 339–343.

⁴⁷Там же. P. 372–380, 388–393.

⁴⁸«Цветные книги» привели только фрагменты: German White Book. P. 226–229, 284–290, 314–317, 364; British Blue Book. P. 21–23, 48–51. Ноты: German White Book. P. 222–226, 313–314 // British Blue Book. P. 24–27, 51–52.

См. также: DBFP, 3. Vol. V. P. 387–390; *Diplomat in Berlin*. P. 530–536; *Breach of Security*. P. 87–88.

⁴⁹*Bonnet G.*: 1) *Fin d'une Europe*. Ch. 11; 2) *Dans la tourmente*. P. 126–127.

⁵⁰*British Blue Book*. P. 27–35.

⁵¹ГК. Т. 1. С. 420–421; Т. 2. С. 42.

⁵²*Hesse F.* Op. cit. P. 67–76; ГК. Т. 2. С. 131–34 (другой вариант предложений Вильсона).

⁵³*Tennant E. W. D.* Op. cit. Ch. 24. Речь Галифакса 29 июня в Королевском институте международных отношений: *British Blue Book*. P. 58–66.

⁵⁴ГК. Т. 2. С. 186.

⁵⁵*I Documenti Diplomatici Italiani*. Ottava serie. Vol. XII. P. 49–51 // К вопросу об итальянской политике «нон беллиджеранца». (Меморандум Муссолини от 30 мая 1939 года) // Военно-исторический журнал. 1968. № 12; *Weizsacker Memoirs*. P. 197–199; *Schmidt P.* Op. cit. P. 131–133.

⁵⁶DGFP, D. Vol. VII. P. 39–49, 53–56; *I Documenti Diplomatici Italiani*. Ottava serie. Vol. XIII. Roma, 1952. P. 1–7, 19–20; ГК. Т. 2. С. 188–189; *Ciano's Diary*. P. 257–259.

⁵⁷*Ciano's Diary*. P. 590; *Hesse F.* Op. cit. P. 74–75.

⁵⁸*Hamilton Fish*. *Memoirs of an American Patriot*. Washington, 1991. Ch. 14.

⁵⁹ГК. Т. 2. С. 312.

⁶⁰*British Blue Book*. P. 107–108.

⁶¹*British Blue Book*. P. 37–39 (без протокола) // ГК. Т. 2. С. 323–326 (полностью).

⁶²Текст: *Beck J.* Op. cit. P. 351–352.

⁶³DGFP, D. Vol. VII. P. 381–384.

⁶⁴*Henderson N.* Op. cit. P. 111, 251; *The Final Report by the Right Hon. Sir Nevile Henderson G.C.M.G. on the Circumstances Leading to the Termination of His Mission to Berlin*. London, 1939. P. 6–7, 14, 23–24 (далее: *Final Report*); *Harry Elmer Barnes*. *Barnes Against Blackout. Essays Against Interventionism*. Costa Mesa, 1991. P. 125.

⁶⁵*German White Book*. P. 482–488 // DGFP, D. Vol. VII. P. 447–454 // ГК. Т. 2. С. 339–344; *British Blue Book*. P. 145–146 // DBFP, 3. Vol. VII. P. 429–430, 432–433; *Final Report*. P. 16–17; *Henderson N.* Op. cit. P. 269–273; *Schmidt P.* Op. cit. P. 150–154; IMT. P. 135–138 (Шмидт); *Hesse F.* Op. cit. P. 81.

⁶⁶DBFP, 3. Vol. VII. P. 127–128 // ГК. Т. 2. С. 313–314.

⁶⁷*Suarez G., Laborde G.* Op. cit. Ch. XVII–XIX (по записям Боннэ); *Anatole de Monzie*. *Ci-devant*. Paris, 1941. Позиция Италии: *Ciano's Diary*. P. 262–272; *Schmidt P.* Op. cit. P. 143–147; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 32–33; *Irving D.* *Hitler's War*. P. 205–209; *Moseley R.* Op. cit. Ch. 8; *Luidgi Villari*. *Italy's Foreign Policy under Mussolini*. N.Y., 1956. Ch. 23.

⁶⁸DGFP, D. Vol. VII. P. 463 // ГК. Т. 2. С. 354–355; *Schmidt P.* Op. cit. P. 154.

⁶⁹German White Book. P. 490–491.

⁷⁰German White Book. P. 504–507 // DGFP, D. Vol. VII. P. 492–495; British Blue Book. P. 169 // DBFP, 3. Vol. VII. P. 493–494; Final Report. P. 21; *Schmidt P.* Op. cit. P. 155.

⁷¹*Hesse F.* Op. cit. P. 83–88; DGFP, D. Vol. VII. P. 527–528; DBFP, 3. Vol. IX. P. 539.

⁷²С уточнением по оригиналу: *Feiling K.* Op. cit. P. 416. Речь Чемберлена: British Blue Book. P. 172–174.

⁷³British Blue Book. P. 175; *Schmidt P.* Op. cit. P. 156–158; IMT. P. 138–139 (Шмидт); Final Report. P. 24–25; *Henderson N.* Op. cit. P. 283–284.

⁷⁴German White Book. P. 509–512 // DGFP, D. Vol. VII. P. 531–532; Final Report. P. 25; *Henderson N.* Op. cit. P. 284–285.

⁷⁵German White Book. P. 512–513 // DGFP, D. Vol. VII. P. 533–534; *Coulondre R.* Op. cit. 2-ème Partie. Ch. IX; Final Report. P. 26–27; *Henderson N.* Op. cit. P. 285–292.

⁷⁶*Дирксен Г.* фон. Цит. соч. С. 339–340.

⁷⁷*Otto Dietrich.* The Hitler I Knew. London, 1957. P. 48. Сп.: Weizsacker Memoirs. P. 209–211.

⁷⁸Цит. по: The Memoirs of Field-Marshal Kesselring. London, 2007. P. 42.

⁷⁹*Gafencu G.* Last Days of Europe. P. 220.

⁸⁰*Francis Neilson.* The Tragedy of Europe. A Diary of the Second World War. Appleton, 1940. P. 472–473.

⁸¹*Beck J.* Op. cit. P. 219–246, 323–326; *Bonnet G.*: 1) Fin d'une Europe. P. 368–370, 376–378; 2) Dans la tourmente. P. 197–203; *Станевич М.* Сентябрьская катастрофа. М., 1953. Польская кампания вермахта: *Steven Zaloga.* Poland 1939: the Birth of Blitzkrieg. N.p., 2002 (Ospray Campaign, № 107); *Кейтель В.* Цит. соч. С. 228–238; *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М., 2001. С. 200–276.

⁸²СССР — Германия. Кн. 1. С. 90–91.

К главе восьмой

¹*Schmidt P.* Op. cit. P. 159–162; *Kordt E.* Op. cit. P. 385.

²DGFP, D. Vol. VIII. P. 30–31; *Irving D.* Goebbels. P. 316, 328, 350, 486–487; *Dietrich O.* Op. cit. P. 48–49, 116–117; *Seabury P.* Op. cit. P. 77, 183–184.

³ТК. Т. 2. С. 337, 358–361; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 14–15.

⁴DGFP, D. Vol. VII. P. 540–541 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 80–81; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 600 (в прим.).

⁵ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 25; DGFP, D. Vol. VIII. P. 4–5 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 81; Papen Memoirs. P. 443–453.

⁶Цит. по: *Фурсов Ф. И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6.

- ⁷DGFP, D. Vol. VIII. P. 33–35 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 84–86.
- ⁸DGFP, D. Vol. VIII. P. 44–45, 56 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 86–88.
- ⁹Цит. по: *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. С. 289–290.
- ¹⁰DGFP, D. Vol. VIII. P. 68–70, 76–77, 79–80 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 92–96.
- ¹¹СССР — Германия. Кн. 1. С. 96–99.
- ¹²DGFP, D. Vol. VIII. P. 95–97 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 102 (коммюнике).
- ¹³DGFP, D. Vol. VIII. P. 92, 103 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 100–102.
- ¹⁴СССР — Германия. Кн. 1. С. 104; подготовка коммюнике: DGFP, D. Vol. VIII. P. 109–110.
- ¹⁵DGFP, D. Vol. VIII. P. 36–38, 94–95, 131–133. Позиция Японии: DGFP, D. Vol. VIII. P. 298–303; Japan Surveys the European War. Tokyo, 1940.
- ¹⁶DGFP, D. Vol. VIII. P. 524–527, 728–732.
- ¹⁷*Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. С. 298–351.
- ¹⁸DGFP, D. Vol. VIII. P. 123–124 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 104–105.
- ¹⁹DGFP, D. Vol. VIII. P. 137–139.
- ²⁰Перевод: ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 606–617 (в прим.); далее цит. без сносок.
- ²¹Впервые: DGFP, D. Vol. VIII. P. 939–943 (прил.); далее цит. без сносок.
- ²²Всечером 25 сентября эти предложения были сообщены Сталиным и Молотовым Шуленбургу, который немедленно доложил их ИР: DGFP, D. Vol. VIII. P. 130 // СССР — Германия. Кн. 1. С. 105–106. Дальнейшие переговоры: DGFP, D. Vol. VIII. P. 199, 207, 212–215, 244 // СССР — Германия. Кн. 2. С. 9–12, 14.
- ²³Письмо Шуленбурга Вайцзеккеру от 11 июля 1940 г.: DGFP, D. Vol. X. P. 160–162 // СССР — Германия. Кн. 2. С. 65–66.
- ²⁴DGFP, D. Vol. VIII. P. 159–161.
- ²⁵*Hilger G., Meyer A.* Op. cit. P. 314.
- ²⁶Договор, сопутствующие документы и заявление ИР цит. по: СССР — Германия. Кн. 1. С. 107–114. Не включенное в этот сб. письмо о транзите: DGFP, D. Vol. VIII. P. 168–169.
- ²⁷DGFP, D. Vol. VIII. P. 175.
- ²⁸DGFP, D. Vol. VIII. P. 289, 291–292, 306; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 192–194.
- ²⁹СССР — Германия. Кн. 2. С. 35.
- ³⁰*Эренбург И.* Люди, годы, жизнь. Кн. 3–4. М., 1963. С. 737.
- ³¹DGFP, D. Vol. VIII. P. 184–194 // Ciano's Diplomatic Papers. P. 309–316; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 144.
- ³²Фрагменты речи: DGFP, D. Vol. VIII. P. 327–330; *Stieve F.* Op. cit. P. 13–16.
- ³³Cadogan Diaries. P. 221–224.
- ³⁴DGFP, D. Vol. VIII. P. 309, 320 // СССР — Германия. Кн. 2. С. 18–20; ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 200–201.
- ³⁵СССР — Германия. Кн. 2. С. 13–14.

- ³⁶Sven Hedin's German Diary. 1935–1942. Dublin, 1951. P. 48–56 (далее: Hedin Diary).
- ³⁷ДВП. Т. XXII. Кн. 2. С. 386–387; DGFP, D. Vol. VIII. P. 506–507, 512–513.
- ³⁸Hedin Diary. P. 61–70 (ИР), 75–78; Weizsacker Memoirs. P. 226–227.
- ³⁹DGFP, D. Vol. VIII. P. 597–598; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 132, 134–135.
- ⁴⁰Foreign Relations of the United States. 1940. Vol. 1. P. 117; *Tansill C. C.* Op. cit. P. 574–580.
- ⁴¹DGFP, D. Vol. VIII. P. 821–829 (ИР), 829–831; *Sumner Welles*. The Time for Decision. N.Y., 1944. P. 75; Weizsacker Memoirs. P. 222–224; *Schmidt P.* Op. cit. P. 168–170; Hassel Diaries. P. 106–107.
- ⁴²DGFP, D. Vol. VIII. P. 606, 608, 636–638.
- ⁴³DGFP, D. Vol. VIII. P. 882–896, 898–909; Ciano's Diplomatic Papers. P. 339–359; Ciano's Diary. P. 328–330; *Schmidt P.* Op. cit. P. 170–171.
- ⁴⁴DGFP, D. Vol. VIII. P. 876.
- ⁴⁵ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 147–148.
- ⁴⁶DGFP, D. Vol. VIII. P. 896–898; *Conway J. S.* The Meeting Between Pope Pius XII and Ribbentrop // Historical Papers of the Canadian Historical Association, 1968.
- ⁴⁷ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 184–187; DGFP, D. Vol. IX. P. 21–22 (послание ИР). Ср. заявление Чиано Гельфанду: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 786–787 (в прим.)
- ⁴⁸ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 245, 786–787 (в прим.); Ciano's Diplomatic Papers. P. 361–365.
- ⁴⁹DGFP, D. Vol. IX. P. 465, 488, 511–512; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 297–298, 312–313.
- ⁵⁰DGFP, D. Vol. IX. P. 40–41, 53–54 // СССР – Германия. Кн. 2. С. 42–44.
- ⁵¹DGFP, D. Vol. IX. P. 72–73; перевод в прим. к мемуарам ИР (С. 163–164).
- ⁵²ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 668–669.
- ⁵³Britain's Designs on Norway. Documents Concerning the Anglo-French Policy of Extending the War. N.Y., 1940.
- ⁵⁴DGFP, D. Vol. IX. P. 93–94, 108, 134–136 // СССР – Германия. Кн. 2. С. 44–47; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 212–214.
- ⁵⁵*Oddvar K. Hoidal*. Quisling: A Study in Treason. Oslo, 1989. P. 337–355; DGFP, D. Vol. VIII. P. 546–547, 620–627, 692, 797–99; Weizsacker Memoirs. P. 227–229.
- ⁵⁶DGFP, D. Vol. IX; *Hoidal O. K.* Op. cit. 381–408; Weizsacker Memoirs. P. 229–231.
- ⁵⁷DGFP, D. Vol. IX. P. 301–307, 312–315. Трофейные документы опубликованы в виде «Белой книги» МИД № 5: Allied Intrigue in the Low Countries. N.Y., 1940.
- ⁵⁸DGFP, D. Vol. IX. P. 293–294, 316 // СССР – Германия. Кн. 2. С. 47–49; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 257–260.

⁵⁹DGFP, D. Vol. IX. P. 643–654, 662–679; *Кейтель В.* Цит. соч. С. 251–252; *Schmidt P.* Op. cit. P. 178–184; The Private Diaries (March 1940 to January 1941) of Paul Baudouin. London, 1948. P. 119–138, 301–308.

⁶⁰*Филиппов И. Ф.* Цит. соч. С. 73.

⁶¹DGFP, D. Vol. IX. P. 608–611; Ciano's Diplomatic Papers. P. 372–375; Ciano's Diary. P. 362–366.

⁶²DGFP, D. Vol. X. P. 147–155; Ciano's Diplomatic Papers. P. 375–379; Ciano's Diary. P. 369.

⁶³DGFP, D. Vol. IX. P. 599–600 // СССР – Германия. Кн. 2. С. 55–56; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 353–354.

⁶⁴СССР – Германия. Кн. 2. С. 55, 68–73.

⁶⁵DGFP, D. Vol. X. P. 3–4 // СССР – Германия. Кн. 2. С. 56–58; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 363–368.

⁶⁶DGFP, D. Vol. X. P. 12–13, 21, 26–27 // СССР – Германия. Кн. 2. С. 59–61, 63–64; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 374–376; *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. P. 288–295.

⁶⁷DGFP, D. Vol. X. P. 301–316 (Джигурту), 332–341 (Филов), 345–348 (Тисо); ДВП. Т. XIII. Кн. 1. С. 461–462, 466–468.

⁶⁸DGFP, D. Vol. X. P. 85–86, 117–118, 179–182, 217–220.

⁶⁹DGFP, D. Vol. X. P. 566–580, 581–587 (документы арбитража); Венгрия и Вторая мировая война. М., 1962. С. 189–219; Ciano's Diary. P. 378–380; *Schmidt P.* Op. cit. P. 188–189; *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. Ch. 2.

⁷⁰*Израэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М., 1967. С. 61.

⁷¹DGFP, D. Vol. X. P. 588–590; Vol. XI. P. 1; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 546–547.

⁷²DGFP, D. Vol. XI. P. 4–6; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 553–554.

⁷³DGFP, D. Vol. XI. P. 8–10.

⁷⁴ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 583–586, 615–621.

⁷⁵*Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. Ch. II.

⁷⁶Weizsacker Memoirs. P. 241.

К главе девятой

¹Documents on the History of European Integration: Continental Plans for European Union, 1939–1945. Ed. Walter Lipgens. Vol. I. Berlin, 1988.

²DGFP, D. Vol. IX. P. 234–236, 254–255; *Alfieri D.* Op. cit. P. 21–23; Weizsacker Memoirs. P. 221–222.

³*Hesse F.* Op. cit. P. 103–112; *Schmidt P.* Op. cit. P. 185–188; Кеннеди цит. по: Cadogan Diaries. P. 315.

⁴DGFP, D. Vol. X. 187–189, 199–200, 223, 276–277, 290–291, 317–318, 363–364, 366–367, 376–379, 396–401; *Michael Bloch:* 1) Operation Willi: the Nazi

Plot to Kidnap the Duke of Windsor, July 1940. N.Y., 1986; 2) Ribbentrop. P. 288–295.

⁵DGFP, D. Vol. X. P. 162–167; *Арута Хатиро*. Бака Хати то ва хито ю: гайкокан-но кайсо. (Меня называют Хати-дурак: воспоминания дипломата.) Токио, 1959. Гл. 3; *Kyozo Sato*. Japan and Britain at the Crossroads, 1939–1941. A Study in the Dilemmas of Japanese Diplomacy. Tokyo, 1986.

⁶Эти проблемы выходят за рамки биографии ИР, поэтому укажу лишь основные работы: *Ябэ Тэйдзи*. Коноэ Фумимаро. Т. 2. Токио, 1952. Гл. 9; *Oka Yoshitake*. Konoe Fumimaro. A Political Biography. Lanham, 1992. Ch. 4; *Миwa Кимутада*. Мацуока Ёсукэ: соно нингэн то гайко. (Мацуока Ёсукэ: человек и дипломат.) Токио, 1971; *David J. Lu*. Agony of Choice. Matsuoka Yosuke and the Rise and Fall of the Japanese Empire, 1880–1946. Lanham, 2002. Ch. 11; *Ито Такаси*. Коноэ синтайсэй: тайсэй ёкусанкай-э-но мити. («Новая структура» Коноэ: путь к Ассоциации помощи трону.) Токио, 1983; *Молодяков В. Э.*: 1) Консервативная революция в Японии: идеология и политика. М., 1999. Гл. 7; 2) Эпоха борьбы. Гл. 6.

⁷Тайхэйё сэнсо-э-но мити. Т. 5. С. 346–349, 350–357; DGFP, D. Vol. X. P. 320–321, 355–356; *Хамада Ц.* Цит. соч. С. 109–111.

⁸IMTFE. P. 24404–24405.

⁹Текст из материалов МВТДВ: DGFP, D. Vol. XI. P. 57–58. Краткий вариант: Коноэ Фумимаро-ко-но сюки. Усиनावарэси сэйдзи. (Записки принца Коноэ Фумимаро. Политика, потерпевшая крах). Токио, 1946. С. 18–19.

¹⁰DGFP, D. Vol. XI. P. 123–125. Много документов сохранилось в японских архивах, где автор имел возможность изучить их: 1) Архив МИД Японии. В-1-0-0. J/X 3. Нити-доку-и домэй дзёяку канкэй. (Пакт о союзе между Японией, Германией и Италией.) Ч. 1–3; 2) Нити-доку-и сангоку дзёяку какусю анбун сакусэй оёби кокунай тэцудзуки кэйка гайё. (Очерк постатейной разработки и одобрения Тройственного пакта Японии, Германии и Италии.) Токио, 1940 (издание МИД для служебного пользования; Архив МИД Японии); 3) *Миякэ М.* Нити-доку-и сангоку домэй-но кэнкю. С. 444–569 (комментарий Миякэ: Там же. С. 569–643). Ход переговоров: *Сайто Ёсиэ*. Адзамукарэта рэ-киси: Мацуока то сангоку домэй-но рикэн. (Запутанная история: Мацуока и закулисная сторона Тройственного пакта.) Токио, 1955; *Нихон гайкоси*. (История внешней политики Японии.) Т. 21. Нити-доку-и домэй оёби ниссо тюрицу дзёяку. (Пакт Японии, Германии и Италии и японско-советский пакт о нейтралитете.) Токио, 1971. Гл. 4–6; *Lu D. J.* Op. cit. Ch. 12.

¹¹DGFP, D. Vol. XI. P. 123–125, 132–133.

¹²Тайхэйё сэнсо-э-но мити. Бэкан. Сирёхэн. (Дополнительный том. Документы.) Токио, 1963. С. 337–342.

¹³DGFP, D. Vol. XI. P. 113–123; *Ciano's Diplomatic Papers*. P. 389–392; *Ciano's Diary*. P. 383–384.

¹⁴DGFP, D. Vol. XI. P. 134–136, 142–143, 150–152.

¹⁵Фукави Э. Цит. соч. С. 69–92.

¹⁶Ciano's Diary. P. 385; Schmidt P. Op. cit. P. 191–192.

¹⁷Цит. по: История войны на Тихом океане. Т. III. С. 363–364.

¹⁸Deterrent diplomacy. P. 181, 187–189.

¹⁹Миякэ М. Нити-доку-и сангоку домэй-но кэнкю. С. 556–569 (японский и немецкий тексты с английскими черновыми вариантами). В архиве МИД Японии варианты писем сохранились в многочисленных копиях.

²⁰Drieu la Rochelle P. Journal, 1939–1945. P. 88.

²¹ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 629–630.

²²DGFP, D. Vol. XI. P. 187–189 // СССР — Германия. Кн. 2. С. 79–80 (первоначальный вариант).

²³DGFP, D. Vol. XI. P. 224; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 635–636.

²⁴ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 632–633.

²⁵ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 627–629; DGFP, D. Vol. XI. P. 195–196 // СССР — Германия. Кн. 2. С. 80–82.

²⁶DGFP, D. Vol. X. P. 442–445, 562–565; Vol. XI. P. 38–40, 83–91 и 98–102 (ИР — Суньер), 93–98; Ramon Serrano Suner. Entre les Pyrenées et Gibraltar: notes et reflexions sur la politique espagnole depuis 1936. Genève, 1947. P. 147–163.

²⁷DGFP, D. Vol. XI. P. 106–108.

²⁸DGFP, D. Vol. XI. P. 134–136, 150–152; Ciano's Diplomatic Papers. P. 392–393.

²⁹DGFP, D. Vol. XI. P. 153–155.

³⁰DGFP, D. Vol. XI. P. 166–174 (ИР — Суньер), 201–204.

³¹DGFP, D. Vol. XI. P. 211–214.

³²Ciano's Diary. P. 386.

³³DGFP, D. Vol. XI. P. 283.

³⁴DGFP, D. Vol. X. P. 461–464; Bassett R. Op. cit. P. 197–200.

³⁵DGFP, D. Vol. XI. P. 245–259; Ciano's Diplomatic Papers. P. 395–398; Ciano's Diary. P. 387.

³⁶DGFP, D. Vol. XI. P. 371–376, 376–379 (ИР — Суньер), 466–467; Schmidt P. Op. cit. P. 193–197.

³⁷Serrano Suner R. Op. cit. P. 122, 176.

³⁸DGFP, D. Vol. XI. P. 598–610, 619–623 (ИР — Суньер); Serrano Suner R. Op. cit. Ch. 12; Ciano's Diplomatic Papers. P. 408–411; Ciano's Diary. P. 396–397.

³⁹DGFP, D. Vol. XI. P. 852–853; Hesse F. Op. cit. P. 122–123.

⁴⁰DGFP, D. Vol. XI. P. 354–361 (Лаваль), 385–392 (Петэн); Laval Parle. Ch. 7; Abetz O. Op. cit. P. 164–169; Brinon Memoires. P. 25–26, 33–36; Schmidt P. Op. cit. P. 197–199; Baudoin Diaries. P. 259–268; Louis-Dominique Girard. Montoire, Verdun diplomatique. Paris, 1948. P. 194–223; Jean-Baptiste Duroselle. L'abîme (1939–1944). Paris, 1986. P. 267–274.

⁴¹Laval Parle... Ch. 5; Abetz O. Op. cit. Ch. XI; DGFP, D. Vol. XI. P. 638–639; Joseph G. Op. cit. P. 277–282.

⁴²DGFP, D. Vol. XI. P. 348–352.

⁴³Louis Rougier. Mission secrète à Londres: les accords Pétain — Churchill. Genève, 1948; Saint-Paulien. Histoire de la collaboration. Mayenne, 1964. P. 138–139; Irving D. Churchill's War. Vol. I. P. 450–453.

⁴⁴Girard L.-D. Op. cit. P. 216–217.

⁴⁵DGFP, D. Vol. XI. P. 888; Vol. XII. P. 3; Foreign Relations of the United States. 1940. Vol. II. P. 622–623, 627–628, 632, 635–636. Подробнее: William Leahy. I Was There. N.Y., 1950; William Langer. Our Vichy Gamble. N.Y., 1947.

⁴⁶Цит. по: Girard L.-D. Op. cit. P. 213–214.

⁴⁷Saint-Paulien. Op. cit. P. 27–28.

⁴⁸DGFP, D. Vol. XI. P. 866–867, 888–898, 918–921, 924–925, 955–959, 961–965; Laval Parle. P. 73–80; Brinon Memoires. P. 49–60; Abetz O. Op. cit. P. 186–191; Baudouin Diaries. P. 284–296; Marcel Déat. Mémoires politiques. Paris, 1989. P. 580–596 (далее: Déat. Memoires); Girard L.-D. Op. cit. P. 292–314; Saint-Paulien. Ch. VIII.

⁴⁹DGFP, D. Vol. XI. P. 1134–1137.

⁵⁰DGFP, D. Vol. XI. P. 950–955; Schmidt P. Op. cit. P. 206–208.

⁵¹DGFP, D. Vol. XI. P. 401–402, 407.

⁵²DGFP, D. Vol. XI. P. 411–421; Ciano's Diplomatic Papers. P. 399–404.

К главе десятой

¹ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 680–682.

²Там же. С. 695.

³Там же. С. 699.

⁴DGFP, D. Vol. XI. P. 353–354 // СССР — Германия. Кн. 2. С. 92–93; ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 700.

⁵ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 30–32.

⁶Безыменский Л. Гитлер и Сталин перед схваткой. С. 351–352.

⁷Ciano's Diplomatic Papers. P. 406–407.

⁸Schmidt P. Op. cit. P. 210, 214.

⁹Советские записи бесед Молотова: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 36–41 (ИР), 41–47 (Гитлер), 54–55 (Шуленбург), 56–60 (Геришг), 63–71 (Гитлер), 72–78 (ИР). Германские записи: DGFP, D. Vol. XI. P. 533–570 (перевод: СССР — Германия. Кн. 2. С. 94–127), 594–595. Далее цит. по этим публикациям.

¹⁰ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 47–48.

¹¹Там же. С. 49–51.

¹²Там же. С. 60–62.

¹³Там же. С. 80–81.

- ¹⁴Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. М., 1993. С. 50–52.
- ¹⁵DGFP, D. Vol. XI. P. 508–510 (№ 309) // Военно-исторический журнал. 1992, № 9 (по записям Павлова); другой вариант: СССР — Германия. Кн. 2. С. 127–131.
- ¹⁶DGFP, D. Vol. XI. P. 581–582 // СССР — Германия. Кн. 2. С. 131–132.
- ¹⁷ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 136–137. Записи беседы: Там же. С. 135–136; DGFP, D. Vol. XI. P. 714–715 // СССР — Германия. Кн. 2. С. 132–133.
- ¹⁸Бережков В. Как я стал переводчиком Сталина. С. 56.
- ¹⁹Перевод с сайта: www.a2m.ru.
- ²⁰*Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. P. 120.
- ²¹ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 357.
- ²²ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 172, 183–186, 213–218, 222–223; DGFP, D. Vol. XI. P. 854–856, 873–874, 922–924, 928–929.
- ²³DGFP, D. Vol. XI. P. 1070–1072; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 292–325; *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. P. 119.
- ²⁴DGFP, D. Vol. XI. P. 632–636 (Телеки), 654–670, 680–684 (Антонеску), 693–698 (Тука).
- ²⁵DGFP, D. Vol. XI. P. 728–735 (Цинцар-Маркович), 767–773 (Драганов), 1018–1027 (Филов); Vol. XII. P. 79–96 (Цветкович и Цинцар-Маркович), 230–233 (Павел).
- ²⁶ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 137–138, 158–161.
- ²⁷Городецкий Г. Роковой самообман. С. 237.
- ²⁸Городецкий Г. Миф «Ледокола». С. 185–186.

К главе одиннадцатой

- ¹DGFP, D. Vol. XI. P. 1127–1133, 1145–1151; Ciano's Diplomatic Papers. P. 417–420; Ciano's Diary. P. 414–415.
- ²ИР — Франко: DGFP, D. Vol. XI. P. 1157–1158, 1183–1184, 1217–1218; ответы: Там же. P. 1173–1175, 1188–1191, 1208–1210; Гитлер — Франко: Vol. XII. P. 37–42, 176–178; ИР — Шторер: Там же. P. 131–132; встреча в Бордигьере: Там же. P. 96–98, 113–114, Ciano's Diplomatic Papers. P. 421–430.
- ³DGFP, D. Vol. XII. P. 1–2, 53–54; *Abetz O.* Op. cit. Ch. XIV; Brinon Memoires. P. 65–69; *Joseph G.* Op. cit. P. 302–304; *Girard L.-D.* Op. cit. P. 330–337.
- ⁴DGFP, D. Vol. XII. P. 54–56, 213–216; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 443–444, 448.
- ⁵DGFP, D. Vol. XII. P. 201–203, 286–287.
- ⁶DGFP, D. Vol. XII. P. 354–357; гарантии ИР: Там же. P. 247, 255–256, 291–294.
- ⁷DGFP, D. Vol. XII. P. 368, 372–375, 383–385, 398–399, 421–422, 444–446; Городецкий Г. Роковой самообман. Гл. 7.
- ⁸DGFP, D. Vol. XII. P. 348–349.
- ⁹DGFP, D. Vol. XII. P. 139–151.

- ¹⁰DGFP, D. Vol. XII. P. 376–383, 386–394, 405–409, 413–420, 453–458, 469–474; *Schmidt P.* Op. cit. P. 220–232; *Lu D.J.* Op. cit. Ch.14.
- ¹¹DGFP, D. Vol. XI. P. 1019.
- ¹²DGFP, D. Vol. XII. P. 220.
- ¹³*Фей С.* Происхождение мировой войны. Т. II. М.; Л., 1934. С. 57 (Таврилович); *Полетика Н. П.* Возникновение мировой войны. М.; Л., 1935. С. 281, 285 (Симич).
- ¹⁴*Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. P. 147.
- ¹⁵ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 510–523, 531–532; DGFP, D. Vol. XII. P. 451–452.
- ¹⁶Сообщение М. Миякэ автору в 2006 г. со слов Осима; *Судзуки К.* Цит. соч. С. 228; *Weizsacker Memoirs.* P. 249–250.
- ¹⁷*Hesse F.* Op. cit. P. 132–133. Подробнее: DGFP, D. Vol. XII. P. 546–547, 642–643; Нихон гайкоси. Т. 21. Гл. 7; *Славинский Б. Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. М., 1995. Гл. 3; *Кудо Митихиро.* Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю. (Исследование японско-советского пакта о нейтралитете.) Токио, 1985. Гл. 7.
- ¹⁸DGFP, D. Vol. XII. P. 537 // СССР — Германия. Кн. 2. С. 157; *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. P. 157–158.
- ¹⁹*Городецкий Г.* Роковой самообман. С. 359.
- ²⁰DGFP, D. Vol. XI. P. 594–598, 606–610, 624–626, 630–632; *Ciano's Diplomatic Papers.* P. 436–439.
- ²¹DGFP, D. Vol. XII. P. 666–669; *Hilger G., Meyer A.* Op. cit. P. 327–328, 332–334; *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. P. 178–187.
- ²²Цит. по: *Irving D.* Hitler's War. P. 879; *Weizsacker Memoirs.* P. 253–254.
- ²³DGFP, D. Vol. XII. P. 734–735, 750–751, 789–790; *Молодяков В. Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. С. 405–412.
- ²⁴Сравнительный анализ: *Compton J. V.* Ch. 6, 7.
- ²⁵DGFP, D. Vol. XII. P. 704–710 (ИР), 854–861; *John Cudahy.* The Armies March: A Personal Report. N.Y., 1941. P. 166–189.
- ²⁶DGFP, D. Vol. XII. P. 755–763 и 781–782 (ИР), 763–774.
- ²⁷DGFP, D. Vol. XII. P. 892–900.
- ²⁸*Abetz O.* Op. cit. P. 205–210.
- ²⁹*Hesse F.* Op. cit. P. 124–126. Из литературы о полете Гесса отмечу: *Irving D.*: 1) *Hess. The Missing Years*; 2) *Hitler's War.* P. 383–392; 3) *Churchill's War.* Vol. I. P. 557–562; *Городецкий Г.*: 1) Миф «Ледокола». Гл. 9–10; 2) Роковой самообман. Гл. 12. См. также: *Молодяков В. Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. С. 397–405.
- ³⁰DGFP, D. Vol. XII. P. 797–806, 810–811; *Ciano's Diary.* P. 424.
- ³¹*Кару Хаусухофа.* Тайрику сэйдзи то кайё сэйдзи. (Континентальная политика и морская политика.) Токио, 1943. С. 4 (датировано 26 апреля 1941 г.).

- ³²DGFP, D. Vol. XII. P. 711–715, 723–725, 745–746, 749–755, 777–780 (послание ИР Мацуока), 806–810, 818–822, 847–848, 891–892, 931–932, 967–970, 1016–1017. Телеграммы Осима в МИД: IMTFE. P. 9918–9932.
- ³³DGFP, D. Vol. XII. P. 940–951; Ciano's Diplomatic Papers. P. 441–443; Ciano's Diary. P. 431–432.
- ³⁴*Carl Boyd*. Hitler's Japanese Confidant. General Oshima Hiroshi and MAGIC Intelligence, 1941–1945. Lawrence, 1993. Ch. 1 (цит. P. 21).
- ³⁵Ciano's Diplomatic Papers. P. 445–447; Ciano's Diary. P. 436. В DGFP записи отсутствуют.
- ³⁶DGFP, D. Vol. XII. P. 1042–1043, 1049.
- ³⁷*Вишлев О. В.* Накануне 22 июня 1941 года. М., 2001. С. 132, 49, 153–155 (цит.), 77. Ср.: ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 715–719, 732; *Филиппов И. Ф.* Цит. соч. С. 181–187; *Gafencu G.* Prelude to the Russian Campaign. P. 204–207.
- ³⁸*Гальдер Ф.* Военный дневник. Т. 2. М., 1969. С. 579; Геббельс цит. по: *Вишлев О. В.* Цит. соч. С. 152–153.
- ³⁹Цит. по: *Вишлев О. В.* Цит. соч. С. 160, 161.
- ⁴⁰DGFP, D. Vol. XI. P. 44–46, 220–221, 228–229, 320–322, 829–831, 976–977, 1012–1013, 1151–1155; Vol. XII. P. 168–169, 234–243; *Lukasz Hirsowicz*. The Third Reich and the Arab East. London, 1966. Ch. V–VI.
- ⁴¹DGFP, D. Vol. XII. P. 488–490, 497–499, 587–588, 592–594, 653, 655–656 и 688–689 (записки ИР), 716–717, 775–776, 833–835, 862–864, 890–891, 917, 925–926; Cadogan Diaries. P. 355, 373–385; *Hirsowicz L.* Op. cit. Ch. VII IX.
- ⁴²DGFP, D. Vol. XII. P. 959–960, 972–973; Vol. XIII. P. 361–363, 742–743, 746–748, 774–779 (записка ИР), 786–787, 876–881 (ИР – муфтий), 881–885, 940–941; ADAP, E. Bd. I. S. 42–48; *Hirsowicz L.* Op. cit. Ch. X–XI.
- ⁴³ADAP, E. Bd. I. S. 310–311, 496–498; Bd. II. S. 328–330, 376–378; *Hirsowicz L.* Op. cit. Ch. XII–XIV.
- ⁴⁴DGFP, D. Vol. XII. P. 63–64; ДВП. Т. XXIII. Кн. 2. С. 480–481.
- ⁴⁵DGFP, D. Vol. XII. P. 442–443, 499–502, 670–678 (ИР – Бос); Vol. XIII. P. 328–331, 774–779 (записка ИР), 896–900 (ИР – Бос); ADAP, E. Bd. II. S. 436–441; *Leonard A. Gordon*. Brothers Against the Raj: A Biography of Indian Nationalists Sarat and Subhas Chandra Bose. N.Y., 1990. Ch. 10.
- ⁴⁶*Schmidt P.* Op. cit. P. 234–235.
- ⁴⁷DGFP, D. Vol. XII. P. 1063–1065, 1074–1075 // СССР – Германия. Кн. 2. С. 167–170, 176–178.
- ⁴⁸*Бережков В. М.*: 1) Как я стал переводчиком Сталина. С. 50–51; 2) С дипломатической миссией в Берлин. С. 102–103.
- ⁴⁹DGFP, D. Vol. XII. P. 1066–1069 // СССР – Германия. Кн. 2. С. 170–173. Ср.: Ciano's Diary. P. 437–438.
- ⁵⁰*Irving D.* Hitler's War. P. 412 (без указания источника).
- ⁵¹*Шлёгелль К.* Берлин, Восточный вокзал. М., 2004. С. 61.

⁵²*Schmidt P.* Op. cit. P. 249.

⁵³DGFP, D. Vol. XIII. P. 92–93.

⁵⁴DGFP, D. Vol. XIII. P. 142–149; *Abetz O.* Op. cit. P. 212–215 (упоминаемых инструкций ИР в DGFP нет).

⁵⁵Brinon *Memoires*. P. 84–89; *Joseph G.* Op. cit. P. 340–342; *Abetz O.* Op. cit. Ch. XVII. История процесса: *Henri Michel*. Le procès de Riom. Paris, 1979.

⁵⁶DGFP, D. Vol. XIII. P. 673–674, 764–768, 791–795, 914–927, 930–934; Brinon *Memoires*. P. 93–97; *Girard L.-D.* Op. cit. P. 357–365; *Schmidt P.* Op. cit. P. 236.

⁵⁷Цит. по: *Bloch M.* Ribbentrop. P. 338 (Пгтеенграхт), 495 (сообщение Н. фон Белова Д. Ирвингу); IMT. P. 130 (Бланк). ИР почему-то отнес эту сцену к весне 1942 г.

⁵⁸Ciano's Diplomatic Papers. P. 447–452; *Schmidt P.* Op. cit. P. 241–243; *Alfieri D.* Op. cit. Ch. XV.

⁵⁹Weizsacker Memoirs. P. 257.

⁶⁰Weizsacker Memoirs. P. 265. Подготовка и подписание пакта: DGFP, D. Vol. XIII. P. 727–728, 769–770, 783–788, 804–805, 820–822. Встречи ИР и Гитлера: Там же. P. 823–825 (Тука), 826–834 и 900–906 (Чиано и Суньер), 835–839 и 856–858 (Бардоши), 840–843 и 858–861 (Попов), 849–856 (Виттинг), 861–864 и 887–891 (Скавениус), 865–867 и 886–887 (Лоркович), 870–876 и 891–894 (Антонеску); Ciano's Diplomatic Papers. P. 460–465; Ciano's Diary. P. 468–469.

⁶¹DGFP, D. Vol. XIII. P. 321–324, 370–373, 687–697; Ciano's Diplomatic Papers. P. 454–460; Ciano's Diary. P. 458–460.

⁶²DGFP, D. Vol. XIII. P. 653–662, 664–665, 733–736; Ciano's Diary. P. 448; *Alfieri D.* Op. cit. Ch. XI.

⁶³DGFP, D. Vol. XIII. P. 18–19, 36–37, 40–41 и 61–63 (послания ИР Мацуока), 73–77, 84–86, 375–379; ДВП. Т. XXIV. С. 45, 107–108, 137, 146, 201, 223, 327–328; *Кудо М.* Цит. соч. Гл. 8; *Lu D.J.* Op. cit. Ch. 15; *Славинский Б. И.* Цит. соч. Гл. 4.

⁶⁴DGFP, D. Vol. XIII. P. 108–113, 131–134, 169–174, 179–181, 185–188, 197–198, 351–353, 375–379, 410–411, 414–415, 446–449, 490–493, 503–506, 515–516, 537–538, 569–570, 608–611, 667–669, 717–718, 744–746, 760–762, 798–800, 805–808, 813–814. Подробнее: *Коноэ Ф.* Усиनावарэси сэйлзи; *Того С.* Воспоминания японского дипломата. М., 1996. Ч. 2; *Арита Х.* Бака Хати то ва хито ю. Гл. 4–5; *Joseph C. Grew*. Ten Years in Japan. N.Y., 1944. P. 388–489; Тайхэйё сэнсо-э-но мити. Т. 7; *Ябэ Т.* Цит. соч. Т. 2. Гл. 10–11; *Oka Y.* Op. cit. Ch. 5; *Tansill C. C.* Op. cit. Ch. XXVI и мн. др.

⁶⁵DGFP, D. Vol. XIII. P. 848–849, 868–870 (ИР — Осима), 906–908, 941–944, 953–967, 964–966. Нота Хэлла: История войны на Тихом океане. Т. III. P. 382–386.

⁶⁶DGFP, D. Vol. XIII. P. 982–983, 990–993, 998–999, 1004–1005; Journal of Historical Review. Vol. VIII. № 4 (Winter 1988) (речь Гитлера); *Hesse F.* Op. cit. P. 146–147.

⁶⁷ADAP, E. Bd. I. S. 17–21; IMTFE. P. 6671–6680; *Судзуки К.* Цит. соч. С. 235.

¹DGFP, D. Vol. XIII. P. 28–29, 205, 212–213, 370–373; *Kleist P.* Op. cit. P. 110–113.

²*Seabury P.* Op. cit. P. 102–106, 111–119.

³*Christopher R. Browning.* The Final Solution and the German Foreign Office. N.Y., 1978.

⁴*Christopher R. Browning.* Understaatssekretaer Martin Luther and the Ribbentrop Foreign Office // *Journal of Modern History*. Vol. 12 (1977); *Seabury P.* Op. cit. P. 106–110, 131–136. Ср.: *Hassel Diaries*. P. 261–263.

⁵*Seabury P.* Op. cit. P. 137–138.

⁶Телеграмма ИР Отту от 23 ноября 1942 г.: ADAP, E. Bd. IV. S. 364–365 // *Мадер Ю.* Репортаж о докторе Зорге. Берлин, 1988. С. 187–188. См. также: ADAP, E. Bd. II. S. 146–147, 162–166.

⁷ADAP, E. Bd. I. S. 148–155, 157–164; Bd. II. S. 122–126, 332–336; *Израэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Цит. соч. С. 255–261; *Boyd C.* Hitler's Japanese Confidant. Ch. IV; *Irving D.* Hitler's War. P. 484 (цит.).

⁸ADAP, E. Bd. II. S. 305–315; *Ciano's Diplomatic Papers*. P. 481–484; *Ciano's Diary*. P. 514–516; *Alfieri D.* Op. cit. Ch. XVII.

⁹ADAP, E. Bd. II. S. 342–343, 415–416 (ИР — Лавалю); *Laval Parle...* P. 94–98, 120–142; *René de Chambrun.* Pierre Laval. Traitor or Patriot? N.Y., 1984. P. 73–80, 96–99, 187–191; *Brinon Memoires*. P. 98–113, 122–125; *Déat Memoires*. P. 691–696, 800–816; *Abetz O.* Op. cit. Ch. XVIII; *Girard L.-D.* Op. cit. P. 373–383.

¹⁰ADAP, E. Bd. IV. S. 277–279; Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М., 1995. С. 278–303, 320–325, 348–351; *Robert Murphy.* Diplomat Among Warriors. N.Y., 1964. Ch. 4–10; *Abetz O.* Op. cit. Ch. XIX; *Saint-Paulien.* Op. cit. P. 351–363.

¹¹ADAP, E. Bd. IV. S. 285–288, 301–310; *Ciano's Diary*. P. 560–562; *Deakin F. W.* The Brutal Friendship. Book I. Ch. 4; *Schmidt P.* Op. cit. P. 258–259; *Laval Parle...* P. 135–137; *Chambrun R. de.* P. 88–91; *Abetz O.* Op. cit. Ch. XX.

¹²ADAP, E. Bd. IV. S. 294–297, 363–364, 394–399, 405–407 (ИР — Лавалю), 458–460; *Laval Parle...* P. 137–139; *Brinon Memoires*. P. 129–142; *Girard L.-D.* Op. cit. P. 437–459.

¹³Цит. по: *Boyd C.* Hitler's Japanese Confidant. P. 69.

¹⁴*Kleist P.* Op. cit. Ch. 22–23, 27–28; *Блазиус Р. А.* Сомнения в верности дяди Джо? Шансы на заключение советско-германского секретного мира до Касабланки, по оценке Форин офис // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. М., 1997.

¹⁵ADAP, E. Bd. IV. S. 538–555, 558–559, 562–570, 575–585; *Ciano's Diary*. P. 572–573; *Deakin F. W.* The Brutal Friendship. Book I. Ch. 6; *Laval Parle...* P. 143–150;

Schmidt P. Op. cit. P. 260–261; Déat Memoires. P. 708–713; *Chambrun R. de.* P. 91–93; Brinon Memoires. P. 146–147; *Peter Tompkins.* The Murder of Admiral Darlan: A Study in Conspiracy. N.Y., 1965.

¹⁶*Pierre Drieu La Rochelle:* 1) Chronique Politique, 1934–1942. Paris, 1943; 2) Le Français d'Europe. Paris, 1944; 3) Révolution nationale. Paris, 2004; 4) Journal, 1939–1945 (перевод: *Дриё Ля Рошель П.* Дневник. 1939–1945. СПб., 2000).

¹⁷ADAP, E. Bd. V. S. 437–441; *Hans Werner Neulen.* Europa und das Dritte Reich. München, 1987 (изложение: Элементы. № 6 [1995]).

¹⁸ADAP, E. Bd. V. S. 265–271; *Deakin F. W.* The Brutal Friendship. Book I. Ch. 9.

¹⁹ADAP, E. Bd. V. S. 227–236, 286–306, 314–323; *Deakin F. W.* The Brutal Friendship. Book II. Ch. 3.

²⁰ADAP, E. Bd. V. S. 543–555, 566–571; *Deakin F. W.* The Brutal Friendship. P. 289–296.

²¹ADAP, E. Bd. V. S. 583–589 и 594–605 (Антонеску), 621–644 (Хорти), 681–686 (Тисо), 704–710 и 713–714 (Павслич); *Deakin F. W.* The Brutal Friendship. P. 329–338; *Израэли В. Л., Кутаков Л. Н.* Цит. соч. С. 276–296.

²²ADAP, E. Bd. V. S. 733–740; Bd. VI. S. 8–26; Brinon Memoires. P. 162–164. Ср. письмо Гитлера Петэну от 28 апреля 1943 г.: ADAP, E. Bd. V. S. 719–720.

²³*Deakin F. W.* The Brutal Friendship. P. 296–297; *Boyd C.* Hitler's Japanese Confidant. P. 78–83, 144–146; *Hesse F.* Op. cit. P. 114–116.

²⁴*Kleist P.* Op. cit. Ch. 29–30; *Koch H. W.* The Spectre of a Separate Peace in the East: Russo-German Peace Feelers, 1942–1944 // Journal of Contemporary History. Vol. 10 (1975).

²⁵*Deakin F. W.:* 1) The Brutal Friendship. Book IV. Ch. 3–6; 2) The Last Days of Mussolini. Harmondsworth, 1966. Book I. Ch. 1–4; The Mussolini Memoirs, 1942–1943. London, 2000. Ch. VII–VIII; *Alfieri D.* Op. cit. Ch. XXIV, XXVI–XXVII; The Memoirs of Field-Marshal Kesselring. Ch. 17; Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. С. 411–417; *Скорцени О.* Секретные задания. Ростов-на-Дону, 1999.

²⁶Цит. по: *Кейтель В.* Цит. соч. С. 330–333; ADAP, E. Bd. VI. S. 372–384; *Schmidt P.* Op. cit. P. 263–264.

²⁷*Kleist P.* Op. cit. Ch. 31–32; Foreign Relations of the United States. 1943. Vol. III. P. 698–699; *H. W. Koch.* The Spectre of a Separate Peace in the East: Russo-German Peace Feelers, 1942–1944 // Journal of Contemporary History. Vol. 10 (1975).

²⁸ADAP, E. Bd. VII. S. 185–187, 190–193, 216–218, 222–223, 228–230, 238–241, 254–256; Brinon Memoires. P. 181–211; *Abetz O.* Op. cit. P. 293–296; *Joseph G.* Op. cit. Ch. 33; Déat Memoires. P. 766–772.

²⁹ADAP, E. Bd. VII. S. 329–330, 333–334; *Deakin F. W.* The Last Days of Mussolini. Book I. Ch. 6 (цит. С. 148); *Moseley R.* Op. cit. Ch. 16–21.

³⁰*Израэли В. Л., Кутаков Л. Н.* Цит. соч. С. 286–294, 329–352, 357–365; *Schmidt P.* Op. cit. P. 270–272.

- ³¹Papen Memoirs. P. 482–484, 524–528; *Adams H. M., Adams R. K.* Op. cit. Ch. XV.
- ³²*Маннергейм К. Г.* Мемуары. М., 1999. С. 449–488; *Израэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Цит. соч. С. 322–329; материалов визита в АДАР нет.
- ³³АДАР, Е. Bd. VIII. S. 341–347, 386–403, 539–548; Brinon Memoires. P. 239–245; Déat Memoires. P. 883–904, 920–926; *Abetz O.* Op. cit. Ch. XXIV; *Эрпуо Э.* Эпизоды. 1940–1944. М., 1961. С. 113–120; *Saint-Paulien.* Op. cit. P. 468–513; *G. Joseph.* Op. cit. Ch. 36–37; *Schmidt P.* Op. cit. P. 277–278.
- ³⁴АДАР, Е. Bd. V. S. 451–452; Bd. VI. S. 145–149, 157–158, 212–215; Bd. VIII. S. 510–512 // *Вишлев О. В.* Цит. соч. С. 207–224; Дегрель: АДАР, Е. Bd. VIII. S. 570–571, 593–600 (ИР — Дегрель).
- ³⁵АДАР, Е. Bd. VIII. S. 230–236, 244–257; *Hesse F.* Op. cit. P. 181–189; *Boyd C.* Hitler's Japanese Confidant. P. 129–132; *Schmidt P.* Op. cit. P. 272–277.
- ³⁶АДАР, Е. Bd. VIII. S. 428–430; *Boyd C.* Hitler's Japanese Confidant. P. 160; *Славинский Б. Н.* Цит. соч. С. 249–250.
- ³⁷*Irving D.* Hitler's War. P. 759.
- ³⁸*Kleist P.* Op. cit. Ch. 34–35; *Folke Bernadotte.* The Curtain Falls: Last Days of the Third Reich. N.Y., 1945. P. 13–19.
- ³⁹*Irving D.*: 1) Hitler's War. P. 790; 2) Goebbels. P. 501–502; ИМТ. P. 84 (Штеенграхт).
- ⁴⁰*Hesse F.* Op. cit. P. 196–216; Weizsacker Memoirs. P. 299–300.
- ⁴¹*Hilger G., Meyer A. G.* Op. cit. P. 340.
- ⁴²Д. Ирвинг цит. неопубл. записку ИР: *Irving D.* Hitler's War. P. 940.
- ⁴³*Irving D.*: 1) Hitler's War. P. 808–809; 2) Goebbels. P. 513; *Hesse F.* Op. cit. P. 217–218.
- ⁴⁴*Bloch M.* Ribbentrop. P. 425–426; *Albert Speer.* Inside the Third Reich. N.Y., 1970. P. 482.
- ⁴⁵*Irving D.* Hitler's War. P. 826, 941.
- ⁴⁶Nazi Conspiracy and Aggression. Vol. VII. Washington, 1947. P. 839–847; *Irving D.* Hitler's War. P. 823, 940–941.

К главе тринадцатой

- ¹Цит. по: *Bloch M.* Ribbentrop. P. 433.
- ²ДВП. Т. XXIV. С. 449–452 и др. Ср. показания ИР: ИМТ. P. 289.
- ³*Hesse F.* Op. cit. P. 190–192.
- ⁴*David Irving.* Nuremberg: the Last Battle. London, 1996. P. 77–78 (перевод: *Ирвинг Д.* Нюрнберг: последняя битва. М., 2005). Ср.: *Полторак А. И.* Нюрнбергский эпилог. М., 1965. Гл. 3.
- ⁵*George Sylvester Viereck.* Spreading Germs of Hate. N.Y., 1930; *Arthur Ponsonby.* Falsehood in Wartime. Costa Mesa, 1991.
- ⁶Сообщение Р. фон Риббентрона Д. Ирвингу: *Irving D.* Nuremberg. P. 196.

⁷*Douglas M. Kelley. 22 Cells in Nuremberg. London, 1947. P. 90–91.*

⁸Цит. по: *Irving D. Nuremberg. P. 196.*

⁹*Airey Neave. Nuremberg: Personal Record of the Trial of Major Nazi War Criminals. London, 1978. P. 81–85.*

¹⁰Протокол допроса ИР цит. по: *Bloch M. Ribbentrop. P. 438.*

¹¹*Bloch M. Ribbentrop. P. 441.*

¹²ИМТ. Р. 68–307; включая: Штеенграхт (Р. 78–110), Бланк (Р. 129–135), Шмидт (Р. 135–152), ИР (Р. 153–292).

¹³*Kershaw I. Op. cit. P. 330–331.*

¹⁴*Tennant E. W. D. Op. cit. P. 244.*

¹⁵*Nazi Conspiracy and Aggression. Vol. VII. P. 197–204.*

¹⁶*The Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal at Nuremberg. Vol. XVII. Nuremberg, 1948. P. 555–603.*

¹⁷Фрагменты речей и приговор по делу ИР в приложении к мемуарам (С. 275–307); полностью: Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 2. М., 1951.

¹⁸Подробнее: ИМТ. Р. 292–307.

¹⁹*The Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal at Nuremberg. Vol. XXII. Nuremberg, 1949. P. 373–375.*

²⁰*Neave A. Op. cit. P. 303–304.*

²¹*Hesse F. Op. cit. P. 193–195.*

²²*Schwarz P. Op. cit. P. 298.*

²³*G. M. Gilbert. Nuremberg Diary. London, 1948. P. 115.*

²⁴*Irving D. Nuremberg. P. 289–290.*

²⁵*Bloch M. Ribbentrop. P. 454.*

²⁶*Kelley D. M. Op. cit. P. 78–79.*

²⁷Сообщение Р. фон Риббентропа Д. Ирвингу: *Bloch M. Ribbentrop. P. 455.*

²⁸Частная информация.

Приложения

О характере формирования будущих германо-английских отношений. Печ. по тексту мемуаров ИР (С. 93–99).

Англия — единственный виновник войны. Переведено впервые.

Письмо И. В. Сталину. Печ. по: СССР — Германия. Кн. 2. С. 84–92.

¹Частично в Белой книге МИД № 6: *Les documents secrets de l'Etat-Major général français. Berlin: Deutscher Verlag, 1941.*

²ДВП. Т. XXIII. Кн. 1. С. 577–578, 591–592, 606–608; подробнее: *Gafencu G. Prelude to the Russian Campaign. Ch. III.*

Европейская Освободительная война. Переведено впервые.

Документы и материалы

На русском языке

1. Венгрия и Вторая мировая война. М.: Политиздат, 1962.
2. Год кризиса. 1938–1939. Документы и материалы. Т. 1–2. М.: Политиздат, 1990.
3. Документы внешней политики СССР. Т. XVII–XXIV. М.: Международные отношения, 1975–2000.
4. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937–1939. Т. 1–2. М.: Политиздат, 1981.
5. Документы и материалы по истории советско-польских отношений. Т. VI, VII. М.: Наука, 1969, 1973.
6. Итоги империалистической войны. Серия мирных договоров. Вып. I–V. М.: НКВД, 1925–1927.
7. К вопросу об итальянской политике «нон беллиджеранца». (Меморандум Муссолини от 30 мая 1939 года) // Военно-исторический журнал. 1968. № 12.
8. Литвинов М. М. Внешняя политика СССР. Речи и заявления. 1927–1937. М.: Госполитиздат, 1937.
9. Локарнская конференция 1925 г. Документы. М.: Госполитиздат, 1959.
10. Нюрнбергский процесс. Сборник материалов. Т. 2. М.: Юриздат, 1951.
11. Переписка Председателя Совета Министров СССР с Президентом США и премьер-министром Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 1–2. М.: Политиздат, 1976.
12. Секретная переписка Рузвельта и Черчилля в период войны. М.: Терра, 1995.
13. СССР — Германия. Кн. 1–2. Vilnius: Mokslas, 1989. Кн. 1. 1939. Документы и материалы о советско-германских отношениях с апреля по октябрь 1939 г. Кн. 2. 1939–1941. Документы и материалы о советско-германских отношениях с сентября 1939 г. по июнь 1941 г.
14. Фальсификаторы истории (Историческая справка). М.: Госполитиздат, 1948.

На европейских языках

15. Кокусай кэнсацукёку дзиммон тёсё. (Материалы Международной следственной комиссии.) Т. 10, 33. Токио: Нихон тосё сэнта, 1993 (основной текст на английском языке).
16. Akten zur Deutschen Auswärtigen Politik. Serie E. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 1969–1979.

17. *Allied Intrigue in the Low Countries*. N.Y.: German Library of Information, 1940.
18. *Britain's Designs on Norway. Documents Concerning the Anglo-French Policy of Extending the War*. N.Y.: German Library of Information, 1940.
19. *Breach of Security. The German Secret Intelligence File on Events Leading to the Second World War*. Ed. David Irving. London: William Kimber, 1968.
20. *Ciano's Diplomatic Papers*. Ed. Malcolm Muggeridge. London: Odhams Press, 1948.
21. *Documents on British Foreign Policy. Second Series. Third Series*. London: H.M. Stationery Office, 1948–1984.
22. *Documents Concerning German-Polish Relations and the Outbreak of Hostilities Between Great Britain and Germany on September 3, 1939*. London: H.M. Stationery Office, 1939.
23. *I Documenti Diplomatici Italiani. Ottava serie. Nona serie*. Roma: La Libreria dello Stato, 1952–1957.
24. *Documents Diplomatiques Français. 1932–1939. Series 1, 2*. Paris: Imprimerie Nationale, 1963–1981.
25. *Documents on the Events Preceding the Outbreak of the War*. Compiled and Published by the German Foreign Office. Berlin: German Foreign Office, 1939; N.Y.: German Library of Information, 1940.
26. *Documents on the History of European Integration: Continental Plans for European Union, 1939–1945*. Ed. Walter Lipgens. Vol. I. Berlin: Walter de Gruyter, 1988.
27. *Documents on German Foreign Policy. 1918–1945. From the Archives of the German Foreign Office. Series C: 1933–1937. The Third Reich: First Phase; Series D: 1937–1945*. London: H.M. Stationery Office, 1949–1983.
28. *Documents on International Affairs: 1935. 1936. 1937*. London: Oxford University Press — Humphrey Milford, 1936, 1937, 1939.
29. *Les documents secrets de l'Etat-Major général français*. Berlin: Deutscher Verlag, 1941.
30. *The Final Report by the Right Hon. Sir Nevile Henderson G.C.M.G. on the Circumstances Leading to the Termination of His Mission to Berlin*. London: H.M. Stationery Office, 1939.
31. *Foreign Relations of the United States. 1938–1945*. Washington: U.S. Government Printing Office. 1954–1967.
32. *The German White Paper. Full Text of the Polish Documents and the Report on American Ambassador Bullitt's War Attitude*. N.Y.: Howell, Soskin, 1940.
33. *International Military Tribunal for the Far East. The Tokyo War Crimes Trial. Transcript of the Proceedings*. Ed. R. John Pritchard and Sonia M. Zaide. Vol. 1–22 + Index and Guide. Vol. I–V. New York; London: Garland Publishing, 1981–1987.

34. Locarno: A Collection of Documents. Ed. F. J. Berber. With a Preface by Joachim von Ribbentrop. London: William Hodge, 1936.
35. Nazi Conspiracy and Aggression. Vol. VII. Washington: U.S. Government Printing Office, 1947.
36. The Trial of Major War Criminals. Proceedings of the International Military Tribunal Sitting at Nuremberg, Germany. Part 10. London: H.M. Stationery Office, 1947.
37. The Trial of Major War Criminals before the International Military Tribunal at Nuremberg. Vol. XVII, XXII. Nuremberg: The International Military Tribunal, 1948–1949.

На японском языке

38. Гэндайси сирё. (Материалы по новейшей истории.) Т. IX–X. Токио: Ми-судзу сёбо, 1964.
39. Дайнанадзюкай (Сёва 12 нэн) тэйкоку гикай-ни окэру нитидоку бокё кё-тэй мондай-ни кансуру сицуги оёби тобэн. (Материалы обсуждения проблемы Антикоминтерновского пакта Японии и Германии на 70-й сессии парламента (1937 год).) Токио: Гаймусё, 1937.
40. Нити-доку-и сангоку дзёяку какусю анбун сакусэй оёби кокунай тэцудзук-ки кэйка гайё. (Очерк постатейной разработки и одобрения Тройственного пакта Японии, Германии и Италии.) Токио: Гаймусё, 1940.
41. Тайхэйё сэнсо-э-но мити: кайсэй гайко си. (Дорога к войне на Тихом океане: история предвоенной внешней политики.) Бэккан. Сирёхэн. (Дополнительный том. Документы.) Токио: Асахи симбунся, 1963.

Комментарии современников

На русском языке

42. Борисов А. Японо-германское соглашение (Очаг войны на Востоке). М.: Госполитиздат, 1937.
43. Гитлер А. Моя борьба. М.: Т-ОКО, 1992.
44. Димитров Г. М. Наступление фашизма и задачи Коммунистического Интернационала в борьбе за единство рабочего класса против фашизма. М.: Партиздат, 1935.
45. Зорге Р. Статьи, корреспонденции, рецензии. М.: Изд-во МГУ, 1971.
46. Куусинен О. В. Фашизм, опасность войны и задачи коммунистических партий. М.: Партиздат, 1934.
47. Лемин И. М. Блок агрессоров. М.: Госполитиздат, 1937.
48. Сиратори Т. Новое пробуждение Японии. Геополитические комментарии. М.: АИРО-XXI, 2008.

49. Устрялов Н. В. Германский национал-социализм. М.: Вузовская книга, 1999.
50. Хаусхофер К. О геополитике. Работы разных лет. М.: Мысль, 2001.
51. Япония. Сборник статей и материалов. М.: Партиздат, 1934.

На европейских языках

52. Brinon, Fernand de. France — Allemagne, 1918–1934. Paris: Grasset, 1934.
53. Colonna, Bertram de. Czecho-Slovakia Within. London: Thornton Butterworth, 1938.
54. Dorpalen, Andreas. The World of General Haushofer: Geopolitics in Action. N.Y.: Farrar & Rinehart, 1942.
55. Drieu La Rochelle, Pierre. Chronique Politique, 1934–1942. Paris: Gallimard, 1943.
56. Drieu La Rochelle, Pierre. Le Français d'Europe. Paris: Balzac, 1944.
57. Drieu La Rochelle, Pierre. Révolution nationale. Paris: L'homme libre, 2004.
58. Haushofer, Karl. An English Translation and Analysis of Major General Karl Ernst Haushofer's «Geopolitics of the Pacific Ocean». Studies on the Relationship Between Geography and History. Lewiston: The Edwin Meller Press, 2002.
59. Glen, Douglas. Von Ribbentrop is Still Dangerous. London: Rich & Cowan, 1941.
60. Gunther, Gerhard von. Von Ribbentrop. London: Pallas, 1938.
61. Japan Surveys the European War. Tokyo: The Tokyo Press Club, 1940.
62. Joyce, William. Twilight over England. Berlin: Internationaler Verlag, 1940.
63. Londonderry, Marquess of. Ourselves and Germany. Harmondsworth: Penguin, 1938.
64. Londonderry, Marquess of. Wings of Destiny. London: Macmillan, 1943.
65. Ponsonby, Arthur. Falsehood in Wartime. Costa Mesa CA: Institute for Historical Review, 1991.
66. Romain, Jules. Le couple France — Allemagne. Paris: Flammarion, 1934.
67. Rothermere, Viscount. Warnings & Predictions. London: Eyre & Spottiswoode, 1939.
68. Rothermere, Viscount. My Campaign for Hungary. London: Eyre & Spottiswoode, 1939.
69. Royama, Masamichi. The History of the Japanese Foreign Policy, 1914–1939. Tokyo: Institute of Pacific Relations, Japanese Council, 1941.
70. Santoro, Cesare. Hitler Germany as Seen by a Foreigner. Berlin: Internationaler Verlag, 1938.
71. Schwarz, Paul. This Man Ribbentrop, His Life and Times. N.Y.: Julian Messner, 1943.
72. Stieve, Friedrich. What the World Rejected. Hitler's Peace Offers, 1933–1939. Washington: Washington Journal, (1939).
73. Suarez, George et Guy Laborde. Agonie de la paix, 1935–1939. Paris: Plon, 1942.

74. *Viereck, George Sylvester*. Spreading Germs of Hate. N.Y.: Horace Liveright, 1930.
75. *Weigert, Hans W.* Haushofer and the Pacific // Foreign Affairs. Vol. 20 (1942), № 4.

На японском языке

76. *Накано Сэйго*. Докусо фукасин дзёяку то Нихон. (Германо-советский пакт о ненападении и Япония) // Бунгэй сундзю. 1939, спец. выпуск (сентябрь).
77. *Сиратори Тосио*. Нити-доку-и судзика рон. (Ось Япония — Германия — Италия.) Токио: Арусу, 1940.
78. *Сиратори Тосио*. Татакаи-но дзидай. (Эпоха борьбы.) Токио: Дайити сёбо, 1941.

Воспоминания. Дневники

На русском языке

79. *Бережков В.* С дипломатической миссией в Берлин. 1940–1941. М.: АПН, 1966.
80. *Бережков В. М.* Как я стал переводчиком Сталина. М.: ДЭМ, 1993.
81. *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск, 1939–1942 гг. Т. 2. М.: Воениздат, 1969.
82. *Дирксен Г. фон*. Москва, Токио, Лондон. Двадцать лет германской внешней политики. М.: ОЛМА-Пресс, 2001.
83. Дневник посла Додда. 1933–1938. М.: Изд-во иностранной литературы, 1961.
84. *Кейтель В.* 12 ступенек на эшафот. Ростов-на-Дону: Феникс, 2000.
85. *Майский И. М.* Воспоминания советского посла. Кн. 2. Мир или война? М.: Наука, 1964.
86. *Маннергейм К. Г.* Мемуары. М.: Вагриус, 1999.
87. *Полторак А. И.* Нюрнбергский эпилог. М.: Воениздат, 1965.
88. *Риббентроп И. фон*. Между Лондоном и Москвой. Воспоминания и последние записи. М.: Мысль, 1996.
89. *Того С.* Воспоминания японского дипломата. М.: Новина, 1996.
90. *Филиппов И. Ф.* Записки о «третьем рейхе». Изд. 2-е. М.: Международные отношения, 1970.
91. *Чуев Ф.* Сто сорок бесед с Молотовым. М.: Терра, 1993.
92. *Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары гитлеровского разведчика. М.: Дом Бируни, 1991.
93. *Эмери Л.* Моя политическая жизнь. М.: Изд-во иностранной литературы, 1960.
94. *Эррио Э.* Из прошлого. Между двумя войнами. 1914–1936. М.: Изд-во иностранной литературы, 1958.
95. *Эррио Э.* Эпизоды. 1940–1944. М.: Изд-во ИМО, 1961.

96. *Abetz, Otto*. Histoire d'une politique franco-allemande, 1930–1940. Mémoires d'un ambassadeur. Paris: Delamain et Boutelleau, 1953.
97. *Alfieri, Dino*. Dictators Face to Face. N.Y.: New York University Press, 1955.
98. *Avon, The Earl of*. The Eden Memoirs. Facing the Dictators. London: Cassell, 1962.
99. *Beck, Colonel Joseph*. Dérnier rapport. Politique polonaise, 1926–1939. Genève: Editions de la Baconnière, 1951.
100. *Bernadotte, Folke*. The Curtain Falls: Last Days of the Third Reich. N.Y.: Knopf, 1945.
101. *Bonnet, Georges*. Défense de la paix. De Washington au Quai d'Orsay. Genève: Les éditions du cheval ailé, 1946.
102. *Bonnet, Georges*. Fin d'une Europe. De Munich à la guerre. Genève: Les éditions du cheval ailé, 1948.
103. *Bonnet, Georges*. Dans la tourmente (1938–1948). Paris: Fayard, 1970.
104. *Brinon, Fernand de*. A ses amis. (Paris, 1947).
105. *Brinon, Fernand de*. Mémoires. Paris: LLC, 1949.
106. *Churchill, Winston*. The Gathering Storm. Boston: Houghton Mifflin, 1948.
107. *Ciano's Diary, 1937–1943*. N.Y.: Enigma Books, 2002.
108. *Coulondre, Robert*. De Staline à Hitler; souvenirs de deux ambassades, 1936–1937. Paris: Hachette, 1950.
109. *Cudahy, John*. The Armies March: A Personal Report. N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1941.
110. *Déat, Marcel*. Mémoires politiques. Paris: Denoël, 1989.
111. The Diaries of Sir Alexander Cadogan, 1938–1945. (Ed.) David Dilks. London: Cassel, 1971.
112. *Dietrich, Otto*. The Hitler I Knew. London: Methuen, 1957.
113. Diplomat in Berlin, 1933–1939. Papers and Memoirs of Joseph Lipski, Ambassador of Poland. Ed. Wacław Jędrzejewicz. N.Y.: Columbia University Press, 1968.
114. *Drieu La Rochelle, Pierre*. Journal, 1939–1945. Paris: Gallimard, 1992.
115. *Fish, Hamilton*. Memoirs of an American Patriot. Washington DC: Regnery Gateway, 1991.
116. *Fleisher, Wilfrid*. Volcanic Isle. Garden City NY: Doubleday Doran, 1941.
117. *François-Poncet, André*. Souvenirs d'une ambassade à Berlin. Septembre 1931 – Octobre 1938. Paris: Flammarion, 1946.
118. *Gafencu, Grigore*. Prelude to the Russian Campaign. London: Frederick Muller, 1945.
119. *Gafencu, Grigore*. Last Days of Europe. A Diplomatic Journey in 1939. New Haven: Yale University Press, 1948.

120. *Geyr von Schweppenburg, General Baron*. The Critical Years. London: Allan Wingate, 1952.
121. *Gilbert G. M.* Nuremberg Diary. London: Eyre & Spottiswoode, 1948.
122. *Grew, Joseph C.* Ten Years in Japan. A Contemporary Record Drawn from the Diaries and Private and Official Papers of Joseph C. Grew, United States Ambassador to Japan, 1932–1942. N.Y.: Simon and Schuster, 1944.
123. *Halifax, Earle of*. Fullness of Days. N.Y.: Dodd, Mead, 1957.
124. *Henderson, Sir Neville*. Failure of a Mission: Berlin 1937–1939. London: Hodder & Stoughton, 1940.
125. *Hesse, Fritz*. Hitler and the English. London: Wingate, 1954.
126. *Hilger, Gustav, Meyer, Alfred G.* The Incompatible Allies. A Memoir-History of German-Soviet Relations, 1918–1941. N.Y.: Macmillan, 1953.
127. *Jones, Thomas*. A Diary with Letters, 1931–1950. London: Oxford University Press, 1954.
128. *Kelley, Douglas M.* 22 Cells in Nuremberg. London: W.H. Allen, 1947.
129. *Kleist, Peter*. European Tragedy. London: Times Press, 1965.
130. *Kordt, Erich*. Nicht aus den Akten... Stuttgart: Union Deutsche, 1950.
131. *Laval Parle...* Notes et Mémoires. Paris: A l'enseigne du Cheval Ailé, 1948.
132. *Leahy, William*. I Was There. N.Y.: Whittlesey House, 1950.
133. *Memoirs of Ernst von Weizsacker*. Chicago: Regnery, 1951.
134. *The Memoirs of Field-Marshal Kesselring*. London: Greenhill Books, 2007.
135. *Monzie, Anatole de*. Ci-devant. Paris: Flammarion, 1941.
136. *The Mussolini Memoirs, 1942–1943*. Ed. Raymond Klibansky. London: Phoenix Press, 2000.
137. *Murphy, Robert*. Diplomat Among Warriors. N.Y.: Doubleday, 1964.
138. *Neave, Airey*. Nuremberg: Personal Record of the Trial of Major Nazi War Criminals. London: Hodder & Stoughton, 1978.
139. *Neilson, Francis*. The Tragedy of Europe. A Diary of the Second World War. Appleton WS: C.C. Nelson, 1940.
140. *Papen, Franz von*. Memoirs. London: Andre Deutsch, 1952.
141. *Price, Ward*. I Know These Dictators. London: George Harrap, 1937.
142. *The Private Diaries (March 1940 to January 1941) of Paul Baudouin*. London: Eyre & Spottiswoode, 1948.
143. *Putlitz, Wolfgang zu*. The Putlitz Dossier. London: Wingate, 1957.
144. *Rhodes, James Robert*. Memoirs of a Conservative. J.C.C. Davidson's Memoirs and Papers, 1910–1937. London: Weidenfeld & Nicolson, 1969.
145. *Rougier, Louis*. Mission secrète à Londres: les accords Pétain — Churchill. Genève: Les éditions du cheval ailé, 1948.
146. *Schmidt, Paul*. Hitler's Interpreter. N.Y.: Macmillan, 1951.
147. *Serrano Suner, Ramon*. Entre les Pyrenées et Gibraltar: notes et reflexions sur la politique espagnole depuis 1936. Genève: Les éditions du cheval ailé, 1947.

148. *Simon, Viscount*. Retrospect. London: Hutchinson, 1952.
149. *Speer, Albert*. Inside the Third Reich. N.Y.: Macmillan, 1970.
150. *Spitzzy, Reinhard*. How We Squandered the Reich. Norwich: Michael Russell, 1997.
151. Sven Hedin's German Diary. 1935–1942. Dublin: Euphorion, 1951.
152. *Szembek, Comte Jean*. Journal, 1933–1939. Paris: Plon, 1952.
153. *Templewood, Viscount*. Nine Troubled Years. London: Cassel, 1954.
154. *Tennant, Ernest W. D.* True Account. London: Max Parrish, 1957.
155. The Von Hassell Diaries, 1938–1944. London: Hamish Hamilton, 1948.
156. *Vansittart, Lord*. The Mist Procession. London: Hutchinson, 1958.
157. *Welles, Sumner*. The Time for Decision. N.Y.: Harper, 1944.
158. *Windsor, The Duke of*. A King's Story. London: Cassel, 1951.

На японском языке

159. *Арисуэ Сэйдзи*. Кайкороку. (Воспоминания.) Токио: Фуюё сёбо, 1974.
160. *Арита Хатиро*. Бака Хати то ва хито ю: гайкокан-но кайсо. (Меня называют Хати-дурак: воспоминания дипломата.) Токио: Коваса, 1959.
161. Коноэ Фумимаро-ко-но сюки. Усинаварэси сэйдзи. (Записки принца Коноэ Фумимаро. Политика, потерпевшая крах.) Токио: Асахи симбунся, 1946.
162. Сёваси-но тэнно. (Император в истории эпохи Сёва.) Т. 21. Токио: Ёмиури симбунся, 1971.
163. *Хамада Цунэдзиро*. Тайсэн дзэнъя-но гайко хива. Токухаин-но сюки. (Тайная история дипломатии кануна мировой войны. Записки специального корреспондента.) Токио: Тиёда сёин, 1953.

Исследования

На русском языке

164. *Безыменский Л.* Разгаданные загадки Третьего рейха. 1933–1941. Книга не только о прошлом. Изд. 2-е, доп. Кн. 1–2. М.: Изд-во АПН, 1984.
165. *Безыменский Л.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М.: Вече, 2002.
166. *Блазиус Р. А.* Сомнения в верности дяди Джо? Шансы на заключение советско-германского сепаратного мира до Касабланки, по оценке Форин офис // Вторая мировая война. Дискуссии. Основные тенденции. Результаты исследований. Пер. с нем. М.: Весь мир, 1997.
167. *Вишнёв О. В.* Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М.: Наука, 2001.
168. *Гольдберг Д. И.* Японо-германские отношения в 1933–1936 гг. // Вестник Ленинградского университета. 1956. № 20, вып. 4.
169. *Гольдберг Д. И.* Внешняя политика Японии (сентябрь 1939 г. — декабрь 1941 г.). М.: Изд-во восточной литературы, 1959.

170. *Городецкий Г.* Миф «Ледокола». Накануне войны. М.: Прогресс-Академия, 1995.
171. *Городецкий Г.* Роковой самообман. Сталин и нападение Германии на Советский Союз. М.: Росспэн, 1999.
172. *Гришин Я. Я.* Путь к катастрофе. Польско-чехословацкие отношения 1932–1938 гг. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1999.
173. *Дембски С.* Польско-советские отношения в оценках Берлина в 30-е годы. Некоторые вопросы // Мир истории (интернет-журнал). 2002, № 5.
174. *Джордан В. М.* Великобритания, Франция и германская проблема в 1918–1939 гг. М.: Госполитиздат, 1945.
175. *Зигмунд А. М.* Женщины Третьего рейха. М.: АСТ, 2005.
176. *Израэлян В. Л., Кутаков Л. Н.* Дипломатия агрессоров. Германо-итало-японский фашистский блок. История его возникновения и краха. М.: Наука, 1967.
177. История войны на Тихом океане. Пер. с яп. Т. I–IV. М.: Изд-во иностранной литературы, 1957–1958.
178. *Кретишин С. В.* Судетские немцы: Народ без родины. 1918–1945 гг. Воронеж: Изд-во ВГУ, 2000.
179. *Мадер Ю.* Репортаж о докторе Зорге. Берлин: Военное изд-во ГДР, 1988.
180. *Максимычев И. Ф.* Дипломатия мира против дипломатии войны. Очерк советско-германских дипломатических отношений в 1933–1939 годах. М.: Международные отношения, 1981.
181. *Мельтюхов М. И.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу: 1939–1941. (Документы, факты, суждения). М.: Вече, 2000.
182. *Мельтюхов М. И.* Советско-польские войны. Военно-политическое противостояние 1918–1939 гг. М.: Вече, 2001.
183. *Молодяков В. Э.* Несостоявшаяся ось: Берлин — Москва — Токио. М.: Вече, 2004.
184. *Молодяков В. Э.* Россия и Япония: меч на весах. М.: АСТ-Астрель, 2005.
185. *Молодяков В. Э.* Эпоха борьбы. Сиратори Тосио (1887–1949) — дипломат, политик, мыслитель. М.: АИРО-XXI, 2006.
186. *Некрич А. М.* 1941, 22 июня. Изд. 2-е, доп. и перераб. М.: Памятники исторической мысли, 1995.
187. *Поп И. И.* Чехословацко-венгерские отношения (1935–1939). М.: Наука, 1972.
188. *Розанов Г. Л.* Сталин — Гитлер. Документальный очерк советско-германских дипломатических отношений, 1939–1941 гг. М.: Мысль, 1991.
189. *Сиполс В.* Тайны дипломатических. Канун Великой Отечественной. 1939–1941. М.: Новина, 1997.
190. *Славинский Б. Н.* Пакт о нейтралитете между СССР и Японией: дипломатическая история, 1941–1945 гг. М.: Новина, 1995.

191. *Станевич М.* Сентябрьская катастрофа. М.: Изд-во иностранной литературы, 1953.
192. *Турок В. М.* Локарно. М.: Изд-во АН СССР, 1949.
193. *Фирсов Ф. И.* Архивы Коминтерна и внешняя политика СССР в 1939–1941 гг. // Новая и новейшая история. 1992. № 6.
194. *Фляйшхауэр И.* Пакт. Гитлер, Сталин и инициатива германской дипломатии. 1938–1939. М.: Прогресс, 1991.

На европейских языках

195. *Adams, Henry M. and Robin K. Adams.* Rebel Patriot: A Biography of Franz von Papen. Santa Barbara CA: McNally & Loftin, 1987.
196. *Basset, Richard.* Hitler's Spy Chief. The Wilhelm Canaris Mystery. London: Cassel, 2005.
197. *Bloch, Michael.* Operation Willi: the Nazi Plot to Kidnap the Duke of Windsor, July 1940. N.Y.: Grove, 1986.
198. *Bloch, Michael.* Ribbentrop. N.Y.: Crown, 1992.
199. *Bretton, Henry L.* Streseman and the Revision of Versailles. A Fight for Reason. Stanford: Stanford University Press, 1953.
200. *Boyd, Carl.* The Extraordinary Envoy: General Hiroshi Oshima and Diplomacy in the Third Reich, 1934–1939. Washington: University Press of America, 1982.
201. *Boyd, Carl.* Hitler's Japanese Confidant. General Oshima Hiroshi and MAGIC Intelligence, 1941–1945. Lawrence: University Press of Kansas, 1993.
202. *Browning, Christopher R.* Understaatssekretar Martin Luther and the Ribbentrop Foreign Office // Journal of Modern History. Vol. 12 (1977).
203. *Browning, Christopher R.* The Final Solution and the German Foreign Office. N.Y.: Holmes & Meier, 1978.
204. *Butler, J. R. M.* Lord Lothian (Philipp Kerr). London: Macmillan, 1960.
205. *Chambrun, René de.* Pierre Laval. Traitor or Patriot? N.Y.: Charles Scribner's Sons, 1984.
206. *Charmley, John.* Chamberlain and the Lost Peace. Chicago: Ivan R. Dee, 1989.
207. *Charmley, John.* Churchill: The End of Glory. A Political Biography. London: Hodder & Stoughton, 1993.
208. *Compton, James V.* The Swastika and the Eagle. Hitler, the United States and the Origins of World War II. Boston: Houghton Mifflin, 1967.
209. *Conway, J. S.* The Meeting Between Pope Pius XII and Ribbentrop // Historical Papers of the Canadian Historical Association, 1968.
210. *Deakin, F. W.* The Brutal Friendship: Mussolini, Hitler and the Fall of Italian Fascism. Rev. ed. Harmondsworth: Penguin Books, 1966.
211. *Deakin, F. W.* The Last Days of Mussolini. Harmondsworth: Penguin Books, 1966.

212. *Duroselle, Jean-Baptiste*. La décadence (1932–1939). Paris: Imprimerie nationale, 1979.
213. *Duroselle, Jean-Baptiste*. L'abîme (1939–1944). Paris: Imprimerie nationale, 1986.
214. *Fisher, Louis*. Russia's Road from Peace to War. Soviet Foreign Relations, 1917–1941. N.Y.: Harper and Row, 1969.
215. *Fox, John P.* Germany and Far Eastern Crisis, 1931–1938. Oxford: Oxford University Press, 1985.
216. *Emmerson, James T.* The Rhineland Crisis, 7 March 1936. London: Maurice Temple Smith 1977.
217. *Gannon, Franklin Reid*. The British Press and Germany, 1936–1939. Oxford: Clarendon Press, 1971.
218. *Girard, Louis-Dominique*. Montoire, Verdun diplomatique. Paris: Éditions André Bonne, 1948.
219. *Gordon, Leonard A.* Brothers Against the Raj: A Biography of Indian Nationalists Sarat and Subhas Chandra Bose. N.Y.: Columbia University Press, 1990.
220. *Griffiths, Richard*. Fellow Travellers of the Right: British Enthusiasts for Nazi Germany, 1933–1939. London: Constable, 1980.
221. *Haraszti, Eva*. Treaty-Breakers or «Realpolitiker». The Anglo-German Naval Agreement of June 1935. Boppard am Rhein: Boldt, 1974.
222. *Heineman, John L.* Hitler's First Foreign Minister: Constantin Freiherr von Neurath, Diplomat and Statesman. Berkeley: University of California Press, 1979.
223. *Hirszowicz, Lukasz*. The Third Reich and the Arab East. London: Routledge, 1966.
224. *Hoggan, David L.* The Forced War: When Peaceful Revision Failed. Costa Mesa CA: Institute for Historical Review, 1989.
225. *Hoidal, Oddvar K.* Quisling: A Study in Treason. Oslo: Norwegian University Press, 1989.
226. *Irving, David*. Hess. The Missing Years, 1941–1945. London: Macmillan, 1987.
227. *Irving, David*. Goering: A Biography. London: Macmillan, 1989.
228. *Irving, David*. Churchill's War. Vol. I. The Struggle for Power. Australia: Veritas Publishing, 1987; Vol. II. Triumph in Adversity. London: Focal Point, 2001.
229. *Irving, David*. Nuremberg: the Last Battle. London: Focal Point, 1996.
230. *Irving, David*. Goebbels: The Mastermind of the Third Reich. London: Focal Point, 1996.
231. *Irving, David*. Hitler's War and War Path, 1933–1945. London: Focal Point, 2002.
232. *Jacobsen, Hans-Adolf*. Nationalsozialistische Aussenpolitik, 1933–1938. Frankfurt — Berlin: A. Metzner, 1968.

233. Japan's Road to the Pacific War. Ed. James W. Morley. (Vol. III.) Deterrent Diplomacy: Japan, Germany and the USSR, 1935–1940. N.Y.: Columbia University Press, 1976.
234. *Joseph, Gilbert*. Fernand de Brinon, l'aristocrate de la collaboration. Paris: Albin Michel, 2002.
235. *Kershaw, Ian*. Making Friends with Hitler: Lord Londonderry, the Nazis and the Road to War. Harmondsworth: Penguin, 2005.
236. *Koch, H. W.* The Spectre of a Separate Peace in the East: Russo-German Peace Feelers, 1942–1944 // Journal of Contemporary History. Vol. 10 (1975).
237. *Kupferman E.* Le Bureau Ribbentrop et les campagnes pour le rapprochement franco-allemand: 1934–1937 // Les Relations franco-allemandes, 1933–1939. Paris: CNRS, 1976.
238. *Langer, William*. Our Vichy Gamble. N.Y.: Knopf, 1947.
239. *Lensen, George A.* The Strange Neutrality: Soviet-Japanese Relations during the Second World War, 1941–1945. Tallahassee FL: The Diplomatic Press, 1972.
240. *Lu, David J.* Agony of Choice. Matsuoka Yosuke and the Rise and Fall of the Japanese Empire, 1880–1946. Lanham — N.Y. — London: Lexington Books, 2002.
241. *Martin, Bernd*. Japan and Germany in the Modern World. Oxford: Berghahn Books, 1995.
242. *Michalka, Wolfgang*. Ribbentrop und die deutsche Weltpolitik, 1933–1940. München: Wilhelm Fink, 1980.
243. *Michalka, Wolfgang*. From the Anti-Comintern Pact to the Euro-Asiatic Bloc: Ribbentrop's Alternative Concept to Hitler's Foreign Policy Program // Aspects of the Third Reich. Ed. H.W. Koch. London: Macmillan, 1985.
244. *Michel, Henri*. Le procès de Riom. Paris: Albin Michel, 1979.
245. *Miyake, Masaki*. The Japanese Diplomacy Before the Outbreak of the Second World War, 1938–1939 // The Bulletin of the Institute of Social Sciences (Meiji University, Tokyo). Vol. 13 (1990), № 1.
246. *Miyake, Masaki*. The Development of Russo-German Relations and Their Implications for Japan and East Asia // The Bulletin of the Institute of Social Sciences (Meiji University, Tokyo). Vol. 14 (1991), № 1.
247. *Miyake, Masaki*. Hitler's Seizure of Power and Japan's Response // Seikei Ronso. The Review of Economics & Political Science (Meiji University, Tokyo). Vol. 59, № 5/6 (March 1991).
248. *Neulen, Hans Werner*. Europa und das Dritte Reich. München: Universitas, 1987.
249. *Neville, Peter*. Appeasing Hitler. The Diplomacy of Sir Nevile Henderson, 1937–1939. London: Palgrave Macmillan, 1999.
250. *Moseley, Ray*. Mussolini's Shadow. The Double Life of Count Galeazzo Ciano. New Haven CT: Yale University Press, 1999.

251. *Noël, Léon*. Les illusions de Stresa. L'Italie abandonnée à Hitler. Paris: France-Empire, 1975.
252. *Oka Yoshitake*. Konoe Fumimaro. A Political Biography. Lanham — N.Y. — London: Madison Books, 1992.
253. Perpetual War for Perpetual Peace. A Critical Examination of the Foreign Policy of Franklin Delano Roosevelt and Its Aftermath. Ed. Harry E. Barnes. Newport Beach CA: Institute for Historical Review, 1993 (впервые: 1953).
254. *Pool, James and Suzan Pool*. Who Financed Hitler. The Secret Funding of Hitler's Rise to Power, 1919–1933. N.Y.: Dial Press, 1978.
255. *Presseisen, Ernst L.* Germany and Japan. A Study in Totalitarian Diplomacy, 1933–1941. The Hague: Martinus Nijhoff, 1958.
256. *Quigley, Carroll*. The Anglo-American Establishment. From Rhodes to Cliveden. N.Y.: Books in Focus, 1981.
257. *Rose, N. A.* The Gentile Zionists. A Study in Anglo-Zionist Diplomacy, 1929–1939. London: Frank Cass, 1973.
258. *Sato, Kyojo*. Japan and Britain at the Crossroads, 1939–1941. A Study in the Dilemmas of Japanese Diplomacy. Tokyo: Senshu University Press, 1986.
259. *Saint-Paulien*. Histoire de la collaboration. Mayenne: L'esprit nouveau, 1964.
260. *Seabury, Paul*. The Wilhelmstrasse: A Study of German Diplomats Under the Nazi Regime. Berkeley CA: University of California Press, 1954.
261. *Tansill, Charles C.* Back Door to War. The Roosevelt Foreign Policy, 1933–1941. Chicago: Henry Regnery, 1952.
262. *Taylor A. J. P.* The Origins of the Second World War. London: Penguin Books, 1964.
263. *Toland, John*. Adolf Hitler. Vol. I–II. Garden City NY: Doubleday Doran, 1976.
264. *Tompkins, Peter*. The Murder of Admiral Darlan: A Study in Conspiracy. N.Y.: Simon & Schuster, 1965.
265. *Toscano, Mario*. The Origins of the Pact of Steel. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1963.
266. *Toscano, Mario*. Designs in Diplomacy. Pages from European Diplomatic History in the Twentieth Century. Baltimore: The Johns Hopkins Press, 1970.
267. *Villari, Luidgi*. Italy's Foreign Policy under Mussolini. N.Y.: Devin-Adair, 1956.
268. *Waddington, Geoffrey*. «An Idyllic and Unruffled Atmosphere of Complete Anglo-German Misunderstanding»: Aspects of the Operations of the Dienststelle Ribbentrop in Great Britain, 1934–1938 // New Times. The Journal of the Historical Association. Vol. 82. № 265 (January 1997).
269. *Waddington, Geoffrey*. Ribbentrop and the Soviet Union, 1937–1941 // Barbarossa: the Axis and the Allies. Ed. John Erickson, David Dilks. Edinburgh: Edinburgh University Press, 1998.

270. *Walendy, Udo*. Truth for Germany — The Guilt Question of the Second World War. Vlotho/Weser: Verlag für Volkstum und Zeitgeschichtsforschung, 1981.
271. *Watt, D. C.* An Earlier Model for the Pact of Steel. The Draft Treaties Exchanged between Germany and Italy during Hitler's Visit to Rome in May, 1938 // International Affairs. Vol. XXXIII (1957).
272. *Weber, Mark*. President Roosevelt's Campaign to Incite War in Europe: the Secret Polish Documents // Journal of Historical Review. Vol. 4. № 2 (Summer 1983)
273. *Weckert, Ingrid*. Flashpoint: Kristallnacht 1938, Instigators, Victims and Beneficiaries. Costa Mesa CA: Institute for Historical Review, 1991.
274. *Weitz, John*. Hitler's Diplomat: the Life and Times of Joachim Von Ribbentrop. N.Y., Ticknor & Fields 1992.
275. *Zaloga, Steven*. Poland 1939: the Birth of Blitzkrieg. N.p.; Ospray Publishing, 2002 (Ospray Campaign, № 107).

На японском языке

276. *Ёсиу Хироси*. Нити-доку-и сангоку домэй то нити-бэй канкэй. (Тройственный пакт Японии, Германии и Италии и японско-американские отношения.) Токио: Ямакава сьюшанся, 1987.
277. *Кудо Митихиро*. Ниссо тюрицу дзёяку-но кэнкю. (Исследование японско-советского пакта о нейтралитете.) Токио: Нансоося, 1985.
278. *Мива Кимитада*. Мацуока Ёсукэ: соно нингэн то гайко. (Мацуока Ёсукэ: человек и дипломат). Токио: Тюо коронся, 1971.
279. *Миякэ Масаки*. Нити-доку-и сангоку домэй-но кэнкю. (Исследование Тройственного пакта Японии, Германии и Италии.) Токио: Нансоося, 1975.
280. *Миякэ Масаки*. Юрасиа гайкоси кэнкю. (Исследование истории свразийской дипломатии.) Токио: Кавадэ сёбо синся, 2000.
281. *Миякэ Масаки*. Сутарин, Хитора то Нити-со-доку-и рэнго косо. (Сталин, Гитлер и концепция союза Японии, СССР, Германии и Италии.) Токио: Асахи симбунся, 2007.
282. *Нихон гайкоси*. (История внешней политики Японии.) Т. 21. Нити-доку-и домэй оёби ниссо тюрицу дзёяку. (Пакт Японии, Германии и Италии и японско-советский пакт о нейтралитете.) Под ред. Хориноути Кэнсукэ. Токио: Кадзима кэнкюдзё сёппанкай, 1971.
283. *Номура Минору*. Тайхэйё сэнсо то Нихон гумбу. (Война на Тихом океане и военные круги Японии.) Токио: Ямакава сёппанся, 1983.
284. *Сайто Ёсиэ*. Адзамукарэта рэкиси: Мацуока то сангоку домэй-но рикэн. (Занутанная история: Мацуока и закулисная сторона Тройственного пакта.) Токио: Ёмиури симбунся, 1955.
285. *Судзуки Кэндзи*. Тюдоку тайси Осима Хироси. (Посол в Германии Осима Хироси.) Токио: Фую сёбо, 1979.

286. *Тадзима Нобуо*. Натидзуму кёкуто сэнряку. (Дальневосточная стратегия нацизма.) Токио: Коданся, 1997.
287. Тайхэйё сэнсо-э-но мити: кайсэй гайко си. (Дорога к войне на Тихом океане: история предвоенной внешней политики.) Т. 1–7. Токио: Асахи симбун-ся, 1962–1963.
288. *Хирота Коки*. (Биография Хирота Коки.) Токио: Хирота Коки дэнки канкокай, 1966.
289. *Ябэ Тэйдзи*. Коноэ Фумимаро. Т. 2. Токио: Кобундо, 1952.

Содержание

Пролог

Превратности судьбы	5
---------------------------	---

Глава первая

«Торговец шампанским» (1893–1933)	12
---	----

Глава вторая

Дипломат нового типа (1933–1935)	33
--	----

Глава третья

Антикоминтерновский пакт (1934–1937)	61
--	----

Глава четвертая

Провал миссии (1936–1937)	81
---------------------------------	----

Глава пятая

В тени фюрера (1938–1939)	109
---------------------------------	-----

Глава шестая

Московский Тильзит (1939)	141
---------------------------------	-----

Глава седьмая

Покер с большими ставками (1939)	175
--	-----

Глава восьмая

Для дружбы нет границ (1939–1940)	204
---	-----

Глава девятая

Построение фаланги (1940)	248
---------------------------------	-----

Глава десятая

Евразийский соблазн (1940)	280
----------------------------------	-----

Глава одиннадцатая

Дни затмения (1941)	303
---------------------------	-----

Глава двенадцатая

В зареве пожара (1942–1945)	337
-----------------------------------	-----

<i>Глава тринадцатая</i>	
Последний раунд (1945–1946)	370
<i>Эпилог</i>	389
<i>Приложения</i>	
О характере формирования будущих германо-английских отношений (2 января 1938 г.). Пер. Г. Я. Рудого	391
Англия — единственный виновник войны. Речь в Данциге 24 октября 1939 г. Пер. А. Л. Гарибова	398
Письмо И. В. Сталину (13 октября 1940 г.). Пер. Ю. М. Фельштинского	419
Европейская Освободительная война. Речь в Берлине 26 ноября 1941 г. Пер. А. Л. Гарибова	425
<i>Примечания</i>	445
<i>Источники и литература</i>	478

Самые увлекательные загадки минувшего, новый взгляд на известных исторических деятелей, сокровенные тайны «силных мира сего», оригинальная оценка крупнейших событий и явлений всеобщей истории. Авторы, известные историки и писатели, воссоздают образы и события прошлого.

ЗАГАДКИ ИСТОРИИ

Василий Молодяков

Василий Элиархович Молодяков (1968) – историк, политолог, литературовед. Доктор политических наук (МГУ), доктор философии (Токийский университет), кандидат исторических наук (МГУ). Работает в университете Такусёку (Токио). Автор шестнадцати монографий, составитель десяти книг. Опубликовал более двухсот статей в России, Японии, США и Германии. Член Международного совета Ассоциации исследователей российского общества. Член редколлегии поэтического альманаха «Встречи» (Филадельфия) и интернет-журнала «Япон.ru». Участвует в работе многих научных обществ России и Японии.

РИББЕНТРОП. Упрямый советник фюрера

Министр иностранных дел Третьего рейха Иоахим фон Риббентроп (1893–1946) оставил трагический след в мировой истории XX века. Его имя известно каждому, кто слышал о «пакте Молотова–Риббентропа» или Нюрнбергском процессе, но подлинной биографии этой яркой и неоднозначной личности нет до сих пор ни в одной стране мира. Этот пробел восполняет книга известного историка Василия Молодякова, за которой стоят многие годы напряженной работы. Энергичный и амбициозный юноша, отправившийся набираться жизненного опыта за океан, храбрый офицер, удачливый коммерсант, любящий муж и отец – и он же ближайший внешнеполитический советник нацистского фюрера, имевший собственное мнение и готовый отстаивать его; геополитик и сторонник евразийского «континентального блока», пытавшийся примирить Гитлера и Сталина в интересах обеих держав. Этот Риббентроп бесконечно далек от трафаретных и карикатурных образов, тиражируемых и поныне.